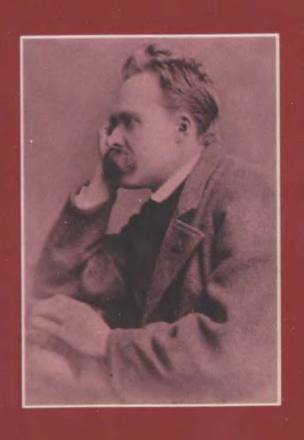
Фридрих Ницше

11

полное собрание сочинений

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений в тринадцати томах

Редакционный совет
П. П. Гайденко, А. А. Гусейнов,
С. В. Казачков, В. Н. Миронов,
Н. В. Мотрошилова, В. А. Подорога,
К. А. Свасьян, Ю. В. Синеокая,
И. А. Эбаноидзе

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений

Одиннадцатый том

Черновики и наброски весна 1884 – осень 1885 гг.

Перевод с немецкого В.Д. Седельника

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2012

ББК 87.3 Герм
Н70

Сверка, научное редактирование А.Г. Жаворонков (при участии И.А. Эбаноидзе — 28)
Оформление И. Бернштейн

Ницше, Фридрих.
Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.— М.: Культурная революция, 2005–
Т. 11: Черновики и наброски 1884–1885 гг./ Пер. с нем. В.Д. Седельника; науч. ред. А.Г. Жаворонков. – 2012. – 688 с.
ISBN 978-5-250-06104-9

Одиннадцатый том полного собрания сочинений Ф. Ницше содержит черновики и другие записи, относящиеся к периоду 1884–1885 гг. В первую очередь это фрагменты, связанные с работой Ницше над четвертой (заключительной) книгой «Так говорил Заратустра», и новым изданием «Человеческого, слишком человеческого», а также над «По ту сторону добра и зла» и сборником стихотворений, впоследствии так и не изданным. Другую группу составляют заметки, сделанные во время чтения художественных произведений (А. де Кюстина, О. де Бальзака, братьев Гонкур, Э. Ренана, Стендаля, П. Мериме, Гёте и мн. др.) и научных работ (Г. Тейхмюллера, Э. фон Гартмана, П. Дейссена, Г. Ольденберга). Отдельного упоминания заслуживают записи, посвященные Вагнеру, а также центральным для Ницше темам воли к власти и вечного возвращения.

Издано при поддержке Д. Фьюче и сайта www.nietzsche.ru.

© Культурная Революция. 2012
© В.Д. Седельник. Перевод, 2012
© А.Г. Жаворонков. Редакция перевода, 2012
© И. Бернштейн. Оформление, 2012

Содержание

Предварительное замечание

В 11 том научно-критического издания вошла вторая часть фрагментов Ницше, принадлежащих периоду с июля 1882 г. по осень 1885 г. Настоящий том соответствует томам VII/2 и VII/3 полного критического издания и содержит фрагменты с весны 1884 по осень 1885 г. О состоянии наследия Ницше этого периода сообщается в предварительном замечании к 10 тому.

Маццино Монтинари

Черновики и наброски
весна 1884 – осень 1885 гг.

25. Весна 1884

25 [1]

Вечное возвращение.

Пророчество.

Сочинение Фридриха Ницше

Первая часть:
«Настало время!»

25 [2]

(Ницца, март 1884)

Мои ближайшие задачи:

Мораль для моралистов.

Самоизбавление.

Вечное возращение.
Дионисийские танцы и праздничные песни.

25 [3]

«Рай – под тенью мечей». Вост<очное>.

25 [4]

«Орлы нападают открыто». Сага об Олафе Харальдсоне.

25 [5]

«Кто слишком близко следует за истиной, тот рискует однажды свернуть себе шею». Английская пословица.

25 [6]

Вечное возвращение
Пророчество.

Первая частъ.
«Настало время!»

Вторая частъ.
Великий полдень.

Третъя частъ.
Торжественно обещающие.

25 [7]

1.

Друзья мои, я учитель вечного возвращения.

Это значит: я учу, что все вещи вечно возвращаются и вы сами вместе с ними, – что вы уже были здесь бесчисленное множество раз и все вещи вместе с вами; я учу, что есть огромный, необычайно продолжительный год становления, который, когда он кончается и истекает, переворачивается, подобно песочным часам; поэтому все такие годы равны самим себе, в самом малом и самом большом.

И к умирающему обращусь я со словами: «Смотри, сейчас ты умираешь, и прекращаешься, и исчезаешь, и ничего не остается от того, что было “тобой”, ибо души так же смертны, как и тела. Но та же самая власть причин, которая создала тебя в этот раз, вернется и обязательно создаст тебя снова: ты сам, мельчайшая пылинка, есть одна из причин, от которых зависит возвращение *всех* вещей. И если однажды ты родишься снова, то не к новой, или к лучшей, или к похожей жизни, а к точно такой же, той же самой жизни, которая сейчас заканчивается, в самом малом и самом большом».

Этому никто еще не учил на земле, – на нынешней земле и в нынешнем великом году.

* * *

2

«Dans le véritable amour c'est l'âme, qui enveloppe le corps»[1].

25 [8]

Кто был в наше время молод, тот пережил слишком много, разумеется, если он принадлежит к тем немногим, кто достаточно глубок для «переживаний». Подавляющему большинству недостает этой глубины и подходящего желудка, следовательно, им неведомы и мучения такого подходящего желудка, которому приходится справляться с каждым переживанием: самые великие новости проваливаются сквозь них. Мы, люди другого склада, в молодости были вынуждены глотать слишком тяжелую, слишком разнообразную пищу, в которой чересчур много пряностей; и хотя мы превосходим людей более примитивных эпох умением наслаждаться редкостными, невиданными блюдами, – мы воспринимаем элементарное переваривание, переживание, глотание, усваивание почти что как *муку*.

25 [9]

Друзья мои, в молодости нам пришлось нелегко: мы страдали от самой молодости, словно от тяжелой болезни. Это работа времени, в которое мы брошены, – времени великого упадка и распада, принимающего все более скверный оборот и всеми своими слабостями, но также и своими лучшими, сильными сторонами противостоящего духу молодости. Распад и, следовательно, неопределенность присущи этому времени: ничто не стоит прочно на ногах, не опирается на твердую веру в себя; все живут ради завтрашнего дня, ибо в послезавтрашнем нет уверенности. Все скользко и опасно на нашем пути, а лед, что все еще держит нас, истончился: мы все чувствуем теплое и тре-

---

1 «В истинной любви душа обволакивает тело» (*фр.*).

вожное дыхание влажного ветра, – там, *где* мы идем, скоро никто *не сможет* пройти.

Я жил уединенно, тщательно и отважно закутавшись в плащ своего одиночества: так велел мне мой ум. Сейчас нужна изрядная хитрость, чтобы сохранить себя, удерживаться *наверху*. Любая попытка удержаться *в* настоящем, вынести настоящее, любое сближение с людьми и целями сегодняшнего дня до сих пор мне не удавались; я поражался тайной мудрости своей натуры, которая при всех этих попытках снова возвращала меня к самому себе с помощью болезни и боли.

Само собой разумеется, мне ведомо все, что называют страданиями гения: непонимание, пренебрежение, поверхностность любой степени, подозрительность, коварство; я знаю, что иные желают нам добра, когда пытаются поместить нас в «более удобную» ситуацию, свести с нормальными, *надежными* людьми. Я поражался неосознанному инстинкту разрушения, который посредственность направляла против нас, при этом искренне веря в свою правоту. В некоторых особенно удивительных случаях я привычно утешал себя тем, что это, говоря по-французски, la bêtise humaine[1] – вещь, которая меня всегда скорее забавляла, нежели раздражала. Это часть великого слабоумия, созерцание которого помогает нам, высшим людям, держаться за жизнь. И если мои глаза меня не обманывают, во *всех* человеческих поступках в сотни раз больше глупости, чем обычно полагают. В то же время созерцание глубокого, тонкого, уверенного в себе, но совершенно неосознанного *лицемерия* у всех этих добрых, толстых, бравых людей приводит в восхищение того, кто способен увидеть все это: в противоположность bêtise humaine, это неосознанное *лукавство* восхитительно.

25 [10]

Использовать страсти, как машины используют пар. Само-преодоление.

---

1 человеческая глупость (*фр.*)

25 [11]

В детстве я был пессимистом, как бы смешно это ни звучало: несколько музыкальных фраз, написанных мной в двенадцати-тринадцатилетнем возрасте, намного печальнее и решительнее, чем вся известная мне трагичная музыка. Ни у одного поэта или философа не встречал я до сих пор мыслей и слов, которые доносились бы из бездны последнего отрицания, в которой время от времени оказывался я сам; даже по отношению к Шопенгауэру я не избавился от мысли, что, хотя он и благожелательно относился к п<ессимизму>, его отвращение к нему было еще сильнее: он довольно редко выражал свое отвращение из-за глупого суеверия гения, усвоенного им у романтиков, и собственного тщеславия, которое вынуждало его оставаться со своей философией, выработанной им в двадцатишестилетнем возрасте и *этому возрасту соответствующей*, – ведь на самом деле мы все это знаем, не так ли, друзья мои?

25 [12]

О том, сколь велико чувство неуверенности, чаще всего свидетельствует восхищение маленькими, не вызывающими сомнений *фактами* (своего рода «fait-alisme»[1], который теперь царит во Франции) – род безумия, еще не известного на земле; не только наука, но и большая часть современного искусства исходят из *этой* потребности. Она часто маскируется, например под требование обезличенности художника; само произведение должно не выдавать его, а, словно верное зеркало, до мельчайших подробностей отражать, *фиксировать* факт, – но сама потребность в таких устойчивых фактах, подобных бабочкам, прикрепленным коллекционером, есть нечто очень личное. Страстное влечение противоположного свойства мы испытываем к сказкам и феериям; оно исходит от людей, которые сами чувствуют себя связанными обычаями и суждениями. Это сопровождается грубым поиском наощупь *ближайшего* **наслаждения**: «ближайшее» становится самым важным.

1 Букв. пер.: факт-ализм (*фр.*)

25 [13]

На нашу долю выпало счастье, еще не выпадавшее никому из людей: устремляться взглядом во все стороны и нигде не видеть конца. Отсюда возникающее только у нас чувство необычайной широты – но и необычайной *пустоты*; изобретательность всех высших людей в нынешнем столетии заключается в том, чтобы преодолеть это ужасное *чувство пустоты*. Противоположность этого чувства – *опьянение*: мы словно вбираем в себя весь мир и страдаем от счастья переизбытка. Поэтому наше столетие самое изобретательное в поисках средств опьянения. Всем нам известно опьянение музыкой, слепое и ослепляющее увлечение и преклонение перед отдельными людьми и событиями, нам известно опьянение трагического, ужас при виде гибели, тем более если гибнет самое благородное; мы знаем и более скромные виды опьянения, бессознательную работу, жертвование собой как инструментом науки, политической партии или коммерческой организации; какой-нибудь мелкий глупый фанатизм, какое-нибудь неизбежное вращение в самом небольшом кругу уже обладает опьяняющей силой. Существует также определенная, склонная к эксцентричности скромность, позволяющая со сладострастием воспринимать само чувство пустоты, наслаждаясь вечной пустотой всех вещей, мистикой веры в Ничто и самопожертвованием во имя этой веры. А как мы, познающие, смотрим на все мелкие радости познания! Как фиксируем и ведем учет наших *маленьких* удовольствий, словно благодаря *суммированию* многочисленных мелких удовольствий нам удастся создать противовес этой пустоте, заполнить ее, – как мы себя обманываем этим суммирующим лукавством!

25 [14]

Есть люди, которых можно убедить возвышенными жестами, в то время как аргументы внушают им недоверие.

25 [15]

Враждебные чувства никогда не занимали меня слишком долго. Правда, в определенный момент, в особенности под впечатлением затянутого тучами неба, я мог бы

легко убить кого-нибудь – несколько раз я даже удивлялся, почему я этого до сих пор не сделал. Но я снова начинаю смеяться еще до того, как враг сможет загладить свою вину передо мной. По этой же причине я убежден, что своим вызванным враждебностью чувствам я обязан больше, чем дружеским.

25 [16]

Европейский пессимизм стоит в самом начале своего пути: у него еще нет той чудовищно тоскливой неподвижности взгляда, в котором отражается Ничто, как это было когда-то в Индии, в нем еще много деланного, не «ставшего», слишком много от пессимизма ученых и поэтов; я полагаю, что добрая его часть придумана, изобретена, «создана», но не является причиной, – сделана, но не «сделалась».

Есть более мыслящие, более осмысленные эпохи, нежели наша, например время, когда появился Будда и когда сам народ, после столетних споров между сектами, в конце концов так заблудился в безднах философских учений, как сейчас европейские народы в тонкостях религиозной догмы. Меньше всего позволяет думать о величии «духа» нашей эпохи «литература» и пресса; к тому же миллионы спиритистов и христианство, чьи упражнения в своей ужасной уродливости напоминают все английские изобретения, доказывают лучшие точки зрения – свидетельствуя против самих себя.

25 [17]

Когда кончилось лучшее время Греции, пришли философы-моралисты: начиная с Сократа, все греческие философы в первую очередь и в самом глубоком смысле суть философы-моралисты. Это значит: они искали счастья – плохо, что им приходилось искать его! Начиная с Сократа философия есть та высшая форма мудрости, которая не ошибается в выборе личного счастья. Быть может, у них его было много? Когда я думаю, что бог Платона не знал желаний и боли и что мудрейший из мудрых в этом близок ему, это суждение личного характера: Платон воспринимал полное равнодушие как высшее благодеяние; должно быть, оно редко выпадало ему! Аристотель пред-

ставлял себе своего бога как существо только познающее, лишенное какого бы то ни было чувства любви – и сам он свои лучшие мгновения переживал, вероятно, тогда, когда холодным и ясным (и радостным) умом отдавался сладострастному головокружению высших универсальных категорий. Воспринимать мир как систему и видеть в этом вершину человеческого счастья – как выдает себя этим склонный к схематизации ум! А Эпикур, чем он наслаждался, как не прекращением боли? Это счастье страдающего и, вероятно, больного человека.

25 [18]

Преступникам хорошо спится в тюрьме, нет угрызений совести. Лживость. У женщин нервные припадки to «break out»[1] (они кричат, ругаются, проклинают, разбивают все, что попадется под руку).

25 [19]

Многие полудикие люди (бравые *здоровые* охотники, рыбаки, нажившие немало внебрачных детей) в цивилизованном обществе становятся преступниками, так как не находят работы и попадают в дурные компании. Их дети составляют основной контингент, связанный с преступным *типом* личности. Быстрая деградация.

25 [20]

Я часто ощущаю «сострадание» там, где нет никакого страдания, но где я вижу расточительность и отсталость по отношению к тому, *что могло бы быть*. Например применительно к Лютеру. Какая сила – и на какие проблемы растрачена!

25 [21]

Мне стоило бы написать целую главу о *множестве характеров*, заложенных в каждом из нас; следует стараться давать возможность некоторым из них проявить себя, т.е. с помощью разумного использования обстоятельств, окружения, обучения, принимаемых решений временно

---

1 «начинаются внезапно» (*англ.*)

поощрять взаимосвязанную группу свойств, чтобы она могла воспользоваться всеми наличными силами. Другие свойства при этом не подпитываются совсем или же подпитываются в незначительной степени и остаются на втором плане: *им* мы можем дать выход позже.

25 [22]

Целая глава – «критика родителей, учителей, отечества, родины»; сомнение как начало освобождения.

25 [23]

«О силе воли», о средствах укреплять и ослаблять ее.

25 [24]

«О растрачивании наших страстей» и о том, как легко мы привыкаем к *скудным* способам их удовлетворения.

Аскетизм как средство *концентрировать* и *накапливать* наши склонности.

Бальзак и Стендаль всем продуктивным людям рекомендуют целомудрие.

Относительно того, в чем прежде всего нужд<аются> продуктивные люди, дабы не страдать от червей духа: образно говоря, в том, чтобы класть яйца, кудахтать и грациозно высиживать их in inf<initum>[1].

25 [25]

О климате Генуи Мишле говорит, что он «admirable pour tremper les forts»[2]. «Gênes est bien la patrie des âpres génies nés pour dompter l'océan et dominer les tempêtes. Sur mer, sur terre que d'hommes aventureux et de sage audace!»[3]

25 [26]

Бальзак о В. Скотте. В 1838 году, после двенадцатилетнего знакомства: «Кенилворт» в отношении *общего за-*

---

1 до бесконечности (*лат.*)

2 «превосходен для закаливания сильных» (*фр.*)

3 Генуя – родина суровых гениев, рожденных для того, чтобы укрощать океан и побеждать бури. На море, на земле – сколько искателей приключений и людей мудрой храбрости! (*фр.*)

мысла – шедевр («самое значительное, самое полное, самое выдающееся произведение из всех»); «Сент-Ронанские воды» – шедевр и главное произведение comme détail et patience du fini. Les Chroniques de la Canongate comme sentiment. Ivanhoe (le premier volume s'entend) comme chef-d-oeuvre historique. L'Antiquaire comme poésie. La prison d'Edimbourg, comme intérêt. – «Auprès de lui, lord Byron n'est rien ou presque rien». – «Scott grandira encore, quand Byron sera oublié» – «Le cerveau de Byron n'a jamais eu d'autre empreinte que celle de sa personnalité, tandis que le monde entier a posé devant le génie createur de Scott et s'y est miré pour ainsi dire»[1].

25 [27]

«Je comprends, comment *la continence absolue* de Pascal et ses immenses travaux l'ont amené à voir sans cesse un abime a ses coté<s>»[2] – –

25 [28]

Notice biographique sur Louis Lambert[3]: «произведение, в которым я хотел помериться силой с Гёте и Байроном, с "*Фаустом*" и "*Манфредом*"». – «Il jettera peut-être, un jour ou l'autre, la science dans des voies nouvelles»[4].

---

1 в отношении деталей и терпеливого завершения. «Хроники Кэнонгейта» – благодаря изображению чувств. «Айвенго» (имеется в виду первый том) – шедевр в историческом жанре. «Антиквар» силен поэзией. «Эдинбургская темница» – захватывающим интересом. – «Рядом с ним лорд Байрон ничто или почти ничто». – «Интерес к Скотту будет расти и тогда, когда Байрона забудут». – «В голове Байрона не отпечаталось ничего, кроме его личности, в то время как перед творческим гением Скотта представал и, так сказать, отражался в нем весь мир» (*фр.*).

2 Я понимаю, почему *абсолютное целомудрие* и громадное трудолюбие Паскаля довели его до того, что он постоянно чувствовал себя на краю пропасти (*фр.*).

3 Биографическая заметка о Луи Ламбере (*фр.*)

4 «Быть может, когда-нибудь он подвигнет науку на новые пути» (*фр.*).

25 [29]

О Стендале: «un des esprits les plus remarcables de ce temps»[1]. «Он слишком мало заботился о *форме*», «он пишет, как птицы поют», «notre langue est une sorte de madame Honesta, qui ne trouve rien de bien que ce qui est irréprochable, ciselé, léché»[2]. «Пармская обитель» – удивительная книга, «le livre des esprits distingués»[3].

25 [30]

«Je n'ai pas de continuité dans le vouloir. Je fais des plans, je conçois des livres et, quand il faut exécuter, tout s'echappe»[4].

25 [31]

Об «Обители»: «я бы не смог ее написать. Je fais une fresque et vous avez fait des statues italiennes»[5]. «Все оригинально и ново». Прекрасно, как все итальянское, и если бы Макиавелли взялся в наши дни писать роман, у него вышла бы «Обитель». «Абсолютная ясность». «Vous avez expliqué l'âme de l'Italie»[6].

25 [32]

Прочитать роман Кюстина «Этель». Он относится скорее к литературе idée[7], чем к littérature imagée[8], – т.е. к 18 столетию, благодаря манере наблюдать à la Chamfort et à l'esprit de Rivarol par la petite phrase coupé[9].

---

1 «один из самых замечательных умов нашего времени» (*фр.*)

2 «наш язык – нечто вроде мадам Онесты, для которой хорошо лишь то, что безукоризненно, отточено, вылизано» (*фр.*)

3 «книга для утонченных умов» (*фр.*)

4 «Мне недостает воли доводить дело до конца. Я строю планы, задумываю книги, а когда дело доходит до исполнения задуманного, все ускользает из моих рук» (*фр.*).

5 Я пишу фреску, а вы создаете итальянские скульптуры (*фр.*).

6 «Вы объяснили, что такое душа Италии» (*фр.*).

7 идей (*фр.*)

8 литературе образов (*фр.*)

9 как у Шамфора, и коротким рубленым фразам в духе Ривароля (*фр.*)

Скриб владеет ремеслом, но не искусством. У него есть талант, но нет драматического гения, совершенно нет стиля!

25 [33]

Одиночество, пост и половое воздержание – типичная форма, из которой рождается религиозный невроз. Крайнее сладострастие сменяется крайним благочестием. Отчужденное наблюдение за *собой*: словно они стеклянные или разделились на две личности.

25 [34]

Бальзак: «глубокое презрение к массам». «Есть призвания, которым следует повиноваться: какая-то неумолимая сила влечет меня к славе и власти». 1832.

«mes deux seuls et immenses desirs, ê*tre celebre et* ê*tre aimê*»[1]

25 [35]

Если хочется *здоровья*, приходится отказаться от своего гения. Так же как и от религиозного человека. Стремление к нравственности **тоже** требует отказа от гения.

Болезнь
Преступление
Порок
Ложь } и их культурная миссия

25 [36]

Прежде чем думать о поступках, мы должны проделать огромную работу. Нашей лучшей и наиболее целесообразной деятельностью должно быть, в первую очередь, *разумное использование* ситуации, в которой мы находимся. Подлинное *создание* таких условий, какие создает случай, предполагает наличие людей *из железа*, каких еще не было на земле. Прежде всего нужно *добиваться осуществления* личного идеала!

---

1 «два моих единственных и самых больших желания: быть знаменитым и быть любимым» (*фр.*)

Кто **понял** природу человека, возникновение *его высших элементов, тот содрогается от ужаса перед человеком и избегает всякой деятельности*: результат унаследованных оценок!!

Мое утешение в том, что человек по природе своей *зол*: это гарантия *силы*!

25 [37]

Недоразумение относительно хищника: он *очень здоров* – как Чезаре Борджа! Свойства охотничьих собак.

25 [38]

Оскудение *духа* в этом столетии. Обывательская манера английских ученых. У Макиавелли – античная ясность. Французский esprit – своего рода *рококо* духа, но, тем не менее, véritable goût[1]!

Гёте скучен и подобен ондулятору.

Английские ученые преклоняются перед журнальным гением и его глубокой посредственностью.

25 [39]

Отношение посредственности к добродетели: Аристотель воспринимал *фатальное происшествие* как нечто приятное!

25 [40]

Платон: негреческое в нем – презрение к телу, красоте и т.д. Это предварительный этап средневековья – иезуитство воспитания и деспотизм. Для него характерен «индифферентный» бог: удовольствие и неудовольствие уже мучительны для него. Очевидно, он постился и жил воздержанно.

25 [41]

Очень хорошее описание состояния, пережитого мной в юности, я нашел у де Кюстина, в mémoires et voyages[2]. Ему было 18 лет (1811).

---

1 настоящий вкус (*фр.*)

2 мемуарах и путешествиях (*фр.*)

Je n'aspire qu'à des affections puissantes et sérieuses[1]; p. 25.

25 [42]

«Ce n'est pas par vanité, que le génie veut des encouragements, c'est par modestie, par defiance de lui-meme». De Custine[2].

25 [43]

«L'homme de génie pressent, l'homme de talent raconte: mais nul ne se sent et n'exprime dans le même moment. Le vrai malheureux ne peut que se taire: son silence est l'effet et la preuve même de son infortune». De Custine[3].

25 [44]

«Tant d'intérêts a menager, tant de mensonges a écouter avec cet air de dupe, première condition de la politesse sociale, fatiguent mon esprit sans l'occuper». De Custine[4].

25 [45]

Мадам де Ламбер говорила своему сыну: «mon ami, ne vous permettez jamais que les folies, qui vous feront grand plaisir»[5].

---

1 Я стремлюсь только к сильным и серьезным привязанностям (*фр.*)

2 «Гений жаждет одобрения не из тщеславия, а из скромности, из неверия в самого себя». Де Кюстин (*фр.*).

3 «Гениальный человек предчувствует, талантливый повествует: но никто не чувствует и не выражает одновременно. По-настоящему несчастный человек может лишь молчать: его молчание – следствие и доказательство его несчастья». Де Кюстин (*фр.*).

4 «Необходимость учитывать столько интересов, с наивным видом выслушивать столько лжи (первое условие вежливости в обществе) утомляет мой ум, не занимая его». Де Кюстин (*фр.*).

5 «мой друг, позволяйте себе лишь такие безумства, которые доставят вам большое удовольствие» (*фр.*)

«un crime, quand on y est poussé par une puissance qui vous parait irrésistible, trouble moins la conscience qu'une faiblesse volontaire et vaniteuse». De Custine[1].

25 [46]

Madame de Boufflers: «il n'y a pas de parfaits que les gens, qu'on ne connaît pas»[2].

25 [47]

Именно живостью его воображения можно объяснить, почему ему так трудно действовать. Он поднялся на такую высоту мысли, что интеллектуальную жизнь от жизни активной для него отделяет пропасть. Il (Werner) est l'Allemagne personifiée[3] (1811).

25 [48]

«Я родился в то время, когда шедевром был "Рене", – и мне пришлось избавляться от недобровольной тирании, исходившей от него»: Де Кюстин о влиянии Шатобриана. 1811 год.

25 [49]

«Беспокойство духа столь же ненасытно, как и порок». Де Кюстин.

25 [50]

У де Кюстина (I, с. 332–3) *хорошо* сказано об отрицательном для путешественника (и для космополитизма *ученого*) моменте. Лишенный одобрения и надзора, он ищет опору в презрении к человеку. Его поверхностные наблюдения показывают ему то, что лежит на поверхности: изъяны и смешные стороны. Состарившись, он утрачивает способность питать глубокие склонности.

---

1 «Преступление, если оно совершено под влиянием силы, кажущейся неодолимой, меньше поражает сознание, нежели добровольная и тщеславная слабость». Де Кюстин (*фр.*)

2 Мадам де Буфлер: «совершенны только те люди, которых не знаешь» (*фр.*).

3 Он (Вернер) – это олицетворенная Германия (*фр.*).

25 [51]

В античности уже была небольшая доза христианства, полезная для расцвета искусства. Но католицизм стал его варварским огрубением: из Платона сделали отца церкви!

25 [52]

«noblesse tragique, cette dignité, egalité de style, nos gestes peu naturels, notre chant ampoulé»[1] – в Англии кажутся вычурностью. Француз воспринимает английский театр как ignoble[2].

«У Шекспира чувство истинного преобладает над чувством прекрасного. Его стиль, иногда возвышенный, *подчинен* замыслу, он редко бывает свободен от ошибок своего столетия: les concetti, la recherche, la trivialite, l'abondance des paroles[3]».

25 [53]

Притягательная сила ужасных (уничтожающих) вещей: головокружительное чувство, будто бросаешься в пропасти будущего –

25 [54]

quelque philosophe morose finira peut-être par oser dire *de la liberté moderne*, qu'elle consiste dans la double faculté de mentir aux autres et de se mentir a soi-même[4] (1822).

25 [55]

О Вальтере Скотте: ему больше удается искусство «декоратора, нежели живописца». Он изображает все, что открывается взгляду: анализ чувств échappe à cette

---

1 «трагическое благородство, достоинство, гладкость стиля, наши не очень естественные жесты, наша выспренняя песнь» (*фр.*)

2 нечто отвратительное, отталкивающее (*фр.*)

3 концепций, искусственности, тривиальности, обилия слов (*фр.*)

4 какой-нибудь угрюмый философ, быть может, в конце концов осмелится сказать, что суть современной свободы состоит в двойной сложности – лгать другим и самому себе (*фр.*)

plume, qui n'est jamais qu'un pinceau[1]. – Его поэзия не является l'expression immédiate de ce qui se passe dans son âme[2], он не избавляется от манерности, потому что il ne prend pas lui-même assez de part à ce qu'il dit[3]. «*Видимость* правды». Он хочет найти утонченные черты там, где душа раскрывается в *одном* слове. – Он Россини de la litterature[4] – он *без достаточного вкуса* выбирает самые примечательные подробности. Его картинам недостает перспективы – *слишком много* объектов на переднем плане, parce qu'il ne sait pas prendre un parti pour la lumière[5]. Художник дает всем своим зрителям единственно верную point de vue[6] на процессию – а не на *действие*. Вместо гения истор<ический> инстинкт. Благодаря своему таланту создавать иллюзию он стал самым популярным автором des temps peu consciencieux où nous vivons[7]. Его заслугой является революция: он лучше кого-либо до него решил проблему *истор<ического>* романа. «pour avoir su ramener, si (ce) n'est le sentiment, *au moins* la **mode** *du vrai dans le siècle du faux*»[8].

25 [56]

«Разум поступает как все рабы: он презирает миролюбивых господ и служит тирану. В разгар борьбы с сильными страстями он бросает нас в беде; он защищает нас только от мелких чувств».

25 [57]

О современном рабстве: Де Кюстин II, с. 291.

---

1 не поддается его перу, которое всегда лишь кисть живописца (*фр.*)

2 непосредственным выражением того, что происходит в его душе (*фр.*)

3 сам не принимает достаточного участия в том, о чем рассказывает (*фр.*)

4 литературы (*фр.*)

5 потому что он не умеет встать на сторону света (*фр.*)

6 точку зрения (*фр.*)

7 нашего не очень добросовестного времени (*фр.*)

8 «за то, что умел выразить если уж не чувство, то *по крайней мере* **моду** *на истинное в век фальши*» (*фр.*)

25 [58]

О канонизации воскресенья: on a rendu le délassement si penible, qu'il fait aimer la fatigue[1] – – – «они возвращаются в свои дома со счастливой мыслью, что завтра снова начнется работа».

25 [59]

Великим английским актерам, подобным *Кину*, свойственны высшая простота жестов и редкий талант правдоподобно изображать сильнейшие аффекты в их высшей фазе.

Простота Кина проявлялась и в декламации, в противоположность школе *Кембла*, которая ввела un chant ampoulé très peu favorable aux grands effets tragiques[2].

Его талант – «поймать природу с поличным, в те моменты, когда за ней труднее всего наблюдать».

25 [60]

«Сердце французов в театре ожесточается, когда его хотят *слишком сильно растрогать*. Оно любит *дополнять* идеи автора: в Англии *боятся* что-либо *угадывать*».

25 [61]

«Поэзия как своего рода реакция идеала на le positif[3]: чем *сильнее* угнетена душа, тем больше сил требуется ей в ее élan vers l'idéal[4]. Революционный дух в значительной мере антипоэтичен, ибо поэзии хочется *мстить* действительности: для этого требуется солидная основа, *против* которой она борется. Консервативный дух, следовательно, более благоприятен для развития гения: там фантазия взмывает ввысь; поэзия и вера всего лишь предвосхищение *лучшего мира*». К<юстин>. К объяснению появления Байрона в расчетливой нации.

---

1 отдых сделали таким утомительным, что он заставляет полюбить усталость (*фр.*)

2 напыщенное пение, мало способствующее созданию больших трагических эффектов (*фр.*)

3 позитивное (*фр.*)

4 стремление к идеалу (*фр.*)

25 [62]

«Врожденный *педантизм* англичан доводит все до крайности: любовь к порядку становится minutie[1]; le goût pour l'élégance puérilité[2] («ребячество»), потребность в удобствах оборачиваются эгоизмом, гордость – предубеждением к соседям, деятельность – соперничеством и т.д.

25 [63]

Le comfort[3] внутри, la «fashion[4] снаружи – смертельные враги счастья и покоя англичан. *Потребность в моде* есть лишь потребность в том, чтобы тебе *завидовали* или тобой *восхищались*».

25 [64]

Проклятие, обрекающее человека на труд, написано у него на лбу. «Les Anglais sont des galériens opulens»[5].

25 [65]

Никакого вкуса: результат большого ума, сочетающегося с мелочным esprit[6] и упрямо противостоящего обновлению. L'esprit de détail, l'attention aux petites choses produit le soin, mais[7] «не создают ни великого, ни прекрасного dans les arts[8]».

25 [66]

L'esprit frondeur[9], ставший частью структуры, – ведет к парадоксу. «*Вещи оценивают не по ним самим, а по их отношению к господствующей власти*».

---

1 мелочностью (*фр.*)

2 вкус к элегантной ребячливости (*фр.*)

3 комфорт (*фр.*)

4 манеры (*англ.*)

5 «Англичане – это каторжники сверх всякой меры» (*фр.*).

6 духом (*фр.*)

7 Вкус к детали, внимание к мелочам порождают заботливость, но (*фр.*)

8 в искусстве (*фр.*)

9 дух фрондерства (*фр.*)

25 [67]

Просвещенные народы о людях и вещах судят *хуже*: причина в их présomption[1].

25 [68]

«Мнения там меняются основательно и быстро par pur esprit de *parti*[2]. Называть белое черным из ненависти к какому-нибудь министерству для морали губительнее, нежели чрезмерное soumission[3].

Чрезмерное послушание побуждает нас к отказу от прав: l'esprit de révolte[4] побуждает жертвовать обязанностями».

25 [69]

«Привычки регулярны, sentiments[5] романичны».

25 [70]

NB. Распространение *рабского* образа мыслей в Европе: великое восстание рабов. (ego)

Раб во власти.

Недоверие к любому noblesse[6] чувства, господство самых грубых потребностей. Моральная лживость.

Рабское непонимание культуры и прекрасного. Мода, пресса, suffrage universel[7], faits[8]: он изобретает все новые и новые формы рабских потребностей.

Бунт *низшего человека*, например Лютера против sancti[9].

Подчинение фактам как наука рабов.

---

1 самодовольстве (*фр.*)

2 из чисто *партийного* духа (*фр.*)

3 послушание, покорность (*фр.*)

4 бунтарский дух (*фр.*)

5 чувства (*фр.*)

6 благородству (*фр.*)

7 всеобщее избирательное право (*фр.*)

8 факты (*фр.*)

9 святых (*лат.*)

25 [71]

Нарастающее *оглупление* и опрощение Европы.

Отпрыск знатных семей, l'homme superieur[1] все больше подвергается нападкам.

Моральная культура испанцев и французов в связи с иезуитизмом. Ложное понимание иезуитизма.

Отсутствие всякой моральной практики; чувства вместо принципов.

25 [72]

«Il souffre, il succombe au lieu de combattre et de vaincre[2]. Разве может чувство противостоять страсти! L'attaque et la défence viendraient de la même source![3] Если в сердце поселился враг, то это авторитет, привычка, затем послушание, унижение, правила, дисциплина, закон, упражнения, даже кажущиеся puériles[4], то это уже не мы, а некто другой, священник, исповедник, чей голос заставляет умолкнуть наш собственный: это нужно, чтобы спасти нас от нас самих». К<юстин>. «Когда впадаешь в *безрассудство*, то, чтобы не убить себя, недостаточно *мечты* стать христианским философом: таковы в большинстве своем мыслящие протестанты».

25 [73]

Стало быть, нужны своего рода *воспитатели и избавители*, а также убежища вне обыденного мира, трудная жизнь, изобретательный аскетизм для самообладания. Защита от рабской пошлости и фарисейства.

25 [74]

Высшие проявления *честности*: Макиавелли, иезуитизм, Монтень, Ларошфуко

немцы как пример возврата к моральной лживости

---

1 высший человек (*фр.*)

2 Он страдает, он гибнет, вместо того чтобы бороться и побеждать (*фр.*).

3 Должно быть, нападение и защита идут из одного и того же источника! (*фр.*)

4 ребяческими (*фр.*)

25 [75]

«Низменные натуры ошибочно судят о благородных: они не догадываются об их мотивах»!

25 [76]

«Способность забывать о самих себе, самоотверженность, самопожертвование – все эти редкостные достоинства потеряны для того, кто, любя, не знает, как заставить полюбить себя. Эти страстные души становятся *неблагодарными*: они пользуются плодами цивилизации, чтобы их дискредитировать. Где же они могут жить, если не в лесах и не в этом мире!»

25 [77]

«Где в нашем мире найти совершенные характеры? Изображение добродетели в нравоуч<ительных> книгах извратило все умы, ожесточило все сердца, которые можно растрогать только одним способом»..

«Il ne faudra pas moins d' une ère toute entière de cynisme littéraire, pour nous débarasser des habitudes d'hypocrisie»[1].

25 [78]

«Слава сильному, которого наше время превозносит как главного героя романтической школы, – Виктору Гюго». 1835.

25 [79]

«L'amour exalté de la vérité est la misanthropie des bons coeurs»[2].

25 [80]

Из века религиозного лицемерия мы перешли в эпоху лицемерия морального. «Одно из благодеяний regré-

---

1 «Чтобы освободиться от привычки лицемерить, нам понадобится, по меньшей мере, целая эпоха литературного цинизма» (*фр.*).

2 «Восторженная любовь к истине есть мизантропия добрых сердец» (*фр.*).

sent<atif> gouvernem<ent>[1] заключается именно в том, чтобы заставлять честолюбцев надевать маску морали и человечности. Но тогда зачем с такой горячностью говорить о духовенстве, которое во время своего господства всегда поддерживало цивилизацию совершенно теми же средствами? – Священнослужителей нужно упрекать не в честолюбии, а в *волении без возможности*. Они ошибочно судят о своем времени, поэтому приносят вред».

В мире вовсе *нет* добра и зла: то и другое всегда à part[2]. Сверхчеловеческие добродетели insociables[3], как и большие преступления. Но в любом обществе имеются отсталые и «продвинутые» умы. Ими движет одна и та же страсть, но первые, чтобы ввести в заблуждение относительно своих собственных намерений, пользуются словами, пустота которых уже известна миру; вторые с той же целью говорят на языке, все еще *вводящем* массы *в заблуждение*: у них нет ключа к этим словам.

В этом отличие посредственных умов от высших: последние в основном понимают язык своего времени, первые замечают ложь *только* в языке своих предков. Мы просвещены относительно «вечного спасения», «ада», «рая» charité[4]; наших внуков просветят относительно филантропии, liberté, privilégé, progrès[5].

«Реформаторы одной эпохи являются консерваторами другой. Один и тот же génie[6] может рассматриваться comme *créateur* ou comme *radoteur*[7]».

25 [81]

«Истинное никогда не бывает вероятным».

---

1 представительной формы правления (*фр.*)

2 раздельно (*фр.*)

3 неуживчивы (*фр.*)

4 милосердия (*фр.*)

5 милосердия (*фр.*)

6 гений (*фр.*)

7 как *творец* или как *пустомеля* (*фр.*)

25 [82]

«Luxe[1] должна быть разрешена только там, где бедняки обладают чувством юмора»; она развращает тех, кто ей завидует.

25 [83]

«– les apôtres modernes, les auteurs philosophes, mentent plus que les prêtres qu'ils ont detronés *sans les remplacer*»[2].

25 [84]

Сейчас век *лжи*: афишируется нравственная доброта. Люди защищаются от Ларошфуко и христианства: великое восстание рабов.

Следует констатировать: человек зол, он ужаснейший из хищников, в притворстве и жестокости.

Следует констатировать: *что он* еще *зол – в этом есть надежда*. Ибо добрый человек – карикатура, вызывающая отвращение: он все время забегает вперед, поближе к концу.

25 [85]

Оглупление, в том числе и в науке. Нетребовательность в почитании Дарвина. Скромность в политике и т.д.

25 [86]

Тенденция в трагедии по Шопенгауэру, II 495. «То, что дает всему трагическому своеобразный взмах и подъем, – это начало осознания, что мир и жизнь не могут дать истинного удовлетворения, а посему и *не стоят* нашей привязанности: в этом состоит трагический дух, – он ведёт посему к *отречению*». О, совсем по-иному говорит со мной Дионис! – Шопенгауэр: «ибо древние еще не достигли вершины и цели трагедии и воззрения на жизнь в целом».

---

1 роскошь (фр.)

2 «современные апостолы, философы лгут больше, чем священники, которых они низвергли, но *не заняли их место*» (*фр.*)

25 [87]

Великие поэты таят в себе *много* личностей; иные из них лишь *одну*, но *великую*!

25 [88]

Страх – рабский.
Крайне незначительные затраты духа (подражание)
Равнодушие и ненависть к редкому.
Безобразие. Мешанина стилей.
Внезапно возникающая потребность лгать – эпидемия.

} век лжи

25 [89]

Существенная часть художника и гения: актер. Ни один человек не обладает в одно и то же время выразительными средствами и чувством, словами и действительностью. Глубокий égoisme[1] языка sensibilité[2].

25 [90]

«Недостаток деликатности в выборе средств для достижения успеха, злоупотребление инвективой, ненависть к тому, что есть, равнодушие к тому, что будет, свойственны французским писателям последних ста лет (1835). Проповедовать возвращение к дикой жизни тем же пером, от которого ждешь славы и успеха в социальном мире, суть неблагодарность и ребячество».

25 [91]

«L'effet ordinaire du désespoir est de rendre l'énergie a ceux, qui sont temoins de cette maladie morale»[3].

25 [92]

«Женщины всегда менее цивилизованы, чем мужчины: в глубине души они дики; они живут в государстве, как

---

1 эгоизм (*фр.*)

2 чувствительности (*фр.*)

3 «Обычный эффект отчаяния – отдать энергию тем, кто свидетельствует о моральной болезни века» (*фр.*).

кошки в доме, готовые в любой момент выйти за дверь или выпрыгнуть в окно и вернуться в свою стихию».

25 [93]

Моральное, т.е. аффекты, как нечто идентичное органическому, интеллект как «желудок аффектов».

25 [94]

Идентичность характера *завоевателя*, *законодателя* и *художника* – готовность *самому* отразиться в материале, высочайшая сила воли, некогда чувствовавшая себя «орудием божьим» и казавшаяся себе непреодолимой. Высшая форма инстинкта размножения и *одновременно* материнской силы. **Переделать мир так**, *чтобы выжить в нем*, – вот что ими движет; вследствие этого, как предпосылка, чудовищное чувство *противоречия*. Художникам достаточно отгородить себя от этого *образами* и отражениями, например Гомер среди «жалких смертных». «Свобода от интереса и ego» – вздор и неточное наблюдение; скорее доставляет восхищение быть сейчас в *нашем* мире, избавляться от страха перед чужим!

25 [95]

Я поместил познание перед образами столь ужасными, что всякое «эпикурейское наслаждение» при этом невозможно. Для этого *достаточно* лишь дионисийского удовольствия – **я только сейчас открыл трагическое.** Греки не понимали его вследствие своей моралистической поверхностности. Покорность судьбе тоже *не входит* в учение о трагедии! – она является лишь ее ложным пониманием! Тоска по Ничто есть *отрицание* трагической мудрости, ее противоположность!

25 [96]

Мои предпосылки: 1) никаких окончательных «причин». Даже человеческие поступки *никак нельзя* объяснить намерениями.

2) «Намерение» не затрагивает сути поступка, *следовательно*, **неверно** давать *моральные* оценки поступкам, исходя из намерений.

3) «Душа» как множественность аффектов, при одном интеллекте, с размытыми границами.

4) Механическое объяснение мира хочет объяснить все, в том числе и органическую жизнь, *без* учета удовольствия, неудовольствия, мышления и т.д., – т.е. ему не нужны «одушевленные атомы»! Оно стремится все происходящее сделать *наглядным* для глаза. Оно хочет «исчисляемости» для практических целей!

5) Не существует никаких самоотверженных поступков!

25 [97]

Вопрос о нашем «благе» был **углублен** христианством и буддизмом; *напротив*, английское манерничанье – повседневная глупость: англичанин имеет в виду «комфорт». Измерять мир не нашими личными сопутствующими чувствами, а рассматривать его *так, словно* он спектакль, а *мы – его участники*.

25 [98]

«В век общественной liberté[1]: сегодняшние французы становятся неуклюжими, глупыми и холодными, оказываясь en public[2]; из страха нажить себе врагов они становятся тонкими дипломатами и рафинированными лицемерами. Без esprit[3], без собственных взглядов, умные из страха. *Рабство индивида*». К<юстин>.

25 [99]

Изучать на примере больших стад животных:

Постепенное возвеличение человека состоит в том, что появляются редкие вожди, те, что идут «впереди стада». «Добрыми» они называют членов стада: основной мотив возникновения этой доброты – страх. Сговорчивость, желание опередить другого в проявлении доброты, приспособленчество, отказ от многого и предупреждение нужды, в молчаливом ожидании, что нам за это сразу же

---

1 свободы (*фр.*)

2 на публике (*фр.*)

3 вдохновения (*фр.*)

воздастся, желание избежать враждебности, *отказ от внушения страха* – все это, **долгое время являясь лишь лицемерным проявлением доброты, в конце концов становится добротой.**

25 [100]

Всякая похвала, порицание, награда, наказание кажутся мне оправданными лишь тогда, когда они проявляются как воля *образной силы*, т.е. как нечто *абсолютно* не связанное с моральным вопросом «*имею ли я право* хвалить, наказывать?» и, *следовательно, совершенно безнравственное.* Я хвалю, порицаю, вознаграждаю, наказываю для того, *чтобы* человек изменился по моему образу, ибо я *знаю*, **что** мои похвала, наказание и т.д. имеют претворяющую силу. (Все это – благодаря воздействию на тщеславие, честолюбие, страх и все аффекты тех, кого хвалят или наказывают.) *Пока* я сам *подчиняюсь* моральному закону, *я не имею права хвалить и наказывать.*

25 [101]

О средствах приукрашивания. Банальность, которую следует вменить в вину старому Канту: «это нравится без интереса». При этом многие с гордостью обращают внимание на то, что при виде греческой Венеры и т.д. В противоположность этому я описал состояние, порождаемое прекрасным; но самое главное должно исходить от художника. Заставить себя выносить вид окружающих вещей, не бояться их, вкладывать в них мнимое счастье: основное ощущение, что счастливый, любящий себя самого человек *не способен причинять боль.* – Перетолкование действительного в счастливое и «божественное» человек применил к самому себе: *это средство приукрашивания себя* и человека вообще и есть *мораль.* Его составляют: 1) взгляд в сторону; 2) желание видеть то, чего нет, – обобщение, упрощение; 3) притворство до такой степени, что многое становится невидимым; 4) притворство до такой степени, что из видимого делается ложный вывод. – Результат всего этого – «добрый человек», для которого необходимо еще и общество. В самой сущности морали, следовательно, есть нечто такое, что *противоречит* искренности, так как она *искусст-*

венна. Почему же возможно существование «искренности», разлагающей саму мораль? – 1) Эта искренность должна выводиться из чувства реальности: слишком много *вреда* принесло это лицемерное приукрашивание, потерпевшие *срывают маски*; 2) есть наслаждение безобразным, когда оно ужасно: эмоции, возникающие при ужасном виде *истинной* человеческой природы, часто используются моралистами; 3) христианский аффект саморазрушения – результат протеста против всякого приукрашивания: наслаждение ужасным; 4) древнее рабское чувство, жаждущее преклоняться и, в конце концов, когда уже не остается ничего другого, преклоняющееся перед голым «фактом», обожествление фактов, законов и т.д., *отдых* после долгой работы, уничтожения богов, аристократии, предрассудков и т.д., и следствие взгляда в *пустоту*.

Общий итог всех моралистов: *человек зол*, он хищное животное. «Улучшение» не касается глубинной основы, оно скорее поверхностно; «добро» в значительной мере декорация или слабость.

При этом сами моралисты находились под влиянием морал<ьных> суждений или христианства, отрицания мира; *никто еще не получал удовольствия* от этого итога. Это означает, что они сами питали уважение к «добрым»!

«Человека нужно приукрашивать и делать выносимым» – против этого возражают христианство и будд<изм>: его нужно *отрицать*. В принципе ничто так не *противостоит* христианству, как *добрый человек*: *его* оно ненавидит больше всего. Вот почему священники всеми способами стремятся к саморазрушению наслаждения самого по себе.

Греческие философы искали «*счастье*» не иначе как в форме того, чтобы *находить* **себя** *прекрасными*: создавать из себя статую, *чей вид доставляет удовольствие* (не вызывает страха и отвращения).

«Самый безобразный человек» как идеал мышления, отрицающего мир. Но и религии суть результат стремления к красоте (или к возможности ее выносить); крайним следствием было бы осознание абсолютного безобразия человека, бытие без бога, без разума и т.д. – чистый буддизм. Чем безобразнее, тем лучше.

Эту крайнюю форму отрицания в мире искал я. «Все – страдание», все **ложь**, что кажется «добрым» (счастье и т.д.). И, вместо того чтобы сказать «все – страдание», я сказал: все есть причинение страдания, умерщвление, даже в лучшем человеке.

«Все видимость» – все ложь.

«Все страдание» – все причинение боли, умерщвление, уничтожение, несправедливость.

Сама жизнь есть *противоположность* «истины» и «добра» – ego.

Утверждать жизнь означает то же, что утверждать ложь. – Следовательно, жить можно только *с абсолютно аморальным образом мышлением*. С его помощью выносят и мораль, и *стремление к приукрашиванию*. – Но невинности лжи больше нет.

Греки как актеры. Их «идеализм».

Представить однажды *огречивание* как роман. Ретроспективно – в том числе и чувственность, все выше и строже. Вплоть до откровения дионисийского начала. Открытие *трагического*: «козел и бог».

25 [102]

В какой мере абсолютная *научность* еще несет в себе нечто от христианства, является маскировкой – –

25 [103]

А) *Прежде всего*: распад современной души во всех формах,
в какой мере *распад* начинается с Сократа,
мое старое *неприятие* **Платона** как *анти-античного* философа.
«Современная душа» *была* уже тогда!

Б) Показать: *нарастающую* жесткость,
силу чувств,
бесстыдство,
неисторическое,
состязательность,
*анти*варварское чувство,
ненависть к неопределенному,

неоформленному,
к кривизне,
непритязательность
образа жизни.
Создавать богов
как свое высшее
общество.

B) – – –

25 [104]

За школой *romantisme*[1] во Франции последовала l'école du document humain[2]. Автор этого выражения – Эдмон де Гонкур.

научная истерия – говорю я.

Следствие: *научное* удовольствие человека от самого *себя.*

Ненаучное здесь – удовольствие от исключительных случаев.

25 [105]

У войн нужно учиться: 1) сближать смерть с интересами, за которые идет борьба, – вот что делает *нас* достойными уважения; 2) нужно научиться приносить в жертву *многих* и относиться к своему делу достаточно серьезно, чтобы не жалеть людей; 3) строгой дисциплине, а в войне – праву на насилие и хитрость.

25 [106]

Перспективы греческих моралистов: мораль как следствие суждений (и ложных суждений); «почему?», ложный вопрос и его развитие, *собственное* счастье как цель всякого действия (должно существовать *высшее* счастье, как следствие высшего благоразумия, – следовательно, полнейшего *лицемерия*); бесстыдство в демонстрации добродетели (обожествление у Платона), дискредитация всех неосознанных побуждений, презрение к аффектам.

---

1 романтизма (*фр.*)

2 школа человеческого документа (*фр.*)

все они неосознанно стремятся к тому, чтобы превратиться в прекрасную *статую*: они хотят представлять, в первую очередь, добродетель, это великое *театральное представление добродетели.*

Но они дети своего времени – уже не *трагические* актеры, изображавшие героизм, а «олимпийцы», *поверхностные.* В этом *много плебейского* тщеславия выскочек. «Раса» не играет роли: индивид начинается с самого себя.

Много влияний *извне*: Восток, квиетизм, семитское изобретение «святости».

Ревность к изящным искусствам.

25 [107]

Старая нравственность опиралась на веру, что человек движется *назад*, что счастье, сила, добродетель отстоят от нас очень далеко. Это суждение тех, кто видит *распад* и ищет спасения в окостенелости.

Цель многих моралистов *до сих пор*: создать окончательную форму «*образа мыслей*» – в Китае, в брахманизме, в Перу, в иезуитизме, а также в Египте; Платон тоже стремился к этому. Создать касту, чье *существование* и *жизненные интересы* связаны с окостенелостью морал<ьных> суждений, – класс добрых и праведных.

25 [108]

«Французская революция создала общество, осталось только найти подходящую gouvernement[1]».

25 [109]

«1789: люди “доброй воли”, о которых говорится в Библии, казалось, впервые стали хозяевами положения на земле. Народ, мягкий, доверчивый, привыкший веками терпеливо сносить страдания и ждать избавления от нужды от своих господ; средний класс, богатый, просвещенный, honnet[2]; noblesse[3], которая жертвует своей гордостью и отказывается от привилегий, будучи в восторге от фило-

---

1 форму правления (*фр.*)

2 честный (*фр.*)

3 знать (*фр.*)

софии, пылая любовью к общественному благу; клир, насквозь пропитанный либеральными идеями; король, готовый уничтожить власть произвола и стать restaurateur de la liberté française[1]».

Почему все это не удалось? Потому что все эти добрые люди были *слабовольными*! *Le roi trop défiant, trop faible*[2], королева, питающая *слепую* ненависть к револ<юции>, noblesse, вернувшаяся вследствие угрожающей короне опасности к своим старым инстинктам, видит теперь в ней *ошибку* и comme une *lâcheté* ses concessions premières[3] (да! это манера слабых!), la maladresse janséniste[4], роковым образом пытавшихся организовать церковь с помощью государства и оттолкнувших от себя духовенство, – а в деревне и в городах уже давно накапливалась смертельная ненависть к эпохе феодализма (*теперь* еще более сильная, чем страх перед «красным призраком»).

25 [110]

Наполеон принадлежит к другому сорту людей, у которых расчетливость, комбинационный дар, работоспособность развиты несказанно сильнее, чем у нас; в то же время, мы напрасно искали бы у них определенные моральные качества, привычные для нас: «чуждый идеям справедливости, мало приспособленный для понимания истории и собственного времени, одержимый личными интересами и совершенно ослепленный ими; недостаточное различие между добром и злом, cette foi impérieuse de succès[5], абсолютное равнодушие к средствам, все то, что делает человека преступником, – в нравственном отношении не лучше и не хуже, чем у *подобных нам*. Но чего ему недоставало больше всего, его самый удивительный *пробел* – это la grandeur d'âme (magnanimité)[6], благородное свойство, которое часто *проистекает* из успеха, раз-

---

1 реставратором французской свободы (*фр.*)

2 Король, слишком недоверчивый и слабый (*фр.*)

3 трусость в своих первоначальных уступках (*фр.*)

4 оплошности янсенистов (*фр.*)

5 эта властная жажда успеха (*фр.*)

6 величие души (благородство) (*фр.*)

вивается одновременно с нашими удачами и нередко постепенно возносит вульгарные, лишенные нравственного чувства натуры на *высоту* событий, à l'hauteur de la destinée imprévue[1]. Конечно, у него были *великие* замыслы, если великим можно назвать безмерное (непропорциональное средствам, с которыми мы имеем дело здесь внизу).

Величия души у него *нет*: то, что он, обыкновенно столь жесткий, был иногда не ко времени снисходителен, есть проявление bonhomie bienveillante[2], которое толпа всегда путает с bonté[3] своего властелина; но ces rares relâchements[4] всегда напряженного духа, cette facilité intermittente d'un coeur indifférent[5].

Во Франции он видел только свою *добычу*, «трогательное существо, полное утонченных инстинктов, но опустившееся под весом своих страданий и ошибок». Первый консул оказался перед лицом величайшего спектакля, он, вероятно, испытывал по отношению к этой сцене, единственной в истории, глубочайшее и désinteressée émotion[6]: ибо перед Цезарем была старая, заканчивающая свой век республика. Но он думал о *себе*!

esprit mal cultivé, imagination meridionale[7] – он подражал то Цезарю, то Карлу Великому, imbu surtout du féticisme monarchique, il rêve pourgpre, trône et couronne pour les siens[8], почти как те предводители варваров, которые, подражая двору Константинополя, полагали, что таким образом возвышают себя.

25 [111]

Показать *все*, где есть жестокость, жадность, властолюбие и т.д.

---

1 на высоту непредвиденной судьбы (*фр.*)
2 благожелательное добродушие (*фр.*)
3 добротой (*фр.*)
4 эта редкая расслабленность (*фр.*)
5 эта периодическая снисходительность равнодушного сердца (*фр.*)
6 незаинтересованное чувство (*фр.*)
7 плохо образованный ум, южное воображение (*фр.*)
8 пропитанный, прежде всего, монархическим фетишизмом, он мечтает о порфире, троне и короне для своих близких (*фр.*)

25 [112]

Первый вопрос: господство на земле – англосаксонское. Германский элемент – хороший фермент, но он не умеет властвовать. Господство в Европе лишь постольку германское, поскольку Германия имеет дело с усталыми древними народами, в этом ее *варварство*, ее замедленное культурное развитие, дающее власть.

Франция в культурном отношении *впереди*, признак *распада Европы*. Россия *должна* стать властелином Европы и Азии, должна *колонизировать* и завоевать *Китай* и Индию. Европа как Греция под владычеством Рима.

Итак, следует воспринимать Европу как культурный центр: национальные глупости не должны мешать нам видеть, что в *высшей сфере уже существует продолжительная* взаимозависимость. Франция и немецкая философия. Р. Вагнер 1830–50 гг. и Париж. Гёте и Греция. Все стремится к *синтезу европейского прошлого в высших духовных* **типах** – – – –

– своего рода **середина**, которая *отвергает* болезненные черты каждой нации (например научную истерию парижан).

Насилие было однажды поделено между *славянами* и *англосаксами*. Духовное влияние *могло бы* оказаться в руках *типичных европейцев* (сравнить его с влиянием афинян, а также парижан – смотри характеристику у Гонкуров в «Рене Мопрене»). До сих пор англичане были глупы, американцы становятся по необходимости поверхностными (торопливость) – – – –

Но если Европа попадет *в руки черни*, европейской культуре придет *конец*! Борьба бедных с богатыми. Это последняя вспышка. Следует *заблаговременно переместить то, что можно спасти*! Наметить страны, куда может **отступить культура** благодаря их относительной недоступности, – например Мексику – – – –

25 [113]

Рабская мораль
Господская мораль } и противоположность их ценностей.

Жестокость Сладострастие Властолюбие Жадность Зависть	и что из этого есть в добрых,в справедливости, сострадании, правдивости, верности, прилежании и т.д.

Болезненные добродетели и добродетельные люди – и здоровье хищных животных.

Непропорционально *мало* сознания наших *воздействий.* (Намерения и цели как произвольный выбор воздействий).

Ложные предположения относительно наших побудительных причин (основное сомнение: «движут» *ли* нами наши осознанные чувства и мысли).

Тело как учитель: мораль как знаковый язык аффектов.

Вред от добрых: добрые как люди второго сорта, вырождение. Оглупление, ненависть к духовному развитию.

Индивид и община.

«Индивид» как многообразие и рост.

«Зло» как органическая функция. Сострадание. *Для* других.

Религии как морали, предполагающие другие миры – но господские или рабские.

25 [114]

В какой мере уже привычный нам *порядок ценностей* сводится к сплошь ложным предпосылкам: происхождение основных господствующих оценок. NB!

25 [115]

Немцы, как отсталая нация, портят великое движение европейской культуры: например Бисмарк, *Лютер*, недавно, когда Наполеон хотел сделать Европу ассоциацией государств (единственный человек, обладавший для этого достаточной силой!), они все погубили своими «*освободительными войнами*», вызвав к жизни несчастье национального безумия (следствием чего стала расовая борьба в издавна смешанных странах Европы!). Так, немцы (Карл Мартелл) остановили *сарацинскую* культуру: они вечно отстают!

25 [116]

Сущий мир – это *вымысел*, есть только мир становящийся. – *Так могло бы быть*! Но не предполагает ли вымысел наличие *сущего* поэта? – Быть может, вымышленный другой мир есть причина того, что поэт *считает себя сущим* и *противопоставляет себя* как сущего. – Если *существенное* в чувствовании и мышлении заключается в обязанности насаждать заблуждения («реальности»):

Есть чувствование и мышление; *возможно* ли это в мире становления? *Негативные* свойства, поверхностность, тупость чувств, медлительность духа превратились в *позитивные* силы (*здесь зло тоже выступает источником добра*).

создать законченный образ на основе немногих признаков, создать нечто *прочное*, потому что не *видишь* изменений.

Эта *созидающая сила* благоприятствует способности жить.

25 [117]

«Безличным» считали то, что являлось выражением самой могучей личности (*хороший* инстинкт Я. Буркхардта при виде палаццо Питти): «*человек насилия*» – подобно Фидию – не обращает внимания на отдельные стимулы. Но властные личности любят скрывать себя и избавляться от себя, например *Флобер* (письма).

25 [118]

Надо быть добрым *и* злым! И кто не был добрым из слабости, тот всегда был злым в превосходной степени.

25 [119]

Оценивать человека по его намерениям! Это как оценивать художника не по его картине, а по его видению! Кто не убивал своей матери и не предавал своей жены, если дело касается мыслей! Если бы мысли могли убивать, человеку пришлось бы жить в учтивом одиночестве!

25 [120]

В нас заключен *набросок* **многих** личностей: поэт выдает себя в своих образах. Обстоятельства обнаружи-

вают в нас только один образ; если же обстоятельства резко меняются, мы замечаем в себе два-три образа. В каждый момент нашей жизни существует множество возможностей: свою роль *всегда* играет случай! То же самое происходит и в истории: судьбы *каждого* народа не являются необходимыми с точки зрения разума; в *каждом* народе есть *множество национальных характеров*, и каждое событие питает один из них больше других.

25 [121]

Укрощенное варварство

Действительное *варварство* Европы – и к тому же нарастающее:

оглупление («англичанин», выдающий себя за нормального человека);

обезображение («японизм») (бунтующий плебей);

прирост рабских добродетелей и их ценностей («китаец»);

искусство как невротическое состояние у художников, средство безумия: удовольствие от фактического (утрата идеала);

немцы как **отсталая нация** (в политике централизации монархического строя, как Ришелье: в философии *скепсис*, как у Канта (во благо обывателям и чиновничьим добродетелям), *пантеизм*, как у Гегеля, во имя почитания государства, *пессимизм*, как у Шопенгауэра, во благо христианской мистики, «паскализм»);

плохое питание всего европейского юга. Лучшее английское общество продвинулось *вперед* благодаря питанию;

«добрый человек» как стадное животное, превратившееся из хищника;

историческая болезнь как недостаток идеальной образной силы – остаются «справедливость» и «безвредность» в поверхностном смысле.

Надвигается *укрощенное варварство*!

Значимость глупцов, женщин и т.д.

25 [122]

Читателя хотят силой *заставить* быть внимательным; отсюда множество мелких и увлекательных приемов «натурализма», принадлежность демократической эпохи: **грубые** и утомленные чрезмерной работой интеллекты нужно *возбуждать*.

25 [123]

Я с трудом выдерживаю вульгарность Шекспира и Бальзака: повсюду бьет в нос запах плебейских ощущений, вонь клоак большого города.

25 [124]

Я хочу сформировать женщин заново: Санд и м<адам> де Сталь свидетельствуют *против* них. (Севинье и Элиот, похоже, были больше чем писательницы – отчасти *из необходимости*.) Я приговариваю их к *действию*: commis[1] заслуживает презрения!

25 [125]

Живописцы, как Диккенс, В. Гюго, Готье, – и здесь неверное понимание слова.

Противоположность живописца – *описатель* (как Бальзак)

25 [126]

(*Тэн* о Бальзаке):

«Добродетель как трансформация или ступень развития страсти или привычки»: l'orgueil, la roideur d'esprit, la niaiserie obéissante, la vanité, le préjuge, le calcul[2]. Формировать их помогают пороки (как дух*и* с substances infectes[3]). *Этот* любит бедных, как игрок любит игру; тот верен, как собака. Порядочность из профессиональной гордости, ограниченность духа и воспитания. Все маленькие убожества и большие уродства добродетельного чело-

---

1 приказчик (*фр.*)

2 гордыня, отсутствие гибкости духа, покорная глупость, тщеславие, предубеждение, расчетливость (*фр.*)

3 вонючими веществами (*фр.*)

века. Чистейший источник добродетели: la grandeur d'âme[1] (М<арк> Аврелий) и la delicatesse d'âme[2] (п<ринцесса> Клевская).

25 [127]

Раньше в истории искали божий промысел, затем целесообразность, например в истории народа, в оформлении идей и т.д. Только *теперь*, благодаря наблюдениям над историей животного мира, начали вырабатывать точку зрения на историю человечества – и первый вывод заключается в том, что не было никакого плана, ни для человека, ни для народа. Самые грубые случайности были, в большом масштабе, определяющими – и до сих пор остаются таковыми.

У каждого на первый взгляд вполне целесообразного действия сумма случайного, не целенаправленного, нецелесообразного решительно преобладает и равна бесполезно растрачиваемому солнечному теплу: того, что *могло бы* иметь смысл, крайне мало.

25 [128]

«Полезна» лишь точка зрения на ближнее; все *далекие* последствия необозримы, и *каждое* действие можно оценить одновременно как полезное и как вредное.

25 [129]

1. *Все* прежние оценки основаны на глубочайшем *невежестве*.

2. В современных оценках перемешаны самые разные морали.

25 [130]

Руссо в своем предпочтении бедных, женщин, народа как суверенов целиком принадлежит *христианской традиции*: на нем можно изучать все рабские ошибки и добродетели, в том числе невероятную лживость. (И *он* хочет учить справедливости!)

---

1 величие души (*фр.*)

2 утонченность души (*фр.*)

Его противоположность – *Наполеон*: античный, презирающий людей

25 [131]

Кто общался с л<юдьми> с большим размахом, тот оценивал их лишь по главным качествам: обращать внимание на тонкие нюансы не имеет смысла. Так поступал Наполеон. *Христианские добродетели* для него ничего не значили, для него они *не существовали* (он имел на это право)

25 [132]

Наше столетие, в котором искусства поняли, что каждое из них в состоянии производить эффект другого, *вероятно, уничтожит искусства*! Например *живописать* с помощью поэзии (Виктор Гюго, Бальзак, В. Скотт и т.д.),

посредством *музыки* возбуждать *поэтические* чувства (Вагнер),

посредством живописи возбуждать поэтические чувства и даже *философские* предчувствия (Корнелиус),

в романах заниматься анатомией и терапией безумия и т.д.

25 [133]

«ce talent (философия истории) ne consistait pas, à l'allemande, dans l'improvisation risquée de théories sublimes»[1]

25 [134]

Принцип: **Завоевание** *человечества: «властители земли»*:

1) *Глубокое презрение к работающим в прессе.*
2) Создать вид существ, которые *заменят* священника, учителя и врача.
3) Аристократия духа и тела, которая выращивает себя, вбирает в себя все новые элементы и выделяется на фоне демократического мира неудавшихся и полуудавшихся.

---

1 «этот талант [...] не заключался, на немецкий манер, в рискованной импровизации высших теорий» (*фр.*)

25 [135]

В наш век, когда стало понятно, что *начинается* наука, выстраивать *системы* – это ребячество. Нужно принимать долгосрочные – с расчетом на столетия! – решения о методах, ибо *управление будущим человечества* **должно**, наконец, оказаться в наших руках!

– но *методы*, которые сами по себе вытекают из нашего инстинкта, т.е. уже существующие регулируемые привычки,

например исключение целей.

25 [136]

Изображение машины «человек»

Гл. I. В общей судьбе человечества всецело господствовал случай – *но* приходит время, когда мы *должны* иметь цели!!

Гл. II. Целей нет, идеалы противоречат самим себе: они суть следствия значительно более узких отношений и порождены бесчисленными заблуждениями. Критика ценностей – самораспад морали.

Гл. III. Существовавшее до сих пор ложное понимание *искусства*: оно смотрело *назад*. Но оно – созидающая идеал сила, проявление самых сокровенных надежд и желаний.

25 [137]

Я пишу для еще не существующего человеческого вида: для «властителей земли».

Религии как утешения, как снятие напряжения – *опасны*: человек начинает верить, что теперь он может *расслабиться*.

В «Феаге» Платона сказано: «каждый из нас желает господствовать по возможности над всеми людьми, а еще более стать *богом*». *Такие* настроения необходимо возродить.

Англичане, американцы и русские – – –

25 [138]

Великий художник-пейзажист Тёрнер, желающий обращаться не к чувствам, а к душе и духу, – философские

и гуманные эпопеи. Он считал себя первейшим из людей и умер в безумии. «В эпицентре бури, солнце в глазах, закружившаяся голова» – так чувствует себя зритель. «Как следствие глубокого внимания к le moral de l'homme[1] – его оптическая sensibilité désaccordée[2]. Неприятно для глаза! Преувеличенно, брутально, кричаще, грубо, диссонирующе». Тэн.

25 [139]

«Искусство хочет порождать более высокие движения, чувственное удовлетворение лишь основа впечатления, но оно должно сопровождаться *радостью*: 1) чувством любви к изображенному на картине объекту, 2) пониманием доброты высшего интеллекта, 3) порывом благодарности и почитания по отношению к этому интеллекту: Раскин, друг Тернера»

25 [140]

NB. Замыслить высшего человека как отражение природы: необыкновенный преизбыток, необыкновенная рассудочность в деталях; в целом расточителен, но *равнодушен*: – –

25 [141]

Ingres: l'inventeur au 19me siècle de la photographie en couleur pour la reproduction des Pérugin et des Raphaël. *Delacroix* c'est l'antipôle – образ декаданса этой эпохи, le gâchis, la confusion, la littérature dans la peinture, la peinture dans la littérature, la prose dans les vers, les vers dans la prose, les passions, les nerfs, les faiblesses de notre temps, le tourment moderne. Des éclairs du sublime dans tout cela[3].

---

1 человеческой морали (*фр.*)

2 расстроенная чувствительность (*фр.*)

3 Энгр: изобретатель в XIX в. цветной фотографии для репродукции картин Перуджино и Рафаэля. Делакруа – его антипод [...] неразбериха, неясность, литература в живописи, живопись в литературе, проза в стихах, стихи в прозе, страсти, нервы, уязвимые места нашего времени, современные мучения. Проблески величия во всем этом (*фр.*)

Делакруа своего рода Вагнер.

25 [142]
M<анетт> Саломон I, с. 197.

Делакруа: он обещал все, возвестил обо всем. Его картины – foetus[1] шедевров; человек, который, après tout[2], будет возбуждать страсти comme tout grand incomplet[3]. Лихорадочная жизнь во всем, что он создает, une agitation de lunettes, un dessin fou[4] – – он стремится к la boulette du sculpteur, le modelage de triangles qui n'est plus contour de la ligne d'un corps, mais *l'expression, l'épaisseur du relief* de sa forme – harmoniste désaccordé[5], трагические краски фона, испарения ада, как у Данте. Нет солнца. Великий мастер нашего времени, но в сущности la lie de Rubens[6].

25 [143]

Лучшее, что было сказано против *брака* с точки зрения *созидающего* человека: Ман<етт> Саломон, I 200 слл. и 312.

25 [144]

В 1840 г. романтизм вступает в союз с литературой. Peintres poètes[7]. Смутный символизм в духе Данте у одних. Другие, наделенные немецким инстинктом, соблазненные *песнями* по ту сторону Рейна, стали мечтательными, меланхоличными, Вальпургиева ночь. Во главе – Ари Шеффер, рисующий чистые, светлые души, созданные *поэзией*: ангелов. Le sentimentalisme[8]. На другом конце – живописец

---

1 зародыши (*фр.*)

2 в конце концов (*фр.*)

3 как все великое, не достигшее совершенства (*фр.*)

4 суетливое движение взгляда под очками, размашистый рисунок (*фр.*)

5 к округлости скульптуры, к моделированию треугольников, что уже не контур линии тела, а *выражение, плотность рельефа* его формы – мастер нарушенной гармонии (*фр.*)

6 осадок Рубенса (*фр.*)

7 живописцы поэты (*фр.*)

8 Сентиментализм (*фр.*).

прозы, Деларош, умелый театральный аранжировщик, ученик Вальтера Скотта и Делавиня; обманчивые локальные тона – но *нет* жизни. Такие художники – это, в сущности, *стерильные* личности: они не способны создать поток, собственную школу. *Пейзаж* ценился невысоко: против него были идеи прошлого. Никто не осмеливался подступиться к современной жизни, никто не показывал молодым талантам ce grand coté dédaigné de l'art: la contemporanéité[1]. Эта усталость и презрение к другим жанрам объединили молодых вокруг двух *крайних* натур: значительно меньшее их число примкнуло к Делакруа (*экспрессивная* красота), большинство же к Энгру comme sauveur du Beau de Raphaël[2], *римская* школа.

25 [145]

Возвращение человека к nature *naturelle*[3], в которой *омолаживаются* старые культуры. Разрыв с историческим ландшафтом.

25 [146]

Мы же не хотим лишиться преимуществ, вытекающих из того, что знаем мы очень мало и живем в крохотном уголке мира. Человек *может* быть глупцом – но он может и чувствовать себя богом, это лишь одна из множества других возможностей!

25 [147]

Мне скажут, что я говорю о вещах, которые сам не пережил, которые мне всего лишь приснились. На это я мог бы ответить: видеть *такие* сны – прекрасное занятие! К тому же наши сны в значительно большей мере являются нашими переживаниями, чем принято думать: с помощью снов следует переучиваться! Если я тысячи раз летал во сне – не кажется ли вам, что и в состоянии бодрствова-

---

1 эту великую грань, пренебрегаемую искусством: современность (*фр.*)

2 как спасителю красоты Рафаэля (*фр.*)

3 *естественной* природе (*фр.*)

ния у меня будет чувство и потребность *преимущества* перед большинством людей и – – –

25 [148]

Я должен был оказать честь Заратустре, *персу*: персы сначала *мыслили* историю как нечто целостное и великое. Чередование этапов развития, во главе каждого из них – пророк. У каждого пророка своя *hazar*[1], свое тысячелетнее царство. «– – –

25 [149]

Солидарность еврейского народа как основная идея: никто не думал о делении по заслугам отдельных людей. Ренан I, с. 54. Никакого личного воздаяния *после* смерти: главный мотив мучеников – любовь к закону, польза, которую их смерть принесет народу.

25 [150]

Лк 6:25: проклятие на головы тех, кто *смеется* –

25 [151]

«Будьте хорошими банкометами!» Подавать нищему – все равно что ссужать богу.

25 [152]

Европейцы *выдают* себя тем, как они *колонизировали* –

25 [153]

Меланхолия Иисуса от плохого питания.

25 [154]

«Прекрасное» – c'est une *promesse de bonheur*[2]. Стендаль. И это должно быть «неэгоистичным»! «désintéressé»[3]!

Что здесь прекрасного? Если допустить, что Ст<ендаль> прав, – как!

---

1 тысяча (*перс.*)

2 это *обещание счастья* (*фр.*)

3 «бескорыстным» (*фр.*)

25 [155]

Следует отдавать себе отчет в том, *что* именно *интересует* большинство людей; *но что интересует* **высших людей**, кажется **не***интересным низшим*, следовательно, преданность этому воспринимается как нечто «неэгоистичное»!

Словоупотребление современной морали задано *низшими людьми*, взирающими на мораль снизу вверх:

«жертвенность» – но *кто* действительно приносит жертву, *знает*, что это вовсе не было *жертвой*!

кто любит, тот уже кажется анти-эгоистичным! Но сущность чувства ego проявляется только в *желании обладать*: отдают, *чтобы* иметь (или получить). Кто отдает себя, хочет *получить* взамен нечто, что он *любит*.

25 [156]

Иисус: хочет, чтобы в *него* верили, и отправляет в ад все, что этому противится. Он отдает предпочтение нищим, глупцам, больным, женщинам, включая блудниц и отребье, детям: среди них он чувствует себя *хорошо*. Чувство *судящего* все прекрасное, богатое, сильное, ненависть к смеющимся. *Доброта* и ее величайший контраст в одной душе: это был самый злой человек из всех людей. *Без* какой бы то ни было психологической *справедливости*. Безумная *гордость*, получающая утонченнейшее *удовольствие* от смирения.

25 [157]

Высшие люди больше всего страдают от бытия – но они же наделены и величайшей *силой противодействия*.

25 [158]

Доказать абсолютно *случайный* характер всех комбинаций: *отсюда* следует, что *любое* действие человека имеет *неограниченно большое* влияние на все последующее. То же благоговение, которое он, оглядываясь назад, испытывает к судьбе в целом, ему следовало бы *заодно* испытывать и к себе самому. **Ego fatum**[1].

---

1 Я судьба (*лат.*)

25 [159]

Представить себе совершенный пессимизм. (Шопенгауэр его *испортил?*) Непознаваемость. Насколько он *огорчителен?* (только для догматически настроенного человечества!)

мысль о смерти: насаждаемый «страх смерти», «европейская болезнь» (средневековая мания смерти)

бесполезность любой борьбы – действует *угнетающе* при условии существования основополагающих моральных суждений, т.е. когда нечто принимается за *масштаб*, – но это же может быть и поводом для смеха!

совершенным можно было бы считать такой пессимизм, который осознает ложь, но в то же время неспособен *отказаться* от своего идеала: пропасть между желанием и познанием. Абсолютное противоречие – человек как дивидуум двух враждебных сил, которые говорят друг другу только *Нет*.

Желание абсолютно неизбежно, но в то же время *понимаемо* и *оцениваемо* как глупость (т.е. как *второе* антижелание!)

особенность пессимизма, следовательно, в том, что он проявляется у сломленных, раздвоенных существ – как признак *распада*, как болезнь времени. Идеал оказывает не оживляющее, а парализующее действие.

25 [160]

Последствия *вымирающих* рас различны, например пессимистическая философия, слабоволие,

сладострастная эксплуатация момента, с истерическими судорогами и склонностью к ужасному.

Признаком старости могут быть также ум и жадность (Китай), *холодность*.

Европа под впечатлением привычного, рабски-пугливого образа мыслей: низший способ мышления берет *верх* – странное столкновение двух принципов морали.

25 [161]

«Подобны бессмертным богам друзья, но все другие пусты, упоминанья и перечисленья они недостойны»

25 [162]

Должно быть, немцы всего лишь попали в *неподходящий* климат! В них есть нечто, что могло бы быть *эллинским*, – оно просыпается при соприкосновении с *югом*: Винкельман, Гёте, Моцарт. В конце концов, мы же еще совсем *молоды*. Нашим последним событием все еще остается *Лютер*, наша единственная книга все еще *Библия*. Немцы никогда еще не «морализировали». И пища немцев была их злой участью: филистерство

25 [163]

Характеристика европейца: противоречие между словом и делом; восточный человек верен себе в повседневной жизни.

То, как европеец основывал *колонии*, говорит о его хищнической натуре.

Противоречие объясняется тем, что христианство *покинуло* слой, из которого выросло.

Наше отличие от эллинов вот в чем: их нравственность выросла в *правящих* кастах. У Фукидида мораль точно такая, какая повсюду ярко выражена у Платона.

Признаки искренности, например в Возрождении: всякий раз на пользу искусства. Концепция бога как «тирана мира» у М<икел>анджело была честной.

Этим объясняется перевес *женщины* – и, как следствие, совершенно лживая «стыдливость». Испорченность женщин (как в Париже) служит едва ли не причиной того, что писатели становятся искреннее. – Рабский характер морали, пришедшей извне, созданной не нами, производит все новые и новые формы подобного рабства, например эстетические (в отношении античности). Едва ли не испорченностью характера и слабостью европейца можно объяснить то, что он эмансипируется от авторитетов и обретает «вкус».

Наша «всеядность» есть следствие различных моралей: мы больны «исторической болезнью».

25 [164]

«*Желание-быть-объективным*», например у Флобера, есть современное недоразумение. Крупная форма, отказы-

вающаяся от всех единичных привлекательных черт, является выражением *крупного* характера, который творит мир как свой собственный образ: кто «решительно отказывается от всех единичных стимулов», тот – человек насилия. Однако у современных художников это презрение к самим себе, они, подобно Шопенгауэру, хотят «избавиться от самих себя» в искусстве – раствориться в объекте, «отречься» от себя. Господ*а*, «вещи самой по себе» не существует! Они добиваются лишь научности или фотографичности, т.е. описания без перспективы, своего рода китайской живописи, сплошь передний план, перегруженный деталями. – В самом деле, во всей этой нынешней исторической и естественноисторической одержимости очень много *неудовольствия*, бегства от себя и от создания идеала, от необходимости *улучшать* мир, вследствие того, что пытаются понять, как все *произошло*: фатализм приносит некоторое успокоение от этого презрения к самим себе.

Французские романисты изображают *исключительные случаи*, причем частью из высших сфер общества, частью из низших: середина, мир буржуа, *ненавистна* тем и другим. Но в конце концов они так и не освобождаются от Парижа.

25 [165]

Негативный характер «истины» – как устранение заблуждения, иллюзии. Однако появление иллюзии содействовало развитию жизни – –

25 [166]

Не следует искать в истории необходимости в отношении средств и цели! Слепой случай – вот правило! Общая сумма событий отражает главные устремления народа, сословия – это верно! Но в частностях все происходит по воле слепого и глупого случая. Так листок плывет по течению ручья, задерживаясь то там, то тут.

25 [167]

Персонажи Фуцидида говорят сентенциями Фукидида: согласно его представлению, они наделены высшей степенью разума, чтобы проводить в жизнь *свое* дело. *Здесь*

я обнаруживаю грека (сюда же относятся и некоторые слова из Платона)

25 [168]

Сначала образы – объяснить, как возникают в уме образы. Затем, применительно к образам, – *слова*. Наконец, понятия: они возможны лишь когда есть слова – сведение многих образов к чему-то, что не поддается наглядному представлению, а воспринимается на слух (слово). Немножко эмоций, возникающих вместе со «словом», т.е. при созерцании сходных образов, для которых имеется нужное слово; эти слабые эмоции и составляют то общее, что лежит в основе понятия. Главное, что эти слабые ощущения сразу же воспринимаются *как одни и те же*. Стало быть, смешение двух соседних ощущений при *констатации* этих ощущений – но *кто* констатирует? *Вера* как нечто первоначальное уже в этом чувственном впечатлении: своего рода утверждение, *изначальная* интеллектуальная деятельность! Стало быть, необходимо объяснить: как *возникло* «почитание за истину»! Какое ощущение скрывается *за* «истинным»?

25 [169]

«Il n'a pas peur d'être mauvais goût, lui». Stendhal[1].

25 [170]

Женщина у греков от Гомера до Перикла все больше *оттесняется на задний план*: известное насилие *над* мягкими, нежными чувствами свойственно культуре греков. Возникновение противоположного течения, например Пифагор и животные. Слабый, страдающий, бедный; вспыхивают восстания рабов, нищета подталкивает к крайностям (Фукидид). *В остальном* все большие преступления суть порождения зла, вытекающего из *силы*.

25 [171]

Основное *заблуждение: наши* сегодняшние мораль<ные> чувства мы задаем как масштаб и измеряем ими прогресс

---

1 «Он не боится обладать дурным вкусом». Стендаль (*фр.*)

и регресс. Но каждое движение вспять для противоположного идеала было бы прогрессом.

«Очеловечивание» – слово, полное предрассудков, и в моих ушах оно звучит почти противоположным образом, нежели в ваших.

25 [172]

С точки зрения музыки мы слишком взыскательны для ритма рифмованной поэзии, для постоянного повтора –⏑–⏑ и т.д. (даже если не принимать во внимание ложно понятый гекзаметр!) Как благотворно действует на нас уже форма Платена и Гельдерлина! Но она чересчур строга для нас! Игра с различными метрами, а иногда отказ от метрики – вот что нужно: свободу, которой мы уже достигли в музыке благодаря Р<ихарду> В<агнеру>, необходимо сделать и достоянием поэзии! В конце концов, это единственное, что сильно нас трогает! Благодаря Лютеру!

25 [173]

Язык Лютера и поэтическая форма Библии как основа новой немецкой *поэзии* – вот мое открытие! Подражание античности, рифмовка – все ложно и говорит с нами недостаточно *глубоко*; тем более аллитерация Вагнера!

25 [174]

Объявление войны *высшими людьми* массе – необходимо! Всюду посредственность сбивается в кучу, чтобы властвовать! Все, что изнеживает, размягчает, выставляет в выгодном свете «народ» или «женское», льет воду на мельницу suffrage universel[1], т.е. приближает господство *низших* людей. Мы же хотим прибегнуть к репрессиям, разоблачив и подвергнув суду все эти порядки (установившиеся вместе с христианством).

25 [175]

Благородная изоляция Гёте: высокородные нуждаются в своего рода феодальном или разбойном рыцарстве. Я хочу взять за образец Наполеона: в своем презрении к

1 всеобщего избирательного права (*фр.*)

«христианским добродетелям» и всему этому моральному лицемерию он принадлежит античности (Фукидид). Быть может, и Фридрих Великий – но, как немец, он человек со слишком задними мыслями и задними *душами.*

25 [176]

Тартюфство власти, с тех пор как победило христианство. «Христианский король» и «государство». История чувства власти.

25 [177]

О характере *европейцев* нужно судить по их отношению к чужим странам, проявляющемуся в *колонизации:* крайняя жестокость

25 [178]

Рыцарское благородство как завоеванная позиция власти: его постепенное разрушение (и частично переход к более широким бюргерским представлениям). У Ларошфуко можно найти понимание истинных побудительных причин noblesse[1] духа – и по-христиански темное суждение об этих причинах.

Продолжение христианства благодаря *французской революции.* Искуситель – Руссо: он снова освобождает женщину, которую с тех пор изображают все интереснее – *в страданиях.* Потом рабы и м<иссис> Стоу. Потом бедняки и рабочие. Потом развращенные и больные – все это выходит на передний план (даже чтобы расположить к гению, они вот уже пятьсот лет не умеют ничего иного, кроме как изображать его великим мучеником). Потом проклятию подвергаются наслаждения (Бодлер и Шопенгауэр), решительное убеждение, что жажда власти есть величайший порок, и полная уверенность в том, что мораль и désintéressement[2] – идентичные понятия <и что> «всеобщее счастье» есть цель, достойная того, чтобы ее добиваться

1 благородства (*фр.*)
2 бескорыстие (*фр.*)

(т.е. царство небесное Иисуса Христа). Мы на самом верном пути: царство небесное нищих духом началось.

Промежуточные ступени: буржуа (выскочка, порожденный деньгами) и рабочий (порождение машины)

Сравнение греческой культуры и французской эпохи Людовика XIV. Решительная вера в себя. Сословие бездельников, которые создают себе трудности и занимаются *само*преодолением. Власть формы, воля к *само*формированию. «Счастье» признается целью. Много силы и энергии *за* формой. Наслаждение при созерцании жизни, *кажущейся такой легкой. Греки* казались египтянам **детьми.**

25 [179]

Человек, как органическое существо, наделен инстинктом питания (алчность)

NB	Здесь обращать внимание только на внутренний мир!	Инстинкты отбора (любовь) (сюда же относится регенерация)

и аппаратом саморегуляции на службе инстинктов (интеллект) (сюда же относится усваивание пищи, событий, ненависть и т.д.).

25 [180]

Мое понимание «жертвенности». Я не люблю этого лицемерия! Естественно, чтобы осуществить то, что лежит у меня на сердце, я многое отбрасываю, в том числе и кое-что из того, «что лежит у меня на сердце»! Но главное остается неизменным: это отбрасывание всего лишь *следствие*, побочное явление; главное же в том, что нечто лежит у меня на сердце в большей степени, чем *все* остальное.

25 [181]

Изобилие *вульгарных* инстинктов в нынешней *эстетической* оценке французских романистов. В конечном счете: есть много скрытого, о чем они не хотят говорить, точно так же, как и Р<ихард> В<агнер>. 1) Их метод *очень легок* и удобен, научное соединение массы материала и бульварщи-

ны; нужно много шуметь о принципах, чтобы скрыть это обстоятельство, – но ученики, люди с меньшим талантом, об этом догадываются. 2) Вследствие недостатка дисциплины и чувства прекрасного они интересуются одним и тем же, они любопытны благодаря собственным низменным инстинктам, у них нет чувства отвращения и эгиды. 3) Их претензии на безличность есть чувство, что их личность mesquin[1], например Флобер, пресыщенный собой, как «буржуа». 4) Они хотят много зарабатывать и пользуются скандалом как средством для *мгновенного* большого успеха.

25 [182]

Психология этих господ Флоберов в целом ложна: они видят лишь действие внешнего мира и сформировавшееся ego (совсем как Тэн?) и знают лишь слабовольных, у которых место воли занимает désir[2].

25 [183]

Я как-нибудь покажу, что ложное понимание Шопенгауэром *воли* есть «признак времени», реакция на наполеоновскую эпоху: больше не *верят* героям, т.е. сильным волей. (В «Стелло» есть антинаполеоновское признание: «нет больше героев и монстров».)

25 [184]

Живопись на месте логики, отдельные наблюдения, план, преобладание переднего плана, тысяча подробностей – все выдает потребности людей нервных, как у Р<ихарда> В<агнера>, так и у Гонкуров.

Р<ихард> В<агнер> относится к французскому движению: герои и монстры, крайняя страсть и при этом сплошь подробности, моментальный *ужас*.

25 [185]

(Психология)

§ Переучиться «внутреннему» и «внешнему».

---

1 мелка (*фр.*)

2 желание (*фр.*)

§ «Бытие» недоказуемо, ибо «бытия» нет. Понятие «бытие» образовалось по контрасту с «ничто».

§ Понятия возникают как звуковые образы, объединяющие в себе множество символических зрительных образов.

§ Аффекты как противоположность психологических групп, которые обладают своего рода единством становления, протекая периодически.

§ Интеллект как центр чувств, перерабатывающий впечатления с помощью старого материала, своего рода желудок всех аффектов (которые требуют, чтобы их питали).

§ Воля? Истинный ход всякого чувствования и познания есть взрыв силы: при известных условиях (крайняя интенсивность, благодаря чему возникает радостное чувство силы и свободы) мы называем это явление «волей».

§ «Цель» как размытый образ, недостаточный для движения.

§ Взаимодействие мыслей (в логике) обманчиво: это борьба аффектов.

§ Расточительность силы существенная черта даже при самых целенаправленных действиях.

§ Причина и следствие – вся эта цепь есть *выбор* до и после, своего рода перевод события на язык наших воспоминаний, которые, как нам кажется, мы *понимаем*.

25 [186]

Вид великих жестов как причина великих поступков – следствие Корнеля и Расина.

25 [187]

Вольтер, не понявший Магомета, был *против* высших натур; Наполеон был прав, когда возмущался этим.

25 [188]

Наполеон: религия как подпорка доброй морали, правильных принципов, добрых нравов. Et puis l'inquiétude de l'homme est telle, qu'il lui faut ce vague et ce mer-

veilleux qu'elle lui présente[1]. Лучше бы он искал это там, а не у шарлатанов и Калиостро.

25 [189]

Нагорная проповедь: il se disait ravi, extasié de la pureté, du sublime et de la beauté d'une telle morale[2].

25 [190]

«J'ai refermé le gouffre anarchique et débrouillé le chaos. J'ai dessouillé la révolution, ennobli les peuples et raffermi les rois. J'ai excité toutes les émulations, récompensé tous les mérites et reculé les limites de la gloire. Tout cela est bien quelque chose!»[3]

25 [191]

К объяснению успехов Мухаммеда за 13 лет: «быть может, до этого шли долгие годы гражданской войны (считает Наполеон), *под влиянием которых образовались сильные характеры, большие таланты, неодолимые побуждения и т.д.*»

25 [192]

«Первопричина», как «вещь сама по себе», есть не загадка, а противоречие.

25 [193]

Недостатки одиночества, так как социальный инстинкт лучше всего передается по наследству; невозможность утвердить себя благодаря признанию со стороны других, чувство ледяного холода, вопль «любите меня» –

---

1 И потом, человеку настолько свойственно беспокойство, что ему нужны неопределенность и сказочность, которые оно порождает (*фр.*),

2 он говорил, что восхищен, очарован чистотой, возвышенностью и красотой такой морали (*фр.*)

3 «Я снова закрыл анархическую пропасть и рассеял хаос. Я очистил революцию от скверны, облагородил народы и укрепил власть королей. Я устранил всякое соперничество, вознаградил все заслуги и раздвинул границы славы. Все это чего-то да стоит!» (*фр.*)

cas pathologiques[1], как у Иисуса, Генриха фон Клейста и Гёте (Кетхен из Гейльбронна).

25 [194]

Андреа Дориа: *одно* лежит у него на сердце, ему он приносит в жертву *все* остальное. Предатель своих друзей, друг своих врагов. Абсолютное, ледяное одиночество. Собака. Жестокость по отношению к своим племянникам.

25 [195]

Идеалисты, например трепетно изумляющиеся мере и порядку на небесах, необычайному сочетанию системы и простоты, – отдаляют от себя вещи, закрывают глаза на отдельные детали. Реалисты хотят трепетно изумляться прямо противоположному, неисчислимому множеству, – поэтому они загромождают передний план; их отрада – вера в преизбыток творческих сил, невозможность сосчитать.

25 [196]

Многочисленность свойств и их связь – *моя* точка зрения. Двойные силы, силы-близнецы, например у Вагнера поэзия и музыка; у французов поэзия и живопись; у Платона поэзия и диалектика и т.д. Разобщение силы есть *варварство*: «калеки наизнанку».

25 [197]

Природный вкус прошлого столетия жалок. Ферней Вольтера. Казерта. Кларенс Руссо!

25 [198]

Все высшие натуры совершали преступления, только они не столь по-звериному очевидны. Но предательство, измена, убийство, отречение и т.д.

25 [199]

Великие люди молчат о своем внутреннем мире: невозможность встретить кого-то, кому они могли бы открыться. Например Наполеон. Мрачен.

---

1 патологические случаи (*фр.*)

25 [200]

До чего же мир аристократии обескровливает и ослабляет себя! Вследствие своих благородных инстинктов он отрекается от собственных привилегий, а вследствие своей утонченной возвышенной культуры интересуется народом, слабыми, бедными, поэзией малого и т.д.

25 [201]

Необходимо снова ввести *градацию* и сделать так, чтобы глупая баба не могла претендовать на высшую степень морали.

25 [202]

Противоречия спариваются, как мужчина и женщина, для зачатия чего-то третьего: генезис произведений гениев!

25 [203]

Ложное понимание gloria[1] как мотив созидающих!! Vanité[2] есть стадный инстинкт, *гордость* – дело коренника в упряжке.

25 [204]

«L'amour, по Наполеону, l'occupation de l'homme oisif, la distraction du guerrier, l'écueil du souverain»[3].

25 [205]

Характер француза: всегда les Gaulois d'autrefois: la légèreté, la même inconstance et surtout la même vanité[4]. Когда же мы, наконец, сможем поменять их хотя бы на толику гордости!

---

1 славы (*лат.*)

2 Тщеславие (*фр.*)

3 «любовь [...] это занятие человека праздного, развлечение воина, камень преткновения монарха» (*фр.*)

4 все такой же, как когда-то у галлов: легкомыслие, то же непостоянство и, главное, то же *тщеславие* (*фр.*)

25 [206]

«Люди *не* неблагодарны – но благотворитель чаще всего ждет слишком многого».

Он говорит, что люди изменяются, как в хорошем, так и в плохом.

Он полагает, что большинство поступков продиктовано не характером, а моментом и не имеет никакого отношения к характеру.

25 [207]

Принимаемые нами благодеяния опаснее любого несчастья: по отношению к нам хотят проявить власть. Оказание благодеяний должно относиться к привилегиям. Греческое чувство, всерьез воспринимавшее «*возможность* вернуть», было благородным.

25 [208]

Несчастье *всех* древних философов-моралистов в их великом лицемерии. Они настраивали фантазию человека на отделение добродетели от силы. Сила выступает как *притязание на счастье* – в этом еще осталось **нечто** от античности, отзвук преобладавшей аристократической формы. Однако начиная с Сократа ἀρετή[1] понимается *ложно*, она должна была снова и снова обосновывать себя, но хотела делать это не индивидуально, а тиранически: «благо для *всех*!». Попытка основания маленьких государств в государстве, как теперь у магометан Северной Африки.

25 [209]

Я не встречал талантливого человека, который не говорил бы мне, что утратил чувство долга или никогда не имел его. Кто сегодня не обладает сильной волей –

25 [210]

Прежние средства достижения *однородных* устойчивых существ посредством многих поколений: неотчужда-

---

1 добродетель (*древнегреч.*)

емое землевладение, почитание старших (происхождение веры в богов и *героев* как прародителей)

Нынешнее *дробление землевладения* относится к противоположной тенденции: *газета* (вместо ежедневной *молитвы*), железная дорога, телеграф. Концентрация чудовищного множества различных интересов в одной душе, которая должна быть *для этого* очень сильной и способной к превращению.

25 [211]

Нужно учение, достаточно сильное, чтобы оказывать *воспитывающее* влияние: придавать силы сильным, расслаблять и ломать уставших от мира.

Истребление рас, приходящих в упадок. Гибель Европы.

Уничтожение рабского почитания.

Господство над землей как средство создания высшего типа.

Истребление тартюфства, называемого «моралью». (Христианство как истерический род честности: Августин, Беньян.)

Уничтожение suffrage universel[1], т.е. системы, благодаря которой низшие натуры предписывают себя в качестве закона для высших.

Ликвидация посредственности и ее значения. (Односторонние, единичные – народы, например англичане, Дюринг. Стремиться к полноте природы посредством спаривания противоположностей, с этой целью смешивание рас.)

Новое мужество: никаких априорных истин (*их* искали привыкшие к вере!), а *добровольное* подчинение господствующей идее, имеющей свое время, например время как свойство пространства и т.д.

25 [212]

«Пустословие голодных мужей скучно».

---

1 всеобщего избирательного права (*фр.*)

25 [213]

Тартюфство (у всех господствующих слоев) в Европе (или мораль под влиянием христианства).

Истерия в Европе. (Праздность, недостаточное питание, малоподвижность – выливается в религиозное безумие, как у индусов. Недостаточная половая удовлетворенность.) *Выгода* в том, что религиозные люди не размножаются.

Педантизм раба и не-художника как вера в разум, целесообразность. Возникает как последствие эстетических эпох, обучающих видеть все *проще*, чем есть на самом деле: поверхностность греческих моралистов, равно как и французов XVIII столетия.

Теперь в качестве морали у англичан (довольствование комфортным существованием, им кажется, что они решили проблему счастливой жизни: *это* находит отражение в их образе мыслей).

Рабское поведение как потребность в *авторитете*. Лютер.

25 [214]

Мое завершение фатализма:

1) посредством вечного возращения и пресущество вания;
2) посредством устранения понятия «воля».

25 [215]

Физическая проблема: изобрести состояние, которое являлось бы + и –.

25 [216]

Нехватка сильных душ, в том числе и у мудрых.

Тартюфство познающих перед самими собой: «Познание ради себя самого!»

Объективность как современное средство избавления от себя, из презрения (как у Флобера)

логики, математики, механики и их ценность. Как много там надувательства!

Актерство древних: Сократ, *чернь* видит в добродетели свой идеал, т.е. счастье в освобождении от болезненных

*сверх*сильных вульгарных желаний. Отсутствие желаний как цель познания. (Результатом *должен* стать вывод: «все малозначительно»)

Недостаток могущественной
благородной
богатой и разносторонней
здоровой } души у прежних философов.

25 [217]

Походы викингов, конституция и нравы древних скандинавов. Фон Стиннхольм. Пер<евод> Фриша. (Гамбург: Пертес, 1879.)

25 [218]

Ценность антисемитизма в том, чтобы побуждать евреев ставить перед собой более высокие цели и находить слишком *низменным* растворение в национальных государствах.

25 [219]

Вооружение народа – в конечном счете есть вооружение черни.

25 [220]

Использовать людей вроде меня трудно: я все больше узнаю, как много поверхностного и дерзкого скрывается в действиях, которыми хотят оказать на меня «благотворное влияние».

Я давно уже не люблю ни одного человека: тех немногих превосходных талантов, которым я могу быть полезен, мне не хочется лишаться из-за нелепых выходок злобной гусыни; эта возможность быть полезным – почти единственное мое удовлетворение, которое мне до сих пор приносило общение с другими.

25 [221]

Задача заключается в создании *господствующей касты*, людей обширнейшей души, способных решать самые раз-

ные задачи управления землей. Все существовавшие до сих пор отдельные способности собрать в одной натуре.

Отношение к этому *евреев*: большой предварительный опыт *приспособления*. *Поэтому* они пока величайшие актеры; как поэты и художники они тоже блестящие подражатели и сопереживающие. С другой стороны – то, чего им недостает. К евреям будут относиться *справедливее* только тогда, когда будет уничтожено христианство, – даже как к основателям христианства и инициаторам до сих пор высшего морального пафоса.

25 [222]

У 20 века два *лица*; одно из них – лицо гибели. Все причины, благодаря которым в будущем могли бы возникнуть более могущественные и широкие души, чем когда бы то ни было (в большей мере лишенные предрассудков и морали), подталкивают более слабые натуры к гибели. Быть может, возникает своего рода европейский китаизм, с мягкой буддистско-христианской верой, а на практике – по-эпикурейски умный, каким и бывает китаец; редуцированные люди.

25 [223]

Побудительный мотив английского философствования – тяга к комфорту.

25 [224]

Если это необходимо для твоего здоровья, вперед! В чем дело! Но не поднимай шума по этому поводу! Смешно с воодушевлением говорить о зеленых овощах: кто это делает, у того мало ума!

25 [225]

Управление землей – *насущная* проблема. Радикальный вопрос: *должно* ли быть рабство? Или, скорее, это вовсе не вопрос, а факт – и только проклятое англо-европейское ханжество делает – – –

В действительности рабство *существует* всегда – хотите вы этого или нет! Например прусский чиновник. Ученый. Монах.

25 [226]

Смерть. Нужно перевернуть глупый физиологический факт, показав его как моральную необходимость. Жить так, чтобы *в нужный момент обречь на смерть свою волю!*

25 [227]

Вечное возвращение.
Посвящается моим братьям.
Но где же вы, мои братья?

Введение.
Чего, собственно, хотели до сих пор философы? Ретроспективный взгляд, начиная с брахманов.
Я хочу учить мысли, которая многим дает право перечеркнуть себя, – великой *воспитывающей* мысли.

25 [228]

Вопрос о *браке.* Найти приспособление для людей творческих, ибо здесь есть антагонизм между браком и творчеством.

25 [229]

Основная тема. Интеллект должен *подчинять* себе доброжелательность: она должна быть оценена заново, как и тот безграничный вред, который наносится актами благодеяния. Ирония *материнской* любви.

25 [230]

Языки вводят в заблуждение о «*народах*»: чаще всего они вредят высшему познанию.

25 [231]

Ошибки относительно одинакового и подобного: 1) потому что это одинаково *выглядит*; 2) потому что это движется одинаково; 3) потому что это издает одинаковые звуки.

25 [232]

Необходимость рабства.

25 [233]

Скульптор (отрицание прежнего «идеализма» и его игры с образами). Речь идет о *теле.*

25 [234]

Евреи в Европе – древнейшая и чистейшая раса. Поэтому красота еврейки – наивысшая.

25 [235]

Обезьяны слишком добродушны, чтобы от них мог произойти человек.

25 [236]

Укрощение человека до сих пор ложно понимали как «мораль».

25 [237]

Неописуемо мягкое, твердое, решительное и сердечное рассмотрение всех вещей в Заратустре I.

25 [238]

«*Философия будущего*»

1. Моральное тартюфство.
2. Необходимость рабства (человек как *орудие* –)
3. Гибель Европы.

25 [239]

Свобода воли преподается из двух противоположных побуждений: «liberum arbitrium[1] никогда не поддается принуждению, ибо где принуждение, там нет свободы, а где нет свободы, там нет *заслуги*», – а другие заключают: «там нет *вины*». Первые выводят тезис о свободе воли из чувства гордости, вторые – из «чувства греха» и «смирения».

25 [240]

В Германии до сих пор не было культуры, а были всегда только мистические сепаратисты. Всегда только *одиночки* – это *утешает*!

---

1 свобода выбора (*лат.*)

25 [241]

Музыка как отзвук состояний, понятийным выражением которых была мистика, – чувство просветления одиночки, трансфигурация. Или: примирение внутренних противоречий для чего-то нового, *рождение третьего.*

25 [242]

Сигнатура *раба: природа-инструмент*, холодный, полезный; я рассматриваю всех утилитаристов как *невольных рабов.* **Обломки** людей – вот что отличает рабов.

25 [243]

Первый принцип: не считаться с количеством; масса, убогие и несчастные меня мало занимают: я интересуюсь *первыми и самыми удачными экземплярами* – и чтобы они *ни в чем не ущемлялись ради неудавшихся* (т.е. массы)

Уничтожение неудавшихся: для этого необходимо эмансипироваться от прежней морали.

25 [244]

Мы должны уловить христианство в многочисленных музыкальных произведениях и *преодолеть* его.

25 [245]

Отдельные орудия.

1. *Повелевающие*, могущественные: они *не любят* ничего, кроме образов, по которым творят;

полные, разносторонние, безусловные, преодолевающие наличное.

2. *Отпущенные на свободу*, послушные: любовь и почитание для них – счастье (избавляются от своей неполноценности при виде высшего).

3. Рабы, «типы слуг»: доставить им удовольствие сострадать друг другу.

25 [246]

В первой части объяснить *гибель* и ее *необходимость*! Каким образом раб стал господином, не обладая добродетелями господина

аристократия без фундамента происхождения и чистоты

монархи, не являющиеся *первыми людьми*.

25 [247]

К (1): отчаяние и неуверенность во всех формах подступаются к Заратустре – он дает объяснение.

«Ты раб», говорит он королю, и философу тоже.

Кто должен быть властителем земли? Вот рефрен моей практической философии.

Чему тут удивляться? Вы сделали раба господином. *Рефрен*.

«самый маленький человек»

«Где совершались большие безумства, как не среди сострадательных?» – говорит Заратустра женщине.

«Отечество и народ»: до чего же язык вводит *в заблуждение*!

25 [248]

«Германия, Германия превыше всего» – вероятно, самый дурацкий лозунг из когда-либо существовавших. *Почему* именно Германия, – спрашиваю я, – если она не *желает*, не *представляет* собой чего-то, в чем больше ценности, нежели в том, что представляет собой какое-нибудь другое государство! Одним крупным государством больше – одной нелепостью в мире больше.

25 [249]

Последняя речь: вот молот, преодолевающий людей.

человек не удался? вперед, проверим, выдержит ли он удар молота!

вот великий полдень

погибающий *благословляет* себя

он предсказывает гибель бесчисленных одиночек и рас

я фатум

я *преодолел* сострадание; ликование художника при крике мрамора.

звери и растения способны вынести эту мысль (он обращается к своим зверям)

«Прочь от меня!» – он со смехом удаляется.

В последней части Заратустра становится все более *чужим, далеким и спокойным* в своих речах. Наконец он погружается в глубочайшее молчание – в течение семи дней. *Во время* этого молчания рождается *возмущение*, глухое *давление* учеников.

– их отторжение, уход, гроза и буря. Женщина хочет убить его, когда его последние ученики решают сказать ему свое *Нет*.

25 [250]

Лео Гфрёрер – «Густав Адольф»

Вальтер Рогге, «парламент<ские> величины»

25 [251]

Мы недостаточно глупы, чтобы восхищаться принципом «Герм<ания>, Г<ермания> превыше всего» или германским рейхом.

25 [252]

Не всякий имеет право говорить обо всем – как и не всё можно брать в любые руки. Я называю это «ящуром»

25 [253]

Как можно, подобно Лютеру, стремиться давать отдельному человеку свободу в высших вещах! В конечном счете стадный инстинкт берет верх и они снова впадают в рабство (например протестанты перед самыми убогими маленькими князьками, лакейский народ –)

25 [254]

Оценки церкви принадлежат *рабам*. Глубокая *лживость* – европейское свойство. Кто хочет воздействовать на европейцев в больших масштабах, тот до сих пор нуждался в моральном тартюфстве (например Наполеон в своих прокламациях, в недавнее время Р. Вагнер благодаря своей манерной музыке).

«Благо большинства» – принцип даже у князей!

25 [255]

Будущее до сих пор почти не принималось во внимание, кроме как у римлян.

25 [256]

На Востоке народы застыли под властью одного нравственного закона. Европа осталась живой под властью двух противоположных.

История Европы со времен римских императоров есть восстание рабов.

25 [257]

Без платонизма и аристотелизма нет христианской философии.

25 [258]

Понятие мистика: тот, кто переполнен собственным счастьем и ищет язык для выражения своего счастья, хочет его *раздаривать*.

25 [259]

Если сравнивать викингов дома и на чужбине: железный и золотой век, в зависимости от точки зрения. Таков и великий человек Возрождения! Червь совести – свойство черни и настоящая *порча* для *благородного* образа мыслей.

Каждый человек великого образа мыслей совершал *все* преступления; поддаются ли они юрисдикции, связано с мягкостью и слабостью времени. Но вспомним Лютера и т.д. А также Христа: тех, кто не *любил* его, он отправлял поджариваться в аду!

То, что приходится совершать и выносить дурные поступки, продиктованные величием образа мыслей, не *боящегося* за свою *репутацию*, – есть изначальная твердость и величие, если не принимать во внимание *заимствованных* оценок. (У Рэ отсутствуют все изначальные люди.

Охарактеризовать Бисмарка.

А также Наполеона, – приятное, не знающее себе равных чувство бродило по Европе: *господином* должен быть гений, прежний тупоумный «князь» выглядел кари-

катурой. – Оппонировали только самые глупые или те, кто понес от него наибольший ущерб (Англия)

Великих людей не понимают: они прощают себе любое преступление, но не прощают слабости. Скольких они лишили жизни! Что ни гений – какая пустыня вокруг него!

Кто *становится* человеком «своего преступления», тот недостаточно возвышается над суждением.

25 [260]

Путь свободы *тернист*. 1 ч<асть>

25 [261]

Высший индивид берет себе все те *права*, которые позволяет себе государство, – убивать, уничтожать, шпионить и т.д. Трусость и нечистая совесть большинства князей изобрели государство и фразу о bien public[1]. Настоящий человек всегда использовал это как *средство* для достижения какой-либо цели.

Культура возникала *только* в благородных культурах – и у отшельников, с презрением сжигавших все вокруг себя.

25 [262]

Идеализм *раба*, который является **лжецом**: ярчайший тип такого лжеца – папа римский!

25 [263]

Современный социализм хочет создать побочные светские формы иезуитства: *каждый* – абсолютный инструмент. Но цель до сих пор не найдена. Для чего!

25 [264]

Нигилисты не хотят унижаться из-за европейских целей: они не хотят больше *быть рабами* –

25 [265]

Не каждый имеет право на *любую* проблему, например Дюринг, Лютер; об этом свидетельствует свобода мысли и прессы. –

---

1 общественном благе (*фр.*)

25 [266]

Я считал признаком «нищеты духа» одновременно упоминать Шопенгауэра и Гартмана.

25 [267]

Болезнь и угнетенность порождают нечто вроде помешательства – как и тяжелая механическая работа.

25 [268]

Крестьянин – самый простой вид noblesse[1], ибо он чаще всего зависит от себя самого. Крестьянская кровь все еще *лучшая кровь* в Германии: например Лютер, Нибур, Бисмарк

Где найдешь знатную семью, в крови которой не было бы венерической болезни и порчи?

Бисмарк – славянин. Стоит только взглянуть на лица немцев (понятно удивление Наполеона, когда он увидел автора «Вертера» и *мужчину*): все, что имело в себе льющуюся через край мужскую кровь, отправлялось за границу; улучшение оставшегося убогого населения, народа с лакейской душой шло из-за границы, прежде всего благодаря *славянской крови.*

Бранденбургская и вообще прусская знать (и крестьяне из некоторых северонемецких областей) являются сегодня *самыми мужественными* натурами в Германии.

Когда властвуют *мужественнейшие мужи*, это в порядке вещей.

25 [269]

Мы не вздорные пустомели, болтающие о целомудрии: если ты нуждаешься в женщине, то найдешь ее, не разрушая и не заключая браков.

25 [270]

1 принцип: бога нет. Он опровергается с такой же легкостью, как и любая другая вещь. Нужно прибегать к «необъяснимому», чтобы отстоять тезис о его существо-

---

1 знати (*фр.*)

вании. *Стало быть*, отныне вера в бога означает *ложь* или *слабость*.

2 принцип: *властвовать должны самые мужественные мужи*, а не полубабы, не священники и ученые; против католической мечтательности Конта

3 принцип: по ту сторону господствующих, свободные от всех уз, живут высшие люди: господствующие служат им инструментом.

Воины, земледельцы, городская *промышленность*, ниже всех *торговцы*.

25 [271]

Крестьянин в Лютере кричал о лжи высшего человека, в которого верил; «не существует никаких высших людей», – кричал он.

25 [272]

Бисмарк хотел создать парламент как громоотвод для руководящего государственного деятеля, силу *против* короны и при случае рычаг для давления на заграницу; он создал в нем своего козла отпущения, отвечающего за провалы.

25 [273]

Noblesse[1] увеличивается согласно степени *независимости* от места и времени. Люди высшей культуры, сильные телом, стоят над всеми *суверенами*.

25 [274]

Кроткий человек и укрощенный человек – из них состоит огромная масса.

25 [275]

Кто является жертвой страсти, тот поднялся недостаточно высоко: он должен был бы ее – – –

---

1 Благородство (*фр.*)

25 [276]
Будущее наших воспитательных учреждений.
верно понятый Р. Вагнер
верно понятый Шопенгауэр. Его воротит от того, от чего воротит и меня.

25 [277]
Решение. Я хочу говорить, а не Заратустра

25 [278]
Злые для меня – это именно те, кто, являясь королями и т.д., дают *ложный образ* могущественнейшего человека, опираясь на власть армий, чиновников (даже гении без внутреннего совершенства, как Фридрих Великий и Наполеон), и позволяют возникнуть вопросу: зачем?

25 [279]
bien public[1] – это пение сирен: оно приманивает низменные инстинкты.

25 [280]
Благородная простота испанца, его гордость.

25 [281]
Похвала нигилистам: лучше уничтожать и погибать самим!

25 [282]
«Стиль».
Подражание как талант *евреев.* «Приспосабливаться к формам» – отсюда актеры, отсюда такие поэты, как Гейне и Липинер.

25 [283]
Прежде искали свое *будущее* благополучие за счет *настоящего.* Так живет каждый творческий человек относительно своего творения. А возвышенный образ мыслей

---

1 общественное благо (*фр.*)

хочет, чтобы я ради будущего человека *жил за счет настоящего удовольствия*

25 [284]

Презирать похвалу dévouement[1] и héroisme[2]; из презрения к воздающим хвалу состраданию я едва не стал *жестоким.*

25 [285]

Моя ненависть к высокопарным фразам касательно меня. Кто мог бы благодаря своей фантазии достичь того, *чего* я до сих пор требовал от себя в жизни и чем жертвовал, а также какое сопротивление преодолевал на своем пути, в том числе того, что я, в отношении продолжительности и силы телесных мучений, принадлежу, вероятно, к людям с самым большим опытом. И вдруг они снова видят меня в уменьшенном аспекте маленькими глазами родственников и друзей, короче, глазами любого человека, осыпают подозрениями и упреками в слабости, в том числе и нравоучениями. – У кого может быть право ободрять меня!

25 [286]

поставить немцев выше других народов – ибо Заратустра написан по-немецки. –

25 [287]

Эгоизм! Но еще никто не спросил: *что* за ego? Наоборот, каждый невольно уравнивает одно ego с другим. Это следствие рабской теории о suffrage universel[3] и «равенстве».

25 [288]

При созерцании *красоты* глаз часто остается на поверхности. Но красота должна быть и в каждом внутреннем процессе тела: вся душевная красота всего лишь

1 самоотверженности (*фр.*)
2 героизма (*фр.*)
3 всеобщем избирательном праве (*фр.*)

сравнение и нечто *поверхностное в сравнении с этим множеством* глубинных гармоний.

25 [289]
Моя речь против злых (которые *льстят рабам* –)
клевещущих на мир
добрых (которые верят, что благодеяние дается легко и доступно каждому)
(против поповского воздуха и воздуха поповских домов)

25 [290]
Век *опытов*.

Я ставлю великий опыт: *кто способен выдержать мысль о вечном возвращении?* – Кого можно уничтожить фразой «не существует никакого спасения», те должны вымереть. Я хочу *войн*, в которых те, у кого есть смелость жить, изгонят остальных; этот вопрос должен снять все оковы и *изгнать* уставших от жизни: вы должны вытолкнуть их, осыпать презрением или заключить в сумасшедшие дома, подтолкнуть их к отчаянию и т.д.

25 [291]
Поймите меня правильно: любовь к ближнему есть рецепт для тех, кому не удалось смешение свойств. Их *почитатели*, вроде Конта, дают понять, что им это надоело.

25 [292]
С помощью *грандиозного* парадокса «бог на кресте» в Е<вропе> испортили *хороший вкус* на тысячелетия: это ужасная мысль, превосходная степень парадокса. Точно так же, как и ад у бога любви. Здесь проявился esprit[1] барокко, против которого язычество уже не могло выстоять

25 [293]
То, что мы снова воспринимаем *Гомера*, я рассматриваю как величайшую победу над христианством и христианскими культурами: мы **пресытились** христианской из-

---

1 дух (*фр.*)

неженностью, склонностью к уродливому и мрачному, одухотворенностью

25 [294]

Нужно чувствовать в церкви *ложь*, не только неправду: *так глубоко внушить народу идеи Просвещения, чтобы все священники становились священниками с нечистой совестью* – –

– то же самое нужно сделать и с государством. **Задача Просвещения** – превратить образ действий князей и государственных мужей в *намеренную ложь*, пробудить в них нечистую совесть и **снова изгнать неосознанное тартюфство из плоти европейского человека.**

25 [295]

«Страх смерти – это страх европейского рода». Восточное.

25 [296]

Новое Просвещение. Против церквей и священников
против государственных мужей
против добродушных, сострадательных
против образованных и роскоши
in summa[1] против лицемерия.

Как у Макиавелли.

25 [297]

Сократ: *низкий* человек; хитрый; благодаря ясному уму и сильной воле умел владеть собой; юмор победителя; в общении со знатными всегда замечал, что они не могут спросить «*почему?*» (*Это свойство знатных: они исповедуют добродетель, не спрашивая «зачем?»* –) До него наукой занимались сплошь благородные мужи!

Суждение о его смерти: своего рода ложь, так как он скрывает свою волю к смерти; потом он тем самым навлечет позор на свое отечество. Все-таки он больше эгоист, чем патриот.

У диалектики *плебейское* происхождение: ей *противостоит* фанатизм **поэтической** природы у Платона. В то

---

1 в общем (*лат.*)

же время, как *натура* **агональная**, он замечает, что здесь присутствует *средство* для *победы над всеми участниками борьбы* и что это *редкое* качество.

25 [298]

О ранге. Ужасное последствие «равенства»: в конечном счете каждый верит в то, что он имеет право решать любую проблему. Тем самым утрачивается всякая субординация.

25 [299]

Наши предпосылки: никакого бога, никаких целей, конечная сила. Будем *остерегаться* выдумывать и предписывать низшим нужный им образ мыслей!!

25 [300]

Смысл религии: следует *поддерживать неудавшихся* и несчастных и, улучшив им настроение (надежда и страх), удержать их от самоубийства.

Или у знатных: избыток *благодарности* и *возвышенности*, который слишком *значителен*, чтобы быть принесенным в дар человеку

25 [301]

Вспышка моего *отвращения* к бесстыдству, с которым даже дуры дают себе право говорить о «добре» и «зле» у великих людей.

25 [302]

От крестьянских парней, ставших священниками, разит монастырем

25 [303]

немецкая философия, отдающая Тюбингенской школой

25 [304]

«Ничто не истинно, все дозволено».

25 [305]

Заратустра: «я забрал у вас все, бога, долг, – теперь вы должны пройти *величайшее испытание на благородство.* Ибо **здесь** открыт путь для злодеев – взгляните!

– борьба за господство, в конце стадо становится еще больше стадом, а тиран – еще больше тираном, чем когда бы то ни было.

– никакого тайного союза! *Последствия* моего учения должны быть ужасно неистовыми: *в них найдет свою гибель неисчислимое множество.*

– *мы проводим опыт с истиной*! Быть может, от него погибнет человечество! Ну что ж!

25 [306]

1 часть. Гора под конец окутывается испарениями уныния и нужды

невозможные всех видов бегут к нему – полчища глупцов вокруг меня!

– о религии рабов

– о ранге.

– безбожники, приходящие к нему из честности

25 [307]

1 принцип. Все существовавшие до сих пор оценки возникли из ложного, мнимого знания о вещах: они больше не обязывают, даже когда работают как чувство, инстинктивно (как совесть).

2 принцип. Вместо веры, которая уже невозможна для нас, мы ставим над собой сильную волю, которая, в качестве эвристического принципа, удерживает предварительный ряд основополагающих оценок: чтобы посмотреть, *как далеко* мы в этом можем продвинуться. Подобно мореплавателю в незнакомом море. В действительности и вся та «вера» не была ничем иным: только *воспитание духа* было тогда слишком незначительным, чтобы выдержать нашу *грандиозную предусмотрительность.*

3 принцип. Храбрость ума и сердца – вот то, что **выделяет** нас, европейцев; она завоевана в борьбе множества мнений. Величайшая гибкость в борьбе с религиями, ставшими весьма изворотливыми, и жесткая строгость,

даже жестокость. Вивисекция – это *проверка*: кто ее не выдерживает, тот не с нами (обычно имеются и другие знаки, что они не с нами, например Цёльнер).

4 принцип. Математика содержит описания (дефиниции) и выводы из дефиниций. Ее предмета *не существует*. Истинность ее выводов основывается на правильности логического мышления. – Когда применяется математика, происходит то же самое, что и при объяснении «средства и цели»: истинное значение *подправляется* и *упрощается* (**подделывается** – –)

5 принцип. То, во что мы больше всего верим, всякое a priori, не является *более верным потому*, что в него верят столь сильно. Скорее это условие существования нашего вида – некое основополагающее предположение. Поэтому другие существа могут делать другие предположения, например о четырех измерениях. *Поэтому* все эти предположения все же могут быть ложными – или, скорее: насколько нечто может быть «верным само по себе»! Вот *главная нелепость!*

6 принцип. Приобретенное мужество позволяет нам не обманываться насчет нашего *человеческого* положения: скорее мы хотим строго соблюсти *свою меру* и **стремимся к величайшей мере власти над вещами.** Понять, что опасность чудовищна, что до сих пор *господствовал* случай –

7 принцип. Близится задача управления землей. И возникает вопрос: **каким** нам *хочется* видеть будущее человечества! – *Нужны* новые скрижали ценностей. Борьба с *представителями* старых, «*вечных*» ценностей как высшая задача!

8 принцип. Но *откуда* нам взять свой императив? Это не принцип «ты обязан», а принцип могущественного, созидающего «я должен».

25 [308]

Философы пытались растворить мир 1) в образах (явлениях), или 2) в понятиях, или 3) в воле – короче, в чем-то известном в человеке, – или приравнять его к *душе* («бог»). Народ привнес в природу представление о «причине и следствии», исходя из считающегося известным

условия человеческого поступка. «Свобода воли» есть теория для *чувства.*

Осознание субъективного происхождения явления еще не *доказательство* его *«не-существования»*, например пространство, время и т.д.

Наука математики растворяет мир в *формулах.* Это значит, что она – – –

Напротив, нужно *держаться* того, что понятия и формулы могут быть лишь средством понимания и исчисляемости, их цель – *практическое применение:* возможность для человека использовать природу, разумная граница.

Наука: овладение природой для пользы человека –

– отринуть *избыточные* фантазии метафизиков и математиков, хотя они необходимы как эксперимент, при котором, вероятно, возможны случайные открытия.

Громадное количество духовной работы в науке *тратится впустую* – здесь тоже еще царит принцип максимально возможной глупости.

Принцип при объяснении всей человеческой истории: усилия бесконечно значительнее, чем *результат.*

25 [309]

Принцип: быть как природа, быть *в состоянии* принести в жертву бесчисленное множество существ, чтобы человечество могло чего-то достичь. Нужно изучить, **как** на самом деле возникает великий человек. *Вся* существовавшая до сих пор этика бесконечно ограничена и локальна; кроме того, она слепа и лжива по сравнению с истинными законами. Она возникла не для объяснения, а для того, чтобы **воспрепятствовать** известным поступкам, не говоря уже о *созидании*

Наука – *опасное* дело, и пока нас не будут преследовать из-за нее, о ее «достоинстве» и говорить нечего. Тем более когда науку несут в народную школу: теперь на языке науки начнут судачить даже девчонки и глупые бабы; все дело в том, что в занятиях наукой всегда присутствовало *моральное тартюфство.*

Я хочу положить этому конец.

Все предпосылки существующего «порядка» *опровергнуты.*

1) Бог опровергнут: ибо все происходящее нельзя назвать ни добрым, ни умным, ни правильным;

2) ибо «добро» и зло» не являются противоположностями и моральные ценности изменчивы

3) ибо «истинное» и «ложное» одинаково необходимы: предпосылкой живого является желание обманывать и обманываться самому

4) «неэгостичное» совершенно невозможно. «Любовь» понимают превратно. «Молитва» равнодушна, «покорность» опасна.

25 [310]

То, что наши органы чувств сами являются лишь проявлениями и следствием наших чувств и что наша телесная организация есть следствие нашей конституции, кажется мне противоречивым или, по меньшей мере, совершенно недоказуемым. То, что tartarus stibiatus[1] вызывает у меня рвоту, не имеет ничего общего со всеми «явлениями» и «мнениями».

Фотография есть достаточный контраргумент против самой грубой формы «идеализма».

25 [311]

Откуда чувство истины? Во-первых: мы не боимся отклониться; во-вторых, оно умножает наше чувство власти, в том числе и в отношении нас самих.

25 [312]

«очеловечивать» мир, т.е. все больше чувствовать себя в нем господами –

25 [313]

Чувствовать, понимать, хотеть было бы совершенно невозможно применительно к невероятно малой подвижности атомов, если бы к сущности этих процессов не относились *сложение, огрубление, удлинение, уравнение.*

---

1 рвотный камень (*лат.*)

Образ и понятие возникают, когда *продуктивная сила формирует* некоторые наличные раздражители: *создает* «явление»

25 [314]

В математике нет *понимания*, а есть только *констатация необходимостей*: отношений, которые не меняются, законов *в* бытии.

Механическое мировоззрение, т.е. такое, при котором в конечном счете отказываются от понимания, мы «понимаем», только когда понимаем *мотивы*. Где нет мотивов, там кончается понимание.

Относительно самых целенаправленных действий я намерен показать, что наше «понимание» и там лишь видимость и *заблуждение*.

25 [315]

Глава: о «понимании» поступков.

25 [316]

Идеал: сконструировать сложнейшее из всех механических существ, опираясь на *глупейший* из всех возможных методов.

25 [317]

Произведение искусства можно не заметить. Великого человека не заметить *нельзя*! Отсюда забота об искусстве у *подчиненных*, *создающих* себе царство свободы: художники чаще всего *не* являются властителями.

Властители любят искусство, потому что хотят видеть в нем *отражение самих себя*.

25 [318]

Ланге, с. 822 «*действительности*, которую воображает себе человек и какую *страстно желает*, когда эта воображаемая действительность *рушится*, – *абсолютно прочного, независимого от нас* и все же признаваемого нами бытия, – такой действительности не существует». Мы действуем в ней, но *это* не приносит Ланге гордости!

он не желает себе ничего обманчивого, переменчивого, зависимого, неузнаваемого: *это* инстинкты *запуганных* существ, тех, кто еще находится во власти морали; они страстно желают себе *абсолютного властителя*, чего-то любящего, изрекающего истины, – короче говоря, эта тоска идеалистов в морально-религиозном плане исходит из рабской точки зрения.

Наоборот, наше суверенное право художника могло бы получать наслаждение от того, что мир *создан* нами

«*лишь* субъективно», но я ощущаю наоборот: *мы* создали это!

25 [319]

Формировать – вот инстинкт *нравственного* начала: создавать *типы*; для этого необходимы противоречия в оценке.

Видеть или *высчитывать* формы – наше величайшее счастье и наше давнее упражнение.

25 [320]

Все эстетические суждения включают в себя нравственные оценки. П<етер> Г<аст> слишком добродушен, чтобы отчеканить волю на своем тезисе, – он *уступает.*

25 [321]

Большой стиль заключается в презрении к малой и быстротечной красоте, ему свойственно чувство редкого и длящегося.

25 [322]

Заратустра в ожидании

1) Признаки величайшего смятения. «Ничто не истинно, все дозволено»

2) Он провозглашает свое В<ечное> В<озвращение>. Негодование, жалобы – вплоть до покушения. Заратустра смеется, он счастлив, ибо приносит *великий кризис*

3) уставшие от мира удаляются, толпа становится меньше. Ей возвещает он свое учение, чтобы найти путь к сверхчеловеку и все же оставаться *в хорошем расположении духа*

Весел как на биваке. Праздничные шествия и т.д.

25 [323]

Вечное возвращение.
Полденъ и вечностъ.

1. Время пришло!
2. Великий полдень.
3. Давшие обет. Предсказание вечного возвращения.

25 [324]

Чтобы видеть и слышать, нужно сначала *научиться* видеть, научиться слышать совершенно определенные формы.

25 [325]

То, что в морфологической цепи животных *развивается* нервная система, а позднее мозг, дает отправную точку: развивается способность *чувствовать*, а позднее – способность творить образы и *мышление*. Хотя мы этого пока не понимаем – но мы *видим*, что это так. Мы считаем маловероятным признание за всем органическим способности испытывать желание и боль, – но и у человека *раздражение* все еще та ступень, где нет *ни того, ни другого*.

25 [326]

Мы опасаемся исходить из «думающего», «желающего», чувствующего в нас. Это *конец* и во всяком случае нечто крайне запутанное и трудное для понимания.

25 [327]

Возникновение *субъективного* свободного восприятия пространства, времени, силы, причинности, при условии, что оно осознанно; то же и с возникновением образов (т.е. форм, фигур), понятий (т.е. знаков для воспоминания о целых группах образов посредством *звуков*); все эти субъективные явления не позволяют усомниться в *объективной истинности* логических, математических, механических, химических законов. Другое дело – наша способность вы-

сказываться об этих законах: мы вынуждены прибегать к помощи языка.

25 [328]

Найти язык *более полных* натур – отразить их образ мира –

25 [329]

Найти *характер* для образа мыслей, подобного моему: механически; случайность, удовольствие от красивых картин, от разрушения (ибо это *становление*), умное использование, использовать случай, безответственно, смело, без жесткости

25 [330]

Сообщение о состояниях: прозы для этого совершенно недостаточно – а наука *может* сообщать только о научном состоянии и *не должна делать ничего иного*!!

О множественности языка (образов, звуков) как средства общения для *более полных* людей.

25 [331]

Заратустра, после того как ученики в ужасе отвернулись от него, а он со смехом и сверхчеловеческой уверенностью заявил о своей миссии; – – зовет их обратно к себе *с глубочайшей нежностью* и одновременно сам возвращается из высочайшего отчуждения и отдаления: *по-отцовски*.

25 [332]

Связь эстетического и нравственного: большой стиль жаждет сильной основополагающей воли и чаще всего испытывает отвращение к бессвязности.

Танец и легкое развитие из одной фазы в другую *крайне опасны*: танец с мечами. Ибо грубая настойчивость и упрямство обычно придают индивиду выносливость.

Труднее всего объединить: волю, силу основного чувства и смену движений (превращения)

25 [333]

Все органическое, которое «судит» о чем-либо, поступает *как художник*: из отдельных побуждений и раздражений оно создает целое, многие частности оно отбрасывает и создает simplificatio[1], оно полагает и одновременно принимает свое творение как *сущее. Логическое – это сам импульс, который приводит к тому, что мир протекает логически, в соответствии с нашими суждениями.*

Творческое – 1) усваивающий, 2) избирающий, 3) преобразующий элемент – 4) саморегулирующий элемент – 5) исключающее.

25 [334]

На протяжении многих поколений видов присутствует *необходимость*, которая есть уже в первом зародыше; если предположить, что к этому добавляются благоприятные условия *питания*, будущее органического творения полностью определено; время появления отдельных *новых* форм (например нервов) зависит от случайностей питания.

NB. *Рост жизни в зависимости от продолжительности существования небесных тел.*

25 [335]

Великий человек ощущает свою *власть* над народом, свое временное совпадение с народом или с тысячелетием; это *возрастающее* ощущение себя, как causa[2] и voluntas[3], *ложно считают* «альтруизмом» –

– его тянет к *средствам* общения: все великие люди **изобретательны** в нахождении таких *средств*. Они хотят вписаться в большие общности, хотят придать форму многообразному, неупорядоченному, им страстно хочется увидеть хаос

– Ложное понимание любви. Есть рабская *любовь*, которая подчиняется и отдается, которая идеализирует и обманывается, – и есть *божественная* любовь, которая презирает, и любит, и *пересоздает*, **возвышает** то, что любит. –

---

1 упрощение (*лат.*)

2 причины (*лат.*)

3 воли (*лат.*)

– обрести такую огромную *энергию величия*, чтобы, посредством муштры и, с другой стороны, уничтожения миллионов неудавшихся, сформировать будущего человека и *не погибнуть* от страдания, которое *причиняют* и равного которому еще не было!..

– Убеждение *неудавшихся – пожертвовать собой*: вот смысл орденов, дающих обет целомудрия.

– наслаждение формами в изобразительных искусствах: они сообщают о состоянии художника (спокойно-почтительно). Музыкант *движим аффектами*, не видя объектов, – и сообщает о своем состоянии. Более *основательно*, нежели живописец о своем.

25 [336]

К психологии.

1. Любое «этическое» чувство, которое становится достоянием нашего сознания, *упрощается* по мере его осознания, т.е. приближается к понятию. Само по себе оно многообразно, гармоническое сочетание многих звуков.

2. «Внутренний» мир непостижимее внешнего: созвучие множества обертонов проясняется благодаря музыке, создающей образ.

3. Чтобы знать нечто в механическом миропорядке, необходим перспективный аппарат, который делает возможным: 1) определенное прекращение движения, 2) упрощение, 3) отбор и пропускание. *Органическое – это устройство, благодаря которому может развиваться сознание, ибо оно само* нуждается *в тех же предварительных условиях*.

4. Внутренний мир должен превратиться в видимость, чтобы быть осознанным: воспринимать многочисленные побуждения как единое и т.д. Благодаря какой силе мы слышим аккорд как единство и, кроме того, особенность звучания инструмента, его силу, его отношение к только что услышанному и т.д.? Та же сила сводит *воедино* каждый зрительный образ.

5. Наша постоянная тренировка в *формах*, когда мы изобретаем, умножаем, повторяем их: *формы* зрения, слуха и осязания.

6. *Все эти формы, которые мы видим, слышим, чувствуем* и т.д., *не существуют во внешнем мире*, представляемом нами математически-механически.

7. Мое предположение, что все свойства органического *потому* **невыводимы** для нас из механических причин, что мы сами *увидели в них* антимеханические процессы: мы с самого начала вложили в него невыводимое.

8. Осторожно: не рассматривать очень сложное как нечто *новое*.

25 [337]

Для цельного и соразмерного ч<еловека> такой обусловленный и снабженный оговорками мир, как у Канта, ужасен. Нам нужна *грубая* истина – а если ее нет, что ж, тогда мы возлюбим приключения и отправимся в море

– моя задача – доказать, что последствия науки *опасны*. «Миновало время "добра" и "зла"».

– в век suffrage universel[1] громче всего звучит *непочтительность*, с которой теперь отзываются о философе: все гусыни уже гогочут в общем хоре! Стоит только почитать, например, философскую болтовню Жорж Санд или жены Джона Стюарта Милля. *Я предпочитаю представлять* позицию философа *ненавистной* и *опасной*: следует *проклинать* его, если не можешь воздать ему должное иначе!

– *борьба с языком.*

25 [338]

Рассказывают, что знаменитый основатель христианства сказал перед Пилатом: «я есмь истина»; ответ римлянина достоин Рима, как величайшее остроумие всех времен.

25 [339]

«Бога» в древности воспринимали иначе, без какого бы то ни было монотеистически-морального привкуса. – Приап в садах, как пугало для птиц. Благодарность пастуха, за плодовитость стада например.

Масса *благодарности* в греческой религии. Позже, среди *черни*, разрастется *страх*: Эпикур и Лукреций.

---

1 всеобщего избирательного права (*фр.*)

25 [340]

Принцип. Когда речь идет о bien public[1], то иезуитизм, возможно, прав, как правы и ассасины, и китайцы.

25 [341]

Принцип. Всеми силами опровергать застывшие вечные ценности! Великая задача.

25 [342]

Революция, смятение и бедствия народов значат в моем понимании меньше – *в сравнении с бедствиями* великих одиночек в их развитии. Не дадим ввести себя в заблуждение: многие бедствия всех этих *малых* не образуют вместе *суммы*, кроме как в чувстве *могущественного* человека.

В мгновения великой опасности думать о себе; извлекать для себя пользу из недостатков многих – это, при большой степени отклонений, может быть признаком *великого* характера, подчиняющего себе сострадательные и праведные ощущения.

25 [343]

Если низкий человек воспринимает *свое* дурацкое существование, свое скотски-глупое счастье как *цель*, он тем самым вызывает негодование наблюдателя; более того, если он притесняет и истощает других людей ради *собственного* удовольствия, то такую ядовитую муху необходимо убить.

Ценность человека должна определять, какие права он может получить: «уравнивание» происходит из неуважения к высшим натурам и является преступлением по отношению к ним.

Значение человека возрастает, когда он берет на себя содействие семье, народу и т.д., – при условии, что его *сила* позволяет ему ставить перед собой эту задачу. Человек, *не имеющий* ничего, кроме скотских желаний своего тела, не должен иметь *право* на брак.

---

1 общественном благе (*фр.*)

Права, которые берет себе человек, соотносятся с обязанностями, которые он на себя возлагает, с задачами, которые, как он *чувствует*, ему по плечу.

Большинство людей не имеют права на существование, они – несчастье для высших; я еще не предоставляю прав *неудавшимся*. Бывают и неудавшиеся народы.

Дурацкая «гуманность»! По отношению к животным человек может чувствовать себя человеком среди «равных ему». – Но человек перед людьми –

25 [344]

Вырождение властителей и господствующих сословий породило величайшее в истории бесчинство! Без римских цезарей и римского общества безумие христианства не пришло бы к власти.

Когда мелкие люди начинают сомневаться в том, *существуют ли* высшие люди, возникает великая опасность! Все кончается открытием, что и у маленьких, подчиненных, нищих духом людей есть *добродетели* и что *перед богом* люди равны; существовал ли когда-либо на земле подобный non plus ultra[1] идиотизма! В конечном счете высшие люди мерили себя масштабом рабских добродетелей – находили себя «гордыми» и т.д. – находили все свои *высшие* качества предосудительными!

– когда наверху сидели Нерон и Каракалла, возник парадокс: самый низкий человек *более ценен*, чем те наверху! Дорогу проложил себе *образ бога*, как можно более *отдаленный* от образа самых могущественных, – бог на кресте!

– римляне, народ *невоздержанности*, стали виновниками *величайшего* до сих пор *несчастья* Европы – – они привели к господству крайностей и *крайних парадоксов*, таких, как «бог на кресте».

– нужно сперва научиться различать: *за* греков, *против* римлян – *это* я называю *античным образованием*

25 [345]

Причины пессимизма

рабская мораль, на переднем плане «равенство»

---

1 предел (*лат.*)

самые низкие люди получили для себя все преимущества

выраждение властителей и господствующих сословий

последующее влияние на мир священников и клеветников

сострадательные и чувствительные: отсутствие *твердости*,

– пощада неудавшимся

бесцельность, ибо отсутствует великий человек, один вид которого уже *оправдывает бытие.*

ложные идеалы, от бога, «перед богом все грешники»

нищие, истощенные духом, и к тому же трусливые

25 [346]

Нужно *учиться гордости* в несчастье –

25 [347]

Сенека как кульминация античной моральной лживости – исполненный достоинства испанец, такой, как Грациан

25 [348]

Корень всех зол в том, что *победила* рабская мораль, победили смирение, целомудрие, абсолютное послушание, самоотверженность –

– поэтому господствующие натуры были обречены на 1) лицемерие, 2) муки совести: созидательные натуры чувствовали себя бунтарями против бога, неуверенными в себе, сдерживаемыми вечными ценностями

– варвары доказали, что им не дано было **выдерживать меру**: они боялись и клеветали на страсти и инстинкты природы – как и на вид господствующих цезарей и сословий.

– с другой стороны, возникло подозрение, что любая *умеренность* есть слабость или старение и усталость (так, Ларошфуко подозревал, что «добродетель» – красивое словцо у тех, кому пороки уже не доставляют удовольствия)

– само умение придерживаться меры изображалось как жестокость, самопреодоление, аскеза, как борьба с дьяволом и т.д.; естественного, эстетического по своей

природе удовольствия от меры, **наслаждения** *красотой меры не замечали* или *отрицали*, ибо хотели иметь *анти-эвдемоническую* мораль

In summa[1]: лучшие вещи были *оклеветаны* (потому что слабые индивиды или неумеренные свиньи показывали их в дурном свете) и лучшие люди *оставались скрытыми* и нередко *сами недооценивали* себя.

24 [349]

Искоренение инстинктов

добродетели, которые невозможны, или

добродетели, которые больше всего ценятся рабами, находящимися под властью священников

прогнившие господствующие сословия исказили образ властителя

«государство», творящее суд, есть трусость, ибо отсутствует великий человек, задающий масштаб.

– в конечном счете неуверенность возрастает настолько, что люди падают ниц перед *любой* повелевающей силой воли

NB. *Насмешка* над королями с добродетелями мелких бюргеров.

25 [350]

Как глупо судят о *гордости*: христианство научило воспринимать ее как нечто *греховное*! Дело вот в чем: *кто требует и добивается от себя великого*, тот должен чувствовать себя очень далеким от тех, кто не делает этого, – эта дистанция будет истолкована теми другими как «самомнение», но для него она лишь непрерывный труд, война, победа, днем и ночью; все *это* совершенно неведомо *другим*!

25 [351]

Учение *μηδὲν ἄγαν*[2] обращено к человеку с избыточной силой – а не к посредственностям.

---

1 в итоге (*лат.*)

2 ничего сверх меры (*древнегреч.*)

ἐγκράτεια[1] и *ἄσκησις*[2] лишь ступень высоты: выше стоит «золотая натура».

«Ты должен» – безусловное послушание у стоиков, в христианских орденах и у арабов, в философии Канта (все равно, идет ли речь о подчинении вышестоящему или понятию).

Выше, чем «ты должен», стоит «я хочу» (герои); выше, чем «я хочу», стоит «я есмь» (боги у греков)

Варварские боги не выражают удовольствия от *меры:* они ни просты, ни легки, ни умеренны.

25 [352]

К Заратустре: «золотые» как высшая ступень.

25 [353]

NB. Простота в жизни, одежде, жилье, еде одновременно как *знак высшего вкуса:* высшие натуры нуждаются в лучшем, *отсюда* их простота!

Любящие изобилие и удобства люди, как и блистающие великолепием, далеко не так независимы: самих себя им недостаточно для общения.

Насколько стоический мудрец и тем более монах является *избытком*, варварским *утрированием* – –

25 [354]

– *князья* при всех условиях суть люди второго ранга: *абсолютно высшие люди* господствуют в течение тысячелетий и не могут так интересоваться теперешними вещами. Князья – их *орудия* или хитрые псы, которые *изображают* из себя орудия.

Над образом князя (как орудия мудреца) поставить *образ высшего мудреца.*

25 [355]

Ранговый порядок: высший человек определяет ценности и управляет волей тысячелетий благодаря тому, что управляет высшими натурами.

---

1 самообладание (*древнегреч.*)

2 упражнение (*древнегреч.*)

25 [356]

То, что обычно относят к *духу*, *составляет, как мне кажется, суть органического*: в высших функциях духа я нахожу лишь утонченный вид органической функции (ассимиляции, отбора, секреции и т.д.).

Но ведь противоположность «органического» и «неорганического» относится к миру явлений!

25 [357]

Великая духовная деятельность болезненна, это одержимость одной мыслью; недостаток спонтанности – своего рода гипнотизм. При других обстоятельствах она расстраивает нервы и ослабляет волю.

Нет ли в послушании чего-то похожего на гипнотизм?

25 [358]

NB. Принцип: *всякое* переживание, если проследить его истоки, предполагает все прошлое мира. – Называть факт *добрым* значит одобрять *все*!

Но, одобряя все, мы одобряем и все наличные и прошлые *одобрения* и *отвержения*!

25 [359]

Большая часть наших переживаний *неосознанна* и воздействует на нас.

25 [360]

Владение собой есть равновесие *многих* нагроможденных друг на друга воспоминаний и мотивов – своего рода мир под давлением враждебных сил.

voluntas[1] – это в конечном счете механическое безусловное преобладание, победа, становящаяся осознанной.

25 [361]

Тренировка глаза в формах; вероятно, то же самое можно сказать и о тренировке слуха и осязания. Сон тоже показывает нам, *до какой степени мы в состоянии превращаться в других* – уж очень хорошо мы умеем подражать.

---

1 воля (*лат.*)

25 [362]

Творческая сила – подражающая, образующая, формирующая, упражняющаяся; представленный нами тип есть лишь *одна* из наших возможностей; мы *могли бы* представлять еще множество личностей, для этого *в нас* есть *материал*. – Рассматривать наш образ жизни и деятельности как *роль* – включая максимы и принципы – – – мы *стремимся представить один* **тип**, инстинктивно – мы отбираем из нашей памяти, мы связываем и комбинируем факты памяти.

25 [363]

Отдельный человек заключает в себе значительно *больше* личностей, чем он полагает. «Личность» есть только акцент, сведение воедино черт и качеств.

25 [364]

Ложное понимание действия по причине ложно приписываемых мотивов.

25 [365]

NB. В какой мере наша сознательная жизнь насквозь ложна и служит *вуалью*.

25 [366]

Лгать, чтобы лгать, – примитивная склонность во все вульгарные века.

Господствовать, чтобы господствовать, а *не* для того, чтобы получать удовольствие, как полагает Гельвеций.

25 [367]

– всеобщее недостаточное знание природы

25 [368]

Философ *не знает*, какие мотивы побуждают его к исследованию.

25 [369]

О поверхностности сознания

25 [370]

Пессимизм XIX века как следствие господства черни. Le plaisir[1] в XVIII столетии.

25 [371]

Причина и следствие – не истина, а *гипотеза*, причем такая, посредством которой мы *очеловечиваем мир*, приближая его к нашему *чувству* (в него вчувствуют и «волю»)

– с помощью атомистической *гипотезы* мы делаем мир доступным нашему глазу и одновременно нашему исчислению

– мера *сильного* научного ума в том, в состоянии ли он отвергать безумие абсолютных суждений и оценок или все еще нуждается в нем. Только не поддаваться *неуверенности*! *Придерживаться* такой *гипотезы*, проявляя упорство воли, и жить ради нее!

25 [372]

Всегда **забывали** о главном: *почему* философ хочет *познавать*? Почему «истину» он *ценит* выше, нежели видимость? *Эта оценка* древнее любого cogito, ergo sum[2]: даже если мы предположим наличие логического процесса, то обнаружим, что в нас есть нечто *утверждающее* его и *отвергающее* его противоположность. Откуда это предпочтение? Все философы забывали объяснить, *почему* они ценят истинное и доброе и никто не попытался поступить наоборот. Ответ: истинное *полезнее* (оно лучше поддерживает организм) – но отнюдь не *приятнее само по себе*

Короче говоря: уже в самом начале мы находим организм как целое, имеющее «цели», говорящее – следовательно, *оценивающее*

25 [373]

приятный вкус блюда есть следствие его полезности!

25 [374]

В какой мере человек является актером.

---

1 удовольствие (*фр.*)

2 мыслю, следовательно, существую (*лат.*)

Предположим, какой-то человек получает *роль*, которую ему нужно сыграть; он постепенно вживается в нее. Наконец, он усваивает суждения, вкусы, склонности, подходящие для его роли, и даже подходящую для нее меру интеллекта: –

– сперва как ребенок, юноша и т.д., затем усваивает роль, предписываемую полу, затем роль, диктуемую социальным положением, должностью, а затем и своими трудами –

Но если жизнь предоставит ему возможность перемены, он может сыграть и другую роль. И часто в одном человеке роли различаются в зависимости от дня недели: например воскресный англичанин и англичанин в будние дни. В один и тот же день мы сильно разнимся, когда бодрствуем и когда спим. Во сне мы, вероятно, *отдыхаем* от усталости, которую приносит нам наша дневная роль, – и сами входим в другие роли.

Сыграть роль, т.е. проявить *волю*, концентрацию и внимание, а еще больше в негативном отношении: отринуть все, что к ней не относится, напирающий поток иных чувств и влечений, – и совершать свои поступки в соответствии с ролью, по-особому *интерпретировать* их.

Роль есть результат воздействия на нас внешнего мира, под который мы подстраиваем свою «личность», как настраивают струны инструмента перед игрой. Упрощение, один смысл, одна цель. Нам присущи *аффекты и желания* нашей роли, – это значит, мы выделяем те, что нам подходят, и делаем их видимыми.

Всегда à peu près[1] естественно.

Человек – это *актер*.

25 [375]

В нас есть *множество типов*. Мы координируем наши *внутренние и внешние раздражения* в одном образе или в цепочке образов: как художники.

Поверхностность наших типов, как и наших суждений, понятий, образов.

---

1 почти (*фр.*)

25 [376]

При курении гашиша пространство значительно расширяется, потому что в одно и то же время мы видим значительно больше, чем обычно. Зависимость чувства пространства от времени.

25 [377]

«Познание себя» следует считать столь же противоречивым, как и «первопричину» и «вещь в себе».

Познавательный аппарат как уменьшительный аппарат, как аппарат редукции в любом смысле. Как средство аппарата *питания.*

25 [378]

Инстинкты как суждения на основе прежнего опыта, – *не* опыта удовольствия или неудовольствия, ибо удовольствие есть в первую очередь форма суждения инстинкта (*чувство возросшей* силы или: как *если бы* сила возрастала). **Прежде** чувств удовольствия или неудовольствия идут *чувства силы и слабости* в целом.

25 [379]

Как подражающее животное человек *поверхностен*: ему, как и его инстинктам, достаточно видимости вещей. Он воспринимает суждения, в этом заключена его древнейшая потребность *играть* роль.

Развитие мимикрии среди людей, по причине их слабости. Стадное животное играет ту *роль*, которую ему *приказывают.*

25 [380]

Хотеть – значит, повелевать; это редкое качество, ибо его трудно наследовать.

25 [381]

Сильная воля объяснима у хладнокровных людей, а слабая – у горячих. Удивительно вот что: пылающий аффект и холодная, светлая голова и воля.

25 [382]

Опасность для человека таится там же, где и его сила: он невероятно ловок в умении поддерживать себя даже в самых неблагоприятных условиях. (Сюда также относятся религии бедных, несчастных и т.д.) *Таким образом, неудавшийся значительно дольше поддерживает себя, ослабляя свою силу*; вот почему человек, в сравнении с животным, самое болезненное существо. Однако в великом ходе истории этот закон *должен* быть сломлен, а лучшее должно прийти к победе, – при условии, что человек приложит наибольшую волю, *добиваясь господства лучших.*

25 [383]

Я позволяю философствовать о жизни только удавшимся людям. Но есть неудавшиеся люди и народы; им нужно заткнуть глотку. Нужно покончить с христианством: это величайшее богохульство, когда-либо бывшее на земле и в земной жизни; неудавшимся людям и народам необходимо заткнуть глотку.

Нужно покончить с христианством: оно было и есть величайшее богохульство на земле и в земной жизни, какое когда-либо существовало до сих пор –

25 [384]

Взгляд издали: философия Шопенгауэра дает понять, что все происходит значительно *глупее*, чем полагают. В этом – прогресс благоразумия.

25 [385]

Нашу веру в тело, наши чувства удовольствия, боли и тому подобное *нужно сохранить*, их не следует пытаться опровергать. *Возражения* некоторых логиков и религиозных деятелей не освободили от этого их самих – их не следует принимать во внимание. *Осуждение тела* как признак неудачного смешения, *как и осуждение жизни* – признак побежденных.

25 [386]

О происхождении *искусства.* Способность лгать и притворяться развита больше всего; при этом у притворщиков сильно чувство *уверенности* и духовного превосходства. Изумление слушателя: рассказчик *как будто* сам присутствовал при том, о чем рассказывает. Такая же уверенность слушателя – знать, что это *обман* и что этим опасным искусством занимаются *не* во вред ему. Изумление сверхчеловеческой поддержкой. – У поэта нередко отчуждение от собственной личности: он чувствует себя «преображенным». Так же и у танцора и актера, с нервными кризисами, галлюцинациями и т.д. Художники и сегодня лживы и подобны детям. Неспособность различать между «истинным» и «видимостью».

25 [387]

О происхождении *религии.* Масса галлюцинаций и всевозможных истерических припадков, не обязательно «дьявольских». Предпосылка – способность *видеть* богов. Основатели религий считают судороги, амнезию, потерю воли подтверждением своей богоизбранности.

25 [388]

Вера в ужасы «после смерти» – античного происхождения и служит основой христианству. Другая основа – союзы бедняков с их «братской любовью». Желание *отомстить* всему, что имело *власть,* – третья основа. – Популярная форма стоического мудреца, который счастлив в самом большом «несчастье»: внезапные выздоровления истериков, нечувствительность к боли при ранениях – –

25 [389]

Воля – повеление; если в основе этого осознанного акта лежит акт неосознанный, нам требуется лишь считать его эффективным. Но если приказывают повинующемуся? Слово приказа действует *не* как слово, *не* как звук, а как нечто, что скрыто *за* звуком; вследствие этого действия нечто передается дальше. Но сведение звуков к «вибрациям» есть лишь выражение одного и того же феномена

в другом *смысле* – а не «объяснение». За «видимой» вибрацией опять-таки скрывается подлинный процесс.

Наука стремится к тому, *чтобы интерпретировать одни и те же феномены в разных смыслах* и все свести к *наиболее ясному* смыслу, оптическому. Так мы знакомимся со смыслами: более темный освещается более ясным.

Движения молекул суть следствие зрительного чувства и чувства осязания. – Мы совершенствуем чувства – и ничего не объясняем. За любой «волей», за любым «чувством» мы предполагаем процесс движения, который для *глаза* должен бы быть одним и тем же.

25 [390]

Боль не раздражение как таковое: болью оно делается только в интеллекте. Нужно представить себе, как она растет благодаря наследованию, – как сумма многих суждений: «это опасно, несет смерть, требует защиты, величайшего внимания», приказ «остерегайся этого! будь осторожен!» – и в *результате* внезапное великое *потрясение.*

25 [391]

Физическая боль есть лишь следствие боли душевной, а последняя есть внезапность, страх, готовность к борьбе, *масса суждений, волевых актов и аффектов, сконцентрированная в одном мгновении*, воспринимаемая как великое потрясение и в конечном счете как боль и проецируемая на определенное место.

Аффекты всех видов, чьи суждения и вытекающие из них волевые акты в мгновение боли сливаются воедино; защитные реакции возникают сразу же, вместе с болью. Следствие большого *нервного потрясения* (центра), которое еще долго дает о себе знать.

25 [392]

Превращение всех процессов в оптические феномены – и в конце концов обратное превращение этих феноменов в чисто понятийные и количественные.

Таков *ход* истории: *люди полагают, что понимают*, когда хотят, когда чувствуют, когда видят, когда слышат,

когда переводят это в понятия, когда переводят это в числа и формулы.

«Все есть воля»	«Все хочет»
«Все есть удовольствие или неудовольствие»	«Все страдает»
«Все есть движение»	«Все течет»
«Все есть звук»	«Все звучит»
«Все есть дух»	«Все есть дух»
«Все есть число»	«Все есть число»

Итак: превращение всех процессов в знакомый нам мир, короче, *в нас* – это и было до сих пор «познанием».

25 [393]

Показать человека как *границу*.

25 [394]

Ценность атомистики – в нахождении языка и средств выражения для *наших* законов.

25 [395]

Наука о природе есть «знание человека» относительно самых всеобщих человеческих способностей.

25 [396]

Прошлое для *каждого из нас* разное: каждый проводит сквозь него линию, упрощает его (подобное происходит со средствами и целями).

25 [397]

Ценностные оценки возникают из того, что мы полагаем условиями существования: если меняются наши условия или наша вера в них, меняются и оценки.

25 [398]

Сохранение *общины* (народа) – моя корректура вместо «сохранение вида».

25 [399]

Страх смерти, вероятно, древнее удовольствия и боли и служит причиной боли.

25 [400]

Боль – предупреждение последствий ранения, приносящего *чувство убывания силы?* – Нет, это потрясение.

25 [401]

О наслаждении, получаемом от гашиша и от грез, известно, что при этом невероятно возрастает *скорость духовных процессов.* Видимо, большая их часть *минует* нас, не становясь достоянием сознания.

В каждом сложном органическом существе должна присутствовать огромная *мера сознания* и воли; обычно наше высшее сознание держит другие слои закрытыми. Малейшее орган<ическое> создание должно обладать сознанием и волей.

25 [402]

Сильнейшее раздражение само по себе еще не боль: в том потрясении, которое мы испытываем, заболевает нервный центр, и только *это проецирует* боль на место раздражения. Эта проекция есть защитная мера. В потрясении заключено *множество аффектов:* нападение, страх, защита, досада, ярость, осторожность, мысли о мерах безопасности – *отсюда вытекают* движения всего тела. Боль – это *глубокое душевное движение, сопровождаемое массой мыслей;* заболевание от потери равновесия и мгновенное *торжество воли.*

25 [403]

Я *предполагаю наличие памяти и своего рода духа у всего* органического: аппарат настолько тонок, что кажется *нам* несуществующим. Глупость Геккеля, который два эмбриона считал одинаковыми!

Не следует *впадать в заблуждение* из-за малости; органическое не возникло.

25 [404]

Какими качествами необходимо обладать, чтобы лишиться бога, – какими, чтобы лишиться «религии креста»? Мужеством, строгостью ума, гордостью, независимостью и твердостью, отсутствием умствования, решительностью

и т.д. Вследствие *упадка* этих качеств побеждает всегда христианство. – Должны благоприятствовать и определенные обстоятельства времени.

25 [405]

Регулятивные предпосылки

1. Ненужность бога.
2. Против утешителей и утешения крестом.
3. Осознанное как поверхностное.
4. Критика добрых людей.
5. Критика гениев.
6. Критика основателей религий.
7. Критика могущественных.
8. Расы и колонизация.
9. Половой инстинкт.
10. Рабство.
11. Критика греческой культуры.
12. Дух музыки.
13. Дух революции.
14. Управление землей.
15. Праздники.
16. Сострадание.
17. Наказание, вознаграждение, оплата.

Моя задача: *побудить человечество к решениям, которые определяют все дальнейшее будущее!*

Высочайшее терпение – осторожность – **показать тип** *людей, которые могут ставить перед собой эту задачу!*

25 [406]

Наша дедукция чувства времени и т.д. все еще *предполагает* время как нечто абсолютное.

25 [407]

Все наши религии и философии суть *симптомы* нашего телесного самочувствия: победа христианства стала следствием всеобщего чувства неудовольствия и смешивания рас (т.е. неразберихи и взаимных противоречий в организме)

25 [408]

Благоговение перед инстинктами, влечениями, желаниями, короче, перед всем тем, чье основание до конца не просматривается! Эти силы сильнее всего того, что можно сформулировать в человеке. И в то же время **страх** и **недоверие** ко всему этому, ибо оно является наследием *очень* различных по свой ценности *эпох* и *людей*, которое мы *носим* в себе!

– чтобы масштаб задавала высшая сила, господствующая над *противоречиями* –

Человеческое тело – намного более совершенное образование, нежели какая-либо система идей или чувств, более того, оно намного *выше произведения искусства* – –

25 [409]

Художественное произведение как свидетельство нашего наслаждения *упрощением*, продолжением творения благодаря *концентрации* на одном законе.

– интеллект как *аппарат абстрагирования*

– память: все, что мы пережили, продолжает *жить*; оно перерабатывается, упорядочивается, усваивается.

25 [410]

Эволюция жестокости: *радость при виде страдающего* – в том числе и предположение о *радости* **богов** во время кровавых культов (самоизувечение).

Вид страдания возбуждает *со*чувствие, а *триумф* сильного, здорового, уверенного в себе наслаждается *собственным страданием*: мы достаточно сильны, чтобы причинять боль самим себе! Уверенные в жизни, следовательно, наслаждаются трагедией (у греков, вероятно, вера в возвращение? как противовес).

25 [411]

Различие между *высшими* и *низшими* функциями: ранговый порядок органов и инстинктов, представленный повелевающими и повинующимися.

Задача этики: представить ценностные различия как *физиологическую* иерархию «высшего» и «низшего» («важнее, существеннее, необходимее, незаменимее» и т.д.).

25 [412]

Вывести на свет *тайные* намерения у философов, к примеру, видимость мира (брахманы, элеаты, Кант); какое-нибудь недовольство *морал<ьной>* природы как нечто ложное; суждение о ценности. Человека сверхмужественного могла бы восхитить даже *видимость*.

25 [413]

Значение утешения потусторонним миром в том, чтобы поддерживать жизнь в тяжело и трудно живущих, пропагандировать неудавшихся, – что (например при смешении рас) может быть ценно само по себе, так как позже приводит к *чистоте* расы.

Внутренний антагонизм чувств, сознание сверхмощных инстинктов, слабость перед лицом внешнего мира – вот очень частые факты, но сам характер жизни способствует тому, что многочисленнейшие экземпляры не удаются. Благодаря чему страдающие от самих себя все же делают жизнь приемлемой?

Надежда
Клевета на жизнь
Клевета на человека – на самих себя
Противодействие виду человека как причине страданий
Уменьшение страданий: обезболивающие средства
Полное отсутствие страданий: экстазы, праздники
давать выход боли, оргия скорби

25 [414]

Как дорого приходится им платить за то, что они *почитают*!

25 [415]

I Ч<асть>. Собрать все виды признаков бегства от мира – и их мотивы:

порченые
неустойчивые
неудачливые и т.д.
как скорбь делает злым: она портит *музыку*

25 [416]

Завершив свою жизнь, Р<ихард> В<агнер> перечеркнул себя: он *невольно* признался, что впал в отчаяние и *пал ниц* перед христианством.

Преодоленный! – Это *счастье*: иначе какой бы конфуз еще породил бы его идеал! Отношение к *христианству* определило мою позицию – превыше всякого шопенг<ауэрианства> и пессимизма.

В<агнер> совершенно *прав*, когда пресмыкается перед *всяким* глубоким христианином: он и впрямь стоит значительно ниже таких натур! – Но он не должен позволять себе низводить превосходящие его **высшие** *натуры* до своего уровня!

Его интеллект, лишенный строгости и муштры, был *рабски* привязан к Ш<опенгауэру>: хорошо!

25 [417]

«Le public! le public! Combien faut il de sots pour faire un public?»[1]

25 [418]

Дюси говорил: «tout notre bonheur n'est qu'un malheur plus ou moins consolé»[2].

25 [419]

Я хочу сказать кое-что о пророках, и псалмах, и Иове, и о Новом Завете.

– о Бетховене, зависимом от чувства Руссо, – его отзвуке.

– о субординации, например о Монтене по отношению к Лютеру

– о великолепных французах как *благородных* людях

– о Наполеоне и его влиянии на XIX век.

---

1 «Публика! Публика! Сколько же нужно глупостей, чтобы создать публику?» (*фр.*)

2 «все наше счастье – это всего лишь более или менее утешенное несчастье» (*фр.*)

– о Р<ихарде> В<агнере>. В конце vae victis[1]! Люди *такого* рода поступают правильно, когда унижаются перед крестом.

– братья Гонкуры, Мериме, Стендаль.

– основателем религии *может быть* человек незначительный, спичка, не более того!

– арабы в Испании, провансальцы: светлые пятна

– также в пользу Людовика XIV и Корнеля.

– Ларошфуко

– кто видит *толпу*, всегда получает впечатление чего-то нелепого, дурного: как З<аратустра> при виде **народа**.

– симптомы религиозного аффекта (армия спасения) (религиозный экстаз)

– неврозы творческих актеров, родственные истерии

– все очень богатые неупорядоченные мужчины обретают *нравственный* характер под влиянием женщины, которую они любят

– только благодаря соприкосновению с женщиной многие великие вступают на свой великий путь: они видят свой образ в увеличивающем и упрощающем зеркале.

– есть очень много удавшихся одиночек!

– корсиканцы и испанцы, великолепная мужественность.

– история немецкого движения

– все истинные германцы отправлялись за границу; сегодняшняя Германия есть до-славянская остановка, она прокладывает путь панславистской Европе.

– казарменная депрессия

– Людовик XIV и, в сравнении с ним, Возрождение!

– благородные иллюзии, на которые *способен* такой народ, как французы, например по отношению к Наполеону, – это характеризует их! А немцев – скепсис!

– Эротизм и мечтания о кресте находятся рядом

25 [420]

До сих пор отсутствовала вера в *удовольствие* от соблюдения **меры** – в это удовольствие рыцаря на горячем коне!

---

1 горе побежденным (*лат.*)

– Посредственность <Mäßigkeit> слабых натур путают с умеренностью <Mäßigung> *сильных*!

25 [421]

– Бессмысленность *материнской любви. Всякая* любовь, в которой нет соразмерно большого понимания, причиняет зло.

25 [422]

– Женщины под опекой. Собственность.

– Предпочтение воспитания женщин у французов прошлого столетия. Мадам Ролан как глупая «гражданка», из которой по-женски вульгарным образом выпирает тщеславие.

25 [423]

– доверие к миропорядку («к богу») как излияние благородных чувств

– доверительное блаженство прошлого столетия. Дюси. Нежность, воодушевление, деликатность – Бетховен.

– Моцарт – городской, социальный, придворный; Гайдн более деревенский, должно быть, цыганская кровь (черная), «язычник» (paganus)?

25 [424]

Ланге: «действительно ли постижимость вещей заключается в том, что свой разум люди используют только в очень посредственной степени?» – против байройтцев.

25 [425]

– Общность наших чувственных суждений есть также исходная точка наших моральных и эстетических оценок.

25 [426]

– Основная проблема «этики».

Доставлять страдания и удовольствие: сострадать, причинять боль – все это уже предполагает оценку страдания и удовольствия. «Полезный», «вредный» суть высшие понятия: может так случиться, что я должен причинить боль (и «дурным образом» удовольствие!), чтобы извлечь

пользу. В еще более широком смысле: мне мог бы понадобиться весь аморализм, чтобы извлечь существенную пользу.

Но что первичнее: удовольствие и страдание – или «полезное и вредное»?

Не является ли ощущение боли и удовольствия лишь *следствием* суждения «полезный, вредный» (привычный, уверенный, приблизительный, известный и т.д.)?

В суждении о некоторых вещах мы видим, как исчезает отвращение: гармония звуков первоначально лишена удовольствия. Наслаждение линиями непонятно во многих отношениях. Наслаждение формулами, диалектическими движениями только *возникает*.

Но если удовольствие и неудовольствие являются лишь результатом *оценок*, то *истоки* оценок – не в ощущениях. Суждения «высшие функции» и «низшие функции» должны присутствовать уже во всех органических образованиях, задолго до каких бы то ни было ощущений удовольствия и неудовольствия.

Ранговый порядок – первый результат оценки: в отношении органов друг к другу должны использоваться все *добродетели* – послушание, прилежание, взаимопомощь, бдительность, – во всем органическом совершенно *отсутствует* машинный характер (саморегуляция).

25 [427]

NB. Принцип *сохранения индивида* (или «страх смерти») невозможно вывести из ощущения удовольствия и неудовольствия, это нечто *дирижирующее*, *оценка*, лежащая в основе всех чувств удовольствия и неудовольствия.

– Еще больше это относится к «сохранению вида»; но это лишь *следствие* закона «сохранения индивида», не первоначальный закон.

– Сохранение индивида: предположение, что множество с самыми разными видами деятельности хочет «сохранить себя», *не* равным самим себе, а «живым» – властвуя – повинуясь – питаясь – вырастая –

Все наши механические законы выведены *из нас*, не из вещей! *По* ним мы конструируем вещи.

Синтез «вещь» происходит от *нас*; все свойства вещей идут от *нас*. «Следствие и причина» – это обобщение нашего чувства и суждения.

Все функции, влекущие за собой сохранение организма, могли сохраниться и развиться самостоятельно.

Сохраниться могли только *те* виды интеллектуальной деятельности, которые поддерживали организм; в борьбе организмов эти виды интеллектуальной деятельности все больше *укреплялись и совершенствовались*, т.е. – – –

NB. Борьба как *происхождение логических функций*. Создание, которое могло сильнее всего *регулировать*, *дисциплинировать* себя, *судить* о себе – с величайшей возбудимостью и с еще большим самообладанием, – всегда выживало.

25 [428]

Принцип: то, что обеспечило человеку победу в борьбе с животными, одновременно принесло с собой тяжелое и опасное болезненное развитие человека. Он – *еще не установившийся зверь*.

25 [429]

Какие «добродетели» воспитала борьба животных?

(Покорность у стада – мужество, инициативу, проницательность у вожаков.)

25 [430]

Ранговый порядок установился благодаря *победе* сильнейшего и *невозможности* слабейшего *обходиться* без сильнейшего, а сильнейшего – без слабейшего; здесь возникают раздельные функции, ибо покорность в той же мере функция самосохранения, как и, для сильнейшего, приказание.

25 [431]

Существует ли в человеческом организме, в отношениях различных органов между собой, «сострадание»? Разумеется, в высшей степени. Сильный отзвук и распространение боли; распространение *боли*, но не *одной и той же боли*. (Но точно так же обстоит дело и с отношениями индивидов между собой!)

25 [432]

Все, что *необходимо* для **сохранения** *организма*, мы можем рассматривать как «*моральное* требование»: для отдельных органов существует «ты должен», которое исходит от приказывающего органа. Существует *непослушание* органов, слабость воли и характера желудка например.

– Разве там не властвует механическая необходимость – – –? Иногда приказывается то, что не может быть *выполнено* целиком (так как недостает силы). Но часто наблюдается крайнее *напряжение*, например желудка, чтобы выполнить свою задачу до конца, – *призыв* воли, знакомый нам по собственному опыту, когда приходится выполнять трудные задачи. *Напряжение* и его *меру* **нельзя** объяснить осознанными мотивами: *покорность* организма не механизм, действующий сам по себе – – –?

25 [433]

«Высшее» и «низшее», выбор более важного, полезного, срочного имеется уже в самых низших организмах. «Живое»: уже в этом заключена *оценка* –

В каждой воле есть *оценка* – а воля присутствует в органическом.

25 [434]

Весь наличный мир – тоже *продукт наших оценок*, причем не изменяющихся. –

25 [435]

Высшие люди: необходимость недоразумений, всеобщая назойливость нынешних людей, их уверенность в праве *говорить вместе со всеми* о каждом большом человеке. Почитание - - -

– глупая болтовня о гении и т.д. Чувство безусловного *превосходства*, отвращение перед преклонением и рабством. Его интересует, *что можно сделать из человека*. Широта его взгляда

25 [436]

(нужно говорить не о причинах воления, а о его стимулах)

Хотеть, значит, приказывать; но приказ – это определенный *аффект* (этот аффект есть *внезапный взрыв силы*), напряженный, ясный, имеющий в виду исключительно *одно*: глубочайшее убеждение в превосходстве, уверенность, что тебе будут повиноваться; «свобода воли» есть «чувство превосходства приказывающего» по отношению к повинующемуся: «*я* свободен, а *этот* должен *повиноваться*».

А вы говорите: приказывающий сам *должен* - - -

25 [437]

Мораль Канта, Шопенгауэра исходит, не замечая этого, из *одного морал<ьного> канона*: равенства людей и принципа, согласно которому то, что мораль для одного, должно быть моралью и для другого. Однако это уже *следствие определенной морали*, весьма сомнительной.

Точно так же и отвержение эгоизма уже предполагает определенный морал<ьный> канон: почему он отвергается? Потому что *ощущается* как нечто предосудительное. Но это уже *следствие* определенной морали, причем не очень продуманной!

– И сам *факт желания* морали уже предполагает наличие морал<ьного> канона! Нужно испытывать благоговение перед этой **усвоенной** *моралью самосохранения*! Она самая совершенная система морали!

Действительная моральность человека в жизни его тела в сто раз больше и совершеннее всякого понятийного морализирования. Многочисленные «ты должен», постоянно работающие в нас! То, что приказывающие и повинующиеся считаются друг с другом! Знание о высших и низших функциях!

Совершить попытку понять все кажущееся целесообразным как **единственно** *жизнесохраняющее* и, *стало быть, единственно сохранившееся* – –

Как цель относится к истинному процессу, так и моральное суждение к подлинному, *более многообразному и тонкому суждению организма*: это всего лишь ответвление и заключительный акт этого процесса.

25 [438]

1) Мы хотим удержать наши чувства и веру в них – и додумать их до конца! Абсурд существовавшей до сих пор философии как величайший абсурд человека.

2) наличный мир, на котором строилось все земное и живое, так что он кажется таким (прочным и *медленно* движущимся), – мы хотим *строить* и дальше, а не отвергать критически как нечто ложное!

3) наши оценки основываются на нем, они выделяют и подчеркивают. Что имеется в виду, когда целые религии утверждают: «все плохо, неистинно и зло»! Это осуждение всего процесса может быть только суждением неудавшихся!

4) правда, неудавшиеся могли бы быть самыми страдающими и утонченными? Довольные стоили бы немногого?

5) следует понять основной художественный феномен, называемый жизнью, – *созидающий дух*, творящий в неблагоприятных условиях: самым неспешным образом – – – **доказательство** всех его комбинаций еще только предстоит привести заново: *жизнь сохраняет себя.*

25 [339]

Прежде всего: не спеша! медленно! сначала гарантировать завоевание! по примеру России! И на каждом этапе быть в хорошем настроении!

25 [440]

Вид толпы и учителя толпы *омрачает*! –

25 [441]

Почему этика отставала чаще всего? Потому что последние знаменитые системы наивны! В том числе и греки! Учения христианства о грехе одряхлели по причине дряхлости бога.

– наши действия, соизмеряемые с нашим образцом! Но *то, что* мы имеем этот образец, причем именно такой, уже есть следствие определенной морали.

– еврей, меряющий себя своим богом; за этим скрывалось желание *презирать самого себя* и отдаться на волю его милости и немилости. – Даже Иисус противился тому, чтобы его называли добрым. «Никто не добр, кроме бога»,

– говорил он. Иное дело, что никто не мог обвинить его в грехе: это не аргумент против критики перед его совестью. Человек, чувствующий себя абсолютно добрым, должен быть в духовном смысле идиотом.

– это отдание-себя-на-милость-и-немилость в *христианстве* является восточным: *не* благородным!

– *рабское* у современных евреев, и у **немцев** тоже –

– Это *уравнивание себя*, в сострадании, уже есть *следствие* определенного морал<ьного> суждения: не основной феномен и не везде; кроме того, в душе стадного существа оно другое, чем в душе могущественного: всего лишь *чувство среди равных ему*; для низшего *страдающий* высший – основание для чувства удовлетворения и собственного превосходства.

– «философские и религиозные системы едины в том, что этическое значение действий одновременно должно быть и *метафизическим*» и т.д. и т.п. (Шопенгауэр, осн<овы> морали, с. 261). Перикл перед смертью: мысли принимают моральное направление.

В случае с Периклом: он размышляет о своей *посмертной славе* у сограждан. Ученик Анаксагора был свободен духом. – Совершенно ясно, что эти системы, *поскольку* они основаны на вере в жизнь души, в момент смерти побуждают к суждению о *ценности прожитой жизни*: какая жизнь будет у нас *в дальнейшем*?

Вознаграждение добрых и наказание злых в потустороннем мире было средством воспитания, которое применяли религии, – своего рода завершение миропорядка, восстановление равновесия фактов.

25 [442]

Характер доброго человека «самого по себе»: «он менее остальных делает различие между собой и другими». Шопенгауэр 1, с. 265.

25 [443]

Все этики до сих пор не имели представления, *как* относиться к совершенно определенным предрассудкам морали; все они полагали, что знают, *что* есть добро и зло.

Сократ *не* знал этого, но все его ученики *давали* этому *определение*, т.е. предполагали, что *это наличествует* и все дело в том, чтобы основательно *описать* это явление. **Как**! Ведь я задавался вопросом: **существует** ли оно? Задумывались ли уже о том, *с чем* следует его соизмерять? И с другой стороны: возможно, мы вообще знаем не *достаточно*, **чтобы** давать оценку действиям! Хватит и того, что мы *на пробу* долгое время живем в соответствии с *одной* моралью!

25 [444]

Как много сокрушаемся мы о страданиях, которых не испытывали, но которым были *причиной*! Однако это *неизбежно*, и мы не потому недовольны *собой*, за исключением состояний слабости и неверия в наше право на это!

25 [445]

Ход философии до сих пор: мир хотели объяснить, исходя из того, что нам самим было *ясно*, – что, как мы *полагали*, было нам **понятно**. То есть исходя из духа, или души, или воли, или представления, видимости, образа, или из зрения (оптический феномен, атомы, перемещения), или из любви, или из целей, или из импульса и движения, т.е. нашего чувства осязания. Или исходя из наших оценок, таких как добрый бог, справедливость и т.д., или из наших эстетических суждений. Короче говоря, наука тоже делает то, что человек делал всегда: использует для объяснения всего остального *нечто* собственное, что кажется понятным, *истинным*, – *очеловечивание* in summa. Пока еще недостает большого *синтеза*, отдельные разработки находятся только в процессе становления, например редукция мира к оптическим феноменам (атомам). Мы *вкладываем* сюда человека – вот и все; мы продолжаем создавать очеловеченный мир. Это попытки понять, *как* чаще всего ведет себя дедуктивная сила (например механически).

25 [446]

Не злиться на того, кто нам вредит, *ибо* все необходимо, – это могло бы быть следствием морали, которая гласит: «Ты не должен возмущаться тем, что необходимо». – Это неразумно – но кто говорит: «Ты должен быть *разумным*!»?

25 [447]

Добросовестность как *следствие* длительных моральных привычек: *самокритика морали* есть одновременно *моральный феномен*, проявление нравственности.

25 [448]

Метод механического рассмотрения мира пока самый *добросовестный*: добрая воля по отношению ко всему, что себя контролирует, тут задействованы все логические контрольные функции, всё, что не лжет и не вводит в заблуждение.

25 [449]

Предварительные истины.

Есть нечто ребяческое или даже своего рода обман в том, что современный мыслитель постулирует целостность познания, систему; мы слишком хитры, чтобы не носить в себе глубочайшее сомнение в *возможности* такой целостности. Достаточно прийти к согласию относительно цельности *предпосылок метода* – о «предварительных истинах», которые будут служить руководством для нашей работы; так мореход придерживается определенного направления в мировом океане.

25 [450]

То, что *развито* в человеке лучше всего, есть его воля к власти; при этом европеец не должен дать ввести себя в заблуждение парой тысячелетий лживого, изолгавшегося перед самим собой христианства.

25 [451]

Философия как любовь к мудрости. Ввысь, к мудрецу, к самому счастливому, могущественному, оправдывающему *все становящееся* и вновь желающему его.

Не любовь к людям, или к богам, или к истине, а *любовь к определенному состоянию, к духовному и чувственному ощущению совершенства*: утверждение и одобрение из преизбытка чувства созидающей силы. Великое отличие.

истинная любовь!

25 [452]

Приказания вроде «вы **должны** оценивать именно так!» – суть начало всех моральных суждений: высокий, могущественнейший повелевает и провозглашает *свое* чувство *законом* для других.

Почитание нельзя вывести из пользы. Сначала почитали людей; вера в богов выходит на передний план, когда человек кажется все менее «достойным почитания», – т.е. вера в «праотцев» или в решения прежних судей.

25 [453]

Заратустра во 2 части как *судья*

грандиозная форма и откровение *справедливости*, которая созидает, строит и, следовательно, *должна* уничтожать (открывая при этом себя самое, пораженная, что внезапно познала *суть творящего суд*)

Насмешка над этим: «разбейте доброго и праведного» – кричит женщина, убивающая его

25 [454]

«Человек есть нечто, что дóлжно преодолеть» – все дело в темпе; достойны удивления греки: никакой торопливости,

– мои предшественники: *Гераклит, Эмпедокл, Спиноза, Гёте*

25 [455]

А) Существуют моральные оценки. Критика: где? с каких пор? где другие? появятся ли они еще?

Б) Объяснение происхождения этих оценок.
Сведение к другим ценностям.
Ценности и *физиологическая* важность и т.д.
Похвала, порицание (слава)
Могущественные рабы

В) Критика этих оценок. Противоречия.
откуда я возьму критику? Осторожно, не следует снова брать ее из морали. «Полезное».
Если предположить, что кто-то возьмет ее из морали, это будет доказательством его близорукости.

Основные предрассудки и что еще было оставлено без внимания.

Г) проблема только *поставлена.* До сих пор своего рода астрология – вера, что космические процессы тесно связаны с нами.

Моральные философы сами суть симптомы. Самоуничтожение морали.

25 [456]

NB. «Я во всем этом не нуждаюсь – но я принимаю это как подарок. Я освящаю это как берущий» – так говорит Заратустра о многих *благах жизни.*

25 [457]

Мы хотим быть *наследниками* всей предшествующей нравственности, а *не* начинать с начала. Вся наша деятельность есть только нравственность, обращенная против ее прежней формы.

25 [458]

«**Можете** ли вы *поклясться*? Достаточно ли вы уверены в себе для этого?» – спрашивает Заратустра.

25 [459]

Принцип, благодаря которому человек стал господином *над зверями,* должен, вероятно, быть и принципом, определяющим «высшего человека»: власть, ум, способность выжидать, договариваться, строгость, аффекты воина.

25 [460]

Все ценностные оценки суть результаты определенного объема силы и степени ее осознания; это *перспективистские* законы, выводимые сообразно с сущностью определенного человека и народа: что близко, важно, необходимо и т.д.

Все человеческие инстинкты, как и все *звериные,* образовались и были выдвинуты на передний план при определенных обстоятельствах, как *условия существования.* Инстинкты суть *последующие воздействия долго охранявшихся оценок,* которые теперь действуют инстинктивно – как *си-*

стема суждений об удовольствии и боли. Сначала принуждение, потом привычка, потом потребность, потом естественное влечение (инстинкт).

25 [461]

Чувство – *следствие* оценок. Sensorium commune[1]

25 [462]

Поскольку мы являемся наследниками поколений людей, существовавших в *самых разных* условиях, мы несем *в себе множество инстинктов.* Кто выдает себя за «истинного», тот, вероятно, осел или обманщик.

Различия в характерах животных; в среднем же *характер есть следствие среды* – *прочно усвоенная* **роль**, благодаря которой определенные факторы постоянно *выделяются* и *усиливаются.* Так со временем возникает *раса* – при условии, что окружение не меняется.

При изменении среды *на первый план выходят повсеместно* наиболее полезные и используемые свойства – или наступает гибель. Это проявляется в силе ассимиляции даже в самых неблагоприятных условиях, но одновременно как напряжение, осторожность, в образе нет красоты.

Европеец – представитель такой сверхрасы. А также еврей; в конечном счете, это *господствующий* вид, хотя и сильно отличающийся от простых, господствовавших в древности рас, которые не меняли свою среду.

Повсюду все начинается с *принуждения* (когда народ приходит в определенную местность). Природа, времена года, тепло и холод – все это на первых порах *тиранизирующий* элемент. Постепенно чувство принуждения отступает –

25 [463]

Мы были существами, создающими образы, задолго до того, как мы создали понятия. Понятие возникло из звука, когда *множество* образов объединили посредством одного звука: с помощью слуха *классифицировали* оптические внутренние феномены.

---

1 Общее чувствилище (*лат.*)

25 [464]

NB. Понятия «добрый» и т.д. взяты из *воздействий*, производимых «добрыми людьми», –

– даже при оценке самих себя. –

25 [465]

Человек *не познан*, действие *не познано*. Если, тем не менее, говорят о человеке и действиях так, будто они познаны, причина в том, что люди пришли к соглашению об известных *ролях*, которые играет почти каждый.

25 [466]

Развитие хищности

лжи и притворства
жестокости
полового влечения
недоверия
твердости
властолюбия

} в высоко ценимые вещи

– с другой стороны, изменение оценок дурных качеств, как только они становятся условиями существования.

быть может, сведение всех желаний к голоду.

25 [467]

Вивисекция – вот исходная точка! Многие теперь сознают, что некоторым живым существам *необходимость познания* причиняет боль!! Как будто когда-нибудь было иначе! И что за боль! Трусливый мягкотелый сброд!

25 [468]

Исходная точка: совершенно ясно, что наши самые сильные и самые привычные *суждения* имеют очень далекое прошлое, т.е. они возникли и укрепились в невежественные времена, – и что все, во что мы крепко верим, *вероятно*, покоится на самых дурных основаниях; к «доказательствам» из опыта люди всегда относились легкомысленно: в частности, до сих пор есть люди, ошибочно полагающие, что могут «доказать» доброту бога, опираясь на опыт.

25 [469]

«Заседать в суде»

Из всех суждений самое любимое и распространенное – о *ценности людей*, – царство величайшей глупости. Однажды *остановить* его, пока оно не станет постыдным, как обнажение срамных частей тела, – моя задача. Тем более что наступило время suffrage universel. Следует *дать* себе *клятву* долго сомневаться в этом и не доверять себе, – сомневаться не в «доброте человека», а в его праве говорить: «*это* доброта!»

25 [470]

Когда нравственность изречения «Ты не должен лгать» будет отринута, «чувство истины» должно узаконить себя перед другим форумом. Как средство сохранения человека, как *воля к власти*.

– точно так же наша любовь к прекрасному есть *формирующая воля*. Оба чувства находятся друг рядом с другом: чувство реальности есть средство взять в руки власть, чтобы создавать вещи по своему усмотрению. Удовольствие от создания и пересоздания – изначальное удовольствие! Мы можем *понять* только тот мир, который сами *создали*.

25 [471]

Одобрение нашей *ограниченности* познания; ее преимущества: здесь возможны большое мужество и большая радость. Вздохи и паскалевский скепсис – от *дурной крови*.

– *христианство как действие выродившейся* дурной **крови**

25 [472]

bonus[1] – *φαν*: блестящий, выдающийся?

Malus[2], man-lus (Manlius) = man, сумасшедший?

Злой (böse), т.е. bass, сильный?

Добрый (gut), Gothe (Gott), «божественный»; первоначальное обозначение благородного гота. (Или gobt, т.е. дающий? как optimus[3]?) *бога* называют

---

1 хороший, добрый (лат.)

2 плохой, злой (*лат.*)

3 лучший (*лат.*)

добрым (optimus) или же доброго божественным?

optimus, op-, дарящий?

25 [473]

Архимед открывает основной закон гидравлики во время купания.

Гёте: «все мои внутренние процессы оказались живой эвристикой, признающей предполагаемое неизвестное правило, *стремящейся* найти его во внешнем мире – *и ввести во внешний мир*».

25 [474]

Фарисеи поступили *правильно*, осудив Иисуса. Как и афиняне.

25 [475]

Гёте. «Страдает каждый, кто не наслаждается *для себя самого. Действуют ради других, чтобы наслаждаться с другими*».

25 [476]

Гётевское объяснение «немецкой души»: «*снисхождение к слабостям, чужим и своим*».

25 [477]

Кто находится в том же состоянии, что и я, тот, говоря словами Гёте, утрачивает «одно из величайших прав человека – не быть больше судимым равными себе».

25 [478]

«Мастерство часто считают эгоизмом». Гёте.

25 [479]

Веллей Патеркул I 9,3: virum in tantum laudandum, in quantum intellegi virtus potest[1].

---

1 человека, достойного той похвалы, какой заслуживает сама доблесть (*лат.*)

25 [480]

Гёте: «Мы все настолько ограничены, что полагаем, будто всегда правы; так можно вообразить себе необыкновенный ум, который не только ошибается, но и получает удовольствие от своих ошибок».

25 [481]

Chi non fa, non falla[1]; «не ошибается».

25 [482]

«Magna ingenia conspirant»[2].

25 [483]

Морал<ьные> оценки суть скорее *дерзкие присвоения или лишения ценности* – в принципе очень незначительное достижение способности суждения.

25 [484]

Пути свободы.

– *порвать* со своим прошлым (с отечеством, верой, родителями, товарищами)

– общение с *отторгнутыми* всех видов (в истории и обществе)

– свержение самого почитаемого, утверждение самого запретного – грандиозное *злорадство* вместо почитания

– совершать все преступления

– попытка, новые оценки

Справедливость как созидающий, выделяющий, уничтожающий образ мыслей, исходящий из оценок: *высший представитель самой жизни.*

Мудрость и ее отношение к *власти*: когда-нибудь она станет влиятельнее; до сих пор даже *у мудреца* слишком значительны были заблуждения, оценки черни!

1 Не ошибается тот, кто не делает (*итал.*)

2 Великие умы соглашаются (*лат.*)

25 [485]

Тело – лучший советник в том, как отличить удавшееся от неудавшегося; по крайней мере, оно лучше всего поддается изучению.

25 [486]

Различные морал<ьные> суждения *до сих пор* сводятся *не* к существованию *вида* «человек», а к существованию «народа», «рас» и т.д., – причем сводятся народами, которые хотели бы утвердить себя *по отношению* к другим народам, *сословиями*, желающими резко отделить себя от низших слоев.

25 [487]

Необходимо признать за каждым право на вопрос: является ли *мое* существование, соизмеренное с моим несуществованием, вещью, которая может быть оправдана?

25 [488]

Фундаментальное понимание: «добрые» и «злые» свойства *в основе своей одни и те же*, они покоятся на тех же инстинктах самосохранения, усвоения, отбора, размножения и т.д.

25 [489]

Мудрец и искусства. (Он все их имеет *в себе*.)

Мудрец и политика.

Мудрец и воспитание.

Мудрец и разделение полов.

– как существо, чье влияние начинает ощущаться *позже*. Независимое, терпеливое, ироничное –

25 [490]

Мудрость и любовь к мудрости

Указания к философии будущего

Сочинение

Фридриха Ницше

25 [491]

Необходимая *скрытность* мудреца: сознание, что его обязательно *не* поймут, его макиавеллизм, его холодность по отношению к современности.

– абсолютное несовпадение мудрости с «благом масс»: «свобода прессы», «публичное образование» – все это можно вынести только при грубейшем заблуждении относительно характера мудрости. Она *опаснейшая* вещь на свете!

– само собой, я считаю, что единственно оправдан для мудреца *брак без* каких бы то ни было санкций. Если он отнесется к этому по-иному, получится комедия, что при известных обстоятельствах целесообразно. Пример – Гёте.

– *Основной принцип*: все состояния направлены на то, чтобы сделать его *невозможным*; почитание мудреца подтачивалось религиями, suffrage universel, науками! Сначала нужно *научить* тому, что в сравнении с мудростью все эти религии – дело черни! Существующие религии необходимо уничтожить лишь для того, чтобы устранить абсурдные оценки, будто Иисуса Христа вообще можно принимать во внимание рядом с Платоном или Лютера рядом с Монтенем!

25 [492]

О *ранговом порядке.*

Когда высказывают «моральное» суждение, я слышу, как подбирают слова враждебные инстинкты, антипатии, оскорбленное тщеславие, ревность,
– это словесный маскарад –

–я счел невозможным учить «мудрости» там, где низок образ мыслей.

Грядущее столетие великих *войн.* Недоверие к долговечности. *Подкуп* всех партий и заинтересованных сторон, применение всех дурных средств.

25 [493]

–*судить должна только любовъ* – – рефрен

созидающая любовь, за своими делами *забывающая* о себе самой –

25 [494]

Продемонстрировать, что некоторые люди *должны отойти в сторону*

25 [495]

Мы называем то или иное свойство у животного «плохим» и в то же время находим в нем условие его существования! Для животного это свойство – «хорошее»: оно служит ему признаком *здоровья* и *силы*! Таким образом: то или иное свойство люди называют «хорошим» или «плохим» применительно *к нам* всем, а **не** применительно к самим себе! т.е. основание «добра» и «зла» эгоистично.

–Но эгоизм *стада*!

Все полезное *необходимо*, равно как и вредное по отношению к другим вещам. «Добрый человек» – здесь рассматривается только одна сторона. Если судить исходя из отдаленной перспективы, то он – стадный, слабый человек, которого легко обмануть и погубить, послушный и в духовном отношении, не творческий.

25 [496]

Преклонение перед тем, чего не имеешь, когда неуютно чувствуешь себя со всем тем, *что* имеешь; пример – Вагнер: он верит в счастье *безграничной* самоотверженности, безграничного *доверия*, в счастье сострадающего, целомудренного, – все это незнакомо ему по собственному опыту! Отсюда его нелепые фантазии!

25 [497]

Почитание дурных манер, например Шекспира и Бетховена, чтобы подготовить мысль, будто *он* соединяет в себе того и другого.

25 [498]

Всякое поношение, всякое непонимание делает меня *свободнее*: все меньшего хочу я от людей, все больше могу дать им. Разрыв каждой связи дается *трудно*, но вместо уз у меня вырастают крылья.

– быть безусловным в своей правоте: сострадание – моя слабость, которую я преодолеваю. Хорошо, если от-

вратительнейшее *злоупотребление* моим сочувствием и бережным отношением, наконец, научит меня, что здесь мне делать *нечего.*

25 [499]

– «*превращение*» человека посредством господствующих представлений есть изначальный психологический феномен, на котором зиждется христианство; оно видит в этом «чудо». Мы - - -

Я совершенно не верю в то, что человек вдруг становится *высоким и ценным*; христианин для меня совершенно обычный человек с парой иных слов и оценок. Правда, эти слова и дела действуют *длительное время* и, возможно, создают определенный тип: *христианина как самый лживый вид человека.* То, что речь его моральна, изрядно его портит: стоит только взглянуть на Лютера. Отвратительное зрелище, по-женски сентиментален, робок, возбужден – – – комичен! Так «чувство истины» просыпается и сразу же снова засыпает!

– я отделяю себя от всякой философии благодаря тому, что спрашиваю: «доброе? – для чего!» и «доброе? почему вы это так называете?».

Христианство *приняло* «доброе» и «злое» и ничего здесь не *создало.*

25 [500]

Мудрость
и любовь к мудрости
Предисловие к философии будущего.
Сочинение
Фридриха Ницше.

Amor fati.

25 [501]

Холодный, хитрый, вожделеющий, злорадный – почти все процедуры философа можно отнести к недостаткам характера – –

25 [502]

Случается, что <мы> ценим и отмечаем бескорыстного человека, – не потому, что он бескорыстен, а только потому, что он, видимо, считает себя вправе быть полезным другому человеку за свой собственный счет; а у человека, созданного, чтобы властвовать, самоотверженность и бескорыстие становятся – – – Постоянно возникает вопрос, *что это* за человек и кто тот, другой. Безусловная тяга к бескорыстию показалась бы нам лишь признаком стадной натуры

25 [503]

О высшей ступени нравственности: она пробует взглянуть *на* саму себя.

25 [504]

Любовь к мудрости.

Неудавшиеся и с испорченной кровью. (Против христианства)

Мудрец и блага жизни.

25 [505]

Этот перспективистский мир, этот мир для глаза, осязания и слуха крайне обманчив уже в сравнении со значительно более утонченными аппаратом чувств. Но его понятность, обозримость, полезность, красота начинают *исчезать*, когда мы *совершенствуем* наши органы чувств; точно так же красота исчезает, когда мы обдумываем исторические процессы; упорядоченность *цели* – это уже иллюзия. Короче говоря, чем поверхностнее и грубее обобщение, тем *ценнее*, определеннее, прекраснее, значимее *кажется* мир. Чем пристальнее вглядываешься в него, тем сильнее улетучивается наша ценностная оценка: *бессмысленность становится все ближе*. Мы создали мир, имеющий ценность! Осознавая это, мы сознаем также, что уважение к истине уже есть *следствие* иллюзии и что больше, чем это уважение, нужно ценить образующую, упрощающую, формирующую, сочиняющую силу, – то, что было богом

«Все ложно! Все дозволено!»

Лишь при известной тупости взгляда, воле к простоте начинается «прекрасное» и «ценное»; но что это само по себе, *я не знаю.*

25 [506]

В самом ли деле тяга к истинному есть чувство *доброго* человека? Какая глубокая лживость нужна была, например, для того, чтобы составить Новый Завет!

25 [507]

Вся физика есть лишь симптоматика.

25 [508]

Невозможно доказать существование индивидов. В «личности» нет ничего прочного.

25 [509]

Объяснение нашего «мира» было бы возможно из «ложных представлений». Все лишь из перспективы, только с точки зрения *сохранения* малых органических существ.

25 [510]

«Добрый человек» – опасная вещь, признак истощения, – изнемогающий эгоизм.

25 [511]

«Размышления» Марка Аврелия для меня – комическая книга.

25 [512]

Религиозный аффект – это самая интересная болезнь, которой до сих пор был подвержен человек. Когда изучаешь этот аффект, здоровый человек кажется едва ли не скучным и противным.

25 [513]

Нужно отвергнуть *бытие.*

25 [514]

Возникновение памяти – это проблема органического. Как возможна память?

Аффекты суть симптомы формации материала памяти – непрестанное продолжение жизни и взаимодействие.

25 [515]

То, в какой мере человек может опираться не на «веру», а на *гипотезы*, словно пускаясь в плавание по открытому морю, есть высшая мера полноты силы. Все, у кого мало духа, гибнут.

25 [516]

Кошачий эгоизм.

В человеке есть собачий эгоизм и кошачий эгоизм; они избирают противоположные средства. Первый полон преданности и воодушевления –

25 [517]

Удовольствие и неудовольствие суть утверждение и отрицание.

Суждения суть: 1) вера, что «это так и *есть*» и 2) что «это имеет такую-то и такую-то *ценность*»

Удовольствие и отвращение суть *воздействия* интеллекта в целом, следствие *критических суждений*, которые мы *ощущаем* как удовольствие или боль.

25 [518]

– пространство, по П. Секки, не может быть бесконечным, так как не может быть бесконечной ни одна вещь, состоящая из отдельных тел, и так как бесконечный, усеянный неисчислимыми звездами небосвод *должен был бы* казаться сияющим, как солнце, на всем своем протяжении –

25 [519]

Мопертюи предложил ради исследования души проводить вивисекцию патагонцев. Каждый настоящий, истинный моралист обходится с собой как с патагонцем.

25 [520]

Оценки не зависят от удовольствия или неудовольствия: *ценность измеряется сохранением целого*, т.е. чего-то будущего, *представляемого* в соответствии с целями.

Удовольствие и неудовольствие суть лишь следствия целенаправленных суждений.

Все *тенденции сохранения* не выводимы из механики: они предполагают, что мы *представляем себе* целое – его цели, опасности и продвижения; более низкое, повинующееся существо в известной мере тоже должно представлять себе задачу высшего. Посредством удовольствия и неудовольствия отдельное переживание характеризуется относительно *сохранения*. Оценки событий относительно их *последствий*.

25 [521]

Неразумные суждения повсюду получили право гражданства. Непонятное, прежде всего, во мне

25 [522]

Мир добра и зла лишь *видимость*.

25 [523]

Против довольствования малым

Заратустра I

Умаление и стыдливость могущественных

– невозможность увидеть возвышающих людей.

– безобразие плебеев

– зависть и мелочность плебея

– торжество морального тартюфства.

– опасность того, что управление миром попадет в руки посредственностей

– удушье у всех *высших* натур.

ego как *отвлечение* от эвдемонической точки зрения – *исторически*.

25 [524]

против равенства

против морал<ьного> тартюфства

против христианства и бога
против национального – добрый европеец.

25 [525]

Бог любви, доведенный до скуки своей добродетелью, мог бы однажды сказать: «А давайте как-нибудь попробуем прибегнуть к дьявольщине!» Вот и новое происхождение зла! Из скуки и добродетели!

25 [526]

Мнение, даже если оно *неопровержимо*, не обязательно будет истинным.

26. Лето–осень 1884

26 [1]

Предшествующее
и предшественники

26 [2]

Скептические возражения.

26 [3]

Великие философы удаются редко. Что представляют собой Кант, Гегель, Шопенгауэр, Спиноза! Какая убогость, какая односторонность! Понимаешь, почему художник может вообразить, что он значительнее их. Меня воспитало знание великих греков: Гераклит, Эмпедокл, Парменид, Анаксагор, Демокрит больше достойны уважения, они *цельнее.* На совести христианства то, что оно *испортило* многих цельных людей, например Паскаля, а раньше Майстера Экхарта. В конечном счете оно портит даже само понятие художника: оно изливало на Рафаэля свое робкое лицемерие, а его просветленный Христос – это, в конце концов, всего лишь непостоянный мечтательный монашек, не осмеливающийся показаться обнаженным. Гёте на этом фоне смотрится хорошо.

26 [4]

«Люди любят из чувства благодарности, из переполненного сердца, потому что избежали смерти». Лагард, с. 54. Против «гуманности».

26 [5]

Преимущество церкви, подобной русской: они могут ждать.

26 [6]

Религия, у истоков которой стоит нарушение супружеской верности богом (ведь для него нет ничего невозможного!)

26 [7]

любить ближнего, даже врага, ибо так поступает бог: «он посылает дождь на праведных и неправедных». Но он этого вовсе не делает.

26 [8]

Фихте, Шеллинг, Шлейермахер, Фейербах, Штраус – все теологи.

26 [9]

я принужден к тому, чтобы в век suffrage universelle[1], т.е. когда всякий может судить о каждом и обо всем, снова восстановить *ранговый порядок.*

26 [10]

Больш*ая нравственность* у состарившихся народов, например у венгров, китайцев, евреев, французов (ибо кельты уже были культурным народом!) –

26 [11]

Истинные бедуины пустыни и древние викинги –

26 [12]

NB. Априорные «истины», в которые легче всего верят, для меня – *гипотезы до поры до времени*; например, закон причинности – это очень хорошо отрепетированные привычки веры, усвоенные настолько, что *не*верие в них могло бы погубить род. Но истины ли они поэтому? Что за вывод! Как будто истину можно доказать тем, что человек продолжает существовать!

26 [13]

Я должен *выстроить труднейший идеал философа.* Этому нельзя научить! Ученый – это стадное животное в цар-

---

1 всеобщего избирательного права (*фр.*)

стве познания, занимающееся исследованием, потому что ему приказали и продемонстрировали, как это делается.

26 [14]

Чувства истины самого по себе не существует, но истину ищут, поскольку сильное предубеждение говорит о том, что полезнее знать истину, чем позволять себя обманывать; во многих других случаях ее ищут, потому что она, вероятно, *могла бы быть* более полезной – для приумножения власти, богатства, почета, чувства собственного достоинства.

26 [15]

Но и в подлинных друзьях истины, философах, подспудно работает часто неосознаваемая ими преднамеренность: им с самого начала нужна определенная, устроенная таким-то и таким-то образом «истина» – и довольно часто они выказывали свои сокровеннейшие потребности, когда шли *своим* путем к своей «истине».

26 [16]

Бедный Шопенгауэр! Э. фон Гартман обрубил ему ноги, на которых он ходил, а Рихард Вагнер еще и отрезал голову!

26 [17]

В воле мы можем познать только то, что в ней познаваемо; стало быть, если предположить, что мы познаем себя как волящих, то в волении должно заключаться нечто интеллектуальное.

26 [18]

Аппарат познания, желающий познать себя самого!! Следует преодолеть абсурдность этой *задачи*! (Желудок, пожирающий самого себя! –)

26 [19]

Как Винкельман обрел понимание античности на примере Лаокоона, символизирующего ее конец, так и Р<ихард> В<агнер> на примере оперы, *худшего* из всех

художественных жанров, обрел чувство стиля, т. е. понимание, что виды искусства невозможно *изолировать* друг от друга.

26 [20]

демагогический характер искусства Вагнера: следствием, в конечном счете, явилось то, что ради достижения влияния он склонил голову перед Лютером.

26 [21]

немецкая музыка *не* изолирована от тенденций культуры: в Моцарте очень много от рококо и нежности XVIII столетия. В Бетховене воздух Франции, увлечения, из которых родилась революция: постоянные отголоски, отзвуки. В<агнер> и романтизм.

как обстоит дело со связью музыки с изобразительными искусствами? С поэзией? Относительное одиночество музыканта, он мало живет вместе с другими, его возбуждения суть отголоски *прежних чувств.*

Музыке все еще недостает большого стиля – и все делается для того, чтобы он и теперь не вырос!

26 [22]

Все, что я говорил о Р<ихарде> В<агнере>, неверно. Я почувствовал это в 1876 г.: «в нем все неистинно, а что истинно, то спрятано или замаскировано. Он актер во всех дурных и хороших смыслах слова».

26 [23]

Так же отдалиться от моральных феноменов, как врач далек от веры в ведьм и учения о «кознях дьявола».

26 [24]

Боль, неизвестность, злость: к этим трем вещам стадные люди относятся очень по-разному.

26 [25]

Преимущества этого времени: «Ничто не истинно, все дозволено».

26 [26]

Я рассматриваю преступников, как понесших, так и не понесших наказание, как людей, на которых можно ставить опыты. Защита, *не* исправление, *не* наказание!

26 [27]

народ, подчиняющийся интеллекту какого-нибудь *Лютера*!

26 [28]

NB. Это *хорошие* перспективы: готовятся сплошь *величайшие* потрясения. Когда я размышляю над тем, что *породила* французская революция, то вижу: без нее немыслимы ни Бетховен, ни Наполеон. Поэтому я надеюсь, что будут вскрыты все основные проблемы и мы преодолеем нелепости Нового Завета или Гамлета и Фауста, этих двух «наисовременнейших людей».

26 [29]

Я поднялся в светлые выси – и кое-кто из тех, что в дни моей молодости сияли надо мной, словно звезды, теперь далек от меня – и *подо* мной; например Ш<опенгауэр>, В<агнер>.

26 [30]

Не следует строить, когда время уже прошло. Ликование великого движения – а *я тот*, кто видит, о чем идет речь: все о «добре» и «зле».

26 [31]

Дать описание Р<ихарда> В<агнера> – попытка диктатуры. Но в конечном счете он *перечеркнул себя сам*, оказавшись неспособным создать собственную целостную концепцию. Его соблазнили «экстазы» протестантской тайной вечери!

Монтень – – –

26 [32]

«Покорение мира». Какими путями человек пытался до сих пор подчинить себе вещи:

– границы, которые он не мог преступить и подчинился (Мойра), – «бог». «Властители», которых еще раз вмечтали в вещи, как властителей мира.

– Утешения. Покорность.

26 [33]

«Мир как фантом». «Удовлетворение».

26 [34]

Днем низ интеллекта закрыт для сознания. Ночью верхушка интеллекта спит, а низ входит в сознание (сон).

26 [35]

Если во сне мы ищем причину для орудийного выстрела и только потом *слышим* сам выстрел (т.е. происходит движение времени вспять); точно такое же *движение времени вспять* происходит и при бодрствовании. «Причины» мы воображаем *после «действия»*; я имею в виду, что наши *цели* и *средства* суть следствия процесса??

О том, как хорошо мы натренированы ничему не верить без причины, свидетельствует вышеупомянутый феномен: мы только тогда *принимаем* орудийный выстрел, когда придумываем для себя возможность его возникновения, т.е. всякому непосредственному *переживанию* предшествует время, когда переживаемый факт *мотивируется.*

– то же самое могло бы происходить и при движении *любого нерва, любого мускула.*

Стало быть, в каждом так называемом чувственном восприятии присутствует *суждение*, которое *принимает* или *отвергает* процесс еще до того, как он «входит» в сознание.

Вся органическая жизнь, *как видимое движение, скоординирована* с *душевными процессами.*

Органическое существо есть видимое выражение *духа.*

26 [36]

Нервная система и мозг – это система управления и аппарат централизации бесчисленных индивидуальных и различных по своему рангу движений духа. *Само духовное Я* уже дано вместе с клеткой.

До клетки нет никакой Я-духовности, и, вероятно, только *процесс мышления* (память и умозаключение) соот-

ветствует всему закономерному, т.е. *характеру отношений* всего происходящего.

26 [37]

Сфера, в которой не бывает ошибок, стоит на более высокой ступени: неорганическое как лишенная индивидуальности духовность. Органическое создание придерживается эгоистического угла зрения, чтобы уцелеть.

– оно может мыслить лишь в той мере, в какой это идет на пользу его сохранению.

– длительный процесс, включающий в себя рост, зачатие и т.д.

26 [38]

Мысли – это силы. Природа представляет собой множество отношений сил: ее мысли суть *логически абсолютно надежные процессы*, отсутствует всякая возможность ошибки. Наша наука стала *повсюду* отыскивать логические формулы и ничего больше.

– все эти процессы движения, которые мы видим или почти видим (атомы), суть последствия

1. Неразрушимое единообразие силы, пространство с функцией силы. Сплошь механика.

2. Механика в основе своей логика.

3. логика невыводима. Как возможно заблуждение? Точнее: законы сохранения для длительных процессов предполагают *иллюзию* перспективы.

26 [39]

«справедливый человек» для наблюдателя весьма отрадное явление, дающее успокоение, – но себе самому он доставляет ужасные мучения.

26 [40]

Искусство – радость *сообщить себя* (и воспринять от более богатого), – формировать души посредством образов –

26 [41]

У очень решительных натур отсутствует потребность видеть вокруг себя сложившееся познание –

26 [42]

Я по-новому ставлю проблему рангового порядка (Платон) художника; в то же время я ставлю художника как можно выше. В самом деле, мы находим, что все художники *подчинены* великим духовным движениям, а не руководят ими; нередко они – завершители, как Данте для католической церкви, Р<ихард> В<агнер> для романтического движения, Шекспир для свободы духа Монтеня.

Высшие формы, когда художник есть лишь часть человека, например Платон, Гёте, Дж<ордано> Бруно. Эти формы удаются редко.

26 [43]

Все философские системы *преодолены*; греки сияют ярче, чем когда бы то ни было, особенно греки до Сократа.

26 [44]

Поворот времени вспять: мы воспринимаем внешний мир как причину его воздействия на нас, но мы всего лишь *превратили во внешний мир* его действительное и неосознанно протекающее действие; то, что противостоит нам, есть наше творение, которое теперь воздействует на нас. Нужно *время* для его завершения, но время это весьма незначительно.

26 [45]

Наши оценки соотносятся с нашими условиями жизни, как мы их себе представляем: меняются условия – меняются и наши оценки.

26 [46]

Координация вместо *причины и следствия*

26 [47]

Путь к мудрости

Указания для преодоления морали

Первый шаг. Почитать (и слушаться, и *учиться*) лучше, чем это делает кто бы то ни было. Собрать в себе все достойное почитания и заставить бороться друг с другом.

Выносить все трудности. Аскетизм духа – храбрость, время общности.

Второй шаг. Разбить почитающее сердце (когда *привязался крепче всего*). Свободный дух. Независимость. Время пустыни. Критика всего, что почиталось (идеализация не почитавшегося), попытка противоположных оценок.

Третий шаг. Великое решение: способен ли к позитивной точке зрения, к утверждению. Больше никакого бога, никакого человека *надо* мной! Инстинкт созидающего, который знает, *к чему* приложить руку. Великая ответственность и невинность. (Чтобы радоваться чему-либо, нужно *все* принимать.) Наделить себя правом действовать.

26 [48]

1. Преодоление злых мелочных наклонностей. Большое сердце завоевывают только любовью.

(Р<ихард> В<агнер> пал ниц перед глубоким любящим сердцем, как и Шопенгауэр. Это относится к *первой* ступени.) Отечество, раса – все относится сюда.

2. Преодоление и добрых наклонностей.

осталось незамеченным, что такие натуры, как Д<юринг>, В<агнер> или Ш<опенгауэр> *так и не* встали на эту ступень!

3. По ту сторону добра и зла. Он принимает механическое рассмотрение мира и не чувствует себя униженным этой судьбой: он сам *есть* судьба. В его руках судьба людей.

Лишь для немногих. Большинство погибнет уже на втором этапе. Платон, Спиноза? возможно, *удались*? Наконец-то предоставить себе право действовать.

Остерегаться действий, которые уже не соответствуют *достигнутой ступени*, например желания помочь тем, кто недостаточно значителен: это ложное сострадание.

26 [49]

NB. «Сознание»: в какой мере воображаемое представление, воображаемая воля, воображаемое чувство (*нам известно только оно*) совершенно поверхностны! Наш *внутренний* мир тоже «видимость»!

26 [50]

Масштаб. Сколько истины способен вынести человек и *не выродиться*! И не дойти до отчаяния от противоречий, враждебности и непонимания? Но и от *глупой любви* тех, кто его почитает?

26 [51]

Какая злая судьба была у Шопенгауэра! Его *несправедливости* нашли своих *приумножателей* (Дюринга и Рихарда Вагнера), а его основополагающее понимание *пессимизма* – невольного *умалителя* из Берлина (Э. фон Гартмана)!

26 [52]

Мы полагаем, что наш *осознанный* интеллект служит причиной всех целенаправленных установок в нас. Это в принципе неверно. Нет ничего более поверхностного, чем все это полагание «целей» и «средств» посредством сознания: это аппарат упрощения (как произнесение слов и т. п.), практичное средство понимания и не более того, – без намерения *проникнуть* посредством познания.

26 [53]

«Случайность» – у великих умов полнота концепций и возможностей, своего рода игра образов, отбор и приспособление к ранее отобранному. – *Зависимость* низших натур от изобретательных *невыразимо* велика; показать однажды, *в какой значительной мере* все есть подражание и обыгрывание *заданных оценок*, исходящих от великих одиночек. Пример: Платон и христианство. Апостол Павел вряд ли знал, *сколь сильно* все в нем пахнет Платоном.

26 [54]

Глава. О *ценности* познавательного аппарата человека. Только постепенно выясняется, *что* он может и чего не может: а именно, в какой мере все его результаты внутренне *взаимосвязаны* или противоречат друг другу.

26 [55]

Глава. Когда не имеешь определенной точки зрения, нельзя говорить о ценности какого-либо предмета, т. е.

определенное *утверждение* определенной жизни есть предпосылка любого *оценивания*.

26 [56]

Хвалят и порицают, исходя из *себя*: кто, исходя из высших точек зрения, не замечает воздающего хвалу, тому эта хвала *не льстит*.

26 [57]

NB. В какой мере для человека высшего ранга необходимо, чтобы его смертельно *ненавидели* представители *определенной* морали. Кто любит мир, того должны проклинать все люди в отдельности: перспектива их сохранения *требует*, чтобы не было никакого разрушителя всех перспектив.

26 [58]

NB. Первая граница всякого «чувства истины», в том числе и для низших одушевленных существ: все, что не служит их сохранению, *их не касается*. Вторая: *самый полезный* для них способ рассмотрения предмета получает предпочтение и постепенно, через наследственность, усваивается. Даже человек не привнес в этом отношении никаких изменений; самое большее – можно задаться вопросом, существуют ли вырождающиеся расы, которые относятся к вещам в соответствии с внутренней установкой на гибель, т. е. в противовес жизни. Но вымирание устаревших и неудавшихся само является следствием *сохранения* жизни; вот почему старики предпочитают судить по-стариковски, а истые христиане – враждебно относиться к миру.

В принципе возможно, чтобы для сохранения всего живого *требовались* как раз *основополагающие ошибки*, а не «основополагающие истины». Можно, к примеру, помыслить бытие, в котором само познание было бы невозможно, ибо существует противоречие между абсолютно текучим и познанием; в таком мире живое создание, чтобы существовать, должно было бы прежде всего *верить* в вещи, в долговечность и т.д.; ошибка была бы условием его существования. Возможно, так оно и есть.

26 [59]

Тот, для чьих предков была особенно важна любовь, почувствует это влюбившись и, возможно, к своему удивлению, будет вести себя так, как это делали его предки: **в одиночку** *трудно положить начало значительной страсти*, – страсти тоже необходимо воспитывать и выращивать, любовь в той же мере, что и жажду господства и эгоизм.

26 [60]

Всюду, где существует большая целесообразность, мы **не** держим в сознании цели и средства. Художник и его творение, мать и дитя, а также то, как я жую, переваривраю, хожу и т. д., экономия сил в течение дня и т.д. – все это происходит неосознанно.

Если что-то происходит целенаправленно, например процесс пищеварения, это *ни в коей мере* не может быть объяснено предположением действия в сотни раз более *совершенного* аппарата познания, *подобного* сознательному интеллекту: он может не соответствовать задаче, которая на деле решается, ибо ему пришлось бы учитывать множество слишком тонких отношений (в числах). Второй интеллект тоже вряд ли решил бы загадку. Если не дать себя обмануть понятиям «большое» и «малое» во *временных* отношениях, то процесс *отдельного переваривания* окажется столь же богат отдельными процессами движения, как и *весь процесс живого вообще*, – и кто не предполагает наличия руководящего интеллекта для последнего, тому не требуется предполагать его и для первого.

26 [61]

Весь аппарат познания есть аппарат абстракции и упрощения – направленный не на познание, а на *овладение* вещами: «цель» и «средство» столь же далеки от сущности, как и «понятия». С помощью «цели» и «средства» овладевают процессом (*изобретают* процесс, который можно постичь!), а с помощью понятий – «вещами», совершающими процесс.

26 [62]

Сущность действия непознаваема: то, что мы называем его «мотивами», не *движет* ничем; воспринимать

последовательность <Nacheinander> как беспорядок <Durcheinander> есть заблуждение.

26 [63]

Со «свободой воли» кончается «ответственность». Но остаются все моральные вопросы. Как живое относится к «истине»? К другому живому? И если наказывают и вознаграждают по ошибке, то почему *нельзя* и впредь наказывать и вознаграждать? Что можно возразить против «воли к неправде»? И откуда берется уважение к бескорыстному праведнику? – В конечном счете, нужно установить все *факты* моральной позиции живого: 1) *фактические оценки* и 2) *причину оценок*. Отсюда вытекает вопрос: 3) *существует ли масштаб* **над** всеми прежними оценками, включая вопрос, могут ли быть две первые задачи решены без *этого*, – и вообще *для чего* я этот вопрос ставлю.

26 [64]

Большие проблемы *ценности становления*, поставленные Анаксимандром и Гераклитом, – т.е. решение о том, позволена ли вообще, применительно к целому, моральная или эстетическая оценка.

Большая проблема, касающаяся степени участия *целеполагающего ума* во всяком становлении, – у Анаксагора.

Большая проблема, существует ли *бытие*, – у элеатов; а также что есть видимость.

Все большие проблемы были поставлены до Сократа.

Сократ: понимание как средство нравственного улучшения, неразумное в страстях, *нецелесообразное* в испорченности.

Платон говорит: нет! Любовь к добру приносит с собой нравственное улучшение; но для постижения добра необходимо понимание.

Сократ ищет не мудрости, а *мудреца* – и не находит его, но эти *поиски* называет своим высшим счастьем. Ибо, по его мнению, в жизни не существует ничего более высокого, чем *постоянные разговоры о добродетели*.

26 [65]

Быть может, то, что мы ощущаем как абсолютно верное, дальше всего отстоит от «реальности». В суждении

заключена вера, что «дело обстоит так-то и так-то», – как если бы *сама вера* была ближайшим фактом, который мы можем установить! Как возможна вера??

26 [66]

Пифагор основывает орден для *благородных*, своего рода орден тамплиеров.

26 [67]

– Гераклит: мир – абсолютная закономерность; как он может быть миром несправедливости! – Стало быть, *моральное* суждение об «исполнении закона» абсолютно; его противоположность – обман; даже дурные люди ничего не меняют в этом, они таковы, каковы есть, и абсолютная *закономерность* исполняется на них самих. Необходимость здесь морально прославляется и *чувствуется*.

26 [68]

До сих пор *не* удались оба объяснения органической жизни, ни вытекающее из механики, ни вытекающее *из духа*. Я подчеркиваю *последнее*. Дух поверхностнее, чем думают. Управление организмом происходит таким образом, что для его объяснения *как* механический мир, *так и* духовный могут быть привлечены только *символически*.

26 [69]

Мысль, что только жизнеспособное *остается*, есть концепция *первого ранга*.

26 [70]

В конечном счете непознаваемость жизни может заключаться в том, что *все* само по себе непознаваемо и что мы понимаем лишь построенное и сколоченное нами самими – на основе противоречия между первыми функциями «познания» и жизнью. Чем более познаваемо нечто, тем дальше оно от бытия и тем в большей мере оно – *понятие*.

26 [71]

Эгоизм как перспективистское видение всех вещей и суждение о них с целью сохранения: всякое видение

(в том, *что* нечто вообще может быть воспринято, присутствует отбор) есть уже оценка, принятие, в противоположность отторжению и нежеланию видеть.

26 [72]

Оценки присутствуют в любой чувственной деятельности. Они есть во всех функциях органического существа.

То, что удовольствие и неудовольствие – первоначальные формы оценки, есть гипотеза; быть может, они только *следствия* оценки.

«Добро», увиденное двумя разными существами, различно.

Есть добро, которое имеет своей мерой сохранение отдельного человека, его семьи, или его общины, или его рода, – в индивиде может возникнуть противоречие, два инстинкта.

Каждый «инстинкт» есть влечение к «чему-то доброму», увиденному с той или иной точки зрения; в нем присутствует оценка, только поэтому он был усвоен.

Всякий инстинкт выращен как временное *условие существования*. Он долго наследуется, даже после того, как перестанет им быть.

Постоянно наследуется некая мера инстинкта относительно других инстинктов, способствующая сохранению; противоположная ей мера исчезает.

26 [73]

«Неэгоистическое». Множество личностей (*масок*) в одном «я».

26 [74]

Закон причинности a priori: то, что в него верят, может быть условием существования нашего вида; этим он не *доказывается*.

26 [75]

К Введению.

§ 1. Труднейший и высший образ человека будет удаваться крайне редко: так, история философии демонстрирует избыток неудавшихся, несчастных случаев, и крайне

медленное продвижение; целые тысячелетия прерывают его и подавляют то, что было уже достигнуто, – связь постоянно прерывается. Это ужасная история – история высшего человека, *мудреца*. – Чаще всего наносится вред именно памяти великого, ибо полуудавшиеся и неудавшиеся не признают их и одолевают своими «успехами». Всякий раз, когда проявляется «действие», на сцену выходит масса черни; совместные выступления малых и бедных духом – это чудовищная пытка для ушей тех, кто с ужасом сознает, *что судьбы человечества зависят от удачливости его высшего типа*. – Я с детских лет размышлял об условиях существования мудреца и не стану скрывать своего радостного убеждения, что теперь он снова становится *возможен* в Европе, – вероятно, лишь на короткое время.

§ 2. Что должно сойтись в мудреце? Тут понимаешь, почему он столь трудно удается, даже если совсем не принимать во внимание внешних условий.

§ 3. *Мир мнений*: до сих пор не замечали, как глубоко оценки входят в вещи, до какой степени мы находимся в сотворенном нами самими мире и что во всех наших чувственных восприятиях заключены моральные оценки. – Ограниченность кругозора кантовского идеализма (в конце опровергнутая им самим: какое нам дело до истины, если речь идет о наших высших оценках, – «тогда *нужно* верить в это и то», полагал Кант).

26 [76]

Проблема в том, являются ли удовольствие и неудовольствие более примитивными факторами для целого, нежели суждение о «пользе» и «вреде».

26 [77]

Понятийно отделить возбуждение от «удовольствия» и «неудовольствия».

26 [78]

Шопенгауэр находит «особое удовольствие» в том, чтобы практический разум и категорический императив Канта представить «совершенно произвольными, необоснованными и выдуманными предположениями, и таким

образом вновь привести мораль в ее прежнее, совершенно беспомощное состояние» (Основы морали, с. 118).

26 [79]

Условия мудреца.

Необходимо *отделиться* от общества посредством *вины* любого рода.

26 [80]

Развитие органического демонстрирует большую вероятность того, что интеллект вырос из весьма скромных начал, то есть тоже прошел этап *становления*: возникновение органов чувств доказуемо, до них не было никаких «чувств». Спрашивается, что всегда должно было быть в наличии, например, какие свойства имеет эмбрион, чтобы в процессе развития в конечном счете возникло мышление? –

26 [81]

Мы до сих пор не имеем *никакого представления* о внутренних законах движения органического существа. «Образ» есть оптический феномен: бессмыслица, если отвлечься от глаз.

26 [82]

Основной тезис: никаких возвратных гипотез! Лучше уж состояние ἐποχή! И как можно больше отдельных наблюдений! В конце концов мы можем познавать все, *что* хотим; за всеми нашими трудами стоит *польза* или бесполезность, *которые мы* **не** *упускаем из виду*. В этом нет произвола, все абсолютно необходимо: судьба человечества давно предопределена, ибо она *существовала* вечно. Наши самые ревностные усилия и предусмотрительность составляют часть fatum[1] всех вещей; то же и со всякой глупостью. Кто прячется от этой мысли, тот тем самым тоже fatum. От мысли о необходимости скрыться некуда.

---

1 судьбы (*лат.*)

26 [83]

Можно было бы спросить (если бы дело при этом *не* касалось истины): какая вера самая желанная и *самая полезная*? Но нужно задать и следующий вопрос: полезная для чего?

26 [84]

Кант говорит на с. 19 (Р<озенкранц>), что «моральная ценность поступка заключается отнюдь не в цели, с какою он совершен, а в правиле, какому человек следовал». «Против этого я укажу на то, что только цель решает вопрос о моральной ценности либо неценности деяния, так что одно и то же действие, в зависимости от своей цели, может быть достойным порицания или похвалы» и т.д. (Шопенгауэр, Основы морали, с. 134.)

ego: однако *то, чего* он хотел достичь своим действием, похвально оно или предосудительно, все же зависит от максимы, которой руководствуется хвалящий или порицающий, и, следовательно, от суждения о максиме, согласно которой поступал действующий: если она не одна и та же, то обычный человек возмущается действующим, но, в то же время, предполагает, что *оценивает* его действие. Кант прав, когда он, в конечном счете, всегда сводит ценность действия *к вопросу о ценности лежащей в его основе максимы*, поскольку существуют разные максимы, с разной моральной ценностью.

Ш<опенгауэр> столь же уверен, что точно знает, что хорошо, а что плохо, как и Кант, – вот в чем юмор.

26 [85]

Приказание и повиновение – вот основной факт; это *пред*полагает ранговый порядок.

Шопенгауэр, с. 136: «*Принцип,* или верховное *основоположение,* этики есть наиболее сжатое и точное выражение для предписываемого ею образа действий или, если она не имеет императивной формы, для того образа действий, за которым она признает истинную моральную ценность, [...] т.е. ὅ,τι добродетели. *Фундамент* же этики есть διότι добродетели, *основа,* почему что-либо вменяется в обязанность

или рекомендуется или заслуживает похвалы [...] ὅ,τι так легко, а διότι – такая ужасная трудность». (т. 3, с. 396–397)

«“Neminem laede, imo omnes, quantum potes, juva”[1]. Таково, собственно, положение, *обосновать* которое всячески стараются все моралисты, – [...] подлинный *фундамент* этики, которого ищут уже в течение тысячелетий, как философский камень». (т. 3, с. 397)

Трудность доказательства этого тезиса и впрямь велика: он нелеп и рабски сентиментален.

Neminem laede – почему бы и нет?

Neminem содержит в себе уравнение всех людей; но поскольку люди не равны, здесь содержится требование *полагать* их *равными*. Стало быть: «относись к каждому человеку как к равному тебе» – вот подоплека этой морали. «Польза» содержит вопрос «полезен *для чего?*», т.е. уже оценку и цель. В известных обстоятельствах, чтобы быть полезным всем, может возникнуть необходимость нанести вред многим, – т. е. первая часть может оказаться ложной. Смешно, будучи философом, верить в *само по себе* «причинение блага или боли». Боль и утрата часто приносят нам наибольшую выгоду, и «очень хорошо иметь плохих друзей», если из тебя должно выйти нечто великое. –

Стало быть, первый вопрос: практична ли мораль, *осуществима* ли она. Но как я могу «*быть полезен всем*»!

У Шопенгауэра есть моменты, когда он недалек от сентиментальности Коцебу; кроме того, он ежедневно играл *на флейте*, – это кое о чем говорит.

26 [86]

Шопенгауэр был прав, когда потешался над кантовскими «целью самой по себе», «абсолютным долженствованием», «абсолютной ценностью» как над противоречиями; ему стоило бы добавить сюда еще и «вещь саму по себе».

26 [87]

Где начинается *равнодушие*, у живых существ, по отношению к внешнему миру –

---

1 «Никому не вреди, напротив, всем пособляй, как можешь» (*лат.*)

26 [88]

Мудреца менее всего отличает застывшее однообразие взгляда: пока – – –

26 [89]

Превосходные умы удаются труднее: история их страданий, их болезни, их возмущение дерзким добродетельным визгом всех нравственных гусаков и т. д. Всё в заговоре против них, их озлобляет, что они нигде не оказываются к месту. – Опасность в демократические эпохи. Абсолютное презрение как мера безопасности.

26 [90]

Дело философов установить то, что *достигнуто* в познании; и не только в познании, но и вообще! История как большое *опытное учреждение: готовить* осознанную мудрость, необходимую для управления землей. Осмысление всего пережитого –

26 [91]

При избытке дополняющих животворных сил даже неудачи сверкают солнечным блеском и порождают свое собственное утешение; и наоборот, всяческая глубокая подавленность, угрызения совести, долгие горестные ночи случаются у тех, чье тело *ослаблено* (зачастую они еще и отказываются от пищи).

26 [92]

Непроизвольное в мышлении.

Возникает мысль, часто запутанная и затемненная толчеей других мыслей. Мы вытаскиваем ее на свет божий, очищаем ее, ставим на ноги и смотрим, как она *ходит* – всё очень быстро! Потом мы творим над ней суд: мышление – это своего рода упражнение в справедливости, при котором существует и допрос свидетелей. Что она *означает?* – спрашиваем мы и часто призываем на помощь другие мысли; таким образом, мысль воспринимается не непосредственно, а только как *знак*, как вопросительный знак. Что всякая мысль сначала многозначна и шатка и сама по себе лишь *повод* для многократной интерпретации и про-

извольного установления, известно всякому наблюдателю, не довольствующемуся поверхностью. – Происхождение мысли от нас скрыто; вполне вероятно, что она *симптом* более обширного состояния, подобно всякому чувству: в том, что приходит именно *она*, а не другая, что она приходит с этой большей или меньшей ясностью, иногда уверенно и повелительно, иногда неуверенно, нуждаясь в поддержке, но в целом каждый раз возбуждая беспокойство и тревогу, вопрошая – для сознания любая мысль есть стимулирующее средство, – во всем этом *в знаках* выражается некая информация об общем состоянии. – Точно так же обстоит дело и с любым чувством: оно для нас не есть нечто самодовлеющее и, когда приходит, интерпретируется нами, и часто странно интерпретируется! Мы размышляем о недомоганиях кишечника, о болезненном состоянии nervus simpaticus[1] и всего sensorium commune[2]; только сведущий в анатомии угадывает при этом истинный род причины – а всякий несведущий *ищет* в таких болях моральное объяснение и под истинный повод для дурного настроения *подводит* ложную причину, отыскивая в кругу своих переживаний, неприятных впечатлений и опасений причину плохого самочувствия. – На дыбе любой признает себя виновным: испытывая боль, причины которой он не знает, мученик столь долго по-инквизиторски терзает себя вопросами, пока не сочтет виновным себя или другого; например, пурит<ане> толковали для себя часто сопутствовавший их неразумному образу жизни сплин моральным способом, как угрызения совести.

26 [93]

Действия высшего человека безгранично *многообразны* в их мотивации: такое слово как «сострадание» абсолютно *ни о чем не* говорит. Самое существенное – чувство «Кто я? Кем в отношении ко мне является другой?»; постоянно работают оценки.

---

1 симпатического нерва (*лат.*)

2 общего органа чувств (*лат.*)

26 [94]

Нужно научиться заново понимать память: она представляет собой множество переживаний всякой органической жизни – живых, организующих себя, взаимно формирующихся, борющихся друг с другом, упрощающих, сталкивающихся и образующих множество соединений. Должен быть внутренний *процесс*, который, как и *образование понятий*, складывается из многих отдельных случаев: выявление и постоянное подчеркивание основной схемы и опускание побочных черт. – Пока какой-либо отдельный factum[1] еще может быть отозван назад, он еще не слился с целым: самые новые переживания еще плавают на поверхности. Чувства симпатии, антипатии и т. д. суть симптомы того, что уже образовались единства; наши так называемые «инстинкты» и есть эти образования. Мысли – самое поверхностное; оценки, непонятно как приходящие и присутствующие в нас, проникают глубже: удовольствие и неудовольствие суть результаты сложных, управляемых инстинктами процессов.

25[95]

Поскольку ненависть, симпатия, вожделение, гнев, властолюбие и т.д. еще остаются в нас, можно предположить, что они выполняют функцию сохранения. И «добрый человек» – без могучих аффектов ненависти, возмущения, отвращения, без вражды – есть *вырождение* или самообман.

26 [96]

Неуклюжий педантизм и провинциализм старого Канта, гротескная безвкусица этого китайца из Кенигсберга, который, однако, был человеком долга и прусским чиновником, – и отсутствие внутренней дисциплины и бесподданство Ш<опенгауэра>, который, тем не менее, мог восхищаться сострадательным обывателем, подобным Коцебу, и знал сострадание к животным, подобно Вольтеру.

26 [97]

кто радуется превосходному уму, должен любить и условия, в которых тот появляется: принуждение к при-

---

1 факт (*лат.*)

творству, уклончивость, умение пользоваться случаем; и то, что менее значительным натурам внушает отвращение и страх, особенно если они ненавидят дух как таковой, –

26 [98]

Основная позиция: недостаток уважения к великим умам, по многим причинам, в том числе и потому, что великих умов *недостает*. Историческую манеру нашего времени можно объяснить верой в то, что все *доступно* суждению любого человека.

Признаком великого человека было глубокое проникновение в *моральное лицемерие* каждого (одновременно являющееся упорством плебея, *ищущего себе костюм*).

26 [99]

Утешением мне служит то, что все великие знатоки людей до сих пор утверждают, что «человек зол» – а там, где это звучало по-иному, проницательному сразу было ясно, что «здесь человек *слаб*».

Ослабление человека было причиной революций – сентиментальность.

26 [100]

Чего недоставало философам: а) чувства истории,
б) знания физиологии,
в) цели на будущее.

Подвергать критике без всякой иронии и морального осуждения.

26 [101]

Великолепный интеллект есть результат действия множества моральных качеств, например мужества, силы воли, справедливости, серьезности, – но одновременно и множества πολυτροπία[1], притворства, способности к превращениям, умения разбираться в противоречиях, озорства, дерзновенности, злости, необузданности.

1 хитрости, изворотливости (*древнегреч.*)

Чтобы появился великолепный интеллект, предки человека должны были быть в выдающейся степени тем и другим – злыми и добрыми, духовными и чувственными.

26 [102]

Что добрый человек может иметь выдающийся ум, еще должно быть доказано: до сих пор великие умы были злыми людьми.

26 [103]

Эти добрые, миролюбивые, веселые люди не имеют представления о тяжелом труде тех, кто хочет *заново* взвесить вещи и вынужден подтаскивать их к весам.

26 [104]

Количество неудавшихся потрясает, а еще больше – удобство и уверенность (*недостаток сочувствия ко всему развитию* «человека»); как быстро все может погибнуть!

26 [105]

Неудивительно, что нужна пара тысячелетий, чтобы снова найти возможность начать все с начала: от пары тысячелетий мало что зависит!

26 [106]

Познающий радуется всем своим дурным аффектам, желаниям, поступкам; он использует болезни и унижения, он позволяет боли проникать глубоко и вдруг отскакивает, как только *обретает* познание.

26 [107]

Желание показать доброго человека до сих пор больше всего вредило философскому познанию. Великая ложь, особенно у моралистов.

26 [108]

Сегодня нет существенного отличия в суждении о том, что есть добро, а что зло. Вопрос ставится лишь о том, почему здесь нет существенного отличия. В том же, что дело обстоит так-то и так-то, никто не сомневается. – Сок-

рат спрашивает «почему?», но и он не сомневается, – и до сих пор к тщеславию человека относится то, что он *будто бы знает*, почему что-то делает, и что он якобы действует в соответствии с определенными мотивами. – Начиная с Платона, все верили, что достаточно *определить* «добро», «справедливость» и т. д., чтобы *знать*, что это такое и действовать в соответствии с этим.

26 [109]

NB. По праву ли воздают хвалу добрым, справедливым людям? 1) Имеет ли вообще хвалящий право на суждение? 2) Верно ли его суждение и в соответствии с каким критерием оно *верно*?

26 [110]

До сих пор много судили и осуждали там, где отсутствовало знание, например о ведьмах или в астрологии. Многие «суждения с чистой совестью» оказались неоправданными. Не мог ли вопрос о «добре» и «зле» точно так же ставиться неоправданно, поскольку его обоснование не включало в себя критики – с ним просто соглашались?

Также можно было бы спросить: кто полезнее для развития новых и сильных типов – добрые или злые? Полезнее ли добрые для познания и т. д.? Здоровее ли они и выносливее в смысле сохранения расы? Веселее или мрачнее они по отношению к счастью? Еще только предстоит *показать* крайне неоднозначное, многослойное состояние вопроса. Полезнее ли они для искусств? Для продолжения рода человеческого?

В первую очередь: каков признак того, что некий человек добр или зол? Это его отношение к себе? Или к другим?

26 [111]

Мудрец приходит в ужас, открыв, как мало значит истина для большинства считающих себя добрыми, – и решает обратить против этой моральной и добродетельной клики свое глубокое презрение. Плохой человек ему милее. – Какие жертвы он принес! И теперь он замечает,

что люди полагают, будто могут выражать свое согласие или говорить *нет.* – Книга, которая «нравится»!

26 [112]

Я испытываю глубокое презрение к любым моральным суждениям, как к похвале, так и к порицанию.

Что касается расхожих моральных суждений, то я спрашиваю: 1) имеет ли выносящий суждение право на свое суждение? 2) прав он или не прав, когда судит именно так?

достаточно ли высоко он стоит?

обладает ли он достаточной проницательностью, фантазией, опытом, чтобы *представить* себе целое?

26 [113]

NB. Жить *вне городов*!

26 [114]

Не существует непосредственных фактов! Точно так же обстоит дело с чувствами и мыслями: *осознавая* их, я делаю выборку, упрощаю, пытаюсь оформить; *именно это и есть осознание*: всецело **активное** *приведение в порядок.*

Откуда ты это знаешь? –

мы отдаем себе отчет в *работе*, когда хотим ясно постичь мысль, чувство – с помощью *сравнения* (*память*).

Мысль и чувство суть *знаки* каких-то процессов: если я абсолютно принимаю их, полагаю их чем-то неизбежно *одно*значным, то тем самым я одновременно полагаю людей равными в интеллектуальном отношении, – временно дозволенное *упрощение* истинной сути дела.

26 [115]

Мы *работаем* **изо всех сил**, чтобы *убедить себя в несвободе*: чтобы чувствовать себя столь же свободными перед самими собой, как и *перед природой.* – – Поддерживать чувство такого рода и не выделяться *требует крайнего напряжения.*

26 [116]

«*Малоценность*» человека есть лишь малоценность относительно определенных *целей* (семья, община и т. д.):

надо *наделить* его *ценностью* и заставить почувствовать свою полезность; например, больной как средство познания, преступник как пугало и т. д. Порочные как возможность на их примере... и т. д.

26 [117]

Чтобы сохранить *себя*, *я* пользуюсь своими защитными инстинктами – отвращением, презрением, безразличием и т. д. Они принуждают меня к одиночеству – но в одиночестве, когда я *ощущаю необходимость всеобщей связи*, каждое существо для меня *божественно*.

NB. Чтобы быть способным ценить и любить *что-либо*, я должен осознать это как абсолютно необходимо связанное со всем сущим, стало быть, *ради него* я должен *одобрить все бытие* и быть благодарным случаю, что такие драгоценные вещи возможны.

Если бы мы *могли предвидеть* благоприятнейшие условия, в которых появляются существа с наивысшей ценностью! Это в тысячу раз сложнее, а вероятность неудачи *очень велика*, – вот почему нас не вдохновляет стремление к ним! – Скепсис.

Напротив: мужество, проницательность, твердость, независимость, чувство свободы от ответственности мы можем усиливать, можем совершенствовать точность весов и ждать, что на помощь придет благоприятный случай.

26 [118]

все тенденции имеют смысл только применительно к определенному кругозору, например, весьма ценно, когда разум становится утонченнее, но так же ценно, когда он огрубляется: мудрый понимает необходимость противоположных *масштабов*, ему нужен самый пестрый случай среди многочисленных противоречий.

Чтобы жить, нужно оценивать. Но оценка чего-либо *имеет следствием* одобрение *всего*, стало быть, и малоценного, ненавистного; т. е. нужно одновременно оценивать и не оценивать. – Скепсис: верные и неверные оценки следует воспринимать в их *взаимообусловленности*.

26 [119]

Понимание: при всякой оценке речь идет об определенной перспективе: *сохранении* индивида, общины, расы, государства, церкви, веры, культуры

– благодаря *забвению* того, что существуют лишь перспективистские оценки, в *отдельно взятом* человеке все кишит противоречивыми оценками и, *следовательно, противоречивыми побуждениями*. Это *выражение болезненного в человеке*, в противовес животным, у которых все наличные инстинкты соответствуют вполне определенным задачам.

– но это противоречивое создание наделено великим методом *познания*: оно ощущает множество За и Против, поднимается *к справедливости* – к пониманию *оценки по ту сторону добра и зла*.

Самый мудрый человек был бы и *наиболее богат противоречиями*, имел бы органы осязания для всех разновидностей человека – и время от времени переживал бы свои великие мгновения *грандиозной гармонии*: возвышенный *случай* есть и в нас!

– своего рода планетарное движение –

26 [120]

Вопросы того, кто под вопросом сам.

26 [121]

Я испытываю недоверие ко всем моральным людям; свойственный им недостаток самопознания и самопрезрения делает меня нетерпеливым не только к их разуму: уже один их вид оскорбляет меня.

26 [122]

Человек возвышенной души не склонен удивляться, ибо ему самому свойственно и родственно самое великое, для него нет ничего великого. – Внешние блага, богатство, власть не принимаются им во внимание, ведь они не обладают собственной ценностью, а полезны лишь для чего-то лучшего.

«Человека высокого, которому выражают свое восхищение лишь почитанием, эти почести не особенно радуют (ибо они слишком незначительны в сравнении с ценно-

стью его добродетели), – но он не станет отказываться от них, ибо люди не в состоянии дать ему ничего большего».

26 [123]

Развлечение и шутка служат отдыху, это своего рода лечение, благодаря которому мы снова набираемся сил для новой деятельности.

«лучше быть серьезным» – это по-аристотелевски.

26 [124]

Что неограниченная воля к познанию представляет собой серьезную опасность, поняли пока немногие. Век suffrage universel[1] живет добродушными и мечтательными предпосылками прошлого столетия.

26 [125]

Мыслителям всегда недоставало недоверия. Быть может, великой опасностью для познания было то, что добродетель и познание хотели соединить друг с другом. Вещи устроены сверх меры коварно – говорить притчами.

26 [126]

Работают, исходя из предпосылок, – например, что познание *возможно.*

26 [127]

О *многообразии* познания. Чувствовать *его* отношение (или отношение вида) ко многому другому: как это может быть «познанием» другого! Способ узнавать и познавать сам относится к условиям существования; при этом опрометчиво умозаключение, что не может быть (для нас самих) никаких других способов интеллектуальной деятельности, кроме того, который поддерживает наше существование: это *действительно* условие нашего существования, но, возможно, оно лишь *случайное* и отнюдь не необходимое.

Наш аппарат познания *ориентирован* не на «познание».

---

1 всеобщего избирательного права (*фр.*)

26 [128]

Когда я *хочу*, происходит настоящее движение. Нельзя ли это незнакомое мне движение рассматривать как causa efficiens[1]? Ведь волевой акт сам есть завершение «борьбы мотивов» – а они сами – – –

Отбросить causae finales[2].

Отбросить causae efficientes[3]: это тоже всего лишь попытки – – – нам процесс.

26 [129]

«Листва и трава, счастье, благодать и дождь».

26 [130]

История оценок.

Благородный

Твердый

26 [131]

causa efficiens causa finalis	} обе лишь средство понимания

26 [132]

Я представляю себе злейших, хладнокровнейших, безжалостнейших людей.

26 [133]

Освобождение от морали:

1) посредством действий

2) – – –

26 [134]

NB. Целесообразностью еще не доказывается цель.

Факт повсеместного наличия цели в обычаях и праве еще *не* демонстрирует того, что эта цель *ставилась* во время их возникновения; кроме того, часто она оказывается нецелесообразной в отношении средств ее достижения.

---

1 действующую причину (*лат.*)

2 конечные причины (*лат.*)

3 действующие причины (*лат.*)

Противоречие между средствами малого и целью высшего интеллекта.

26 [135]

Вторичные свойства вещей под дисциплинирующим воздействием полезного и вредного для нас. (Стало быть, «приятно» и «неприятно» не само по себе, некоторые краски предпочтительнее не сами по себе; при известных условиях получают развитие нервы и т.д., органы чувств и т.д. Теплый, тяжелый и т.д.)

26 [136]

«Человек определенных свойств» (*не* жестокий) – это бессмыслица, ибо свойства он *имеет* лишь относительно чего-нибудь!

26 [137]

В какой мере наш интеллект есть следствие условий существования: мы бы не имели его, если бы в нем не нуждались, и не имели бы его *таким*, если бы не нуждались именно в таком интеллекте и могли бы жить по-иному.

26 [138]

Приспособление ко все новым условиям и, следовательно, *перевес* наследственности и устойчивости на стороне *наиболее способных к приспособлению, самых умных и расчетливых* индивидов.

26 [139]

По ту сторону добра и зла.

Опыт внеморального рассмотрения моральных феноменов.

1. Приведение моральных оценок к их корням.

2. Критика моральных оценок.

3. Практическое преодоление морали.

26 [140]

1) Чувство власти.

2) Мораль господ и мораль рабов.

26 [141]

Исходить из индивида как множества (дух как желудок аффектов); это же касается и общины.

1. Условия существования общины проявляются в форме *оценочных суждений* о людях и действиях.

2. Условия совершенствования или регресса вида в форме оценочных суждений.

3. Противопоставление стадных добродетелей и добродетелей вожаков.

26 [142]

Сохранение вида – и продолжение развития.

– Натуры, в которых воплощено это понятийное различие как *противоречие*

Проблема

Изобретения, чтобы *сэкономить* опыт (сводить прошедшую жизнь ко все более кратким формулам)

Философ как господин, но *не* в свое время.

У таких людей, как Наполеон, любое невнимание к *себе* есть опасность и потеря; они должны держать свое сердце на замке – как и философ. Заратустра.

Все происходит до ужаса *случайно*: *привносить* сюда все больше разума! Осторожность и т.д.

26 [143]

Любовь к кому-либо сама по себе столь же мало (или мн<ого->) значительна, как и ненависть или мстительность. В любви столь много слепого самопожертвования, столь много нужды и принуждения, прежде всего по причине неприятного чувства, что приходится обходиться без другого лица, столь много рабского (приходится терпеть всякого рода дурное обхождение), – в любви столь много портящего и гибельного, что *любимый* человек из-за любви к нему чаще всего теряет в уме, силе и осмотрительности. – Материнская любовь сама по себе отнюдь не ценна. – Как нечто может быть крайне целесообразным, не обра-

щаясь к помощи интеллекта, который благодаря этому был бы достоин почитания, – так и многие действия крайне полезны для сохранения общества или народа, но производятся не ради этого сохранения и тем более не возникают ради него: их *ошибочно* почитают, ошибочно оценивая по хорошим последствиям.

26 [144]

Независимые.

26 [145]

Чем измеряется ценность (действия) по отношению к другим действиям?

Успехом (в какой мере осознаваемым?) (и вероятным успехом) (и ощущением успеха).
Действующим лицом.
Тем, как это действие производилось.
Сопутствующим чувством.
Намерением (независимо от того, осуществилось ли оно).

Ценность действия, поскольку оно средство (в какой мере сознательно избранное или случайное средство?).

Главная проблема: как далеко простирается познаваемость действия?

26 [146]

Где к людям не испытывают недоверия, где они могут действовать по своему усмотрению, где глаза и жесты выражают благожелательность и добродушие, где, быть может, их способности воспринимаются с удовольствием или даже с восхищением, – там иные имеют обыкновение превращать *свое* приятное чувство в *похвалу* таким людям: они называют их добрыми и готовы выставить их оценивающим способностям хорошую отметку; так получают удовольствие, обманывая себя.

26 [147]

Слишком сложные средства для достижения «цели» всегда дают повод усомниться, оказывал ли в данном случае свое упорядочивающее воздействие свободный разум.

26 [148]

«Никто добровольно не хочет дурного». У Платона дурно то, что наносит кому-либо вред.

26 [149]

Справедливость как функция власти с широким кругозором, взгляд которой простирается дальше узких перспектив добра и зла, т. е. видит более широкий горизонт *пользы*: намерение сохранить нечто более значительное, нежели та или иная личность.

26 [150]

Если очистить от шелухи то общее, что присуще всем фактам, основные формы предельной абстракции, – можно ли прийти к «истинам»? До сих пор существовал лишь этот путь к истине, обобщение, – так открывали лишь *основные феномены интеллекта*. В самом деле?

26 [151]

Способность к хорошему, свободному от предрассудков внеморальному видению и оцениванию исключительно редка.

26 [152]

Сознательная и добровольная ложь *ценится дороже*, чем невольно высказанная правда, – тут Платон прав. Хотя привычная оценка говорит об обратном: считается, что говорить правду *легче*. Но это так просто лишь для грубых и поверхностных людей, не имеющих ничего общего с тонкими материями.

26 [153]

О возникновении философа.

1. Глубокое неудовольствие среди добродушных – словно среди облаков – и чувство, что становишься ленивым, снисходительным и тщеславным. Это развращает. – Если хочешь понять, насколько плох и слаб здесь фундамент, дразни их и слушай, как они ругаются.

2. Преодоление мстительности и жажды возмездия – из глубокого презрения или из сострадания к их глупости.

3. Ложь как мера безопасности. А еще лучше бегство в свое одиночество.

26 [154]

Я искал всюду, но так и не нашел «ты должен» для людей вроде меня . Понятно, что в определенных обстоятельствах, например во время странствий по диким местам, я слушался бы каждого, кто, благодаря большему опыту, имел бы право приказывать. А также врача. Что касается оценок, то я бы подчинился *более высокому* уму, – пока же я говорю «я хочу» и жду, что на моем пути встретится более высокий ум.

26 [155]

Сейчас время дающих обет, *добровольное* клятвенное обещание в пользу той или иной добродетели – не потому, что эта добродетель повелевает, а потому что я повелеваю ей быть со мной.

Ценность добродетели для познающего.

Вред добродетели для познающего. Использование зла, того, что тебя отвергли, приговорили. Нельзя стать вожаком, пока тебя как следует не *вытолкали* из стада.

26 [156]

Процесс жизни возможен лишь потому, что значительную часть опыта не нужно каждый раз приобретать заново, он в какой-то форме усваивается; подлинная проблема органического: как возможен опыт? У нас есть лишь одна форма разумения – понятие, более общий случай, включающий в себя и частный, специфический. С точки зрения одного случая способность видеть всеобщее, типическое кажется нам относящейся к опыту – *поскольку* считается, что все «живое» мы можем помыслить только с помощью интеллекта. Однако имеется и другая форма понимания: остаются лишь организации, которые умеют сохранять себя и защищаться от множества воздействий.

26 [157]

Чтобы понять, как возникло сознание человека, можно было бы использовать пример возникновения стадно-

го сознания. Ведь человек в конечном счете – это еще и множество существований. Они создали себе общие органы, например циркуляцию крови, концентрацию чувств, желудок и т.д., *не для конкретных целей*: это случайные образования, которые приносили пользу сохранению целого, лучше развились и сохранились. *Срастание* организмов как средство дольше сохранять отдельные существа –

– где сближение и приспособление сильнее всего, там больше всего и вероятность сохранения.

26 [158]

Я не хочу беспокоиться: сегодня глубокие книги защищены постольку, поскольку у людей нет времени для их глубокого восприятия, – даже если предположить, что у них достаточно сил для этого. Злоупотребление познанием –

26 [159]

Ш<опенгауэр> достаточно сильно и весело выразился, сказав, что мало быть философом только в голове.

26 [160]

Рождение философа, вероятно, самое опасное из всех рождений; и если я что-то изымаю отсюда и «выставляю напоказ», то делаю это совсем не для уменьшения опасности: в конце концов, смысл любого сообщения познающих заключается всего лишь в том, чтобы предотвратить попытки каждого нового познающего заново добывать опыт, уже полученный другими.

26 [161]

Можно было бы продемонстрировать немало других неблагоприятных моментов, касающихся происхождения моральной оценки; теперь, когда эти силы есть *в наличии*, они могут использоваться и имеют, как силы, свою *ценность*. Точно так же господство может сводиться к коварству и силе, но ценность его в том и заключена, что оно – господство. Если вся сила моральных оценок была бы связана с легитимностью их происхождения или вообще с определенной верой *касательно их происхождения*, – тогда, с обнаружением ошибки, *сила убеждения ценности* исчезала бы.

Между тем во всех вещах мы ориентированы на оптические ошибки и оценки. Недостаточное знание бифштекса никому не помешает с удовольствием съесть его.

26 [162]

Женщины намного чувственнее мужчин (хотя в результате привитой стыдливости для них самих это остается тайной): в конце концов для них существуют более важные функции, чем половые сношения. Но когда к женщине приближается красивый мужчина – женщины вообще не способны представить себе отношения между мужчиной и женщиной, не несущие с собой напряжение половой сферы.

26 [163]

1. Значение вопроса об истории моральных ощущений.

2. Обдумать возможность отпадения этих моральных суждений. Не вырождаются ли по их причине некоторые индивиды. – Как признак распада у преступников.

26 [164]

История оценок и развитие познаваемости действия не идут рука об руку.

26 [165]

Ценность исходя из успеха.

Обычно ценность действия измеряют исходя из *произвольной единичной* точки зрения, например ценность действия для моего теперешнего или общего самочувствия

– или для моего увеличения, умножения, концентрации, самообладания или широты чувств (умножения познания),

– или для поддержания моего тела, моего здоровья, ловкости, бодрости,

– или для блага моих детей, или общины, или страны, или князя, или начальника, или места службы, или сада, или сельского хозяйства,

– и любой другой может взглянуть на мои действия с точки зрения *своего* блага и т.д.

кроме того, возникает вопрос, на что действие *не* имеет влияния

26 [166]

Ценность действия заключена в его повседневности, или редкости, или трудности – с точки зрения *сравнения данного действия с другими действиями*

вид события, в какой мере оно произвольно, или затруднено, или, быть может, поддержано случайностью,

как звено в цепи, – и насќолько хорошо исполнено или только наполовину и нечетко.

26 [167]

Моя оценка религий.

Происхождение всякой морали, требующей искоренения чувственных влечений и презрения к телу: *необходимая мера* для таких натур, которые не умеют придерживаться меры и имеют только один выбор – стать развратниками и свиньями или аскетами. Как личный выход, вероятно, это допустимо, как и христианский или буддистский образ мысли у тех, кто чувствует, что *не удался* как целое; нужно со снисхождением отнестись к тому, что они клевещут на мир, в котором им приходится плохо. – Но дело нашей мудрости осудить подобный образ мыслей и подобные религии как огромные сумасшедшие дома и каторжные тюрьмы.

26 [168]

Человек, многостороннее, лживое, искусственное и непроницаемое животное, своей хитростью и коварством внушающее всем другим животным страх и ужас, – ведет себя поверхностно, когда начинает морализировать.

26 [169]

Остерегайтесь! Мученичество и утомленность легко *портят* чистое чувство истины: вы станете твердолобыми и невосприимчивыми к возражениям! Избегайте и нападок!

26 [170]

Наука – превращение природы в понятия с целью господства над ней; это относится к рубрике «средства»

но цель и воля человека также должны *расти*; намерения в отношении целого

26 [171]

Платон и Аристотель энергично взялись за создание *царства* понятий; это было недоразумение

создать противоположное царство, т.е. статистику и ценностную оценку.

26 [172]

высший человек тот, у кого самые ясные и острые глаза, самые длинные руки и самое твердое, самое решительное сердце; это человек самой осознанной и самой обширной ответственности.

26 [173]

Если теперь, после долгого добровольного уединения, я снова обращаюсь к людям и восклицаю: «Где вы, друзья мои?», – это происходит во имя великой цели.

я хочу создать новое сословие: орденский союз высших людей, у которых смятенные духом и совестью могут спросить совета и которые, подобно мне, не только умеют жить по ту сторону политических и религиозных вероучений, но и преодолели мораль.

26 [174]

Во всех вопросах о происхождении обычаев, прав и нравственности следует остерегаться рассматривать пользу определенного обычая или нравственности (будь то польза для общины или для индивида) в качестве *причины* их возникновения, как это делают наивные исследователи истории. Сама польза есть нечто изменчивое, колеблющееся; в старые формы постоянно вкладывается смысл, и «ближайший смысл» институции часто вложен в нее последним. Дело здесь обстоит точно так же, как и с «органами» органического мира: наивные историки полагают, что глаз возник для того, чтобы видеть.

26 [175]

Дело честности, причем очень умеренной и отнюдь не достойной восхищения, сохранить себя в чистоте от

веры в бога; то, что некогда, например еще во времена Паскаля, было требованием интеллект<уальной> совести, может сегодня считаться *запретом* этой самой совести в каждом сильном мужском уме и сердце. Бездумная манера без проверки заучивать унаследованные мнения и почитать их, как и почтительное отношение к тому, во что верили наши отцы, и, наконец, боязнь последствий безбожия, – вот причина

26 [176]

Кто измеряет ценность человеческих действий только мотивами и *намерениями*, должен, как исследователь возникновения нравственности, настаивать на том, что нравственность человечества имеет такую же ценность, как и *намерения*, преобладавшие в примитивных моральных оценках ее изобретателей. «*Почему* хвалили бескорыстного?»

26 [177]

Есть великое множество семей и родов, которые ценят только размножение и передачу наследственных признаков; но не надо сбрасывать со счетов сильные, испытующие и самостоятельные натуры, которые подчиняются оценке только после критики и весьма часто отвергают и отбрасывают ее. Есть также текущий поток отрицающих и испытующих сил в развитии морального суждения.

26 [178]

Фатализм и его доказуемость.

(causa efficiens[1], как и c<ausa> f<inalis>[2], всего лишь популярный отбор и упрощение)

Узнаваемость действий. Суть действий раскрывается свидетелями.

Добро и зло в зависимости от перспективы.

Возникновение чувства «вины». Что есть наказание?

Оценка «я» и «общины», в последнее время – «ближний»

---

1 действующая причина (*лат.*)

2 конечная причина (*лат.*)

26 [179]

«Ответственность за что-либо», понимаемая как свобода воли (стадное восприятие!).

«Отсутствие ответственности, свой собственный господин».

«Ни перед кем не быть ответственным» – этот вид свободы воли простирается до Платона, как наследие noblesse[1]: абсолютная невиновность.

«Господин своих добродетелей, господин своей вины», как Манфред.

Невиновность из-за подчинения фатуму есть рабская точка зрения. Гордость дает о себе знать, когда человек хочет считать себя виновником своих заслуг.

– но гордость Гомера и всех вдохновенных в том, чтобы *не* быть самим виновниками, а быть орудиями бога!

– наказывают за результат, а не за намерение – как зачинщика вредного дела. Здесь еще нет «вины» в субъективном смысле.

26 [180]

Есть основные факты, на которых покоится возможность суждений и умозаключений – основных форм интеллекта. Но тем самым они – истины, хотя могут быть и заблуждениями.

26 [181]

Гимн фатуму и счастью *безответственности.*

26 [182]

Различия между разными моралями:

1) с точки зрения дальнейшего развития внутри того же рода (примитивное высшее);

2) с точки зрения единовременного господства различных сосуществующих моралей (например 2 сословия).

Условия бытия вообще.

Условия развития к высшему:

а) относительно общин;

б) относительно индивидов.

---

1 благородного сословия (*фр.*)

26 [183]

Как испокон веков человек живет в глубоком неведении своего тела и удовлетворяется несколькими формулами, чтобы получать представление о нем, – так обстоит дело и с суждениями о *ценности* людей и человеческих действий. Несколько абсолютно внешних и несущественных моментов фиксируются и чрезмерно подчеркиваются.

26 [184]

Мораль господ и мораль рабов.

Как дорого обходятся все эти оценки нравственности! Например, за брак теперь приходится расплачиваться глубокой дискредитацией и внутренней порчей других форм половых отношений!

Все стадные оценки в той же мере направлены против низких натур, *как и против* встречающихся в виде исключения мудрецов, высших натур.

26 [185]

Когда кто-то приобретает дурную славу и его изгоняют из стада, он избавляется и от лжи, принадлежащей к первым обязанностям стадной совести; и если кто-то переполнен злыми инстинктами, как, по его собственному свидетельству, Сократ, то по крайней мере он не страдает от того, что составляет жалкую историю доброго человека.

26 [186]

Глава о *влиянии* оценок на развитие аффектов.

Различать: *почему* в самом деле даются такие-то и такие-то моральные оценки? И какова цена этого оценивания?

Предпосылки всякого морального суждения:

а) узнаваемость действия (однородность действий, возможность понятийного определения);

б) отличие *моральной* ценности от всех других ценностей.

Но тем, что эти предпосылки действительно существуют с давних пор, они еще *не* доказаны. Дело тут может

обстоять так же, как в астрологии. Тогда остается описание существовавшего до сих пор вида морали, наряду с исследованием ее происхождения.

26 [187]

Ценность человека относительно животных или самых низших существ.

26 [188]

Я огляделся вокруг, но до сих пор не увидел большей опасности для любого познания, чем моральное лицемерие, – или, чтобы не оставалось никаких сомнений, то лицемерие, которое называется моралью.

26 [189]

Мораль как лицемерие.

Если при прогрессирующей утонченности нервов известные строгие и страшные наказания больше не назначаются и даже отменяются, это происходит оттого, что представление о таких наказаниях все более болезненно действует на нервы общества; не растущее внимание к преступнику, не рост братской любви, а все увеличивающаяся слабость при виде боли приводит к смягчению уголовного кодекса.

26 [190]

Злые и опороченные люди могут оказать моральному познанию превосходную услугу при условии, что у них вообще имеется достаточно ума и духа, чтобы ощущать радость познания; в то время как слабость и послушание доброго человека, его чрезмерная доверчивость, его желание закрывать глаза, его нежелание видеть суть, его боязнь причинить боль, связанную с любым иссечением тела и души, для морального познания представляют не меньшую опасность. Уже то, что человек благодаря опале, которой подвергает его общество, чувствует себя избавленным от лжи, к которой, как к первой обязанности и условию своего существования, каждое стадо принуждает каждого стадного человека – – –

26 [191]

Для такого образа мыслей, как христианский, надо представить себе идеального, специально созданного для него человека – например Паскаля. Ибо для среднего человека существует только суррогатное христианство, даже для таких натур, как Лютер: он приспособил для себя христианство черни и крестьян.

26 [192]

Жизнь в высшей степени загадочна; до сих пор все великие философы считали возможным достичь решения посредством решительной *перемены* взгляда и оценок. – Кроме того, все верили, что низшим интеллектам следует предлагать суррогат, например мораль, веру в бога, бессмертие и т.п. (переселение душ).

Главное заключается в том, что такая *перемена* есть не только *образ мышления*, но и *совокупность убеждений*: для людей, не способных к общей ниспровергающей оценке как высшей ступени самоопределения, все научные *знания* о таких системах *бесплодны*. – *Бесплодность* философского образа мыслей, например у Канта, Шопенгауэра, Р. Вагнера и др.

26 [193]

Во взгляде на мир как на божественную игру по ту сторону добра и зла моими предшественниками являются филос<офия> Веданты и Гераклит.

26 [194]

Рекомендуемые и запрещенные произведения = добрые и злые.

26 [195]

Способ человеческого развития предполагает, что формальное «*ты должен* делать то-то и то-то и не делать того-то и того-то» могло быть, вероятно, нашим врожденным свойством – *инстинктом послушания*, жаждущим своего *содержания*; чем больше в человеке рабских или женских свойств, тем сильнее будет этот инстинкт. Правда, у других, более редких этот инстинкт *подавляется* другим –

волей *приказывать, идти впереди*, по крайней мере, быть *одиноким* (это самая мягкая форма повелевающих натур).

В какой мере могут быть врожденными другие инстинкты добродетели –

26 [196]

Из зла (ощущаемого как зло) может выйти нечто «доброе» (ощущаемое как добро); в свою очередь, иное добро, когда мы поднимаемся на более высокую ступень, может восприниматься как зло, например усердие для совершенного художника, послушание для достигшего права повелевать, самоотречение и милость для представителя высоких личных целей (Наполеон). Все благородные чувства, которые молодой Н<аполеон> разделял со своим временем, были соблазнами и искушениями, направленными на то, чтобы ослабить исключительное применение силы в одном направлении.

26 [197]

Нет сомнений, что люди хотят облечь себя добродетелями и избавиться от заблуждений. Но что, собственно, при этом происходит?

26 [198]

Воздаяние виновному за дела его – основная мысль филос<офии> Веданты. Весь мир *есть* только воздаяние виновному за дела его – но оно основано на *незнании.*

26 [199]

«Брахманы стремятся познать его изучением вед, жертвами, милостыней, покаянием, постом; подлинные средства познания суть: душевный покой, обуздание, отречение, терпение, сосредоточенность» – средства *мистической интуиции* как высшего блаженства человека.

26 [200]

А именно: *что* есть на самом деле высшее состояние счастья человека? *Это* задает масштаб в самых разных системах. Гашиш.

26 [201]

То, что и ощущение *боли* основано на иллюзии; с. 448.

26 [202]

NB. Кто без труда представляет себе состояние заурядного человека, тот не является *высшим* человеком. Но поскольку философ должен знать, как устроен заурядный человек, он обязан заняться его изучением; здесь мне был полезен, например, Рэ, который с отменной добросовестностью, *без* догадок о высших состояниях, свойственных художникам, у всех – – – низость.

26 [203]

Границы человека. Попытаться понять, как высоко и далеко можно подвигнуть человека.

Отвращение к человеку привело брахманов, Платона и др. к поискам *сверхчеловеческих, божественных* форм бытия – по ту сторону пространства, времени, множественности и т.д. Отвращение относилось к непостоянному, обманчивому, изменчивому, «дурно пахнущему» и т.д. На самом деле повод к решению дали: 1) экстаз, 2) глубокий сон.

Но теперь человеческое чувство удовольствия и власти могло устремиться к поискам новых форм бытия, чтобы найти такой образ мышления, который был бы по плечу непостоянному, обманчивому, изменчивому и т.д., – *созидательное* удовольствие. Основной принцип: безусловное *не* может быть созидающим. Только условное может обусловливать.

На самом деле наличный мир, в известной мере имеющий к нам отношение, *создан* нами, т.е. всеми органическими существами, он – результат органического процесса, который выступает при этом как *продуктивный* – образующий, созидающий ценности. *Исходя из него как целого*: всякое добро и зло зависит от перспективы отдельного человека или отдельных частей процесса, а в целом всякое зло столь же *необходимо*, как и добро, гибель столь же необходима, как и рост.

Если бы существовал мир безусловного, он был бы *непродуктивным.*

Но нужно, наконец, понять, что существующее и безусловное суть противоречащие друг другу предикаты.

26 [204]

Творческая сила (связывающая противоречия, синтетическая).

26 [205]

Все что-нибудь представляющие, например князья, священники и т.д., должны *казаться* такими-то и такими-то, даже если они таковыми не являются; это постоянно проявляется в мельчайших деталях, ибо в общении между людьми каждый человек всегда что-то представляет, какой-нибудь тип: человеческое общение основано на том, что каждый ведет себя по возможности *однозначно*, равнозначно, чтобы не понадобилось слишком много недоверия (расточительство духовной силы!).

Мы ставим себя в условия, когда наше духовное внимание и наша осторожность не слишком напряжены, – и, если выходит по-другому, ругаем каждого, кто нас к этому *принуждает*.

Великих зачинщиков беспокойства и недоверия, которые вынуждают нас напрягать все силы, мы страшно *ненавидим* – или слепо подчиняемся им (это разрядка для беспокоящихся душ).

Чтобы избежать таких ужасных и независимых, изобретают демократию, остракизм, парламентаризм, – но все дело в природе вещей.

Когда дистанция между людьми слишком велика, тогда в соответствии с этим образуются формы.

Трудно себе представить, чтобы высокоодаренные натуры научились повиноваться, ибо повинуются они только еще более одаренным и совершенным натурам, – но что делать, если *таковых* нет!

26 [206]

Мы толкуем непонятные нам телесные состояния как моральные страдания – и мстим за них самим себе и своим ближним –

26 [207]

Поведению *мудреца* в известном смысле соответствует поведение организма по отношению к внешнему миру; интеллект особенно великолепен как управляющая, сдерживающая, упорядочивающая сила, оставаясь *холодным* под напором впечатлений.

26 [208]

Тысячи загадок вокруг интересовали бы, а *не* мучили нас, будь мы достаточно здоровы и веселы сердцем.

26 [209]

Древнее ошибочное заключение о первопричине, о боге как причине мира. Но *наше* собственное отношение к миру, наше тысячекратно созидающее отношение каждый миг уточняет, что само созидание относится к неотъемлемым и постоянным свойствам мира, – чтобы не отвергать с пренебрежением язык морфологов.

26 [210]

Подражающие

26 [211]

Высказать моральное суждение о желудке и его работе: первоначально все происходящее интерпретировалось с моральной точки зрения. Область «воления и оценивания» становилась все меньше.

26 [212]

Нужно и в самом деле быть *выше этого* и не злиться на осуждение со стороны мелких и низких натур; но в этом «выше» много аффектации.

26 [213]

Видимость достигнутой добродетели вменена нам в обязанность: каждый в меру порядочный человек погиб бы от всеобщего презрения.

26 [214]

Что касается женщины, то я склонен к восточному обращению с ней: даже исключительные женщины всегда

доказывают одно и то же – неспособность к справедливости и невероятно возбудимое тщеславие. Ничего в них нельзя принимать чересчур всерьез, меньше всего любовь; по крайней мере, необходимо знать, что наиболее верно и страстно любящие нуждаются в маленькой неверности для отдыха и содействия *продолжительности* любви.

26 [215]

То, что любят (прощают, относятся снисходительно и т.д.), ибо не имеют достаточно силы и твердости, чтобы быть врагом и причинять боль своей враждебностью, – что предпочитают любить, чем оставаться справедливо-нейтральными, так как слишком холодно и страшно оставаться в одиночестве, – что лучше терпеть позор, нежели быть злым по отношению к кому-либо, – как это по-женски!

26 [216]

Интеллект невозможен без полагания безусловного. Существуют интеллекты с заложенным в них сознанием безусловного. Но последнее лишь условие существования интеллекта; во всяком случае, безусловное не может быть *ничем* интеллектуальным: функционирование интеллекта, существование интеллекта в зависимости от условия свидетельствует против возможности безусловного *как* интеллекта.

В конце концов, логическое могло бы быть возможным вследствие основного заблуждения, ложного полагания (*сотворения, сочинения* абсолютного).

26 [217]

Я говорю: интеллект – это созидающая сила; чтобы иметь возможность умозаключать, обосновывать, он должен сначала создать понятие безусловного: только тогда *все им создаваемое он будет считать истинным*; вот основной феномен.

Об условиях логического мышления:

26 [218]

То, что мы хотим *понравиться* людям, которых почитаем, не есть тщеславие, – вопреки Рэ.

26 [219]

Заратустра 1.

преодоление тщеславия
благоговение

26 [220]

Заратустра 2 (3).

Великая космическая речь «я есмъ жестокость», «я есмъ хитрость» и т.д. Насмешка над боязнью взять на себя вину – насмешка созидающего, – и все страдания – злее, чем когда-либо до него, и т.д. Высшая форма удовлетворенности своим произведением: он разрушает его, чтобы снова и снова собирать и соединять. Будда; с. 44, 46.

Новое преодоление смерти, страдания и уничтожения.

Бог, который *уменьшается* (сужается) и проникает сквозь весь мир (*всегда* присутствующая жизнь) – игра, насмешка – *и как демон уничтожения.*

26 [221]

К части 2

Внеморальное размышление

	1	истинный	лживый
добрый и злой	2	как *чистый*	и *нечистый*, Будда, с. 50
	3	почитаемый	презираемый, с. 296
	4	как благородный и	низкий
	5	полезный	вредный
злой	6	как отделение от мира, отречение от мира (не «деятельное оформление»), с. 50 злой = мирской	
	7	предписанный	запретный
	8	неэгоистичный	эгоистичный
	9	бедный (Эбион) убогий	богатый счастливый
<добрый>	10	Перемена:	состоятельный, богатый (в том числе arya[1]) (в эранском и переходящий в славянский)

1 благородный, хозяин (*санскр.*)

чистый = счастливый
злой = несчастливый } с. 50

высшая сила, в брахман<изме> и христианстве, – *отречение от мира*. С. 54.

26 [222]

Заратустра 1. Чудовищное напряжение: Заратустра **должен** *прийти* – или все на земле *пропало*.

26 [223]

Заратустра 3 (2). Великое *посвящение* нового существа – врачевателя, священнослужителя, учителя, – которое предшествует сверхчеловеку.

26 [224]

Неэгоистические действия невозможны: «неэгоистический инстинкт» звучит для моего слуха как «деревянное железо». Я хотел, чтобы кто-нибудь предпринял попытку доказать возможность таких действий: разумеется, в то, что они существуют, верит народ и те, кто близок ему, – как если бы некто считал материнскую любовь или любовь вообще чем-то неэгоистичным.

Кстати, то, что народы всегда рассматривали моральную скрижаль «добра» и «зла» как нечто «неэгоистическое» и «эгоистическое», есть историческое заблуждение.

Скорее добро и зло как «предписанное» и «запретное» – «соответствующее или противное обычаям» – имеет более древний возраст и всеобщий характер.

Вполне объяснимо, что с пониманием *возникновения* моральных ценностей еще не дается критика и определение их ценности; точно так же невозможно получить представление о качестве, зная только количественные условия его возникновения.

26 [225]

Упражнение в послушании: ученики брахманов. Обеты храмовников, ассасины.

Обожествление чувства власти в брахмане; интересно, что оно возникло в касте *воинов* и потом перешло на священников.

26 [226]

Познание по своей сути есть нечто полагающее, сочиняющее, фальсифицирующее:

26 [227]

«Наука» (как ее практикуют сегодня) есть попытка создать единый знаковый язык для всех явлений с целью более легкой *исчисляемости* природы и, как следствие, овладения ею. *Но* этот язык знаков, сводящий воедино все наблюдаемые «законы», *ничего не объясняет*: это всего лишь способ *кратчайшего* (до предела сокращенного) *описания* происходящего.

26 [228]

Огромная масса случайного, противоречивого, дисгармоничного, глупого в теперешнем человеческом мире указывает на будущее: с точки зрения будущего это его необходимое поле деятельности, где оно может творить, организовывать и гармонизировать. – Так же и во Вселенной.

26 [229]

От мира кажимости брахманы и христиане уводят, ибо считают его злым (*боятся*), – а ученые служат воле к *победе над природой*.

26 [230]

Сколь многим случайностям стал я господином! Каким дурным воздухом веяло на меня, когда я был ребенком! Когда немцы были еще тупее, пугливее, ворчливее, раболепнее, чем в пятидесятые годы, годы моего детства!

26 [231]

NB. Существующий до сих пор человек – это как бы эмбрион человека будущего: *все* формирующие силы, направленные на *грядущего человека*, уже присутствуют в человеке нынешнем, и поскольку они огромны, то заставляют нынешнего человека **страдать** тем сильнее, *чем больше он определяет будущее*: сталкиваются формирующие силы.

Разобщенность индивида не должна вводить в заблуждение: в действительности нечто протекает *между*

индивидами. То, *что* он чувствует себя одиноким, есть *самый острый* **стимул** в процессе, направленном даже на отдаленнейшие цели: его поиски *своего* счастья – это средство сдерживания и смягчения формирующих сил, дабы они <не> разрушали самих себя.

26 [232]

Не «человечество», а *сверхчеловек* есть цель! Недоразумение у *Конта*!

26 [233]

Счастье высших существ на звездах (у Дюринга) – утонченное бегство от земной неудовлетворенности! Подобно грезящим об ином и высшем мире!

26 [234]

Отсутствие надежды в отношении людей – *мой* выход! Цель, которую видят англичане, **смешит** *всякую* высшую натуру! Она нежелательна: *множество счастливых низшего ранга* – почти отвратительная мысль.

26 [235]

К ветру мистралю.
Рапсодия.

26 [236]

Познание у существ высшего вида получит новые формы, в которых сейчас еще нет необходимости.

26 [237]

«Без моих стрел не падет Троя познания», – говорю я. Филоктет.

26 [238]

Философ – высший вид, но до сих пор весьма *неудавшийся*. Художник – низший, но значительно красивее и богаче развит.

26 [239]

К плану.

А. Регламентирующие гипотезы Б. Эксперимент В. Описание (вместо мнимого «объяснения»)	} на переднем плане моя философия: *содержание первой части*

относящиеся сюда душевные состояния как прежние *высшие достижения* (мои и для меня).

Философия как выражение чрезвычайно *высокого* состояния души.

26 [240]

Толкователи поэтов не понимают, что поэт представляет собой *и то, и другое* – реальность *и* символику. Так же как первый и второй смысл *целого.* Или как *наслаждение* всем переливающимся цветами, дву- и трехсмысленным; *хороша и обратная сторона.*

26 [241]

Первая часть.

Новые истинные.

Преодоление догматизма и обскурантизма	: соответствующее этому высшее состояние души

Преодоление слабости скептика.

А. Регламентирующие гипотезы.

Б. Эксперимент.

В. Описание.

новое чувство власти: мистическое состояние и самая ясная, самая смелая разумность как путь к этому.

Вторая часть.

По ту сторону добра и зла.

26 [242]

Галиани полагает, что человек есть единственное религиозное животное. Но в том, как собака валяется у ног человека, я узнаю манеру «набожных», хотя и огрубленную.

26 [243]

Новый ранговый порядок.
Предисловие к философии вечного возвращения.

Все строже спрашивать: для кого писать? – Я не нашел тех, кто созрел для восприятия многого из продуманного мной, – и Заратустра служит доказательством того, что можно говорить с величайшей ясностью и не быть услышанным никем. – Я чувствую, что противоречу *морали равенства*.

Неравенство людей:

1. Вожак и стадо. (Значение изолированного). Ирония по отношению к моралистам.
2. Цельные люди и обломки (например проблема женщины и человека науки).
3. Удавшиеся и неудавшиеся (последние, вероятно, занимают более высокое положение, в том числе у народов и рас. Проблема: индогерманцы и семиты, последние ближе к югу. NB. Религиознее, с большим чувством достоинства, более совершенны как хищники, мудрее; первые мускулистее, холоднее, грубее, тяжеловеснее, подвержены порче).
4. Созидающие и «образованные» (созидающие – только «высшие люди»).

Неравенство созидающих

5. Художники (как малые завершители), но во всех оценках *зависимы.*
6. Философы (самые обширные, обозреватели, *описатели* в общих чертах) (но во всех оценках *зависимы*), уже значительно более неудавшиеся.
7. Скульпторы стада (законодатели), господствующие, крайне неудавшийся тип (принимают *себя* за оценивающих, короткая перспектива).
8. Устанавливающие ценности (основатели религий), **крайняя** неудача и промах.
9. Недостающий тип: человек, который наиболее сильно приказывает, ведет, устанавливает новые ценности, наиболее широко судит обо всем человечестве и знает средства для его формирования – в сложившихся обстоятельствах *жертвуя* ими ради *более высокой* формации. Только когда появится правительство земного шара, начнут появляться такие люди, и, вероятно, еще долго будут *в высшей степени не удаваться.*

Неравенство высших людей	10. Способностью различения обладает чувство несовершенства, - более сильное или более слабое (ценность «чувства греха»). Чувство, направленное на совершенство, как главенствующая потребность (ценность набожных, отшельников, монастырей, священников). Сила, способная *сформировать* нечто совершенное (ценность «прекраснодушных», художников, государственных мужей). (Дионисийская мудрость.) Высшая сила, способная *чувствовать* все несовершенное, страдающее как необходимое (*достойное вечного повторения*) под сверхмощным напором творческой силы, призванной снова и снова разрушать и поэтому выбирающей самые дерзкие и трудные пути (принцип возможно большей глупости, бог как дьявол и символ дерзости). Существовавший до сих пор человек как *эмбрион*, в котором *теснятся* все формирующие силы – причина его глубокого беспокойства – – – – самый созидающий как самый страдающий?

26 [244]

К предисловию.

Воспитывать *для благоговения* в этом вульгарном веке, который вульгарен даже в преклонении, а обыкновенно назойлив и бесстыден (в том числе и со своей «благодетельностью» и «состраданием»). Предисловие для *отпугивания* большинства. Да, у меня нет никого, о ком бы я думал, – разве что та идеальная община, которую воспитал для себя Заратустра на блаженных островах.

26 [245]

Постоянный взгляд в сторону совершенного, и отсюда *покой* – то, что Шопенгауэр описывает как эстетический феномен, – тоже характерная черта верующих. *Гёте* (советнику Шлоссеру): «по-настоящему почитать может только тот, кто не *ищет* себя самого... должен сознаться, что самоотверженные характеры такого рода я в своей жизни находил лишь там, где мне встречалась прочная религиозная жизнь, вероисповедание, имевшее неизменную основу и в то же время покоившееся в себе самом, не зависевшее от времени, его духа, его науки».

(Восточное: здесь такое влияние оказывает женщина.)

26 [246]

В этом столетии поверхностных и быстрых впечатлений не опасна даже самая опасная книга: она ищет только пять-шесть достаточно глубоких умов. И вообще – что за беда, если она поможет разрушить *это* время!

26 [247]

Американцы слишком быстро выдохлись: возможно, лишь мнимая будущая мировая держава.

26 [248]

Лейбниц интереснее Канта – типичный *немец*: добродушен, полон благородных слов, хитер, гибок, податлив, посредник (между христианством и механистическим миросозерцанием), необыкновенно отважен для себя, скрыт под маской и по-придворному фамильярен, мнимо скромен.

26 [249]

Французы *глубоко* артистичны: взвешенность их культуры, последовательность в утверждении прекрасной *видимости* – совсем не противоречит их *глубине* – – –

26 [250]

Платон полагал: приказанное как бы от имени бога, например когда брак между братом и сестрой объявляется мерзостью перед богом, т.е. безусловный запрет, есть

достаточное основание для объяснения моральных суждений. Близоруко!

26 [251]

В древности *восхищались* независимым человеком. Никто не жаловался на «эгоизм» стоика.

26 [252]

У каждого народа свое собственное тартюфство.

26 [253]

«Здесь вид *свободный* вдаль, здесь дух парит высóко».

26 [254]

Проблема свободы и несвободы в<оли> относится к преддверию философии: для меня не существует никакой воли. Вздор, что вера в волю необходима для того, чтобы «волить».

26 [255]

Неуважение к современной Германии, у которой не оказалось достаточно такта, чтобы просто отвергнуть такое болтливое сочинение, как книга Янс<с>ена, так же как она позволила себе признать болтовню о «старой и новой вере» старого, очень старого и совсем не нового Штрауса.

26 [256]

К заглавию: «Предсказание».

Мне кажется, я кое-что *угадал* в душе высшего человека; возможно, всякий, кто разгадает его, погибнет, но кто его видел, должен помочь его *приходу*.

Основная мысль: мы должны рассматривать будущее как *мерило* всех наших оценок – а не искать законы наших действий **позади** себя!

26 [257]

Комплементарные люди – где?

26 [258]

Предисловие:
о ранговом порядке духа

О неравенстве людей:
а) вожак и стадо,
б) совершенные и обломки,
в) удавшиеся и неудавшиеся,
г) созидающие и «образованные», но в первую очередь – «необразованные» и болваны вплоть до последнего основания.

О неравенстве высших людей (с точки зрения количества силы):
а) чувство несовершенства как решающий момент,
б) чувство, направленное на достижение совершенства,
в) сила, заключающаяся в способности сформировать нечто совершенное,
г) высшая сила, заключающаяся в способности ощущать и несовершенное как необходимость, под сверхмощным напором формирующей силы (дионисийское).

О ранговом порядке создающих ценности (применительно к установлению ценностей):
а) художники,
б) философы,
в) законодатели,
г) основатели религий,
д) высшие люди как правители земли и творцы будущего (в конечном счете разрушающие себя).

26 [259]

Философия вечного возвращения.
Опыт переоценки всех ценностей.

26 [260]

В этом вульгарном столетии высокородный дух должен начинать каждый день с *мысли о ранговом порядке*: здесь его обязанности, его самые утонченные заблуждения.

26 [261]

Грандиозные недоразумения, например аскетизм как средство самосохранения для диких, слишком возбудимых натур. La Trappe как «тюрьма», к которой люди приговаривают себя сами (это объяснимо именно в среде французов – как и христианство в сладострастном воздухе южноевропейской эллинизации). Фоном пуританизму служит убеждение в *собственной* основательной *подлости*, в вездесущей «*внутренней скотине*» (ego) – и мрачная сухая *гордость* англичанина-пуританца *хочет*, чтобы *каждый* по крайней мере столь же дурно думал о своем «внутреннем человеке», как думает он сам.

Нравы и образы жизни воспринимались как *доказанное* средство сохранения – в этом *первое* недоразумение и поверхностность. *Второе* недоразумение: отныне это должно быть *единственным* средством.

Благочестивые: сознание *высшей взаимосвязи всех переживаний.*

26 [262]

Недоразумение эгоизма: со стороны *вульгарных* натур, которые абсолютно ничего не знают о страсти к овладению и ненасытности большой любви, точно так же как и о льющихся через край чувствах силы, которые одолевают, влекут к себе, хотят лечь на сердце, – влечение художника к своему материалу. Часто жажда деятельности просто ищет себе место. – В обычном «эгоизме» ищет себе поддержку именно «не-ego», *глубоко посредственное существо*, человек вида; *это* вызывает возмущение, когда воспринимается более редкими, более тонкими и менее посредственными личностями. Ибо они рассуждают: «мы – **более благородные**! От того, сохранимся ли *мы*, зависит *больше*, чем от сохранения этой скотины»!

26 [263]

Все прежние морали я рассматриваю как построенные на *гипотезах* о средствах сохранения *типа* – но вид прежнего духа был еще слишком слаб и неуверен в себе самом, чтобы воспринимать *гипотезу* **как** гипотезу и, в то же время, как нечто регламентирующее: для этого нужна была **вера**.

26 [264]

NB. То, как люди до сих пор представляли себе *более высокие* существа, чем человек – –

26 [265]

NB. О крике роженицы из-за всей этой нечистоты. Для самых великих духом нужен праздник очищения!

26 [266]

Более слабый и нежный как более благородный.

26 [267]

огромная *идеализирующая* сила, которую использовало христианство, чтобы вынести состояния телесного неудовольствия и варварские чувства беспорядка, – она все переосмысляла с точки зрения *души.*

26 [268]

Люди должны быть в той мере *связанными,* в какой они не могут свободно существовать сами по себе. Моральные революции, например в эпоху христианства, направлены: 1) против ослабленных, опустошенных, старых народов; 2) против ужасной грубости варваров.

26 [269]

Заратустра должен подвигнуть своих учеников к *завоеванию земли;* высшая опасность, высший вид победы; вся их мораль – это мораль войны, безусловная воля *победы.*

26 [270]

К высшим людям.
Крик глашатая-отшельника.
Сочинение
Фридриха Ницше.

26 [271]

Свои действия и свой способ действия люди хотят:

1) или прославлять – отсюда мораль прославления,

2) или оправдывать и нести за них **ответственность** (перед форумом, будь то община, или разум, или совесть),

стало быть, действие должно быть объяснимым, возникшим по разумным, осознанным мотивам – как и весь способ действия,

3) или осуждать, умалять, чтобы совершить над собой насилие или возбудить сострадание и уйти от ответственности перед могущественными.

26 [272]

В органическом процессе

1) *избыточная замена* – выражение неверное и телеологически окрашенное,

2) саморегуляция *предполагает* способность господствовать над коллективом, но это означает, что поступательное развитие органического связано *не* с питанием, а со способностью приказывать и властвовать; питание – *всего лишь* результат.

26 [273]

Воля к власти в функциях органического.

Удовольствие и неудовольствие и их отношение к воле к власти.

Мнимый альтруизм и воля к власти. Например материнская любовь и любовь половая.

Развитие чувств из основного чувства.

Несвобода и свобода воли.

Наказание и *вознаграждение* (более сильный тип, как более высокий, отделяет от себя и притягивает к себе).

Обязанность и *право.*

26 [274]

Сведение генерации к воле к власти (следовательно, она должна уже присутствовать в усвоенной не*органической материи*!): разделение протоплазмы в случае, когда образуется форма, в которой вес равным образом распределен по двум точкам. Из каждой точки действует стягивающая, *сжимающая* сила; это *разрывает* промежуточную массу. Стало быть, *равенство* отношений власти есть начало генерации. Возможно, все дальнейшее развитие связано с такими возникающими эквивалентностями силы.

26 [275]

Удовольствие есть род ритма в последовательности меньших болей и в соотношении их *степеней, возбуждение* быстрым чередованием нарастания и спада, как при раздражении нерва, мускула, а в целом движущаяся вверх кривая: в ней существенно напряжение и расслабление. Зуд.

Неудовольствие – чувство, возникающее при торможении; но поскольку его власть осознается только во время торможения, неудовольствие есть *необходимый ингредиент любой деятельности* (любая деятельность направлена *против* чего-то, что должно быть преодолено). Воля к власти, следовательно, *стремится* к противоречиям, к неудовольствию. В основе любой органической жизни есть воля к страданию (против «счастья» как «цели»).

26 [276]

Если сталкиваются два органических существа, если есть *только* борьба *за* жизнь или питание – что тогда? Должна быть борьба ради самой борьбы: *господство* означает способность выносить противовес слабейшей силы, т.е. своего рода *продолжение* борьбы. *Послушание* тоже есть *борьба*: какая-то сила *остается* и для сопротивления.

26 [277]

Против *инстинкта сохранения* как радикального инстинкта: скорее живое хочет *выпустить* свою силу – оно «*хочет*» и «*должно*» (оба слова имеют *для меня* одинаковый вес); самосохранение есть только *следствие*.

26 [278]

Добродетельные хотят заставить нас (а заодно и себя) поверить, что это *они* изобрели счастье. Истина в том, что добродетель изобретена счастливыми.

26 [279]

Что следствием действий непременно является вознаграждение или наказание – эта мысль об имманентной справедливости в корне неверна. Она, кстати, находится в противоречии с представлением о «средстве спасения» в переживаниях и последствиях, согласно которому дур-

ные вещи любого рода должны восприниматься как особые свидетельства благоволения бога, который желает нам добра. – Почему страдание *должно* следовать за злодеянием, непонятно само по себе; на практике даже получается, что за злодеянием *должно* следовать злодеяние. Кому-то, кто устроен не так, как мы, должно быть *плохо*: это мысль о защите, о необходимой обороне господствующей касты, средство воспитания, хотя и не особенно «благородное». Всевозможные подобные представления об «имманентной справедливости», «средстве спасения», уравновешивающей «трансцендентной справедливости» сейчас бродят в *каждой* голове, – они способствуют образованию *хаоса* современной души.

26 [280]

Мы по-другому относимся к «достоверности». Поскольку страх прививался человеку очень долгое время, а всякое бытие, которое мы в состоянии выносить, начиналось с «чувства безопасности», – это по сей день продолжает оказывать влияние на мыслителей. Но как только отступает внешняя «опасность» существования, возникает наслаждение от неопределенности, безграничности линий горизонта. Счастье великих первооткрывателей, состоявшее в стремлении к определенности, могло бы теперь превратиться в счастье повсюду обнаруживать неопределенность и риск.

Точно так же робость прежнего бытия была причиной того, что философы столь усердно подчеркивали сохранение («ego» или вида) и воспринимали это в качестве принципа, в то время как мы постоянно играем в лотерею против этого принципа. Сюда относятся все тезисы Спинозы: т.е. *основа английского утилитаризма*. См. коричневую тетрадь.

26 [281]

Глупые моралисты всегда стремились к *облагораживанию* и в то же время *не* хотели основания: *телесного облагораживания* (благодаря «благородному» образу жизни, otium[1],

---

1 отдыху (*лат.*)

господству, почитанию и т.д.) благодаря возвышенно-благородному окружению людьми *и* природой; наконец, они думали об индивиде, а *не* о продолжении благородного начала через воспроизводство. Близоруко! Только на 30 лет и не более!

26 [282]

В зависимости от того, как народ чувствует: «немногие обладают правом, проницательностью, талантом руководства и т.д.» или же «многие» – правление будет *олигархическим* или *демократическим.*

Королевское правление *отражает* веру в одного, намного превосходящего остальных, вождя, спасителя, полубога. *Аристократия* отражает веру в элиту человечества и высшую касту. Демократия отражает *неверие* в великих людей и элитное общество: «каждый равен каждому»; «в принципе все мы – своекорыстный скот и чернь».

26 [283]

Чтобы *выносить* мысль о возвращении, необходимы:

свобода от морали,

новые средства от факта *боли* (боль понимается как орудие, как мать удовольствия – не существует *обобщающего* сознания неудовольствия),

наслаждение всеми видами неопределенности и попыток в противовес крайнему фатализму,

устранение понятия необходимости,

устранение «воли»,

устранение «познания самого по себе»,

величайшее возвышение сознания силы человека, созидающего сверхчеловека.

26 [284]

1. Мысль: ее предпосылки, которые должны быть истинными, если истинна мысль;
   что из нее следует.
2. *Самая трудная* мысль: ее предположительное действие, в случае, если она не предупреждена т.е. если не переоценены все ценности.

3. Средства, помогающие ее *выносить*:
переоценка всех ценностей;
удовольствие уже не от уверенности,
а от неопределенности;
не «причина и действие»,
а постоянное творческое начало;
уже не воля к сохранению,
а воля к власти
и т.д.;
вместо смиренной фразы «все лишь субъективное ощущение» нужны слова: «Это и наших рук дело!» Будем гордиться им!

26 [285]

О лицемерии философов.

Греки скрывают свой агональный аффект, выдают себя за «самых счастливых» благодаря добродетели и за самых добродетельных (двойное лицемерие). (Сократ, торжествующий как уродливый плебей среди красивых и благородных, успешно проповедующий в городе ораторов, победитель своих аффектов, умный человек простонародья со своим «почему?» среди наследных аристократов, – скрывает свой пессимизм.)

Брахманы в принципе хотят избавления от усталого, безразличного, безрадостного чувства бытия.

Лейбниц, Кант, Гегель, Шопенгауэр, – их двойственная германская натура.

Спиноза и мстительный аффект, лицемерие преодоления аффектов.

Лицемерие «чистой науки», «познание ради познания»

26 [286]

Я словно слониха, отягощенная давней беременностью, так что меня еще интересуют лишь немногие вещи, не интересует даже – pro pudor[1] – «дитя», которое должно родиться.

---

1 о, стыд (*лат.*)

26 [287]

Понимаете ли вы мою новую тоску, тоску по конечному? Тоску того, кто узрел кольцо возвращения –

26 [288]

NB. Непрестанное созидание вместо однократного, прошлого.

26 [289]

Заратустра 3:

непостоянные, вечные странники,
тот, кто [– – –] мозг пиявки,
уродливый, желающий надеть на себя маску,
лицемер счастья,
тоска по конечному, по клочку земли и уголку,
завистливый, исхудавший работяга и честолюбец,
чрезмерно трезвые, тоскующие по опьянению,
которое однажды принесет им удовлетворение.
сверхтрезвые
разрушители

Крик высших людей о помощи?
Да, крик неудавшихся –

26 [290]

При воле к жестокости *вначале* все равно, жестокость ли это по отношению к *нам самим* или к *другим*. **Научиться** наслаждаться страданием [– –]; дьявольское, как и божественное, есть часть живого и его *существования*.

26 [291]

Монтень I, с. 174:

«законы совести, которые, по нашему ложному утверждению, возникают из природы, скорее являются плодом привычки. Каждый почитает в сердце своем введенные и одобренные в его стране мнения и обычаи, так как не может отвратиться от них без угрызений совести и никогда не сможет действовать в соответствии с ними без некоторого удовольствия».

26 [292]

О предрассудках философов.
О сообщаемости мнений.

26 [293]

Новое Просвещение.
Приготовление
к «философии вечного возвращения»

26 [294]

Недостаточно понимать, в каком невежестве живут человек и зверь; нужно еще и иметь волю к невежеству и учиться ему. Необходимо понять, что без этого рода невежества сама жизнь была бы невозможна, что оно есть условие, при котором живое и может сохранять себя и процветать: огромный, прочный колокол невежества должен быть вокруг тебя.

26 [295]

Воля к незнанию.
Воля к неуверенности.
Воля к неистинности.

Воля к власти.
Воля к страданию.
Воля к жестокости.
Воля к уничтожению.
Воля к несправедливости.

Воля к уродливому.
Воля к неумеренному.
Воля к опьянению.
Воля к оцепенению.

26 [296]

Устранение воли, свободной и несвободной,
«долга» и «необходимости»,
«познания самого по себе» и «вещи самой по себе»,
познания ради познания,
«добра и зла».

Лицемерие философов.

Добрые.

Художники.

Набожные и блаженные.

26 [297]

По ту сторону добра и зла.

Философ как высший художник.

Новый ранговый порядок.

О суеверии.

Самая трудная мысль.
Содействие жизни мудреца.
Его питание.
Его половая жизнь.
Сообщаемость его мнений.
Сверх-национальное, добрый европеец.
Ученик и т.д. Ступени посвящения.

26 [298]

Новое Просвещение.
Предисловие и слово в защиту
философии вечного возвращения.
О суеверии среди философов.
По ту сторону добра и зла.
Философ – высший художник.
Новый ранговый порядок.
Содействие появлению нового философа.
Самая трудная мысль как молот.

26 [299]

Это век, в котором чернь все в большей мере становится господином, а вульгарные жесты тела и духа уже повсюду завоевали право на неприкосновенность – при

дворах и у любезных дам; я имею в виду даже не столько «у них», сколько «в них», «внутри них».

мой сад с его позолоченными решетками должен остерегаться не только воров и бродяг: наибольшая опасность грозит ему со стороны назойливых почитателей. «Дайте мне мое одиночество, – заклинает мудрец, – за свое одиночество я буду держаться зубами, буду обносить его золотыми решетками...»

26 [300]

Философы относятся с предубеждением к	1) кажимости, 2) изменениям,
руководствуясь инстинктивными определениями ценности, в которых отражаются более ранние состояния культуры (более опасные)	3) боли, 4) смерти, 5) телесному, чувствам, 6) судьбе и несвободе, 7) бесцельному. NB. Ко всему человеческому, еще больше животному и еще больше материальному.
они верят в	абсолютное познание, познание ради познания, связь между добродетелями и счастьем, познаваемость человеческих действий.
ложные противопоставления	например удовольствие и боль добро и зло
искушения языка	

26 [301]

Воля к истине и определенности вытекает из *страха* перед неопределенностью.

26 [302]

никакой материи (Боскович)

никакой воли
никакой вещи самой по себе
никакой цели

26 [303]

Мужество наверняка не считалось бы добродетелью, если бы принадлежало к частым проявлениям человеческой жизни, как добровольное испускание мочи; насколько я понимаю, дражайший Спенсер et hoc genus omne[1] готовы отнести это к проявлениям альтруизма.

26 [304]

Несколько хороших книг, которые останутся от этого столетия, точнее, которые протянут свои ветви за пределы этого столетия, как деревья, не в нем пустившие корни; я имею в виду «Мемориал Св. Елены» и разговоры Гёте с Эккерманом.

26 [305]

Меньше всего мне хочется высказывать свое мнение о сообщаемости мнений (или о «сообщаемости истины», как выразились бы в этом случае все добродетельные лицемеры). То, что я здесь специально говорю об этом, почти выходит за пределы, которыми я ограничиваю себя в данной области.

26 [306]

Даже сейчас на свете все еще много больше веселых вещей, чем признают пессимисты, например сам Э<дуард> фон Г<артман>. Группа Лаокоона, представленная тремя клоунами и столькими же зонтиками, не так веселит меня, как этот Эдуард, «борющийся» со своими проблемами.

26 [307]

Немецкие лирики, особенно если они швабы, например Уланд, весь разряженный чувствами мещаночки, или Фрейлиграт, как –

Или Гельдерлин – – –

---

1 и все ему подобные (*лат.*)

26 [308]

NB. Полная *ясность* в том, *хотим* ли мы утверждать и продолжать этот мир чувств!

Кант преодолен.

Исследование древности продолжено.

Истинная цель всякого философа есть intuitio mystica[1].

26 [309]

Премилый circulus vitiosus[2]: если наши органы чувств суть результаты наших чувств, то все наблюдения этих органов, как причины, должны быть бессмысленными и ложными!

26 [310]

О здоровье и болезни, гении, неврозе – по-дионисийски.

26 [311]

Наконец-то – мы больше не хотим отказываться от своих мнений; мы догадались о скудости нашего сада и больше не ждем множества хорошего и нового – мы решаем *любить* то, что *уже* имеем. И горе тому, кто теперь посмеет отнять у нас такие *по доброй воле* любимые нами мнения!

26 [312]

Религия интерпретирует все сильные, неожиданные, внезапные, чужеродные импульсы как идущие *извне*.

Нравственность всего лишь средство прийти к религии (средство насилия над богами *или* достижения экстатических состояний).

Заблуждение тела: опьянение, похоть, экстаз жестокости как *обожествление*, как слияние с богом.

Основное отличие древности: сексуальность пользовалась религиозным *почитанием*; стало быть, и инструменты тоже.

---

1 мистическое созерцание (*лат.*)

2 порочный круг (*лат.*)

Экстазы различны у благочестивых, возвышенных, благородных людей, подобных Платону, – и у погонщиков верблюдов, курящих гашиш и – – –

Основное превращение религии:

1) мы хотим заставить бога делать то, что нам нравится (например молитва),

2) мы отдаемся на волю бога.

Первое – благородная форма, второе – рабская форма.

26 [313]

«Самосохранение» только побочное следствие, не цель! Влияние Спинозы!

26 [314]

Буратти и его влияние на Байрона.

26 [315]

Чувство на юге, выраженное, например, в «Путешествии по Франции» Стендаля, – в чем оно состоит?

26 [316]

NB. Каких *испытаний* недостает (вместо только интеллектуальных и профессиональных)?

Верные опровержения – физиологические (телесные), т.е. устранение образа мышления.

26 [317]

Я должен научиться мыслить о философии и познании *более восточно. Восточный взгляд на Европу.*

26 [318]

Высший человек.

О философах.
О предводителях стад.
О набожных.
О добродетельных.
О художниках.

Критика высшего человека.

26 [319]

В сущности, европейцы воображают, что представляют сейчас тип высшего человека на земле.

26 [320]

Добрые европейцы.

Предложения по воспитанию новой аристократии.

Сочинение

Фридриха Ницше.

26 [321]

Существует 1) монологическое искусство (или «в диалоге с богом»);
2) общественное искусство, предполагающее société[1], более утонченный тип человека;
3) демагогическое искусство, например Вагнер для немецкого «народа», Виктор Гюго.

26 [322]

Где восторгаются народом, там сразу же навостряют уши женщины: они чувствуют, что это их дело.

26 [323]

Ученые и их переоценка самих себя. Откуда? И здесь эмансипация низшего вида, который *больше не верит в высший.*

26 [324]

Великое восстание черни и рабов.

маленькие люди, уже не верящие в святых и великих добродетельных (например Христос, Лютер и т.д.).

буржуа, уже не верящие в высший род правящей касты (например революция).

научные ремесленники, больше не верящие в философов.

женщины, больше не верящие в высший род мужчин.

---

1 общество (*фр.*)

26 [325]

По ту сторону добра и зла.
Предисловие к философии вечного возвращения.
Сочинение Фридриха Ницше.

26 [326]

Сенсуализм и гедонизм прошлого века – лучшее наследие, которое этот век оставил, – за сотнями оговорок и изысканных маскарадов.

Гедонизм = удовольствие как принцип.

Удовольствие как мерило в действительности обнаружено *утилитаристами* (комфорт у англичан).

Удовольствие как регламентирующий принцип (в действительности *не* обнаружено) у шопенгауэрианцев.

Фон Гартман – поверхностный строптивец, *испортивший* пессимизм и возжелавший сделать из этого философию удобства (в этом он близок к англичанам).

То, что следует за пессимизмом, есть учение о *бес*-**смысленности** *бытия.*

То, что удовольствие и боль не имеют *смысла,* что Hedone[1] не может быть принципом.

Это в следующем столетии.

Учение великой усталости.

Зачем? Не стоит!

26 [327]

Открытие воли – вовсе не непосредственный факт, как хотелось бы Шопенгауэру. Вопрос в том, *правильно* ли делается это открытие – –

26 [328]

Вера в «бытие» есть основа всякой науки, как и всякой жизни. Это еще не значит, что данная вера *оправдана.* Ошибки органов чувств (синее вместо красного) еще не аргумент против того, что лист зеленый. Возникновение *цветообразующего* чувства в бесцветном мире есть мысль, лишенная смысла.

Описание и установление фактов.

---

1 удовольствие (древнегреч. транслит.)

26 [329]

Вещь нельзя *угадать*, исходя из ее причин, т.е. вещь = ее действиям. Знание причин вещи не дает знания о ее действиях, стало быть, и знания о *вещи*.

26 [330]

Глубокая заинтересованность в *истине* – откуда? Обязана христианству – Паскаль.

26 [331]

Различные степени наслаждения «истинным»,
например Кант и Шеллинг,
Макиавелли и Сенека,
Стендаль и Вальтер Скотт,
Платон и Хафиз.

26 [332]

1. Почему *клянутся* в желании познавать? «Истинное лучше неистинного».
2. Почему (на самом деле) *хотят познавать*?
3. Почему *дóлжно* познавать? И *верно* ли, что люди предпочитают истинное?!

26 [333]

Сегодня существует великое множество поверхностных мыслителей, которые удовлетворяются тем, что приводят вещь к привычному и унаследованному и этим ее *объясняют*. Но «почему *возможна* привычка? Почему возможно наследование?»

26 [334]

Вера в истину.

Необузданное и болезненное во многом, что до сих пор называлось «волей к истине».

С ужасающей серьезностью философы предостерегали от чувств и обмана чувств. Глубоким антагонизмом между философами и друзьями обмана, художниками, пронизана греческая философия: «Платон *против* Гомера» – вот лозунг философов!

Но никто не *понял* обратной стороны, неспособности истины к жизни и обусловленности жизни перспективистской иллюзией. – *Одно из опаснейших преувеличений* в том, что в познании хотят видеть *не* служение жизни, а нечто *само по себе*, познание любой ценой, – подобно тому как сладострастник следует своим влечениям, самим по себе, без контроля со стороны других целительных инстинктов; если это не глупость – – –

26 [335]

Можно ли проявлять интерес к этой немецкой империи? Где тут новая *идея*? Быть может, это лишь новая комбинация власти? Тем хуже, если она не знает, чего хочет. *Мир* и свобода действий – еще не политика, достойная моего уважения. Господствовать и способствовать победе высшей идеи – вот единственное, что могло бы заинтересовать меня в Германии. Какое мне дело до того, у власти Гогенцоллерны или нет? – Английская *мелочность духа* сегодня величайшая опасность на земле. Я вижу больше тяги к величию в чувствах русских нигилистов, нежели в чувствах английских утилитаристов. Срастание германской и славянской рас, – кроме того, чтобы достичь господства на земле, нам обязательно нужны самые ловкие финансисты, евреи.

26 [336]

1) Чувство реальности.

2) Разрыв с английским принципом народного представительства: мы нуждаемся в представительстве великих интересов.

3) Мы нуждаемся в обязательных совместных действиях с Россией и в новой *совместной* программе, которая не допустит в России мнимой английской сущности. Никакого американского будущего!

4) Европейская политика не выдерживает критики, а попытки ограничить ее христианскими перспективами – это *огромное несчастье*. Все разумные люди в Европе *скептики*, независимо от того, говорят они об этом или нет.

Я думаю, нам не следует ограничивать себя ни христианской, ни американской перспективой.

26 [337]

buona femmina e mala femmina vuol bastone[1] (Сакетти, ноябрь 86).

26 [338]

hinc mihi quidquid sancti gaudii sumi potest horis omnibus praesto est[2]. Петрарка, famil. XIX, 16.

26 [339]

Воля не дать себя обмануть и воля дать себя обмануть [– –] но философ? Религиозный человек? Художник?

26 [340]

Есть ли еще философы? В действительности в нашей жизни очень много философского, прежде всего у людей науки, но *самих философов* еще столь же мало, как и *истинных аристократов*. Почему?

26 [341]

Как в французах отражается вежливость и дух французского общества, так и в немцах – нечто от глубокой мечтательной серьезности их мистиков и музыкантов, а также от их ребячества. В итальянце много республиканского благородства и искусства хорошо и гордо, без тщеславия, подавать себя.

26 [342]

Философам больше не верят, в том числе и в ученой среде; это скепсис **демократического** века, *отвергающего* высший вид человека. Психология века существенным образом направлена *против* высших натур: хотят проверить их человеческие качества.

26 [343]

Пифагор был попыткой *антидемократического* идеала посреди бурных движений к господству народа.

---

1 Хорошая женщина и плохая женщина хочет кнута (*ит.*)

2 отсюда у меня в распоряжении любое священное удовольствие, какое может быть получено в любой час (*лат.*)

26 [344]

«Судья». Ему приходится повелевать: его «ты должен» вытекает не из природы вещей, а из того, что он *видит* высшее и вынужден силой *проводить его в жизнь*. Какое ему дело до гибели! Он жертвует, не сомневаясь, – позиция художника по отношению к человеку: большой человек должен приказывать и *вводить*, *возлагать*, *требовать* исполнения *своих* оценок. Точно так же возникли и все прежние оценки. Но теперь все они для нас невозможны, их предпосылки ложны.

26 [345]

«Наказание»: для этого указание на соответствующий *ранг*, понижение относительно нашего идеала. Но *не* желание сохранить многих за счет отдельных, вообще *никакой* точки зрения общества!

26 [346]

«Счастье» не может быть целью, в том числе и счастье коллектива. Речь идет о достижении множества *идеалов*, которые должны *бороться*, но это не благополучие стада, а высший тип. *Этот тип не* может быть достигнут через благополучие стада! Точно так же и отдельный человек не может достигнуть своей высоты благодаря приятности и предупредительности.

«Милость», «любовь к врагам», «терпение», «равное» право (!) суть принципы *низшего* ранга. Высшее есть воля *творить* превыше себя, сквозь себя, даже через собственную гибель.

26 [347]

Осталось *незамеченным*, что все моральные «ты должен» созданы отдельными людьми. *Хотели* иметь бога или совесть, чтобы *устраниться* от задачи, требующей сотворения человека. За христианско-*католическим* образом мышления скрываются слабость или лень. – Но чтобы человек мог создавать идеалы, он должен учиться, знать и т.д.

26 [348]

Следует высмеять школу «объективистов» и «позитивистов». Они хотят ходить вокруг да около оценок и открывать и представлять только факты. Но, в частности, у Тэна можно увидеть: в глубине души у него *есть* пристрастия, например больше к сильным экспрессивным типам и к наслаждающимся, чем к пуританам.

26 [349]

Написать когда-нибудь *злую* книгу, злее, чем Макиавелли и этот очень германский, умеренно злой и самый верноподданный дьявол по имени Мефистофель!
Ее особенности: жестокость (с удовольствием наблюдать, как гибнет красивый тип),
искушение (приглашение к учению, утверждающему, что одно должно быть *и* другим),
насмешка по отношению к добродетелям монаха, философа, по отношению к важничающему художнику и т.д., а также к доброму, бравому стадному человеку,
благородство по отношению к любопытству, настырности, вульгарности познающих, а также к косности и ханжеству; без смеха, без злости.

26 [350]

Как трогают сердце такие слова!

«наша храбрость проложила дорогу ко всем странам и морям, везде закладывая непреходящие памятники и в добре, и в зле», – говорит Перикл.

26 [351]

Где вульгарным образом властвует одно желание (или желания вообще), там нет высшего человека. Понятно, что люди, подобные, например, Августину или Лютеру, даже не знают о существовании *высших проблем*, предполагающих значительно более холодную высоту. Все это чисто личная *нужда* Августина и Лютера. Это просьба больного о лечении. Религии могут, по существу, <быть> заведениями по усмирению животных или сумасшедшими домами для тех, кто не в состоянии справиться с собой. – Комична

эта озабоченность половым влечением в «Парцифале» и в «Тангейзере» Вагнера.

26 [352]
Я *не* интересуюсь:

1) национальным государством, как чем-то эфемерным по отношению к общедемократическому движению;
2) рабочим вопросом, так как сам рабочий – это лишь промежуточный акт;
3) различиями между религией и философией, ибо в главном они едины, а именно в вопросе о добре и зле, – там, где *я* сомневаюсь;
4) образом мысли, который не удерживает тело, и чувства, и землю;
5) l'art pour l'art[1], объективистами и т.д.

26 [353]

Молитва о слепоте.

Мораль уничтожена: представить факт! Остается: «я хочу».

новый ранговый порядок. Против равенства.

вместо судьи и исполнителя наказания – созидающий.

Наше *благоприятное* положение – как пожинающих.

Высшая ответственность – моя гордость!

вызвать худшее

законодатель и политик

благочестивые (почему невозможны?)

сначала образовать высшее тело: образ мыслей потом найдется. Платон.

до сих пор, после долгого космополитического обозревания, грек как человек, зашедший в этом дальше всех. Европа.

26 [354]

наивность Платона и христианства: они верили, будто знают, что есть «добро». Они угадали *стадного* человека, а *не* созидающего художника. Уже Платон придумал

---

1 искусством ради искусства (*фр.*)

«спасителя», который нисходит к *страждущим* и *дурным*. Он не обращал внимания на *разумность и необходимость* зла.

26 [355]

Не добро, а высший *человек*! Платон более ценен, чем его философия! Наши инстинкты лучше, чем их выражение в понятиях. Наше тело мудрее, чем наш дух! *Если* Платон был похож на тот бюст в Неаполе, то мы имеем лучшее опровержение *всего* христианства!

26 [356]

Сократ, кажется, догадывался, что в моральном отношении мы действуем не вследствие логического рассуждения, – но сам к этому выводу не *пришел*. То, что Платон и все после него верили, будто мораль и логика взаимосвязаны, и что христианство вышло из этой платоновской niaiserie[1], – до сих пор было крупнейшим поводом для *несвободы* в Европе.

26 [357]

Сократ, утверждавший «я не знаю, что есть добро и зло», был умнее Платона, давшего этим понятиям определение! Но Платон *изображает* его, высшего человека.

26 [358]

Ложный германский дух у Р<ихарда> В<агнера> (и глубокая психологическая ложность этой «современной» смеси жестокости и изнеженности чувств) мне столь же противен, как и ложный римский дух у Давида или ложное английское средневековье Вальтера Скотта.

26 [359]

Проблема *истинности*. Первое и важнейшее здесь – воля к кажимости, установление перспектив, «законы» оптики, т.е. полагание неистинного как истинного и т.д.

Проблема *справедливости*. Первое и самое мощное здесь – воля и сила к сверхвласти. Только властвующий устанавливает «справедливость», т.е. мерит вещи *собствен-*

---

1 глупости (*фр.*)

ной меркой; если он очень *могуществен*, то может пойти весьма далеко в признании *пробующего* индивида и *предоставлении ему свободы действий.*

Проблема *сострадания.* Воспитываться должен в первую очередь глубокий инстинкт жестокости, наслаждения чужими страданиями. Ибо прежде всего существует огромное безразличие ко всему, что «вне нас». Сочувствие более утонченного рода есть ослабленная жестокость.

Проблема *доброго* человека. Стадный человек, который предпочитает и хвалит качества, делающие его социальным. Противоположные свойства ценятся властвующими людьми в соответствии с их собственной сущностью: твердость, хладнокровие, холодность взгляда, никакой предупредительности, взгляд, направленный на факты, на далекую перспективу, а не на ближайшую и не на ближнего и т.д.

26 [360]

Как смешны мне социалисты с их дурацким оптимизмом касательно «доброго человека», который ждет за кустами, когда будет ликвидирован прежний «строй» и отпустят на свободу все «естественные инстинкты».

Противоположная партия тоже смешна, ибо она не признает насилия в законе, твердости и эгоизма в любого рода авторитете. «Я и мой вид» хотим господствовать и оставаться; кто вырождается, того следует изгнать или уничтожить, – вот главное чувство всякого древнего законодательства.

Представление о *высшем виде* человека ненавидят больше, чем монархов. Анти-аристократическое: ненависть к монархам используется лишь как маска и – – –

26 [361]

Омужествление женщин – вот настоящее название для «женской эмансипации». Это значит, они формируют себя по образцу современного мужчины и жаждут получить *его* права. Я усматриваю в этом *вырождение* инстинкта современных женщин: они должны бы знать, что на этом пути их силу ждет гибель. – Если они больше не хотят сохранять себя, пытаются составить мужчине конкуренцию в общественно-политическом смысле и, следовательно,

собираются отказаться от мягкого и снисходительно-покровительственного обращения, которым до сих пор пользовались, то – – –

26 [362]

На Востоке и в Афинах их лучшей эпохи женщин запирали, не желая испортить их фантазию: *это* наносит больший вред расе, нежели телесный контакт с мужчиной.

26 [363]

Бесполезно ссылаться на первобытные германские нравы и первозданную непорочность: германцев больше нет, как нет и лесов.

26 [364]

Я не встречал человека, с которым мог бы на *свой* лад поговорить о морали: ни один не показался мне достаточно честным и смелым. Кое-что тут могло быть делом случая: например, я слишком долго жил среди немцев, которые больше других издавна и совершенно невинно были моральными тартюфами. Но главное, по моему мнению, в том, что лживость в моральных вопросах есть свойство характера этого демократического века. Такой век, который в качестве избирательного лозунга взял большую ложь о «равенстве людей», поверхностен, тороплив и старается поддерживать видимость того, что с человеком все обстоит хорошо, а «добро» и «зло» больше не являются проблемой.

26 [365]

Мораль «ты должен» как ложное *истолкование* определенных инстинктивных чувств.

26 [366]

Сильнейшие телом и душой *суть лучшие* – основополагающий принцип для Заратустры. Из них – высшая мораль, мораль созидающего: *пересоздать* человека *по своему* подобию. *Этого* хочет он, *в этом* его честность.

26 [367]

Заратустра 5.

Поющая колонна, на которую падает луч утреннего солнца.

26 [368]

При крайнем возбуждении сильные боли (раны, нанесенные самому себе) действуют **только как стимулирующие средства**.

26 [369]

Предположим, мы избавились от наивности Канта, который там, где он открывал инстинкты, в духовной и моральной сфере, сразу же заключал, что «это не от мира *сего*». Такая же наивность господствует и у англичан, «инстинктивных» и «интуитивных».

Но *я* начинаю сомневаться вот где: все философско-исторические исследователи морали рассуждают, что, *поскольку* моральные инстинкты говорят *то-то и то-то*, стало быть, применительно к *сохранению вида* эти суждения *истинны, т.е. полезны*, – ибо они сохранились! Но точно так же я могу сказать, что должны быть истинными и *неморальные* инстинкты, вот только выразилось в этом нечто другое, нежели воля к сохранению, а именно воля к движению вперед, к большему, к – – – Разве сохранение – это единственное, чего хочет существо?

Когда вы говорите о «сохранении вида», я вижу только «сохранение стада, общности».

26 [370]

Мы богаче, чем думаем: мы носим в своем теле материал для многих личностей, а «характером» считаем то, что относится только к «личности», к *одной* из наших масок. Большинство наших действий идут не из глубины, они поверхностны, как и большинство вулканических извержений, – не позволим шуму обмануть нас. Христианство право в том, что *можно воспитать нового человека*; правда, в этом случае можно воспитать и еще более нового. Ошибаются, когда судят о человеке по отдельным поступкам: отдельные поступки не позволяют делать обобщения.

26 [371]

Философия, которая не обещает сделать счастливее и добродетельнее, а скорее дает понять, что, служа ей, можно и погибнуть, а именно оказаться в свое время одиноким, выгоревшим и очерствевшим, пройти через разного рода недоверие и ненависть, ощутить необходимость жестокости по отношению к себе и, к сожалению, к другим, – такая философия вряд ли кому-либо придется по вкусу; надо быть рожденным для нее – и я еще не встречал никого, кто бы им был (иначе у меня не было бы оснований написать это). В награду она обещает несколько приятных потрясений, какие бывают у человека, который с очень высоких гор видит мир в новом свете; разумеется, она не приводит к тупоумию, как это было с воздействием кантовского философствования (проявив изрядную жестокость, недавно торжественно издали главное сохранившееся творение его тупоумия; у немцев возможно все!).

26 [372]

То, как я думаю о моральных вещах, приговорило меня к долгому молчанию. Мои книги содержат некоторые намеки; сам я относился к этому смелее: уже в 25-летнем возрасте я сочинил для *себя* pro memoria[1] «Об истине и лжи во внеморальном смысле». Я даже общался с людьми, которые на свой лад занимались моралью; они подтвердят, что с ними я никогда не говорил о морали *по-своему*. Теперь, когда я могу свободно обозревать это время и позволяю себе многое из того, что прежде считал непозволительным, я больше не вижу причин скрывать свои мысли. Я признаю, «что "истина" в этих вопросах вредна», выражаясь языком моральных лицемеров, и что она многих может привести к гибели; но «быть вредным» и «вести к гибели» в той же мере относится к задачам философа, как и «быть полезным» и «создавать».

26 [373]

Существует тяга к истине, как ни невероятно это звучит, – по крайней мере, у некоторых людей. Но существует и противоположная тяга, например у художников.

---

1 памятку (*лат.*)

И давайте радоваться тому, что из обоих влечений выросло много хорошего и дурного. В целом вторая тяга важнее: философы редки, и на то есть свои причины, как и на то, что их влияние сильно сдерживается.

26 [374]

Из рассматривания духом собственного отражения еще не выросло ничего хорошего. Только теперь, когда мы пытаемся под руководством тела осведомиться обо всех духовных процессах, например о памяти, дело сдвинулось с места.

26 [375]

Старый Кант устанавливает несколько духовных инстинктов, действующих *прежде* любых рассуждений и любой чувственной деятельности, – а затем и моральный инстинкт, а именно инстинкт повиновения. Отсюда был сделан поспешный вывод, что тем самым проложен мост к «другому миру». Даже если было бы установлено, что существование человека привязано к данным инстинктам, этим еще ничего не сказано об их «истинности». Ведь это *наш* мир.

26 [376]

Моя философия несет триумфальную мысль, из-за которой любой другой образ мыслей в конечном счете погибает. Это великая *воспитывающая* мысль: расы, не способные ее вынести, обречены, – а те, кто восприимет ее как величайшее благодеяние, избраны для господства.

26 [377]

Интеллектуальная бесхарактерность

Когда Рихард Вагнер начал рассказывать мне о наслаждении, которое он умеет извлекать из религиозного (протестантского) причастия, мое терпение лопнуло. Он был великим актером, но несдержанным и внутренне податливым всему, что сильно пьянит. Он прошел через все те этапы, которые добрые немцы прошли со времен романтизма: через Волчье ущелье, «Эврианту», ужасы Гофмана, затем через «эмансипацию плоти» и тоску по Парижу, за-

тем через пристрастие к большой опере, к музыке Мейербера и Беллини, к народным трибунам, а позже к Фейербаху и Гегелю – музыка должна была приходить из «бессознательного», – потом революция, разочарование и Шопенгауэр, сближение с германскими князьями, преклонение перед кайзером, империей и армией, а затем и перед христианством, которое со времени последней войны и ее многочисленных «смертей и жертв» снова стало признаком хорошего вкуса в Германии, наряду с проклятиями в адрес «науки».

26 [378]

Противостоять всем естественным склонностям и пытаться узнать, нет ли в нас каких-либо противоположных склонностей, – полезная вещь, хотя и несущая с собой много неприятностей. Как если бы человека переселили из привычного сухого воздуха во влажный климат. Требуется непоколебимая *воля* – и если мой образ мыслей не требует ничего, кроме этого, то в этом и заключается причина, почему он будет иметь мало приверженцев. Слишком редка такая сильная и в то же время гибкая воля.

26 [379]

Народ слабовольных (как Сент-Бев) испытывает внутреннее отвращение к противоположной расе, например к Стендалю.

26 [380]

Как много скотской подлости в англичанине, который сегодня еще и считает необходимым изо всех сил пропагандировать utile[1]! Это его высшая точка зрения: его dulce[2] слишком мала. – И Армия спасения!

26 [381]

«une croyance presque instinctive chez moi, c'est que tout homme puissant ment, quand il parle, et à plus forte

1 пользу (лат.)

2 сладость, приятность (лат.)

raison, quand il écrit». Préface «Vie de Napoleon», p. XV, Stendhal[1].

26 [382]

За обедом мне рассказывали о Дюринге; ему многое «прощают», так как, говорят, он слеп. Ну и что? Я тоже почти слеп. Гомер был абсолютно лишен зрения. И из-за этого быть в дурном настроении? Полным навязчивых идей? И выглядеть, как чернильница? Евгений Дюринг недавно поведал нам о своей жизни, не забыв ни одного огорчения, ни одной обиды с самого детства; мне кажется, он может часами рассказывать дурные, мелкие, мелочные истории о своих учителях и противниках, из того времени, когда он еще не <был> слепым: по крайней мере, он так выглядит, если верить портрету, которым он украсил свою книгу и опроверг свою философию. Он говорит нам о том, что портрет удался.

26 [383]

Воздействия старого бога: 1) –

Хотя я мало знаком с тем, о чем сегодня философствуют немцы, но благодаря некоторым счастливым случайностям понял, что сейчас в Германии в моде думать если и не о сотворении мира, то о его начале: они не принимают «направленной назад бесконечности» – понимаете мою сокращенную формулировку? По этому вопросу сходятся во мнениях Майнлендер, Гартман, Дюринг и др. Непристойное выражение для противоположного взгляда, что мир вечен, нашел Майнлендер, апостол безусловной непорочности, как и Рихард Вагнер.

Воздействия старого бога: 2) вечно новое.

---

1 «я почти инстинктивно верю, что все великие люди лгут, когда говорят, и с еще большим основанием, когда пишут». Предисловие к «Жизни Наполеона», с. XV, Стендаль (*фр.*)

26 [384]

Пространство – абстракция: само по себе пространство не существует, точнее, не существует *пустого пространства.* От веры в пустое пространство происходит много бессмыслицы.

26 [385]

То, что у нас есть инстинкт времени, инстинкт пространства, инстинкт причинности, не имеет ничего общего с временем, пространством и причинностью.

26 [386]

Победа антителеологического механистического образа мышления как *регулятивная гипотеза*: 1) только при таком образе мышления возможна наука; 2) он менее всего зависит от предположений и *при любых условиях должен быть* сначала испытан, для чего потребуется несколько столетий; 3) – – –

26 [387]

Борьба с Платоном и Аристотелем.

26 [388]

Готический штурм неба Гегелем (*запоздалый*). Попытка привнести в развитие нечто вроде разума. Я исхожу из противоположной точки зрения и в самой логике вижу своего рода неразумие и случайность. Мы постараемся <понять>, как при величайшей неразумности, а точнее, безо всякого разума развитие пошло по восходящей и достигло человека.

26 [389]

Против альтруизма: он иллюзия.

Désintéressement в морали (Шопенгауэр, Конт),
в учении о познании («объективные» – как Тэн),
в искусстве (идеальная красота,
в которую верит, например, Флобер).

26 [390]

Когда мне было 12 лет, я придумал себе удивительное триединство: бог-отец, бог-сын и бог-дьявол. Я пришел к выводу, что бог, мысля себя самого, создал вторую личность божества; однако, чтобы мыслить себя, ему пришлось помыслить и, следовательно, сотворить свою противоположность. Так я начал философствовать.

26 [391]

Множество ложных «*противоречий*» (превращение аффектов, их генеалогия и т.д.).

26 [392]

Сейчас гибнут бесчисленные одиночки высшего вида – но кто *выживает*, тот силен как дьявол. Как и во времена Возрождения.

26 [393]

Актер.

Чувство истории: Платон и вся философия не имеют об этом ни малейшего представления. Это своего рода *актерское* искусство время от времени вбирать в себя чужую душу – следствие великого *смешения рас и народов*, благодаря которому в каждом присутствует частичка всего, что было. Художественное чувство в сфере познания. Одновременно признак *слабости* и недостаточного *единства.*

Экзотизм, космополитизм и т.д., романтизм. Чувство *обострилось*; например, Вальтер Скотт для нас уже невозможен. Как и Рихард Вагнер.

Руссо, Жорж Санд, Мишле, Сент-Бёв: их способ актерства. Одни перед народом, другие (как Вольтер) перед обществом.

Совсем иные актеры – могущественные, как Наполеон, Бисмарк.

26 [394]

Знаете ли вы, что такое болото? – Случай позволил мне снова увидеть собранным вместе все то, что Рихард Вагнер и его люди проповедовали на словах: в недоброй памяти «Байройтских листках». Видите ли, это болото:

претенциозность, неясность, невежество – и безвкусица вдоль и поперек. Младшие чирикают, подпевая старшему; этому никто не удивится. И если бы речь шла о пении! Это визг, важничанье старого первосвященника, который больше всего на свете боится ясных, четких понятий. И он хочет высказывать свое мнение в вопросах философии и истории! – Il faut être sec[1], говорил моему сердцу мой друг Стендаль. Не надо тревожить болото. Надо жить на горах: так говорил мой сын Заратустра.

26 [395]

Кажется, во мне есть нечто от немца вымирающего вида. Быть хорошим немцем значит избавляться от германства, – сказал я однажды; но в этом со мной сегодня вряд ли согласятся. Может быть, Гёте признал бы мою правоту.

26 [396]

Pour être bon philosophe, il faut être sec, clair, sans illusion. Un banquier, qui a fait fortune, a *une partie du caractère* requis pour faire des découvertes en philosophie, c'est-à-dire pour *voir clair dans ce qui est*[2]. Не хотеть обманывать – это нечто совсем другое, возможно, имеющее отношение к морали. Не позволять обманывать себя, даже если у тебя к этому огромная склонность!

26 [397]

Стендаль уточняет (18 декабря 1829 г.) моральные проблемы.

Каковы мотивы человеческих действий: est-ce la recherche du plaisir, comme dit Virgile[3] (trahit sua quemque voluptas[4]). Est-ce la sympathie?[5] Что значит угрызения совести? Происходят ли они от разговоров, нами услышанных?

---

1 надо быть сухим (*фр.*)

2 Чтобы быть хорошим философом, надо быть сухим, ясным, без иллюзий. Банкир, сделавший себе состояние, обладает *чертой характера*, необходимой для того, чтобы делать открытия в философии, т.е. чтобы ясно *видеть то, что есть* (*фр.*)

3 Поиски ли это удовольствия, как говорит Вергилий (*фр.*)

4 всякого влечет своя страсть (*лат.*)

5 Или это симпатия? (*фр.*)

Ou naît-il dans la cervelle, comme l'idée de becqueter le blé qui vient au jeune poulet?[1]

26 [398]

Одухотворение как поставленная *цель*; поэтому резкое противопоставление добра и зла, добродетели и порока есть воспитательное средство, призванное научить человека *владеть* собой, подготовка к духовности. – Но если в этом не участвуют чувства, дух получается весьма слабым.

26 [399]

Немцы – опасный народ: они знают толк в одурманивании. Готика, быть может, и рококо (согласно Земперу), чувство истории и экзотизм, Гегель, Рихард Вагнер, Лейбниц опасны и сегодня: услужливая душа (*идеализированная* в качестве добродетели ученого и солдата), также играющая роль исторического чувства. Немцы, должно быть, *самый смешанный* народ.

«Народ середины», изобретатель фарфора и китайского вида тайных советников.

26 [400]

Глубокое благоволение ко всем вещам. Мне приходится устраивать комедию: злиться на людей, которых я знаю, – в том случае, когда я не болен.

26 [401]

Философ, как тот дипломат, тоже должен уговаривать себя: «не будем доверять первым побуждениям, они почти всегда добрые».

26 [402]

Бисмарк: столь же далек от немецкой философии, как крестьянин или студент – член корпорации. Недоверчив по отношению к ученым. Мне это в нем нравится. Он отбросил все то, что хотело привить ему дурацкое немецкое образование (своими гимназиями и университетами).

---

1 Или оно рождается в мозгу, как цыпленку приходит мысль поклевать зерно? (*фр.*)

Хорошую еду и крепкое вино он явно любит больше, чем немецкую музыку, которая по большей части всего лишь утонченное женообразное лицемерие и маскировка старой тяги немецких мужчин к опьянению. Он сохранил свою бравую *ограниченность* в отношениях с богом и королем; позже к ним по справедливости добавилась ограниченность, которую имеет всякий, кто что-либо создал, – любовь к своему творению (я имею в виду: к германской империи).

26 [403]

Мишле: потеющая симпатия; в этом есть нечто вульгарное, как будто он снимает сюртук перед работой. Народный трибун: ему знакомы хищные приступы бешенства, свойственные народу. Все, что мне нравится, ему чуждо: как Монтень, так и Наполеон. Странно, но и он, трудолюбивый, высоконравственный человек, не лишен любопытствующей половой похоти галла.

26 [404]

Сент-Бёв: тихая ярость всех утонченных французов по отношению к «ужасной глупости»; он охотно отрицал, что ему недостает философии и характера, и даже, что неудивительно после сказанного выше, твердого вкуса in artibus et litteris[1]. Он не сумел понять ни сильных сторон Вольтера, ни Монтеня, Шаррона, Шамфора, Ларошфуко, Стендаля. Он с какой-то завистью злится, что эти знатоки человека были к тому же наделены волей и сильным характером.

26 [405]

Тип *Гёльдерлина* и *Леопарди*: во мне достаточно жестокости, чтобы посмеяться над их гибелью. О них сложилось ложное представление. Такие ультраплатоники, которым всегда недостает наивности, кончают плохо. Что-то в человеке должно быть простым и грубым, иначе он самым нелепым образом погибнет от бесконечных противоречий, вызываемых самыми простыми вещами, например тем, что человек время от времени нуждается в женщине, так же как время от времени он должен основательно подкрепляться. В конечном счете иезуиты выяснили, что Леоп<арди> – – –

---

1 в вопросах искусства и литературы (*лат.*)

26 [406]

В годы своей молодости, когда я занимался самыми разными вещами, например живописью, я написал однажды портрет Рихарда Вагнера и назвал его «Рихард Вагнер в Байройте». Несколько лет спустя я сказал себе: «Черт возьми! Да он же совсем не похож». Прошло еще несколько лет, и я ответил: «Тем лучше! Тем лучше!» В известном возрасте имеешь право видеть вещи и людей в ложном свете – сквозь увеличительные стекла, которыми наделяет нас надежда.

Когда мне был 21 год, я был, вероятно, единственным человеком в Германии, который с одинаковым воодушевлением любил этих двоих – Рихарда Вагнера и Шопенгауэра. И заразил этой любовью некоторых своих друзей.

В принципе благодаря Генделю я – – –

В детстве я любил Генделя и Бетховена, но когда мне исполнилось семнадцать, к ним присоединилась «Тристан и Изольда», это был понятный мне мир. В то же время я тогда считал, что «Тангейзер» и «Лоэнгрин» «ниже моего вкуса»: мальчишки в делах вкуса отличаются совершенно бесстыдной гордостью.

26 [407]

Законодатель будущего.

Люди, перед которыми забрезжил образ огромной задачи, пытаются *избежать* ее; у великих людей можно обнаружить чрезвычайно смелые и бесстрашные попытки каким-нибудь образом *ускользнуть* от этой задачи, например внушить себе, что: а) задача уже решена, б) или она неразрешима, в) или я слишком слаб для нее, г) мои обязательства, моя нравственность отвергают ее как аморальную, – д) или спросить себя: кто навязывает мне эту задачу? Никто. Скепсис относительно всех трудных миссий. – Многим удается уклониться, у таких остается тонкое чувство нечистой совести. В конечном счете это вопрос *силы: как велико у человека чувство* **ответственности**?

Я долго пытался связать со словом «философ» какое-нибудь понятие и наконец пришел к выводу, что существует два вида философов: 1) те, кто стремится *установить* какой-нибудь значительный факт, и 2) те, что являются *законодателями* оценочных суждений. Первые пытаются овладеть наличным или прошедшим миром, сводя собы-

тия к знакам: им важно сделать его обозримым, мыслимым, постижимым, удобным в обращении; они служат человеку в его стремлении все вещи обратить себе на пользу. Вторые же повелевают и говорят: вот так это должно быть! Они сначала определяют, *что* полезно для человека; они опираются на предварительные разработки ученых, но знание для них – лишь средство для созидания. Их положение на самом деле неслыханно трудное, и они часто завязывали себе глаза, как, к примеру, Платон, однажды возомнивший, что добро следует не определять, а обнаружить как нечто вечное. В более грубых формах, в частности, у основателей религий, их «ты должен» воспринимается как приказание их бога; так, в случае с Магометом, их узаконение ценностей выдается за «боговдохновение», а его исполнение – за акт послушания.

Как только рушатся представления 1) о боге, 2) о вечных ценностях, – во всем своем ужасающем величии встает задача законодателя ценностей. Прежних средств облегчения задачи больше не существует. Чувство столь ужасно, что такой человек ищет убежище:

1) в абсолютном фатализме: все идет своим чередом и никак не зависит от воздействия отдельного человека;

2) в интеллектуальном пессимизме: ценности обманчивы, не существует никакого «добра и зла» самих по себе и т.д.; но интеллектуальный пессимизм опрокидывает и фатализм: он показывает, что чувство «необходимости» и «причинности» задается нами самими;

3) в намеренном самоумалении.

2

Решение.

3

Новая проблема: средство сообщения и вопрос об истинности.

4

Проблема взращивания потомства. Ибо жизнь отдельного человека слишком коротка.

26 [408]

Абсолютно неважно, если мой прежний образ художника или философа, применительно к, вероятно, случайно

представившемуся мне субъекту (Рихард Вагнер), окажется ложным; может статься, что ошибка достигнет невероятных размеров, – какая разница!

После долгих лет, которые были всего лишь длительным перерывом, я теперь публично продолжаю делать то, что делаю и делал всегда для себя самого: рисовать на стене картины *новых* идеалов.

26 [409]

Каким образом люди обретают большую силу и приходят к большой задаче? Все добродетели и трудолюбие тела и души достигаются трудно и понемногу, благодаря великому прилежанию, самоограничению, умению удовлетворяться немногим, благодаря постоянному упорному и настойчивому повторению одних и тех же работ, одних и тех же отречений; но есть люди, являющиеся наследниками и обладателями этого медленно обретаемого многообразного богатства добродетелей и трудолюбия: вследствие удачных и разумных браков, а также счастливого случая приобретенные и накопленные силы многих поколений не растрачиваются попусту и не рассеиваются, а благодаря прочному союзу и твердой воле соединяются друг с другом. Так в конечном счете и появляется человек огромной силы, который жаждет решать огромные задачи. Ибо то, что нами располагает, – это наша сила, а жалкая духовная игра целей, намерений и побудительных мотивов есть лишь ширма – даже если близорукие глаза видят в ней главное дело.

26 [410]

Вера в причину и следствие и *строгость* в этом вопросе – вот что отличает *научные* натуры, стремящиеся сформулировать человеческий мир, установить то, что поддается исчислению. Но механистически-атомистическое миросозерцание жаждет чисел. Оно еще не сделало свой последний шаг: пространство как машина, пространство *конечно.* Но тем самым движение становится невозможным: Боскович – динамическое миросозерцание.

26 [411]

Стремясь к тому, чтобы создать лишь систему *знаков,* механистически-атомистическое миросозерцание *отказы-*

вается от *объяснений*, отрекается от понятия «причина и следствие».

26 [412]

Слава *Канта* сегодня несправедливо раздута, так как многие критики критического столетия находят в нем свои кардинальные добродетели: преклоняясь перед Кантом, они воздают хвалу себе. Но все только критические натуры в сравнении с великими *синтетиками* – мыслители *второго* ранга; косвенное отношение к синтетикам имеет непомерное тщеславие Гегеля, который поэтому все еще воспринимается за границей как величайший немецкий ум.

Слава *Шопенгауэра* тоже зависит от времени: его образ мыслей подняла на щит унылая, безнадежная, оголенная эпоха 50 гг. в Германии. Теперь он «процветает» во Франции. Его слава преувеличена. В нем сильнее, чем у Канта, тяга к мистике и неясности; этим он совращает нашу н<емецкую> молодежь. С другой стороны, он прививает дурно воспитанной молодежи хоть какой-то интерес к науке; кроме того, он цитирует хорошие книги и так же мало, как *Фридрих* Великий и Бисмарк, страдает от niaiserie allemande[1], которую иностранцы замечают у наших лучших умов (даже у Гёте). Он один из самых высоко*образованных* немцев, т.е. он *европеец*. *Хороший* немец – да простят мне, что я повторяю это в десятый раз, – уже не немец.

Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах, Штраус – от всех них несет теологами и отцами церкви. Шопенгауэр достаточно *свободен* от этого: читая его, дышишь более чистым воздухом, даже чувствуешь аромат Платона. Кант вычурно-тяжеловесен: замечаешь, что греки еще не были открыты. В этих ушах еще не звучали Гомер и Платон.

26 [413]

Естественные науки дали себя запугать разговорами о «мире явлений»; там царит абсолютно мифологическое понятие «чистого познания», которым все меряется. Это «деревянное железо» ничуть не лучше «вещи самой по се-

---

1 немецкой глупости (*фр.*)

бе». До сих пор философы чаще всего видели свою главную проблему в contradictio in adjecto[1].

26 [414]

Наши оценки определяют, какие вещи и *каким образом* мы одобряем. Но эти оценки заданы и регулируются нашей волей к власти.

26 [415]

«Цель – поза (драма); музыка – лишь средство усилить это впечатление» – вот практика Рихарда Вагнера.

26 [416]

Большое событие *для* Спинозы: его amor dei[2] снова можно *переживать*. Вопреки насмешкам Тейхмюллера по поводу того, что она уже однажды *была*! Какое счастье, что самые драгоценные вещи возникают во второй раз! Все философы – люди, пережившие нечто *из ряда вон выходящее*.

26 [417]

Меня *радует* военное развитие Европы, в том числе и анархическое внутреннее положение: время покоя и китайства, которое предсказал этому столетию Галиани, миновало. Личная *мужская* сноровистость, сноровистость тела снова обретает ценность, оценки становятся все более физическими, питание – более плотским. Теперь снова могут появляться красивые мужчины. Чахлое ханжество (во главе с мандаринами, как мечтал Конт) ушло в прошлое. В каждом из нас *утверждается* варвар и дикий зверь. *Именно поэтому* философы станут чем-то большим, чем были до сих пор. Кант когда-нибудь станет огородным пугалом!

26 [418]

О некоторых лирических стихотворениях Пушкина Мериме говорит, что они «эллинистичны благодаря правдивости и простоте, très supérieurs pour la précision et la netteté[3]».

---

1 противоречии в определении (*лат.*)

2 любовь к богу (*лат.*)

3 весьма превосходны по точности и четкости (*фр.*)

26 [419]

Паста однажды заметила, возражая Мериме: «После Россини не было создано ни одной оперы, которая обладала бы единством и сводила воедино разрозненные части. Все, что делает, например, Верди, напоминает блузу Арлекина».

26 [420]

По словам Мериме, во всем, что сделал Гёте, присутствует смесь гения и немецкой niaiserie[1] (хорошо! это по-немецки!). «Он иронизирует над собой или над другими?» «Вильгельм Мейстер»: прекраснейшие вещи о мире вперемежку с донельзя смешными ребячествами.

26 [421]

Après tout, il y a de bons moments, et le souvenir de ces bons moments est plus agréable que le souvenir des mauvais n'est triste. Merimée[2].

26 [422]

«Влияние женщин, идущее не от христианства, а от северных варваров, на римское общество. Германцы были склонны к экзальтации, они любили душу. Римляне любили только тело. Верно, что у женщин долгое время не было души. Они все еще не имеют ее на Востоке – к сожалению!» Мериме.

26 [423]

Жить на чужбине для древнего грека – величайшее из несчастий. Но еще страшнее там умереть: в его воображении не существует ничего более ужасного. Мериме.

26 [424]

Первое чувственное впечатление перерабатывается интеллектом: упрощается, подгоняется к прежним схемам; *представление* о мире явлений как произведение искусства

---

1 глупости (*фр.*)

2 В конце концов, есть прекрасные моменты, и радость от воспоминания об этих прекрасных моментах сильнее печали от воспоминания о моментах неприятных. Мериме (*фр.*)

– *наше* творение. Но не материал: *искусство* есть то, что подчеркивает *главные линии*, сохраняет решающие черты, многое опускает. Эта намеренная трансформация в нечто уже *знакомое*, эта *фальсификация* –

Точно так же обстоит дело и с «чувством истории»: его основательно привил французам Тэн; важнейшие факты на первом месте (*установление рангового порядка* фактов – продуктивное занятие историка). Способность воспринимать чьи-то чувства как свои собственные, *получать* впечатления – вот, собственно, предпосылка: **немецкое**.

26 [425]

Почему философ *редко* удается: к условиям его появления относятся свойства, обычно губительные для обыкновенного человека:

1) неслыханное множество свойств, он должен быть аббревиатурой человека, всех его высоких и низменных желаний: опасность внутренней раздвоенности, а также отвращения к самому себе;
2) он должен проявлять любопытство к самым разным вещам: опасность расщепления;
3) он должен быть справедливым и доброжелательным в высшем смысле, но в то же время глубоким в любви и ненависти (и несправедливости);
4) он должен быть не только созерцателем, но и законодателем – судьей и подсудимым (в той мере, в какой он является аббревиатурой мира);
5) чрезвычайно многосторонним и в то же время уверенным и твердым. Гибким.

26 [426]

Философы будущего.
Сочинение
Фридриха Ницше.

26 [427]

Петроний: чистейшее небо, сухой воздух, presto[1] движения: никакого бога, лежащего в навозе; ничего бес-

---

1 быстрота (*ит.*)

конечного, ничего похотливо-священного, никакой свиньи св. Антония. Благожелательная насмешка; истинный эпикуреизм; – – –

26 [428]

«Будут ли еще философы? Или они излишни? Довольно того, что сегодня среди нас существуют их остатки из плоти и крови. Не будет больше и основателей религий: крупнейшие экземпляры вымирают». – В противоположность этому я говорю: – – –

26 [429]

Из безусловного не может возникнуть ничего относительного. Но все, что мы знаем, относительно. Следовательно, нет ничего безусловного, это излишнее допущение.

26 [430]

Ни один философ-идеалист не даст себя обмануть мысли, будто его обед – всего лишь перспективистское, выдуманное им самим явление.

26 [431]

Что «сила» и «пространство» лишь два выражения и разные способы рассмотрения одной и той же вещи, что «пустое пространство» несет в себе противоречие, как и «абсолютная цель» (у Канта), «вещь сама по себе» (у Канта), «бесконечная сила», «слепая воля» – – –

26 [432]

Когда я размышляю о своей философской генеалогии, то чувствую свою связь с антитеологическим, т.е. спинозистским движением нашего времени, с той разницей, что я считаю обманом и «цель», и «волю» *в нас*; точно так же и с механистическим движением (сведение всех моральных и эстетических вопросов к физиологическим, всех физиологических – к химическим, всех химических – к механическим), с той разницей, что я не верю в «материю» и считаю Босковича, как и Коперника, великой поворотной точкой; любые попытки исходить из самонаблюдения духа я считаю непродуктивными и не верю

ни в какое добротное исследование без путеводной нити тела. Философия не как *догма*, а как предварительное руководство к *исследованию.*

26 [433]

Для такого человека, как Вы, эта философия не опасна. Я вообще не верю в то, что философии могут быть опасными. Люди такие, какие они есть, – надо ли мне высказываться яснее? – и они нуждаются в одежонках и масках, чтобы представляться красивыми в глазах других людей; философии – такие же маски.

26 [434]

Гибнущий мир – это наслаждение не *только* для наблюдателя (но и для уничтожающего). Смерть не только необходима, недостаточно сказать, что она «отвратительна»: в гибнущих мирах есть разного рода величие и возвышенность. И сладость, и надежды, и вечерние зори. Европа – гибнущий мир. Демократия – это *форма распада* государства.

26 [435]

Монтень, как писатель, часто достигает «вершин совершенства благодаря живости, молодости и силе. Il a la grâce des jeunes animaux puissants. – L'admirable vivacité et l'énergie de sa langue[1]. Он подобен Лукрецию pour cette jeunesse virile. Un jeune chêne tout plein de sève, d'un bois dur et avec la grâce des premières années». Doudan[2].

26 [436]

«Я начинаю верить, что cette race douce, énergique, méditative et passionnée[3] существовала только в книгах». Дудан о немцах.

---

1 Он обладает грацией молодого сильного зверя. Великолепная живость и энергия его языка (*фр.*)

2 своей мужественной молодостью. Молодой дубок в расцвете сил, с крепким стволом и грацией первых лет жизни». Дудан (*фр.*)

3 эта мягкая, энергичная, созерцательная и страстная раса (*фр.*)

26 [437]

Как и Дудан, я считаю бóльшую часть музыкантов шарлатанами и dupes – chanaient déjà, faute d'idées[1].

26 [438]

Что можно сказать о французском вкусе! Дудан говорит: c'est un bruit dans les oreilles et un petit mal de coeur indéfinissable qu'on n'aime pas à sentir[2].

26 [439]

«Motu quiescunt»[3] – о счастье активности, «la volonté désennuie»[4]. Дудан.

26 [440]

Только истинный философ – отчаянный зверь, обращающийся к себе, подобно Тюренну: «Carcasse, tu trembles? Tu tremblerais bien davantage, si tu savais oú je te mène»[5].

26 [441]

Восхищение Цицероном: c'est une aimable et noble créature. Le petit parvenu d'Arpinum est tout simplement le plus beau résultat de toute la longue civilisation qui l'avait précédé. Je ne sais rien de plus honorable pour la nature humaine que l'état d'âme et d'esprit de Cicéron. Doudan[6].

---

1 простофилями: за неимением мыслей они поют (*фр.*)

2 это шум в ушах и неясная боль в сердце, которую не любят ощущать (*фр.*)

3 «Они отдыхают в движении» (*лат.*)

4 «воля разгоняет скуку» (*фр.*)

5 «Каркас, ты дрожишь? Ты бы дрожал еще сильнее, если бы знал, куда я тебя веду» (*фр.*)

6 это любезный и благородный человек. Маленький выскочка из Арпина просто-напросто наилучший результат всего долгого предшествовавшего развития цивилизации. Не знаю ничего более достойного почитания в человеке, чем душа и ум Цицерона. Дудан (*фр.*)

L'habitude d'admirer l'inintelligible au lieu de rester tout simplement dans l'inconnu[1]: какой ravage[2] произвела она в умах нового времени! Дудан.

Между ним и природой не было aucun de ces fantômes imposants, mais informes, qui ravissaient Saint Antoine dans le désert et Saint Ignace de Loyola dans le monde.

«Il y a quelque chose de Cicéron dans Voltaire»[3].

26 [442]

Немецкий мистик

Великое восхищение собой и презрение к себе, самоумаление связаны друг с другом: мистик чувствует себя то богом, то червем. Чего ему *недостает*, так это *чувства собственного достоинства.* Мне кажется, что *скромность* и *гордость* тесно взаимосвязаны, суждение зависит только от того, в какую сторону смотришь. Общее в том и другом случае: холодный и уверенный оценочный взгляд. Кстати, считается хорошей диетой не жить среди людей, с которыми ты не можешь себя сравнивать, будь то из скромности или из гордости. Эта диета – аристократическая диета. *Избранное* общество – живущих и умерших. Фатум – возвышающая мысль для того, кто понимает, что он принадлежит к *этому* обществу.

26 [443]

У Паскаля впервые во Франции la raillerie sinistre et tragique, – «la comédie et la tragédie tout ensemble»[4]. О провинциалах.

---

1 Привычка восхищаться непонятным, вместо того чтобы просто оставаться в неизвестности (*фр.*)

2 фурор (*фр.*)

3 ни одного из этих величественных, но бесформенных фантомов, которые очаровывали св. Антония в пустыне и св. Игнатия Лойолу в миру. «В Вольтере есть что-то от Цицерона» (*фр.*)

4 мрачная и трагическая шутка: «все вместе – и трагедия, и комедия» (*фр.*)

26 [444]

Дудан говорит о Генуе: «On peut porter là les grandes tristesses sans souffrir d'aucun contraste»[1].

26 [445]

Шлейермахер: немецкие философы

26 [446]

Ренан, о котором Дудан говорит: «он дает людям своего поколения то, чего они хотят во всех вещах, des bonbons, qui sentent l'infini». «Ce style rêveur, doux, insinuant, tournant autour des questions sans beaucoup les serrer, à la manière des petits serpents. *C'est aux sons de cette musique-là, qu'on se résigne* à *tant s'amuser de tout, qu'on supporte* des despotismes en *rêvassant* à *la liberté»*[2].

26 [447]

О Тэне: «mais que cela est rouge, bleu, vert, orange, noir, nacré, opale, iris et pourpre!.. c'est une boutique de marchand de couleurs!»[3] Говоря вместе с Мирабо-отцом: quel tapage de couleurs![4]

26 [448]

Глаз, когда видит, делает то же самое, что и ум ради *понимания*. Он упрощает явление, придает ему новые очертания, сопоставляет с ранее увиденным, сводит к ранее увиденному, преобразовывает, пока оно не станет понятным и полезным. Органы чувств делают то же самое, что и «ум». Они овладевают вещами, точно так же, как наука

---

1 «Туда можно приехать со своей великой печалью и не страдать от контрастов» (*фр.*)

2 конфеты, которые пахнут вечностью». «Этот мечтательный, нежный, вкрадчивый стиль, вращающийся вокруг вопросов, не слишком приближаясь к ним, на манер маленьких змеек. *Подчиняешься звукам этой музыки, и так все это забавно, что терпишь деспотизм, мечтая о свободе»* (*фр.*)

3 «но как это переливается красным, синим, зеленым, оранжевым, черным, перламутровым, цветом опала, ириса и пурпура!.. Как в лавке торговца красками!» (*фр.*)

4 какое буйство красок! (*фр.*)

пытается овладеть природой с помощью понятий и чисел. В этом нет ничего, что стремилось бы к «объективности»; это своеобразное присоединение и приспособление с целью пропитания.

26 [449]

Я пока не нашел *никакого* основания для уныния. Кто воспитал и сохранил в себе *твердую волю*, вкупе с широким духом, тот имеет более благоприятные шансы, чем когда бы то ни было. Ибо податливость людей *дрессировке* в этой демократической Европе стала очень большой; люди, которые легко обучаются, легко подчиняются, стали правилом: стадное животное, даже в высшей степени разумное, препарировано. Кто может приказывать, найдет тех, кто *должен* повиноваться; я имею в виду, например, Наполеона и Бисмарка. Конкуренции с сильной и *не*разумной волей, которая чаще всего встанет на пути, почти нет. Кто только не опровергает этих «объективных» господ со слабой волей, подобных Ранке или Ренану!

26 [450]

Ученые. Эти «объективные» только-ученые в конце концов добросовестны, достойны похвалы и остаются в пределах своих возможностей, когда показывают, что за каким-нибудь высокочтимым делом скрывается нечто абсурдное и что <оно>, с точки зрения разума, имеет меньшую ценность, чем обычно думают. Т.е. они считают лишь себя *вправе* судить и высказывать мнение о степенях логической ценности; сами они не имеют никакой другой ценности, кроме *своей логики.*

26 [451]

Чтобы быть философом, нужно обладать способностью сильно удивляться и с любовью проникать в сердце многих вещей. Серые холодные глаза не знают, чего стоят вещи; серые холодные умы не знают, сколько весят вещи. Правда, нужно обладать и противоположной силой: улетать мыслью так далеко и высоко, чтобы даже самые почитаемые тобой вещи оставались глубоко-глубоко внизу, и тесно сближаться с тем, что ты, быть может, презираешь.

Я делал такие попытки, когда не позволял себя отвлечь от своего главного дела ни великими политическими событиями в Германии, ни искусством Вагнера, ни философией Шопенгауэра, – но давалось мне это тяжело и временами доводило меня до болезни.

26 [452]

Я никого не хочу уговаривать заняться философией: необходимо и, может быть, даже желательно, чтобы философ был *редким* растением. Для меня нет ничего отвратительнее, чем наставительное восхваление философии, как у Сенеки или даже у Цицерона. У философии мало общего с добродетелью. Да будет мне позволено сказать, что и человек ученого склада в чем-то очень существенном отличается от философа. Мне лишь хочется, чтобы истинное понятие философа в Германии не исчезло окончательно. В Германии и так много половинчатых существ разного рода, которые хотели бы прикрыть этим благородным именем свою несостоятельность.

26[453]

Чтобы оценить, чего *стоят* вещи, недостаточно знать их, хотя и это необходимо. Нужно иметь *право* признавать за ними ценность, *право* наделять ценностью и лишать ее, надо *быть* тем, кто *вправе раздавать ценности*. Отсюда многочисленность нынешних *«объективных»*: они слишком скромны и честны, чтобы отспорить это право.

26 [454]

Виктор Гюго: богат, чрезмерно богат на живописные фантазии, *смотрит на все видимое глазами художника*, без вкуса и дисциплины, плосок и демагогичен, рабски преклоняется перед любым звучным словом, льстит народу, обращаясь голосом евангелиста ко всем униженным, неудавшимся, угнетенным, но не имеет представления об интеллектуальной совести и благородном величии. Его талант действует на французов, как алкогольный напиток, который пьянит и *оглупляет* в одно и то же время. В ушах звенит, когда раздается его оглушающая болтовня: мучаешься так, словно едешь в поезде по темному туннелю.

Флобер: ложная ученость. Эмфаза.

О *Россини*: с ним не мог сравниться ни один артист, когда он пел «Севильского цирюльника». Один из самых остроумных людей.

26 [455]

«Высокопарные слова, чудовищные события – нарастают. А ведь в варварские, невежественные, абсурдные столетия всегда существовала некая компенсация благодаря нескольким безусловно великим личностям. Теперь стремительное и глубокое nivellement[1] всех умов».

26 [456]

В то, что бифштекс должен быть лишь видимостью, но при этом и вещью самой по себе, чем-то вроде абсолюта или бога, пусть верит тот, кто – – –

26 [457]

Бисмарк: крестьянин, студент-корпорант, никакого добродушия, никакой наивности, слава богу! Не типичный немец «как в книге»!

26 [458]

Как же я смеюсь над Флобером, с его яростью против буржуа, который за кого только себя не выдает! И над Тэном в роли М. Грэндоржа, который хочет быть совершенно светским человеком, знатоком женщин и т.д.!

26 [459]

Мое стремление воспитать в себе недоверие, μέμνησο ἀπιστεῖν[2] – тоже нечто, достойное осмеяния!

26 [460]

Проблема: такие ценности, как «добрый», «злой», «достойный похвалы» и т.п., заучиваются. Но такие, как «трусливый», «мужественный», «мерзавец», «терпеливый», даются от рождения или присваиваются. Вследствие этого

1 нивелирование (*фр.*)

2 привычку не верить (*древнегреч.*)

учиться и *научаться* – *разные вещи*: один человек принимает все, что дают, другому надо что-то навязать, третий идет на уступки, подражает, как обезьяна. У некоторых много внутреннего сопротивления; я, к примеру, часто добровольно *притворялся*, будто принимаю что-либо, но сам лишь *откладывал* свое решение: это было нечто «временное», «предварительное». В глубине души я ни во что такое не верил. Я не знал ни одного человека, которого в *самых общих суждениях* я воспринимал бы как *авторитет*, хотя у меня была глубокая потребность в таком человеке.

26 [461]

Безобразные проделки Канта с его «явлением». И где он не находит объяснения, там пускает в дело *способность*! Именно с этого прецедента берет свое начало великое мошенничество Шеллинга.

26 [462]

Достаточно большое число высших и хорошо подготовленных людей, я надеюсь, в конце концов настолько преодолеет себя, что избавится от дурного вкуса в манерах и от сентиментального мракобесия и в той же мере <восстанет> против Рихарда Вагнера, как и против Шопенгауэра. Эти немцы портят нас, они льстят нашим наиболее опасным склонностям. В Гёте, Бетховене и Бисмарке приуготовлено более сильное будущее, нежели в этих типах, свидетельствующих о вырождении расы. У нас до сих пор не было философов.

26 [463]

Корсиканцы не отличаются любезностью; это злит принадлежащего к стаду.

26 [464]

Когда Кант захотел свести философию к «науке», эта воля была проявлением немецкого филистерства; и хотя многое в этом достойно уважения, но, без сомнения, еще большее заслуживает осмеяния. Поэтому французские «позитивисты», или «философы действительности», или «философы науки» в нынешних немецких уни-

верситетах совершенно правы, когда ведут себя как рабочие от философии, как ученые на службе философии, – это вполне в порядке вещей. Как в порядке вещей и то, что они не видят дальше самих себя и тип «философа» придумывают по своему подобию.

26 [465]

Полдень и вечность.

Философия вечного возвращения.

Сочинение
Фридриха Ницше.

26 [466]

Adventavit asinus
Pulcher et fortissimus[1].
Мистерия.

26 [467]

По ту сторону добра и зла.
Письма к другу-философу *Сатису.*
«Satis sunt mihi pauci, satis est unus, satis est nullus»[2].
Сочинение
Фридриха Ницше.

26 [468]

Что есть благородство?
Мысли о ранговом порядке людей.
Сочинение
Фридриха Ницше.

26 [469]

Но *его* я не знаю. Поистине, часто мне хотелось бы верить, что и он всего лишь прекрасная личина святого.

---

1 Приближается осел / прекрасный и сильный (*лат.*)

2 Мне достаточно немногих, достаточно одного, достаточно ни одного (*лат.*)

27. Лето–осень 1884

27 [1]

Размышления о проблеме «свободы и несвободы воли» привели меня к решению, основательнее и окончательнее которого нельзя себе даже представить, а именно к устранению этой проблемы вследствие достигнутого мной понимания: *не существует никакой воли, ни свободной, ни несвободной.*

27 [2]

В известных условиях за мыслью следует действие: вместе с мыслью возникает аффект приказывающего – ему принадлежит чувство свободы, которое обычно вкладывают в понятие «воля» (хотя оно всего лишь явление, сопутствующее «волению»)

27 [3]

Все физиологические процессы одинаковы в том, что они суть проявления силы; достигнув sensorium commune[1], они ведут к известному возвышению и укреплению, которые – в сравнении с подавляющими, гнетущими состояниями принуждения – истолковываются как чувство «свободы».

27 [4]

Самопреодоление, требуемое исследователем от себя в сфере морали, означает, что он не относится предвзято к состояниям и поступкам, которые научился почитать; пока он остается исследователем, «его почитающее сердце» должно быть «разбито».

---

1 общего чувствилища (*лат.*)

27 [5]

Кто осознал условия, в которых появилась та или иная морал<ьная> оценка, тот еще не подошел к пониманию ее значения: многие полезные вещи и важные открытия были сделаны ошибочными, методически неверными способами; любое качество еще не познано, даже если известно, в каких условиях оно возникает.

27 [6]

В основу всякого утилитаризма положен знакомый вопрос: *для чего* это полезно? (Я имею в виду счастье, точнее, счастье по-английски, известное своим comfort[1] и fashion[2], хорошим самочувствием, *ἡδονή*[3]; т. е. это замаскированный, прикрытый лицемерием гедонизм.) Но ведь пока еще не доказано, что хорошее самочувствие, благополучие «сами по себе» являются в жизни общества целью, а не средством. Личный опыт учит, что большое значение имеют периоды несчастья, – и точно так же обстоит дело с периодами несчастья у народов и всего человечества.

страх и ненависть к *боли* вульгарны.

27 [7]

Чувство возникает только при известной силе раздражения; это момент, когда центральный орган констатирует отношение этого раздражения к организму в целом и *доводит* до сознания в виде «удовольствия» или «боли», стало быть, это *продукт* интеллекта, так же как и цвет, звук, тепло и т.д.

27 [8]

Человек как многообразие: физиология дает лишь приблизительное представление об удивительном соотношении между этим многообразием и соединением частей в единое целое. Но было бы неверно по государству выносить суждение об абсолютном монархе (единство субъекта)

---

1 комфортом (*англ.*)

2 манерами (*англ.*)

3 удовольствием (*древнегреч.*)

27 [9]

Есть много *понапрасну растраченного* несчастья – подобно тому как большая часть солнечного тепла теряется во Вселенной

27 [10]

Неординарный человек благодаря несчастью узнает, сколь мало значат достоинство и порядочность тех, кто судит о нем. Они лопаются, когда ранят их тщеславие, – и на поверку оказываются нетерпимыми, ограниченными скотами.

27 [11]

Душевное величие неотделимо от величия духа. Ибо оно включает в себя независимость; но без духовного величия величие души недопустимо, оно творит бесчинства, даже когда делает добро и восстанавливает «справедливость». Нищие духом должны *повиноваться* – следовательно, не могут обладать *величием*.

27 [12]

Бессмысленно быть твердым, как стоик: из-за нечувствительности человек отделяется от себя самого. Нужно иметь в себе противоречие – мягкую чувствительность *и* противостоящую ей силу, которая позволяла бы не истекать кровью и всякое несчастье пластично «обращать к лучшему».

27 [13]

«Душевное здоровье» – понятие более полное, нежели счастье, о котором болтают моралисты. Под этим понимается вся душа в целом – желающая, созидающая, чувствующая, – и ее здоровье, а не только такое побочное явление, как «счастье» и т.п. – Жажда «счастья» характерна для наполовину удавшихся или неудавшихся, бессильных людей: все остальные думают не о «счастье», а о том, чтобы дать *выход* своей силе.

27 [14]

«Свободная или несвободная воля».

Неэгоистичные поступки.
«Все дозволено» (например государству)
Тартюфство в Европе.
Религиозный аффект.
Высочайшее чувство силы до сих пор.
«Наука» как средство мыслить экономически
Ценности, до сих пор становившиеся суверенными.
Полезность «добрых». (Стадные животные)
Физиология морали.

27 [15]

«Люди равны», «благополучие общины важнее благополучия отдельного человека», «благополучие отдельного человека необходимым и наилучшим образом способствует благополучию общины», «чем лучше живется отдельному человеку, тем выше общее благополучие» – вот общепринятые, идущие из Англии ограничения. В этих словах и понятиях выражает себя стадный инстинкт.

Христианство, наоборот, учило, что жизнь есть испытание и воспитание души и что во всяком чувстве благополучия кроется опасность. Оно понимало *ценность зла.*

27 [16]

Я учу, что существуют высшие и низшие люди и что отдельный человек при известных обстоятельствах может оправдать существование целых тысячелетий; я имею в виду полноценного, богатого, великого, цельного человека в сравнении с бесчисленными неполноценными людьми-обломками.

27 [17]

Я учу, что стадо стремится сохранить только один тип и ограждает себя как от вырождающихся экземпляров (преступников и т.д.), так и от тех, кто над ним возвышается. Стадная тенденция направлена на застой и сохранение, в ней нет ничего созидающего.

27 [18]

Приятные чувства, которые внушает нам добрый, благоволящий и справедливый (в отличие от напряже-

ния и страха, которые вызывает новый великий человек) суть *наши* личные чувства безопасности и равенства: тем самым стадное животное прославляет свою стадную природу и чувствует себя прекрасно. Это чувство собственного благополучия маскируется высокими словами – так возникает «мораль».

Но при этом наблюдается *ненависть стада* к говорящим истину –

27 [19]

Самая недвусмысленная *воля* (в виде приказа) есть лишь неопределенная абстракция, включающая в себя бесчисленное множество отдельных случаев и, следовательно, бесчисленное множество путей к этим отдельным случаям. Что же приводит к *выбору* одного случая, который и происходит? На самом деле для его осуществления нужны бесчисленные индивиды, находящиеся – когда отдается приказание – во вполне определенном состоянии: они должны понимать не только приказание, но и свою специфическую задачу при его выполнении, т.е. приказания должны отдаваться (и выполняться) снова и снова вплоть до мельчайших подробностей, и только когда приказание расчленено на бесчисленное количество мелких вспомогательных приказов, может начаться движение, *исходящее от последнего, самого незначительного* исполнителя; иными словами, *происходит поворот*, как бывает, когда во сне услышишь орудийный выстрел.

Здесь заложена предпосылка того, что весь организм мыслит, что все органические образования принимают участие в мышлении, чувствовании, волении – и, следовательно, что мозг всего лишь огромный аппарат централизации.

27 [20]

Искать счастья? Это не для меня. Делать счастливыми? Но у меня так много *более важных дел.*

27 [21]

При чувстве *удовольствия и неудовольствия* этот факт сначала сообщается нервным центрам, там определяется

ценность факта (травмы), после чего боль связывается с тем местом, где возникла травма; таким образом, на этом месте фиксируется внимание *сознания* и, в зависимости от силы и качества боли, принимается решение, как быстро следует оказать помощь. Как быстро это происходит! Ведь встречные движения, например когда человек оступится, исходят из сознания только вследствие волевого акта и должны сначала установить все отдельные приказы: лишь тогда происходит порядок движений в обратном направлении!

Итак: для любого *удовольствия и неудовольствия* необходимо мышление (даже если оно не осознается), а поскольку этим дается повод для обратных действий, необходима также и *воля*.

27 [22]

Если человек никогда не думал ни о деньгах, ни о чести, ни о пользе от связей с влиятельными людьми, ни о должностях, – может ли он знать людей?

27 [23]

Заратустра 1. Все виды высших людей и их подавленность и упадок (отдельные примеры, в том числе Дюринг, обреченный на гибель в изоляции) – в целом *судьба высших людей* нашего времени, то, каким образом они *обречены на вымирание*: словно громкий крик о помощи, обращенный к ушам Заратустры. Все виды безумного вырождения высших натур (например нигилизм) подступаются к нему.

Заратустра 2. «Учение о вечном возвращении» – прежде всего уничтожающее более благородных, мнимое средство их искоренения, ибо остаются более мелкие, менее чувствительные натуры? «Это учение нужно подавить, а Заратустру убить».

Заратустра 3. «Я дал вам самую трудную мысль; быть может, человечество погибнет от нее, быть может, оно возвысится, преодолев и отбросив враждебные жизни элементы». «Не на жизнь надо злиться, а на *вас*!» Предназначение высшего человека как созидающего. Органи-

зация высших людей, воспитание будущих *властителей* – тема Заратустры 3. Ваша сверхсила возрадуется себе самой, властвуя и созидая. «*Вечно возвращается* не только человек, *но и сверхчеловек!*»

27 [24]

Свобода и чувство власти. Ощущение игры при преодолении больших трудностей, например, виртуозом; уверенность в себе самом, в том, что за волей последует в точности соответствующая акция, – в этом есть своеобразный *аффект высокомерия*, высший суверенитет *повелевающего*. При этом должно быть и чувство сопротивления, давления. В то же время, возникает *иллюзия* относительно воли: не воля преодолевает сопротивление – мы синтезируем 2 одновременных состояния и приводим их к *единству*. Воля как вымысел:

1) верят, что она сама движет, в то время как она лишь раздражитель, с появлением которого начинается движение
2) верят, что она преодолевает сопротивление
3) верят, что она свободна и независима, так как ее происхождение скрыто от нас и ее сопровождает аффект повелевающего
4) поскольку чаще всего *хотят* только тогда, когда можно *ожидать* успеха, то «необходимость» успеха приписывается воле как ее *сила*.

27 [25]

Наслаждение как ощущаемый *прирост* чувства силы.

Наслаждение и боль суть разные, но не противоречащие друг другу вещи.

27 [26]

Многообразие побуждений: мы обязаны предположить наличие *повелителя*, но он обитает *не* в сознании, сознание всего лишь орган, как и желудок.

27 [27]

Тело помогает нам познать человека как множество живых существ, которые частью борются между собой,

частью распределяют обязанности и повинуются друг другу; утверждая свое отдельное существование, они невольно утверждают и целое.

Среди этих живых существ есть такие, которых можно в большей мере отнести к повелевающим, нежели к повинующимся; среди них тоже идет борьба и бывают победы.

Человек в целом содержит в себе все свойства органического, которые отчасти остаются для нас неосознанными, <в то время как другая их часть> осознается в виде *инстинктов.*

27 [28]

Различное чувство ценности, с которым мы отделяем эти инстинкты друг от друга, есть следствие их большей или меньшей значимости, их истинного рангового порядка с точки зрения нашего сохранения.

27 [29]

В зависимости от окружения и условий нашей жизни какой-то инстинкт выступает как наиболее ценный и господствующий; мышление, воление и чувствование становятся прежде всего его инструментом.

27 [30]

Если абсолютным условием существования человека является общность, то сильнее всего в нем развивается тот инстинкт, благодаря которому сохраняется общность. Чем человек независимее, тем сильнее хиреют стадные инстинкты.

27 [31]

NB. При определенных изменениях *количества* возникает то, что мы воспринимаем как разное *качество.* Точно так же обстоит дело и с моралью. Здесь возникают побочные чувства *благотворного,* полезного у того, кто воспринимает человеческие свойства с точки зрения их *количества;* когда они удваиваются, утраиваются, он начинает их бояться - - -

27 [32]

Ценность действия зависит от того, кто его совершает и от его основательности или поверхностности, то есть от того, насколько глубока его индивидуальность.

27 [33]

Ценность действия можно определить в том случае, если поддается пониманию сам человек, – что в общем и целом не признают.

27 [34]

Мы и в отношении самих себя судим о происхождении действия по знакам: таковыми являются наши предшествующие действию аффекты, образцы, цели и т.д.

Часто случается, что действие совпадает с целью, однако цель при этом является не причиной, а следствием тех же самых процессов, которые и вызвали действие.

27 [35]

Наше *поле деятельности* во имя будущего человечества лежит там, где все находится в еще не оформленном состоянии.

27 [36]

Естественные науки хотят своими формулами научить, как *победить* силы природы; они не хотят поставить на место эмпирически-чувственного восприятия «более истинное» (как метафизика).

27 [37]

Основание морали.

Предрассудки стада. Предрассудки могущественных. Предрассудки независимых.	никакого *лицемерия* совести

Познаваемость человека.
Ранговый порядок инстинктов
О воле.
«Неэгоистическое».

Наказание и поощрение.
Высшие и низшие люди. Ранговый порядок.
«Человечество» и мнимая полезность добрых.
«Цель».
Религиозный аффект и мораль.
Физиология морали.
Современность
Права и обязанности.
Половое влечение
Храбрость
Верность.

27 [38]

Всякая жизнь зиждется на ошибке – почему *возможна* ошибка?

27 [39]

Человек недостаточно добр для эпохи воздухоплавания, когда упраздняется непроизвольный взаимный надзор за ближним

27 [40]

Удобство, безопасность, робость, лень, трусость – вот то, что пытается отнять у жизни ее *опасный* характер и хотело бы все «организовать»: тартюфство экономической науки

Растение под названием человек лучше всего произрастает там, где велика опасность, в условиях неуверенности; правда, большинство людей в этом случае погибают.

Наша позиция в мире познания довольно неуверенна: всякий высший человек чувствует себя *авантюристом*.

27 [41]

Желание вырваться из мира перспектив грозит гибелью. Но и попытки *отменить* великие, уже усвоенные иллюзии разрушают человечество. Нужно одобрить и принять много ложного и дурного.

27 [42]

1) О *притворстве* перед «равными себе» как источнике стадной морали.

Страх. Желание, чтобы тебя поняли. Чтобы приняли за равного.

Уравнивание – источник стадного животного. (В этом смысл традиций, нравов.) До сих пор всеобщее лицемерие

Мораль как наряд и украшение, как *маскировка* стыдящейся самой себя натуры.

2) О заискивании перед могущественными как источнике рабской морали (смысловая близость между заискиванием, почитанием, преувеличением, низкопоклонством и самоуничижением):

– применительно к стаду – идеальное животное (*равное*)

– применительно к могущественным – самый почитаемый и полезный *инструмент* (рабский), «не равный»

(Это порождает двойное лицемерие)

27 [43]

Высший человек и стадный человек

Когда отсутствуют великие люди, из великих людей прошлого делают полубогов или даже богов; появление религии доказывает, что человек уже не получает *удовольствия* от человека (и, вместе с Гамлетом, «от женщины тоже»). Или: сгоняют массу людей в одну кучу, называют парламентом и хотят, чтобы они действовали, как тираны.

27 [44]

«Тирания» – дело великих людей: они *оглупляют* тех, кто мельче их.

27 [45]

Лучше жить в опасности, с оружием наготове, чем среди этого трусливого взаимного дружелюбия стада!

27 [46]

Все люди, от которых до сих пор что-либо зависело, были злыми.

27 [47]

У философов нужно обращать внимание на то, что за ними кроется некое отвращение, пресыщенность, например у Канта, Шопенгауэра, индусов. Или воля к господству, как у Платона.

27 [48]

Наблюдение за становлением показывает, что обман и желание обманываться, *неискренность* являются условиями существования человека; когда-нибудь этот покров нужно будет сорвать.

27 [49]

Необходимость образования стада объясняется страхом (более слабых?): благожелательные чувства при соприкосновении с ближним, когда он не вредит и не угрожает, а демонстрирует свою «доброту»

27 [50]

Развитие *лукавства*, строптивости в познании.

27 [51]

Ложное истолкование материнской любви теми, кто извлекает из этого пользу, – и самими матерями.

27 [52]

Тигр, совершающий неловкий прыжок, стыдится самого себя.

27 [53]

Удовольствие – чувство относительное, связанное с различными степенями неудовольствия и, следовательно, с воспоминанием и сравнением!

27 [54]

Благоволение на первой ступени: нежелание причинить боль.

27 [55]

Какая благодать, что столь многое в природе поддается исчислению и вычислению, – что наш ограниченный, искажающий человеческий разум предписал не все законы - - -

27 [56]

Мораль с точки зрения притворства (уравнивания), лукавства и лицемерия («*не* дать себя познать») – как искажение душевного состояния (самообладание), чтобы пробудить недоразумение;
с точки зрения украшения, маскировки, прихорашивания, лести;
с точки зрения самообмана с целью почувствовать себя в безопасности;
с точки зрения самопрославления с целью внушить страх;
с точки зрения внутреннего неблагополучия и неудавшейся жизни с целью отомстить – частично себе, частично другим;
с точки зрения безусловно повелевающего или повинующегося;
с точки зрения отделяющегося одиночки;
с точки зрения укрощения, часто непреднамеренного;
с точки зрения *воспитания* определенного вида человека (законодатели и князья как воспитатели, а также общественное мнение).

По ту сторону добра и зла: для воспитания *властных* натур, которые должны исполнять самые высокие обязанности.

27 [57]

Дву*смысленность* одного органа в соответствии с дву*смысленностью* целого –

27 [58]

Вечное возвращение.

Пророчество.

Первая часть. Самая трудная мысль.
Вторая часть. По ту сторону добра и зла.
Третья часть. Человек и сверхчеловек.

27 [59]

В отличие от животного человек воспитал в себе множество *противоречивых* инстинктов и импульсов и благодаря этому синтезу стал властелином земли. Разные морали суть выражение локально ограниченных ранговых порядков в этом многообразном мире инстинктов, поэтому человек не погибает от того, что они *противоречат* друг другу. Стало быть, один инстинкт преобладает, а противоположный ему инстинкт ослаблен, утончен, он подает *сигнал* к деятельности главного инстинкта.

Высший человек будет обладать величайшим многообразием инстинктов относительно большой силы, которую еще можно вынести. В самом деле: там, где растение «человек» проявляет себя особенно сильно, встречаются мощно *противодействующие* друг другу, но укрощенные инстинкты (например у Шекспира).

27 [60]

Воспитание добродетелей властителя, повелевающих даже его собственным доброжелательством и состраданием, – великих культивирующих добродетелей («прощать врагам своим» по сравнению с этим – детская игра), способных *возвысить аффект созидающего*: больше не обрабатывать резцом мрамор! Исключительное положение таких людей и наделение их большей, по сравнению с нынешними князьями, властью: римский цезарь с душой Христа.

27 [61]

NB. Знания об условиях возникновения еще *недостаточно* для познания того, что возникло! Этот принцип пригоден как для химии, так и для органического.

27 [62]

NB. О поверхностности духа! – Нет ничего опаснее для духа, чем самодовольное «созерцание собственного пупа», как у брахманов.

27 [63]

NB. Всякое чувственное восприятие, все ощущения изначально соотнесены с удовольствием или неудовольствием органических существ: зеленый, красный, твердый, мягкий, светлый, темный имеют *определенное значение* применительно к условиям их существования (т.е. к органическому процессу). В действительности многие из них *стали* «равнодушными», т.е. не испытывающими ни удовольствия, ни боли: подоплека их удовольствия или неудовольствия со временем поблекла. Но у художников она снова заявляет о себе! Точно так же все формы и образы первоначально имели какое-то значение для живого существа, ощущающего удовольствие или неудовольствие (они означали опасность, отвращение, нечто приятное, уверенность, дружбу, мир). Я полагаю, определенные *оценки*, определенные представления о пользе или вреде заключены во всех ощущениях, например, они еще очевидны в отвращении. Удовольствие и неудовольствие как *склонность* или *антипатия*?

27 [64]

Мы *ощущаем* в вещах только то, что *имеет* (*или имело*) к нам какое-то *отношение*: весь органический процесс привносит в нас свой результат. «Опыт» есть результат всех тех *реакций*, когда мы реагировали на нечто вне нас или в нас. – Мы *сплавили* наши *реакции* воедино *с предметом*, который на нас воздействовал.

27 [65]

Распространенные ошибки: мы предполагаем, что *воля* открывает возможность для многочисленных и сложных натренированных движений. Повелевающий *путает* себя со своими повинующимися инструментами (и с их волей)

27 [66]

Разве везде все не происходит наоборот, например при игре на рояле: сначала воля, потом соответствующее распределение обязанностей между подчиненными волями, потом *начинается* движение с последней, самой нижней группы – с наиболее грубого механизма – и восходит к тончайшим осязательным нервам?

Кстати: аккорд, сила, выражение, все должно уже присутствовать *заранее*, должно присутствовать *повиновение* и *возможность* повиноваться!

27 [67]

К плану

(Мы в находимся в процессе установления *фактов*)

Описание, не объяснение (например морфология как описание последовательности)

Конечный замысел такого описания: практическое подчинение во имя будущего.

Предварительные люди и методы – авантюры (в самом деле, все в истории – лишь попытки)

Подобная предварительная концепция для достижения высшей силы есть *фатализм* (ego[1] – фатум) (самая крайняя форма: «вечное возвращение»)

Чтобы выносить его и не стать оптимистом, необходимо *устранить* «добро» и «зло».

Мое первое решение: трагическое *наслаждение* гибелью высшего и лучшего (оно воспринимается как ограниченное относительного целого); однако оно – мистическое предчувствие еще *более высокого* «добра»

Мое второе решение: высшее добро и высшее зло совпадают.

27 [68]

Оттого, что я показываю субъективное происхождение, например, пространства и т.д., суть дела не опровергается и не доказывается. Против Канта – –

---

1 я (*лат.*)

27 [69]

К ощущению *относится продолжительность*: время есть «вещное время» <«Sach-Zeit»>, оно каузально - - -

27 [70]

Самое сложное содержит в себе больше поводов для доверия, чем простое (например духовное). Тело как путеводная нить.

27 [71]

Заратустра 1. Заратустра среди зверей, говорит со своими посетителями; теория морали с зоологической точки зрения.

Заратустра 2. Высший фатализм все же идентичен *случаю* и *творческому моменту*. (Не порядок ценностей *в* вещах! Сначала нужно создать.)

27 [72]

Если кто-то, опираясь на язык и историю, станет обосновывать возникновение взглядов человека на *питание* и представлять генезис и ход этих «ценностных суждений», – он абсолютно ничего не скажет о **ценности** *питания* для человека. Тем самым вряд ли будет дана и критика действительных видов питания в истории. Точно так же обстоит дело и с моралью: нужно описывать возникновение моральных суждений, но тем самым *действительное* поведение человека, история его морали не будут описаны и еще в меньшей степени подвергнуты критике. Но менее всего *ценность поступков* вообще будет определена тем, что описывает *история суждений о поступках*. - - -

27 [73]

душевные чувства – телесны (сопутствующие и последующие состояния); боль телесна.

27 [74]

Всякий метафизический и религиозный образ мыслей я рассматриваю как следствие неудовлетворенности *в человеке* влечения к высшему, сверхчеловеческому будущему: люди хотят найти для *себя* спасение в потустороннем

мире, вместо того чтобы создавать будущее. *Недоразумение высших натур, страдающих от уродливого образа человека.*

27 [75]

Дюринг поверхностен, ему всюду видится испорченность; я же вижу другую опасность для этого столетия, великую посредственность: никогда еще не было так много *законности* и *добропорядочности*.

27 [76]

О неискренности философов, *выводящих* то, что они изначально считают добрым и верным (тартюфство, например у Канта: практический разум)

27 [77]

Я хочу пробудить высшее недоверие к себе: я говорю только о том, что *пережил*, и описываю не только то, что происходит в голове.

27 [78]

Недоразумение моей молодости: я еще не до конца освободился от метафизики – но во мне жила глубочайшая потребность в *ином образе человека*. Вместо греховности я переживал *значительно более полный* феномен: я прозревал убожество всякого современного довольства.

«выводить на свет все ложное в вещах». С. 49.
– я как серьезный *продолжатель* шопенгауэровского пессимизма.

27 [79]

Новое Просвещение.

1. Обнаружение *основных заблуждений* (за которыми стоят трусость, лень и тщеславие человека), например в отношении чувств (и тела)

заблуждения чистых духом
каузальность
свобода воли
зло
зверь в человеке.

Мораль как обуздание

Ложное понимание действий «из мотивов»

Бог и потусторонний мир как ошибки созидательного порыва

«чистое познание». «Инстинкт истинности»

«гений»

Общее ощущение: вместо греховности – *неудавшийся во всех отношениях человек*

2. Вторая ступень: обнаружение *творческого инстинкта*, в том числе в его укрытиях и вырождениях

(«Наш идеал не *этот* идеал». Тэн, «Англ<ийская> л<итература>» 3, с. 42.)

Дух Гегеля – *воля* Шопенгауэра

Скрытые *художники*: религиозные законодатели, государственные деятели как *преобразующие* силы. Предпосылка – их творческая *неудовлетворенность*, их *нетерпение*: вместо того, чтобы *продолжать* работу над формированием человека, они из *великих людей прошлого* создают богов и героев

3. *Преодоление человека.*

новое восприятие религии

моя симпатия к благочестивым: их недовольство **собой** есть *первая* ступень –

самопреодоление как ступень преодоления человека

27 [80]

Вечное возвращение.

Прорицание.

Большое предисловие.

Новое Просвещение: старое было в духе демократического стада. Всеобщее уравнивание. Новое хочет указать путь господствующим натурам – до какой степени им *позволено все то*, что запрещено стадным существам:

1 Просвещение касательно «истины и лжи» в живом.

2 Просвещение касательно «добра и зла»

3 Просвещение касательно формирующих и преобразующих сил (скрытые художники)

4 Самопреодоление человека. (Воспитание высшего человека)

5 Учение о вечном возвращении как *молот* в руках *могущественнейших* людей – – –

27 [81]

Разве искал когда-нибудь человек на пути истины так, как это делаю я, – вопреки всему, противореча тому, что приятно моим ближайшим чувствам? И – – –

27 [82]

Вечное возвращение.

Первая часть. Новые истинные.
Вторая часть. По ту сторону добра и зла.
Третья часть. Скрытые художники
Четвертая часть. Самопреодоление человека
Пятая часть. Молот и великий полдень.

28. Стихотворения и фрагменты стихотворений. Осень 1884

28 [1]

Посвящается всем созидающим

Будем от мира
Неотторжимы!
Вечно мужское
Влечет нас к нему.

28 [2][1]

Нынче всякий горб стремится
Поскорее распрямиться.
Всяк христианин без страха
Затевает шахер-махер.
И уже не отвертеться
Нам от главного конфуза:
Всё поверхностнее немцы,
Всё глубиннее – французы!

28 [3]

Солнечная злость

Когда яснеет воздух,
когда роса отрадой
на землю ниспадает –
незримо, так неслышно – ах, нежны башмачки
росы-отрады, как у отрадно-кротких –

1 Пер. И. Эбаноидзе.

ты помнишь ли, ты помнишь, сердце, дни,
когда алкало ты
небесных росных капель,
палимое, алкало ты,
пока по мягким тропам трав
молчаливо вечерние взоры солнца
сквозь мрак деревьев пробегали,
злобные палящие взоры,
и молча солнце спрашивало так:
«Что носишь ты, паяц,
за порванную маску?
Божественную маску? У кого
С лица сорвал ее ты?
Не стыдно ли, живя среди людей,
Высматривать богов ревнивым взором?
И уж не первый раз!

Ты истины жених? – (Тут застонал я). –
О нет! Поэт – и только!
Охочий до личин, ты, ряженый!
Богов обманщик под порванною маской!

Когда яснеет воздух,
когда серп месяца,
зеленый меж багрян,
завистливо скользит
– при каждом шаге тайно
срезая роз гирлянды,
пока не сникнут розы,
не сникнут розы бледно к склону ночи,
тогда краснеет он.
стоит, краснея,
стыдясь содеянного, – – –

28 [4]

Беда, в ком завелась пустыня! В ней
Все шире жажда смерти и сильней.
Пусть пальмы и ручьи там гнезда вьют –
Драконьи челюсти пустыни все сжуют,
Все перемелют жернова песка.

Прожорливая трудится тоска,
Здесь вечно трут
Без устали песчинки-зубы – – –
Драконьи зубы растирают в порошок,
Пустыни челюсти – – –
Пустыня – челюсть, частокол зубов
Дракона, что жевать без устали готов – – –
Пустыня – мать, грызущая детей,
Клыками в них впиваясь все больней – – –

28 [5]

Что, жало боли, ты творишь со мною?
Я небеса низверг и заменил,
Богам я пищу их пересолил,
Добавив перцу – сладить бы с тобою!
Я руки цепкие тебе укоротил
И коготкам кошачьим не дал ходу.
Я не стыдясь берег свою свободу
– – – узлом я закрепил
– – – [zaehmte
– – – Fell
– – – -eiben
– – – anbequemte
– – – schnell
– – – treiben]

28 [6]

Дерево осенью

Зачем вы, дурачье, меня встряхнули,
Во сне моей блаженной слепоты?
В страх и тревогу окунули,
Отторгнув от златой мечты?

Вы, носороги, вы, слоновьи туши,
Повежливей бы надо быть со мной!
А так пришлось в испуге мне обрушить
Плоды свои на вас лавиной золотой.

28 [7]

Замыслил на пути я к древним грекам
спасти *твой образ немца*, храбрый Зигфрид,
что Парцифаль обезобразил!

28 [8]

Рокочет глухо гром вдали,
И дождь все льет и льет.
Он, как педант, с утра болтлив –
Закрыть не может рот.
День на меня скосил глаза,
Мне лампу погасил!
О одиночество! О ночь!
О книги! О перо!
Все посерело, и невмочь...

28 [9]

И вот уж день
устал за этот день, а все ручьи тоски
о новом журчат утешенье,
и небеса, повиснув в паутине золотой,
всем утомленным молвят: «Отдохни», –
что ж ноешь ты, мрачное сердце,
и что тебя в нелегкий гонит путь?

Кого ты ждешь?

Ты, отчаявшийся, разве не знаешь,
сколько мужества внушаешь тем,
кто смотрит на тебя.

Что ж ноешь так ты? Куда бегу я?
И кого пасешь ты?
Пленников пасешь.
Как надежно таким беспокойным
хотя б и в тюрьме!
Как спокойно спят преступные души
в своем заключении –

И раз уж мышь родила гору –

Где ты, творящее?

О, согрейте, полюбите меня!
дайте горячие руки, –
льда моего не пугайтесь!
Так долго призраком на ледниках – – –

гонимый отовсюду, вихрем кружимый,
на зеркалах каких я не сидел –
на что не ложился густою пылью
самозабвенно,
преданнее пса.

Пещера, щель, что пеньем птиц ночных и ядами
напоена, и страхами.
И я один –.

Разбойники ночные! Ваш я!
Какого выкупа хотите вы?
Просите больше – так велит мне гордость.
Без лишних слов – так гордость мне велит.

Я замер в тишине,
На ложе растянувшись,
Как полумертвый, с хладными ногами,
– жуки меня боятся.

А вы? Натянутого лука не боитесь?
Беда, коль некто вложит в лук стрелу

28 [10]

Судьба послала мне награду.
Орел надежды взмахом крыл
Элладу новую открыл –
Чувств и души моей усладу.

Из пасмурной германской сини
С Шопеном, Моцартом, Россини
Орфей немецкий, вижу я,
Корабль свой повернул в эллинские края.

Так мчись скорее к южным берегам,
Где нимфы Греции играют на свирели,
Корабль желаний правь к блаженным островам.
Прекрасней не бывает цели...

Не сякнет дней моих струя,
Орел немало потрудился,
Хотя иной прогноз не сбылся.
Но сладкий звук услышал я,
Он, как стрела, настиг меня,
Он как с небес ко мне свалился,

Тот звук, которым умилился.

Вперед, в эллинские края
Корабль прекрасных муз веди, душа моя.

28 [11]

Артур Шопенгауэр

Его ученье устарело,
Но не стареет жизни дело:
Собой всегда он оставался
И никому не подчинялся!

28 [12]

1) О вы, разбойничьи мысли
И прилежанье прежнее,
Творенья муки...
2) Искать любви – и каждый раз лишь *маску*,
Проклятую *личину* находить –
И разбивать!

28 [13]

Любовь есть то, что в путь с собой зовет,
Так горячо желанная!

28 [14]

Овцы

Взгляните, вон орел! С тоской упрямой
он смотрит в пропасть, вниз,
в свою же пропасть, которая там
глубь за глубью все глубже змеится!
Вдруг с налету, стремглав,
крылья на срез, упав,
на добычу свою бросается.
Думаете, это лишь *голод*?
Потреба утробы?
Но это и не любовь –
Что для орла ягненок!
Он ненавидит овец!
Так бросаюсь я вниз
с тоской и страстью
на эти овечьи стада,
раздирая, кромсая в кровь,
смеясь над смирными,
ярясь на овечью глупость – – –

28 [15]

– узники богатства:
их мысли бряцают, как тяжкие цепи

28 [16]
Они придумали священную скуку
и жажду лунных суток и рабочих будней

28 [17]
Короче: дайте мне загадку,
иначе вы искушаете гордость моего духа.

28 [18]
Упрямые умы, ловкие и мелочные

28 [19]
Коровья благосклонность

28 [20]

Любя злых

Меня боитесь?
Боитесь вы натянутого лука?
Беда, если кто вложит в него стрелу!

Ах, друзья мои!
Где то, что называли добрым?
И где все «добрые»?
Куда ушла невинность всей этой лжи?

Что прежде в человеке видела
равно козла и Бога.

Поэт, что может лгать,
зная и волею позволяя –
лишь он может изречь истину.

«Человек зол» –
так говорили все мудрейшие
мне в утешенье.

грешно-здоров и прекрасен,
словно пестро-пятнистый хищник.

кто, словно кот или разбойник,
в пустыне как дома
и в окошко прыг.

что молчащим, холодным, гладким, стылым
делает, что – иконой и столпом,
что перед храмом выставляют
на обозренье всем
– добродетель – ?

28 [21]

Поборник правды? Видел ты его?
Холодный, гладкий, стылый,
иконой ставший и столпом, пред храмом

выставлен – скажи,
его ты ждешь так страстно?
Нет, масок ищешь ты
и шкурок радужных,
задор дикой кошки, что выпрыгнет в окно
в пустыню случая любого!
Нет, джунгли ищешь ты,
чтоб пить свой мёд,
грешно-здоровый и прекрасный,
как хищник пестро-пятнистый.

28 [22]

Уставшие от мира

Более мыслящие, более размысленные времена,
чем наши вчера и сегодня

не зная женщин, питаясь кое-как
и созерцая свой пупок,
немытые,
пахнущие скверно!
Так-то они выдумали себе божественное сладострастие

под небесами хмурыми,
где на врага обрушивают
тьму острых стрел и бьющих насмерть мыслей,
охаивали они счастливых.

ах, они любят! Но сами не любимы,
и рвут самих себя на куски,
ибо никто не хочет их обнять.

Вы, отчаявшиеся! сколько мужества
внушаете вы тем, кто смотрит на вас!

Вы даже мясо разучились есть,
заигрывать с женами, –
и лишь печали предаетесь сверх меры.

Как надежно беспокойным
хотя б и в тюрьме!
Как спокойно спят души
пойманных преступников!
От угрызений совести страдают
лишь совестливые!

28 [23]

По ту сторону времени

это время, как помешанная баба –
пускай она вопит, неистовствует, ругается, ломает
стол и бьет посуду.

гонимые, вихрем кружимые,
– на чем только не оседали вы,
на всех тщеславных зеркалах дремали
– пыль.

доводы делают таких недоверчивыми,
возвышенными жестами убеждают их

Назад! Не следуйте за мною по пятам!
Назад! А не то расшибете лбы о мою истину!

как у старческих народов,
мозг возбудим и срамные части

самозабвенно, преданнее пса

28 [24]

Около полуночи поднялся шум и крик
– он доносился из пустыни.

28 [25]

Похвала бедности

Узникам богатства,
чьи мысли брякают холодно,
словно цепи, – моя песнь.

28 [26]

О добрый час, что ждет меня теперь
О праздничный великий добрый час –
от севера до юга
божественные гости – чужие, незнакомые,
безымянные,
вы, царственно-божественные гости.
Со всех высот ко мне летят предвестья,
как ароматы,
как ветры, что предчувствием полны.
От севера до юга
в душе моей цветение весны.

Отшельник, ты не будешь одинок!

Час близок, праздничный великий звездный час –
прибудут гости в середине года,
я как любовник страстный, чья тоска
часы отсчитывает в нетерпенье,
мечусь, высматриваю, жду в блаженстве робком,
пока, зажатый в четырех стенах,
в случайный переулок не метнусь
– а ветер ночи все стучит в окно
и будит спящих ветками в цвету.

28 [27]

6. Поэт. Муки созидающего

Разбойники с большой дороги! Ваш я.
Вы выкупа хотите от меня?
Просите больше – так велит мне гордость – без лишних слов – другая гордость мне велит.
Люблю советовать – устаю немного.

Куда бежать мне?

Я замер в тишине,
на ложе растянувшись,
как полумертвый, с хладными ногами

– жуки боятся моего молчанья –
– я жду

Все по душе мне:
листва и трава, удача, счастье и дождь.

28 [28]
О приходе вашем
вашем приближеньи
– вы любите меня

Все ждут вас – всем поведал я
о вас

28 [29]
Вещи не сотворены
так, чтоб танцевать в них

как верблюды, вперевалку
идут мимо люди

28 [30]
Пещера, щель, что пеньем птиц ночных
Напоена, и страхами

28 [31]
Здесь я сидел и ждал – так выйди в свет!
Мнут нервно пальцы скомканный букет.
Стыдливо-любопытно с век моих
Катились слезы: кто же вызвал их!

Здесь – – –

Здесь я сидел, застыв, и ждал, любя,
Подобно озеру, которое – – –
И для того, кто чудо в водах зрит,
Слились фиалки, молоко, гранит.

28 [32]

1 *Красный лист*
Чтобы от меня не ускользнуло много хорошего и я не ушел, не поблагодарив
2 *Об утре.*
3 *Ускользнул из всех тюрем* (брак, должность, *местность* и т.д.)
4 *Южная музыка*
5 *О греках* (в сравнении с немцами)
6 *О христианах* (я не *нуждаюсь* в христианстве)
7 *Ненависть к англичанам* (в отличие от немцев и русских)
8 *Тоска по возвышенной душе*
9 *Жертва медовая* – благодарность
10 *Против* весны (насмешка)
11 Похвала воинственному духу, который готовит *меня*
12 *Самый серьезный* мальчик – о если бы *стать* ребенком, уже будучи взрослым!
13 О *Шопенгауэре* как о *юноше* в философии.
14 О Наполеоне (Корсика); где человек из гранита?
15 О *длинной лестнице.*
16 Со всеми *приветлив*, даже с травами.
17 Юмор того, кто **победил** *все.*
18 Язвительная песнь о *поверхностности* людей.
19 *Самый скрытный* (насмешка вечно замаскированного до неузнаваемости).
20 О сне (три часа ожидания, говорящие).
21 *Не* мученик! К тому же слишком *хитер* для этого, я ускользаю! (и мне было *хуже*, чем вам всем!)
22 *Добрый европеец.*
23 *Отъезд в полночь.*
24 *Calina*[1]: коричнево-красная, вблизи все слишком четко в разгар лета. Призрачно (моя *теперешняя* опасность!)
25 О Рихарде Вагнере.

---

1 любовь к богу (*лат.*)

28 [33]

«Полуденные мысли».

Сочинение Фридриха Ницше.

1 О Наполеоне (Корсика; где человек из гранита?).
2 О самой длинной лестнице
3 Со всеми приветлив, даже с травами.
4 Юмор того, кто победил все.
5 Язвительная песнь о поверхностности людей.
6 Самый скрытный (насмешка над вечно не замечаемым маскарадом)
7 О сне (три часа ожидания. Говорящие ему)
8 Не мученик! (К тому же слишком хитер для этого: я ускользаю. И все же мне было хуже, чем всем!
9 Добрые европейцы.
10 Отъезд в полночь.
11 Calina: моя нынешняя опасность, в разгар лета, призрачная, коричнево-красная, вблизи все слишком четко.
12 О Рихарде Вагнере
13 Красный лист (чтобы от меня не ускользнуло много хорошего и я не ушел, не поблагодарив.
14 Об утре.
15 Ускользнул из всех тюрем (таких, как должность, брак и т.д.).
16 О греках (против немцев)
17 Южная музыка
18 О христианах (я не *нуждаюсь* в вашем христианстве)
19 Ненависть к англичанам (в отличие от немцев и русских)
20 Тоска по возвышенной душе
21 Жертва медовая. Великое благодарение.
22 Против весны (насмешка).
Просьба о слепоте (к солнцу
23 Похвала воинственному духу – *меня* готовящему.
24 Самый серьезный мальчик (т.е. чтобы ты с возрастом становился *ребенком*!).
25 О Шопенгауэре (как о юноше в философии).

28 [34]

В прилежном я завидую усердью:
светло и мерно день его течет,
светло и мерно истекает,
уходит в море мрака, –
у ложа ждет его забвенье, расслабляя члены.

28 [35]

Ночами – что стучит в мое окно?

28 [36]

Жертва медовая.

Принесите мне мед, по-ледяному свежий золотой
сотовый мед!
Медом принесу я жертву всему, что одаряет,
Что независтливо, что добро, – возвысьте сердца!

28 [37]

Зовы герольда

богат духом,
создан из ничего и шутки

28 [38]

Ты, что завистливо в ночи следишь мое дыханье
и в сны мои прокрасться хочешь

28 [39]

«Когда-то» – как далеко теперь оно, как сладостно
одно лишь это слово,
«Когда-то» – словно заплутавший колокола звук,
день наступал, с ним труд, и лемех плуга,
и рёв быка – – –

28 [40]

О дети, что в лесу, смеясь, играют,
Не убегайте, нет! Меня обороните,
Затравленную спрячьте дичь.
Останьтесь, слышите! Кто те, что гонят

С утра меня по чащам заблуждений, –
Охотники? Разбойники? Иль мысли?
Пока не знаю,
Но видеть, как играют дети – – –

28 [41]
Прекраснейшее тело – лишь завеса,
скрывающая чудо, что внутри –

28 [42]
К Хафизу
Вопрос пьющего воду

Просторней и выше, чем всякий дом,
воздвиг ты себе трактир,
Вина, что ты наготовил в нем,
хватило б на целый мир.
Птица, что фениксом была,
давно у тебя гостит,
А мышь, что гору родила, –
это ты сам почти!
Ты все и ничто, трактир и вино,
феникс, гора и мышь,
В себя ты падать привык давно,
но вечно все ввысь летишь.
Ты горних высей голубизна
и бездн глубочайших дно.
Ты хмель для всех, кто пьян без вина,
зачем же *тебе* – вино?

28 [43]
Однажды, робости полна,
Сказала мне одна из дев:
«Ты счастлив трезвый, без вина,
Каким же станешь, опьянев!»

28 [44]
Коль смеяться не умеешь, не берись за книгу эту!
Кто здесь смехом не зальется, того «черт сживет
со свету!»

28 [45]

Немецким ослам.

В этом духе заурядном,
Альбиона сыне хладном
Вы «философа» нашли?
Дарвин рядом с Гёте – что вы!
Оскорбить певца готовы?
Majestatem Genii[1]!

Средь посредственностей главный –
Вот кто этот мастер славный,
И склоняться перед ним?
Возвышать его безмерно –
Это ж – – –

28 [46]

Браво, англичане, браво,
Дарвину почет и слава,
Для него скоты лишь вы!

Вознесли его вы смело,
А всего-то и умел он
Разводить скотов земли.

Дарвин рядом с Гёте – что вы!
Оскорбить *кого* готовы –
Majestatem genii!

28 [47]

При виде шлафрока.

Хоть в неряшливой одежде,
Но умнел ведь немец прежде.
Что же нынче стало с ним?
Он в мундире щеголяет,
Но свой разум оставляет
Бисмарку и иже с ним!

---

1 величие гения (*лат.*)

28 [48]

Рихарду Вагнеру.

От уз любых ты истово страдал,
Мятежный дух, свободы ты искал,
Торжествовал всегда, судьбой утешенный.
Но презираем многими, отверженный,
Ты от *креста* в зависимость попал –
И вот бальзам на сердце ядом стал,
Теперь и ты! И ты – кумир поверженный!

Спектакль сей долго я смотрел,
Вдыхая запах зла, неволи, тлена,
Что с ладаном смешался постепенно,
Пока мной страх не овладел.
Подбросив вверх колпак, я вырвался из плена,
Танцуя, я сбежать успел – – –

28 [49]

Спинозе.

Любя свой постулат «Един во всем»,
Постигнув amor dei[1] преданным умом,
Перед страной святой благоговея,
Ты под любовью ненависть скрывал,
Тебя пожар отмщенья пожирал –
Месть иудея богу-иудею! –
Отшельник, я тебя познал?

28 [50]

Ложным друзьям.

Украл, твои глаза не лгут.
Всего одну мыслишку? Плут!
К чему пустая скромность тут?
Хватай, что можешь – и капут.
Грабастай, только не ленись,
И жри, свинья, хоть подавись!

---

1 любовь к богу (*лат.*)

28 [51]

Тяжелый вздох в Риме.

Не тевтонцы – просто немцы мы. Наши нравы столь цивильны!
Только римского «святейшего» мы не любим так же сильно!

28 [52]

«Истинный немец».

«O peuple des meilleurs Tartuffes[1],
Тебе я верен, как всегда!» –
Изрек он, и не медля, лихо
В Космополь деру дал.

28 [53]

Новый Завет.

Это книга на века,
Только – вот так так! –
В ее первых же строках
Бог разрушил брак!

28 [54]

Загадка.

Кто отгадать загадку эту дюж?
«Жена *придумает*, зато *откроет* муж – –»

28 [55]

Отшельник говорит.

Иметь идеи? – Что ж! – они мое добро.
Но размышлять о них – увольте!
Кто этим занят – ими одержим.
Нет, им служить не стану никогда я.

---

1 О, народ лучших Тартюфов! (*фр.*)

28 [56]

Решение.

С чего я мудрым стать решил?
Иначе, знать, не мог.
Уж очень глупым сотворил
Сей мир премудрый бог.

И если путь мой пролегал
Зигзагом, кое-как –
Всяк мудрый этим начинал,
А завершал – дурак.

28 [57]

Волна набегает снова,
Ночь влюблена в свет –
«Хочу» – прекрасное слово,
«Люблю» – прекраснее нет!

Вечно ключи из недр бьют,
Вверх стремится вода:
Видно, бог начинал и тут?
Бог начинает всегда?

28 [58]

Странник[1].

Шагает странник по тропе
В ночной тиши,
И мир по капле льется вглубь
Его души:
И этот холм, и этот лог,
И поворот
С собой он в путь, еще неведомый, берет.

Вдруг слышит рядом птичье пенье:
«Ах, птичка, что за наважденье?
Зачем поешь ты сладко так,

1 Пер. И. Эбаноидзе.

Что сам собою медлит шаг
И в сердце больше нет покоя – –
Куда *манишь* меня с такою
Любовью и такой тоскою?»

А птица, помолчав, в ответ:
«Нет, странник, нет!
Не для тебя был мой привет
Подругу я зову с холма –
Тебе-то что?
Одной мне ночь не так мила.
Тебе-то что? Твой долг идти
И быть всегда, всегда в пути!
Что ж ты застыл?
Иль песнь моя тебя всё манит,
Ты, странник?»

И птица, помолчав, поет:
«Что ж трель моя ему дает?
Он все стоит, бедняга-странник,
Чего он ждет?»

28 [59]

Немецкий ноябрь.

Вот осень – та, что сердце рвет тебе!
Улетай! Улетай прочь!
Взбираясь в гору,
Солнце не спешит,
И часто медлит на привалах.
О, как поблек весь мир!
И на поникших нитях ветер вновь
Свою играет песню.
Надежда улетела –
Он шлет ей вздох вослед.

Вот осень – та, что сердце рвет тебе.
Улетай! Улетай прочь!
О плод созревший,
Ты, вздрогнув, упадешь?

Скажи, какую тайну
Тебе открыла ночь,
Что пурпур твоих щек
Сменила ледяная дрожь? –

Молчишь, ответа не даешь?
Кто ж говорит? –

Вот осень – та, что сердце рвет тебе.
Улетай! Улетай прочь! –
«Я некрасив, –
Так звездный говорит цветок, –
Но я люблю людей
И я их утешаю:
Сейчас цветы еще им надо видеть,
Ко мне нагнуться,
и, ах, меня сорвать –
и в их глазах тогда блеснет
Воспоминание,
воспоминанье о чем-то, что
красивее, чем я:
– я это вижу, вижу – и умираю так!»

Вот осень – та, что сердце рвет тебе!
Улетай! Улетай прочь!

28 [60]

На леднике

В полдневный час, когда
Взбирается по горным тропам лето,
Отрок с усталыми, горящими глазами
Он говорит еще о чем-то,
Но речь его лишь *видим* мы.
Его дыханье тяжко, как дыхание больного
В горячечную ночь.
Вершины снежные, и ели, и ручьи
Ответствуют ему,
Но их ответ мы видим, а не слышим.
Срываясь со скалы, ручей,

Как будто шлет привет,
И застывает вдруг, дрожа как белый столп
В томлении.
И ели взгляд темней,
Темнее и серьезней, чем обычно,
И между льдом и мертвым серым камнем
Вдруг свет – –
Я видел прежде этот свет. Он говорит о многом. –

Должно быть, и у мертвеца
Глаза еще раз озарятся,
Когда его невинное дитя
Обнимет и со скорбью поцелует:
Еще раз вырвется наружу
Пламя света, и мертвые глаза
Произнесут: «Дитя мое,
Как я люблю тебя!» –
И пылко то же слово
Не голосом, а взглядами своими
Все говорит – гора, ручей и ель:
«Дитя, тебя мы любим!
Тебя мы очень любим, ах, дитя!»

И отрок
С усталыми, горящими глазами
Печально их в ответ
И горячо целует
И уходить не хочет
И только выдыхает, как туман,
Свои зловещие слова:
«мой привет – прощание,
пришел я, чтоб уйти,
я молодым умру».

Здесь слушают его
Едва дыша;
Умолкли птицы.
В ужасе глубоком
Застыли горы,
Как молнией поражены.

Всё думает кругом –
И всё молчит – –

То было в полдень.
В полдневный час, когда
Взбирается по горным тропам лето,
Отрок с усталыми, горящими глазами.

28 [61][1]

«Странник и его тень».
Книга

Возврата нет? И нет пути?
Да здесь и серне не пройти!

Ждать, намертво вцепившись, здесь,
И видеть только то, что есть!

Пять пядей тверди, час рассвета,
А *подо* мной – мир, тварь и Лета!

28 [62]

Йорик – цыган

Петля, виселица, стражник
И палач рыжебород:
На расправу, как на праздник,
Поглазеть пришел народ.
Сотни раз меня казнили,
Но усвоил я одно:
Вы меня повесить в силе –
Умереть мне не дано!

Вы, бедняги, бесконечно
Мне завидовать должны:
Осужден страдать я вечно,
Вы ж – на смерть обречены!
Пусть меня сто раз казнили,

---

1 Пер. И. Эбаноидзе.

Только жив я все равно –
Вы меня повесить в силе, –
Умереть мне не дано!

Слушал *песню* я в Испании,
Заливался бубенец.
В тусклом фонаря мерцании
Звонко, дерзко пел певец.
И тогда с усмешкой ясной
О врагах подумал я:
Коль проклятьям неподвластны –
Радость вас спасет моя.

28 [63]

Йорик – Колумб[1]

Знай дитя, что генуэзцу
Веры нет, сказал Колумб, –
За предел он рвется сердцем,
Далью занят взгляд и ум.

Мне чужбина ближе стала,
Чем отечество и дом.
Тверже руку на штурвале!
В неизвестность мы плывем.

Вдаль стремлюсь я, и отныне
Верю в самого себя.
И плывет в бескрайней шири
Генуэзская ладья.

Для меня теперь всё новость:
Гул времен и плеск морей,
Страшный, звонкий, дивный голос
Юной вечности моей.

---

1 Пер. И. Эбаноидзе.

28 [64]

Свободный ум

Прощание

«Горланя в тревоге,
Вороны в город, к гнездовьям, летят.
Зима на пороге.
Блажен, у кого есть свой дом и сад.

Ты замер, нем,
В душе о прошлом печаль.
Скажи, зачем
В предзимье ты рвешься вдаль?

Даль – это дверь,
Что в холод пустынь ведет.
Такой, как ты, поверь,
Покоя нигде не найдет.

Судьбой гоним,
На зимнее странствие обречен,
Ты словно дым –
К холодному небу тянется он.

Лети, вороньё,
Хриплым ором тоску нагоняй!
А ты свое,
Сердце, глупец, за холодной насмешкой скрывай.

Горланя в тревоге,
Вороны к гнездовьям летят, в города.
Зима на пороге:
Беда, коль лишен ты родного гнезда!»

Ответ

Помилуй бог!
Нет, не влечет меня, мой друг,

Родных берлог –
Немецких спален затхлый дух.

Ты слышал звон
И судишь наспех, наобум.
Да, жалок он,
Твой кривенький немецкий ум!

28 [65]

Люблю я, склеп холодный,
Твой мраморный обман!
Веселый и свободный
Тобой мне скепсис дан.
Но вот стою, бессильный,
И слезы лью ручьем
Над камнем сим могильным
И надписью на нем!

Украдкой целовал я
И раньше этот бюст.
Что он из глины, знал я,
И что внутри он пуст.
Ну кто же, кто мне скажет,
откуда этот пыл?
Ведь целовал я даже
И надписи могил.

28 [66]

2.

Мужайся, друг,
И философиям не верь,
Коль мысль-мучительница вдруг
Тебя захватит, как теперь,
О «боге». Он – твое дитя,
Он плоть твоя и кровь,
Шалун лукавый, он шутя
Терзать тебя готов.
Ты пригрози ему ремнем –
И позабудь о нем!

Короче, Йорик, не мудри,
А выслушай совет –
Мое лекарство от хандры
(его сильнее нет):
«Коль любишь бога своего –
Ремнем воспитывай его!»

28 [67]

Виселица. Петля. Старый,
Чинный патер. Чей-то плач.
Ротозеев злые хари.
Ближе всех ко мне – палач.
Сотни раз уже пытались
Уничтожить вы меня.
Зря старались –
Неподвластен смерти я!

Вы, бедняги, бесконечно
Мне завидовать должны.
Осужден страдать я вечно,
Вы ж – на смерть обречены!
Сотни раз казнить пытались
Вы меня – а мне плевать!
Зря старались –
Не дано мне умирать.

Слушал *песню* я в Испании,
Заливался бубенец,
В тусклом фонаря мерцании
Звонко, дерзко пел певец.
И душа моя, внимая,
Погружалась в глубину,
Где я сам себя не знаю,
Где я в вечности тону.

29. Осень 1884 – начало 1885

29 [1]

Такие не доверяют доводам: их убеждают возвышенными жестами.

– подобно состарившимся народам, возбудимые умом и срамными местами

– какое мне дело до вашей веры, на пороге которой стоит супружеская измена бога!

– вы слишком близко следуете за мной; смотрите, как бы я не наступил вам на голову!

– в прямом полете, подобно бросающимся на добычу орлам

– ваш рай «под тенью мечей»

– неподвижно, со страстным ожиданием смотрит он вниз, в пучину – в бездонную пучину, что кругами уходит вниз все глубже.

– как безопасно для мятежных духом узилище! Как спокойно спят преступники!

– слишком скоро я засмеюсь снова; враг едва ли сможет загладить свою вину передо мной.

– под небом в тучах, когда обрушивают на врага стрелы и смертоносные мысли.

– более мыслящее время, более размысленное время, чем наше сегодня и вчера.

– это время как больная женщина: пускай она вопит, ругается, безумствует, ломает стол и бьет тарелки!

– общаясь с самими отдаленными, самыми холодными мыслями, точно призрак на глетчерах

– не зная женщин, кое-как питаясь и созерцая свой пупок, себе на радость выдумали бога.

– «человек зол»: так говорили все мудрейшие мне в утешенье.

– чувственно здоров и прекрасен, подобен хищникам пятнистым

– подобен ветру я, что просветляет все небеса и заставляет волноваться все моря.

– гонимые, взметаемые ветром, на всех поверхностях вы спали, о странники, вы, пыль на всех оконных стеклах и зеркалах тщеславных!

– несчастье молчаливо, но кто способен запеть о нем, тот улетел от своего несчастья.

– будьте коротки, давайте мне загадки: иначе утомите вы мой гордый ум.

– они изобрели самую длинную священную скуку и жажду понедельников и будней.

– здесь вращаются ужасные вещи и от головокруженья жаждешь броситься в бездну будущего.

– узники богатства: их мысли позвякивают, как холодные цепи.

– упрямые умы, утонченные и мелочные

– вот склонность мелких душ: они хотят унизить, принизить великое лестью.

– в своем самозабвенье и преданности похожи на собак

– ах, они снова возвращаются к великим словам и слабым делам; ах, они снова называют себя добродетельными!

– они любят, ах! Но их не любят! они терзают самих себя, ибо никто не хочет их обнять.

– ты чересчур богат, ты портишь слишком многих: у слишком многих ты вызываешь зависть!

– плохо дело: иной собрался врать и тут-то выдал истину.

– вы, отчаявшиеся! Сколь много мужества внушаете вы взирающим на вас!

– подобно кошкам и женщинам чувствовать себя в чаще как дома и прыгать через окно.

– своего бога и свой мир они сотворили из Ничто; стоит ли удивляться тому, что –

– вы сказали недостаточно. Как? Все только видимость? Все только ложь? Как? Все страдание и гибель? Все обрекается на гибель и страдание?

– вы уже придумали его, самого безобразного из людей? Без бога, блага и духа –

– Ах, мои друзья! Куда исчезло добро и добрые? Куда исчезла невинность этой лжи?

– те, что когда-то смотрели на человека: бог и козел

– Как! Добродетель делает застывшим, холодным, гладким, – статуей и колонной? Что выставляет себя в храмах на обозренье?

– вы боитесь натянутого лука; беда, коль некто вложит в лук стрелу.

– кто не способен лгать, сознательно и добровольно, – как он научится говорить истину?

– он безмерно скорбит и скудно питается; он разучился есть мясо и играть с учтивыми бабенками.

– неловкий и пугливый, подобный тигру, совершившему неудачный прыжок

Человек – длинный канат; и вы хотите меня убедить, что я лишь узел на нем? (Заратустра со смехом.)

Разбудить в мечтах спящую собаку; оба набрасываются друг на друга, словно смертельные враги, – а между тем они лишь испуганы!

принесите мне мед, по-ледяному свежий, золотой сотовый мед! Медом принесу я жертву всему, что одаряет, что независтливо, что добро, – возвысьте сердца!

я завидую усердию прилежного: по-золотому светло и мерно течет его день – вдаль, в неясную вечность.

Когда-то – ах, как далеко это когда-то! как сладостно, подобно блуждающему звону колоколов в лесу, как сладостно одно лишь это слово!

написано летающими кинжалами – «О старых и новых скрижалях».

– «Коровья благосклонность»

– день отзвучал

– чертополошные головы, мелочные простофили

– гробы и опилки

– подобны скорым на выдумки обезьянам –

скорее внутрь, скорей наружу, как при холодной ванне

Пора, давно пора мне в путь
Чахлые псы вокруг меня, тщедушное отродье

29 [2]

Пауль. Основополагающие принципы языкознания
Зандерс
Лейтгольд, Рюккерт, Геббель
Келлер, старонемецкие поэты (платная биб<лиотека>, антиквариат)
Английские лирики?

29 [3]

Перед лицом незнакомого человека в голове у нас проносятся вопросы: кто он? чего он хочет? что он может? – и в зависимости от ответов, полученных на эти вопросы, мы определяем ценность этого человека. Если сами мы независимы, влиятельны, могущественны, то сразу же определяем его ценность как ценность для *нас*; если же мы зависимы и представляем собой составную часть какого-нибудь стада и общества, то наш вопрос о его ценности будет звучать так: насколько ценен он для нас, т.е. для стада?

29 [4]

(Мне недостает: 1) кухарки,
2) музыканта,
3) чтеца,
4) своего рода церемониймейстера.)

Вероятность успеха: пирамидальная. Широкое устройство моей жизни. Использование неудач.

Первый успех: Кёзелиц (мой *вкус*); второй успех (*моральный* эффект) – Штейн.

Финансы: у Овербека,
в Наумбурге,
у Шмайцнера.

Чего мы *добились*? что **установили**?
1) мои *местожительства*:

а) Энгадину я обязан *жизнью,*
Заратустрой;
б) Ницце я обязан *окончанием* Заратустры;
в) оба места благоприятны для моей задачи: Ницца своим космополитизмом, Зильс – высокими горами.

(*Оба* должны создавать *впечатление* обо мне.)

Принципиально – *не* жить в Германии, ибо моя миссия европейская.

– *не* подчиняться университетам –
– мои предшественники: Шопенгауэр и Рихард Вагнер – проявляют себя в европейских движениях.

Вероятно, в *обоих* местах жительства будет возможна какая-то преподавательская работа.

Что осталось найти *в первую очередь*?

Укромность. Места для отдыха. Успокаивающие средства.

29 [5]

К высшим людям.

Призывы герольда
Сочинение
Фридриха Ницше.

29 [6]

В каждой добродетели есть свои оборотные стороны и свои минусы

29 [7]

Учить:
1) изоляции
2) неприятию политиканства
3) воле к управлению землей
4) не путать себя с добродушными и самоуверенными
5) тому, что соединяет нации

6) неприятию могущественных и богатых, если они расшатывают веру в высших людей – как церковь расшатывает веру в святых
7) неприятию бога как повода для смирения и смягчения
8) тому, что высшие типы чаще всего не удаются

Смерть всех преходящих.
Сила, дикость, энергия, никакой *мягкости*
Накал, драма

29 [8]

Оставаться наедине с великой мыслью – невыносимо.

План. Я ищу и зову людей, с которыми могу поделиться этой мыслью и которые не погибнут от этого.
Определение высшего человека: кто страдает из-за человека, а не только из-за себя самого, кто может создать «человека» только в себе самом и не может иначе
– против мистиков, самодовольно отходящих в сторону и мечтательных.
– против «устроившихся».
– мы неудавшиеся! Высший тип! Спасти *нас* значит спасти «самого человека»: это нам «*эгоизм*»!

4. Заратустра. Это песни Заратустры, которые пел он самому себе, чтобы вынести свое последнее одиночество:

29 [9]

Вы связали меня цепями – но даже мои палачи еще станут моими учениками.

29 [10]

Они дурно обращаются со мной, но *я* не оставлю их из-за этого; их мысли обо мне мелочны, поэтому я хочу посмотреть, как буду их возвеличивать.

29 [11]

– волны поднимаются все выше и выше; моему челну уже недолго стоять на суше

– тот, кто дает крылья ослам и доит львиц

– в час, когда полдень отдыхает в полях, ни один пастух не играет на свирели

– Песни неведомого бога

– прояснившееся молчание (сияние Альп) (отшельник)

– льстивые собаки

29 [12]

1. Призывы герольда. 2. В великий полдень.
3. Лицемерие добрых. 4. Дающие обет.

29 [13]

О лицемерии добрых.

1) Мотивы: вы предаете меня суду – я же делаю вас своими апостолами и даю крылья ослу
2) Песни выси, посвященные всем людям будущего. Прояснившееся молчание
3) Я обнимаю вас – ах, я вижу эпилептические судороги собственного ребенка
4) Где вы? – вокруг меня собираются калеки
5) Все будущее борется и не находит избавления во мне и в вас – как же не быть нам неудачно образовавшимися
6) К благочестивым. Они чувствуют высшую связь событий, абсолютное значение личности и себя как неудавшихся. Если все вещи – fatum[1], то *я* – fatum всех вещей.

29 [14]

(4)

Жертва медовая.

Визит – искушения (и признаки). *Запах* близящейся беды.

поэт
одержимый юноша
король (государственный деятель, «крестьянин»)
дурень большого города

---

1 судьба (*лат.*)

женщина (ищет *мужчину* –)
прорицатель

{ Пошлите зверей на разведку.
Седьмое одиночество.

Святой: «еще раз»? Решение.

Лев и стая голубей.

Посольство.

Прощание с пещерой: избавление от одиночества. Вечное возвращение каждой доброй вещи.

29 [15]

Умирающий Заратустра держит землю *в объятиях*. И хотя никто не сказал им об этом, все знали, что Заратустра умер.

29 [16]

У этих старых народов не за что уцепиться: они могут противится друг другу, ощетиниваться друг против друга, но если смотреть снизу вверх, они все равны, т.е. все они принадлежат черни.

Язык и газеты –

29 [17]

1 Использование многих лучшими
2 Отшельники делятся на циников и стоиков:
– в чем расход их силы,
нехватка их силы
3 наши *противники* – учителя абсолютной морали.

29 [18]

благоговение перед богом есть благоговение перед взаимосвязанностью всех вещей и убеждение в возможности высших существ, чем человек.

Создавать богов –

по их подобию творить себя и других –

Художник – творец богов (он отбирает удавшееся, подчеркивает его и т.д.)

29 [19]

Заратустра говорит своим зверям: «нам надо готовиться к встрече гостей».

29 [20]

Инстинкт в делах морали, как и в художественных произведениях, нуждается в выработке тончайшего избирательного вкуса. На большинство человеческих действий я просто «не могу смотреть».

29 [21]

Сначала Заратустру *приглашают неудавшиеся* – он оказывается: «не со мной *праздновать* хотите вы, а благодаря мне *спастись*».

Наконец приходят его «*блаженные*».

29 [22]

«Кто еще любит меня» – замерзающий дух.
Эпилептик
Поэт
Король

29 [23]

Глубокое терпение и уверенность Заратустры, что время придёт.

Гости: прорицатель распространяет черный пессимизм.

мягкость к преступникам (как во время Фр<анцузской> револ<юции>)

Знамения: большой город в огне.

Искушение к отвращению **от времени** – через возбуждение **сострадания**.

Весть о гибели островов.

Наконец: я хочу сперва спросить их, живы ли они
– посылает орла –
Призывы герольда к одиноким
Двойной ряд знаков:
1) о вырождении человека
2) о существовании великих одиночек
С вами я не могу стать *господином*.

29 [24]

Странник (любознательный)
Король.
Прорицатель.
Юноша с горы.
Дурень большого города.
Святой (*в конце*).
Толпа детей.
Поэт

29 [25]

Показать противоречие между *неудавшимися* (одинокими) и выросшим вместе, избранным «народом»

29 [26]

Заратустра: я так переполнен счастьем, и у меня нет никого, кому я мог бы отдать, и даже того, кого я мог бы отблагодарить. Дайте же мне отблагодарить вас, моих зверей.

1. 1. Заратустра благодарит своих зверей и готовит их к приему гостей. Тайное терпение ожидающего и глубокая уверенность в своих друзьях.

2 – 9. 2. Гости как искушение отказаться от одиночества: я пришел не для того, чтобы помогать страждущим и т.д. (франц<узская> живопись)
3. Святой благочестивый отшельник.

10 –14. 4. Заратустра высылает своих зверей на разведку. Один, без *молитвы* – и без зверей. Высшее напряжение!

15. 5. Они идут!» Когда говорят орел и змея, к ним приходит лев – он плачет!

16. Прощание с пещерой – навсегда (своего рода праздничная процессия!). Он идет с четырьмя зверями к городу – – –

29 [27]

Нерешительность учеников. «*Мы* выдерживаем это учение, но многих мы этим *погубим?*»

Заратустра смеется: «молотом должны вы быть, молот вложил я в вашу руку»

29 [28]

Всякая добродетель есть *приобретенная* добродетель, не бывает случайной добродетели. Накапливавшаяся со времен отцов –

29 [29]

Проблема одиночества с богом и без него: молитвы, благодарения, любовь *растрачиваются* впустую

29 [30]

прорицатель: я открыл тайную усталость всех душ, неверие, безверие; *внешне* все у них хорошо – но они устали. Они все не верят в свои ценности.

Так и ты, Заратустра! Достаточно было небольшой молнии, чтобы разбить тебя!

Хорошо, но остаются – – –

29 [31]

сказал все «еще раз» (возвращаясь как **голова медузы**)

29 [32]

Первая сцена. Заратустра глуп со своими зверями, приносит жертву медовую, сравнивает себя с пинией, благодарит и свое несчастье, смеется над своей седою бородой

Захвачен врасплох прорицателем
Основания великой усталости

Евангелие страждущих, до сих пор *их* время.

Равенство.

Лицемерие.

29 [33]

Заратустра 5: абсолютное признание человеческого в отношении видимого мира; *отрицание* идеалистической философии и объяснения, основанного на пресыщенности и отвращении к человеку. «Ложность» в вещах следует объяснять результатом *нашей* созидающей силы!

29 [34]

«За ваше счастье и кабалу!»

29 [35]

Неосознанно созидающее и художественное в мире явлений тоже осознается

Неосознанные лгуны

Вся неосознанная сторона нашей морали, т.е. наше неосознанное лицемерие

29 [36]

Облагораживание – создание знати.

29 [37]

Находится ли власть в руках многих или немногих, чувство так или иначе определяет *олигархическую* или *охлократическую* форму.

29 [38]

сухие, выпитые до дна души

29 [39]

2 короля и осел
чернь, которая не научается уважению

самый веселый человек – прорицатель, помрачение
великий цельный человек – больной гений
враг черни – 2 короля
прекрасный и благородный – врач, вырождение и слабость
не лицемер – кающийся духом, лживость
трепещущие тела
толпа умоляющих о помощи
«Слушайте гения!»
Заратустра полон отвращения, молчит.
душа трубачей
лицемеры счастья

29 [40]

Новое Просвещение.
Приготовление
к философии вечного возвращения.
Сочинение
Фридриха Ницше.

29 [41]

власть зла: мы недостаточно велики даже для ее зла.

Созидающий уничтожает: мы недостаточно велики для созидания и уничтожения.

29 [42]

Маленькое исправление великой неудачи.

29 [43]

о, Заратустра, ты первый и единственный, кто принимает близко к сердцу судьбу человека; мы уже знаем, кто ты есть. Когда-то и самые тяжелые воспринимали ее легко: смотри, говорили они, это выходит за пределы наших возможностей и нашего предвидения, пусть бог сам в этом разбирается

Ты же говоришь: «Возможности? Предвидение? Какое мне дело до всего этого! Давайте попробуем! Тут все зависит от того, что *сделано* заранее!»

29 [44]

Пусть и другие **учатся** заботиться о будущем, пусть они умолкнут, перестанут скулить о нас и о соседе, о дне сегодняшнем и при всех лишениях

29 [45]

Ты ждешь, что у тебя вырастут руки, и ноги, и орудия твоего труда, – что у тебя вырастут дети и наследники

29 [46]

Но мне бы лучше сказать: твоя чистая совесть, остаток твоей честности. Правда, это маленький остаток, ибо ты уже фальшивомонетчик

29 [47]

И кто хочет названия этому, тот пусть называет его: «*искушение Заратустры*».

(Конец)

29 [48]

Лучшее я не разделяю с вами.

29 [49]

Даже в этом смирении есть зерно искусства и лицемерия; но то, что я вижу, что ощущаю всеми чувствами: ты испытываешь отвращение к самому себе.

Ты пресыщен собой и устал от себя.

29 [50]

Дикий охотник.

Ночной ветер в ущельях, что говоришь ты?

29 [51]

К папе: у тебя красивые руки. Руки человека, раздавшего много благословений.

Заратустра своим гостям: вас *выдавливают* вверх, ко мне; народ говорит: «вы возноситесь»

добрый европеец: «Я совершил все преступления. Я люблю самые опасные мысли и самых опасных женщин».

Папа: вам меня не понять. Мне позволено быть просвещеннее вас. Лучше почитать его в этом образе, чем без всякого образа!

Говоривший: «бог есть дух» – сделал самый большой до сего времени шаг и прыжок к неверию; такое слово на земле нелегко снова исправить.

Заратустра добровольному нищему: «У тебя наверняка есть какой-нибудь преизбыток. Дай мне от него!»

Так я узнаю Заратустру.

– Хочешь ли ты от моего преизбытка отвращения?
– они танцуют ради блага нищих, исчезает всякий стыд перед несчастьем
– *Совестливый*

Совсем рядом с пиявкой начинается мое невежество; но я разучился стыдиться этого.

29 [52]
Высший человек

В эпоху, когда царит господство черни, *отвращение* есть признак высших людей.

29 [53]

И если однажды придется мне выть с волками, я буду выть лучше волка.

29 [54]

Кто захочет вернуть одно-единственное переживание, должен пожелать, чтобы вернулись к нему все.

29 [55]

Я пустослов: что толку в словах! что толку во мне!

29 [56]

Поступайте подобно мне, и вы научитесь тому, чему научился я: лишь тот, кто действует, учится.

Идите на рынок, и вы поймете, что значит чернь и шум, поднимаемый чернью; скоро вы разучитесь слышать и видеть.

то, что живет вокруг меня, скоро совсем обживется.

Если вас убедила и одолела добродетель, забудьте и не злитесь: все худшее в вас отомстит за это –

Суровее всего вы будете наказы за вашу добродетель, о высшие люди.

29 [57]

С<транник>

Не ностальгия по родине, отчему дому и по отечеству, ибо не было у меня ни того, ни другого, – а тоска по тому, что нет у меня сейчас родного гнезда.

29 [58]

Вы сегодня высшие люди: благочестивый, потерявший своего бога; сверхдобрый в эпоху черни; странник без цели и возвращения домой; сведущий и совестливый;

расколдованный волшебник, разбивающийся о самого себя; облаченный в пурпур король, нуль, означающий многое

О короли, облаченные в пурпур, нули, означающие многое, о совестливые духом – – –

И без денег, о Заратустра, и без денег! Нет ничего отвратительнее безденежья!

Будем вместе веселы и в хорошем настроении, а что до бога, о высшие люди, то пусть дьявол возьмет его!

29 [59]

Когда на одинокого находит великий страх, когда он все торопится куда-то и сам не знает – куда?

когда бушуют злые бури, когда молния свидетельствует против него, когда собственная пещера пугает его призраками –

Стихоплетам и лежебокам да будет сказано: кому нечего делать, тому Ничто находит занятие.

29 [60]

Последний грех

29 [61]

ликование этих высших людей пришло к нему как влажный теплый ветер; его твердость растаяла. Сердце его задрожало до самых корней

29 [62]

Здесь мучается родами будущее, здесь разверзается <klafft> бездна, здесь тявкает <kläfft> пес преисподней, здесь и у самого мудрого голова идет кругом.

29 [63]

Жертва медовая.
Прорицатель.
Поэт.
Короли.
Святой.

Седьмое одиночество.
Среди новых зверей.
Посольство блаженных.
Прощание с пещерой.

29 [64]

И снова прошли месяцы и годы, и волосы Заратустры побелели, но Заратустра сидел у своей пещеры, смотрел вдаль и не замечал времени. Мир забыл о Заратустре – забыл ли Заратустра о мире?

Не подходите ко мне слишком близко, если хотите согреться около меня: вы можете обжечь себе сердца. Я слишком горяч и с трудом удерживаю горящее во мне пламя, чтобы оно не вырвалось из тела.

Тебе связали лапы – теперь ты не можешь царапаться, ты, хищная кошка!

с жаждущими, иссохшими мечами, что слишком долго блестели на стене и – – –

с мечами, похожими на змей с красными пятнами

29 [65]

1. Рождение трагедии.
2. Несвоевременные размышления.
3. Человеческое, слишком человеческое.
4. Странник и его тень.
5. Утренняя заря.
6. Веселая наука.
7. Так говорил Заратустра.
8. *Дионис* или: священные оргии.

29 [66]

Полдень и вечность.

Сочинение
Фридриха Ницше.

Вторая часть:
Призывы герольда.

Полдень и вечность.

Сочинение
Фридриха Ницше.

Третья часть:
Безымянный благословляет.

29 [67]

фон Уваров, поэт Нонн Панополитанский.

Летурно, physiologie des passions[1] (в biblioth<èque> des sciences contemporaines[2]).

Амьель, journal intime[3], tom. II, Mém<oires> I. Вьель-Кастель.

Гюйо, esquisse d'une morale[4] (Paris: Alcan).

Вельхаузен, Очерки I. Berlin: Reimer, 1884.

Адольф Шелль, Гёте.

Он же. Избранные сочинения о классической литературе (Berlin: Hertz).

Гоцци, Казанова, Гольдони, Де Бросс, Майер, 4 т<ома>.

---

1 физиология страстей (*фр.*)

2 библиотеке современных наук (*фр.*)

3 личный дневник (*фр.*)

4 очерк морали (*фр.*)

30. Осень 1884 – начало 1885

30 [1]

Стоит в ближайшее время появиться в Европе *великому* государственному деятелю – и тот, которого теперь, в мелочную эпоху плебейской недальновидности, чествуют как «великого реалиста», *покажется мелким.*

30 [2]

к *первой части:* ввести в логику мои оценки, например гипотезу против уверенности и т.д.

30 [3]

Где я смогу чувствовать себя дома? Очень долго искал я это место, и мои поиски превратились в беспрерывное наказание.

Зачем влюбляться в некрасивые языки только потому, что на них говорили наши матери? Зачем злиться на соседа, если во мне самом и в моих предках так мало достойного любви!

30 [4]

1 Заратустра
2 Прорицатель
3 Первый король
4 Второй король
5 Самый безобразный человек.
6 Совестливый.
7 Добрый европеец
8 Добровольный нищий.
9 Старый папа
10 Плохой чародей.

30 [5]

Не всегда пристало упрекать эпоху, если она не признает своего человека величайшего ума и не способна увидеть удивительнейшее созвездие, встающее из ее собственной ночи. Быть может, этой звезде предназначено светить более отдаленным мирам; быть может, слишком ранее признание было бы даже несчастьем: возможно, эта эпоха <была бы> тем самым отвлечена от своей задачи и причинила бы грядущей эпохе ущерб – тем, что оставила бы ей работу, которая уже должна была быть выполнена и, может статься, оказалась бы менее подобающей для грядущей эпохи

30 [6]

Критика моральных оценок.

30 [7]

Но Заратустра, всякому слову свое время! Ты пригласил меня сегодня к себе на трапезу; надеюсь, ты не намерен кормить меня такими речами?

целый осел, полный доброго вина

Нет ли у тебя тайного источника, откуда течет вино?

два ягненка

Кто хочет есть со мной, тоже должен приложить руку. Нужно заколоть ягнят и развести огонь

как дикарь в лесу

поэт должен спеть нам

Приветствия.
Вечерняя трапеза.
Импровизатор.
Загадки зверей.
Песнь смеющегося.

30 [8]

Колдун.

Я устал; напрасно ищу я всю жизнь великого человека. Но и Заратустры больше нет.

Я узнаю тебя, сказал Заратустра серьезно, ты околдовываешь всех, но мне кажется, ты сам пожинаешь свое отвращение.

Тебе делает честь, что ты стремился к великому, но это и выдает тебя: ты не велик.

– Кто ты? – спросил он, глядя испуганно и враждебно. – Кому позволено так со мной говорить? –

– Твоя нечистая совесть, – ответил Заратустра и повернулся к колдуну спиной.

30 [9]

Мертвый при жизни, погребенный в счастье, – кто так – – – сколько раз должен он восставать!

О счастье, через ненависть и любовь поднялся я к моей поверхности; слишком долго висел я в спертом воздухе ненависти и любви; спертый воздух гнал и толкал меня, словно мяч.

Радостный, как тот, кто заранее наслаждается собственной смертью.

Не замер ли мир? Темными ветвями и листвой обвивает меня эта тишина,

Ты хочешь петь, о душа моя? Но теперь тот час, когда ни один пастух не играет на свирели. Полдень спит в полях.

золотая скорбь всех, кто испытал слишком много добра.

Как долго спал я? Как долго буду я теперь просыпаться?

30 [10]

Необходимость быть понятым в момент большой опасности – чтобы помочь друг другу или подчиниться кому-то – привела к тому, что сближались те виды древних людей, которые могли одинаковыми знаками выражать одинаковые переживания; если же знаки были слишком разными, люди понимали друг друга неверно, и сближения, т.е. в конечном счете образования стада, не получалось. Отсюда вытекает, что в общем и целом сообщаемость переживаний (или потребностей, или ожиданий) – это избирательная, воспитывающая сила: выживают *более одинаковые* люди. Необходимость мышления, сознательность

появились только на основании принуждения к взаимному пониманию. Сначала знаки, затем понятия, наконец «разум» в обычном понимании. Сама по себе богатейшая органическая жизнь может протекать и без сознания, но, поскольку ее бытие связано с бытием других животных, возникает необходимость сознательности. Почему эта сознательность становится возможной? Я далек от мысли придумывать ответы на такие вопросы (т.е. слова и ничего более!); мне вовремя вспомнился старый Кант, который однажды задался вопросом: «почему возможны синтетические суждения a priori?». И в конце концов ответил на него с великолепным немецким глубокомыслием: «благодаря способности к этому». Почему опиум усыпляет? Врач в комедии Мольера отвечает: причиной тому vis soporifica[1]. Вот и в кантовском ответе о «способности» заключен опиум или, по меньшей мере, vis soporifica; скольких немецких «философов» усыпил этот ответ!

30 [11]

Знание и совесть.
Сочинение
Фридриха Ницше.

30 [12]

Друзья мои, вы не понимаете своего преимущества; лишь по глупости страдают высшие люди от этого времени: никогда еще у них не было лучшего.

30 [13]

Рождение трагедии.

В начале 1872 года в Германии появилась книга под странным заглавием «Рождение трагедии из духа музыки»; но не только своим заглавием вызвала она удивление и любопытство. Читатели узнали, что ее автор – молодой филолог, а также о том, что против него со стороны филологов-ремесленников и, быть может, даже по наущению главы какой-нибудь филологической школы и пастыря – – –

---

1 усыпляющая сила (*лат.*)

– независимая, самодостаточная книга, отмеченная признаками мистической души, без намерения – – –

– полная юношеской неловкости, пьянящая, до предела насыщенная, aussi trop allemand[1], в которой теснились и сталкивались почти противоположные дарования, к тому же

– отмеченная духовностью, действующей на органы чувств

– с некоторым содроганием люди признавались себе (если были восприимчивы к этому), что здесь говорит некто из зловещего мира дионисийских вещей, и говорит так, *словно исходит из опыта*, словно вернулся из самой чужеземной страны, после теснейшего соприкосновения с ней, говорит не все и не обо всем умалчивает, скрывшись за рясой и клобуком ученого, и скрывшись недостаточно.

и Рихард Вагнер угадал из глубины вещего инстинкта, так противоречившего его несовершенному и случайному образованию, что встретил того рокового человека, который держит в руках судьбу немецкой и не только немецкой культуры.

---

1 и слишком немецкая (*фр.*)

31. Зима 1884–1885

31 [1]

Практическое преодоление морали.

31 [2]

В Заратустра 4 необходимо: *точно* сказать, почему *теперь* настает время великого полдня: то есть *временное описание* через рассказы о посещениях, но в интерпретации Заратустры.

В Заратустра 4 необходимо *точно* сказать, почему *«избранный народ» должен быть сначала создан*: это противоположность хорошо удавшихся высших натур по отношению к неудавшимся (охарактеризованным через гостей); лишь им Заратустра может поведать о последних проблемах, лишь у них может он предполагать способность к воплощению этой теории (они сильны, и здоровы, и достаточно тверды для этого, но прежде всего достаточно благородны!) и лишь им может он дать в руки молот над землей.

Итак, в Заратустре нужно показать:

1) крайнюю опасность высшего типа (когда Заратустра вспоминает о своем первом выступлении),
2) добрые теперь выступают *против* высшего человека: это самая опасная перемена (против исключений!),
3) одинокие, не-воспитанные, ложно-себя-толкующие вырождаются, и их вырождение воспринимается как основание против их существования («невроз гения!»),
4) Заратустра должен объяснить, что он делал, когда советовал *отправиться* к островам, и для чего он их посещал (1 и 2) (– они еще не созрели для его последних откровений?).

31 [3]

В Заратустра 6 – великий синтез созидающего, любящего, уничтожающего

31 [4]

В Заратустра 4: великая мысль, как голова медузы: все черты мира застывают, замершая агония.

31 [5]

Говорил ли ты о себе или обо мне? Но предавал ли ты меня или себя, ты будешь предателем, ты, поэт!

– лишенный стыда, что ты жил, эксплуатируя свои переживания, оставляя самое любимое назойливым взглядам, проливая кровь во все выпитые до дна бокалы, ты, тщеславнейший!

31 [6]

гений видит в Заратустре *воплощение* своей мысли

31 [7]

В конце концов: открой глаза свои, узри *всю* истину, – *бытие или не-бытие высшего человека*!!

31 [8]

«Вот, о Заратустра, твоя беда! Не обманывай себя! вид многих сделал тебя мрачным, потому что они жалки и низки? Но одинокие намного более не удались». Против этого Заратустра приводит основания:

1) о великой ошибке сострадания: из-за него сохранили всё слабое, страдающее,

2) выбрали «равенство» и лишили отшельников чистой совести – принудив их к лицемерию и угодничеству,

3) господствующие сословия плохо представляли веру в высшего человека, частично уничтожили ее,

4) огромное царство безобразного, где правит чернь: там самая благородная душа одевается в лохмотья и хочет преувеличить свое уродство,

5) им недостает воспитания; они должны укрываться панцирем и притворяться, чтобы спасти что-то от себя.

In summa[1]: *крик о помощи* высшего человека к Заратустре. Заратустра призывает их к терпению и ужасается самому себе: «нет ничего, что я не пережил бы сам!» – надеется <на> своих блаженных и понимает: «настало время». Вызывает негодование и насмешки над своими мечтами о блаженных. «*Ты не хочешь* нам помочь? Помоги нам совершить великую *месть*!» Ты *суров* к несчастным! – Уходят.

Недоверие и страх остаются у Заратустры. Он отсылает зверей.

31 [9]

Заратустра 4. (План.)

1. Жертва медовая.
2. Крик о помощи высшего человека. Сборище. (ок. 50 страниц)
3. Сострадание Заратустры на высоте – но он суров; остается при своей задаче – «еще не время»
4. Осмеяние Заратустры. Уходят. Прорицатель оставляет жало.
5. Полный страха, отсылает зверей.
6. *Седьмое одиночество – в конце «голова медузы».* (ок. 40 страниц)
7. Святой побеждает его. Кризис. Внезапно вскакивает. (Резкий контраст со благочестивым *смирением*)
8. К великой природе». Победная песнь.
9. Лев и стая голубей. Возвращение зверей (понимает, что все предзнаменования здесь). Посольство.
10. Последнее прощание с пещерой (утешение вечного возвращения впервые открывает свое лицо)

31 [10]

1 Блуждающий, лишенный родины, странник – разучившийся любить свой народ, ибо он любит множество народов, добрый европеец.

2 Мрачный, честолюбивый сын народа, робкий, одинокий, готовый ко всему, выбирающий-одиночество, чтобы не стать разрушителем, – предлагает себя как орудие.

---

1 В результате (*лат.*)

3 Почитатель фактов, «мозг пиявки», переполнен нечистой совестью, хочет освободиться *от себя*! Тончайшая интеллектуальная совесть.
4 Поэт, в глубине желающий дикой свободы, выбирает одиночество и *строгость* познания.
5 Самый безобразный человек, который должен украшать себя (исторический смысл) и всё время ищет новые одежды: он хочет, чтобы его вид выносили, и в конце концов удаляется в одиночество, чтобы его не видели, – *он стыдится себя.*
6 Изобретатель новых наркотических средств, музыкант, колдун, который в конце концов падает ниц перед исполненным любви сердцем и говорит: «не ко *мне, а к нему* хочу я вести вас!»
7 Богатый, раздавший всё и спрашивающий каждого: «у тебя есть преизбыток; дай мне от него!» – как нищий.
8 Короли, отрекающиеся от власти: «мы ищем того, кто *более достоин* властвовать!»
9 Гений (как приступ безумия), замерзающий от недостатка любви: «я не мысль и не бог» – великая нежность. «Его нужно больше любить!»
10 Актеры счастья.
11 Два короля, против «равенства»: нет *великого* человека и, *следовательно, почтительности.*
12 Добрые
13 Благочестивые
14 Те, кто «для себя», и святые

} и их безумие «для бога» – это мое «для меня».

Потребность в безграничном доверии, атеизме, теизме

уныло-решительный

голова медузы

31 [11]

Набросок.

– Жертва медовая.
– Крик о помощи.
Беседа с королями.
Добрый европеец – рассказывает о бедствиях на море.

Мозг пиявки.
Добровольный нищий.
– Колдун.
Самый безобразный человек. (Народ.)
– Приветствие.
– Вечерняя трапеза.
– Песнь колдуна.
О науке.
О высшем человеке.
– Речь с розами.
Отшельник рассказывает о гибели.
О 7 одиночестве.
Замерзающий.
Клятва.
Последнее посещение пещеры: радостная весть.
Там он спит. Утром он встает. Смеющийся лев.
– Великое превращение и *обретение твердости*:
в нескольких *словах*. *Избегать* «я».

18 : 110 | 6
108 |
— |

8
сделать 10

31 [12]

– Куда стремишься ты? – спросил он громко, и его незнакомый, изменившийся голос вернулся к нему. «Я не знаю»

А твои звери – где твои звери?

– О Заратустра, уже нет в живых ни одного из тех, кого ты любишь! – он бросился на землю, вскричал от боли и царапал пальцами землю.

И все было напрасно!

31 [13]

Если мне что-то не удалось, значит ли это, что – не удался я сам? А если я сам не удался, что толку во мне? Значит ли это, что не удался человек?

Это болезнь и горячка.

31 [14]

смеющийся лев – «если бы я увидел это еще две луны назад, моё сердце перевернулось бы в груди»

31 [15]

Вы успели прийти еще до того, как закрылись врата моего сердца; я даже еще не простил вам, что вы хотели войти в него лишь в 12 часу.

31 [16]

1. До полного разоблачения отшельника.
2. Из седьмого одиночества.
3. Решение. «Хочешь ли ты всего этого еще раз, этого ожидания и т.д.?» – «Я хочу!» (Уходит в темную ночь.)
4. *Самым ранним утром.* Смеющийся лев, весть, но жестокая и строгая, но *пылающая.*

31 [17]

Заратустра *разбивает свое сердце* ради своих друзей,
ради своих зверей,
ради всего, что любил.
Всецело воля к полудню.

Конец: **дифирамическое разбивание своего сердца**.

31 [18]

(скажи им, что у меня есть уже новые друзья)

31 [19]

(ты моложе этих детей. Не второе ли это детство, о котором мне говорили? Заратустра 6)

31 [20]

И вот, встал Заратустра, как утреннее солнце, поднимающееся из-за темных гор; сильный и сияющий, идет он туда – к великому полудню, к которому стремилась его воля, и вниз, к своему закату.

31 [21]

А лев лизал слезы, падавшие на руки Заратустры. Сердце его глубоко взволновалось и перевернулось, но он не произносил ни слова. Но говорят, что орел с завистью смотрел на то, что делал лев и т.д.

Наконец поднялся Заратустра с камня, на котором сидел; он встал как утреннее солнце, поднимающееся из-за темных гор, сильное и пылающее, к и т.д.

31 [22]

1 В полночь.
2 Из седьмого одиночества.
3 Выздоровление.
4 Клятва на руке отшельника.
5 Посольство друзей и смеющийся лев.

31 [23]

– Это же подтверждает и лев, но лишь наполовину: ибо он слеп на один глаз.

31 [24]

– и оба рассмеялись во все горло. «Как же умеем мы, поэты, прихорашиваться и подпирать себя! Я думаю...» и т.д.

31 [25]

– инстинкт *саморазрушения*: прибегать к познанию, которое лишает всякой выдержки и силы

31 [26]

– когда вы чувствуете над собой закон удовольствия и неудовольствия и *никакого более высокого* закона, – ну что ж, так вы выбираете самые приятные, но не самые вероятные мнения; к чему вам атеизм!

31 [27]

– и как взирают на бога низшие люди, так вы когда-нибудь будете *взирать на моего сверхчеловека.* Заратустра 6

31 [28]

– противоречие между атеизмом и теизмом заключается *не* в «истине» и «неистинности», а в том, что мы больше не позволяем себе использовать гипотезу, *которой вполне охотно позволяем пользоваться другим* (и даже более того!). *Благочестие – единственная черта низшего человека, которую можно терпеть*; мы *хотим*, чтобы народ становился религиозным: тогда мы не будем испытывать к нему отвращения, как теперь, когда вид массы отвратителен.

31 [29]

– мы притворяемся более опасными и легко предаемся боли, чувству нужды; наш атеизм – это *поиски* несчастья, понять которое обычный вид человека не в состоянии.

31 [30]

Полдень и вечность.
Сочинение
Фридриха Ницше.
Часть первая: искушение Заратустры.

31 [31]

Когда яснеет воздух и на землю, как утешение, роса нисходит стопой невидимой, неслышной –

– как все несущее успокоенья сладость,

ты вспомнишь ли, горячая душа, какою жаждою томилась ты когда-то по ниспадающим с небес слезам-росинкам, усталая, в изнеможенье жалком?

– под злыми взглядами спускавшегося солнца, спешившего тропинкой пожелтевшей злорадно ослеплявшими лучами между дерев, черневших вкруг меня.

Ты истины жених? Ты? – тешились они. – Нет, чародей, и только! Ты хищный, лживый ползающий зверь, который должен лгать,

под маской хитрой жертву карауля, сам маска, мостик для себя –

И это – истины жених? О нет! Лишь шут, поэт, и только! Хитро болтающий под маскою затейной, ты, рыскающий вкруг, карабкаясь, вползаешь по ложным затуманенным мостам, по лживым радугам среди небес обманных,

ты не стоишь холодный, недвижимый, подобно тем, которых видел ты, как образ божества, спокойный, как изваяние его пред храмом, как врат Господних страж –

ты добродетельной устойчивости враг, не в храмах дома ты, а в дикой чаще, ты полн упрямого, кошачьего стремленья, рад выпрыгнуть в окно под всякий случай

и лесу девственному рад кричать приветно, что в чаще непролазной ты носился, средь пестрых хищников в косматых шкурах, греховной красоты, здоровья полный, насмешливый в блаженстве кровожадном.

Порой, орлу подобно, с высоты уставив в глубину недвижный взгляд, в свое владенье, в пропасть смотришь долго, как, вглубь стремясь, она все ниже, вниз змеится кольцами, спускаясь внутрь,

и вдруг затем в падении отвесном полет, как меч, направив, в ягнят ударил ты, стремительно бросаясь с хищным жаром терзать ягнят со злобой против всех овечьих душ и яростно кипя на всё, что смотрит овцеподобно, ягнеоко и курчаво, с приветной тупостью ягнят молочных.

– вот так пантеры свойств, орлиных качеств исполнены стремленья чародея, они твои под тысячью личин. Твои, поэт и шут!

Ведь это ты, признавший в человеке так безразлично бога и овцу, и, божество терзая в человеке, в нем также и овцу терзаешь ты. Терзаешь, *радуясь*. –

Твое блаженство в этом, блаженство злой пантеры и орла, блаженство чародея и глупца! – –

Когда яснеет воздух и луна серпом зеленоватым между тучек, среди полос пурпурных вдруг мелькнувши, прокрадется завистливо, как враг, дневного света враг, – она всё ближе, ближе подступает, подрезывая тайно, постепенно ковры из роз, гирляндами висящих, пока цветы с головкой побледневшей не опрокинутся в ночную тьму.

Так я упал когда-то с высоты, где в сновиденьях правды я носился – весь полный ощущений дня и света, упал я навзничь в тьму вечерней тени, испепеленный правдою одною и жаждущий единой этой правды. Ты помнишь ли еще, горячая душа, как мы тогда томились этой жаждой, –

томились тем, что ты в изгнанье вечном, от *всякой* правды далеко, лишь шут, поэт, и только! – –

31 [32]

Кто в силах отогреть меня, кто еще любит? Горячие мне руки протяните и пламя рдеющих углей для сердца дайте.

Лежу бессильно я, от страха цепенея, как перед смертию, когда уж ноги стынут, дрожа в припадках злой, неведомой болезни и трепеща под острыми концами твоих холодных, леденящих стрел.

За мной охотишься ты, мысли дух, окутанный, творящий и ужасный! Охотник из-за туч!

Как молниею, поражен я глазом, что смотрит на меня из темноты,

– и так лежу я, извиваясь, согбенный, скрюченный, замученный свирепо мученьями, что на меня наслал ты, извечный и безжалостный охотник, неведомый мне бог!

Рази же глубже, еще раз попади в меня и сердце разбей и проколи! Но для чего ж теперь тупыми стрелами меня терзать? Зачем опять ты смотришь на меня, ненасытимый муками людскими, молниеносным и злорадным бога взглядом? Да, убивать не хочешь ты, а только мучить, мучить хочешь! Ты по ночам крадешься тайно, ревниво слушаешь мое дыханье, прослушиваешь сердце, в мои вползаешь сновиденья,

в мои мечты сомнений острых стрелы пускаешь ты, мне сердце разрывая, божественный палач, на все готовый, зачем ты это делаешь, скажи?

Зачем *меня* терзать? Что выпытать ты хочешь? И в чем признаться должен я тебе?

Или я должен, как собака, валяться пред тобой, хвостом виляя и отдаваясь, вне себя от страсти, тебе в любви виляньем признаваться?

Напрасно трудишься, рази сильней! Какой укол ужасный! Нет, не ищейка я тебе – твоя добыча, безжалостный охотник! Я пленник гордый твой, за облаками скрывшийся разбойник! Скажи мне, наконец, чего, чего, грабитель, от меня ты хочешь?

О, мысль моя, что молниями скрыта, неведомый мне бог, скажи, чего ты *хочешь*?

Как? Выкупа? Какого же и сколько? Потребуй много, – так твердит мне гордость, и кратко говори, – другой ее

совет. Так вот как? Да? Меня? Меня ты хочешь? Меня всецело, и всего? Ха! Так зачем же ты мучаешь меня, глупец, при этом? Зачем терзаешь душу униженьем?

Дай мне *любви*, кому меня согреть? Горячую мне руку протяни и пламя рдеющих углей для сердца дай мне, –

мне, одинокому в своем уединенье, – чей холод даже ко врагам стремиться научает. Ты сам отдайся мне. Необоримый враг, *сам* – мне!

– Ха! Прочь! Умчался прочь – единственный товарищ мой! великий враг! и чуждый мне опять божественный палач! Нет! Возвратись ко мне и с пытками твоими! К отшельнику последнему вернись!

мои все слезы льются за тобой, и для тебя вдруг загорелся снова огонь последний на сердце моем. Вернись, вернись ко мне, мой бог! Ты, счастие последнее мое! – –

31 [33]

как пастух смотрит поверх спин кишащих овечьих отар: море серых, мелких, кишащих волн.

со скрежетом бьюсь я о берег вашей пошлости, скрежеща как дикая волна, когда против собственной воли она впивается в песок –

заискивающие, льстивые собаки

услужливые, похотливые, забывчивые: все они недалеко ушли от блудницы.

восторженные поклонники зеленых овощей, противники плотских радостей

это тонкие вещи: как можете вы хвататься за них своими овечьими копытами? Не всякое слово ко всякому рылу – но горе этому больному, хилому времени! Горе заболевшим ящуром!

пещера, шума птиц ночных полна, гудения и страхов жутких

«Эти поэты! Они красятся, даже когда показываются голыми своему врачу!» (И когда Заратустра не возразил на это, а улыбнулся, смотрите, поэт уже схватил в руки арфу и широко раскрыл рот для новой песни.)

Злая зеленая молния свернула из его глаз; он открыл рот и закрыл его снова.

Вечер опускается над морем; скача верхом на тяжелых зеленых волнах, он, полный тоски, качается на своих пурпурных седлах –

жмется к земле, подобно усталому кораблю, вошедшему в тихую бухту; тогда достаточно, чтобы паук протянул от земли к нему свою паутину, – в более крепкой веревке нет надобности!

31 [34]

«О звери мои! Мое великое счастье заставляет меня кружиться! Теперь я должен танцевать, – чтобы не упасть».

Они лежат на брюхе перед маленькими круглыми фактами, они целуют пыль и грязь у их ног и ликуют: «Вот, наконец, реальность!»

Вы говорите мне о вашей надежде? Но разве не коротки у нее ноги и разве она не косоглаза? Разве не поглядывает она все время за угол – вдруг там притаилось отчаяние?

И кто из вас еще честно называет свое послезавтра хорошим? Кому – *позволено* еще клясться? Кто еще остается пять лет в одном доме и при одном мнении?

Человек зол: так говорили все мудрецы мне в утешение; ах, если бы это все еще было правдой сегодня!

Почему пришел я сюда, на эту высоту? Не хотел ли я, наконец, увидеть великого ч<еловека>? Но смотрите, я нашел веселого старика.

Трухлявые гробы, уже не способные удерживать своих покойников. Горе, скоро начнут восставать из мертвых!

О мёде: «в тебе я не нуждаюсь, но принимаю тебя, как подарок жизни; берущий благословляет тебя».

Пусть молния ударит в ваши блюда и ваши пасти научатся пожирать огонь!

31 [35]

упрямы и подобны крестьянину, грубы и хитры

Люди «доброй воли»? Ненадежны.

Спросите женщин: родят не потому, что это доставляет удовольствие!

«Суровее всего наказывают за добродетели».

«Прохладно, светит месяц, ни облачка на небе; не стоит жить, о Заратустра!»

«Иной устал от самого себя – и смотри, только тогда пришло к нему счастье, что ждало его с самого начала».

Разве я роза ветров? Но все облака приходят ко мне за советом –

Я собираюсь, подобно растущему облаку, и становлюсь спокойней и мрачнее: так поступают все, кто должен родить молнию.

«Вы хотите погреться о меня? Советую вам не подходить слишком близко – иначе я обожгу вам руки. Смотрите же, я перегрелся. С трудом сдерживаю я пламя, готовое вырваться из моего тела».

Тебе связали лапы, хищная кошка; теперь ты не можешь царапаться и ядовито смотришь своими зелеными глазами!

С иссохшими, сверкающими белизной мечами, что, жаждая, слишком долго висели на стене; они блестят от желания, они хотят вновь упиться кровью.

И мечи сцеплялись с мечами, подобно змеям с красными пятнами.

Я слушаю эхо, ах! но слышу только похвалу.

31 [36]

Делайте, как я, учитесь, как я: лишь тот, кто действует, учится.

В почитании еще больше несправедливости, чем в презрении.

Чародей – я умею расстилать пестрые покрывала: кто разбирается в лошадях, разбирается и в седлах.

И ежели на небо злишься ты, зашвырни на него свои звезды; пусть это будет вся твоя злоба!

Не замер ли мир? Словно ужасными кольцами обвивает меня эта тишина!

Вы хорошо умели скрываться, вы, поэты!

Он позволил добродетели преодолеть себя, и теперь все худшее в нем мстит ему за это.

Здесь ты слеп, ибо здесь кончается твоя честность.

Я слушал эхо, но слышал только похвалу.

Он бросился вниз со своей высоты, любовь к низшим соблазнила его; и вот лежит он со сломанными членами.

Он много говорит о себе; это было его уловкой, чтобы скрывать самого себя.

Приветствую! Но как случилось, что здесь однажды победила истина? Ей пришло на помощь изрядное заблуждение.

Я был к нему равнодушен, он не делал меня плодотворным.

Как беден человек! Мне говорят, он любит сам себя; ах, как бедна и его любовь!

Этими мечами я рассеку любой мрак!

31 [37]

И кто родил, тот болен.

Вы, созидающие, во всех вас есть много нечистого; это потому, что вы должны быть матерями.

Боль заставляет кудахтать кур и поэтов.

Новый ребенок – новая грязь. И кто родил, должен очиститься.

На ходулях своей гордости.

Как будто взбалтывают масло и воду.

Что живет вокруг вас, скоро обживется и в нас.

Самостоятельные – вы должны научиться ставить себя сами, иначе опрокинетесь.

Я сам надел на себя эту корону: никакая другая рука не обладает для этого достаточной силой.

С глазами вора, даже когда они купаются в богатстве. Иных из них я называю старьевщиками и стервятниками.

Кривыми путями идут к своей цели все великие вещи, и выгибаются, и мурлычут от счастья, словно кошки. Но смотрите, хватит ли у вас мужества идти кривым путем, подобно потоку.

Твоя добродетель – это осторожность беременной: ты защищаешь и бережешь свой священный плод и свое будущее.

Кораблекрушение выбросило его на берег.

Чародей – скоро вы снова научитесь молиться. Старые фальшивомонетчики духа сделали и ваш дух фальшивой монетой.

31 [38]

Он больше не знает, куда? На земле идет огненный дождь, а море выплевывает его обратно на берег.

Весел, как человек, тайно предвкушающий свою смерть.

Лишь тот, кто знает, куда плывет, знает и свой попутный ветер.

Когда дьявол меняет кожу, спадает и его имя: оно тоже кожа.

Почитайте материнское. Отец всегда лишь случай.

Не забывай захватить свое одиночество в толчею.

Ты хотел быть их светом, но ты ослепил их. Твое солнце выкололо им глаза.

Подземный мир ворчит, все тени свидетельствуют против тебя и кричат: жизнь – это мука! Но ты все же хочешь заступиться за нее?

Похотливые глаза и прочий гарнир желчных душ.

Когда я вижу нечистых на руку, то предпочитаю оказаться в проигрыше.

Дьявол держится вдали от бога, ибо он друг познания.

Блаженный и чудаковатый, точно слон, пытающийся стоять на голове.

Недостаточно, чтобы молния больше не вредила: она должна научиться работать для меня.

31 [39]

Он им внушает, что они сбились с пути, этот льстец! Он льстит им, говоря, что у них был путь.

Он утратил свою цель; горе, как отшутится и отмучится он от своей утраты!

Чародей – тебя выдает то, что ты стремишься к величию: ты не велик.

Глубочайшая любовь, не знающая своего имени и спрашивающая: «не ненависть ли я?»

При жизни мертв, сокрыт, зарыт, запрятан: о Заратустра, сколько раз ты еще будешь восставать из мертвых!

Мне стало ясно: теперь меня ничто больше не касается. Берегись! Когда-нибудь тебе станет ясно слишком многое!

Не свободный, а новый дух ненавидят скованные всей силой своей ненависти.

О, счастье, через ненависть и любовь поднялся я к моей поверхности: слишком долго висел я в глубине, подобно всем тяжелым и унылым.

Я долго высыпался, чтобы еще дольше – просыпаться.

Особенно несправедливые, ибо они хотят равного права для всех.

Он по праву так долго высиживает свое несчастье: в этом уродливом яйце скрывается прекрасная птица.

Ему хочется, чтобы наконец засияли созвездия его добродетели; поэтому он затемнил свой дух и повесил у себя новую ночь.

Беспомощный, словно труп.

«И четыре зверя сказали: аминь».

31 [40]

И самый святой думает: «Я хочу жить, как мне нравится, – или вовсе не жить».

О, слишком богатые, вы истекаете подобно толстым бутылям с узеньким горлышком; берегитесь, нередко уже ломали горлышки таким бутылям!

Мелкая благотворительность возмущает, в то время как очень большая едва ли простительна.

Чего я всегда боялся, того, наконец, возжелаю! В конце концов научаешься *любить* свою бездну.

Больше всего удивляет меня в мудреце то, что иногда он умен.

Блаженный и усталый, подобно творцу на седьмой день.

Европеец – где могу я чувствовать себя дома? Дольше всего искал его я, и эти поиски остаются моим вечным наказанием.

«Мы идем, чтобы увидеть самого веселого человека столетия.

Он несокрушим, а если и жалуется, то скорее из снисходительности к вам, а не к себе.

Его суровость скрыта за общительностью.

Лучше уж ссоры <Händel>, чем торговцы <Händler>!

Они говорят о нем: «он поднимается», – но это вы его, словно мяч, *толкаете* к высотам сквозь мой и ваш

тяжелый воздух; он потому поднимается ввысь, что из-за вас страдает.

Здесь душат даже честолюбие; они жаждут быть скорее последними, чем первыми.

31 [41]

Вы забыли о людях будущего, когда делали свои расчеты: вы забыли о счастье большинства.

Уже нет в живых ни одного из тех, кого я люблю; как же мне выносить самого себя!

В добродетели есть только прыжки и полеты: здесь никто не должен – – –

Он искал своего врага, а нашел своего друга.

Вы, грабители трупов, умеющие еще украсть что-нибудь у всех этих мертвецов!

Создать хребет для вашей воли.

Убийце бога, искусителю добра.

Полный глубокого недоверия, обросший мхом одиночества, с длинной волей, молчаливый, враг всех сладострастных –

И кто презирал их (глубже всего) бездонно, разве не был он тем самым их величайшим благодетелем?

«В их голове меньше чувства справедливости, чем в самом левом пальце моей ноги».

Недоверчивый язвенник, готовый к внезапному волению, всматривающийся и вслушивающийся.

Я не хотел этого раньше времени и поэтому должен хотеть задним числом – мне приходится все «исправлять».

Вы, клетки и узкие сердца, как же вы хотите быть свободными духом!

Вы, коптильные камеры и душные комнаты.

Совестливый: не за свою веру сгорает он изнутри, а за то, что не мог найти для своей веры ни одного желания.

31 [42]

Люблю ли я людей? Но они часть моего труда.

О, вы, мудрые, что учились ликовать из-за вашей глупости! О, вы, бедные, ничтожные, лишние, чье бремя легко! Эм<ерсон>, 283.

Но когда старик произнес это, Заратустра схватил его за руку, которая дрожала, и поцеловал ее. «Отойди от меня, мой искуситель», – сказал он и улыбнулся, ибо, несмотря на боль, пришло ему в голову смешное воспоминание.

Учителя одного дня и другие навозные мухи.

Узкие души, души лавочников! Ибо когда деньги прыгают в сундук, прыгает следом и душа лавочника.

Обжоры или лакомки познания.

Где золото звенит, где властвует блудница.

К деньгам и менялам надо прикасаться в перчатках, – а также ко всему, что проходит через множество пальцев.

Большинство людей слишком глупы для корыстолюбия.

Их безумие – какая-нибудь любовь; они жертвуют всем ради одного.

Если хочешь купить их, не предлагай слишком мало, иначе они скажут «Нет!» и, надувшись, удалятся, укрепленные в своей добродетели «неподкупных».

Мой друг, добродетели нет дела до словечек «ради», «так как» и «чтобы»: она не слышит их.

31 [43]

Вы, стихоплеты и лежебоки, кому нечего создавать, тому ничто найдет занятие!

Легкий и ловкий, готовый к полету, побожественному легкомысленный.

То, что я должен сделать с вами, вы не *могли бы* сделать со мной: нет никакого отмщения!

Одиночество дает вызреть – но не сажает.

Они преследуют меня? Ну что ж, так учатся они следовать за мною. Всякий успех был доселе на стороне хорошо преследуемых.

Я небрежно пробегаю над вами, как взгляд пробегает над грязью.

Он видел мой глубочайший позор, только этому свидетелю хочу я отомстить.

Бог, который все видел, должен был умереть: человек не выносит, чтобы такой свидетель жил.

Стыдливый, которого нужно принуждать и обязывать к тому, чего он хочет больше всего.

Нетерпеливый, как актер: у него нет времени на ожидание справедливости.

О сильные, вы все еще с вожделением смотрите на добродетели слабых – но этих красивых девушек вам следует обходить стороной!

Ты даже не чувствуешь, что спишь; о, ты еще не скоро проснешься!

Разве я не роза ветров? Разве не приходят ко мне ветры, чтобы спросить о моем Да и Нет?

31 [44]

Человек из народа – он стремится к запретному: в этом источник всех его добродетелей.

Довольно быстро едешь ты верхом к своей цели; но твоя хромая нога также сидит на лошади. Когда ты спрыгнешь с нее, то споткнешься там же, на своей высоте!

Вот как я узнаю слишком богатого: он благодарит того, кто берет.

Одинокие дни хотят ходить на смелых ногах.

Новая весна бьет ключом во всех моих побегах, она зовется выздоровлением. Я слышу голос южного ветра и стыжусь: темных густых листьев жаждет стыд моего молодого счастья.

Купаясь в справедливости и доброте, радуясь их глупости и тому, что счастье на земле так доступно.

Выпитые, сухие души, осадок на грунте и песчаные русла рек.

Безродный: как безопасно для мятежных узилище! Как спокойно спят преступники в тюрьме!

Колдуны – те, кого убеждают возвышенные жесты, а основания делают недоверчивыми.

Возбудимые головой и срамными местами, подобно евреям и китайцам.

Ваша вера, у врат которой стоит супружеская измена бога.

Слишком близко следуете вы за мной, вы, назойливые; однажды я нечаянно наступлю вам на голову! (Говорит истина совестливому.)

Солнце вашего мира кажется мне всегда слишком знойным; лучше буду я сидеть в тени своих мечей.

31 [45]

Подобно ветру, который просветляет все небеса и заставляет волноваться все моря.

Увлекаемые и гонимые ветром, вы, мятежные духом, где только не спали вы, на каких зеркалах и оконных стеклах не ложились пылью.

Она поет: быть может, она улетела от своих несчастий, эта с<вободная> птица? Ибо кто несчастен, тот молчит.

Загадывайте мне загадки: вашими довод<ами> вы утомляете голод моего духа.

Они изобрели самую священную скуку и жажду лунных и рабочих дней.

Здесь кружатся и вращаются ужасные вещи, здесь разверзается <klafft> бездна, здесь тявкает <kläfft> пес преисподней, имя которому будущее, здесь даже у самой мудрой души голова идет кругом.

О узники богатства, не позвякивают ли ваши мысли, как холодные цепи?

Не зная женщин, кое-как питаясь, созерцая собственный пупок и считая вдохи и выдохи, – что лучшего могли вы, скучно живущие, выдумать, кроме сладострастия бога?

Обходя самые далекие и холодные мысли, точно призрак на зимних крышах, в час, когда сияет луна.

Человек, перед которым враги едва ли могут загладить свою вину: он слишком скоро начинает смеяться снова.

Кто в добродетели чувствует себя как дома, тот говорит с ней доверчивей и насмешливей.

31 [46]

Заратустра: на своего бога нужно смотреть издали: только так он производит хорошее впечатление. Поэтому дьявол держится подальше от бога, ибо он друг красивой видимости.

31 [47]

Колдун.

стоя на коленях перед добродетелями и лишениями, подобно черни, но особенно перед великим целомудрием: ей молился я и перед ней падал ниц.

Что было мне чуждым, чего <я> никогда не мог узнать, то объявил я священным; мой нос охотнее всего обонял тех, кого я не выношу.

Заратустра говорит: должно быть, в тебе много от черни; кто чувствует себя здесь как дома, говорит доверчивей, насмешливей.

31 [48]

Эти неповоротливые, запуганные, которых совесть заставляет хрюкать, ибо они всегда страдают от своей внутренней скотины.

Под небом в тучах, когда обрушивают на своих врагов стрелы и смертоносные мысли.

Более мыслящее время, более размысленное время, чем наше сегодня и вчера.

Разве не похоже это время на больную женщину, которая должна безумствовать, вопить, ругаться, ломать стол и бить тарелки, чтобы наконец снова обрести покой?

Упрямые умы, утонченные и мелочные.

О, как печальны все вы! И как печальны даже ваши шуты!

Вы, отчаявшиеся, столь много мужества внушаете вы всем тем, кто убеждает вас!

Все даже хуже, чем вы думаете: иной собрался врать и тут-то выдал истину!

Ты слишком богат, о Заратустра, ты портишь слишком многих, у всех нас ты вызываешь зависть!

Они любят, ах! Но их не любят; они терзают самих себя, ибо никто не хочет их обнять. «Разве во мне нечего любить?» – вопит их отчаяние.

Такова склонность мелких душ: они хотят лестью приблизить к себе великое и усадить с собой за стол.

31 [49]

Ах, они снова возвращаются к сильным словам и слабым делам! Ах, они снова называют себя добродетельными!

Когда-то они сотворили себе бога из Ничто; стоит ли удивляться тому, что он стал для них ничем.

Вы говорите: «Увы! Все только видимость!». Но это все ложь. Вы говорите: «Все страдание и гибель!» Но вы

всегда недоговариваете, ибо все желает заставить страдать и гибнуть.

Без бога, без блага, без духа – это мы выдумали его, самого безобразного из людей!

Ах, мои братья! Куда исчезло добро и вера в добрых? Куда исчезла невинность всей этой лжи?

Неловкий и пугливый, подобный тигру, совершившему неудачный прыжок.

Он разучился есть мясо и играть с учтивыми бабенками, он безмерно скорбит.

Когда-то – ах, как далеко это когда-то! Как сладостно одно лишь это слово «когда-то», подобное блуждающему звону колоколов в лесной чаще.

Да, человек, человек – это длинный канат, а узел, завязанный на нем, зовется Заратустрой! (Прорицатель.)

Басня о том, как странник, погруженный в мечты о далеких вещах, нечаянно на пустой дороге спотыкается о спящую собаку; испуганные до смерти, они смотрят друг на друга, словно смертельные враги! Но в сущности какой малости недостает, чтобы они погладили и приласкали друг друга!

День уходит, пора, давно пора нам отправляться.

31 [50]

Чертополошные головы, мелочные простофили.

Слишком проворные, как обезьяны, что скоры на выдумки.

Среди гробов и опилок.

Чахлые псы и тщедушное отродье вокруг меня.

Холодная ванна: не хочешь ли ты погрузиться в нее головой и сердцем? О, как скоро ты будешь стоять тут, весь красный как рак!

Прилежный, добросовестный, чей день течет по-золотому светло и мерно.

Я окружен сумрачной вечностью, а надо мной безоблачное молчание.

Тот, кто дает крылья ослам и из своих обвинителей делает своих защитников, кто доит львиц.

Волны вокруг меня поднимаются все выше и выше; моему челну уже недолго стоять на суше.

Вы связали меня цепями, но палачи и мучители – это доводы, убеждающие лучше всего, когда нам затыкают рот.

Их мысли обо мне мелки: они мстят мне за то, что я хотел придать им величия!

В час, когда ни один пастух не играет на свирели: полдень спит в полях.

Женщина, которая хочет страдать из-за того, что она любит.

Добровольный нищий – та старая ловкая святость, которая говорила: «Давать нищим значит давать взаймы богу; будьте хорошими банкирами!»

Если бы я придерживался твоей веры, то хотел бы делить с тобой и твой образ жизни.

Ибо воля его требовала великого полдня и своей гибели.

31 [51]

Жертвующим называете вы меня? Но кто однажды приносил жертвы, тот знает, что это не были жертвы.

Чудовищный преизбыток и разум, расточитель с тысячью рук, равнодушный, словно солнце.

Был однажды человек, который говорил: «Я есмь истина», – и никогда еще не отвечали дерзкому столь вежливо, как ему.

Поэты: на немногое и долгое направлена мысль моя и тоска моя; как презираю я ваши маленькие короткие красоты!

«Нет истины, все дозволено», так говорите вы? Ах! Значит и эта речь истинна, и что с того, что она дозволена?

Говорить образами, танцами, звуками и умолчаниями: какой смысл был бы в этом мире, если бы весь он не был знаком и подобием!

И вот они стоят, тяжелые гранитные кошки – ценности из древних времен; кто в силах их опрокинуть!

Великий человек, отбрасывающий ради своего дела сострадание и способный разбить свое справедливое сердце; он осмеливается и требует от себя жертвовать многими и многим, чтобы преуспевал он.

Поставленный столпом в пустыне великого несчастья, ставший неподвижным, застывшим и каменным.

Спокойный в своей бронзовой скорби, как человек, испытавший слишком много добра.

Мое тысячелетнее царство господ, мой Хазар –

Разве ты не знаешь этого? В каждом твоем действии все случившееся повторяет и сокращает историю.

Их смысл – бессмыслица, их шутка – глупость и сумасбродство.

31 [52]

Ревнив даже в ненависти: ты хочешь, чтобы твой враг принадлежал тебе одному!

Как мало привлекало бы познание, если бы на пути к нему не приходилось преодолевать столько стыда!

Вы любите пользу как повозку ваших склонностей – но ведь вам так же нелегко выносить шум ее колес?

Походка обнаруживает, идет ли кто по своему пути; и кто приближается к цели своей, тот танцует.

Вы говорите о своей верности – но ваша привычка к удобству не хочет, чтобы вы вставали с вашей постели.

Твоя добродетель была тебе мила, – так пусть отныне она называется уже не добродетелью, а твоим вкусом: этого хочет хороший вкус!

«Но Заратустра, – сказала змея, – ты умен; как мог ты поступить так! Это была глупость!» – «Она дорого обошлась мне».

Нечистая совесть в тебе – это голос древнейшего из твоих предков. «Первородный грех», друг мой, – это наверняка доказательство твоей первородной добродетели.

Но что говорите вы о высоких чувствах! На высоте я чувствую себя глубоким и устойчивым, стоящим, наконец, на своей родной почве.

Учитель до глубины души, человек, воспринимающий всерьез все вещи – даже себя самого – только ради ученика.

Обладать духом недостаточно: нужно еще уметь брать его себе, а для этого требуется много мужества.

31 [53]

О, этот странный и страшный бог, которого вы восхваляете, называя «любовью»! Должно быть, когда *этот* бог возник, любовь была еще недостаточно божественной?

Холодные, трезвые люди, – даже в их глупость не желают верить.

Кто здоров и сговорчив в сердце своем, тот любит и прыжки в сторону, – но горе безусловным! – Это больной вид.

Разве похвала не назойливее любого порицания?

Когда-то вы научились верить этому без оснований; как мог бы я опровергнуть вашу веру основаниями!

«Я люблю своего бога до глубины души; как мог бы я хотеть, чтобы и он ответил мне любовью! Ведь он не настолько глуп, чтобы верить в меня, как это делают все любящие!»

Больным лихорадкой все вещи кажутся призраками, а избавившимся от лихорадки – пустыми тенями, – но тем и другим нужны одни и те же слова.

Моя память говорит: «это я сделал», но моя гордость говорит: «я не *мог* этого сделать» – и остается непреклонной. В конце концов память уступает.

У него холодные иссохшие глаза, перед ним всякая вещь лежит ощипанной, голой и бесцветной; а вы полагаете, что его неспособность ко лжи есть «любовь к истине»!

Вы плохо всматривались в жизнь, если не разглядели того, кто щадящими руками, – *убивает*!

Он трясется, оглядывается, проводит рукой по голове – и вот вы уже называете его познающим. Но избавление от лихорадки еще не познание.

31 [54]

Сегодняшний познающий, который учит: однажды бог хотел стать зверем; смотри, вот человек: бог, ставший зверем!

Великая любовь не желает возвращать и вознаграждать, вознаграждение утонуло в море великой любви.

Научитесь, наконец, у меня: «у всякой плохой вещи есть свои хорошие изнанки».

Вы, все утопающие, думаете, будто я не знаю, чего вы хотите? Уцепиться за сильного пловца, такого, как я.

Вы думаете, я хотел облегчить жизнь высшему человеку, показать ему более удобные тропы? Все больше

людей вашего рода должно погибать, и все лучше хочу я учить смеяться над этим.

Вы и самого сильного можете утащить за собой вглубь: так слепо и глупо хватаетесь вы за спасителя!

Я научился видеть большие несчастья и поэтому не без веселья смотрю, как вы кричите.

Что мне до вашего несчастья! Сострадать вам называлось бы для меня грехом!

Вы полагаете, я здесь для того, чтобы исправить плохо сделанное вами?

Теперь закидываю я мои золотые удочки далеко в это темное море; просвистев, впиваются их стрелы в нутро его скорби.

Теперь приманиваю я самых диковинных рыб человеческих, теперь хочу я смеяться бронзовым смехом над тем, что внизу всё рождается уродливым и кривым.

Откройся, нечистое лоно человеческой глупости! Ты, бездонное море, выброси мне своих самых пестрых чудищ и сверкающих раков.

31 [55]

О льстецы и удивительные, вы, неудавшиеся, что было бы мне до ваших бед, если бы не возможность вволю посмеяться над этим! Сострадание к вам – пусть так зовется единственный грех, еще оставшийся у меня.

О утопающие, вы полагаете, будто я не знаю, чего вы ждете от меня на моей высоте: море тянет вас вглубь, и вам хочется уцепиться за сильного пловца?

Поистине, так слепо и яростно хватаетесь вы руками и ногами за своего спасителя, что и самого сильного тянете за собой в бездну!

Я смеюсь над этим, сильный пловец, который не протянет вам даже мизинца: ибо, схватившись за него, вы прихватите заодно руку и сердце.

В этом ваша нескромность: вы хотите жить, даже если я из-за вас пойду ко дну.

31 [56]

«Вы, короли, и ты, один осел!»

31 [57]

волосы Заратустры чернеют (лев и стая голубей)

31 [58]

И скорбь бродила по земле, стучалась в дверь ко всем отшельникам и спрашивала: «Жив ли еще Заратустра?»

31 [59]

Хорошо поставивший вопрос уже наполовину получил на него ответ.

31 [60]

Надо иметь глаза и на затылке!

31 [61]

Беседа с королями

«Я вижу перед собой королей – но ищу я высшего человека».

Мечом этого слова рассекаешь ты мрак нашего сердца.

Мы не первые, но должны слыть первыми; в конце концов нам надоел и опротивел этот обман.

Научитесь, наконец, у меня: «у всякой плохой вещи есть две хорошие изнанки».

О Заратустра, в их голове меньше чувства справедливости, чем в левом пальце твоей ноги.

«Среди дурной черни честолюбие само удушает себя: человек там хочет *слыть* скорее последним, чем первым для этого народа».

Хорошо поставивший вопрос уже наполовину получил на него ответ.

Смотрите же, как пришло это и должно было прийти: нужно иметь глаза и на затылке!

Образцовая несправедливость: ибо они хотят одинаковой меры для всех.

Упрямый, как крестьянин, грубый и хитрый.

Они цепляются за законы и хотят называть их «твердой почвой»: ибо они устали от опасности, но в глубине ищут великого человека, рулевого, пред которым отступают даже законы.

Большой ящур; за тонкие вещи они хватаются своими овечьими копытами. Не всякое слово ко всякому рылу.

Когда они почитают, то становятся слащавыми, льстивыми собаками.

Их женщины: уступчивые, похотливые, забывчивые – всем им совсем недалеко до блудниц.

И кто из них еще честно называет свое послезавтра хорошим? Кому – позволено еще клясться и давать обещания? Кто из них еще остается пять лет в одном доме и при одном мнении?

Люди доброй воли, но ненадежные и жаждущие нового, эти клетки и узкие сердца, эти коптильные камеры и душные комнаты – они хотят быть свободными духом.

Они чувствуют себя частью черни телом и душой, хотели бы это скрыть <и> охотно напяливают на себя и поверх себя благородство: воспитанностью называют <они> это – они усердно этим занимаются.

Они говорят о счастье большинства и жертвуют ему всех грядущих.

У них есть добродетель, ее не купишь за любую цену. Не предлагай слишком мало, иначе они скажут «Нет!» и, гордо надувшись, удалятся, укрепленные в своей добродетели. «Мы самые неподкупные!»

Учителя на один день и другие навозные мухи.

Часто похожи они на стыдливых, которых еще нужно принуждать и обязывать к тому, чего они хотят больше всего.

Солнце его мира кажется мне мрачным и вялым; охотнее сижу я в тени раскачивающихся мечей.

Купаясь в справедливости и доброте, радуясь их глупости и тому, что счастье на земле так доступно.

31 [62]

Вечерняя трапеза.

Так говорил король, и все подошли к Заратустре и еще раз выразили ему свое почтение; но Заратустра покачал головой и жестом руки отстранил их.

«Добро пожаловать! – сказал он своим гостям. – Снова говорю я вам “добро пожаловать”, вы, удивительные!

И мои звери приветствуют вас, полные почтения и страха: еще никогда прежде не видели они столь высоких гостей!

Но вы для меня немалая опасность – так нашептывают мне мои звери. "Остерегайся этих отчаявшихся!" – говорит мне змея на моей груди; простите их любви ко мне эту робкую осторожность!

Об утопающих тайно говорит мне моя змея: море затягивает их вглубь – и они хотят уцепиться за сильного пловца.

Поистине, так слепо и яростно хватаются утопающие руками и ногами за доброго спасителя, что тянут сильного за собой в пучину. Не вы ли – эти утопающие?

Я уже протягиваю вам мизинец. Горе мне! Что же теперь возьмете вы у меня и потащите к себе!»

Так говорил Заратустра и смеялся при этом, полный злобы и любви, поглаживая рукой шею своего орла: тот стоял перед ним, взъерошенный, как будто он должен был защищать Заратустру от его гостей. Потом Заратустра протянул руку королю справа, чтобы он поцеловал ее, и заговорил снова, еще сердечнее, чем прежде: – – –

31 [63]

Вечерняя трапеза.
Песнь смеющегося.

Приветствие.
Вечерняя трапеза.
Импровизация.
Речь с розами.

31 [64]

Но когда Заратустра увидел, что гости его снова развеселились и шумно беседуют друг с другом, он оставил их и тихой поступью вышел из своей пещеры. «Они счастливы, я излечил их, – говорил он своему сердцу, – как хорошо заканчивается этот день, начавшийся так дурно! Вот и вечер идет по морю, подъезжает верхом, полный страстного ожидания, качаясь на своих пурпурных седлах. Небо глядит ясно, мир покоится глубоко; о, все вы, странные люди, при-

шедшие ко мне, вы поступили правильно: у меня стоит жить!» –

Так говорил Заратустра сердцу своему и становился все спокойнее; но тем временем гости Заратустры один за другим стали выходить из пещеры, и то, что они увидели, заставило, наконец, каждого из них успокоиться. Они стояли рядом, молча протягивали друг другу руки и смотрели вдаль; но тут из глубины донесся тайный звук того старого тяжелого ворчливого колокола, того полуночного колокола Заратустры, удары которого он любил считать и воспевать рифмами, – и на этот раз его звуки вновь были полны удовольствия и боли, так что у всех защемило сердце.

Заратустра же, который обо всем догадался, проговорил со злобой и в то же время с любовью, не глядя на них, а скорее как тот, кто разговаривает сам с собою, негромко, но довольно отчетливо: «О, взгляните только на этих отчаявшихся! О, взгляните только на этих отчаявшихся!»

Но как только гости Заратустры услыхали его слова, они сразу осознали превращение свое и выздоровление; они стали смеяться над собой и бросились все к Заратустре, стали благодарить, выражать почтение и любовь или целовать ему руки, каждый на свой лад; иные даже плакали. Прорицатель же пританцовывал от удовольствия, и если, как думают некоторые, он был тогда пьян от сладкого вина, то, несомненно, он был еще более пьян сладостью жизни и позабыл всякую усталость. Заратустра обратил внимание на танец прорицателя и пальцем указал на него, но затем вдруг вырвался из толпы благодарящих и любящих и нашел себе убежище рядом с крутым утесом, невысоко взобравшись на него и, поднимаясь, сорвав несколько роз и побегов роз. И с этой высоты, держа, как уже сказано, розы в руках, он произнес последнюю в этот вечер речь. Глядя вниз, на толпу отчаявшихся, которые уже избавились от своего отчаяния, на утопающих, которые стояли уже на твердой почве, он рассмеялся от всего сердца, сплел розы в венок и произнес речь, которую называют:

Речъ с розами.

Этот венок смеющегося, этот венок из роз, – я сам надел на себя этот венок, я сам назвал священным свой

смех. Никого другого не нашел я сегодня достаточно сильным для этого.

Как хорошо, что вы пришли к моей пещере посмотреть на *это*! Как благодарен я вашей заботе и вашей тоске, которая поднялась в горы и в нужном месте спросила: «Жив ли еще Заратустра?»

Хорошо поставивший вопрос уже наполовину получил на него ответ. И поистине, весь ответ в том, что видите вы здесь своими глазами: Заратустра жив, он живее, чем когда бы то ни было:

Заратустра танцор, Заратустра легкий, машущий крыльями, готовый лететь, манящий всех птиц, готовый и проворный, божественно-легкомысленный, – я сам надеваю на себя этот венок!

Заратустра вещий словом, Заратустра вещий молчанием, не нетерпеливый, не безусловный, любящий прыжки и прыжки в сторону, – я сам надеваю на себя этот венок!

Сотрясайте меня всеми земными слезами и всем горем человеческим – я каждый раз снова буду наверху, как масло на воде.

И если однажды невзлюблю я землю – моя злоба притянет тогда небесные звезды к земле: такова всякая месть Заратустры.

И хотя на земле топи болотные, и печаль, и целые моря нечистот, – у кого легкие ноги, тот бежит поверх нечистот – стремительно, как по расчищенному льду.

И хотя побывал я уже во многих пустынях и диких пустынных местностях, я все же не стал святым пустынником и не стою, как столп, – неподвижно, тупо, окаменело, – напротив, я шагаю!

Походка обнаруживает, идет ли кто по *своему* пути. Взгляните, как я иду! Но кто приближается к цели своей, тот – танцует!

Кривыми путями приближаются все хорошие вещи к своей цели, они выгибаются, как кошки, они мурлычут про себя от близкого счастья, – все хорошие вещи смеются!

Что было на земле доселе величайшим грехом? Это было *слово* того, кто говорил: «Горе здесь смеющимся!»

Разве не нашел он на земле никаких оснований для смеха? Значит, искал он слишком плохо: даже дитя нахо-

дит здесь основания для смеха. О, если бы он все же нашел – самого себя!

Он – недостаточно любил, иначе он полюбил бы и нас, смеющихся. Но он ненавидел и высмеивал нас, вой и скрежет зубовный обещал он нам, смеющимся.

Кто не любил его, этого безусловного, тех он хотел сразу же варить и поджаривать. Сам он любил недостаточно, иначе он не так страстно желал бы, чтобы любили – *его.*

Сторонитесь всех этих безусловных! Это бедный, больной род, род черни. Они дурно смотрят на эту жизнь, у них тяжелая поступь и тяжелые сердца.

Возвысьте сердца ваши, братья мои, выше! все выше! И не забывайте о ногах! Поднимайте также и ноги ваши, вы, хорошие танцоры, а еще лучше – стойте на голове!

Бывают и в счастье тяжеловесные звери, есть неуклюжие от рождения. Они делают смешные усилия, эти счастливцы, как слон, старающийся стоять на голове.

Но лучше одуреть от счастья, чем одуреть от несчастья! Лучше неуклюже танцевать, чем ходить, хромая! Учитесь же у мудрости моей: «У каждой плохой вещи есть две хорошие изнанки».

Разучитесь же унынию и всякой печали ночных сторожей! О, какими печальными кажутся мне сегодня даже шуты! Это Сегодня принадлежит черни, так разучитесь же этому – Сегодня!

Подражайте ветру, вырывающемуся из своих горных ущелий. Под звуки своей свирели хочет он танцевать, моря дрожат и прыгают под танцующими шагами его.

Воздайте же почести тому, кто дает крылья ослам, доит львиц, который приходит, как ураган, для всякого Сегодня и всякой черни, –

кто враг чертополошным и взбалмошным головам и всем маленьким ворчливым сорнякам, воздайте почести этому дикому, доброму и свободному штормовому ветру, который засыпает пыль в глаза всем, чей взгляд замутнен, кто видит лишь черное и сам покрыт язвами, –

тому, кто ненавидит чахлых псов из черни и всякое неудачное мрачное отродье; воздайте почести этому духу всех свободных умов, этой смеющейся буре, что танцует над морями и печалями, словно на лугах.

Улетай, улетай же, буян и сорвиголова! О ком еще говоришь ты? Улетай вдаль, добрый порывистый ветер! Словно ликующий крик, лети над широкими морями, пока не достигнешь блаженных островов, –

– поприветствуй моих детей на их островах, передай им привет от соседа солнца, соседа снега, соседа орла, передай им привет – любовь их отца!

Дети мои, мои благополучно-рожденные, мой новый прекрасный род, – почему *медлят* мои дети на своих островах?

Разве не самое время уже – шепни им на ухо, о добрый штормовой ветер, – чтобы они вернулись к своему отцу? Разве не жду своих детей я, чьи волосы стали белыми и седыми?

Лети же, лети вдаль, добрый дух бурь! Обрушься в море со своих горных ущелий, поспешай и еще до вечера благослови детей моих –

– благослови их моим счастьем, счастьем этого венка из роз! Брось эти розы над их островом, как знак вопроса, гласящий: «Откуда пришло это счастье?»

Пока они не спросят: «Жив ли еще наш отец? Как, наш отец Заратустра еще жив? Любит ли еще наш отец Заратустра своих детей?»

Моим великим счастьем замани детей ко мне! Вытащи их наверх, сюда, к моей верной золотисто-коричневой отцовской тоске! Урони на них капельки меда долгой, долгой любви отцовского сердца!

Ветер дует, ветер дует, луна сияет, – о, мои далекие, далекие дети, почему вы не здесь, со своим отцом? Ветер дует, на небе ни облачка, мир спит. – О счастье! О счастье!

Но едва Заратустра произнес эти слова, как вздрогнул до глубины сердца своего: ибо, взглянув вниз, он заметил, что остался совсем один. Он забыл о своих гостях – неужели забыли о нем гости его? «Где вы? Где вы?» – кричал Заратустра в ночь; но ночь молчала. –

«Где вы? Где вы, звери мои?» – еще раз крикнул Заратустра в ночь. Но и звери его молчали – –

31 [65]

Песнь чародея.

О науке.
Речь с розами.

31 [66]

Счастливые любопытны.

31 [67]

И раз уж вы называете меня своим господином и мастером, я скажу вам в рифмах, что этот мастер думает о самом себе.

Итак, я написал однажды над дверью в свой дом, точнее, над входом в эту пещеру: – – –

31 [68]

Не бывает на этой земле большего несчастья, чем когда сильные мира не суть также и первые люди. Тогда все становится кривым, лживым и – – –

Но если все становится лживым, что ж удивляться тому, что чернь стремится в господа? Тогда добродетель черни говорит: «Смотри, лишь я добродетель!»

Такое происходит между Сегодня и Завтра; но как это случилось и как должно было случиться – – –

31 [69]

Я хочу говорить с вами по-н<емецки> и ясно

До сих пор не знаю я, что с вами делать. Лучше всего, чтобы мы попировали вместе

31 [70]

2 короля
добровольный нищий
чародей
совестливый духом
самый безобразный человек
папа в отставке
странник
<спящий> в полдень

32. Зима 1884–1885

32 [1]

Приведение моральных оценок к их корням.

32 [2]

Он говорил за всех нас, ты избавил нас от отвращения – худшей болезни этого худшего времени.

Заратустра: что за подарок вы принесли мне – вы сами не знаете, *что* вы мне сейчас подарили!

ты учишь воспитывать новую знать

ты учишь основывать колонии и презирать торгашескую политику государств. тебя волнует судьба человека

ты пропускаешь мораль через себя (преодоление человека, не только «добро и зло», осознание грехов)

Речь *Заратустры о высшем человеке*

Вы должны найти *преимущества* этого дурного времени.

32 [3]

Добрая трапеза.
О высших людях.
Песнь чародея.
О науке.
Речь с розами.

32 [4]

К «самому безобразному человеку»

Не отчаивайся, о душа моя, из-за человека! Лучше услаждай свой взор всем тем, что есть в нем злого, странного и ужасного.

«Человек зол» – так говорили мне в утешение мудрецы всех времен. О, если бы Сегодня научило меня вздыхать: «Как! Неужели это все еще правда?»

«Как? Утешения больше нет?» Так вздыхало мое малодушие. Но меня утешил этот божественнейший.

32 [5]

Чернь – это значит сегодня: мешанина. Все в ней вперемешку, и негодяи, и святые, и дворяне, и евреи, и бог, и всякий скот из Ноева ковчега.

А эти сегодняшние женщины – разве они не настоящие дурные женщины из черни? Услужливые, похотливые, забывчивые, сострадательные – все они недалеко ушли от блудницы.

Друзья мои, когда вы будете однажды рассказывать такое своим женам, добавляйте пристойным и добродушным тоном: «Ты одна, любовь моя, исключение. И Заратустра передает тебе привет».

32 [6]

Ты злой старый чародей, это твое лучшее и самое честное, я чту в тебе то, что наконец устал ты от себя и сказал: «Я не велик». Поздно же пришел ты к *этой* честности.

Ты, беспокойный, лживый, недостойный спасения, сколько часов нашептывал тебе твой дьявол: «Заставь прежде поверить в себя, говори, что только ты можешь их спасти, ты достаточно лжив для этого»!

32 [7]

Но оставьте, наконец, эту детскую комнату, мою пещеру, и выйдите наружу! Охладите здесь свою разгоряченную заносчивость и научитесь быть тихими от счастья.

Ночь ясна, луна сияет, на небе ни облачка; спросите меня, спросите себя, о странные люди: разве не стоит – жить!

Заратустра говорил слова, которые уже произносил однажды, когда утверждал жизнь для вечности, а вечность – для этой, той же самой жизни, – но голос его изменился.

И все, кто услышал вопрос Заратустры, ответили на него сердцем своим, но никто не произнес ни слова. Так стояли они друг рядом с другом, молча держась за руки и глядя вдаль. Тут – – –

32 [8]

Тоска по дому без дома. Странник.

1: так что мне немногого недостает до вечного жида, разве только что не вечен я и не жид.
2 – то, что живет вокруг меня, скоро совсем обживется.
3 – когда дьявол меняет кожу, спадает и его имя: оно тоже кожа.
4 – лишь тот, кто знает, куда плывет, знает и *свой* попутный ветер
5 – он утратил свою цель; горе, как отшутится и отмучится он от своей утраты!
6 – он им внушает, что они сбились с пути, этот льстец! Он льстит им, говоря, что у них должен быть путь!
7 – это прояснилось – и теперь оно больше меня не касается. Берегись, тебе может стать ясно слишком многое!
8 – и самый святой думает: «Я хочу жить, как мне нравится, – или вовсе не жить».
9 – где смогу *я* чувствовать себя дома? Очень долго искал я это место, и мои поиски превратились в беспрерывное наказание.
10 – я не хотел этого раньше времени и поэтому должен хотеть задним числом: мне приходится все «исправлять”»
11 – уже нет в живых ни одного из тех, кого я люблю; как же мне выносить самого себя!
12 – эти клетки и узкие сердца – как же хотят они быть свободными духом! И кто не совершил всех преступлений, как –
13 – учителя одного дня и другие навозные мухи
14 – где золото звенит, где властвует блудница, где ко всему нужно прикасаться только в перчатках
15 – слишком стыдливые, которых нужно принуждать и обязывать к тому, чего они хотят больше всего
16 – возбудимые головой и срамными местами, подобно евреям и китайцам
17 – те, кого убеждают возвышенные жесты, а основания делают недоверчивыми
18 – как безопасно для мятежных духом узилище! Как спокойно спят заключенные преступники!
19. «Остерегайся слишком близко следовать за истиной: иначе она наступит тебе на голову!»

20. «Как? Ты называешь себя свободным духом? Совершил ли ты уже все преступления? Разбил ли свое почитающее сердце?»
21 – высохшие песчаные души, сухие русла рек; как – свободные духом?
22 – он стремился к запретному: в этом источник всех его добродетелей.
23 – ты обошел самые далекие и самые холодные мысли, подобно призраку на зимних крышах?
24 – вздымаемый ветром, гонимый, непостоянный, – я спал уже на всех поверхностях, я оседал пылью на каждом зеркале, на каждом оконном стекле
25 Все еще хуже, чем вы думаете: иной собрался врать – и тут-то выдал истину!
26 – эти неповоротливые и запуганные, которых совесть заставляет хрюкать; на них я не похож
27 – что делает Европа? – О, это болезненная чудаковатая бабенка; пускай она безумствует, вопит, ломает стол и бьет тарелки, иначе не жди от нее покоя: бабенка хочет страдать из-за того, что она любит.
28 – более мыслящее время, более размысленное время, чем наше сегодня и вчера
29 – ах, куда подевались добро и вера в добрых? Ах, куда исчезла невинность всей этой благородной лжи?
30 – бог, которого они когда-то сотворили из Ничто! Стоит ли удивляться тому, что он стал для них ничем.
31 – слишком проворные, как прыгучие обезьяны
32 – холодная ванна – не хочешь ли погрузиться в нее головой и сердцем? О, как скоро ты будешь стоять тут, красный как рак! (Заратустра при виде огненно-красного человека)
33 – жить среди гробов и опилок; меня не привлекало ремесло гробовщиков
34 – «нет истины! Все дозволено!» Я совершил все преступления: самые опасные мысли, самые опасные женщины
35 – когда-то меня занимало немногое и долгое – но где бы я нашел это сегодня! Поэтому не презираю я маленькие короткие красоты
36 – как мало привлекало бы познание, если бы на пути к нему не приходилось преодолевать столько стыда –

37 – сегодняшние познающие, которые учат: однажды бог хотел стать зверем; смотрите же, это и есть человек!
38 – свободный дух, но слабая воля; парящее крыло, но сломанный хребет
39 – они то запираются, то разрываются, эти славные отечества

1, 9, 24, 2, 39, 13, 14
6, 5, 4, 35, 8, 37, 30
38, 11, 10,
21, 32, 33, 23, 27, 16, 28
15, 36, 22, 20, 34, 7, 25, 3, 16, 26, 29
18, 12
19

Добрый европеец

1, 9, 24, 2 (со смехом об *отечествах*). Бездомный, бродяжничающий 13, 14, сластолюбец 6
6, 5, 4, 35 бесцельный, несдержанный 37, 30
38 слабовольный 11, 10
21, 32, 33 привыкший к самым сильным (наиболее стимулирующим) мыслям, к самым холодным ваннам 23:
27 *впереди*: это называется *европейским*
16, 28 и дряхлые народы, подобно евреям
15, 36 (преодолеть стыд – – 22, 20 *преступления* мысли
34 «все дозволено»
7, 25, 3, 16, 29 абсолютная насмешка над моралью
18, 12 опасность поймать самого себя в клетку
19 *утомленный духом, испытывающий отвращение*

32 [9]

Знающий и совестливый.

Сегодняшний познающий спрашивает: что есть человек? Бог сам как зверь? Ибо однажды, кажется мне, бог хотел стать зверем.

Холодные трезвые люди, в глупости которых не желают верить: их плохо толкуют как плохие умные вещи.

Вы научились не верить этому без оснований; как бы мог я опровергнуть вашу веру основаниями!

Разве похвала не назойливее любого порицания? Я разучился и хвале: в ней нет стыда.

Эти знающие и совестливые: как *убивают* они – щадящей рукой!

Их память говорит: «это я сделал», – но гордость их говорит: «ты не мог этого сделать» – и остается непреклонной. В конце концов память уступает.

У него холодные иссохшие глаза, перед ним всякая вещь лежит ощипанной и бесцветной, он страдает от своей неспособности ко лжи и называет ее «волей к истине»!

Он трясется, оглядывается, проводит рукой по волосам – и вот уже его клеймят познающим. Но избавление от лихорадки еще не «познание».

Больным горячкой все вещи кажутся призраками, а избавившимся от горячки – пустыми тенями, – но и тем, и другим нужны одни и те же слова.

Но ты, умный, как мог ты так поступить? Это была глупость! – «Это дорого обошлось мне».

Иметь дух сегодня недостаточно: его надо еще взять себе, «позволить» себе его; для этого требуется много мужества.

Есть и такие, которые испорчены для познания, ибо они учителя: лишь ради учеников они серьезно относятся к вещам и к самим себе.

Вот они стоят, тяжелые гранитные кошки, ценности из древних времен; и ты, о Заратустра, – ты хочешь опрокинуть их?

Их смысл – бессмыслица, их шутка – глупость и сумасбродство.

Эти прилежные и добросовестные, каждый их день струится золотым и ровным светом.

Как странник, погруженный в мечты о далеких вещах, нечаянно на пустой дороге спотыкается о спящую собаку; испуганные до смерти, они смотрят друг на друга, словно смертельные враги. Но в сущности какой малости недостает для того, чтобы они погладили, приласкали и утешили друг друга – эти два одиноких существа!

Упрямые души, утонченные и мелочные.

Позволь дать совет: твои доводы утомляют голод моего духа.

Ты даже не чувствуешь, что спишь: о, ты не скоро проснешься!

Друг мой, добродетели нет дела до словечек «для», «потому что» и «чтобы»: она не слышит их.

Полный глубокого недоверия, поросший мхом одиночества, с терпеливой волей, молчаливый, ты, враг всех испытывающих желания.

Не за веру свою сгорает он изнутри в огне небольших зеленых поленьев, а за то, что не находит сегодня мужества для своей веры.

Беспомощный, как труп, мертвый при жизни, погребенный, скрытый: он уже не может стоять, этот съежившийся, притаившийся; как сможет он – восстать!

Недостаточно, чтобы молния больше не вредила: она должна научиться работать для меня.

Ты хотел быть для них светом, но ты ослепил их. Само твое солнце выжгло им глаза.

Как же случилось, что истина здесь победила? Не пришло ли ей на помощь изрядное заблуждение?

Здесь ты слеп, ибо здесь кончается твоя честность.

Они лежат на брюхе перед маленькими круглыми фактами, они целуют пыль и грязь у их ног и ликуют: «Вот, наконец, реальность!»

32 [10]

Добровольный нищий.

Лишь тогда я вернулся к природе.

Ты относишься к тем, кто восторгается зелеными овощами, кому неведомы радости мясных блюд? Проповедуй свои нагорные проповеди и философию доброму скоту.

Они холодны; пусть молния ударит в их блюда и их пасти научатся пожирать огонь!

Я устал от самого себя – и смотрите, только тогда пришло ко мне мое счастье, которое ждало меня с самого начала.

Они сидят со связанными лапами, эти хищные кошки; теперь они не могут царапаться, но взгляд их зеленых глаз ядовит.

Иной уже бросался со своей высоты вниз. Сострадание к низшим искушало его; теперь лежит он с переломанными конечностями.

Что проку в том, что я сделал так! Я слушал эхо, но слышал только похвалу.

У них воровские глаза, даже когда они купаются в богатстве. Иных из них называю я тряпичниками и стервятниками.

Я видел, что они, по привычке своих отцов, нечисты на руку; тогда предпочел я оказаться в проигрыше.

Похотливые глаза, желчные души.

Уж лучше ссоры, чем эти торгаши! В перчатках нужно прикасаться к деньгам и менялам!

Малое благодеяние возмущает там, где не прощается самое большое.

Вы, слишком богатые, вы истекаете подобно толстым бутылям со слишком узким горлышком; берегитесь, нетерпение нередко ломало горлышки таким бутылям!

Я стыдился богатства; когда увидел я наших богатых, отбросил я все, что имел, и бросил сам себя в пустыню.

Мой дорогой незнакомец, где был ты? Разве сегодня каждый не мошенник? Всех их можно купить, но не за любую цену; если захочешь купить их, предлагай не слишком мало, иначе ты укрепишь их добродетель. Иначе они скажут Нет! и, надувшись, уйдут, как будто они неподкупны – все эти учителя одного дня и бумажные навозные мухи!

Узкие души, души лавочников; когда деньги прыгают к ним в сундук, прыгает следом и душа лавочника.

« Так узнаю я слишком богатого: он благодарит того, кто берет», – говорит Заратустра.

«Узники богатства, чьи мысли позвякивают, как холодные цепи».

Они изобрели самую священную скуку и жажду лунных и рабочих дней.

Как путник, погруженный в мечты о далеких вещах, нечаянно на пустой дороге спотыкается о спящую собаку:

испуганные до смерти, они смотрят друг на друга, словно смертельные враги; но в сущности какой малости недостает, чтобы они погладили и приласкали друг друга, эти два одиноких существа!

Не из-за той старой ловкой святости, которая говорила: «Подавать бедным значит ссужать богу. Будьте хорошими банкирами!»

Вы любите пользу как экипаж ваших склонностей, но неужели вы можете выносить стук его колес? Я люблю бесполезное.

Ваши женщины: уступчивые, похотливые, забывчивые; всем им совсем недалеко до блудниц.

Я люблю тишину, а они любят шум; поэтому – – –

32 [11]

О высшем человеке.

«Итак, вы не будете как дети?» – Нет! Нет! Трижды нет! Это в прошлом. Мы не хотим даже в Царство Небесное.

Мужами стали мы и хотим Царства Земного.

(Нет! Нет! Трижды нет! Царство небесное тесное, пресное! Мы не *хотим* в Небесное Царство: пусть нашим будет Царство Земное!)

вас выдавливают наверх, ко мне; пускай народ говорит: «вы возноситесь». Но для меня вы те, кого *выдавливают*!

в столетии, в котором царит довольство черни, а отвращением помечен уже и высший человек:

32 [12]

Семъ одиночеств.

И если приходится мне выть с волками, я делаю это как следует; иной раз один из волков говорил мне: «Ты воешь лучше нас, волков».

32 [13]

Песнъ по кругу.

И когда они так стояли, а тайна ночи все ближе подступала к их сердцам, случилось самое удивительное в тот долгий удивительный день. Сначала самый безобразный человек снова принялся пыхтеть и клокотать, но когда он добрался до слов, из уст его вдруг отчетливо и чисто вылетел вопрос, от которого у всех слышавших его перевернулось сердце в груди.

«Друзья мои, – спросил самый безобразный человек, – как кажется вам? Ради этого дня – я впервые доволен, что жил всю свою жизнь.

И засвидетельствовать столь многое – этого для меня еще недостаточно. Стоит жить на земле: один день с Заратустрой научил меня любить землю.

“Так *это* была – жизнь? – хочу сказать я смерти. – Ну что ж! Еще раз! Ради Заратустры!”

Друзья мои, как кажется вам? Не хотите ли вы сказать смерти, подобно мне: “Так *это* была – жизнь? Ну что ж, ради Заратустры, – еще раз!” –

А ты, наш врачеватель и спаситель, – позволь нам, о Заратустра, и впредь идти с тобой!»

Так говорил самый безобразный человек; но было уже близко к полуночи.

Тогда Заратустра порывисто схватил его руку, сжал в своих руках и, потрясенный, воскликнул голосом того, кому неожиданно свалился с неба драгоценный подарок и сокровище:

«Как? *Ты* говоришь это, друг мой? В *этом* – твоя воля? Твоя полная, последняя, высшая воля? Ну что ж! Скажи это еще раз!» – –

И самый ужасный человек сделал, как ему было сказано; но как только другие высшие люди услышали его обет, они сразу осознали превращение и выздоровление свое и кто дал им все это. Тогда бросились они к Заратустре, стали благодарить, выражать почтение, ласкать или целовать ему руки, каждый на свой лад; одни смеялись, другие плакали. Старый же прорицатель пританцовывал от удовольствия; и если, как думают некоторые, он был тогда пьян от сладкого вина, то, несомненно, он был еще более пьян сладостью жизни и позабыл всякую усталость. А есть и такие, кто рассказывает, что тогда плясал и осел: ибо самый безобразный человек перед тем поил его вином вместо воды, – когда молился ему как своему богу. Это было так, а может быть и иначе, – и поистине, не все, кто рассказывает историю Заратустры, поверят этому, но самый безобразный человек, несомненно, был способен и на такую дурную проделку.

Заратустра же обратил внимание на танец прорицателя и пальцем указал на него, но затем вдруг вырвался из толпы любящих и почитающих, приложил палец к губам и попросил тишины. И в тот ночной час начал Заратустра песнь по кругу, а гости его по очереди подхватывали ее; осел же, орел и змея слушали пение, и слушала его пещера Заратустры и сама ночь. Эта песнь по кругу звучала так:

«Возвысьте сердца ваши, братья мои, выше! все выше! – И не забывайте о ногах! Поднимайте также и ноги ваши, вы, хорошие танцоры, а еще лучше – стойте на голове!

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил старый прорицатель: «Бывают и в счастье тяжеловесные звери, есть неуклюжие от рождения. Они делают смешные усилия, как слон, старающийся стоять на голове.

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил самый безобразный человек: «Лучше неуклюже танцевать, чем ходить, хромая, лучше одуреть от счастья, чем одуреть от несчастья. Вот высшая мудрость Заратустры: даже у самой плохой вещи есть две хорошие изнанки.

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил старый чародей: «Теперь разучился я унынию и печали ночных сторожей. Ветру хочу я быть подобен, что просветляет все небеса и заставляет волноваться все моря; Заратустре хочу я подражать отныне.

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил король, что стоял по правую руку: «Сотрясайте меня всеми земными слезами и всем горем человеческим – я каждый раз снова буду наверху, как масло на воде. Этому научился я у Заратустры.

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил король, что стоял по левую руку: «И если однажды невзлюблю я небо – моя злоба притянет тогда небесные звезды к земле: такова всякая месть Заратустры.

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил добрый европеец: «И хотя на земле топи болотные, и печаль, и целые моря нечистот, – у кого легкие, как у Заратустры, ноги, тот бежит поверх нечистот – стремительно, как по расчищенному льду.

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил добровольный нищий: «Походка обнаруживает, идет ли кто по *своему* пути; смотрите, как идет Заратустра! Но кто приближается к цели своей, тот – танцует.

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил совестливый духом: «Кривыми путями приближаются все хорошие вещи к своей цели. Они выгибаются, как кошки, они мурлычут про себя от близкого счастья, – все хорошие вещи смеются.

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

Тут вступил папа: «Что было на земле доселе величайшим грехом? Это было слово того, кто говорил: "Горе здесь смеющимся!"

Слушай! Слушай! Глубокая полночь приближается!»

32 [14]

Последний грех.

1.

Но что произошло тогда с самим Заратустрой? – Да, кто сумел бы отгадать, что приключилось с ним той ночью! – Когда он увидел счастье своих высших людей, рухнул он на землю, как дуб, долго сопротивлявшийся многим дровосекам, – тяжело, внезапно, пугая даже тех, кто хотел срубить его. Топор же, сваливший Заратустру, назывался *состраданием*, сочувствием *счастью* этих высших людей.

2.

Высшие люди бросились к нему, лежавшему на земле, чтобы помочь подняться, но он сам вскочил на ноги, оттолкнул от себя всех, кто теснился вокруг, и вскричал: «Прочь! Прочь! Прочь!» «Оставьте меня!» – закричал он

столь страдающим и страшным голосом, что у его друзей замерло сердце; и прежде чем чья-то протянутая рука попыталась его удержать, он натянул одеяние свое на голову, бросился в ночную тьму и исчез.

Долго стояли его друзья, молча, словно оглушенные, ибо они были чужими в этих горах и никто из них не мог бы в это время сделать и сто шагов, чтобы не заблудиться. Время приближалось к полуночи. Не зная, что делать и как помочь себе, они, наконец, снова вернулись в пещеру Заратустры, хотя она показалась им печальной и холодной, и провели там ночь почти без сна, с множеством дурных мыслей и призраков.

Но в первый час рассвета случилось так, что странник, называвший себя тенью Заратустры, тайком оставил своих спутников и выбрался из пещеры на поиски пропавшего. Через некоторое время он крикнул в пещеру: «Там идет Заратустра!» Тогда все они отбросили от себя сон и дурные мысли и вскочили, исполненные надежды, что снова наступит день. Но когда они все вместе – а с ними и осел – выглянули наружу, высматривая Заратустру, их глазам открылась вдали странное зрелище. Медленно, медленно шел Заратустра вверх по дороге, иногда останавливаясь и оглядываясь назад; позади же него шел громадный желтый зверь, неторопливо, медленно, как и сам Заратустра, и часто оглядывался назад. Но каждый раз, когда Заратустра оборачивал к нему голову, зверь делал несколько быстрых шагов вперед, а потом снова медлил. «Что это там происходит?» – спрашивали себя высшие люди, и сердца их бились быстрее: ибо подозревали они, что этот могучий зверь – горный лев. И смотрите, вдруг лев заметил их; тут дико зарычал он и бросился к ним, а они все разом вскрикнули и разбежались. Вскоре стоял Заратустра один у входа в свою пещеру и удивлялся. «Что произошло со мною?» – сказал своему сердцу, в то время как могучий лев робко прижимался к его колену. «Что за крик о помощи слышал я только что?» Но вот воспоминание вернулось к нему, и он разом осознал все, что произошло. «Вот камень, – сказал он ликующим голосом, – на нем сидел я вчера утром; тогда услышал я такой же крик. О высшие люди, это был *ваш* крик о помощи!

Это о моей нужде предостерегал меня вчера утром старый прорицатель: он хотел ввести меня в мой последний грех – в сострадание к *вашей* нужде!

Но ваше *счастье* было моей опасностью: сочувствие вашему счастью, *этого* – не угадал он! О, что во *мне* хорошо угадали эти высшие люди!

Ну что ж! Они убежали – и я *не* пошел с ними; о, победа! о, счастье! Это мне хорошо удалось!

Ты же, мой зверь и символ, мой смеющийся лев, ты остаешься со мной! Ну что ж! Вперед! Ты пришел почтить меня и пришел в нужное время, ты мой третий почетный зверь!»

Так говорил Заратустра ко льву и с глубоким вздохом облегчения сел на камень, на котором сидел днем прежде; но вдруг посмотрел он вопрошающе ввысь: ибо он услышал над собой пронзительный крик своего орла.

«Мои звери возвращаются, мои два старых почетных зверя, – вскричал Заратустра и возликовал в сердце своем, – разведать должны были они, возвращаются ли, на пути ли ко мне мои дети. И поистине, мои дети вернулись, ибо пришел смеющийся лев. О, победа! О, счастье!»

32 [15]

Знамение.

Утром после этой ночи вскочил Заратустра с ложа своего, опоясал чресла свои и вышел из пещеры, сияющий и радостный, как утреннее солнце, поднимающееся из-за темных гор.

«Они спят еще, – закричал он, – в то время как я бодрствую; *это* не настоящие последователи мои, эти высшие люди.

Должны прийти ко мне те, кто выше их, более храбрые, свободные и светлые – смеющиеся львы должны прийти ко мне; что мне до этой маленькой, короткой, странной нищеты!

Других жду я сейчас, других жду я сейчас», – и, говоря так, Заратустра сел на камень у входа в пещеру.

«Кто должен быть господином земли? – продолжал он. – Поистине, не эти – лучше разобью я их моим молотом. Ведь я сам молот.

Они выдерживают земную жизнь, когда их наполняют земными страстями, сердечно уговаривают их. Как! Лишь *выносить* жизнь на этой земле? Ради земли стыжусь я таких речей.

Лучше пусть будут злые дикие звери вокруг меня, чем эти домашние неудавшиеся; сколь счастлив буду я снова увидеть чудеса, порождаемые жарким солнцем

– все зрелые и удавшиеся звери, которыми гордится сама земля. Разве еще не удался ей человек? Ну что ж! Но лев удался».

И снова погрузился Заратустра в далекие мысли и страны и в молчание, которое избегает даже собственного сердца и у которого нет свидетелей.

32 [16]

Жертва медовая.
Крик о помощи.
Беседа с королями.
Странник.
Добровольный нищий.
Папа в отставке.
Кающийся духом.
Совестливый.
Самый безобразный человек.
Спящий в полдень.
Приветствие.
Вечерняя трапеза.
О высшем человеке.
Песнь чародея.
О науке.
Псалом после трапезы.
Восставший.
В полночь.
Дикий охотник.
Смеющийся лев.

32 [17]

Добрый европеец.
Что значит «немецкое»?
Тартюфство добрых.

Великие умы. Философ.
Художник и обманщик.
Пессимист интеллекта.
Дух и владение 310.
О господстве знающих 318
Об искусстве врачевания.

32 [18]
О большой политике.
Что значит «немецкое»?
Против понятия «наказание».
Об искусстве врачевания.
Против любви к ближнему.
Великие умы.
О греках.
Христиане и святые.
Тартюфство в морали.
Против нашего воспитания.
Стадная мораль.

32 [19]
Государственная служба и слуги государства.
Ученые шиворот-навыворот.
Чему следует учиться у греков
О суеверии философов.
Добрый европеец (социализм)
Безбожный, № 125
Против сострадания и любви к ближнему

32 [20]
В пользу знати.
Против отмены рабства.
Против *социалистов,* № 235
О смерти государства.
Мораль как стадный инстинкт.
Великий муж.
Неразумие в наказании.
Насколько лживы художники.
Против пессимистов и других – – –
Добрый человек и оглупление.

Ценность ложных толкований, № 126
Утонченный обскурантизм
Что значит «немецкое».
Недоразумение гения.

32 [21]

Из глубины пробивается запах, не имеющий названия, тайный запах вечности

О, полночь! О, вечность!

32 [22]

Нигилистическая катастрофа:

Признаки: преобладание *сострадания*;
духовное утомление и распущенность;
удовольствие или *неудовольствие* – к этому сводится *все*;

движение против прославления *войны*;
движение против размежевания и *вражды между нациями;*
«братство»...
религия стала ненужной, поскольку она рассказывает басни и говорит жесткими фразами.

Чудовищное сознание:
как будто в старой крепости.

33. Зима 1884–1885

33 [1]

Добрая трапеза.

Это было в середине долгой вечерней трапезы, начавшейся сразу после обеда; тогда сказал кто-то: «Послушайте, как свистит и воет снаружи ветер! Кто бы сейчас захотел оказаться там! Хорошо, что мы сидим в пещере Заратустры.

Ибо хотя это и пещера, но для кораблей, подобных нам, это хорошая надежная гавань. Как хорошо, что мы здесь – в гавани!»

Когда произнесены были эти слова, никто на них не ответил. Все только посмотрели друг на друга. Сам же Заратустра поднялся со своего места, по очереди окинул своих гостей испытующим, полным доброжелательного любопытства взглядом и наконец заговорил:

«Я удивляюсь вам, мои новые друзья. Поистине, не похожи вы на отчаявшихся. Кто поверил бы, что совсем недавно вы здесь, в этой пещере, взывали о помощи!

Мне кажется, вы не годитесь для общества, вы смущаете сердце друг друга, сидя здесь вместе. Видно, сперва должен прийти к вам некто, который заставит вас смеяться, –

– добрый, веселый шут, танцующий головой и ногами, ветер и сорвиголова, какой-нибудь старый дурень и Заратустра – как вам кажется?»

При этих словах поднялся король справа и сказал: «Не говори столь малые слова от своего имени, о Заратустра! Этим ты оскорбляешь наше почтение к тебе.

Смотри, мы хорошо знаем, *кому* обязаны тем, что больше не взываем о помощи! Что открыты и восхищены глаза и сердца наши, а наше мужество стало задорным.

О Заратустра, ничего не растет на земле более радостного, чем высокая, сильная воля: она прекраснейшее из ростков ее. Одно такое дерево украшает весь ландшафт.

С пинией сравниваю я, о Заратустра, всякого, кто вырастает подобно тебе: высокий, молчаливый, твердый, одинокий, сделанный из лучшего гибкого дерева, прекрасный, –

– простирающий крепкие зеленые ветви к *своему* господству, твердо вопрошающий ветры, и бурю, и все, что от века привыкло к высотам,

– еще тверже отвечающий, повелевающий, победоносный; о, кто бы не поднялся на высокие горы, чтобы посмотреть на такую поросль?

Видя дерево твое, о Заратустра, оживляется и печальный, и неудавшийся, при виде тебя обретает уверенность беспокойный и исцеляется сердце его.

Как хорошо, что мы громко взывали о помощи: поэтому *должны* мы были подняться наверх и посмотреть на тебя! Как благодарны мы теперь всякому отвращению, всякому тяжелому воздуху за то, что научили они нас задавать вопросы, искать и подниматься наверх, –

– задавать вопросы в нужном месте, на нужной высоте: "Жив ли еще Заратустра? Как живет еще Заратустра?"

Хорошо задавший вопрос уже наполовину получил на него ответ. Поистине, полный хороший ответ есть то, что видим мы здесь своими глазами: жив еще Заратустра, он живее, чем когда бы то ни было, –

– Заратустра танцор, Заратустра легкий, машущий крыльями, готовый лететь, манящий всех птиц, готовый и проворный, божественно-легкомысленный, –

– Заратустра смеющийся, Заратустра молчаливый, не нетерпеливый, не безусловный, любящий прыжки и прыжки в сторону, –

– он тот, кто носит венок смеха, венок из роз. Ты сам, о Заратустра, надел на себя этот венок, никто другой не был бы сегодня достаточно сильным для этого!

И хотя ты видел худшее и более мрачное, чем любой пессимист, и хотя через твой ад не проходил еще ни один святой, –

– и хотя ты кутался в новые ночи, хотя ты, подобно ледяному мрачному туману, спускался в любые бездны, всегда раскидывал ты над собой твой пестрый шатер, –

– смех свой раскидывал ты над ночью, и адом, и туманной бездной; там, где растет твое высокое сильное дерево, небо не может долго оставаться темным».

В этом месте Заратустра прервал речь короля, приложил палец к его губам и сказал: «Ах, эти короли! –

– они умеют говорить почтительные и великие слова, ибо сами привыкли к ним! Но что станет при этом с моими ушами!

Уши мои становятся все меньше и меньше, разве вы не видите? Они прячутся от таких великих, роскошных речей.

Поистине, о короли, такой похвалой можете вы и сильнейшего повергнуть наземь, такой кубок вина нельзя выпить ни за чье здоровье. Разве что за *мое*: ибо я противлюсь всякой похвале, благодаря моему твердому лбу –

благодаря моей железной воле: ибо она требует прочных, высоких и тонких вещей; похвала и почести не трогают ее.

Верно, что не стал я святым пустынником, хотя жил во многих пустынях и диких чащах, еще не стою я здесь, неподвижно, застывше, окаменело, как столб.

Дереву подобен я, о котором ты говорил, высокому сильному дереву, это верно: весь в узлах, согнувшись, твердый и гибкий, стою я над морем, как живой маяк.

Охотно желаю я, мои новые друзья, подозвать вас к этому дереву с широкими ветвями и сильной волей: "Поднимайтесь ко мне, – хочу сказать я, – и вместе со мной взгляните на эти бескрайние дали!"»

33 [2]

К «Еще раз!»

Тут по очереди стали происходить вещи, одна удивительнее другой.

– и хотя он уже скрежетал зубами и сжал губы, охватило его сострадание, подобно тяжелой туче и дурману.

Но тут – орел! – Где я?

Он спасается бегством.

34. Апрель–июнь 1885

34 [1]

Gai Saber.
Признания.
Сочинение
Фридриха Ницше.

П<ризнания> [Selbst-Bekenntnisse]: по сути дела, для меня это название слишком торжественно: я не верю ни в признание [das Bekennen], ни в самость [das Selbst].

По сути дела, это название слишком торжественно, но если бы я назвал книгу так, как мне нравится, – «500 000 мнений», – для моих читателей это звучало бы чересчур смешно. Стало быть, из уважения к своим читателям – – –

Высокое воспитание.

Высшее воспитание.

Мысли о философах будущего.

Предположения о фил<ософах> будущего.

34 [2]

От года к году я становлюсь все откровеннее – по мере того, как углубляется мой взгляд на это девятнадцатое столетие, столетие морального тартюфства: я нахожу все меньше оснований для того, чтобы скрывать свои мысли. Какие мнения могут быть опасными сегодня, когда ничто больше не падает «в глубокие колодцы»! И будь они даже опасными и разрушительными, – многое следует опрокинуть, чтобы взамен создать новое

34 [3]

В молодости со мной приключилось несчастье: на моем пути встретился крайне двусмысленный ч<еловек>; когда я понял, кто он (а он был великим актером, который ни к чему, даже к музыке, не относился серьезно), меня охватило столь болезненное отвращение, что я стал думать, будто все знаменитые л<юди> были актерами, иначе они не стали бы знаменитыми, – и в том, что я называл словом «художник», главным было наличие *актерской* силы.

34 [4]

Сколь обтекаемо излагал я то, что воспринимал как «дионисийское»! Сколь наукообразно и монотонно и при этом недостаточно научно, чтобы оказать влияние и открыть для нескольких поколений филологов новое поле деятельности! На этом *пути* к античности встречается больше всего завалов, и кто вообразил, будто достиг особой мудрости в понимании греков, например Гёте и Винкельман, – не имел о них ни малейшего представления. Кажется, греческий мир в сто раз сокровеннее и неизведаннее, чем хотелось бы самым назойливым из современных ученых. Если там и можно что-то познать, то, разумеется, только подобное через подобное. И опять-таки – только впечатления из внезапно открывающихся нам источников: они наделяют тем новым великим взглядом, который позволяет увидеть подобное в ушедшем мире.

34 [5]

NB. Величайшие события труднее всего достигают чувств людей, например тот факт, что христианский бог «умер» и что в наших переживаниях больше *не* находят выражения небесная доброта и воспитание, божественная справедливость, вообще имманентная мораль. Это страшная новость, и понадобится еще несколько столетий, чтобы она стала достоянием *чувств* европейцев; тогда некоторое время будет казаться, будто из вещей улетучилась вся их тяжесть. –

34 [6]

Я не дал себя обмануть блестящей видимостью германской империи. Когда я писал своего Заратустру, то в качестве фона предполагал состояние Европы, при котором в Германии будет торжествовать столь же ужасная и грязная партийная борьба, какая уже имеет место в сегодняшней Франции.

34 [7]

Разве когда-нибудь признавали «глубину» за определенным женским умом? До сих пор я не испытывал уважения ни к одной женщине. Д'Эпинэ в сравнении с Галиани!

И справедливость, – разве когда-нибудь эта – – –

34 [8]

Одни только итальянцы искренни и самобытны в жестокой сатире. Начиная с Буратти, благодаря которому гений Байрона совершил решительный поворот. Даже у Кардуччи нет ничего такого, чего немцы или французы не делали бы лучше.

34 [9]

Я не знаю себя: призыв к самопознанию кажется мне божественной шуткой или *греческим* ребячеством (niaiserie[1]): этого у них было в достатке! – Но если кто-то высказал свое мнение о 500 вещах, то возможно, что другие его «познают». Ну что ж!

34 [10]

Аффектация «научности», например «феминизм», но также и «обзорный стиль» немецких журналов!

34 [11]

Наше время питается и живет моралью прежних времен.

---

1 глупостью (*фр.*)

34 [12]

Паскаль оскорбляет представлением, что на него влияет погода, ясное и чистое небо. Теперь – удобнее всего теория *среды*: *все* оказывает влияние, результат – сам человек.

34 [13]

Продукты, с которыми мой желудок справляется плохо или не справляется вовсе: картошка, ветчина, горчица, лук, перец, все жаренное в жире, слоеное тесто, цветная капуста, капуста, салат, все приготовленные на смальце овощи, вино, колбасы, масляные соусы к мясу, шнитт-лук, свежий хлебный мякиш, любой заквашенный хлеб.

Все жаренное на решетке, любое мясо с кровью, телятина, ростбиф, баранья ножка, жаркое из ягненка, яичный желток, молоко и сметана, рис, манка, теплые печеные яблоки, зеленый горошек, фасоль, морковь, корнеплоды, рыба, кофе, масло, поджаренная корка белого хлеба.

34 [14]

Манера открытой и сердечной доверительности, в которой нуждаются сегодня, в демократическую эпоху, чтобы добиться любви и уважения, – короче, все то, благодаря чему сегодня к тебе относятся как к «порядочному человеку», – не вызывает у моралиста ничего, кроме смеха. Все глубокие люди испытывают здесь своего рода облегчение: так приятно играть комедию и – – –

34 [15]

Древние читали *вслух*.

34 [16]

Среди невоздержанных людей, например у английской черни, учение о воздержанности естественным образом приобретает *огромную* силу. У людей воздержанных оно вызывает смех.

34 [17]

Дионисийское. Какая нелепая застенчивость – говорить о чем-то с точки зрения ученого, в то время как я мог бы

говорить с точки зрения «пережившего» это. И какое дело до «эстетики» тому, кто должен сочинять! Нужно заниматься своим ремеслом и гнать любопытство ко всем чертям!

34 [18]

XX век.

Аббат Галиани сказал однажды – – – но поскольку я вовсе не разделяю миролюбивых взглядов моего покойного друга Галиани, то боюсь напророчить что-нибудь такое, что, возможно, станет причиной войн.

34 [19]

Чудовищное *осознание* после ужаснейшего землетрясения: новые вопросы.

34 [20]

NB. Предпоследние столетия отвергали готику как варварство (гот в те времена был синонимом варвара), предпоследнее столетие не принимало Гомера. В этом заключается *вкус*: сильное желание сказать *свое* «да» и *свое* «нет». – Способность снова наслаждаться Гомером есть, быть может, величайшее достижение европейского человека – но за нее пришлось довольно дорого заплатить.

34 [21]

Бодлер, уже совсем как немец, если не принимать во внимание некоторую гипер-эротическую болезненность, от которой пахнет Парижем.

34 [22]

Тэн обладал изобретательной смелостью обнаружить типическое сходство между Гегелем и Анри Бейлем; *его метод* по сути дела, означает: историю можно понять только с помощью понятий, понятия же должен создавать исторический человек; таким образом, история, насчитывающая только 4–5 факторов, наиболее понятна.

34 [23]

маскарад *буржуа*, например в роли Саламбо или святого Антония.

34 [24]

Некоторые в основе своей неглубокие и легковесные существа – народы или отдельные личности – переживают свои самые драгоценные и высшие мгновения, когда однажды, к своему удивлению, становятся тяжеловесными и впадают в уныние. То же самое, вероятно, можно сказать и о скотской черни, которая – прежде в английском пуританизме или сегодня в английской Армии Спасения – начинает морализаторски бурчать себе под нос, что судороги раскаяния суть высшее достижение «гуманности»; разумеется, все это следует признать. –

Но другие возвышаются, когда становятся легковеснее! Нет никаких сомнений: если вид «человек» целые поколения прожил в роли наставника, врача, пастыря и примера для поведения, не засматриваясь на деньги, почести и должности, то в конце концов возникает более высокий, утонченный и одухотворенный тип. По этой причине священник, продолжающий свой род через посредство здоровых женщин, является своеобразной подготовкой к позднейшему возникновению высшего человека.

34 [25]

Такие догматические натуры, как Данте и Платон, *более всего* далеки от меня и, возможно, именно поэтому более всего привлекательны: они обретаются в доме познания, который прочно сбит и заслуживает полного доверия. Один в своем собственном, другой в христианско-патристическом.

Но чтобы удержаться в незавершенной системе со свободной, открытой перспективой, нужна совсем иная сила и подвижность, чем в *догматическом* мире. Леонардо да Винчи стоит выше Микеланджело, а Микеланджело выше Рафаэля.

34 [26]

Среди нынешних образованных (которые – pro pudor![1] – все без исключения читают газеты) особой похвалы удостаиваются глубокие люди. Но что могут знать

---

1 о, стыд! (*лат.*)

о глубине те, кто способен хвалить глубоких людей! – Это опасные люди, нет никакого сомнения. Ведь обычно хвалить бездны не принято!

34 [27]

Письма
к другу-философу.
По случаю книги
«Так говорил Заратустра».
Сочинение
Фридриха Ницше.

34 [28]

Суеверие: верить в сущее, в безусловное, в чистый дух, в абсолютное познание, в абсолютную ценность, в вещь саму по себе! Во всех этих склонностях скрыто contradictio[1].

34 [29]

Скептические возражения.

34 [30]

Чувственное восприятие происходит у нас неосознанно: все, что нами осознается, суть уже обработанные восприятия.

34 [31]

Великого освобождения он добивается *для себя* – а не для того, чтобы потребовать его от других, и отнюдь не потому, что видит свой долг в сообщении о нем и в навязывании его другим.

34 [32]

Тысячелетия длится великий *застой* в изобретении ценностей.

---

1 противоречие (*лат.*)

34 [33]

Законодатели будущего.

1. Происхождение.
2. Самый скованный дух.
3. Великое освобождение.
4. Страдания из-за людей.
5. Новая воля.
6. Молот.

34 [34]

Моя язвительность противоположна язвительности монахов. Я злюсь на свое чрезмерное сострадание другим и радуюсь, когда мое эго бодрствует и находится в хорошем настроении.

34 [35]

1. *Абеляр* хотел привнести разум в церковный авторитет; в конце концов *Декарт* обнаружил, что *всякий* авторитет содержится только в разуме.

2. *Самопреодоление разума* как внутренняя проблема Паскаля – в пользу христианской «веры».

34 [36]

Проблема «веры» заключается в следующем: *имеет ли инстинкт большую ценность, нежели разумное суждение, и почему?*

Этот вопрос о *ценностной оценке* скрывается за многочисленными спорами о «знании и вере», об утил<итаризме> и интуитивизме.

Сократ наивно встал на сторону разума – против инстинкта. (Но, по сути дела, он следовал всем моральным инстинктам, только с ложной мотивировкой: *как будто* мотивы исходили из разума. Также и Платон и т.д.)

Платон непроизвольно стремился показать, что разум и инстинкт *хотят* одного и того же. Так же поступают и сегодня – Кант, Шопенгауэр и англичане.

В вере на первом месте стоит инстинкт *повиновения высшему авторитету*, т. е. *один* инстинкт. Категорический императив есть *желаемый* инстинкт – там, где *этот* инстинкт и разум едины.

34 [37]

Кант, умная голова, педантичная душа

34 [38]

NB. Да простят мне это самонадеянное утверждение: именно потому, что у меня более высокий и более глубокий, а также более научный взгляд на женщину, нежели у ее эмансипаторов и эмансипаторш, – я противлюсь эмансипации; я *лучше* знаю, в чем сила женщин, и говорю о них так: «они не ведают, что творят». Своими нынешними устремлениями они уничтожают свои инстинкты!

34 [39]

Бентам и утилитаризм зависят от *Гельвеция* – вот первое великое *событие в сфере морали*. В немецкой философии (Кант, Шопенгауэр) «обязанность» или «инстинкт сострадания» все еще остаются **старыми** проблемами со времен Сократа (то есть стоицизм *или* христианство, аристократия индивидуума *или* стадная доброта).

34 [40]

Я нуждаюсь

а) в ком-нибудь, кто будет следить за моим желудком,
б) в ком-нибудь, кто будет смеяться со мной и обладать раскованным умом,
в) в ком-нибудь, кто будет гордиться моим обществом и соответствующим образом внушать «другим» уважение ко мне,
г) в ком-нибудь, кто будет читать мне вслух, не оглупляя при этом книгу.

34 [41]

Plaire[1] – великая тайна французской воли и, по существу, *стадной морали*. «Сочувствие», альтруизм суть лицемерные выражения для этого.

1 стремление понравиться (*фр.*)

34 [42]
NB. До сих пор большинство художников (включая историков), даже крупнейшие из них, принадлежали к слугам (будь то для сословий, или князей, или женщин, или «масс»), не говоря уже об их зависимости от церкви и морального закона. Так, *Рубенс* рисует портрет знатного мира своего времени, но руководствуется вкусом, который мерещился *этому* времени, а не *своей* мерой красоты, то есть в целом действует *вопреки* собственному вкусу. *Ван Дейк* был в этом благороднее: всем, кого он писал, он придавал нечто из того, что превыше всего ценил в себе самом; «воспроизводя», он не *спускался* к ним, а поднимался к себе.

Рабское *верноподданничество* художника по отношению к своей публике (выраженное самим Себастьяном Бахом в бессмертных оскорбительных словах посвящения Высокой мессы) в музыке, вероятно, ощущается не столь тяжело, но тем глубже и основательнее оно скрыто в ней. Вряд ли у кого-то хватит смелости выслушать мои соображения на этот счет.

34 [43]
NB. Медленное выдвижение и возвышение среднего и низшего сословий (включая низшие виды духа и тела), которое в избытке давало о себе знать еще перед французской революцией и проложило бы себе дорогу и без нее, то есть преобладание стада над пастырями и вожаками влечет за собой:

1) помрачение духа: сосуществование стоической и фривольной *видимости* счастья, как это было свойственно благородным культурам, идет на убыль; становятся *видны* и *слышны* многие страдания, которые раньше терпеливо сносили и скрывали;

2) *моральное* лицемерие, некое желание *отличиться* через посредство морали, но только стадными добродетелями: состраданием, заботливостью, благотворит<ельностью>, которые <обыкновенно> не признаются и не ценятся вне стада;

3) *действительно* великую меру сострадания и соучастия в общих радостях, удовольствие от большого скопления, как у всех стадных животных, – «чувство солидарно-

сти», «отечество», все то, где индивид не принимается во внимание.

34 [44]

Дидро, по мнению Гёте, проявлял себя как настоящий немец (Сент-Оган, с. 248) во всем, что французы осуждали. Но и неаполитанцы, по словам Галиани, полностью принимали его вкус.

34 [45]

Обладай какой-нибудь парижанин немецким вкусом, ему казалось бы, будто Бодлер воспринимает действительность как немец, когда заявляет, что терпеть не может Виктора Гюго и называет его «гениальным ослом».

34 [46]

Если *я* имею в себе нечто цельное, то оно наверняка содержится не в сознаваемом «Я», не в чувствах, желаниях и мыслях, а в чем-то ином: в сохраняющем, усваивающем, отбраковывающем и контролирующем благоразумии всего моего организма, которому мое сознаваемое «Я» служит лишь орудием. – Чувства, желания и мысли всегда лишь конечные феномены, причины которых мне совершенно неизвестны; последовательность этих феноменов, когда создается впечатление, будто один вытекает *из* другого, вероятно, *всего лишь* видимость: в действительности причины могут быть так связаны друг с другом, что конечные причины производят на меня *впечатление* логического или психологического соединения. *Я отрицаю*, что один духовный или душевный феномен является непосредственной *причиной* другого духовного или душевного феномена, хотя кажется, будто это именно так. Истинный *мир причин скрыт от нас*: он невыразимо сложнее. Интеллект и органы чувств суть прежде всего *упрощающий* аппарат. Однако наш *ложный*, редуцированный, *выстроенный по законам логики* мир и есть тот самый мир, в котором мы можем жить. Мы «познаем» лишь в той мере, в какой это необходимо для удовлетворения наших потребностей.

Изучение тела дает представление о его невероятной сложности.

Не обладай наш интеллект некоторыми *прочными* формами, жить было бы невозможно. Однако это еще не доказывает истинность всех логических процессов.

34 [47]

Хитрое самоумаление Сократа: он внушает своему противнику незлобивость и уверенность в себе, позволяющую *без обиняков высказать* то, что он думает: прием человека черни! Логика в Афинах и не ночевала.

34 [48]

NB. Когда имеешь чуть более светлую голову и немного доброй воли, уже просто невозможно, исходя из собственного вкуса, истолковывать все свои переживания «в честь бога», я хочу сказать, во всем видеть следы его заботы, предостережения, наказания, воспитания. Как хороший филолог (и вообще всякий ученый, прошедший филологическую школу) испытывает отвращение к ложным толкованиям текстов (например к проповедям протестантских священников с кафедр, – вследствие чего ученые сословия больше не ходят в ц<ерковь>), точно так же – а не по причине великой «добродетели», «честности» и т. д. – противоречит вкусу фальшивость религиозных интерпретаций всех переживаний.

34 [49]

В нашем наслаждении простотой, обозримостью, закономерностью, ясностью, из чего немецкий «философ» мог бы в конечном счете извлечь категорический императив логики и прекрасного, я вижу наличие сильного *инстинкта*. Он настолько силен, что управляет всеми нашими чувствами и редуцирует, регулирует, ассимилирует и т.д. полноту наших действительных (неосознаваемых) ощущений и только в такой приукрашенной форме *доводит их до нашего сознания*. Эта «логика», эта «художественность» есть результат нашей непрекращающейся деятельности. *Что* сделало эту силу столь суверенной? Очевидно,

без нее сумятицы впечатлений не вынесло бы ни одно живое существо.

34 [50]

(Я не понимаю, почему органическая жизнь вообще должна была *возникнуть* – –)

34 [51]

Химия демонстрирует, что всякое вещество простирает свое влияние так далеко, как может; отсюда возникает нечто третье.

Особенности ребенка нельзя *вывести* даже из самого точного знания об отце и матери: эти особенности суть *воздействия* на нас чего-то третьего. Однако сложение воздействий первого и воздействий второго, то есть *их* особенностей, не дает «воздействия третьего»

34 [52]

Цепь причин скрыта от нас: взаимосвязь и последовательность воздействий кажутся лишь чередованием; оно может быть даже весьма закономерным, *но мы все равно не воспринимаем его как нечто необходимое*. – Тем не менее, мы можем констатировать различные ряды таких последовательностей: например, последовательность нажимаемых клавиш при игре на фортепьяно, последовательность ударов по струнам, последовательность раздающихся звуков.

34 [53]

Критика инстинкта причинности.

Вера в то, что у всякого действия есть свой мотив, мало-помалу инстинктивно приобрела всеобщий характер во времена, когда любое событие представляли себе по образу сознательных живых существ. «Всякое событие происходит на основании мотива: causa finalis[1] есть causa efficiens[2]» –

Эта вера *ошибочна*: цель, мотив – суть средства, необходимые для того, чтобы сделать событие постижимым и

---

1 конечная причина (*лат.*)

2 действующая причина (*лат.*)

практичным для нас. – Обобщение тоже было ошибочным и нелогичным.

Никакой цели.

Никакой воли.

34 [54]

Обратный хронологический порядок.

«Внешний мир» воздействует на нас: воздействие сообщается в мозг, там приводится в порядок, оформляется и приводится к своей причине; затем причина *проецируется*, и *только тогда факт входит в наше* **сознание**. Иными словами, мир явлений только тогда *является* нам как причина, когда «он» произвел действие и это воздействие было обработано. *То есть мы постоянно придаем ходу событий обратный порядок.* Когда мое *«Я»* что-то видит, *оно* видит нечто другое. Точно так же обстоит дело и с болью.

34 [55]

Вера в чувства. Это основной факт нашего интеллекта, он берет из чувств сырой материал, который *интерпретирует*. Такое отношение к сырому материалу, предлагаемому органами чувств, с *моральной* точки зрения *не* выводимо из стремления к истине, а объясняется волей к преодолению, ассимиляции, питанию. Наши постоянные функции абсолютно эгоистичны, макиавеллистичны, благонадежны, утонченны. Приказание и повиновение доводятся до наивысшей точки, и чтобы можно было повиноваться абсолютно, отдельный орган получает бо́льшую свободу.

Ошибка при вере в цели.

Воля – ненужное допущение.

Обратный хронологический порядок.

Критика веры в причинность.

Вера в чувства как в основную данность нашего существа.

Центральная сила не должна существенно отличаться от того, над чем она властвует.

История возникновения не объясняет свойств. Они должны уже быть известны. *Историческое* объяснение есть редукция к *привычной* для нас последовательности – через аналогию.

34 [56]

Механистическое объяснение мира есть *идеал*: попытка объяснить возможно меньшими средствами как можно больше, то есть свести к формулам. Необходимо: отрицание пустого пространства; мыслить пространство как определенное и ограниченное, а мир – как вечное повторение самого себя.

34 [57]

То, как возникает народный характер, «народная душа», позволяет судить о возникновении души индивида. Сначала ему навязывается *ряд действий* как условие существования, он привыкает к ним, они крепнут и углубляются. Народы, переживающие большие изменения и попадающие в новые условия, демонстрируют перегруппировку своих сил: то один, то другой момент выходит на передний план и получает перевес, поскольку в данный момент он нужнее для существования; пример: практичность и трезвость современных немцев. Любой характер в первую очередь есть *роль*. «Личность» философа в сущности – личина.

34 [58]

Число – великое средство делать мир сподручным. Мы понимаем в той мере, в какой умеем считать, то есть можем воспринимать нечто как константность.

34 [59]

Развитие филос<офии> до сих пор больше всего сдерживали задние мысли морали.

34 [60]

Внутри нашего мира чувств, если мы обостряем его или мыслим обостренным, также возникает мир, совершенно по-иному воздействующий на наше *чувство*.

34 [61]

Предрассудок причинности,
предрассудок воли,
предрассудок цели,
предрассудок личности.

Познание: ложное понятие, то есть такое понятие, выдвигать которое мы не имеем права.

Устранение: 1) воли,
2) *цели* как «для чего» и «благодаря чему»,
3) *следовательно*, и *причинности* (которая вытекает из того и другого).

34 [62]

«Как возможны синтетические суждения a priori?» – «*Благодаря способности к этому*», – гласил знаменитый кантовский ответ, который многие восприняли с большим удовлетворением.

34 [63]

Сохранились *самые полезные* понятия, сколь бы ложным ни было их возникновение.

34 [64]

В первой книге «*Веры в истину*» должно потрясти то, что правдивость полезна, но лишь в малом количестве, особенно у тех, кто ни за что не отвечает. Это же касается и уважения к философам.

34 [65]

Всеобщее *огрубление* европейского духа, известная неуклюжая бесцеремонность, охотно выдающая себя за прямоту, искренность или научность, – все это признаки господства мысли демократического духа времени и его сырого воздуха; еще определеннее – это результат чтения газет. Удобства ли, опьянения ли ждут от чтения – большинство из того, что читают, – это газеты или газетный стиль. Стоит только взглянуть на наши журналы-обозрения, на научные журналы: всякий, кто в них пишет, чувствует себя словно перед «неизбранным обществом» и, сидя в своем кресле, высказывается без обиняков. – И плохо приходится тому, кто большое значение придает тайному смыслу и в своих книгах больше всего высказанного любит написанное между строк. – Свобода прессы губит стиль и, в конечном счете, дух: это 100 лет тому назад знал уже Галиани. – «Свобода мысли» губит *мыслителя*. Находясь между пре-

исподней и небесами, подвергаясь преследованиям, изгнанию и вечным проклятиям, чувствуя на себе неблагосклонные взгляды королей и женщин, дух стал гибким и бесстрашным. Боже, каким сегодня *становится* «дух»!

34 [66]

Всегда *ironice*[1]: изысканное ощущение – следить за таким истинным мыслителем. Но еще приятнее обнаружить, что все это лишь передний план и что, в сущности, он стремится к чему-то иному, причем стремится очень смелыми путями. Я думаю, чары Сократа заключались в том, что у него была душа, за ней – другая, а за другой – еще одна. В первой устроился и уснул Ксенофонт, во второй – Платон и в третьей тоже Платон, но Платон со своей собственной второй душой. Сам Платон – человек со многими задними пещерами и передними планами.

34 [67]

NB. Наш век скептичен в своих самых существенных инстинктах: таковы почти все тонкие ученые и художники, хотя они и неохотно признаются себе в этом. Пессимизм, *умение сказать «нет»* легко даются только во имя удобства духа: наше сырое столетие с его демократическим воздухом прежде всего ориентировано на удобства. Более деликатный дух говорит: «я не знаю», «я доверяю себе и никому больше», «я не знаю, где выход и где вход» и «давайте надеяться»; все это фразы для изолгавшихся или для демагогических ораторов и художников. Скепсис – это выражение определенного *физиологического* склада, который с необходимостью возникает при великом скрещивании множества рас: многие унаследованные оценки борются между собой, мешают друг другу расти. Больше всего теряется здесь силы *воли*; отсюда великий страх перед ответственностью, так как никто не может утвердить себя. Убежище находят в общностях, здесь это называется «рука руку *моет*». Так образуется *стадный вид*, – и кто обладает сильной, повелевающей и бесстрашной волей, тот обязательно придет к господству в такие времена.

---

1 иронично (*лат.*)

34 [68]

Раздаются жалобы на то, как плохо приходилось до сих пор философам; однако на самом деле во все времена условия для воспитания сильного, хитрого, бесстрашного и беспощадного духа были благоприятнее, чем сейчас. Сегодня условия благоприятны для духа демагогов, как и для духа ученых. Но посмотрите на наших художников: разве почти все из них не гибнут от недостатка дисциплины? Они больше не становятся тиранами и не учатся тиранить самих себя. Никогда еще женщина не была столь мелка, как сегодня! Все слабеет, ибо все желает большего удобства. Я прошел тяжелейшую школу телесных мучений, и сознание, что я при этом сохранил себя и молча – –

34 [69]

Утонченнейшие умы прошлого столетия, Юм и Галиани, состояли на государственной службе, – так же как Стендаль, Токвиль...

34 [70]

Юм требует от разума (выражаясь словами Канта) дать ответ, по какому праву он считает, будто нечто может быть устроено так, что если это предположить, то из него можно по необходимости предположить и нечто другое, ибо так гласит понятие *причины*. Он неопровержимо доказал, что для разума совершенно невозможно a priori и на основании понятий помыслить такую связь и т.д. Однако глупость заключалась в вопросе о причинах права на обоснование. Он делал то, что сам хотел подвергнуть проверке.

34 [71]

Ложь воспитателя, например при категорическом императиве Канта. «Разве бог, вопреки Декарту, был обманщиком?»

34 [72]

NB. Истинное, нравственно-строгое и *безобразное* связаны друг с другом: это хорошо чувствовало христианство. Прекрасный человек не может быть ни истинным, ни добрым, разве что в виде исключения.

34 [73]

То, что отделяет нас как от Канта, так и от Платона и Лейбница: мы верим в становление и в духовной сфере, мы насквозь *историчны*. В этом – великий поворот. Ламарк и Гегель – Дарвин лишь побочное явление. Возродился образ мыслей *Гераклита* и *Эмпедокла*. Кант также не преодолел contradictio in adjecto[1] понятия «чистый дух»; однако мы – – –

34 [74]

Человеческий горизонт. Философов, особенно Платона, можно воспринимать как людей, изо всех сил *пытающихся проверить*, как *высоко* мог бы подняться человек, как *далеко* простирается его сила. Однако они делали это как индивидуумы; вероятно, инстинкт был сильнее у цезарей, основателей государств, думавших о том, как далеко можно *продвинуть развитие* человека при «благоприятных условиях». Правда, они не до конца понимали, что такое «благоприятные условия». Большой вопрос: где до сих пор роскошнее всего развилось растение «человек»? Для этого необходимо сравнительное изучение истории.

34 [75]

Странно то, что стоики и почти все философы не умели смотреть вдаль. И потом эта глупость социалистов, которые всегда представляют только потребности *стада*.

34 [76]

Механистическое представление как регулятивный принцип метода в роли предпосылки. Не как *наиболее доказанное* миросозерцание, а как миросозерцание, требующее величайшей строгости и дисциплины и прежде всего отбрасывающее в сторону всякую сентиментальность. Одновременно это проба для физического и душевного процветания: неудавшиеся расы со слабой волей погибают – из-за чувственности или меланхолии или, как индусы, из-за того и другого.

---

1 внутреннее противоречие (*лат.*)

34 [77]

Великая похвала христианству как истинно *стадной* религии.

34 [78]

Полдень и вечность.

1. Открыт для «истинного» и «ложного».
2. открыт для «добра» и «зла».
3. открыт для «прекрасного» и «безобразного».
4. высший человек, как более могущественный, и предпринимавшиеся до сих пор попытки: «теперь настало время».
5. *Молот* – опасность, о которую человек может разбиться.

34 [79]

Держа в руках свою таблицу категорий, *Кант* полагал: «Это самое трудное из всего, что когда-либо могло быть предпринято для целей метафизики». – Не вызывает сомнений, откуда бралась его гордость.

34 [80]

Грубость в сочетании с *утонченностью* у Петрония – а также у Горация – мне приятнее всего. Они принадлежат *греческому* вкусу. Гомер был для людей из окружения Ларошфуко слишком груб, они не получали удовольствия от тривиального. Они старались удержаться на определенной высоте восприятия, как и многие нынешние немцы, и презирали себя, если в них пробуждалось наслаждение низшими сферами. Противоположность этому – Аристофан: nihil humani[1] – это в духе античности.

34 [81]

Поставить во главу: *инстинкты* тоже прошли стадию *становления*; они не могут служить доказательством сверхчувственного, даже животного, даже типично человеческого.

---

1 ничто человеческое (*лат.*)

То, что дух прошел стадию становления и еще находится в становлении, что из многочисленных способов умозаключения и суждения самый для нас привычный является одновременно самым полезным и наследуется, ибо думающие так индивиды имели более благоприятные шансы, что тем самым никак не доказывается «истинность» и «ложность» – – –

34 [82]
– *Анти-Кант.*

«Способности, инстинкты, наследственность, привычка» – кто пытается что-то объяснить подобными словами, тот сегодня выглядит скромно и сверх того кажется человеком, получившим плохое образование. Но на исходе прошлого столетия эти слова употреблялись на каждом шагу. Галиани объяснял все привычками и инстинктами; Юм выводил из привычки понятие причинности; Кант, сохраняя полнейшее спокойствие, изрек: «это способность». И все были счастливы, особенно когда он обнаружил и моральную способность. В этом заключалась притягательная сила подобной философии; молодые теологи тюбингенской школы удалились в кусты – все искали способностей. И чего только не находили! Шеллинг окрестил это «интеллектуальным созерцанием», способностью к «сверхчувственному». Шопенгауэр полагал, что в уже достаточно оцененной способности, в воле, нашел то же самое и даже больше: «вещь саму по себе». В Англии появились инстинктивисты и интуитивисты морали. Это была старая история о вере и знании, своего рода «формальная вера», апеллирующая к какому-нибудь содержанию. История в значительной мере имеет отношение к теологам. Незаметно снова оживает Лейбниц, а за ним следом – Платон. Такие понятия, как ἀνάμησις[1] и т.д. Это поначалу скептическое движение на самом деле направлено против скепсиса, *оно наслаждается покорностью*

---

1 припоминание (*древнегреч.*)

34 [83]
NB. Самое тягостное, что отличает сочинения невнятных, плохо образованных и далеких от философии умов, – даже не их неспособность к умозаключениям и не шаткий, нетвердый ход их логики, а непрочность самих понятий, которые они облекают в слова: в голове у этих людей лишь бесформенные расплывчатые пятна понятий. – Хорошего автора, однако, отличает не только сила и лаконичность формулировок: если человек наделен достаточно тонким нюхом, он угадывает, унюхивает то, к чему такой писатель себя принуждает, в чем упражняется, пытаясь, в первую очередь, самым строгим образом *определить* и *закрепить* свои понятия, то есть связывать со своими словами однозначные понятия. И пока этого не сделано, писать он не может! – Кстати, есть известное очарование и в неопределенности, смутности, неясности; вероятно, Гегель более всего воздействовал на заграницу своим искусством говорить о самых трезвых и холодных вещах так, как говорит пьяный. В великом царстве опьянения это и впрямь было одним из самых удивительных искусств, когда-либо изобретенных людьми, – и в конечном счете делом *немецкой* гениальности! Ибо куда бы ни добирались немцы и немецкие «добродетели», они всюду несли с собой желание и страстную потребность в грубых и утонченных спиртных напитках. – Быть может, с этим связана и чарующая мощь нашей немецкой музыки.

34 [84]
NB. То, что делали Платон и, по существу, все постсократики, было своего рода законодательством в сфере *понятий*; для себя и своих учеников они твердо устанавливали: среди нас под этим словом **должно** *пониматься* и ощущаться то-то и то-то; тем самым они как можно более четко отделяли себя от своего времени и окружения. Это *один из видов* утонченного отвращения, посредством которого высшие, более требовательные натуры выражали свое возмущение неясной массой и ее понятийной путаницей.

34 [85]

Что за чудовищная сила вот уже два тысячелетия оглупляет философов и совращает разум самых разумных? Это инстинкт, вера, какой требует от них христианство: это не что иное, как стадный инстинкт, стадная вера животного под названием «человек», стадное стремление к абсолютному подчинению какому-нибудь авторитету (*Кант*, исходя из германского стадного инстинкта, окрестил это «категорическим императивом»). В самом деле, подвергающимся опасности, колеблющимся, мягким и слабым стадным животным приносит величайшее облегчение получить абсолютного *повелителя*, барана-вожака: это первое условие их существования. Брамины знали толк в этом облегчении, как и иезуиты: почти во всех монастырях основной склонностью было избавиться, наконец, от вечного беспокойства, вызванного необходимостью самому отдавать себе приказы. Этот инстинкт веры есть, собственно, и женский инстинкт: когда женщины находят непреклонного учителя, требующего от них послушания и покорности, или хотя бы только художника, который изображает женщину в позе ее «совершенства», как почитающее, преданное, беззаветное существо, как жертву (так делал, например, Р<ихард> В<агнер>), тогда они «вне себя» от счастья, ибо утверждаются в своих самых сокровенных инстинктах и чувствуют себя удовлетворенными. – В более слабой форме это проявляется у французов: они, как самые любезные европейцы, суть в то же время и самые стадные; одно удовольствие для них, когда они однажды могут позволить своему esprit[1] «безусловно повиноваться», например Наполеону. Или «идеям Французской революции» – или Виктору Гюго, который в течение своей долгой жизни во имя *свободы* облачал великолепнейшие стадные инстинкты в красивые слова и пышные одеяния. – Когда пришло христианство, античность была взорвана изнутри противоречивыми оценками (вследствие физиологической обусловленности нелепого для civis Romanus[2] понятия равенства или столь же нелепого расширения

---

1 духу (*фр.*)

2 римского гражданина (*лат.*)

imperium Romanum[1]). Христианство принесло великое *облегчение.*

34 [86]

Слова – это нотные знаки понятий; понятия же представляют собой более или менее устойчивые группы повторяющихся, взаимосвязанных ощущений. Чтобы люди понимали друг друга, мало употреблять одни и те же слова: одинаковые слова нужны и для одного и того же вида внутренних переживаний, *которые* должны быть **общими**. Поэтому представители одного народа понимают друг друга лучше, – или же, если люди долго жили вместе в одинаковых климатических условиях, занимаясь одинаковой деятельностью и испытывая одинаковые потребности, то определенный вид этих переживаний, которые понятны им *лучше*, чем все другие, получает приоритет. Результат – *быстрое* взаимопонимание. Вступление в брак и наследование тоже являются следствиями этого. Необходимость быстро и легко сообщать о своих потребностях теснее всего связывает людей друг с другом. С другой стороны, дружбу и любовь не удержать ничем, если выяснится, что под одинаковыми словами *имеют в виду* разное. Оценки определяются тем, *какие* группы ощущений стоят на переднем плане; однако оценки – это следствие наших самых сокровенных потребностей. –

Я говорю это, чтобы объяснить, почему трудно понимать работы, подобные моим: у меня иные внутренние переживания, оценки и потребности. Я годами общался с людьми и столь далеко зашел в самоотречении и вежливости, что никогда не говорил с ними о дорогих для меня вещах. Более того, именно так я почти всегда и жил среди людей.

34 [87]

Мы *воображаем*, что повелевающее, высшее начало заключено в нашем сознании. В конечном счете у нас двойной мозг: способность *самим желать, чувствовать*

---

1 Римской империи (*лат.*)

и мыслить что-то из того, что составляет наши желания, чувства и мысли, мы обобщаем в слове «сознание».

34 [88]
NB. Законодательные и тиранические умы, способные *твердо* установить и *сохранить* то или иное понятие, люди с душевной силой воли, которая может на длительное время превратить в камень и почти увековечить самое текучее – дух, – суть повелевающие в высшем смысле слова; они говорят: «я хочу, чтобы было то-то и то-то, причем точно *так*, как я хочу, *для такой-то цели* и ни для какой другой». – Этот вид законодательных людей во все времена неизбежно оказывал самое сильное влияние; им мы обязаны всем типическим формам человека: они – скульпторы, а остальные (в нашем случае подавляющее большинство) по сравнению с ними всего лишь *глина*.

34 [89]
Установленные движения нашего духа, его закономерная гимнастика, например в представлениях о пространстве и времени или в связи с потребностью в «обосновании», – этот *философский* habitus[1] человеческого духа и является, собственно, нашей потенцией: во многих вещах мы *не можем поступать иначе*, называя это психологической необходимостью. Эта необходимость – результат *становления*, и думать, что *наше* пространство, *наше* время, *наш* инстинкт причинности есть нечто, имеющее смысл безотносительно к человеку, – простое ребячество.

34 [90]
Я отношусь враждебно: 1) к *отказу от чувственности*: он идет от евреев, от Платона, который был испорчен египтянами и пифагорейцами (а они, в свою очередь, буддистами).

Провансальскому духу, который остался языческим, я имею в виду «*не* германизированным», мы обязаны одухотворением amor, половой любви, тогда как античность дошла только до одухотворения педерастии.

---

1 облик (*лат.*)

2) ко всем учениям, которые имеют в виду конец, покой, «шаббат всех шаббатов». Такой образ мыслей отличает страдающие, нередко умирающие расы, в которых идет брожение: например, такие стихи, как в «Нибелунгах» Р<ихарда> В<агнера>.

34 [91]

«Привычка» – у человека с рабским нравом означает нечто иное, чем у человека благородного.

34 [92]

Христианской церкви мы обязаны:

1) одухотворением *жестокости*: представления об аде, пытки и суды над еретиками, аутодафе – большой прогресс в сравнении с пышной, но наполовину дурацкой резней на римских аренах. Жестокость впитала в себя много духовности и задних мыслей. Она изобрела множество наслаждений –

2) благодаря своей «нетерпимости» церковь сделала европейский дух *утонченным* и *гибким*. Сразу видно, как в наш демократический век с его свободой прессы мысль становится топорной. Немцы изобрели порох – ничего не скажешь! Однако они расквитались за это, изобретя печатный станок. Античный полис был настроен точно так же. Римская империя, наоборот, давала много свободы в вопросах веры и безверия: больше, чем сегодня дает любое из существующих государств. Результатом сразу же стало величайшее вырождение, оглупление и огрубление духа. – Как хорошо выглядят на этом фоне Лейбниц и Абеляр, Монтень, Декарт и Паскаль! Видеть гибкую смелость этих умов – наслаждение, которым мы обязаны церкви. – Интеллектуальный гнет церкви заключается, по сути дела, в непреклонной строгости, благодаря которой понятия и оценки воспринимаются как *твердо установленные*, как aeternae[1]. Сплошное наслаждение представляет собой Данте: при абсолютной форме правления вовсе не обязательно быть *ограниченным*. Если и были ограничения, то они охватывали огромное пространство, благодаря Пла-

---

1 вечные (*лат.*)

тону, и в этом пространстве можно было двигаться, как Бах в формах контрапункта, – *весьма свободно.* Бэкон и Шекспир почти отталкивают, когда научишься как следует пробовать на вкус *эту* «свободу под властью закона». То же можно сказать и о современной музыке в сравнении с Бахом и Генделем.

34 [93]

Как Фридрих Великий постоянно издевался над «феминизмом», распространенным в соседних государствах, так Бисмарк потешался над «парламентаризмом»: это новое средство делать то, что *хочешь.*

34 [94]

Вид современного европейца дает мне большую надежду: на весьма интеллигентном уровне стадной массы формируется смелая господствующая раса. Можно ожидать, что выходящие на передний план движения по обузданию этой массы будут множиться.

34 [95]

Против *ложного идеализма,* когда из-за чрезмерной утонченности лучшие натуры охладевают к миру. Как жаль, что весь юг Европы из-за воздержания духовных лиц лишился наследования укрощенной чувственности! А что гибнут такие люди, как Шелли, Гёльдерлин, Леопарди, так это в порядке вещей: я о них не очень высокого мнения. Мне доставляет удовольствие думать о том реванше, который берет у таких людей грубая естественность природы, например когда я слышу, что Л<еопарди> сначала занимался он<анизмом>, а потом стал импотентом.

34 [96]

NB. Великий человек, человек, которого природа изобрела и выстроила в высоком стиле, – что это? Во-первых: в своей деятельности он руководствуется имеющей долгую историю логикой, которая из-за своей протяженности труднообозрима и потому способна вводить в заблуждение, способностью простирать свою волю над большими пространствами своей жизни и все мелкое в себе прези-

рать и отбрасывать, даже если среди этих мелочей встречаются прекраснейшие, «божественнейшие» вещи этого мира. *Во-вторых: он хладнокровнее, жестче, решительнее* других и не знает *страха перед «мнениями»*; он лишен добродетелей, связанных с оказанием и получением «почестей», вообще лишен всего, что имеет отношение к «стадной добродетели». Если он не может *вести* за собой, то идет один; случается, что иное на своем пути он встречает ворчанием. В-третьих, он ищет не «участливых» сердец, а слуг, орудий, в общении с людьми он всегда исходит из того, чтобы что-то из них *сделать*. Он поступает непосредственно и находит безвкусным, если проникается к кому-либо «доверием»; обычно он совсем не тот, за кого его принимают. Если он говорит не сам с собой, то надевает маску. Он охотнее лжет, чем говорит правду: для лжи требуется больше духа и *воли*. В нем живет одиночество, недоступное для похвалы и порицания, как подсудность самому себе, не имеющая над собой других инстанций.

34 [97]

Что мне нравится в немце, так это его мефистофелевская натура; однако, по правде говоря, нужно создать для себя более высокое понятие М<ефистофеля>, нежели у Гёте, которому понадобилось *умалить* своего М<ефистофеля>, чтобы возвеличить «внутренний мир» своего Фауста. Истинный германский Мефистофель много опаснее, смелее, злее, лукавее и, *следовательно*, откровеннее: стоит только вспомнить внутренний мир Фридриха Великого. Или еще более великого Фридриха, Фридриха II Гогенштауфена. Истинный германский Мефистофель переходит Альпы и верит, что *ему* и там принадлежит все. От этого на душе у него хорошо, как хорошо было Винкельману или Моцарту. В *Фаусте* и *Гамлете* он видит карикатуры, придуманные для того, чтобы посмеяться над ними, как и в *Лютере*. У Гёте были *добрые* германские мгновения, когда он над всем этим от души смеялся. Но потом к нему снова возвращалось сырое настроение.

Удивление Наполеона, увидевшего немецкого поэта и обнаружившего, что перед ним – *муж*! Он ожидал увидеть немецкого поэта!

Немец обширен: рядом с одной душой у него возникла другая, там есть пещеры, переходы, он может казаться поверхностным, открытость и чистосердечность – то, чем мастерски владеет немец. – «Добродушный и коварный» – такое сочетание у других л<юдей> невозможно; но поживите-ка некоторое время среди швабов! –

34 [98]

Век демократии возвышает актеров; так было в Афинах, так происходит и сегодня. Р<ихард> В<агнер> превзошел в этом всех и вызвал к жизни высокое понятие об актере, от которого бросает в дрожь. Музыка, поэзия, религия, культура, книга, семья, отечество, общение – все в первую очередь *искусство*, то есть сценическая поза!

34 [99]

Свинский немецкий! – Простите, газетный немецкий! Сейчас <я> читаю Фридриха Альберта *Ланге*, – бравый тип, которого, за неимением еще более бравых, даже можно рекомендовать немецкому юношеству; однако он, например, пишет: «С похвалой в адрес современности связывается культ реальности. Идеальное больше не котируется; что не может быть оправдано научно и исторически, обречено на гибель». Зачем, собственно, изучают в немецких школах латынь и греческий, если при этом не прививают отвращения к подобной грязной мешанине! И какой восторг вызывали именно губители немецкого языка, раньше *Гегель*, недавно *Рихард Вагнер*, а теперь Евгений Дюринг!

34 [100]

Страшно подумать, если бы я из чувства мести мысленно заставил женщину, какую-нибудь писательницу, уже достаточно измучившую своими книгами себя и весь мир, пойти к детям!

34 [101]

«Когда женщина хочет пойти к детям, она обычно пускает к себе не детишек, а мужчин!» – изрекла однажды старая повитуха.

34 [102]

Обратим внимание на то, что не лучшая часть немецкой литературы создается пасторскими сынами. – В этом источнике немецкой прозы изначально заложена вероятность наилучшего развития торжественных, полных достоинства, *медлительных*, тяжеловесных жанров: аллегро, а тем более престо здесь не найти. Чрезвычайная бодрость такого стиля, как il principe (даже если полностью отвлечься от серьезности его намерений): его краткость, сила, своего рода удовольствие от толкотни тяжелых мыслей суть отзвук флорентийского красноречия, красноречия адвокатов. Даже у Вольтера чувствуется адвокатская ловкость высшего ранга, *темп* адвоката. Самый быстрый темп, когда либо встречавшийся мне у писателей, я нашел у Петрония: он быстр как ветер и не похотлив, ибо слишком весел для этого.

34 [103]

Немцы.
Предположения и пожелания.
Сочинение
Ф. Н.

34 [104]

NB. Немцы, о которых пойдет речь, есть нечто молодое и становящееся; я отделяю их от немцев Реформации и Тр<идцатилетней> войны и не хочу участвовать в фальсификации истории, перепрыгивая через эту пропасть и делая вид, будто в то время ничего не случилось. Едва ли возможно отрицать, что в 16 веке с ними произошло нечто равносильное гибели прежней расы. Уныние, трусость, старческое бессилие, китайская косичка, – все это в совокупности явилось следствием ужасной порчи крови, учитывая, что самые мужественные мужчины продолжали уходить за границу, где умирали или развращались. С другой стороны, тогда же происходило вынужденное смешивание с отнюдь не близкородственными расами; судя по многочисленным описаниям, разврат, которым сопровождалась война, был чрезвычайно губителен. Тут и там еще попадались остатки сильной расы: свидетельство тому,

например, музыкант Гендель, наш прекраснейший тип *мужчины* в области искусства; если же назвать женщину, то это супруга профессора Готшеда, которая долгое время с полным на то основанием руководила немецкими профессорами, – стоит только взглянуть на портреты этих двоих! Некоторые области очистились быстрее и вернулись к здоровому образу жизни, например Ганновер, Вестфалия, Гольштейн, – там по сегодняшний день живет славная, крестьянская и флегматичная раса. – Хуже всего, вероятно, обстояло дело с немецкой знатью: она была поражена сильнее всех. Кто из знати оставался дома, впадал в алкоголизм, а кто уходил на чужбину и возвращался, болел сифилисом. Вплоть до сегодняшнего дня она играла малозначительную роль в вопросах духа: даже в случае с Бисмарком его прабабушка происходила из лейпцигской профессорской семьи. –

34 [105]

Немец – не говоря уже о глупой, националистически настроенной молодежи, до сих пор толкующей о «германских добродетелях», – натура *мистическая*. Еще не было немецкого образования: были отшельники, которые с поразительной ловкостью умели скрываться посреди самого грубого варварства.

34 [106]

Немецкий письменный стиль.
Мефистофель.

34 [107]

Близкое соседство жестокости и болезненной чувственной нежности у Р<ихарда> В<агнера> – в высшей степени парижская черта.

34 [108]

Я воспринимаю демократическое движение как нечто неизбежное, что нельзя остановить, но можно лишь замедлить. В целом господство стадного инстинкта и стадных оценок, эпикуреизм и благорасположение нарастают: человек становится слабым, но добрым и приятным.

34 [109]
NB. Парламенты могут быть крайне полезны для сильного и гибкого государственного деятеля, в них он находит для себя опору – подобные образования должны уметь *противостоять*! – чтобы свалить на них бóльшую ответственность! Но в целом мне бы не хотелось, чтобы эти глупости с подсчетами и суеверное отношение к большинству утвердились в Г<ермании> так же, как у латинских рас; хочется, чтобы наконец-то было изобретено нечто in politicis[1]! Мало смысла и много опасности в том, чтобы позволить пустить глубокие корни пока еще не окрепшей и легко истребимой привычке к всеобщему избирательному праву: его введение было всего лишь необходимой временной мерой.

34 [110]
Мне кажется, изобретательность и способность к накоплению силы воли не растрачена и сильнее всего выражена у славян, благодаря абсолютной форме правления. Поэтому я не исключаю, что земля окажется под властью *германо-славянского* правительства. Англичане не в состоянии преодолеть свое собственное твердолобое «самовластие»; со временем там станет появляться все больше homines novi[2] у руля власти, а в конце концов станут избирать в парламент женщин. Однако занятия политикой – дело в конечном счете *наследственное*: никто не может превратиться из частного человека в человека с широчайшим горизонтом.

34 [111]
Немцам необходимо воспитать господствующий класс; должен признать, что способностями, составляющими неотъемлемое качество расы, призванной заниматься мировой политикой, обладают евреи. Умению обращаться с деньгами надо учиться, его надо наследовать, и наследовать тысячекратно; теперь еврей занимается этим вместе с американцем.

---

1 в политике (*лат.*)

2 новых людей (*лат.*)

34 [112]

Я указываю на нечто новое; разумеется, для подобного демократического устройства существует опасность впасть в варварство, но эту опасность ищут лишь в глубине. Однако существует и *другой вид варваров*, они приходят с высоты – завоевательные и властные натуры, ищущие материал, который могли бы оформлять. Прометей был одним из таких варваров. –

34 [113]

Не народ «профессиональных политиков», а народ читателей газет!

34 [114]

– – – Мелочность и убожество немецкой души не было и ни в коем случае не является следствием расчленения на малые государства; как известно, даже в еще более малых государствах жили гордые и самовластные люди – и не большие государства сами по себе делают душу свободнее и мужественнее. В чьей душе рабский императив «ты обязан и должен преклонять колени!» требует гнуть шею перед почетными титулами, орденами, благосклонными взглядами сверху вниз, тот и в «империи» будет кланяться еще ниже и еще усерднее лизать пыль у ног великого правителя, чем у ног правителя маленького, – в этом можно не сомневаться. – Даже сегодня по итальянцам из низших сословий видно, что аристократическое довольство собой, мужественная дисциплина и уверенность в себе сформировались в них за время долгой истории их городов и благодаря прекрасным *примерам*; бедный венецианский гондольер все еще смотрится лучше, чем берлинский действительный тайный советник, и как мужчина он лучше, это ясно как день. Спросите об этом у женщин.

34 [115]

Услужливая душа.
Порча крови.
Моральное тартюфство.
«Нрав».
Неясность.

Медлительные.
Предположения о юге.
Безобразие.
Задняя душа.
Зависимость от Франции.
Немецкий профессор и офицер.
Niaiserie allemande[1].
Немецкий письменный стиль.
Отшельник.
«Вечно женственное» в немецком мужчине.
Опьянение и музыка.
«Чувство истории».
Актер.
Удобство (филистеры) и война.
Философы.
Пессимизм (сравнение с Францией).
Больше стадных животных, чем когда бы то ни было, – но существуют благоприятные условия и для одиночек.

34 [116]

Более всего достойно уважения в Канте то, что он избежал лейбницевского искушения и сохранил лучшее из прошлого столетия – сенсуализм.

34 [117]

NB. Шопенгауэр, соблазненный в молодости романтиками, забывший о лучших своих инстинктах, был в принципе вольтерьянцем до мозга костей и, по сути, сыном прошлого столетия. Благодаря грекам и Гёте он преодолел французский вкус и прежде всего *не был* теологом! «Неизменность характера», что по-немецки можно было бы назвать ленью, а с другой стороны вера в непогрешимость гения (по-немецки это можно было бы назвать тщеславием) привели его к тому, что он канонизировал свой «юношеский грех», я имею в виду метафизику воли, и перестал «развиваться». Ч<еловек> его таланта и внутренней discordia[2] был способен создать пять лучших систем, каждая из ко-

---

1 немецкая глупость (*фр.*)

2 дисгармонии (*лат.*)

торых казалась бы более истинной и ложной, чем предыдущая.

34 [118]

Мы не понимаем «каузальной» взаимосвязи, но видим, что факт для своей констатации должен включать в себя много других фактов. Наш *анализ* располагает их в определенной последовательности. Цифры, которые мы при этом получаем, никак не объясняют взаимосвязи явлений *между собой*, но могут ввести в заблуждение: поскольку человек *определен* в некоторых своих инстинктах, то сходство числовых соотношений распространяется и на *него*.

34 [119]

Находятся ли наши мысли в непосредственной причинной связи между собой? Или их логическое соединение всего лишь видимость? Я полагаю, это следствие того, что события, вызвавшие каждую из этих мыслей, находятся в связи, которая представляется нам «конечной» или чем-то вроде этого. Значит, все это – конечные звенья? – Или существует непосредственное воздействие одной мысли на другую? «Причинная связь», по меньшей мере здесь?

34 [120]

Мир явлений – «пустая видимость и обман», потребность в причинной связи – тоже «пустая видимость и обман», – так заявляет о себе моральное *отрицание* обманчивого и кажущегося. Не следует обращать на это внимания. Не бывает вещей самих по себе, как нет и абсолютного познания, условием существования является перспективистский, обманчивый характер.

34 [121]

Моя оценка или *мое* осуждение человека еще не дает права другому человеку на такую же оценку или осуждение – разве что он одного ранга со мной и равен мне. Прямо противоположный образ мыслей в газетах: оценки людей и вещей будто бы существуют «сами по себе», ими может пользоваться каждый, словно они его *собственное* достоя-

ние. Именно здесь заключена предпосылка того, что *все люди равны.* – Быть истинным – в этом отличие.

34 [122]

Нечто возникшее еще не познано, если известны условия возникновения (отец и мать); мысль о том, что *нужно заранее знать* эти условия, чтобы обнаружить в возникшем некое «родство» с ними, чаще всего есть *видимость*: в действительности узнавание отцовского и материнского начала в ребенке возможно только при *агрегатном* состоянии, и мы непроизвольно пытаемся *во имя объяснения* воспринимать все новое как агрегат, как соединение разнородных частей, то есть *анализ* нацелен не на действительное возникновение, а на фиктивное, не существующее в реальности «механическое» соединение и суммирование. Объясняющему факты кажутся глупее и проще, чем они есть на самом деле.

34 [123]

Человек представляет собой многообразие сил, которые находятся в определенном ранговом порядке, предполагающем наличие приказывающих; в то же время, приказывающие обязаны делать для повинующихся все, что необходимо для их сохранения, и, следовательно, сами *зависят* от их существования. Все эти живые существа должны принадлежать к родственным видам, иначе они не смогут служить и повиноваться друг другу: те, что служат, должны быть в каком-то смысле и повинующимися, а в более сложных ситуациях они временно могут меняться ролями, и тот, кто обычно приказывает, вынужден подчиняться. Понятие «индивидуум» ложно. Эти существа вовсе не изолированы друг от друга: центр тяжести в них постоянно смещается; непрерывное *производство* клеток и т.д. порождает непрерывное изменение числа этих существ. *Сложение* здесь ни к чему не приведет. Наша арифметика слишком груба для этих соотношений, она годится лишь для отдельных случаев.

34 [124]

Логика нашего сознательного мышления есть лишь грубая форма того мышления, в котором нуждается наш организм в целом и его отдельные органы. Например, нужно единовременное мышление, о котором мы не имеем почти никакого представления. Разве что художник, имеющий дело с языком: просчитывание тяжелых и легких слогов, предварительный расчет, поиск аналогий при сочетании значительной мысли с ее звуковым оформлением или с соответствующей физиологией гортани – все это происходит одновременно, но, правда, не *осознанно.*

Наше чувство причинной связи есть нечто очень грубое и единичное в сравнении с действительным чувством причинности нашего организма. Представления о «сначала» и «потом» – большая наивность.

Наконец: нам нужно сначала завоевать для нашего *сознания* чувство времени, чувство пространства, чувство причинности, – то есть все то, что существовало в изобилии задолго до возникновения нашего сознания. Наше сознание – его простейшая, примитивнейшая, до крайности редуцированная форма. Наше *осознанное* воление, чувства и мышление служат значительно более обширному волению, чувствам и мышлению. – Так ли это на самом деле?

Мы все еще растем, наше чувство времени, пространства и т.д. все еще находится в развитии.

34 [125]

Ничто не поддается предсказанию, но при известном возвышении типа «человек» откроется *новая* сила, о которой мы до сих пор ничего не знали. (А именно синтез противоречий?)

34 [126]

Вздох *Клейста* по поводу конечной непознаваемости...

34 [127]

Мы лишь в самом начале процесса *обучения,* например с нашей логикой. Или с нашими страстями. Или с нашей механикой. Или с нашей атомистикой, являющейся честной попыткой сконструировать мир для глаза, для

исчисляющего арифметического разума (то есть сделать его *наглядным и исчисляемым*).

34 [128]

Наши «средства и цели» – очень полезные аббревиатуры, призванные сделать процессы удобными и обозримыми для нас.

34 [129]

1. Воля к истине.

2. По ту сторону добра и зла.

3. Человек как художник.

4. О высокой политике.

5. Культивирующая мысль.

34 [130]

Абстрактное мышление для многих – тягостный труд, а для меня в хорошие дни – праздник и упоение.

34 [131]

Как полководец не хочет и не должен ничего узнавать о многих вещах, чтобы не утратить способности обозревать целое, так и в нашем сознании должна *прежде всего* быть тяга к *исключению*, *отпугиванию* ненужного, к отбору, который позволяет показывать себе только *определенные* факты. Сознание – это рука, которой организм охватывает пространство далеко вокруг себя, поэтому она должна быть крепкой. Наша логика, наше чувство времени и пространства суть необычайные способности к созданию аббревиатур – с целью повелевать. Понятие есть изобретение, ничему не соответствующее *полностью*, но многому понемногу; тезис о том, что «две вещи, равные третьей, равны и между собой», предполагает 1) вещи и 2) равенства; однако ни того, ни другого не существует. Тем не менее, благодаря этому вымышленному, застывшему миру понятий и чисел человек получает средство овладения громад-

ным количеством фактов, которые он может закрепить в своей памяти в виде знаков. Этот знаковый аппарат составляет его преимущество именно потому, что он крайне удален от отдельных фактов. Сведение опыта к *знакам* и все большее количество вещей, которые таким образом можно охватить, составляют *высшую силу* этого аппарата. Духовность как способность с помощью знаков овладеть огромным количеством фактов. *Этот духовный мир, этот мир знаков сам по себе – «видимость и обман»*, точно так же, как и каждая «явленная вещь», – *и «моральный человек» может сколько угодно возмущаться по этому поводу*! (Так, для Наполеона в его расчетах были важны только существенн<ые> инстинкты человека, и он имел право не замечать исключений, например сострадания, – подвергая себя опасности в том или ином случае ошибиться)

34 [132]

Что значит «воспринимать» ["wahrnehmen"]? *Принимать что-то за истинное* [Etwas-*als-wahr-nehmen*], говорить Да чему-либо.

34 [133]

NB. Есть что-то болезненное в типе философа, существующем до сих пор; по всей видимости, многое в нем не удалось. Вместо того чтобы самому подниматься вверх и вести за собой людей, философы охотнее всего уходят в сторону и пытаются найти *другой* путь; вероятно, это уже само по себе признак вырождающегося инстинкта. Удавшийся человек радуется факту под названием «человек» и пути этого человека, но – идет *дальше*!

34 [134]

Мои оценки непригодны для других. Вопреки этому отношение к оценкам как к одежде – самое распространенное явление. Так снаружи появляется кожа, затем плоть, наконец – характер: *роль* становится истиной.

34 [135]

Я часто следил за этими немецкими идеалистами, но они за мной – никогда; они не знают и не чувствуют ничего

из того, что знаю я, они бредут своим пологим рутинным путем, сердца их полны желаний, далеких от моих; они ищут другого воздуха, другой пищи, других удовольствий. Они смотрят *вверх*, я смотрю *вокруг себя* – и мы никогда не видим одно и то же.

Меня раздражает общение с ними. Пусть они любят чистоту своего тела, но дух их немыт, их «следовательно» кажется мне протухшим, они возмущаются тем, что вызывает во мне радостное любопытство, они не прочищают уши, когда я готов петь свою песнь.

34 [136]

Этот Сократ, выискивавший хитрые доводы, чтобы действовать так, как велел *обычай*, вел себя вполне в духе «*дельфийского жречества*», и то, что ему удалось обратить в свою веру Платона, было шедевром его искусства искушения. Усвоенные понятия он выдавал за *божественные*, народные оценки – за *вечные* и непреходящие, но для более утонченного поколения умел их *по-новому* приукрашивать, придавать им перца и полынной горечи диалектического наслаждения, использовал их, чтобы побудить болтливую и влюбленную молодежь к всплескам красноречия и состязательности в поступках.

34 [137]

Они мне крайне чужды; чтобы ужиться с ними, мне пришлось бы учить их противоположности того, что я считаю истинным и что доставляет мне наслаждение; живя среди них, я придумал поговорку: «блестит не только золото, но и кожа».

34 [138]

В Германии во все времена недоставало духовности, высших почестей там добиваются посредственные умы, ибо и они редки. Больше всего ценятся прилежание, упорство и хладнокровный критический взгляд; благодаря таким качествам немецкая филология и немецкое военное дело стали господствующими в Европе.

34 [139]
NB. Для тонкого и умного слуха почти любая похвала добродетели звучит смешно; он не расслышит добродетели в том случае, если кого-то назовут «*скромным*» (если он верно себя оценивает!), или «*правдивым*» (если он не хочет ошибаться!), <или> «*сострадательным*» (если у него мягкое, податливое сердце), или целомудренным (если он подобен лягушке, но при этом не любит жить рядом с болотом).

34 [140]
NB. Л<юдям> н<ауки> свойственно простодушие, граничащее с тупоумием: они представления не имеют, насколько опасна их профессия, и в глубине души верят, что «любовь к истине» и «доброе, прекрасное, истинное» являются их прямым делом. Когда я говорю об «опасности», то имею в виду не последствия их деятельности, а чудовищный груз ответственности, который чувствует человек, замечающий, что все ценности, в согласии с которыми живут люди, со временем *ведут человека к гибели.*

34 [141]
NB. *Лишающее мужественности* и, вероятно, *мужской силы* воздействие бесконечных *молитв* – тоже одно из вредных последствий, которым немецкий характер обязан Реформации. Много просить, вместо того чтобы много давать, при любых обстоятельствах есть проявление дурного вкуса: смесь безропотного сервилизма с нередкой чванливо-вульгарной назойливостью, с какой, к примеру, валяется в ногах у бога Блаженный Августин в своих confessiones[1], напоминает о том, что один только человек среди живых существ наделен религиозным чувством; точно такое же «религиозное чувство» испытывает и собака к человеку. – Общение с б<огом> через молитву воспитывает унижающее человека настроение и такую же манеру поведения, которые, по причине наследственности, продолжают отстаивать свои права даже в неблагочестивые времена: как известно, немцы просто немели перед князьями, или

---

1 признаниях (*лат.*)

партийными вождями, или перед фразой «ваш верноподданнейший слуга». С этим должно быть покончено.

34 [142]
NB. Мне никогда не приходило в голову «выводить» все добродетели из эгоизма. Я только хочу доказать, что есть «добродетели», а не только преходящие инстинкты самосохранения определенных стад и общностей.

34 [143]
Этот мягкотелый страх перед «омерзительным фанатизмом».

34 [144]
NB. Он шевелил губами, снова сжимал их и смотрел словно человек, который хочет сказать еще что-то, но не решается. И тем, кто смотрел на него, показалось, будто лицо его слегка покраснело. Это длилось одно короткое мгновение, но потом он вдруг покачал головой, добровольно закрыл глаза – и скончался.

Так умирал Заратустра. –

34 [145]
Он ведет своих друзей все выше, сначала к своей пещере и наконец высоко в горы. Там он умирает.

благословляя: остров могил, пещеру.

Остановки: каждый раз – речи.

Полдень и вечность
Сочинение
Фридриха Ницше.

Первая часть:
Призывы герольда.

Вторая часть:
Возвещение.

Третья часть:
Дающие обет.

Четвертая часть:
Восхождение и гибель.

34 [146]

Для человека, которому важно, в каких условиях растение «человек» сильнее всего растет в высоту, – для занятого такими вещами человека появление новой политической силы, если она не основывается на одной мысли, еще не событие: у него вряд ли найдется время присмотреться к ней поближе.

Поймите меня правильно: этой книгой я хотел объяснить, почему возникновение германской империи оставило меня равнодушным: следующий шаг я вижу в демократизации Европы – ничего иного, ничего нового. Демократия – это форма *распада* государства, вырождения рас, перевес неудавшихся; однажды я уже говорил об этом.

34 [147]

Человек, которому почти все книги кажутся поверхностными, который сохранил веру в то, что немногие люди прошлого обладали достаточной глубиной, чтобы не писать о том, что они знали.

Я думал об очень многих запретных вещах и чувствовал себя как дома там, где даже у сильных и прилежных умов захватывало дыхание; поэтому я всегда удивляюсь, если нахожу возможным сообщить что-то другим. Хотя в то же время отлично знаю, что мои умолчания мне дороже моих высказанных мыслей.

Скольким ученым я мог бы дать пищу для занятий; хотя, должно быть, в отдельных случаях мне удалось это сделать –

Невозможность увлечь ученых в сферы, где необходимы свобода, тонкость и мужество, связана с их неспособностью видеть дальше *самих себя*, то есть наблюдать то, что сами они не пережили. Чтобы, например, представить, что такое моральная совесть, нужно самому быть таким глубоким, таким уязвленным, таким необъятным, как совесть Паскаля, а сверх того понадобилось бы, чтобы над всем этим раскинулось небо ясной и злой духовности, ко-

торая обозревала бы с высоты это копошение переживаний, упорядочивая и высмеивая их.

Когда я был моложе, то полагал, что мне недостает нескольких сотен ученых, которых я мог бы, как ищеек, послать в кусты, то есть в историю человеческой души, чтобы вспугнуть нужную мне дичь. Позднее я усвоил, что для вещей, которые возбуждают мое любопытство, трудно найти даже ученых.

34 [148]

Мне кажется, я чувствую, что Сократ был глубок: его ирония была вызвана, прежде всего, необходимостью *выдавать* себя за человека поверхностного, чтобы вообще иметь возможность общаться с людьми; Цезарь обладал глубиной, а также, вероятно, Фридрих Второй Гогенштауфен; без сомнения, Леонардо да Винчи; в немалой мере Паскаль: ему не хватило еще тридцати лет жизни, чтобы от всей прекрасной и злой души высмеять само христианство, подобно тому как в молодые годы он обошелся с иезуитами.

34 [149]

NB. Я ставлю М<икел>анджело выше Рафаэля, ибо он сквозь христианскую пелену и пристрастия своего времени видел идеалы *более благородной* культуры, нежели христианско-рафаэлевская, в то время как Рафаэль верно и скромно прославлял только заданные ему ценности и не нес в себе ищущих, страстно жаждущих чего-то иного инстинктов. М<икел>анджело, напротив, видел и чувствовал проблему законодателя новых ценностей, так же как и проблему торжествующе-совершенного, которому необходимо преодолеть и «героя в себе», человека, вознесшегося выше всех, возвысившегося над своим состраданием, безжалостно разбившего и уничтожившего все, что было ему чуждо, – блестящего и невозмутимо-божественного. М<икел>анджело – разумеется, на короткие мгновения – поднимался высоко и выходил за пределы своей эпохи и христианской Европы, но чаще всего он был condescendent[1] к вечно жен-

---

1 благосклонен (*фр.*)

ственному в христианстве; более того, кажется, что <он> разбился именно об него, *отрекшись* от идеала своих высших часов. Этот идеал был по плечу только человеку самой мощной и высшей полноты жизни, а не состарившемуся мужу! Опираясь на свой идеал, он должен был бы уничтожить христианство! Для этого он был недостаточно мыслитель и философ. Пожалуй, из всех художников один только Л<еонардо> да Винчи обладал действительно надхристианским взглядом. Ему была одинаково хорошо известна как внутренняя, так и внешняя «страна Востока». В нем было что-то сверхъевропейское и скрытное, как у всякого, кому пришлось увидеть слишком большой круг хороших и плохих вещей.

34 [150]
NB. *Шопенгауэр*, сильный мыслитель, к тому же неплохо писавший о философских вопросах, хотя для себя самого не был философом; он все еще незаменим для современной молодежи (и для таких стариков, которые не очень требовательны к четкости понятий, ясности неба и – научности), ибо он учит *почитать* то, что почитал сам: критический дух Канта, Гёте, греков, свободолюбивых французов; в свое время это был, пожалуй, самый образованный немец, с европейским горизонтом мышления; бывают моменты, когда он смотрит на мир восточными глазами. Пессимизм, как он его понимал, – это немаловажный наставник, учивший *почитанию* в тех сферах, для которых оно не было характерно, например в сфере индийской древности и старого истинного, католического, христианства, вкус к которому отбивает протестантское школьное воспитание.

34 [151]
О «гении». Как мало таланта, например, у Р<ихарда> В<агнера>! Существовал ли когда-нибудь музыкант, который бы в свои 28 лет был столь мало одарен (я говорю не об уровне развития или общительности, а именно о бедности таланта), чтобы завидовать Мейерберу – такой черной завистью, что она терзала его на протяжении всей жизни и он, как и пристало «прекрасной душе», так и не смог от

нее избавиться? С другой стороны узнаешь, что Кант с полным на то основанием превозносил прилежание и настойчивость и т.д.

34 [152]

Среди хороших музыкантов щедро одаренным по сравнению с В<агнером> считается Верди. У В<агнера> были основания проявлять экономность и умело «применять» свои «изобретения», по-ростовщически обходиться с «лейтмотивами», сохраняя свое «золото» для себя и получая за него *чрезмерно большой*, тысячекратный кредит; уж не научился ли он этому у евреев?

34 [153]

NB. Женщина хочет быть матерью, – а если она этого не хочет, хотя и может, то ей прямая дорога в тюрьму: столь велико, как правило, ее внутреннее вырождение.

34 [154]

NB. Германия произвела на свет лишь одного поэта, не считая Гёте: это Генрих Гейне, и он к тому же еще и еврей. Однако во Франции, как и в Италии, Испании, Англии и где только – – –; он крайне тонко понимал «немецкий» голубой цветок, – правда, столь же тонко он понимал и серого «немецкого» осла. Кроме того, парижане утверждают, что он вместе с двумя другими не-парижанами представляет собой квинтэссенцию парижского духа. –

34 [155]

О философах.
О женщинах.
О музыкантах.
О народах.
Об ученых.
О благочестивых.
О стаде и стадном инстинкте.
«добрый человек»
О властителях.
О древних греках.
Дионис – Диавол.

Добрые европейцы.
К описанию
европейской души.

34 [156]
Предисловие о ранговом порядке.

Это *мои* суждения: публикуя их, я не никому не даю права выдавать их за свои; я считаю их менее всего пригодными для общественного блага и «дам по рукам» тому, кто посягнет на них. Есть слово, которое в век «равного права для всех» звучит неприятно: это ранговый порядок.

34 [157]
NB. Для объяснения того внутреннего дерзкого скептицизма, который в Германии сильнее и увереннее в себе, чем в любой другой стране Европы, имеет значение то обстоятельство, что протестантская духовность всегда была плодовита детьми и, подобно Лютеру, черпала свою силу не только в проповедях с церковной кафедры – по той же причине, из которой Макиавелли выводит скептицизм итальянцев: они всегда слишком близко видели наместника бога на земле и его двор. Точно так же многие немецкие философы и ученые, дети проповедников и прочих причастных к церкви людей, *смотрели* на «священнослужителя» – и *вследствие этого* утрачивали веру в бога. Протестантизму с самого начала свойственно *существенное* неверие в «святых»; немецкая философия пронизана существенным неверием в homines religiosi[1] и святых второго ранга, во всех этих деревенских и городских пасторов, включая университетских теологов, – и поэтому она может считаться продолжением протестантизма.

34 [158]
NB. Внешний мир есть творение наших органов, следовательно, наше тело, частичка внешнего мира, есть творение наших органов – следовательно, наши органы суть творения наших органов. Это абсолютное reductio ad absurdum[2]

---

1 религиозных людей (*лат.*)

2 сведение к абсурду (*лат.*)

– следовательно, внешний мир не есть творение наших органов.

34 [159]

Стрелы.
Мысли о европейской душе и против нее.

Право на привилегии.

34 [160]

Стрелы.
Мысли о немецкой душе и против нее.
Сочинение
Фридриха Ницше.

34 [161]
NB. Прилежный ремесленник или ученый производит хорошее впечатление, если гордится своим искусством и со скромным удовлетворением смотрит на жизнь; и, напротив, нет более жалкого зрелища, чем когда сапожник или школьный учитель со страдальческим лицом дает понять, что рожден для лучшей жизни. Нет ничего лучшего, чем хорошее! А это значит: иметь способность к чему-либо и созидать, повинуясь ей, – virtù в духе итальянского Возрождения.

34 [162]
NB. Сегодня, когда государство обзавелось непомерно толстым брюхом, во всех областях и профессиях кроме собственно работающих появились еще и «представители», например кроме ученых – еще и литераторы, кроме страдающих слоев народа – еще и болтливые хвастуны-бездельники, «представляющие» это страдание, не говоря уже о профессиональных политиках, находящихся в добром здравии и во все горло «представляющих» интересы бедствующих. Наша современная жизнь стала весьма *дорогостоящей* из-за массы посредников; напротив, в античном городе, а позже и в некоторых городах Испании и Италии люди сами защищали себя и не дали бы ломаного гроша

такому современному представителю и посреднику – разве что пинка под зад!

34 [163]

Тысячелетний гнет церкви, равно как и монархический гнет, создали превосходное *напряжение*, до предела натянув лук; вместо того чтобы выстрелить, и церковь, и монархия стали искать разрядку: первая – в иезуитизме, вторая – в демократии. Паскаль – замечательный пример того ужасного напряжения: он *насмерть* засмеял иезуитов. – Меня устраивают деспотические порядки, при условии, что имеешь дело со смешанными расами, в которых напряжение присутствует всегда. Правда, опасность при такой разрядке велика. – Европейская демократия *не* высвобождает *силы* (или делает это <лишь> в самой незначительной степени), но в первую очередь предоставляет свободу распущенности, жажде удобства, внутренней *лени*. Это касается и прессы.

34 [164]

Европейская демократия лишь в самой незначительной степени есть высвобождение сил: в первую очередь она предоставляет свободу лени, усталости, *слабости*.

34 [165]

Зеркало.
Возможность для европейцев
увидеть собственное отражение.
Сочинение
Фридриха Ницше.

34 [166]

Общее в развитии *европейской души* заметно, например, при сравнении Делакруа и Р<ихарда> В<агнера>, peintre-poète[1] и композитора [Ton-Dichter]: их отличают только особенности французского и немецкого таланта, в остальном же они одинаковы. Делакруа, кстати, тоже *весьма* музыкален – увертюра «Кориолан». Его первый

---

1 художника-поэта (*фр.*)

толкователь – *Бодлер*, своего рода Р<ихард> В<агнер> без музыки. У обоих на первом месте *выражение*, expression, ради этого они жертвуют всем остальным. Оба зависимы от литературы, высокообразованны, оба занимались литературным творчеством. Мучимые нервными болезнями, не знавшие солнца.

34 [167]

В каждом чувственном суждении задействована вся органическая предыстория: «это зеленое», например. *Память в инстинкте* как своего рода абстракция и упрощение, сравнимые с логическим процессом: самое важное все время подчеркивается, но *остаются* и слабые черты. В органическом мире нет забвения, есть только своеобразное *переваривание* пережитого.

34 [168]

Добрые, их отношение к глупости.
Воспитание и взращивание.
Liberum «nego»[1]. «Пока что: Нет!»
Почитание, гнев и храбрость

34 [169]

Исчисляемость определенных процессов, например многих химических, и возможность их рассчитать еще не дают оснований видеть в этом «абсолютные истины». В отношении к человеку это всегда лишь число, ставшее в нем устойчивой склонностью или мерой. Само по себе число целиком и полностью *наше* изобретение.

34 [170]

Такого логического процесса, какой «описывают в книгах», *никогда не бывает*, как не бывает прямой линии или двух «одинаковых предметов». Наше мышление протекает совершенно по-иному: между одной мыслью и той, что за ней следует, господствует промежуточный мир совсем иного рода, например инстинкты противоречия или подчинения и т.д.

---

1 свободное «отвергаю» (*лат.*)

34 [171]

Синтетические суждения a priori, вероятно, возможны, но это – *ложные* суждения.

34 [172]

Nux et crux[1].
Философия для крепких зубов.

34 [173]

Любая философия, каким бы образом она ни возникла, служит определенным воспитательным целям, например воспитанию мужества или смирения и т.д.

34 [174]

Добро – первая ступень на пути к злу; малая толика зла: –

34 [175]

Если кто-то заботится о других, а *не* о себе, это может быть признаком *глупости*: так «народ» понимает bonhomie[2].

34 [176]

Морали и религии – *основное* средство, с помощью которого из человека можно сделать все что угодно, при условии, что кто-то обладает избытком созидающей силы и способен на длительный срок утвердить свою созидающую волю в форме законов и обычаев. Размышляя о средстве сделать человека сильнее и глубже, чем он был до сих пор, я, в первую очередь, взвешивал, с помощью какой морали этого добивались. Первое, что я понял: для этого не годится распространенная в Европе мораль, о которой философы и моралисты утверждают, будто она и есть единственно возможная; в действительности подобное единодушие философов есть лучшее доказательство того, что эта мораль и в самом деле господствует. – Ибо эта мораль есть собственно *стадный* инстинкт, стремящийся только к удовольствию, безопасности, легкости жизни и

---

1 орех и крест (*лат.*)

2 простодушие (*фр.*)

даже втайне мечтающий о том, чтобы вообще обходиться без вождей и баранов-вожаков. Два ее настойчиво проповедуемых учения гласят: «равенство прав» и «сочувствие всему страдающему» – а страдание воспринимается всеми стадными животными как нечто, от чего следует *избавиться*. Но если задуматься над тем, где и каким образом растение «человек» до сих пор вырастало сильнее и прекраснее всего, то, в противоположность европейской стадной морали и фальсифицированной истории, реальная история говорит, что к этому человека побуждает опасность его положения, что развитие изобретательного и хитрого ума должно вызываться длительным гнетом и принуждением и что, следовательно, сегодня необходимы жестокость, скрытность, неуютность, неравенство в правах, война, разного рода потрясения, короче, то, что противостоит всем стадным идеалам. Понятно, что такую мораль с прямо противоположными намерениями можно проповедовать и насаждать только в связи с господствующей моралью, используя ее лексику и красноречие, что, следовательно, необходимо изобрести переходные и обманные формы и что, поскольку жизнь отдельного человека слишком коротка для утверждения столь продолжительной воли, необходимо воспитать людей, которым – через посредство многих поколений – будет на длительное время гарантирована такая воля; это столь же нетрудно понять, как и непростое для произнесения «и так далее» этих мыслей. Готовить переоценку ценностей у сильного вида людей, освободив в них массу сдерживаемых и оклеветанных инстинктов, – размышляя над тем, как это сделать, я пытался понять, какого рода человек мог до сих непроизвольно работать над решением этой задачи. И пришел к выводу, что это пессимисты, которых недовольство всем на свете *по крайней мере* логически вынуждало и к недовольству современностью; поэтому я благосклонно относился к Шопенгауэру и к медленно зарождающемуся в Европе знанию индийской философии. Кошмар – тоже средство, способное внезапно *пробудить* людей. – Я благоволил и к некоторым ненасытным художникам-дуалистам, которые, подобно Байрону, безусловно верили в превосходство высших людей и, используя соблазны искусства, заглушали у

избранных людей стадные инстинкты и вызывали к жизни противоположные им. В-третьих, я воздавал должное филологам и историкам, продолжавшим открытие античности, ибо в древнем мире царила иная, нежели сегодня, мораль и человек только под воздействием своей морали был сильнее, злее и глубже: искушение, которому издревле подвергаются более сильные души, должно быть, самое утонченное и незаметное из всех искушений.

Весь этот образ мыслей я назвал для себя философией Диониса; способ рассмотрения, который в творении и преобразовании человека и вещей находит высшее наслаждение бытия и видит в «морали» лишь средство придать господствующей воле такую силу и гибкость, благодаря которым она накладывает свой отпечаток на человечество. Рассматривая религии и системы воспитания, я выясняю, в какой мере они накапливают и наследуют силу, и мне кажется, что нет ничего более важного для изучения, чем *законы воспитания*, позволяющие не терять значительнейшую часть силы ради нецелесообразных связей и образов жизни.

34 [177]

Я питаю отвращение: 1) к социализму, так как он совершенно наивно мечтает о стадной глупости «доброго, истинного, прекрасного» и о равных правах; анархизм стремится к тому же идеалу, хотя и более жестоким путем; 2) к парламентаризму и газетному делу, ибо они суть средства привести к господству стадное животное.

34 [178]

Обратить внимание на то, в каких точках истории появляются великие л<юди>. Значение продолжительных *деспотических моралей*: они натягивают лук или даже ломают его.

34 [179]

Чепуха, будто существует *развитие* всего человечества, – да это и не желательно. На мой взгляд, высшее наслаждение, которое могут иметь люди, заключается в выведении многих типов человека, в выявлении *многообразия*

человеческой породы, в уничтожении типа, прошедшего свою высшую точку – то есть в созидании и уничтожении. Платон наверняка не был ограниченным человеком, когда учил, что понятия *устойчивы и вечны*, – но он хотел, чтобы в это верили.

34 [180]

Не вкладывать в историю человека больше разума, чем в остальной мир, ибо *многое* возможно, но этого нельзя хотеть слишком долго. Случай снова все разрушит.

Человек как *драма*: это **историческое чувство** – но в нем есть опасный элемент; человек учится чувствовать себя *созидающим*, который не только смотрит и этим ограничивается. Немец – – –

– само собой разумеется, что публично и тайно обо всех основных органических устремлениях ч<еловека> говорят только маскируя свои слова тысячекратно: почитайте-ка одну из речей Бисмарка.

NB. – Человек *большего ума*, иногда заглядывающий под маски и умеющий это делать, вообще *понимающий*, насколько все есть маска, – по справедливости получает от этого *наибольшее удовольствие*. «Интеллектуальность» как соблазн нескончаемого карнавала, независимо от того, участвуем ли мы в игре сами или же нами лишь играют.

– историческое чувство наряду с географически-климатическим экзотизмом.

34 [181]

Как человек досужий, не знающий, чем заняться, я хочу однажды рассказать своим друзьям, что я понимаю под философией Диониса: то, что и боги философствуют, кажется мне достойной и благочестивой мыслью, которая может доставить радость даже истово верующему. Вероятно, следуя вкусам своих друзей, я зайду слишком далеко в откровенности своего повествования, – но сам этот бог в беседах со мной заходил куда как дальше, и мне, если я стану давать ему красивые и пышные льстивые имена, придется хвастаться своим мужеством, своей честностью, правдивостью, искренностью, «любовью к истине» и тому подобным. Однако богу, подобному Дионису, не нужна вся

эта пышная рухлядь; для моего оправдания довольно двух слов, которые, правда, в Германии нелегко перевести «на немецкий»: gai saber[1].

Но сохрани это для себя и себе подобных: у меня нет оснований прикрывать свою «наготу». Иначе говоря, это беззастенчивый вид божества.

Была весна и все деревья наливались молодым соком, когда я шел по лесу, думал о мальчишеских забавах и вырезал дудочку, сам не зная, зачем я это делаю. Но как только я поднес ее к губам и засвистел, передо мной явился бог, которого я знаю с давних пор.

– Ну, крысолов, чем ты занимаешься? Ты, полуиезуит и музыкант – и почти немец!

Я удивился, что бог пытается польстить мне таким образом, и решил держаться с ним настороже.

– Я сделал все, чтобы они остались глупцами, заставил их потеть в постели, кормил их клецками, поил до отвала, сделал из них домоседов и ученых, наделил их жалкими чувствами услужливой души.

– Сдается мне, ты замыслил недоброе: погубить л<юдей>.

– Может быть, – ответил бог, – но так, чтобы при этом кое-что вышло и для меня.

– Что же? – полюбопытствовал я.

– Тебе следовало бы спросить: *кто* же?

Так говорил мне Дионис.

34 [182]

Дионис.
Опыт божественного философствования.
Сочинение
Фридриха Ницше.

34 [183]

Как получается, что женщины рожают своих детей живыми? Я всегда считал, что несчастные зверьки должны

1 веселая наука (*прованс.*)

были бы, учитывая малую сопротивляемость их организма, появляться на свет задохнувшимися. Путь узок и проход тесен, как написано; иначе говоря: почему a priori возможно рождение живых детей? – Задавая себе такие вопросы, я окончательного пробудился от своего догматического сна, толкнул бога кулаком в живот и спросил с серьезностью китайца из Кенигсберга: «In summa: как возможны синтетические суждения a priori»? – «Благодаря способности к этому», – ответил бог и прикрыл живот рукой.

34 [184]

Гегель: склонность немцев противоречить самим себе – отсюда *готика*.

Вагнер: не умел довести дело до конца и сделал из этого принцип: тоже готика.

34 [185]

Не искажать подлинное *историческое* значение *Канта*! Он сам гордился своей категориальной таблицей и тем, что *открыл* способность к этому; его последователи гордились умением открывать такие способности, и на этом основывалась слава немецкой философии за границей; говоря точнее, славу немцам принесло *интуитивное и инстинктивное восприятие «истины»*. Воздействие немцев можно считать великой *реакцией*. Своего рода *экономия* научной работы, непосредственный подход к самим «вещам» – сокращение пути познания. *Эта* мечта опьяняла! В сущности Шопенгауэр вызывает *такое же восхищение*, только не у довольных, спинозистски настроенных л<юдей>, а у недовольных: он постигает «волю», или скорее желание, «хотение», алчность, или сознание и рассудок.

34 [186]

«К музам и грациям бросаясь хладнокровно». Шиллер, «Художники».

34 [187]

Сознание развивается подобно *аппарату управления*: оно способно только на *обобщения*. Уже то, что являет нам глаз, попадает в сознание в *обобщенном* и *подправленном* виде.

34 [188]

Предисловие: *Ранговый порядок людей.*

1. *Познание как воля к власти.*
2. *По ту сторону добра и зла.*
3. *Скрытые художники.*
4. *Большая политика.*
5. *Молот.*

34 [189]

чувственность, которая у маленьких бледных евреев или у парижан выглядит столь смешно, почти comme une neurose[1] –

34 [190]

в минувшем веке bonté[2] привлекла на свою сторону чистую совесть, которая долгое время гостила у других чувств.

34 [191]

Полдень и вечность.
Философия вечного возвращения.

Сочинение
Фридриха Ницше.

Предисловие:	о ранговом порядке людей.
Первая часть:	Знание и совесть.
Вторая часть:	По ту сторону добра и зла.
Третья часть:	Скрытые художники.
Четвертая часть:	высокая политика.
Пятая часть:	молот (или Дионис).

34 [192]

Предисловие. Для кого?
Изобретательность.
Объем души.
Глубина.

---

1 как невроз (*фр.*)
2 доброта (*фр.*)

Сила и превращение.
Повелевающая сила.
Твердость.
Знание: радость завоевателя.
Великая ответственность.
Искусство маски. Трансфигурация.
Сила сообщения.
– дионисийское –

34 [193]

Скептики морали не догадываются, какое множество моральных оценок содержится в их скептицизме: их состояние – почти самоубийство морали и, быть может, даже ее преображение.

34 [194]

Откуда нам нужно *брать* оценки? Из «жизни»? Но «выше, глубже, проще, разнообразнее» суть оценки, которые мы сами *вкладываем* в жизнь. «*Развитие*» в любом смысле – это всегда еще и потеря, ущерб; даже специализация каждого органа. Оптика самосохранения и роста.

Оптика роста.

Разрушение иллюзии не ведет к истине, а лишь *увеличивает наше незнание.*

Знание и совесть.
Мораль для моралистов.
Сочинение
Феликса Фаллакса.

34 [195]

Философы 1) с давних пор обладали удивительной способностью к contradictio in adjecto[1];

2) они доверяли понятиям столь же безусловно, сколь не доверяли чувствам; они не принимали во внимание, что понятия и слова суть наше наследство из тех времен, когда умы были еще темны и невзыскательны. NB. Это философы понимают хуже всего: они больше не должны лишь получать понятия в подарок, очищать

---

1 противоречию в определении (*лат.*)

и осветлять их, а должны прежде всего *делать*, *создавать* их, предъявлять людям и убеждать в своей правоте. До сих пор они доверяли своим понятиям, словно чудесному *приданому* из какого-то сказочного мира; однако это было наследие наших далеких предков, как самых глупых, так и самых умных. Это *почтение* к тому, *что происходит в нас*, должно быть, относится к *моральному* **началу** в **познании**. Поэтому в первую очередь нужен абсолютный скепсис по отношению ко всем унаследованным понятиям (такой, каким, *вероятно*, уже обладал один философ – Платон; разумеется, *учил* <он> прямо *противоположному* – –).

34 [196]

Здесь слово берет философия – одна из моих философий, которая вовсе не хочет называться «любовью к мудрости», а претендует, вероятно, из гордости, на куда более скромное, даже отталкивающее, название; последнее, со своей стороны, будет способствовать тому, чтобы она осталась такой, какой хочет быть: философией для меня – с девизом: satis sunt mihi pauci, satis est unus, satis est nullus[1].– Сама эта философия называет себя искусством недоверия, а надпись над входом в нее гласит: μέμνησ' ἀπιστεῖν[2].

34 [197]

Указывая на жалкое положение женщины, вы требуете его улучшения, – но я хотел бы, чтобы вы делали это на основании ее лучшего положения и силы.

34 [198]

Великие добродетели, ответственность.

«Добрые» как подоплека демократического социалистического движения.

34 [199]

1) Заратустра в плену.

Обвинительная речь против него как соблазнителя.

---

1 мне достаточно немногих, достаточно одного, достаточно ни одного (*лат.*)

2 помни о неверии (*древнегреч.*)

Великое противоречие между огромной неуверенностью и маленьким человеком.
Заратустра воздает хвалу убежавшим (его великий *кризис*).
Он уговаривает отцов устроить праздник памяти.
Аристократы стекаются со всех концов земли.
Под конец приходят и дети.
2) Ранговый порядок людей: он делит прибывших на группы, отмечая тем самым уровень воспитания человека (в течение поколений).
3) Наименьшая отобранная часть: законодатели будущего, обладающие *великими добродетелями* (ответственность), молот.
4) Прощание: возвращение как религия религий: утешительно.

Заратустра в плену, критикует положение убежавших.
люди прибывают (одновременно выделяется его публика), под конец приходит толпа.
Ранговый порядок как ступени воспитания людей (в течение многих поколений).
высшие законодатели, с молотом.
Изображение *великих добродетелей.*
прощание.

34 [200]

На переднем плане у философа должно быть множество добродетелей и пышных слов, например правдивость, честность, любовь к истине.

34 [201]

Законодатель будущего.
Ранговый порядок людей.

По ту сторону добра и зла.

Философ как художник.

Дионис.

34 [202]

Властители земли.
Мысли о сегодняшнем и завтрашнем.
Сочинение
Фридриха Ницше.

34 [203]

Состояние Европы в следующем столетии снова потребует воспитания мужских добродетелей, ибо жить придется в постоянной опасности. «Всеобщая воинская повинность» уже сегодня является удивительным противоядием против мягкотелости демократических идей; она выросла из борьбы наций (люди, говорящие на одном языке и читающие одни и те же газеты, называют себя сегодня «нацией» и весьма сильно хотят иметь общее происхождение и историю, что им не удается даже при самом грубом искажении прошлого).

34 [204]

Друзья мои, чем я занимаюсь вот уже много лет? Я пытался глубже осмыслить пессимизм, чтобы освободить его от наполовину христианской, наполовину немецкой узости и наивности: именно таким я впервые встретил его в метафизике Шопенгауэра; человеку подобного образа мыслей свойственно высшее выражение пессимизма. Я же искал противоположного идеала – самого мужественного, самого живого и жизнеутверждающего образа мыслей; я открыл его, доведя до конца механистическое миросозерцание: поистине, требуется самый лучший юмор этого мира, чтобы выдержать мысль о мире вечного возвращения, которую я проповедовал устами своего сына З<аратустры>, то есть вынести и самих себя в вечном da capo[1]. В конце концов мне стало ясно, что наиболее враждебен миру тот образ мыслей, который воспринимает становление, возникновение и гибель как нечто само по себе плохое и одобряет только безусловное, единственное, определенное, сущее; я обнаружил, что бог есть самая разрушительная и враждебная миру мысль и что только из-за чудовищной

---

1 возвращении к началу (*ит.*)

невнятности милых благочестивых людей и метафизиков всех времен осознание этой «истины» заставило себя ждать столь долго.

Да простят мне, что я сам не намерен отказываться от обоих этих образов мыслей: тогда мне пришлось бы отказаться от своей задачи, которая нуждается в противоположных средствах. Для уничтожения или для замедления и углубления людей и народов пессимистическое мировоззрение временно (иногда на пару тысячелетий) имеет огромное значение, и кто претендует в высоком смысле слова на роль созидающего, должен брать на себя и роль разрушителя и при необходимости проповедовать разрушительные идеи. Поэтому я приветствую христианство и буддизм, обе самые распространенные существующие формы нынешнего отрицания мира, и, чтобы нанести смертельный удар вырождающимся и отмирающим расам, например индусам и нынешним европейцам, я сам взял бы под защиту изобретение еще более строгой, поистине нигилистической религии или метафизики.

После всего, что я только что сказал, никто не станет сомневаться в том, какое значение я придал бы в такого рода религии идее «бога». Лучшими нигилистами среди философов были элеаты. Их бог дает лучшее и наиболее основательное представление о буддистской нирване; бытие и ничто в нем идентичны.

34 [205]

Что касается Рихарда Вагнера: я так и не преодолел разочарования лета 1876 года; обилие несовершенств в человеке и в творениях показалось мне столь нестерпимым, что я – бежал. Позднее я понял, что наиболее основательным разрыв с художником бывает тогда, когда *прозреваешь* его *идеал*. После такого прозрения, какое случилось у меня в молодые годы, – свидетельство тому моя маленькая сохранившаяся работа о Рихарде Вагнере – мне не оставалось ничего другого, как, скрипя зубами и вне себя от злости, расстаться с этой «невыносимой реальностью», внезапно мне открывшейся. – Меня не касается, что он, состарившись, изменился: почти все романтики такого склада кончают обращением к кресту; я любил только то-

го Вагнера, которого знал, то есть настоящего атеиста и имморалиста, сочинившего образ Зигфрида, весьма свободного человека. С тех пор он не раз давал понять, на страницах своих непритязательных «Байройтских листов», как высоко ценит он кровь Спасителя, – и был понят. Многие немцы, многие чистые и нечистоплотные глупцы всех видов верят с тех пор в Рихарда Вагнера как в своего «спасителя». Все это мне не по вкусу. –

Само собой разумеется, я никому не даю права присваивать себе мои оценки и не позволю всякому непочтительному сброду, кишащему, подобно вшам, на теле современного общества, упоминать всуе такое великое имя, каким является имя Р<ихарда> В<агнера>, – ни с похвалой, ни с порицанием.

34 [206]

Ярмарочное столетие:

34 [207]

Законодатель будущего.

Характеристика распавшейся Европы. Ярмарка.

Великий, длящийся тысячелетия застой в изобретении ценностей.

Мое временное ободрение благодаря музыке: что я понимал под словом «дионисийский». Р<ихард> В<агнер>.

Додумать до конца пессимизм, а также оптимизм.

Немцы. Гартман
Дюринг
Бисмарк
Р<ихард> В<агнер>

34 [208]

NB. «Борьба за существование» – означает нетипичное состояние. Как правило, речь скорее идет о борьбе за *власть*, за «больше», «лучше», «быстрее» и «чаще».

34 [209]

наше теперешний мир, наше столетие великой шумихи, которое, со своим ярмарочным вкусом, даже в событиях ценит все необычное, шумное и в конечном счете порождает такие события –

34 [210]

Так существует ли девятнадцатый век? Или это всего лишь разжиженный, оглупленный и ужасно затянувшийся век восемнадцатый? Случилось ли, было ли создано что-нибудь великое, чего не случалось и не создавалось *до* 1800 года? Правда, иной плод, выросший и созревший в восемнадцатом веке, только в этом упал с дерева. Уберите из политики Французскую революцию и Наполеона – и вы уберете демократию и – – –, а из философии французский сенсуализм и гедонизм вкупе с немецко-английским скептицизмом– – –

34 [211]

Мощный отзвук трагических событий того французского поколения тридцатых и сороковых годов, к которому инстинктивно примкнул и Рихард Вагнер, та великолепная и болезненная ненасытность, которую Бетховен выразил в звуках, а Байрон в словах: воздействие чего-то громадного на л<юдей>, чьи нервы и сила воли были для этого слишком слабыми –

34 [212]

- великое молчание – в ярмарочном столетии
- *Благословение* законодателей (в том числе и «вы должны быть врагами *самим себе*»).
- Суть их развития: как они стремятся *избежать* своей великой задачи.
- Анализ стадного животного. Необходимо жертвовать бóльшим количеством людей, чем во время войны.
- Великие и жуткие торжества.
- Не опускаться до сочувствия к *великим* людям всех времен!

- Поскольку бога больше нет, нет и необходимости выносить одиночество: высший человек должен заняться *делом.*
- Хотите ли вы тело, чувства и т.д. – – –
- Похвала холодному рассудку как бальзам на душу людей лабиринта.
- Повелевающий *многими* философиями, владеющий и глубочайшим пессимизмом, и высшим просветлением мира.
- Меланхолики нуждаются в веселье.

34 [213]

Gai saber.
Опыт божественного философствования.
Сочинение
Фридриха Ницше.

1. Знание и совесть.
2. Мораль для моралистов.
3. Мысли о сегодняшнем и завтрашнем.
4. О ранговом порядке.

34 [214]

Самопросветление.
Добрые и злые.
Двадцатый век.

34 [215]

Евгений Дюринг наделен всеми добродетелями и изъянами кабинетного ученого и вульгарного человека, к которым относится и дурновкусие всех его манер.

34 [216]

NB. А) Есть часы, очень светлые, веселые часы чистой совести, когда мы всю эту пышную болтовню прежних людей о морали называем не иначе, как «высшим обманом».

Имперская глупость

Б) Ложность всех наших похвал и порицаний, оценок и приговоров, любви и ненависти вызывает чувство стыда: этим страдает любой глубокий человек. Еще шаг

вперед – и мы будем стыдиться этого чувства стыда, а в конце концов высмеем самих себя.

34 [217]
NB. Мы близки к пониманию того, что видимость и кажущаяся вероятность менее всего заслуживают веры, ибо повсюду видим обратное: например, что половое зачатие в царстве всего живого – всего лишь исключительный случай, что самец – это, по существу, не *более* чем выродившаяся, изжившая себя самка или что все органы живого существа первоначально выполняли другие задачи, нежели те, на основании которых мы называем их «органами», – и что вообще все возникло не так, как можно было бы предположить по его конечному *применению*. Представление о сущем еще ничего не говорит о его возникновении, а история возникновения еще ничего не говорит нам о существующем. Почти все историки совершают ошибку, так как исходят из наличного и смотрят назад. Однако наличное есть нечто *новое* и совершенно *необъяснимое*: ни один химик не мог бы предсказать, что *получится* из двух элементов, не *знай* он этого заранее!

34 [218]
NB. Невозможно представить себе человека, не наделенного свойствами своих родителей и прародителей, даже если видимость говорит об обратном. Зная кое-что о родителях, можно *делать выводы* о ребенке: так, животная несдержанность и дурацкая зависть, вместе составляющие тип вульгарного человека, должны перейти и на ребенка, которому нелегко будет скрывать подобную наследственность. Или, например, актерский талант более велик в человеке низкого происхождения, нежели в благородном, – как и лицемерие «добродетели».

34 [219]
Поверхностным и глупым ученым, которые достаточно бесстыдны, чтобы ощущать себя «свободными духом», все, что относится к истории болезни высших людей – подчинение, боязнь самих себя, – кажется трусостью или предательством истины, слабостью воли – – –

34 [220]

Примирение христианских чувств с греческой красотой и, по возможности, еще и с современным парламентаризмом, – вот то, что сегодня в Риме называют «философией». – Для этого нужен утонченный ум и, с другой стороны, избыток мечтательности.

34 [221]

Лучшее, что дала Германия, – это *критическая дисциплина*: Кант, Ф.А. Вольф, Лессинг, Нибур и т.д. Защита от скептицизма. – Более строгое и решительное мужество, твердость руки, направляющей нож, удовольствие от расчленения и от произнесения Нет. *Противоположное движение*: романтизм и Рихард Вагнер как последний романтик (патетический, – – –

34 [222]

NB. Различия между людьми все еще велики.

Суждения о знакомых мне людях, которые я слышал в течение всей своей жизни, настолько отличались от того, что я сам почитал за истину, что в конце концов для внутреннего обихода я придумал максиму: «бестактно *не* лгать о людях». Особенно меня огорчает вот что: если бы я захотел назвать по имени качество, которое мне нравится в ч<еловеке>, это сразу же повредило бы его «репутации».

34 [223]

NB. Основное положение: во всем, что характеризует современного человека, есть элемент распада; однако наряду с болезнью есть и признаки нерастраченной душевной силы и мощи. *Те же самые причины, которые ведут к еще большему умалению мелочных, подталкивают более сильных и редких ввысь, к великому.*

34 [224]

Черт бы побрал это кваканье! Немцы снова хвастаются своими достославными «немецкими добродетелями», о которых история, во всяком случае, ничего не знает. Отвратительнее всего этим занимаются некоторые анти-

семиты, включая тех, что застряли в болоте байройтского мастера.

34 [225]

Девиз: для себя самого у меня нет времени, – вперед!

34 [226]

NB. *Сфинкс.*

Сведение к суждению: «это не истинно». Отсюда следует императив: «стало быть, ты не *должен* считать это истинным!» Или в действительности это значит: «стало быть, ты не *можешь* считать это истинным»? – К примеру, мы постоянно видим восход и заход солнца и верим тому, что, как мы знаем, не является истиной. Точно так же обстоит дело со всем остальным. Выражение «ты не *должен*» было бы императивом, отрицающим жизнь. Следовательно, нужно обманывать самому и позволять обманывать себя.

34 [227]

Р<ихарда> В<агнера>, которого сегодня чтят в Германии и осыпают всеми хвастливыми почестями худшего немецкого национализма, – этого Р<ихарда> В<агнера> я не знаю; более того, рискну высказать подозрение, что его никогда и не было: это фантом.

34 [228]

К дурному вкусу сегодняшних н<емцев> я причисляю: добродетельный германский национализм, который не согласуется с историей и которого *следовало бы* стыдиться.

34 [229]

NB. *Главное заблуждение* всех историков: все факты значительно ничтожнее того, за что их принимают.

34 [230]

Искуситель.

Глаза бывают разными. Они есть и у сфинкса. Следовательно, есть разные «истины», и поэтому нет никакой истины.

34 [231]

Утонченный и подвижный ум с сотней тысяч крохотных рецепторов, складывающихся и распадающихся от каждого дуновения, при полнейшем расщеплении воли, – есть нечто *очень* смешное. Как у изысканных парижан, которые вздыхают под напором разнообразных впечатлений.

34 [232]

В молодости я встретил опасного бога и никому не хотел рассказывать, что тогда произошло в моей душе – как хорошего, так и плохого. Так я постепенно научился молчать, как учатся говорить, чтобы уметь молчать о главном. Человек, которому есть что скрывать, должен чем-то прикрываться, как от других, так и от самого себя: это нужно человеку, чтобы отдохнуть от самого себя и дать возможность другим жить с нами.

34 [233]

Признак *не*научного человека: он считает истинным то мнение, которое ему льстит и в свете которого он хорошо выглядит.

34 [234]

NB. Все еще не приведен убедительный аргумент, опровергающий утверждение, что доброта есть признак инволюции духа и что добродетель, как чувство и энтузиазм, есть симптом начинающегося слабоумия или, по крайней мере, свидетельствует о его приступах. Обзор истории дает примеры духовного движения вспять повсюду, где получал преобладание стадный человек и где затруднялись условия жизни для отдельного или сбивающегося в стаи человека-хищника: всякий раз в одной и той же точке развития мы находим «добрых» людей. У всех народов есть выражение: «глуп до святости».

34 [235]

NB. Любая мораль есть привычка к самопрославлению, благодаря которой определенный вид людей радуется подобным себе и свойственной им жизни: она защищает от

влияния людей другого вида, позволяя чувствовать в них существ «ниже себя».

34 [236]
NB. У женщины в голове всегда много слишком мелких и странных вещей, поэтому перед лицом задач, стоящих перед мужчиной, она по необходимости чувствует комизм своего положения; некрасивые женщины не в счет: они избавлены от многих забот тем, что заняты телом, постелью и детьми, а с недавнего времени еще и тем, что «несут» книги, как курица яйца. Поэтому для предприимчивых и глубоких мужчин истинное благо встретить существо, склонное к поверхностному веселью и приятной чувственности: благодаря этому жизнь выглядит менее мрачно. Следует как можно глубже прочувствовать, какое благо представляет собой *такая* женщина.

34 [237]
Антисемиты и прочий в основе своей лживый сброд, нуждающийся в высоких словах, – скорее для самих себя, чем для остального мира – – –

34 [238]
И лучше, подобно черной полуразрушенной крепости, одному сидеть на своей горе, в задумчивости и такой тишине, которой боятся даже птицы – – –

34 [239]
Морально *делать то, что соответствует нашему интересу*: англичане пытаются доказать это, начиная с Бентама, позаимствовавшего эту мысль у Гельвеция. Только это должно считаться моралью, именно для этого и возникла мораль. С исторической точки зрения это совершенно бессмысленно, а сегодня еще и противоречит хорошему вкусу. Наоборот: раньше все филос<офы> пытались доказать, что принцип neminem laede, immo omnes quantum potes juva[1] – это фундамент этики, который тысячелетиями ищут, словно философский камень. – Англичане пытают-

---

1 никому не вреди, напротив, помогай всем, как можешь (*лат.*)

ся убедить себя, что *морально* реальное поведение человека. И что только стадный инстинкт и есть сама мораль, в прежние времена – – –

Важно, NB. – Начиная с Гельвеция!

34 [240]

«Человек» как проблема.
Сочинение
Фридриха Ницше.

1. Ложный путь философов.
2. Ложный путь проповедников морали.
3. Ранговый порядок людей.
   по какому признаку? в какой мере они наделены силой выносить ужасный естественный факт под названием «ч<еловек>» и все же –
4. Проблема – куда? Нужен новый терроризм.

34 [241]
NB. Сколь много ложных *толкований* вещей уже было! Поразмыслим над тем, что должны думать о связи причин и следствий люди, которые *молятся*; никто не убедит нас убрать из молитвы момент «просьбы» и веру в то, что молиться имеет *смысл*, что она будет «услышана». Или другое толкование – что судьба человека «уготована» ему для его исправления, увещевания, наказания, предостережения; или третье толкование – что в ходе вещей всегда присутствует право и справедливость, а за любым каузальным действием кроется еще и своего рода криминальная подоплека. – Поэтому и все *морал<ьное>* толкование *наших поступков* может оказаться лишь огромным недоразумением, каким, без сомнения, было и морал<ьное> толкование всех естественных событий.

34 [242]

Нам приятно быть вблизи честного, разумного, мягкосердечного, прилежного, иными словами, «доброго» человека. Но почему этот *неопасный*, приятный нам ч<еловек> должен значить для нас больше, чем опасный, непознаваемый, не поддающийся учету и вынуждающий нас

быть начеку? Наше приятное чувство еще ничего не доказывает. Вопрос: был ли среди *великих* л<юдей> хотя бы один относящийся к описанному неопасному типу?

34 [243]
NB. Человек высшего ума и силы готов к любой случайности, в водовороте случайностей он чувствует себя, как рыба в воде; он не признает разумной любую последовательность и саркастически извлекает на свет божий случайное в ней. – Раньше верили только в цели; то, что сегодня верят лишь в causae efficientes[1], есть подмена одного заблуждения другим. Не существует ни causae finales[2], ни causae efficientes, в обоих случаях мы делаем ложный вывод из ложного самонаблюдения: 1) мы верим, что действуем благодаря воле и 2) что по крайней мере *действуем*. Разумеется, без этой веры не было бы ничего живого – но следует ли поэтому считать ее истиной?

34 [244]
NB. «*Познание*» есть путь, приводящий нас к чувству, что мы что-то *знаем*, следовательно, оно означает *подавление чувства новизны и превращение того, что кажется новым, в нечто старое.*

34 [245]
«преступники высшего ранга так же близки к Капитолию, как и к Тарпейской скале», – сказал, кажется, Мирабо.

34 [246]
Жизнь как *сон* наяву; чем тоньше и обширнее человек, тем сильнее он ощущает ужасную и одновременно возвышенную случайность в своей жизни, желаниях, удачах, счастье, намерениях; он испуганно вздрагивает, как сновидец, на мгновение осознавший: «мне это снится». Вера в причинную обусловленность вещей зиждется на вере в то, что *мы* действуем; если осознать недоказуемость

---

1 действующие причины (*лат.*)
2 конечных причин (*лат.*)

последнего обстоятельства, вера в первое утратит свою прочность. К этому следует добавить, что «явления» не могут быть причиной. Нам *кажется*, будто мы *объясняем*, когда сводим необычный предмет к обычному ради того, чтобы исчезло чувство отчуждения. Мы хотим не «познавать», а оградить от тревог нашу веру в то, что мы уже *знаем*.

34 [247]

Нечто может быть неопровержимым, но от этого оно еще не является истинным.

Целокупность органического мира представляет собой цепочку существ с выдуманными маленькими мирами вокруг них: живые существа распространяют свою силу, свои желания и привычки вовне, создавая свой *внешний мир*. Способность к созиданию (оформлению, изобретению, вымыслу) – их основная способность; о самих себе они, естественно, имеют такое же ложное, вымышленное, упрощенное представление.

«Существо, привыкшее мечтать по определенным правилам» – вот что такое живое существо. Огромное количество таких привычек в конце концов настолько закрепилось, что благодаря ему существуют *виды*. Вероятно, они находятся в благоприятном соотношении с условиями существования таких существ.

Наш мир как *видимость*, как *заблуждение* – но почему возможны видимость и заблуждение? (Истина не противоположность заблуждения, а отношение определенных заблуждений к другим заблуждениям: они древнее, глубже укоренены, мы не представляем себе жизни без них и т.д.)

Созидательное начало в каждом органическом существе – что это?

– Все, что составляет «внешний мир» каждого из них, есть сумма ценностных оценок; «зеленый», «синий», «красный», «твердый», «мягкий» суть унаследованные *оценки и их знаки*.

– Ценностные оценки должны находиться в определенном соотношении с условиями существования, однако это ни в коем случае не означает, что они *истинны* или *точны*. Главное как раз и состоит в их неточности, неопределенности, благодаря чему возникает своего рода *упро-*

щение внешнего мира – и именно такой вид интеллекта благоприятен для сохранения.

– Неорганическим миром тоже управляет воля к власти, или даже более того: неорганического мира вообще не существует. «Действие вовне» нельзя устранить: *одно притягивает к себе другое, что-то ощущает силу притяжения другого.* Это основополагающий факт: в сравнении с ним механистическое представление о давлении и ударе всего лишь гипотеза, возникшая благодаря *зрению* и *осязанию*, даже если она и считается регулятивной гипотезой для мира видимости!

– Чтобы выразить себя, эта воля к власти должна воспринимать вещи, которые она притягивает, должна *почувствовать*, если к ней приближается нечто поддающееся ассимиляции.

– Так называемые «законы природы» суть лишь формулы «соотношения сил» – – –

Механистическое мировоззрение есть философия поверхностная. Оно учит выведению формул, оно несет с собой большое облегчение.

Различные философские системы следует рассматривать как *методы воспитания* духа: они всегда лучше всего *вырабатывали* особую силу духа, односторонне требующую смотреть на вещи только так, а не иначе.

34 [248]

Дионис.

Дионис как воспитатель.
Дионис как обманщик.
Дионис как разрушитель.
Дионис как созидатель.

34 [249]

Образцом абсолютной *фикции* служит логика. Здесь *придумано* такое мышление, когда одна мысль полагается причиной для другой; все аффекты, все чувства и желания не принимаются во внимание. В действительности такого не бывает: действительность иная, она невероятно сложна. Используя данную фикцию как *схему*, то есть *фильтруя* дей-

ствительные события через мыслительный аппарат упрощения, мы приходим к *идеографическому письму*, к *сообщаемости* логических процессов, к возможности их *воспринимать*. Следовательно, *основная воля* заключается в том, чтобы рассматривать духовные события так, *будто они соответствуют схеме упомянутой выше регулятивной фикции*. Где есть «память», там властвует эта *основная воля*. – В действительности не существует никакого логического мышления: из нее не может быть выведено ни одно правило арифметики и геометрии, ибо такого правила не существует в природе.

Я по-иному отношусь к незнанию и неопределенности. Меня не заботит, что нечто останется непознанным; напротив, *я радуюсь*, что *может* быть еще один способ познания, и поражаюсь сложности его осуществления. Средством для этого служит введение совершенных фикций в качестве схем, благодаря которым мы можем мыслить духовные процессы проще, чем они есть на самом деле. Познание возможно лишь с помощью памяти; память возможна только благодаря сокращению и превращению духовных процессов в *знаки*.

Идеографическое письмо.

Объяснение есть выражение новой вещи посредством знаков уже известных вещей.

34 [250]

Наша главная вера в том, что мы *действующие* существа, что мы представляем собой силу. Быть свободным – *это* «когда тебя не толкают и не отодвигают, когда нет **чувства принуждения**».

NB. Когда мы встречаем сопротивление и вынуждены ему подчиниться, мы чувствуем себя *несвободными*, а когда не подчиняемся, но сами заставляем подчиняться себе, возникает чувство *свободы*. Следовательно, это *чувство нашего* **избытка** *силы*, который мы называем «свободой воли», сознание того, что наша сила *вынуждает* подчиняться другую силу.

34 [251]

В волении есть аффект.

34 [252]

Познание: осуществление *опыта* благодаря тому, что действительные события чрезвычайно упрощаются, как со стороны воздействующих сил, так и со стороны наших созидающих сил; благодаря этому *кажется, что существуют похожие и одинаковые вещи. Познание есть* **подделка** *разнообразного и неисчислимого под одинаковое, похожее и исчисляемое.* Следовательно, жизнь возможна только благодаря подобному *аппарату фальсификации.* Мышление есть извращающее преобразование, чувство есть извращающее преобразование, воление есть извращающее преобразование: во всем этом заложена сила ассимиляции, предполагающая наличие воли, направленной на то, чтобы сделать нечто равным *нам.*

34 [253]

Истина есть род заблуждения, без которого жизнь определенного вида живых существ была бы невозможна. В конечном счете ценность жизни имеет определяющее значение. Крайне низкие и добродетельные л<юди> – – –

34 [254]

Я любил только его и никого больше. Этот человек был мне по сердцу – аморальный, атеистический, антиномический, державшийся одиноко и никогда не веривший, что – – –

34 [255]

NB. Новый образ мыслей, всегда предполагающий новый способ измерения, наличие нового масштаба, новой шкалы восприятия, которая всегда является истинной в<ерой>, – хочет утвердить себя и с жаром первой любви говорит всему, что стоит на его пути: «это ложно». В этой борьбе он совершенствуется, учится защищать себя и ради победы должен хитростью выманить у противника его оружие и овладеть его искусством. «Это ложно» первоначально означало: «я этому не верю», а если присмотреться пристальнее – «я в этом ничего не чувствую», «это для меня ничего не значит».

34 [256]

Я предпринял несколько не очень уверенных попыток привлечь к себе людей, которым я мог бы сказать, например, такие странные вещи: все мои сочинения были раскинутыми сетями, я хотел поймать в них людей с глубокой, богатой и раскованной душой.

К кому обратиться? Свою самую продолжительную попытку я предпринял в отношении того разностороннего и таинственного человека, который, вероятно, пропустил сквозь свою душу наибольшее количество добрых и дурных свойств человека нынешнего столетия, – в отношении Р<ихарда> В<агнера>. Позднее я вознамерился «соблазнить» немецкую молодежь, ибо хорошо знал, какие опасные вещи творятся в душе немца в двадцатилетнем возрасте. Еще позднее я придумал язык для отчаянных мужских умов и сердец, которые в каком-нибудь уголке земли ждали моих удивительных откровений. Наконец – но вы не поверите, к какому «концу» я пришел. Так и быть, скажу: я сочинил «Так говорил Заратустра».

Признаться ли? До сих пор я так никого и не нашел, зато снова и снова встречал какую-нибудь странную форму «неистовой глупости», которая очень хотела бы, чтобы ей поклонялись как *добродетели*; я охотнее всего называю ее «моральным тартюфством», вижу в ней порок нашего века и готов наградить ее еще доброй сотней ругательств.

34 [257]

У глубоких и дальновидных л<юдей> есть свои способы прикрытия, и в нынешнее время им приходится делать вид, что это прикрытие и составляет их сущность.

34 [258]

Одинокий среди хороших друзей и добрых соседей, улыбающийся и поражающийся их «неистовой глупости», их назойливой благожелательности.

34 [259]

Глубокие и раскованные умы!

35. Май–июль 1885

35 [1]

Моралист есть противоположность морального проповедника: это мыслитель, воспринимающий мораль как нечто сомнительное, вызывающее вопросы, короче, как проблему. С сожалением должен добавить, что именно поэтому моралист сам относится к сомнительным личностям.

35 [2]

Чувство истории: способность быстро угадывать ранговый порядок ценностных оценок, согласно которым живет народ, общество, человек, видеть связь этих оценок с условиями жизни, соотношение их авторитета с авторитетом действующих сил (мнимое соотношение чаще всего превосходит реальное); если *воспроизвести* все это в себе, возникнет чувство истории.

35 [3]

Некоторые эстетические ценностные оценки фундаментальнее моральных, например удовольствие от всего упорядоченного, обозримого, ограниченного, от повторения, – это удовольствия всех органических существ применительно к опасности их положения или к трудностям пропитания. Знакомое доставляет удовольствие, вид того, чем надеешься легко *овладеть*, приятен, и т.п. Логическое, арифметическое и геометрическое чувство удовольствия составляет фундамент эстетических оценок: известные условия жизни ощущаются как чрезвычайно важные, а противоречие между реальностью и этими оценками столь часто и столь велико, что возникает удовольствие от восприятия таких форм.

35 [4]

Совершенствование жестокости есть один из источников *искусства.*

35 [5]

Мораль есть учение о ранговом порядке людей и, следовательно, о значении их поступков и дел *для* этого рангового порядка, то есть это учение о человеческих ценностных оценках относительно всего человеческого. Большинство моральных философов изображают лишь *современный* господствующий ранговый порядок: с одной стороны, сказывается недостаток исторического чувства, а с другой, они сами попадают под власть морали, которая считает нынешний порядок вещей вечным. Безоговорочная важность, слепое себялюбие, свойственные самовосприятию любой морали, выражают стремление к тому, чтобы не было *многих* моралей, чтобы не с чем было сравнивать: мораль не терпит критики и требует безоговорочной веры в себя. Таким образом, по своей сути она антинаучна – и уже поэтому настоящий моралист должен быть *аморальным,* находиться по ту сторону добра и зла. – Но *возможна* ли в таком случае наука? Разве поиски истины, правдивости, честности не моральны? Возможна ли наука без этих ценностных оценок и соответствующих им действий? Если убрать из знаний добросовестность – к чему в таком случае придет наука? Скепсис в вопросах морали не является противоречием, поскольку именно в этом активно проявляет себя высшее совершенствование моральных притязаний: как только скептик перестает чувствовать решающее значение этих более тонких оценок, он утрачивает основания для сомнений и исследований; *воля к знанию должна иметь совершенно иные корни, нежели правдивость.*

35 [6]

«*Душа*»: к вопросу о наименовании системы ценностных оценок и *ценностных аффектов* –

35 [7]

Когда философы собираются вместе, то сначала отбрасывают в сторону красивую болтовню: они уже не на-

зывают себя «философами» и оставляют на вешалке свою «любовь к истине», словно официальное облачение или маскарадный костюм.

«*Мы* друзья сомнения, – говорят они друг другу. – *Мы не хотим, чтобы нас обманывали.* Правда, нам должны поверить, *что и мы никого не хотим обманывать,* – в этом нам придется торжественно *убедить* весь мир. Ибо, между нами говоря, – – –

35 [8]

Сильные и слабые.

Мысли и тире доброго европейца.

35 [9]

Что отличает нас, *добрых европейцев*, от людей отечеств?

Во-первых, мы атеисты и имморалисты, но поддерживаем прежде всего религии и морали, основанные на стадном инстинкте: благодаря им подготавливается вид человека, который однажды попадет в наши руки и будет *жаждать* нашего руководства.

По ту сторону добра и зла, – однако мы требуем безусловного соблюдения стадной морали.

Мы оставляем за собой право на множество типов философии, которые требуются для обучения: при известных обстоятельствах и на пессимизм, как молот; от европейского буддизма, вероятно, тоже не следовало бы отказываться.

Мы, по всей вероятности, будем поддерживать развитие и вызревание демократического начала: оно ведет к ослаблению воли; в «социализме» мы видим жало, которое от удобств – – –

Отношение к народам. Наши предпочтения: мы обращаем внимание на результаты скрещивания.

Стоящие в стороне, благополучные, сильные. Ироническое отношение к «прессе» и к тому, чему она учит. Озабоченность, чтобы люди научного склада не становились литераторами. Мы презираем любое образование, которое достигается чтением газет или, тем более, писанием для них.

Мы воспринимаем наши случайные позиции (например Гёте, Стендаля), наши переживания как временные прибежища, в которых нуждается и которыми пользуется странник; мы остерегаемся осесть где-нибудь окончательно.

От других людей нас отличает disciplina voluntatis[1]. Всю силу мы тратим на *воспитание силы воли* – искусство, которое позволяет нам носить маски и понимать друг друга *по ту сторону* аффектов (а иногда и мыслить «сверх-европейски»).

Подготовка к тому, чтобы стать хозяевами земли: законодатель будущего. По крайней мере, для наших детей. Предельная осторожность в вопросах брака.

35 [10]

Условия, способствующие развитию стадного животного, помогают и развитию зверя-вожака.

35 [11]

С помощью «женской эмансипации» женщины, не обзаведшиеся мужем и детьми, хотят существенно повлиять на *отношение* женщины к мужчине *вообще*, то есть *неудавшиеся* элементы (которые *везде* имеют *численный* перевес) хотят изменить положение вида: качество должно понижаться в угоду количеству. (Задумаемся над одним из возможных последствий: отныне и *безобразные* женщины будут *требовать* от мужчин удовлетворения своих инстинктов; в этом и заключается бессознательная движущая сила данного явления.) Или как Ж<орж> Санд, которой всегда недоставало мужчин и которая, заполучив их, быстро ими пресыщалась.

35 [12]

Бессмыслица самого большого числа как величайшего разума роковым образом проявляет себя, когда задумываешься над тем, в какой мере все доброе на земле, все удавшееся, счастливое, исполненное ума и духовности, короче говоря, все, благодаря чему обыкновенно случающиеся неудачи и недоброжелательность – – –

---

1 дисциплина воли (*лат.*)

35 [13]

Европа в конечном счете женщина, – а согласно легенде, женщина при определенных обстоятельствах позволяет себя похитить какому-нибудь зверю. Когда-то, во времена греков, это был бык. Сегодня – упаси меня бог назвать этого зверя.

35 [14]

Кто они, эти добрые европейцы, о которых ты говоришь, но еще больше молчишь? Чем отличаются они от нас, добрых приверженцев своего отечества?

35 [15]

К плану. *Введение.*

1. Органические функции, переведенные обратно в основную волю, волю к власти, – и отделившиеся от нее.
2. мышление, чувства, воление во всем живом – Удовольствие есть не что иное, как раздражение чувства власти каким-либо препятствием (а еще лучше ритмически повторяющимися препятствиями и актами сопротивления): от этого чувство власти вздувается и набухает. Таким образом, удовольствие включает в себя боль. – Чтобы удовольствие стало очень сильным, боли должны продолжаться долго, а натяжение лука должно быть беспримерным.
3. Воля к власти проявляется в воле к питанию, к собственности, к *инструментам*, к слугам. – Повиновение и господство: тело. более сильная воля управляет более слабой. Не существует иной причинности, кроме как от воли к воле. До сих пор еще не было механистической – – –
4. Духовные функции. Воля к оформлению, к уподоблению и т.д.

Приложение. Великие недоразумения философов.

35 [16]

Следовало бы, наверное, попытаться однажды задать вопрос, не всех ли великих людей нужно относить к злым людям.

35 [17]

Человек, в какой бы ситуации он ни находился, нуждается в оценках, благодаря которым он оправдывает свои действия, намерения и состояния, то есть занимается *самовосхвалением*. Всякая естественная мораль есть выражение довольства определенного рода человека самим собой. Нуждаясь в похвале, человек нуждается и в *соответствующей* шкале ценностей, где выше всего ценятся те действия, на которые мы более всего способны и в которых находит выражение наша собственная *сила*. Нам хочется, чтобы проявления нашей силы видели и почитали.

35 [18]

Нет ли у нас права относить всех *великих* людей к *злым*? В каждом отдельном случае это не так просто увидеть. Часто они занимались мастерской игрой в прятки, всем своим видом и жестами демонстрируя великие добродетели. Нередко они серьезно и со страстным упорством почитали добродетели вопреки самим себе, но из чувства жестокости – такие вещи обманчивы, если смотреть на них издали. Иные ложно понимали себя, когда они – – – нередко большая задача требует великих качеств, например справедливости. Самое существенное заключается в том, что величайшие из великих, вероятно, обладали бóльшими добродетелями, но именно поэтому еще и их противоположностями. Я думаю, что из наличия противоречий, а также из чувства этих противоречий и рождается великий человек, *туго натянутый лук*.

35 [19]

Нужно отказаться от вопроса: что есть добро? что есть сострадание? – Следует спрашивать: «что *представляет собой* добрый, сострадательный?»

35 [20]

Мораль до сих пор была в первую очередь выражением консервативной воли к воспитанию одинакового вида, она руководствовалась императивом: «Нужно избегать всяких вариаций, должно оставаться только удовольствие от одного вида». Поэтому большое количество свойств долгое время удерживалось и *взращивалось*, в то время как другие приносились в жертву; все морали такого рода *жестоки* (в воспитании, в выборе женщины, вообще в отношении прав молодежи); в результате появились люди с немногими, но очень сильно выраженными и всегда одинаковыми свойствами. Эти свойства связаны с основными положениями, с помощью которых такие существа утверждают себя и защищаются от врагов.

Вдруг узы рвутся, исчезает необходимость в строгой дисциплине (какое-то время отсутствуют враги); индивид не чувствует больше ограничений, все бурно идет в рост, неслыханная гибель сопровождается великолепным, разнообразным, буйным разрастанием. У новых людей, которые теперь наследуют *самые разные свойства*, возникает необходимость создать для себя *индивидуальное законодательство*, соизмеримое с их особыми условиями и *опасностями*. Появляются философы-моралисты, которые обычно представляют распространенный тип и своей disciplina приносят пользу определенному виду человека.

35 [21]

Я потратил свой ум и силы, пытаясь ответить на вопросы вроде: что хорошо? что плохо? – Каждый из этих философов воспринимал себя как типичного человека и хотел добиться превосходства над теми, кто устроен по-другому: он боролся с их верой в свой идеал. Мораль таких философов тоже есть *самодовольство*, но самодовольство индивидуальное.

35 [22]

Из опыта животноводов известно, что виды, которым в изобилии выделяется пища и которые пользуются особой заботой и защитой, сильнее других склонны к вариативности и ко всяким чудесам и безобразиям (включая и

б<езобразные> пороки). Давайте взглянем на аристократию как на мероприятие с целью выведения особого вида: долгое время у нее нет благоприятных условий, ей необходимо утверждать себя, ее постоянно окружают опасности, она боится за свое существование. Поэтому она чувствует необходимость вырабатывать определенные свойства (добродетели) и в первую очередь сохранять их; во имя этих добродетелей, в которых она видит условия своего существования, она *подавляет* все остальные. Наконец возникает благоприятная ситуация, великое принуждение становится ненужным – и сразу же в оранжерее ее культуры появляется *огромное количество вариаций* и монстров (включая гениев); порой в борьбе между ними погибает коллективный интерес.

Вариации вида (отклонение от нормы, иногда вырождение) возникают там, где существуют благоприятные условия жизни, а сам вид *утверждается* и *крепнет* в длительной борьбе с неблагоприятными у<словиями>.

Забота о *сохранении* вида, о его точном воспроизведении, его существенном однообразии проявляется в любви к этому виду, в восхищении им при сравнении с окружением, то есть в *удовлетворенности* им. Основой всякой аристократии является удовлетворение принадлежностью к своему роду и желание продолжить *самих себя* в похожем потомстве; однако на этом уровне можно оставаться только при условии постоянно возвращающейся опасности, все время сравнивая себя с живущими рядом низшими существами. Не должно быть и мысли о «прогрессе» или о «равных правах для всех»; сохранение типа, *наслаждение* всеми типическими чертами и отвращение ко всем прочим (в том числе и ко всему чуждому); руководящая мораль – возможно большее *сходство* с предками; скорбь при мысли о переменах и вариантах.

Однако есть виды страдающие, угнетенные, наполовину неудавшиеся, больные, недовольные собой; если и у них возникнет жажда в учителях, утешителях и врачевателях, если и они станут создавать мораль, – к чему они скорее всего обратятся, чего потребуют? Конечно же, не сохранения своего страдающего вида или условий своего существования. «Прочь отсюда! – потребуют они. – Лучше

куда-нибудь еще, к добродетелям!» В целом их мораль будет своего рода самоотрицанием – – – с другой стороны, они охотнее всего станут практиковать «самоотверженность». Отвращение к себе, отказ от эгоизма – их великая ненависть будет обращена на счастливых, гордых, торжествующих победу! Наряду с этим восторженное чувство, проявляющееся в преданности, самопожертвовании, самозабвении, любви: от по-собачьи рабского виляния хвостом до «мистического слияния с богом». И действительно, таким образом подобный вид страдающих и полуудавшихся *сохраняет свою жизнь*, а в известной мере даже обретает *жизнеспособность*, – и поскольку он в первую очередь учит приспособляемости друг к другу, возникает *более низкий*, но и более жизнеспособный тип. Например, современный европеец, так же как и китаец. *Умаление* человека, – но когда все их силы собираются воедино, то *подчиняют* себе благородную расу; поскольку благородные инстинкты последней побуждают ее к отказу от своего трудного существования (и к отказу от инстинктов, нуждающихся в счастье) или же сами вырождаются, переставая верить в себя, то происходят, например, такие великие глупости, как прелюдии к французской революции. После этого появляется своего рода перевес количества над качеством, то есть самых мелких людей над изысканными и редкими, приходит пора демократического вкуса во всех ценностных оценках; в конечном счете вера в великие вещи и в великих людей превращается в недоверие, а потом и в неверие, в результате чего великое вымирает.

35 [23]

Жаждешь великих и глубоких душ – а встречаешь всегда только стадных животных!

35 [24]

1) *Возможен* ли еще сегодня «философ»? Достаточно ли велик объем осознанного? Не слишком ли велика вероятность того, что у него не будет *широкого кругозора*, особенно если он добросовестен? Или такой кругозор появится *слишком поздно*, когда его лучшая пора уже пройдет? Или он испортится, огрубеет, выродится, и его *оценки* уже ни-

чего не будут значить? – В ином случае он станет «*дилетантом*» с тысячью рецепторов и лишится великого пафоса, уважения к самому себе – и чистой совести. Иными словами, он уже не способен руководить, не способен повелевать – а если захочет, то ему придется стать великим лицедеем, своего рода философствующим *Калиостро*.

2) Что означает в наше время *жить* по-философски мудро? Не означает ли это *сохранять* хорошую мину при плохой игре? Нет ли в этом своего рода бегства? И если кто-то просто держится в стороне, значит ли это, что он указывает этим лучший путь своему познанию? Не должен ли он лично испробовать сотню образов жизни, чтобы получить право говорить о ее ценности? Короче говоря, мы полагаем, что человек должен жить абсолютно «нефилософски» (в теперешнем понимании этого слова), прежде всего не быть робким добродетельным существом: только тогда сможет он судить о великих проблемах на основе собственных *переживаний*. Человек, богатый этими переживаниями, умеющий делать из них общие выводы, – не он ли должен стать самым могущественным? – Мудреца слишком долго путали с ученым, а еще дольше – с религиозно-возвышенным человеком.

35 [25]

Проблема: многие типы *великих людей*, вероятно, *уже невозможны*? Например *святой*. Может быть, и *философ*. *Гений*, наконец? Должно быть, сократилась чудовищная дистанция между людьми? По крайней мере, уменьшилось чувство этой дистанции, а это влечет за собой менее строгое отношение и дисциплину, из-за чего человек уже не поднимается до таких высот, как раньше. – Мы нуждаемся в новом понятии *величия* человека, – величия, на которое мы способны и от которого большинство из нас отделяет глубокая пропасть. Voilà: этот демократический мир превращает каждого в нечто *специфическое*, следовательно, величие сегодня заключается в том, чтобы *быть универсальным*. Этот мир ослабляет волю, так что сила воли сегодня считается величием. *Этот мир* способствует и развитию стадного животного, следовательно, к величию сегодня нужно относить одиночество и жизнь на свой

страх и риск. Разносторонне одаренный, одинокий человек, свободный от стадных инстинктов, наделенный несокрушимой волей, которая позволяет ему переживать многочисленные превращения и ненасытно погружаться во все новые глубины жизни. – *Величие человека* нам следует искать там, где мы менее всего чувствуем себя дома. Для энергичного века мягкий, самоотверженный, созерцательный человек – великое *исключение*; нужны великая внутренняя дисциплина и твердость, чтобы превратиться из полудикого зверя в Сократа. Индифферентность Эпикура производит почти просветляющее впечатление. Мы идем к противоположным *идеалам*, но сначала нам нужно разрушить старые идеалы в нас самих.

35 [26]

Дионис.
Книга прорицания.

35 [27]

Наши психологи, чей ум непроизвольно зациклился только на симптомах décadence, постоянно направляют наше недоверие против разума.

35 [28]

Новые варвары. Всегда видят только ослабляющее, смягчающее, болезненное воздействие на разум. Но сейчас приходят: Циники. Искусители. Завоеватели. Соединение духовного превосходства с довольством и избытком силы.

35 [29]

Эпохисты, эфектики.

Он с удовольствием останавливается перед нерешенными проблемами, по отношению к скороспелым гипотезам он настроен иронически; он отвергает тот вид удовлетворения, который несет с собой закругленность, заполненность, затыкание дыры какой-нибудь ветошью. Он ведет себя так не потому, что слаб, а потому, что силен; *он не гибнет сразу*, как только лишается «устоев», которые сегодня, например, служат поддержкой пессимистам. –

Главное в том, что в области морали еще нет *никакой науки*, более того, *никакого материала для науки*. Практические тайные намерения перекрывают исследователю воздух. Наступило время поиска самых обширных регулятивных гипотез, которые позволили бы собирать материал.

Итак, в этой сфере еще далеко до строгого установления науки; мы находимся на *предварительной стадии*. Обострение методических притязаний придет позднее. Науки не развиваются одновременно: у них, как и органов тела, есть свои периоды ускоренного или замедленного роста, созревания. Совершенно ясно, что больше всех отстает от других та наука, развитию которой дольше противились, полагая, что *здесь* нечего исследовать. Вот, мол, она, истина, верить в нее – наша обязанность; и по сегодняшний день «моральное сознание» иногда противится праву на анализ морали, облачившись в тогу некой «философии». Наши последние исследователи морали основательно убеждены в том, что науке здесь положено не *критиковать*, а только обосновывать факты.

35 [30]

1. *Видеть* и *показывать* проблему морали кажется мне новой задачей и главным делом. Я не считаю, что нечто подобное происходило до сих пор в моральной философии.

35 [31]

Не следует искусственно преувеличивать значение науки там, где еще не наступило время научности, – но и настоящий ученый обязан отказаться от тщеславного намерения преувеличивать роль метода, время для которого в сущности еще не пришло. Не следует ему и «фальсифицировать» – посредством ложной аранжировки дедукции и диалектики – вещи и мысли, к которым он пришел иными путями. Так, Кант в своей «морали» фальсифицирует свои внутренние психологические склонности; новейшее доказательство тому – этика Герберта Спенсера. – Не следует скрывать или искажать то, как к нам приходят наши мысли. Самые глубокие и неисчерпаемые книги, думается, всегда будут иметь нечто от афористического и неожиданного характера «Мыслей» Паскаля. *Движущие* силы и оце-

ночные суждения долгое время зреют подспудно; то, что выходит на поверхность, и есть следствие.

35 [32]

Я противлюсь любому тартюфству научности:

1) *изложению*, если оно не соответствует *генезису* мысли;

2) притязаниям на *методы*, которые на определенном этапе развития науки, по всей видимости, еще невозможны;

3) притязаниям на *объективность*, на холодную обезличенность там, где мы, как всегда при оценках, в двух словах рассказываем о себе и своих внутренних переживаниях. Есть смешные виды тщеславия, например у Сент-Бёва, который всю жизнь злился, что иногда действительно проявлял горячность и страсть, высказываясь «за» или «против», и хотел бы вопреки фактам вычеркнуть это из своей жизни.

35 [33]

Сегодня охотно придают себе *налет* очень пестрой, разнообразной манерной научности – ничего удивительного в такой фальшивый век, когда «равные права» влекут за собой и «чувство одинаковых притязаний», например претензию на научность, если этого кому-то *захочется*. Почти все литераторы считают себя способными на научность, более того, романисты честолюбиво стремятся к этому.

35 [34]

Нет ничего более жалкого, чем моральная литература в сегодняшней Европе. Впереди всех английские утилитаристы, подобно рогатому скоту бредущие по стопам Бентама, как он сам некогда брел по стопам Гельвеция; ни одной новой мысли, нет даже действительной истории того, что было продумано раньше, а есть только всегдашнее старое морал<ьное> тартюфство, английский порок cant[1] – теперь уже под видом научности, наряду с тайным бегством от угрызений совести, которые обыкновенно

---

1 лицемерия (*англ.*)

испытывает раса прежних пуритан. – Они хотят любой ценой *убедить* себя, что *необходимо* стремиться к собственной пользе, поскольку именно таким способом оказывается наибольшая услуга общему благу, счастью большинства, – что, стало быть, стремление к английскому «счастью», я хочу сказать к comfort и fashion, и есть истинный путь к добродетели и даже что если в мире существует добродетель, то состоит она именно в подобном стремлении к собственному и, следовательно, всеобщему счастью. Никто из этих неуклюжих, отягощенных нечистой совестью стадных животных – а все они таковыми и являются – и знать не хочет, что существует ранговый порядок людей и, следовательно, мораль для всех есть ущемление прав высших людей, что справедливое для одного вовсе не обязательно будет справедливым и для другого и что, более того, идеал счастья для большинства вызывает тошноту у отмеченного особой метой и не принадлежащего к большинству. – Из Франции недавно проникло в Англию поверхностное контовское противопоставление альтруизма эгоизму, хотя никакого альтруизма не существует в природе! И сейчас мы видим, например, у Герберта Спенсера попытку примириться и с этим, с дурным желанием воспринимать какое-нибудь понятие с той же серьезностью, с какой в Англии даже испускание мочи уже относят к альтруистической деятельности. В Германии, где все еще не могут справиться с моралистической наивностью Канта и Шопенгауэра, с категорическим императивом и, с другой стороны, с «состраданием», Э. фон Г<артман> недавно развил мысль Конта вширь – аж на 871 страницу – и торжественно и официально вышвырнул эгоизм за дверь, чтобы тут же снова пригласить его войти во имя «альтруизма», – и никто в Германии не высмеял его за это. В самом деле, лучше всего проникаешься чудовищным фактом почти внезапного оглупления народов Европы – очевидного как в сегодняшней Германии и Англии, так и во Франции и Италии, – перелистывая их моралистические книги. Существует не более трех небольших работ, которые я мог бы выделить из общего числа (хотя и в этих работах не содержится ничего фундаментального).

Во-первых, это книга одного немецкого еврея, Пауля Рэ, озаглавленная – – –. Она достойна выделения благодаря своей форме и обладает тем подлинно философским habitus[1], который Стендаль однажды остроумно назвал – – –. Рэ тонко подхватывает и развивает более строгие вкусы и привычки старых французских моралистов, – его книга пропитана приятным запахом «доброго старого времени», она далека от всех назидательных тайных помыслов, которыми несет от написанных по-немецки книг о морали; к сожалению, у него обнаруживаются те же недостатки, что и у французов: узость горизонта, бедность знания; его гипотезы неоригинальны, он бросает слова на ветер, ему крайне недостает «исторического взгляда и такта», то есть истинной и единственной добродетели, которая выделяет немецкую науку XIX века на фоне всех более старых наук. В конечном счете это книга, которая «возбуждает аппетит».

Во-вторых, я хочу назвать тонкую, скорбно-душевную книгу одного француза – – –, которая, правда, как и почти все, что приходит теперь из Парижа, в избытке дает понять, где сегодня, собственно, обретается пессимизм: *не* в Германии. И какой толк от всего этого позитивизма и решительного преклонения перед «petits faits»[2]! В Париже страдают, словно от холодных осенних ветров, от мороза великих разочарований, словно приближается зима, последняя, окончательная зима, – и самые лучшие и мужественные, как этот бравый Гюйо, <при этом дрожат и трепещут, хотя и делая хорошую мину перед лицом своего «positivisme»: кто поверит, пусть они и убеждают нас в этом с иронией, будто их дрожь и трепет относятся к *привлекательным* и обольстительным сторонам жизни? «Трепет – *прекраснейший* удел человечества» – разумеется, Гёте говорил это, однако он – имел на это *право*! Но парижанин? – И, наконец, я выделяю полемическую работу одного немецкого полуангличанина, в которой достаточно ума, кислоты и научности, чтобы основательно «разложить» тот симбиоз bêtise[3] и дарвинизма, который выпустил в свет

---

1 обликом (*лат.*)

2 «мелкими фактами» (*фр.*)

3 глупости (*фр.*)

Герберт Спенсер под названием «Data of Ethics»: Рольф, Проблемы биологии, 1881. Правда, кроме полемики, ничто в этой книге не заслуживает похвалы; в ней, как и в книге, которую она критикует, оскорбляет желание незначительных людей сказать свое слово в области, о которой могут судить, не рискуя показаться дерзкими, только избранные из тех, кто познает и «переживает».>

35 [35]

Основательнее всего меня отделяет от метафизиков то, что я не согласен с ними, будто мыслит именно Я; напротив, это *Я само представляется мне конструкцией мышления*, такого же порядка, как «материал», «вещь», «субстанция», «индивид», «цель», «число», то есть лишь регулятивной фикцией, с помощью которой в мир привносится, *присочиняется* своего рода устойчивость и, следовательно, «познаваемость». Вера в грамматику, в языковой субъект, в объект, в слова, выражающие действие, до сих пор подчиняла себе метафизиков; я учу отречению от этой веры. Я есть результат мышления, однако метафизики, вслед за народом, до сих пор верят, что в «я думаю» заключено нечто непосредственное, определенное и что Я есть заданная причина мышления, по аналогии с который мы «понимаем» все прочие причинные отношения. Какой бы привычной и незаменимой ни казалась эта фикция, это еще не аргумент против ее вымышленности: нечто может быть условием жизни и *тем не менее ложью.*

35 [36]

Освободившись от тирании «вечных» понятий, я тем не менее далек от того, чтобы по этой причине броситься в пропасть скептического произвола; напротив, я прошу рассматривать понятия как попытки воспитания определенных типов человека и – – – их умеренность и продолжительность.

35 [37]

Ложность понятия не является для меня причиной *возражать* против него. Тут наш новый язык звучит, вероятно, особенно чуждо; вопрос в том, насколько это служит

развитию жизни, сохранению жизни, сохранению вида. Я даже принципиально придерживаюсь веры в то, *что именно самые ложные предположения необходимы нам более всего*, что без признания роли логических фикций, без соизмерения действительности с *вымышленным* миром безусловного, равного самому себе, человек не может жить и что отрицание фикций, отказ от их практического использования означал бы отрицание самой жизни. *Признать неистинность за условие жизни* означает жестоким образом отринуть от себя привычное чувство ценности – и здесь как нигде важно не «истечь кровью», поранившись о «познанную истину». В момент высшей опасности необходимо сразу же призвать на помощь основные творческие инстинкты человека, которые сильнее всех оценочных чувств, – те, что сами рождают оценочные чувства и в вечном процессе рождения получают возвышенное наслаждение от вечной гибели своих детей. И наконец: *какая сила* заставляла нас отрекаться от этой «веры в действительность», как не *сама* жизнь и не ее основные творческие инстинкты? У нас даже не возникает необходимость заклинать этих «матерей»: они уже *наверху*, их глаза смотрят на нас, мы осуществляем то, в чем убедило нас их волшебство.

35 [38]

Что же касается собств<енно> филос<офии> в сегодняшней Франции: конечно, нельзя поверить в то, что эти бравые позитивисты из школы Конта или последователи Стендаля, Монтескье, Кондильяка (то есть всего лучшего, что дал XVIII век), например Тэн, – представляют собой противоположность скептическому настроению века.

35 [39]

Полдень и вечность.

1. О ранговом порядке.
2. Законодатели. (Воспитание новых господствующих каст.)
3. О кольце колец. Или: «зеркало».
4. Великие благословения.

35 [40]

Полдень и вечность.
Видения и предсказания.

35 [41]

Полдень и вечность.
Предсказания человека будущего.

Первая часть: о ранговом порядке.

Вторая часть: о властителях земли.

Третья часть: о кольце колец.

Четвертая часть: о новом умирании.

35 [42]

– когда и мы с гордостью сможем произнести слова, которые Перикл сказал в той надгробной речи перед своими афинянами: все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед.

35 [43]

Наконец, мы защищаемся и от таких знатоков людей, как Сент-Бёв и Ренан, от такого способа выслушивания и вынюхивания души, каким пользуются эти немужественные, бесхребетные духовные сластолюбцы; нам кажется, они не ведают стыда, когда ощупывают любопытными пальцами тайны человека или эпохи, которые были выше, строже, глубже и в любом отношении благороднее, нежели они сами, и не так-то просто открывали свои двери околачивающимся вокруг да около полубабам. Однако этот девятнадцатый век, утративший все утонченные инстинкты рангового порядка, уже не умеет дать по рукам

непрошеным пронырам и взломщикам, – более того, он гордится своим «историческим чувством», благодаря которому потному плебею, если он берет с собой ученые орудия пытки и опросные листы, не возбраняется вторгаться в общество высшей недосягаемости, в среду святых носителей совести, как и в среду вечно окутанных тайной властителей духа. Историческое чувство и выслеживание скрывает под собой больше скепсиса, чем видно на первый взгляд: оскорбительный скепсис, направленный против различия рангов людей, и бесстыдные притязания на «равенство» распространяются даже на мертвых, по отношению к которым оплачиваемые слуги общественного мнения сегодня позволяют себе те же вольности, что и по отношению к живым.

Но мы не скептики, мы еще верим в ранговый порядок людей и проблем и дожидаемся часа, когда это учение о ранге и порядке будет написано на лице нынешнего вульгарного общества. Быть может, этот час станет и нашим часом.

Но если мы не скептики, не являемся ли мы критиками или «критицистами»? И если мы с особым удовольствием освящаем своим именем попытку и радость от этой попытки, не происходит ли это потому, что мы любим пользоваться экспериментом в широком и опасном смысле ради более глубоко понимаемой критики? Быть может, мы, как экспериментаторы, во имя познания втайне вынуждены идти дальше, чем позволяет мягкотелый, изнеженный вкус столетия? В самом деле, мы не хотели бы отказываться от тех качеств, которые отличают критика от скептика: от уверенности в своей мере ценностей, от сознательного желания придерживаться единства метода, от хитроумного мужества, от одиночества и чувства ответственности; более того, мы признаемся в удовольствии говорить Нет и расчленять, в известной жестокости руки, которая уверенно направляет нож, даже если при этом кровоточит сердце. Мы жестче – и, быть может, не только в отношении самих себя, – насколько этого могут желать «гуманные» люди; мы не пускаемся в рассуждения об «истине» только потому, что она нам «нравится», или «возвышает», или «восхищает» нас, – мы вообще мало верим

в то, что истина способна доставить столь приятные чувства. Многим будет неприятно слышать то, что мы скажем: наше недоверие возникает лишь там, где наше чувство испытывает приятное возбуждение; мы улыбаемся, если кто-то пытается этим что-нибудь *доказать*, говоря: «Но эта мысль возвышает меня; как же она может быть ложной?» Или: «Это произведение восхищает меня; как же оно может не быть прекрасным?» Или: «Этот художник возвеличивает меня; как же он может не быть великим?» С такими критиками мы скорее – – –

35 [44]

Суеверие относительно философов: их путают с *учеными* людьми. Как будто ценности заключены в вещах, а нам остается лишь удержать их там. В какой мере они исследуют *заданные* ценности (свою ненависть к видимости, телу и т.д.). Шопенгауэр по поводу морали. (Издевательство над утилитаризмом.) В конечном счете путаница заходит так далеко, что в дарвинизме видят философию; наступило время *ученых* людей.

Французы, например Тэн, тоже ищут, или полагают, что ищут, не обладая мерой ценностей. Преклонение перед «фактами» стало своего рода культом. На самом деле они *уничтожают* существующие оценки.

Объяснение этого недоразумения. Повелевающий появляется редко, он ложно толкует самого себя. Люди *хотят* отринуть всякий авторитет и погрузиться в *обстоятельства*. – В Германии уважение к критику относится к истории пробуждения *мужественности*. Лессинг и т.д. (Наполеон о Гёте.) На деле это движение было обращено вспять немецким романтизмом: *слава* немецкой философии связывается с ним, как будто благодаря ему была устранена опасность скептицизма и появилась возможность *доказать веру*. В Гегеле обе тенденции достигли своей кульминации: в сущности, он обобщил факт немецкой критики и факт немецкого романтизма; получился своего рода диалектический фатализм во имя духа, а на деле это привело к преклонению философов *перед* действительностью. – *Критик подготавливает*, не более того!

С приходом Шопенгауэра смутно вырисовывается задача философов, заключающаяся в определении *ценности*: все еще под властью эвдемонизма (насмешка над Гартманом). Идеал пессимизма.

35 [45]

Философ как законодатель, как испытатель новых возможностей, его средства. Он *использует* религию.
Новый Завет – то, что может христианство.
Его противоположность: мораль стадных животных.
А также вольнодумцы и т.д.
Как стадные животные сегодня представляют себе «высшего человека»: показать на примере В. Гюго.
Мои предшественники: Шопенгауэр –
в какой мере я углубил пессимизм и благодаря изобретению его высшей противоположности полностью его прочувствовал.
Затем: идеал<ьные> художники, молодая поросль наполеоновского движения.
Затем: высшие европейцы, предшественники *большой политики*.
Затем: греки и их возникновение. В «Рождении трагедии» я намекнул на соотношение между «нуждой» и «искусством».
Немцы и *дух*.
Личное воспитание философа в одиночестве.
Дионисийское.

35 [46]

Paete, non dolet![1] Paete, этот пессимизм не приносит боли! Paete, Эдуард не кусается! Paete, посмотри на меня: разве я не дружелюбен, не безопасен? Paete, в самом деле, я ничего больше не желаю.

Paete, non dolet! Paete, этот пессимизм не приносит боли! Paete, твоя Аррия не кусается! Paete: Эдуард сама предупредительность, приятный, человечный, дружелюбный, даже по-имперски дружелюбный, даже безопасный,

---

1 Пэт, не больно! (*лат.*)

короче говоря, Эдуард – это мальчик на побегушках, и его пессимизм не оставляет желать ничего лучшего.

Я тогда ошибался: я полагал, что Э<дуард> ф<он> Г<артман> – это тонкий, превосходный ум и весельчак, потешающийся над пессимистическими затруднениями века; я находил открытое им «бессознательное» весьма злым и остроумным, оно казалось мне настоящей мышеловкой для скорбных глупцов философского дилетантизма, все больше распространяющегося в Германии. Однако меня постоянно заверяют в том, что он делал это *всерьез*, меня почти вынуждают поверить этому, – но должен ли он перестать веселить меня? Нужно ли мне перестать смеяться, когда эта Аррия снова и снова уговаривает своего Paetus не *бояться кинжала*, я хочу сказать, гартмановского пессимизма? Paete, нежно призывает она, non dolet!

35 [47]

§ Никаких критиков. Смущение. Наконец «человек науки». Англичане.

§ Ни пессимисты, ни оптимисты. Великая точка зрения Шопенгауэра: разрушение иллюзии еще не означает постижения истины, а лишь *слегка увеличивает незнание*, расширяет наше «пустое пространство», означает прирост нашей «безысходности».

§ Основная мысль: новые ценности сначала должны быть созданы – этого нам не *избежать*! Философ должен быть подобен законодателю. Новые типы. (Как до сих пор воспитывались высшие типы (например греки); **желание** *осознать* этот вид «случайности».)

§ Его средства: религии, морали.

§ Значение христианства.

§ Значение демократического образа мысли.

§ Вольнодумцы, относящиеся к этому движению? Виктор Гюго.

§ Неосознанные обратные движения: Наполеон, 30-е годы, Р<ихард> В<агнер>.

§ Новый философ может появиться только в сочетании с новой господствующей кастой, как ее высшая одухотворенность. Большая политика, близится управление

землей; полное *отсутствие принципов* для этого (ирония по отношению к *пустому* немецкому духу).

§ Европеец и его образование.

§ Периоды великих *проб.* Люди со своим собственным каноном ценностей. Институты для воспитания высших людей.

§ «Предварительность» философов. Их одиночество.

§ Готовить «По ту сторону добра и зла». Состояние «морали».

15 § Дионис.

15 : 100 | 6

3 больших страницы для каждого раздела.

35 [48]

Предисловие.

Меня сегодня мало интересует то, прав или не прав я в отношении Р<ихарда> В<агнера> и Шопенгауэра: если я и ошибся, то моя ошибка не принесет бесчестия ни вышеназванным, ни мне. Несомненно, в те дни молодости мне доставляло огромное удовольствие наносить свои идеалистические краски, в которых мне рисовались образы философов и художников, не на несуществующие полотна, а на уже прочерченные фигуры, и если меня упрекают, что я смотрел на вышеназванных *увеличивающими* их значение глазами, то я *радуюсь* этому упреку – и своим глазам в придачу. По крайней мере, читатели второго «Несвоевременного размышления» не остались в неведении относительно того, сколь мало значения я всегда придавал истине и – – –

То, что я тогда написал, а скорее даже *нарисовал* – пылко и, как мне сегодня кажется, в виде рискованных и смелых фресок, – не стало бы *более истинным* от того, что теперь, когда рука и глаз, вероятно, еще кое-чему научились, я изобразил бы это снова, мягче, чище и строже. Каждый возраст понимает «истину» по-своему, и кто подойдет к тем картинам с юными и бурными помыслами и великими притязаниями, тот найдет в них столько истины, сколько сможет увидеть.

Мои четыре первых «Н<есвоевременных> р<азмышления>», к которым я теперь, десять лет спустя, добавляю пятое, шестое и седьмое, были попытками привлечь к себе интересующий меня тип людей, то есть удочками, на которые я хотел поймать «подобных себе». Тогда я был достаточно молод, чтобы с нетерпеливой надеждой отправиться на подобную рыбалку. Сегодня – спустя сто лет, если мерить время моим собственным масштабом! – я кажусь себе *еще недостаточно старым*, чтобы утратить всякую надежду или терпение. Как странно звучит для меня еще и сегодня, когда старик облекает свой опыт в такие слова: – – –

Так говорит Гёте. Прав ли он? Как мало разума было бы в том, чтобы стать таким старым и разумным, как Гёте! И было бы справедливо научиться судить о старости у греков: они ненавидели старение больше смерти и любили умирать, когда чувствовали, что становятся такими разумными. Тем временем и у молодежи появилась собственная разновидность разума: разум, который верит в жизнь, любовь и надежду.

35 [49]

Что касается Р<ихарда> В<агнера>: в моей жизни был момент, когда я яростно отталкивал его от себя. «Прочь от меня!» – кричал я. Такого рода художник ненадежен именно в той сфере, где я не признаю шуток. Он попытался «договориться» с существующим христианством, протягивая левую руку протестантской тайной вечере (он рассказывал мне о восторгах, извлекаемых им из этой вечери) и в то же время правую – католической церкви: он предложил ей своего «Парцифаля» и выдавал себя всем, кто хотел это услышать, за «римлянина» in partibus infidelium[1].

35 [50]

Законы мышления как результаты органического развития – необходимо принять за основу изобретающую, устанавливающую силу – а также унаследование и продолжение существования развитие фикций.

---

1 в странах неверных (*лат.*)

35 [51]

В мире становления, где все обусловлено, принятие безусловного, субстанции, бытия, вещи и т.д. может быть только заблуждением. Но как возможно заблуждение?

35 [52]

Все более отчетливая демонстрация последовательности называется *объяснением* – и ничем более!

35 [53]

Допускать *восприятие* и для неорганического мира, причем без всяких сомнений: там царит «истина»! Вместе с органическим миром начинается *неопределенность* и *видимость*.

35 [54]

То, что положение равновесия никогда не достигается, доказывает его невозможность. Однако в неопределенном пространстве его можно было бы достичь. Как и в шарообразном пространстве. **Форма** *пространства* должна быть причиной вечного движения и, в конечном счете, причиной любого «несовершенства».

«Сила» и «покой», «равенство самому себе» противоречат друг другу. Если меру силы как величины можно установить, то ее сущность текуча, напряжена, настоятельна, – – –

35 [55]

Отвергнуть «вечное». В определенный момент силы задана абсолютная обусловленность нового распределения всех ее сил: она не может находиться в неподвижности. «Изменение» есть составляющая ее сущности, как и ее бренность; тем самым еще раз понятийно устанавливается лишь необходимость изменения.

35 [56]

Время *не* дано a priori. – Шпир, 2, с. 7.

нелогичность нашего познания продолжительностей: он же, 2, с. 93.

35 [57]

Основной вымысел уже в *суждении*, а затем и в выводе заключается в предположении, что существуют одинаковые вещи и одинаковые случаи.

35 [58]

В мире химии царит острейшее *восприятие* различия сил. Однако протоплазма, *как множество химических сил*, отличается *нечетким и неопределенным* восприятием чужеродной вещи.

35 [59]

Переход из неорганического мира в органический есть переход от строго установленного восприятия количества силы и соотношения сил к восприятию *нечеткому, неопределенному* – ибо множество борющихся друг с другом существ (= протоплазма) ощущает противодействие внешнего мира.

35 [60]

Неустанная воля к власти, или к непрерывному созиданию, или к превращению, или к победе над собой.

35 [61]

«так называемое время есть пустая абстракция, оно не существует ни объективно, ни как необходимый и изначальный способ представления субъекта» (Шпир, 2, с. 15).

35 [62]

У немцев нет культуры; они по-прежнему *зависят* от Парижа – причина в том, что у них еще нет характера.

Наши великие люди представляют не расу, а одиночек.

Но что такое *немецкая музыка*, которую я раньше выделял и с которой связывал надежды?

35 [63]

NB. Недоразумение по поводу Рихарда Вагнера сегодня приобрело в Германии огромные масштабы, и поскольку

я тоже способствовал его увеличению, мне хочется искупить вину и попытаться это недоразумение уменьшить.

35 [64]

NB. В течение столетия существовало противоречие только между французской и итал<ьянской> музыкой.

В борьбе Глюка с Пуччини оно обострилось и достигло своей вершины; Глюк при этом воспринимался как представитель *французского вкуса* – как представитель чего-то благородного, помпезного и рационалистического.

Немецкие музыканты прислушивались то к Франции, то к Италии; собственно *немецкого* вкуса в музыке не существует и по сегодняшний день.

Мне кажется, что благодаря Вагнеру *французский вкус* вновь перевесил итальянский, то есть Моцарта, Гайдна, Россини, Беллини, Мендельсона, – однако это французский вкус 1830 годов: литература подчинила себе музыку и живопись; «программная музыка», на первом месте «sujet»!

35 [65]

Бетховен связан с Руссо и с тем гуманистическим течением, которое частью предшествовало революции, частью просветляюще следовало за ней, но еще больше с главным событием последнего тысячелетия – с явлением Наполеона.

Моцарт имеет предпосылкой общество эпохи рококо.

35 [66]

Различие между актерами, такими как Шиллер и Вагнер, и – – –

Гёте изолирован, между пиетизмом и эллинизмом, и находится в сомнениях, писать ли по-французски.

Лессинг – Бейль.

Фридрих Великий, жадно тянущийся к Франции.

Фридрих II – к мавританско-восточному Просвещению.

Лейбниц между христианством, платонизмом и механикой.

Бисмарк, учившийся у Наполеона III и Кавура.

35 [67]

Если механика есть всего лишь логика, то ей свойственно все, что свойственно любой логике: она нечто вроде спинного хребта у позвоночных животных; в ней нет ничего, что было бы истинно само по себе.

35 [68]

К кольцу колец.

NB. У силы, которая изменяется и все время остается одной и той же, есть и *изнанка*, что-то вроде характера Протея-Диониса, притворство и наслаждение от превращения. «Личность» следует понимать как *обман*: в самом деле, *наследование* есть главное возражение, поскольку его постоянный фонд составляют многочисленные формирующие силы из значительно более ранних эпох; они борются в нем, ими управляют, их усмиряют – воля к власти пронизывает личности насквозь, ей нужно *уменьшение* перспективы, нужен «*эгоизм*» как *временное условие существования*; с каждой новой ступени она стремится перейти на более высокую.

Уменьшение действующего принципа, сведение его к «личности», к индивиду.

35 [69]

NB. *Масштаб* человека определяется тем, сколько *истины* он может вынести и при этом не *выродиться* – а также сколько *счастья*, – – *свободы* и *власти*!

К вопросу о ранговом порядке.

35 [70]

Нужна *строжайшая школа*, несчастья, болезни: без них не будет духа на земле, не будет восторгов и ликования. – Только благородные, живущие в постоянном напряжении души знают, что такое *искусство* и *радость*.

35 [71]

З<аратустра> может даровать счастье лишь после того, как установит *ранговый порядок*.

35 [72]
NB. Должно быть *много* сверхлюдей: любое добро получает развитие только среди равных. *Один* бог был бы всегда *дьяволом*! *Господствующая раса*. К вопросу о «властителях земли».

35 [73]
I. Заратустра может *даровать счастье* лишь после того, как установлен ранговый порядок. Сначала этому порядку нужно *научить*.
II. Ранговый порядок вводится в систему управления землей; в результате появляются властители земли, господствующая каста. Среди них время от времени появляется совершенно эпикурейский бог, сверхчеловек, просветляющий бытие.
III. Сверхчеловеческое восприятие мира. Дионис.
IV. С любовью возвращаясь из этого величайшего *отчуждения* к самому близкому и малому, Заратустра *благословляет* все свои переживания и умирает как благословляющий.

35 [74]
Заратустра 5.
1. Громкие трубные звуки герольда. *Счастье* громких звуков! Заратустра I. Я тот *человек, которому предопределено* установить ценности на тысячелетия. Скрытный, проникший повсюду, человек без друзей, оттолкнувший от себя любую родину, любой покой. Что составляет *высокий стиль*: быть **господином** своему *счастью* и своему *несчастью*: – – –
2. Мой *дар* можно будет принять лишь тогда, когда появятся достойные принять его: *для этого* нужен ранговый порядок. Величайшие события осознаются позже всего. – Поэтому я должен быть законодателем.
3. *Время его появления*: опаснейшая *середина*, когда можно прийти к «последнему человеку», но также и –
– которое характеризуется *величайшим событием*: бог умер. Только люди еще не замечают, что живут лишь унаследованными ценностями. Всеобщая небрежность и расточительность.

4. *Главное понимание*: «добро» и «зло» рассматриваются сейчас с точки зрения «стадного животного». *Цель* – равенство людей. *Я* против этого. (Единый бог как подготовка стадной морали!)
5. Вожак, стадо и те, кто изолирован. Искусители.
6. Совершенные люди и осколки людей.
7. Удавшиеся и неудавшиеся.
8. Созидающие и оформляющие. Различие в силе.
9. Художники как малые завершители.
10. Люди науки как описатели и самые обширные органы.
11. Властвующие люди как попытки воспитания.
12. Основатели религий как попытки установить новые всеобщие ценности.
13. Чувство несовершенства: готовые к покаянию.
14. Тяга к совершенству: благочестивые, прекрасные души, великая тоска.
15. Сила, ищущая *создавать* в чем-нибудь совершенное (ремесленники, художники, чиновники, ученые и т.д.).
16. Земля лежит перед нами как мраморная мастерская: *нужна господствующая раса*, обладающая безусловной властью.

35 [75]

1. Заратустра просыпается в старой крепости. Слышит трубные звуки герольдов.

2. Испытание: «Со мной ли вы?»

3. Шествие на празднике роз.

4. Учение о ранговом порядке.

5. Ночью на мосту.

35 [76]

Что *благородно*? Предисловие к «*Смешанным мнениям и изречениям*».

– Забота о внешнем, даже создание ф<ривольной> <видимости>, в слове, одежде, манерах, если эта забота выделяет, держит на отдалении, не дает спутать с другими.

– Неторопливые жесты, спокойный взгляд. Не так уж много ценных вещей, и эти вещи сами стремятся к ценности. Нас трудно удивить.

– Умение выносить бедность и нужду, а также болезни.

– Привычка избегать мелких почестей, недоверие к каждому, кто легко хвалит, ибо хвалящий верит, будто понимает то, что хвалит; Бальзак, этот типично честолюбивый человек, выдал нам, что есть понимание: comprendre c'est égaler[1].

– Наше сомнение в возможности сердечного общения идет из глубины; одиночество не выбирают, его нужно воспринимать как данность.

– Убеждение, что обязанности есть только по отношению к равным себе, а с другими можно поступать по своему усмотрению, – что только inter pares[2] можно надеяться на справедливость (и что мы, к сожалению, еще далеки от того, чтобы на нее рассчитывать).

– Ирония по отношению к «одаренным»; вера в родовую аристократию даже в вопросах нравственности. «Аристократия духа» – любимое выражение евреев.

– Всегда чувствовать себя человеком, *раздающим* почести; очень редко находится тот, кто может почтить его самого.

– Всегда маскироваться; чем выше человек, тем больше нуждается он в incognito. Бог, существуй он на самом деле, должен был бы явиться в мир в образе человека хотя бы из чувства приличия.

– Способность к otium[3], безусловное убеждение, что любое ремесло хотя и не позорит, но обязательно лишает благородства. Не «прилежание» в буржуазном смысле, как бы высоко мы его ни ценили; не походить на беспрестанно кудахтающих художников, которые ведут себя подобно курам – покудахтают, снесут яйцо и опять кудахтают.

– Мы *бережно* относимся к художникам и поэтам, к каждому, кто достиг мастерства в своем деле, – как к тем, кто что-то *может*, просто как к «продуктивным людям»; не будем путать себя с ними.

– Наслаждение *формами*: брать под защиту все формальное, убеждение, что вежливость есть одна из великих добродетелей; недоверие ко всем видам распущен-

---

1 понимание означает уравнивание (фр.)

2 среди равных (*лат.*)

3 праздности (*лат.*)

ности, включая свободу прессы и свободу мысли, так как в этом случае дух чувствует себя вольготно, глупеет и потягивается.

– Удовольствие от *женщин* как от существ, быть может, более мелкого, но более тонкого и легкого вида. Какое счастье встречать существа, у которых в голове только танцы, глупости и наряды! Они приводят в восхищение души всех напряженно мыслящих и глубоких мужчин, чья жизнь отягощена великой ответственностью.

– Удовольствие от общения с князьями и священнослужителями, ибо они по меньшей мере *символически*, а в общем и целом даже реально поддерживают веру в различия между человеческими ценностями, короче говоря, в ранговый порядок хотя бы при оценке прошлого.

– Умение молчать – но об этом ни слова слушателям.

– Умение выносить затяжную вражду; неспособность к легкому примирению.

– Отвращение к демагогии, к «просвещению», к приветливости, к вульгарной фамильярности.

– Собирание ценных вещей, удовлетворяющих потребностям высокой и разборчивой души; нежелание иметь что-либо общее с другими. *Свои* книги, *свои* ландшафты.

– Мы сопротивляемся хорошему и дурному опыту и не торопимся обобщать. Единичный случай: как велика наша ирония по отношению к единичному случаю, если он наделен дурным вкусом и изображает из себя правило.

– Мы любим наивное и наивных, но как созерцателей и высших существ, Фауста мы находим столь же наивным, как и его Гретхен.

– Мы мало ценим добрых, видя в них стадных животных; мы знаем, что в самых дурных, злых и жестоких людях часто скрыта бесценная золотая капля доброты, которая любое добродушие и душевную мягкость – – –

– Мы считаем, что человека нашего вида не опровергают ни его пороки, ни его глупости. Мы знаем, что нас трудно познать и что у нас есть все основания для того, чтобы быть скрытными.

35 [77]

Письма графа – – –,
изданные
Й. фон А.

После смерти моей матери.

Придумать анекдоты.

35 [78]

Предисловие.

Можно ли публиковать письма? – Один мой достойный уважения друг никогда не произносил слово «публичный» без злости. Девятнадцатое столетие, сказал он однажды, любит, как известно, истину; но именно *этот* его вкус противоречит моему вкусу! Боюсь, если и дальше так пойдет, то станут писать только *публичные* письма. Да, сказал он в другой раз, может случиться, что какой-нибудь приличный человек всю свою мораль заключит в одну фразу: «Ты должен лгать»! Милостивый государь, вы должны лгать – обязательно и постоянно! Или же и вы сами есть то, что представляет из себя весь мир, – нечто «публичное»! – Таким было его тайное мнение о вкусах нашего столетия. Когда я задумался над тем, какое название дать собранию его писем и мнений, мне пришло в голову озаглавить их так: «*Зеркало.* Возможность увидеть собственное отражение. Для европейцев». Надеюсь, из этого безвкусного названия можно будет, по крайней мере, понять, какое значение *я* сам придаю этим письмам – и почему *позволяю* себе, именно из ненависти ко всему, что сегодня называют «публичным», опубликовать эти письма.

35 [79]

Столетие шпильманов (л<юди>, погребенные без почестей).

(Галиани), убийцы, скука.

35 [80]

Немцы
вчерашнего и послезавтрашнего дня

К вопросу о критике немецкой души

35 [81]

Демагоги в искусстве – Гюго, Мишле, Санд, Р. Вагнер.

35 [82]

Пессимистический образ мышления и учение, экстатический нигилизм в известных условиях могут непременно понадобиться именно философу – как мощное давление и молот, которым он уничтожит и уберет с пути вырождающиеся и умирающие расы, <чтобы> проложить путь новому жизненному порядку и внушить тягу к гибели всему, что вырождается и отмирает.

Замедлению и углублению народов и рас могут – – – пессимистический образ мыслей, религия отрицания и бегства от мира, экстатические попытки лишить жизнь чувственности, обезобразить ее.

35 [83]

Но когда я таким образом выражаю свою озабоченность и готовлю пространный ответ на подобный вопрос, – ах, быть может, я и сам всего лишь пространный ответ на этот вопрос? – уже слышу я этот ломающийся и злобный голос.

35 [84]

Gai saber.
Прелюдия к философии будущего.
Сочинение
Фридриха Ницше.

К мистралю.
Введение.
Первая книга: предубеждения философов.
Вторая книга: по ту сторону добра и зла.
Третья книга: к художникам.

Четвертая книга: зеркало. Возможность для европейцев увидеть собственное отражение.
Пятая книга: благородная душа.
Среди друзей. Припев.
Идеальный монастырь для сохранения нежных растений.
Будущее музыки – музыка европейцев,
музыка высокого стиля.
Ловушки языка.
Вагнерианство и гегельянство как средства одурманивания.
«Классический» – неприменимое слово в музыке.
Отшельники, как Гёте, Бетховен, и демагогические, или придворные, или продажные художники.
Образование *музыкантов*.
Против «национальных» устремлений в искусстве.
Понятие культуры; стиль и т.д.
Отрицание пессимизма, как и всех эвдемонических точек зрения.

III К художникам. Новое понятие созидающего; дионисийское начало. Новые праздники. Просветление.
«Совершенная бесконечность».
Боль и наслаждение.
Цель.
Ценностные суждения во вкусовых ощущениях, красках, звуках.
Установление понятий.
возможность иного толкования мира – но с сохранением основополагающих положений.
Болезненное в философах.
Причина и следствие.
домашнее хозяйство аффектов.
«persona».

Язык Лютера, Библия как основа новой поэтической формы.

36. Июнь–июль 1885

36 [1]

Gai saber.
Прелюдия к философии будущего.
Сочинение
Фридриха Ницше.

Приложение

Современная душа.

Опыт просвещения о сегодняшнем и завтрашнем.

36 [2]

Никогда от живых существ не требовалось больших усилий, чем при возникновении суши: привыкшие и приспособленные к жизни в океане, они должны были менять и выворачивать наизнанку свое тело и свои обычаи и все делать по-другому, не так, как они привыкли до сих пор, – никогда еще не было на земле более странного превращения. – Если когда-то из-за провалов, из-за постепенного разлома земли океан опускался в расселины, пропасти и ямы и обретал *глубину*, то сегодня, выражаясь иносказательно, с людьми происходит нечто прямо противоположное, а именно округление и выравнивание человека, исчезновение расселин, пропастей и ям и, как следствие, – исчезновение твердой земли под ногами. Для человека, которого моя мысль сделала круглым и цельным, теперь «все в море», море повсюду – но оно само лишилось глубины. – Однако я шел к совсем другому сравнению и сбился с пути! Я хотел сказать: я, как и любой другой, родился земным существом, но вопреки этому *вынужден* быть морским животным!

36 [3]

Германии, богатой искусными и хорошо образованными учеными, с давнего времени до такой степени недо-

стает великих душ и могучих умов, что она, кажется, разучилась понимать, что такое *великая* душа и что такое *могучий* ум; сегодня посредственные и к тому же неудавшиеся люди едва ли не с чистой совестью и ничуть не смущаясь приходят на базар и нахваливают себя как великих людей, реформаторов; так, например, поступает Евгений Дюринг, искусный и хорошо образованный ученый, который, однако, почти каждым своим словом выдает, что в нем скрывается мелочная душонка, разрываемая узкими завистливыми чувствами, и что движет им не могучий, бьющий через край, благотворный и расточительный ум, а тщеславие! Но стремиться к почестям в этом веке еще более недостойно философа, чем в каком-нибудь более раннем: теперь, когда властвует чернь, когда чернь раздает почести!

36 [4]

Когда философ оказывается среди homines bonae voluntatis[1], среди добродушных, сострадательных, мягких, заурядных, то ему представляется, что он попал во влажный воздух, под затянутое облаками небо. Какое-то время ему среди них хорошо, он чувствует облегчение, но стоит ему присмотреться внимательнее – и он замечает, что и сам в этом ложном окружении становится ленивым и небрежным, а также тщеславным – но прежде всего унылым. Чтобы быстро понять, насколько слаба и мелка эта добродушная масса людей при всей их мнимой любезности, философу достаточно раздразнить и поранить их тщеславие, так что они станут браниться; тогда очень скоро проявится «мелкость» этих вод, а возможно, и все то, что скрывается под благовоспитанной, легкой и синей поверхностью: песок, грязь и претенциозность.

36 [5]

Женщины в Европе, если отвлечься от их непосредственного занятия («рожать детей»), годятся для многих полезных вещей. С вéнками приятно танцевать. С фран-

---

1 людей доброй воли (*лат.*)

цуженкой можно causer[1], с итальянкой poser[2], с немкой – oser[3]. Среди евреек есть премилые болтушки: примером тому служит Рахиль, вся закутанная в гётевские кружева и самодовольство. Русская уже, как правило, что-нибудь испытала, о чем-нибудь таком подумала. Англичанки умеют самым женственным и божественным образом краснеть – иногда, подобно ангелам, почти без всякой на то причины; короче говоря, перечислению не будет конца, если захотеть неопровержимо и твердо, по о<бразцу> а<нглийских> utilitatians[4] *доказать* пользу женщин, в которую *верит* весь мир.

36 [6]

Gai saber.

Прелюдия к философии будущего.

К мистралю. Танцевальная песнь.

I часть. 1. Без страстного удовольствия –
Окончание. «А знаете ли вы, что значит для меня “мир”?» –

II часть.
Окончание. «Когда я был очень молод, Дионис».

III часть. О будущем искусств.

IV часть. Зеркало.

V часть. Среди свободных духом.

36 [7]

Мое «сострадание». – Это чувство, которому я не знаю подходящего имени; я испытываю его, когда наблюдаю расточительство драгоценных способностей, например при виде Лютера: какая мощь и какие пошлые провинциальные проблемы (в эпоху, когда во Франции уже был возможен смелый и веселый скепсис Монтеня!). Или когда я, под влиянием нелепой случайности, вижу кого-то, кто не

---

1 поболтать (*фр.*)

2 рисоваться (*фр.*)

3 дерзать (*фр.*)

4 утилитаристов (*англ.*)

стал тем, кем мог бы стать. Или же когда я думаю о судьбе человечества, со страхом и презрением присматриваясь к сегодняшней европейской политике, которая, при всех обстоятельствах, ткет паутину будущего *всех* людей. Да, чем мог бы стать «человек», если бы – –! Вот мой род «сострадания» – хотя не существует ни одного страдающего, *которому* бы я сострадал.

36 [8]
Moralia

Испокон веков человек живет в глубоком невежестве относительно своего *тела* и довольствуется лишь несколькими формулами, с помощью которых узнает о своем состоянии; схожим образом обстоят дела и с суждениями о ценности людей и действий: мы придерживаемся нескольких внешних и второстепенных знаков и даже не ощущаем, *сколь* неизвестны, *сколь* чужды мы сами для себя. И что касается суждений о других: как *быстро* и «уверенно» судит даже самый осторожный и справедливый!

36 [9]
Moralia.

Нужно как следует поразмышлять, чтобы понять: «добро само по себе» не существует, доброе может мыслиться лишь как «доброе для чего-то», и что хорошо с одной точки зрения, в то же время по необходимости «зло и вредно» со многих других; короче говоря: любая вещь, которую мы называем «доброй», точно так же может быть названа и «злой».

36 [10]

Как давно я пытаюсь доказать себе совершенную *невинность* становления! И какими странными путями я шел к этому! Однажды мне показалось, что верным решением будет, если я постановлю: «бытие, как своего рода произведение искусства, не может находиться под jurisdictio морали; напротив, сама мораль относится к сфере явлений». В другой раз я сказал: все понятия вины objective[1]

---

1 объективно (*лат.*)

лишены всякой ценности, но subjective[1] вся жизнь по необходимости несправедлива и алогична. В третий раз я добился от себя отрицания всех целей и ощутил непознаваемость причинных связей. И ради чего все это? Не для того ли, чтобы создать у самого себя чувство полной безответственности – поставить себя вне любой похвалы и любого порицания, вне любой зависимости от прошлого и настоящего, чтобы своим путем идти к моей цели? –

36 [11]

В сущности мораль *враждебна* науке: уже Сократ не принимал науки – потому что для них важны вещи, не имеющие ничего общего с «добром» и «злом» и, стало быть, *лишающие веса* чувство «добра» и «зла». Мораль хочет, чтобы человек целиком, всеми своими силами был у нее на службе: она считает расточителем того, кто *недостаточно богат* для расточительства и всерьез занимается растениями и звездами. Поэтому, когда Сократ заразил науку болезнью морализаторства, научность в Греции быстро пошла на спад; высота мысли Демокрита, Гиппократа и Фукидида не была достигнута вторично.

36 [12]

Человек в общении

Если кто-то на улице ответит на приветствие прежде, чем узнает человека, то это признак отсутствия благородного образа мыслей: приветствие и его форма должны быть отличием – за единственным исключением, когда князь (или тот, qui range aux souverains[2]) идет своей дорогой и его приветствуют. Это его привилегия: он может не знать никого, но его должны знать все. Сравнение.

36 [13]

Человек наедине с собой:

Как по-разному воспринимается дело и работа всей жизни в зависимости от того, занимаемся ли мы этим первыми в роду или тем же самым до нас занимались наши

---

1 субъективно (*лат.*)

2 кто относится к суверенам (*фр.*)

отцы и деды! В первом случае мы испытываем сильные внутренние затруднения, но вместе с тем и внезапные приливы гордости; чистая совесть еще не связана с такой деятельностью, нечто в ней *легко* воспринимают как необязательное, случайное.

36 [14]

Какое значение может иметь и в дальнейшем сохранять Вагнер для не-музыкантов – этим вопросом мы пока задаваться не будем. Рихард Вагнер вне всякого сомнения дал немцам этой эпохи самое обширное представление о том, кем *мог бы* быть художник: уважение к «художнику» вдруг стало расти; он повсюду вызвал к жизни новые оценки, новые желания, новые надежды – и, может быть, в немалой степени лишь обещающей, неполной, несовершенной сущностью своих представлений об искусстве. Кто только не *учился* у него! И если не столь непосредственно, как художники-исполнители и позеры всех мастей, то, по крайней мере, опосредованно, как говорится, «при случае заимствуя что-то у Рихарда Вагнера». Благодаря его появлению даже философское познание получило ощутимый импульс, в этом нет сомнения. Сегодня есть множество эстетических проблем, о которых до Рихарда Вагнера даже самые утонченные умы не имели ни малейшего представления, – в первую очередь проблема актера и его отн<ошения> к разным видам искусства, не говоря уже о психологических проблемах, которые в изобилии выдвигает характер Вагнера и в<агнеровское> искусство. Правда, степень его собственного проникновения в царство познания заслуживает не похвалы, а скорее безусловного отпора; в кущах науки он всегда вел себя как крайне нескромный и неуклюжий незваный гость. «Философствование» Вагнера относится к самым непозволительным видам дилетантства; то, что над этими его упражнениями даже не посмеялись, – результат старого германского «культа туманности». Но если захочется оказать ему честь и как «мыслителю» и помочь воздвигнуть памятник – а доброй воли и верноподданнических чувств его сторонникам тут не занимать, – что ж! В таком случае я рекомендую изобразить его в виде *гения германской туманности*, с чадя-

щим факелом в руке и с восторгом во взоре спотыкающимся о камень. Когда Вагнер «мыслит», он спотыкается. – Однако нас будет интересовать музыкант Вагнер...

36 [15]

Если бы у мира была цель, он должен был бы ее уже достичь. Если бы для него существовало непреднамеренное конечное состояние, оно тоже уже было бы достигнуто. Если бы он вообще был способен на неподвижность и закоснелость, на «бытие» – хотя бы в одно из мгновений своего становления, – то опять-таки всякому становлению давно пришел бы конец, а значит, и всякому мышлению, всякому «духу». Наличие «духа» *как становления* доказывает, что мир не имеет цели и конечного состояния и не способен на бытие. – Однако старая привычка примысливать всякому событию цели, а миру – правящего творящего бога столь сильна, что мыслителю трудно вновь поверить в его намеренную бесцельность.

Во власти этой идеи – что мир намеренно *избегает* цели и даже умеет искусно остерегаться попадания в круговорот – обязательно оказываются все те, кто хотел бы навязать миру способность к *вечному обновлению,* то есть конечной, определенной силе неизменной величины, какой является «мир», – чудесную способность к *бесконечному* преобразованию его форм и положений. Если уже не бог, то по крайней мере мир должен обладать божественной созидающей силой, бесконечной силой преобразования; он должен намеренно *избегать* возвращения к старым формам, он должен иметь не только желание, но и *средства* для *предохранения* себя от любого повторения; тем самым он должен в любое мгновение *контролировать* каждое свое движение, чтобы избежать достижения целей, конечных состояний, повторов – и всего того, к чему могли бы привести такой непростительно-безумный образ мыслей и подобные желания. Это все тот же старый религиозный образ мыслей и все то же желание, своего рода стремление поверить, что *в чем-то* мир все-таки равен старому, возлюбленному, бесконечному, безгранично-созидающему богу, что где-то «еще живет старый добрый бог», – то самое страстное желание Спинозы, которое выражено в словах

«deus sive natura»[1] (он даже воспринимал это как «natura sive deus»). Но как определеннее всего сформулировать тезис и веру, в которых бы точно отразился решительный поворот, достигнутый теперь *перевес* научного духа над духом религиозным, выдумывающим богов? Не будет ли он звучать так: мир, как силу, недопустимо мыслить безграничным, ибо таким его *невозможно* мыслить; мы запрещаем себе пользоваться понятием *бесконечной* силы, так как это *несовместимо с понятием «сила»*. Стало быть, мир не обладает и способностью к вечному обновлению.

36 [16]

Будь на то моя воля, сейчас было бы самое время объявить войну европейской морали и всему, что на ней произросло. Нужно разрушить до основания это временное устройство, сложившееся у европейских народов и государств. Христианско-демократический образ мыслей благоприятствует росту стадного животного, умалению человека, он ослабляет могучие движущие силы (зло), он ненавидит принуждение, жесткую дисциплину, великую ответственность, великий риск. Наиболее посредственные пользуются этим и устанавливают свои масштабы ценностей.

36 [17]

Но кому говорю я все это? Где эти «свободные духом»? Есть ли такие «среди нас»? –

Я оглядываюсь вокруг себя: кто мыслит, кто чувствует, как я? Кто стремится к тому же, что и я в моих заветных желаниях? Но до сих пор я никого не нашел. Быть может, я лишь плохо искал? Быть может, те, что на мой лад страдают от новой беды и нового счастья, скрываются, как это делаю я? И надевают маски, как это делал я? И, следовательно, не очень годятся для поисков себе подобных?

Мы, новые философы, мы, пробующие, думаем поиному – и не хотим довольствоваться лишь мыслями. Мы мыслим *свободнее* – быть может, настанет день, когда люди

---

1 «бог или природа» (*лат.*)

увидят, что и действуем мы свободнее. Пока нас трудно узнать; нас поневоле путают. Не «вольнодумцы» ли мы?

Сегодня «вольнодумцы» есть во всех странах Европы, а также в Северной Америке; не относимся ли к ним и мы? Нет, господа, вы желаете примерно *противоположного* тому, что намерены делать философы, которых я называю искусителями. Они почти не испытывают соблазна обмениваться с вами лживыми любезностями. Более того, если бы вы, «свободные мыслители», имели хоть малейшее представление о том, *от чего* можно освободиться и *к чему* это может привести! Мне кажется, вы стали бы самыми яростными противниками того, что я называю своей «свободой духа», своим «миром по ту сторону добра и зла».

Мне больше не нужно верить в «души», я отрицаю «личность» и ее мнимое единство и в каждом человеке нахожу материал для весьма отличных друг от друга «личностей» (и масок), «абсолютный дух» и «чистое познание» для меня всего лишь мифические существа, за которыми плохо скрыто contradictio in adjecto[1], – все это я, по-видимому, делает меня похожим на многих из этих «вольнодумцев», даже если не упоминать об отрицании *бога*, которое многие славные англичане еще и сегодня считают огромным испытанием на свободомыслие. Меня разделяют с ними оценки, ибо все они принадлежат демократическому движению и хотят равных прав для всех, а в существующих доныне формах старого общества видят причину человеческих недостатков и вырождения, с восторгом думая о разрушении этих форм; временами им кажется, будто самое человечное, что они могут сделать, – это помочь людям в повышении уровня духовной «свободы». Короче говоря, они относятся к «нивелировщикам», к той породе людей, которая в любом отношении резко противоречит моему вкусу и еще больше моему разуму. Я и в делах духа хочу войны и противоречий, и притом больше войны и больше пр<отиворечий>, чем когда-либо; я скорее одобрил бы жесточайший деспотизм (как школу, воспитывающую гибкость духа), чем тепловато-влажный воздух века «сво-

---

1 внутреннее противоречие (*лат.*)

бодной прессы», в котором всякий дух становится ленивым и глупым и потягивается. В этом я по-прежнему остаюсь тем, кем был, – «несвоевременным».

Но мы, новые философы, начинаем не только с описания действительного рангового порядка людей и ценностных различий между ними, – мы стремимся к противоположности уподобления, выравнивания, мы проповедуем отчуждение в любом смысле, мы разверзаем пропасти, каких еще не существовало, мы хотим, чтобы человек стал злее, чем был до сих пор. Пока еще мы сами живем скрытно, в отчуждении друг от друга. По многим причинам нам необходимо быть отшельниками и носить маски – вот почему мы мало пригодны для поиска единомышленников. Мы будем жить одиноко и, возможно, пройдем через муки всех семи одиночеств. Если же наши пути случайно пересекутся, то могу поспорить, что мы не узнаем или обманем друг друга.

36 [18]

Я остерегаюсь говорить о химических *«законах»*: в этом есть моральный привкус. Речь скорее идет об абсолютном распределении сил: более сильное становится господином над более слабым, если последнее не в состоянии защитить свой уровень самостоятельности; здесь не может быть места для жалости, для пощады, еще меньше для пиетета перед «законами»!

36 [19]

Трудно поверить, чтобы нашего «познания» хватало бы на что-то большее, чем простое сохранение жизни. Морфология свидетельствует о том, что чувства и нервы, а также мозг развиваются в соответствии с трудностью добывать пропитание.

36 [20]

И в неорганическом мире для обладающего силой атома имеет значение только его ближайшее окружение: отдаленные силы уравновешиваются. В этом суть перспективизма, причина того, почему живое существо насквозь «эгоистично».

36 [21]

Более слабое тянется к более сильному в поисках пропитания; оно хочет найти в нем убежище, по возможности *слиться* с ним. Более сильный, наоборот, сопротивляется этому, он не хочет таким образом погибнуть; во время роста он предпочитает делиться на две или несколько частей. Чем сильнее тяга к слиянию, тем больше нужно рассчитывать на слабость; чем сильнее стремление к разнообразию, различиям, внутреннему распаду, тем больше силы присутствует в этом процессе.

Инстинкт сближения и инстинкт отталкивания как в неорганическом, так и в органическом мире служат связующим звеном. Полное разделение есть предрассудок.

Воля к власти присутствует в каждой комбинации сил, *правильнее говорить о защите от более сильного и атаке на более слабого.* NB. *Процессы как «существа».*

36 [22]

Связь неорганического с органическим должна заключаться в силе отталкивания, исходящtq от каждого атома. Жизнь можно было бы определить как продолжающуюся форму *процесса установления сил*, когда разные противоборствующие стороны растут неравномерно. В известной мере и в послушании заключено сопротивление; собственная сила не признает себя побежденной. Точно так же и в приказании присутствует признание, что абсолютная сила противника остается непобежденной, не ассимилируется и не растворяется. «Повиновение» и «приказание» суть формы военной игры.

36 [23]

Постоянные переходы из одного состояния в другое не позволяют говорить об «индивиде» и т.д.; «количество» существ постоянно меняется. Мы бы не говорили о времени и ничего не знали о движении, если бы не верили, что в самых общих чертах видим наряду с движущимся и находящееся в «покое». Точно так же нельзя было бы говорить о причине и следствии, а без помощи ложной концепции «пустого пространства» мы не пришли бы к концепции пространства вообще. Тезис об идентичности имеет по-

доплекой «видимость», что существуют одинаковые вещи. В строгом смысле слова становящийся мир нельзя было бы ни «понять», ни «познать»: только потому, что «понимающий» и «познающий» интеллект обнаруживает уже созданный мир, грубо сколоченный из сплошных «видимостей», но застывший, только потому, что благодаря такого рода видимости сохраняется жизнь, – только по этой причине существует нечто вроде «познания», то есть сопоставление более ранних ошибок с более поздними.

36 [24]

Солнце: его движения есть результаты 1) притяжения других планет, 2) это вызывает сближение со всеми и 3) сопротивление более сильному солнцу.

36 [25]

Я верю в абсолютное пространство как субстрат силы: она ограничивает и придает форму. Время вечно. Однако не существует ни пространства, ни времени самих по себе: «изменения» суть только явления (или воспринимаемые нами чувственные процессы); если мы установим, что они регулярно возвращаются, то тем самым еще не будет *обосновано* ничего, кроме факта, что так происходило всегда. Чувство, что post hoc[1] есть propter hoc[2], легко объяснить как недоразумение; это понятно. Но явления не могут быть «причинами»!

36 [26]

«Субъект», «объект», «предикат» – это деление *создано* и в виде схемы накладывается на все кажущиеся факты. Фундаментальная ложность этой схемы заключается в том, что я верю, будто именно *я* что-то делаю, от чего-то страдаю, что-то *«имею»*, *«обладаю»* каким-то качеством. Это «действие», страдание», «обладание» – – –

---

1 после этого (*лат.*)

2 вследствие этого (*лат.*)

36 [27]

Я могу признать лишь то, что философия есть самая общая форма истории, попытка как-то описать гераклитовское становление, сократить и свести его к знакам (*перевести* в своего рода мнимое бытие и мумифицировать).

36 [28]

«Унаследование», как нечто совершенно необъяснимое, может использоваться не для объяснения, а только для обозначения, фиксирования проблемы. Это же касается и «способности к приспособлению». В действительности морфологическое представление, при условии, что оно совершенно, не *объясняет*, а лишь *описывает* чрезвычайно важные факты. *Этим* нельзя объяснить, как орган используется для какой-нибудь цели. В таких вещах предполагаемые causae finales[1] столь же мало помогают объяснению, как и causae efficientes[2]. Понятие «causa» всего лишь средство выражения, не *более* того: средство обозначения.

36 [29]

Есть аналогии, например, наша память аналогична другой памяти, которая в процессе наследования и развития проявляет себя в формах. Наша изобретательность и наши эксперименты аналогичны изобретательности в применении инструментов для новых целей и т.д. То, что мы называем своим «сознанием», не виновато во всех существенных процессах нашего самосохранения и нашего роста; ни одна голова не способна сконструировать нечто большее, чем просто машину, – органический процесс ушел в этом далеко вперед.

36 [30]

Мы несправедливы к Декарту, когда называем легкомысленной его ссылку на достоверность бога. На деле только при допущении существования морального и однородного с нами бога «истина» и поиски истины могут быть чем-то, что имеет смысл и обещает успех. Если отставить

---

1 конечные причины (*лат.*)

2 действующие причины (*лат.*)

этого бога в сторону, позволительно задаться вопросом, не относится ли обман к условиям существования.

36 [31]

Триумфальное понятие «сила», с помощью которого физики создали бога и мир, нуждается в дополнении: ему нужно придать внутренний мир, который я называю «волей к власти», то есть неутолимым желанием проявления власти или применением, использованием власти как творческого импульса и т.д. Физики не могут освободить свои принципы от «воздействия на расстоянии», а также от отталкивающей (или притягивающей) силы. Тут ничто не поможет: необходимо все движения, все «явления», все «законы» воспринимать только как симптомы внутреннего процесса и до конца использовать аналогию с человеком. У животного возможно все инстинкты вывести из воли к власти; точно так же все функции органической жизни можно вывести из этого единого источника.

36 [32]

Лейбниц опасен, как истинный немец, который нуждается в маскировке и в поверхностных философиях; он до крайности смел и загадочен, но не имеет прошлого. Спиноза глубже, разностороннее, таинственнее Картезия: в нем таится больше пропастей; Паскаль, в свою очередь, глубже Спинозы. В сравнении с этими отшельниками духа и совести Юм и Локк – поверхностные люди; – – –

36 [33]

К критике немецкой души.

36 [34]

Из всех толкований мира, предпринимавшихся до сих пор, на переднем плане сегодня, судя по всему, победоносно стоит механистическое, и оно явно не терзается угрызениями совести; ни одна наука не надеется на прогресс и успех, если они не достигнуты с помощью механистических процедур. Процедуры эти известны всякому: из игры при первой возможности выводят «разум» и «цели», доказывая, что за соответствующий промежуток времени

все может появиться из всего, и не скрывают злорадной ухмылки, когда «мнимая намеренность в судьбе» какого-нибудь растения или какой-нибудь ящерицы вновь сводится к давлению и толчку; короче говоря, в данном случае всем сердцем поклоняются, если в столь серьезном деле допустимо шутливое выражение, величайшей глупости. Вместе с тем даже у исключительных умов, принадлежащих к этому движению, можно встретить предчувствие и мучительную тревогу, что в этой теории есть дыра, которая раньше или позже станет ее последней дырой, – я хочу сказать, станет отверстием свистка, в который свистят, когда оказываются в крайней беде. Однако давление и толчок нельзя «объяснить», нельзя избавиться от actio in distans[1]; в результате утрачивается вера в саму возможность объяснения и приходится с кислой миной соглашаться, что описание, а не объяснение того, что вскоре физики окажутся во власти динамического истолкования мира, отрицающего «пустое пространство» и комочки-атомы (правда, для динамики требуется еще и внутреннее качество) – – –

36 [35]

Путеводная нить тела.

Если предположить, что «душа» была притягательной и таинственной идеей, расставание с которой по справедливости давалось философам неохотно, тогда, быть может, то, чем они учатся ее заменять, будет еще притягательнее и таинственнее. Человеческое тело, в котором снова оживает и обретает плоть отдаленное и ближайшее прошлое всего органического становления, сквозь которое и через которое, по всей видимости, течет огромный неслышный поток, – это человеческое тело представляет собой более удивительную идею, нежели старая «душа».

36 [36]

Во все времена охотнее доверяли телу, как самому надежному признаку нашего бытия, короче говоря, своему ego, нежели духу (или «душе», или субъекту, как принято называть душу в школах). Никому не приходила в голову

---

1 воздействия на расстоянии (*лат.*)

мысль рассматривать свой желудок как чужой, божественный; в то же время существуют свидетельства о том, что человек во все времена проявлял склонность и вкус к восприятию своих мыслей как «подсказанных» извне, своих ценностных оценок как «внушенных неким богом», своих инстинктов как деятельности в забытьи. Сегодня, в особенности среди художников, все еще можно в избытке встретить удивление и почтительное недоумение, когда их спрашивают, откуда взялось удачное решение, из какого мира пришла к ним творческая идея: на их лицах при этом возникает выражение невинности и какого-то детского стыда, они не осмеливаются сказать «это родилось во мне, это моя рука бросила кости». – Напротив, даже те философы и религиозные деятели, которым их логика и благочестие давали убедительнейшие основания воспринимать телесное как обман, причем как обман преодоленный, с которым удалось справиться, не могли не признавать нелепой реальности, что тело от этого не переставало существовать; странные свидетельства этому можно найти частью у апостола Павла, частью в философии Веданты.

Вот что, в конце концов, значит *сила веры*! Благодаря этому все еще остается возможность для весьма глупой веры! – Об этом следует подумать: –

И наконец, если вера в тело всего лишь следствие умозаключения и, как утверждают идеалисты, умозаключения ложного, – разве тем самым не ставится под сомнение достоверность самого духа, который тем самым выступает причиной подобных ложных умозаключений? Если предположить, что многообразие, пространство, время, движение (и все остальное, что может служить предпосылкой веры в телесность) суть заблуждения, то какое недоверие это вызовет к духу, который побудил нас к подобным предпосылкам! Короче говоря, вера в тело пока еще более сильна, чем вера в дух, и кто захочет подорвать ее, тот тем самым еще более основательно подорвет веру в авторитет духа!

36 [37]

1.

«Человеческое, слишком человеческое»: в этом заглавии намечена воля к великому *избавлению*, попытка от-

дельного человека освободиться от любых предрассудков, направленных на *защиту* людей, и использовать все пути, ведущие достаточно высоко, чтобы, хоть на короткое мгновение, взглянуть на них *сверху вниз.* Не презирать в человеке достойное презрения, а как можно глубже выяснить, не заслуживает ли он презрения даже в лучшем и высшем, во всем, чем он до сих пор гордился, не достойны ли презрения сама эта гордость и безобидная поверхностная убежденность в правильности своих оценок: эта рискованная задача была одним из многих средств, к которым меня влекла *более великая,* более обширная задача. Хочет ли кто-нибудь пойти со мной этими путями? Я не *советую* этого никому. – Но вы все же хотите? Тогда в путь!

36 [38]

Гёте – исключение: он жил среди немцев, изящно отгородившись от них и замаскировавшись; Шиллер относится к немцам, любившим торжественные и блистательные слова и роскошные жесты добродетели (– сюда же относится и его симпатия к кантовской морали и ее безоговорочному командному тону). Немцам больно признаваться, до чего сильно они напоминали (а в значительной своей части напоминают и сегодня) немецких Коцебу; как это часто случается, отчаянный мечтатель Занд отомстил, по всей видимости, не тому, кому следовало бы.

Янс<с>ен

36 [39]

Если и можно что-нибудь поставить в заслугу нынешним немцам, так это то, что они больше не выносят торжественных, блестящих, сверкающих слов Шиллера, которые их деды – – –

36 [40]

Обитатели маленьких немецких городов, как их изобразил Коцебу – а картину он нарисовал хорошую, – обрисованы по образу и подобию веймарцев в эпоху Шиллера и Гёте.

36 [41]

Мелочность и убожество немецкой души, ее частью сладострастная, частью завистливая склонность отсиживаться в углу, ее закоренелое «мещанство» (если вспомнить об описании Коцебу), ее «лягушачий» кругозор в отношении всех высоких вещей (говоря языком художников), – как болезненно – – –

36 [42]

Если бы дело касалось только ума, прилежания и услужливости, прусские евреи давно бы уже занимали все высшие государственные должности, короче говоря, имели бы «власть» и в своих *руках* (как уже имеют ее – если судить по многочисленным свидетельствам – в своем «кармане»). Мешает этому их неспособность представлять власть. Даже в своем отечестве евреи не были *господствующей* кастой: их взор не убеждает, их язык чересчур легок и быстр, а в нужный момент их речь захлебывается, их гнев не имеет ничего общего с настоящим и глубоким львиным рыком, их желудки не выдерживают больших пиршеств, а разум – крепкого вина, их руки и ноги не приспособлены к гордым аффектам (их руки часто подрагивают – не знаю, от какого воспоминания); и даже то, как еврей садится на коня (или как еврейский музыкант берется за свою тему – «еврейский подход»), вызывает сомнение и дает понять, что евреи никогда не были *рыцарской* расой. Если евреи не раз проявляли свою неспособность быть судьями, то виновата в этом не их нравственность, а только их неуверенность при ее представлении. Отсюда следует, что прусский еврей должен быть опустившимся и захиревшим видом еврея: ведь восточный человек сам по себе разбирается в представлении несравненно лучше, например, северного немца, – Делакруа. Это вырождение еврея связано с неподходящим климатом и недобрым, гнетущим соседством со славянами, венграми и немцами; среди португальцев и мавров сохраняется более высокая раса евреев, да и торжественность смерти и своего рода *канонизацию* страсти никто еще на земле, вероятно, не изображал лучше, чем некоторые евреи Ветхого Завета: у них могли бы поучиться даже греки!

36 [43]

Опасности, угрожающие еврейской душе: 1) она паразитическим образом пытается где-нибудь угнездиться; 2) она умеет, как говорят естествоиспытатели, «приспосабливаться», благодаря чему евреи стали прирожденными актерами, подобно полипам, которые, если верить Феогниду, принимают окраску той скалы, к которой приклеились. Их талант, более того, их склонность к тому и другому кажутся огромными; привычка ради мелких выгод не жалеть ума и упорства оставила роковой след в их характере, так что даже наиболее уважаемые крупные торговцы на еврейском финансовом рынке не могут удержаться, если позволяют обстоятельства, чтобы хладнокровно <не> воспользоваться крошечными, убогими дополнительными выгодами, которые прусского финансиста заставили бы залиться краской стыда.

36 [44]

Будущее немецкой культуры в руках сыновей *прусских офицеров.*

36 [45]

А. Евреи, самая древняя и чистая раса. *Красота* женщин.
Б. Евреи – *актеры* демократического столетия: редукция литераторов к актерам.
В. Проблема слияния европейской аристократии, или, скорее, прусского юнкерства, с еврейками.

36 [46]

немецкий атеизм.
школярская культура.
немецкий пессимизм.

36 [47]

Опасности еврейской души: паразитизм и актерство.
Еврей ничего не «представляет».
Школярская культура.
Немецкий пессимизм.
Отшельники:

Немецкий национализм.
Немецкая музыка.
Литераторы.
Женщины.
Недоверие к современным идеям.
Немецкий анархизм.

36 [48]

Враждебное отношение ко всякой литературщине и народному просветительству, особенно ко всему по-женски испорченному, по-женски изуродованному, – ибо *духовное просвещение* – это безотказное средство сделать людей неуверенными, слабовольными, еще более жаждущими поддержки и объединения с себе подобными, короче говоря, развить в человеке *стадное животное*, вот почему все великие мастера управления (Конфуций в Китае, imperium romanum[1], Наполеон, папство – в те времена, когда последнее заботилось не только о черни, но и о власти), в которых властные инстинкты до сих пор достигали своей *кульминации*, использовали и духовное просвещение, по крайней мере, не мешали ему господствовать (например папы в эпоху Возрождения). Самообман большинства относительно этого пункта, например во всякой демократии, чрезвычайно полезен: в умалении и управляемости человека видят «прогресс» и стремятся к нему!

36 [49]

О немецком пессимизме.

Омрачение, пессимистическая окраска неизбежно сопутствуют Просвещению. Примерно в 1770 году было замечено, что радостное настроение убывает; женщины, руководствуясь своим женским инстинктом, всегда выступающим на стороне добродетели, полагали, что в этом виноват аморализм. Галиани попал в точку: он цитирует стихотворение Вольтера. – Если предположить, что я на несколько столетий опередил Вольтера и даже Галиани, который много глубже его, в Просвещении, то насколько же дальше их я зашел в омрачении! И это верно: я свое-

---

1 Римская империя (*лат.*)

временно с некоторым сожалением стал остерегаться немецкой и христианской узости и непоследовательности шопенгауэровского или даже леопардиевского пессимизма и обратился к его самым принципиальным формам (– Азия –). К продолжателям пессимизма я *не* отношу Э<дуарда> ф<он> Г<артмана>; скорее к «приятной литературе» – – – и т.д. Но чтобы вынести *этот* крайний пессимизм (время от времени звучащий в моей книге «Рождение трагедии»), жизнь «без бога и морали», мне пришлось придумать ему противовес. Должно быть, я лучше других знаю, почему смеется только человек: ведь только он страдает так глубоко, что ему *пришлось* изобретать смех. Самое несчастное и меланхолическое животное, по справедливости, еще и самое веселое.

36 [50]

О немецких лириках.

36 [51]

Юг и Восток.

36 [52]

Брамс не «событие», не исключение, не разрыв цепи перед Вагнером, а скорее *еще* одно «Кольцо», – – – Если отвлечься от того, какие чуждые виды и каких людей он время от времени жертвовал гостеприимному гению – считая и пиетет к великим учителям, старым и новым, – то он до сих пор единственный музыкант, который может претендовать на звание *«северонемецкого музыканта»*.

36 [53]

Немцы еще не *стали* чем-то, но чем-то *становятся*, следовательно, у них еще нет культуры, – следовательно, у них еще *не может* быть культуры! Вот мой тезис, и пусть на него наталкивается тот, кому следует, – а именно тот, у кого в голове (или на щите) немецкий национализм! Немцы пока еще ничто, то есть они пока все, что угодно. Они *становятся* чем-то, это значит, они прекратят однажды быть всем, чем угодно. Последнее в конечном счете является лишь пожеланием, даже не надеждой; к счастью,

это пожелание, ради которого можно жить, дело воли, труда, дисциплины, воспитания, как и дело негодования, потребности, лишений, неудовольствия, даже озлобленности, – короче говоря, мы, немцы, *хотим* от себя того, чего от нас еще не хотел никто: мы хотим чего-то большего!

Что такому «немцу, который пока ничто и только становится чем-то», полагается нечто лучшее, чем нынешнее немецкое «образование», что все «становящиеся» должны приходить в ярость, а не впадать в самодовольство, в дерзкую самоуспокоенность, в «воскурение фимиама» самим себе, – это мой второй тезис, от которого я пока еще не отказался.

36 [54]

Я не понимаю, как сегодня теолог может с чистой совестью уживаться со своим христианством, это недоступно моему разумению; однако в нем достаточно чистой совести, – похоже, эта «чистая совесть» не многого стоит!

36 [55]

«Немецкое».

Вопросы и тире.

Мысли о воспитании и взращивании.

36 [56]

Оскорбленная гордость, досада на то, что приходится любить там, где следовало бы презирать, скорбь по поводу возникшей пустоты и пробелов, наконец, угрызения интеллектуального тщеславия, которое говорит: «ты дал себя обмануть», – вот переживания последнего времени. Однако человек философского склада приводит все переживания к общему знаменателю, и отдельные случаи вырастают в цепочки...

36 [57]

Азиаты в сто раз величественнее европейцев.

36 [58]

Появившееся в первобытном лесу существо «человек» всегда возникает там, где дольше всего идет борьба за власть. *Великие* люди.

36 [59]

Даже высшие интеллекты развиваются в *несвободе*, испытывая противодействие. «Либеральному духу» до сих пор еще ничто не обязано своим появлением. Мы недооцениваем то совершенствование *духа*, которое принесли с собой муки совести христианского и одновременно научно-логического объяснения мира.

36 [60]

«К критике современной души».

37. Июнь–июль 1885

37 [1]

Против того, что я осмеливаюсь изложить в этой книге, наверняка могут быть выдвинуты – как моим ближайшим окружением, так и, в особенности, дальними от меня людьми, – решительные возражения. Часть этих возражений я предвосхитил сам благодаря богатому опыту, который приобрел, слушая одного человека и беседуя с ним, – но, к сожалению, всегда сам же на них заранее давал ответ; по этой причине до сих пор *весь* груз моих «истин» оставался лежать на мне. Понятно, что речь здесь идет о *тягостных* истинах, и если есть вера, дающая блаженство, – что ж, моя вера этого *не* делает! Но разве вещи должны быть направлены на то, чтобы доставлять нам удовольствие? – Хотя именно в этот раз, говоря откровенно, я получил бы удовольствие, если бы был *опровергнут*. – И если, с другой стороны, познание – – – тогда зачем нам познание? –

В конце концов, это, вероятно, лишь вопрос времени: ужиться можно даже с дьяволом. И если вещи не направлены на то, чтобы приносить нам удовольствие, – кто может нам помешать придать им такое направление?

37 [2]

В желании соглашаться с многими присутствует дурной вкус. Мне, в сущности, достаточно моего друга Сатиса. Вы, разумеется, знаете, кто это? Satis sunt mihi pauci, satis est unus, satis est nullus[1]. В конечном счете все так и получается: великие вещи предназначены и накапливаются для великих, бездны – для глубоких, нежности и трепет

---

1 Мне достаточно немногих, достаточно одного, достаточно ни одного (*лат.*)

для утонченных, короче говоря, все редкостное предназначено для редких. Мое суждение – это *мое* суждение: другому нелегко получить на него право. – А вы, дорогой сосед, заглядываете мне через плечо в эту книгу и даже настаиваете на том, что согласны с ней? Вы смотрите в эту книгу и говорите ей Да? Бросьте! Я вовсе не хочу из-за вас усомниться в том, что сейчас написал. Подобно всем философам, я тоже люблю истину; все философы до сих пор любили свои истины – – –

37 [3]

Я забыл сказать, что такие философы – веселый народ и что они с удовольствием опускаются в пропасть совершенно ясного неба: чтобы выносить жизнь, им нужны другие средства, нежели остальным людям, ибо страдают они по-иному (столь же от глубины презрения к людям, сколь от любви к ним). – Зверь, страдающий больше всех на земле, придумал для себя – *смех*.

37 [4]

Мораль и физиология. – Мы считаем опрометчивым то, что именно человеческое сознание столь долго рассматривали как высшую ступень органического развития и как самое удивительное из всех земных вещей, даже как их расцвет и цель. Напротив, еще более удивительная вещь – *тело*: можно до бесконечности восхищаться тем, как человеческое *тело* стало возможным, как может жить, расти и некоторое время сохраняться как одно целое такое поразительное сочетание живых существ, зависимых, подчиненных и в то же время в известном смысле повелевающих и действующих по собственной воле, – и все это совершенно очевидно происходит *не* благодаря сознанию! Сознание для этого «чуда из чудес» всего лишь «инструмент» и не более того – в том же смысле, в каком инструментом для него является желудок. Великолепное соединение многообразнейшей жизни, расположение и упорядоченность высших и низших видов деятельности, тысячекратное повиновение – не слепое и тем более не механическое, а избирательное, умное, внимательное, даже сопротивляющееся повиновение, – вот что такое «тело», феномен которого в

сравнении с нашим сознанием, нашим «духом», нашим сознательным мышлением, чувствованием, волей так же превосходит их интеллектуально, как алгебра таблицу умножения. «Нервный и мозговой аппарат» *не* для того сконструирован столь тонко и «божественно», чтобы производить мысли, чувства и волю: мне скорее представляется, что для мышления, чувствования и воления вообще не нужен никакой «аппарат», что это и только это происходит «само по себе». Напротив, такой сложнейший синтез живых существ и интеллектов, как «человек», сможет жить лишь в том случае, если создана тонкая система соединения и посредничества, обеспечивающая мгновенную связь и взаимное понимание между всеми этими высшими и низшими существами – причем сплошь живыми посредниками; однако это моральная, а не механистическая проблема! Теперь мы запретили себе сочинять сказки о «единстве», о «душе», о «личности»: ясно, что такого рода гипотезы лишь *затрудняют* решение проблемы! Крохотные живые существа, которые конституируют наше тело (правильнее было бы сказать: то, что мы называем «телом», есть лучший образец их взаимодействия), для нас не атомы души, а скорее нечто растущее, борющееся, размножающееся и вновь отмирающее, так что их число изменчиво и непостоянно, а наша жизнь, как и любая другая, есть непрекращающееся умирание. Таким образом, в человеке столько же «сознаний», сколько в нем существ, которые – в каждый миг его существования – составляют его тело. Отличительная черта «сознания» (обычно воспринимаемого как единственное), интеллекта, заключается как раз в том, что оно защищено и изолировано от несчетного разнообразия переживаний этих многочисленных сознаний. Как сознание высшего ранга, как правящее большинство и аристократия, оно получает лишь *выборку* переживаний, к тому же переживаний упрощенных, обозримых, постижимых, то есть *искаженных*, чтобы, в свою очередь, в процессе упрощения, облегчения и, следовательно, искажения переживаний иметь возможность развить и подготовить то, что принято называть «волей»; каждый такой волевой акт предполагает одновременно и назначение диктатора. Однако то, что предлагает нашему интеллекту эту выбор-

ку переживаний, что до этого уже упростило, уподобило, истолковало их, в любом случае не есть интеллект; точно так же не интеллект *исполняет* волю, воспринимает бледные, нечеткие и крайне неточные представления о ценности и силе и переводит их в живую силу и точные оценочные масштабы. Такая же операция должна происходить на всех более глубоких уровнях, постоянно разыгрываться во взаимоотношениях всех этих высших и низших существ: тот же выбор и предложение переживаний, то же абстрагирование и тот же синтез, та же воля, тот же перевод всегда весьма неопределенного воления в определенную деятельность. Руководствуясь путеводной нитью тела, мы, как уже говорилось, учимся понимать, что наша жизнь возможна благодаря взаимодействию многих весьма неравнозначных интеллектов, то есть благодаря постоянному, тысячекратно повторяющемуся послушанию и приказанию, – говоря языком морали: благодаря безостановочному упражнению во многих *добродетелях*. Да и как можно перестать говорить на языке морали! – – – Разглагольствуя в таком роде, я отдался своему безудержному увлечению наставничеством, ибо был счастлив найти кого-нибудь, кто был бы в состоянии выносить мои речи. Однако именно в этом месте Ариадна не выдержала (эта история случались во время моего первого пребывания на Наксосе). «Но, сударь, – сказала она, – вы говорите на свинском немецком языке!» – «На немецком, – невозмутимо ответил я, – просто на немецком! Оставьте свиней в покое, богиня! Вы недооцениваете трудность говорить по-немецки о тонких вещах!» – «О тонких вещах! – воскликнула в ужасе Ариадна. – Но это же был лишь позитивизм! Слоновья философия! Понятийная галиматья, мешанина из сотни философий! К чему это приведет!» – При этом она нетерпеливо перебирала знаменитую нить, которая когда-то вела ее Тесея по лабиринту. – Вот так выяснилось, что в своем философском образовании Ариадна отстала на целых два тысячелетия.

37 [5]

В книгах афоризмов, подобных моим, между короткими афоризмами и позади них скрываются сплошь запретные вещи и цепочки мыслей, и среди них нечто такое,

что может быть достаточно сомнительным для Эдипа и его Сфинкса. Я не пишу научных статей: они предназначены для ослов и читателей журналов. Не пишу я и речей. Мои «Несвоевременные размышления» я, будучи молодым человеком, адресовал молодым людям, рассказывая им о своих переживаниях и обетах, чтобы заманить их в свои лабиринты, – я обращался к немецкому юношеству; однако меня убеждают в том, что немецкое юношество вымерло. Что ж, тогда у меня нет больше причины быть «красноречивым» в прежней манере – сегодня я, должно быть, уже и не способен на это. Кто днем и ночью, из года в год жил со своей душой в доверительнейшей ссоре и вел с ней диалог, кто, сидя в своей пещере – это мог быть лабиринт или золотоносная шахта, – превратился в пещерного медведя или в золотоискателя, кто, подобно мне, гонял и гоняет от головы к сердцу разного рода мысли, сомнения и опасения, тот не всегда станет рассказывать об этом, даже если его окружали бы родственные умы и раскованные, смелые товарищи, ибо у его понятий двусмысленная окраска, от них одновременно исходит запах глубины и тления, запах чего-то невыразимого и неприятного, обдающий каждого любопытствующего холодом; философия отшельника, даже если бы она была написана львиным когтем, все равно будет выглядеть как философия «в кавычках».

37 [6]

Из сочинений отшельника тоже доносятся отзвуки пустоты, шепот и робкое оглядывание вокруг себя, свойственное одиночеству; самые сильные его слова и крики звучат так, словно это некий новый и опасный вид молчания, умолчания.

37 [7]

Если представить себе философа как великого воспитателя, обладающего достаточной силой, чтобы притягивать к себе длинные цепи поколений, то следует признать за ним и ужасные привилегии великого воспитателя. Воспитатель никогда не говорит о том, что сам думает: он говорит всегда только о том, что думает в связи с пользой какой-либо вещи для тех, кого воспитывает. Об этом его

притворстве не должны догадываться. От его мастерства зависит, поверят ли в его искренность. Он должен обладать всеми средствами воспитания и наказания; иные натуры он подгоняет только кнутом насмешки, а других, инертных, нерешительных, трусливых, тщеславных, – возможно, и с помощью чрезмерной похвалы. Такой воспитатель стоит по ту сторону добра и зла – но никто не должен знать об этом.

37 [8]

Неотвратимо, медленно и страшно, как судьба, приближается великая задача и вопрос: как должна управляться земля в целом? И *для чего* нужно выращивать и культивировать «человека» как целое – а не народ и не расу?

Главным средством, с помощью которого из человека можно вылепить все, что будет угодно созидающей и глубокой воле, служат законодательные морали – при условии, что такая художественная воля высшего ранга имеет в своих руках власть и может продолжительное время претворять в жизнь свою созидающую волю в форме законов, религий и обычаев. Таких людей великого созидания, поистине великих людей, какими их вижу я, сегодня и, вероятно, еще долгое время нельзя будет найти: их просто *нет*. Только после многих разочарований мы наконец-то начнем понимать, почему их нет: не существует более враждебной силы, стоящей на пути их появления и развития, нежели та, которую теперь в Европе называют «моралью» [“*die* Moral”], словно нет и быть не может никакой другой морали, кроме названной выше морали стадного животного, изо всех сил стремящейся к беззаботному всеобщему счастью на земле, к счастью зеленого пастбища, а именно к надежности, безопасности, удовольствию, легкости и в конечном счете, «если все пойдет хорошо», к тому, чтобы избавиться от разного рода пастухов и баранов-вожаков. Два наиболее часто проповедуемых ими учения гласят: «равенство в правах» и «сочувствие всему, что страдает», – причем само страдание воспринимается ими как нечто такое, что безусловно должно быть *устранено*. Что такие «идеи» все еще могут казаться современными, дает плохое представление о – – – Но кто основательно

задумывался над вопросом, где растение «человек» до сих пор сильнее всего росло в высоту, тот не может не понимать, что это происходило в *прямо противоположных* условиях, что для этого должна неизмеримо увеличиваться опасность его положения, что под длительным гнетом и давлением должны совершенствоваться его изобретательность и умение притворяться, а его воля к жизни должна возрастать, превращаясь в безусловную волю к власти и к сверхвласти и что для возвышения вида «человек» необходимы риск, твердость, насилие, чувство опасности на улице и в сердце, неравенство в правах, скрытность, стоицизм, искусство искушения, разного рода дьявольщина, короче говоря, все противоречащее стадным желаниям. Мораль с такого рода противоположными намерениями, которая будет возвышать человека, а не подталкивать его к удобствам и посредственности, мораль, призванную воспитывать правящую касту – будущих *властителей земли*, – нужно вводить в связи с существующим нравственным законом, используя его слова и внешние атрибуты. Однако, поскольку для этого необходимо изобрести множество переходных форм и средств обмана, а продолжительность жизни человека почти ничего не значит в сравнении с выполнением столь долгосрочных задач и планов, необходимо прежде всего воспитать *новый вид* человека, воля и инстинкты которого будут гарантированы многими поколениями, и подготовить новый тип и новую касту господ. Это столь же нетрудно понять, как и непростое для произнесения «и так далее» этой мысли. Подготовка *переоценки ценностей* для определенного сильного вида людей высшей духовности и силы воли и с этой целью медленное и осторожное раскрепощение в них множества долгое время сдерживаемых и оклеветанных инстинктов: кто размышляет об этом, тот принадлежит к нам, к свободным духом, которые, правда, отличны от существовавших до сих пор «свободных духом», поскольку стремятся к примерно противоположному. Сюда, как мне кажется, можно причислить в первую очередь европейских пессимистов, поэтов и мыслителей возмущенного идеализма, в той мере, в какой их недовольство бытием в целом *логически* вынуждает их не удовлетворяться и современными людьми, –

равно как и некоторых ненасытно-честолюбивых художников, которые смело и безусловно борются за особые права высших людей, против «стадного животного» и с помощью присущих искусству приемов искушения усыпляют в избранных умах все стадные инстинкты и опасения; в-третьих, сюда относятся все те критики и историки, мужественно *продолжающие* удачно начатое открытие древнего мира, – дело *нового* Колумба, немецкого духа (ибо мы все еще находимся в самом начале этого завоевания). В древнем мире и в самом деле царила иная, более властная, нежели сегодня, мораль, а античный человек, благодаря воспитывающему влиянию своей морали, был сильнее и глубже человека сегодняшнего дня, – это был до сих пор единственный «удавшийся человек». Однако искушение, с древних времен оказывающее влияние на удавшиеся, то есть сильные и предприимчивые души, и сегодня еще является самым утонченным и самым действенным из всех антидемократических и антихристианских искушений: таким оно было уже в эпоху Возрождения.

37 [9]

Я не замечаю всех этих национальных войн, новых «империй» и прочего, что выходит на передний план; меня интересует единая Европа, и я вижу, как она медленно и нерешительно готовит для себя почву. Собственно, главной душевной заботой всех глубоких, обладающих широким горизонтом людей этого столетия была подготовка этого нового синтеза и попытка упредить появление «европейца будущего»; лишь в часы слабости, или когда они достигали старости, они впадали в национальную ограниченность «защитников отечества» и становились «патриотами». Я имею в виду таких людей, как Наполеон, Гёте, Бетховен, Стендаль, Генрих Гейне, Шопенгауэр; возможно, к ним принадлежит и Рихард Вагнер, о котором – как об удачном типе германской туманности, – вообще нельзя сказать ничего, кроме этого «возможно». Но на стороне появляющейся и формирующейся в таких умах потребности в новом единстве или уже нового единства с новыми потребностями стоит значительный, многое объясняющий экономический факт: мелкие государства

Европы, я имею в виду все наши нынешние державы и «империи», в условиях безусловно нарастающего стремления обширного общения и торговли к последней границе, к мировому сообществу и мировой торговле, в недалеком будущем должны утратить экономическую прочность. (Уже одни только деньги заставят Европу однажды собрать все свои силы в единый кулак.) Но чтобы вступить в борьбу за управление землей, имея хорошие шансы на успех, – ясно, как день, против кого эта борьба будет направлена, – Европе, вероятно, понадобится всерьез «договориться» с Англией: ей для этой борьбы нужны английские колонии, точно так же как сегодняшняя Германия нуждается в голландских колониях для вживания в свою новую роль посредника и маклера. Никто больше не верит, что у Англии достаточно сил, чтобы играть свою прежнюю роль еще пятьдесят лет: она погибнет вследствие невозможности исключить из правительства homines novi[1], и вовсе не обязательно иметь подобную систему смены партий, чтобы – – – столь долгосрочные вещи: сегодня нужно быть, прежде всего, солдатом, чтобы не утратить доверия в роли купца. Короче говоря: в этом, как и в других вещах, следующее столетие пойдет по стопам Наполеона, первого человека новейшего времени, умевшего лучше всех предвосхищать будущее.

Для решения задач следующих столетий «общественность» и парламентаризм суть самые нецелесообразные организации.

37 [10]

Среди высших людей и народов я различаю таких, которые хотят иметь мир круглым, целостным и прочным, возможно даже великим, *очень* великим, но ни в коем случае не «бесконечным» – и таких, которые любят облака, ибо облака скрывают, заставляют «предполагать». К последним, если говорить о народах, относятся немцы; по этой причине для настроенного противоположным образом мыслителя нецелесообразно строить на их земле свою хижину. Небо там будет для него слишком облачным.

---

1 новых людей (*лат.*)

Немецкое «простодушие», немецкую веру в «дурака с чистой душой» он всегда переводит на французский и называет la niaiserie allemande[1]. Под немецким «нравом» он понимает буквально то же самое, что и Гёте: «снисхождение к чужим и своим слабостям». От немецкого безвкусия у него волосы встают дыбом; я однажды уже показывал на это пальцем – на примере страдающей старческим слабоумием книги Штрауса. Глядя из-за границы, можно усомниться, может ли Германия сейчас выдвинуть десяток человек, которые были бы способны выносить свои суждения в вопросах литературной формы и обладали бы достаточной глубиной. Именно глубина обязательна для понимания тонкого стремления к форме вообще; только из глубины, из бездны можно наслаждаться счастьем, таящимся в ясности, уверенности, пестроте, поверхностности любого рода. Немцы же верят в свою глубину, когда впадают в грусть и меланхолию; думая, они потеют, пот служит им доказательством их «серьезности». Их дух неуклюж: дух выпитого пива властвует даже в их мыслях, – а они называют это своим «идеализмом»! Правда, немцы – по крайней мере, они сами верят в это – благодаря своему идеализму забрались далеко, дошли «до самых звезд» и готовы, если позволит немецкая скромность, без стеснения усесться на этих звездах рядом с греками – как народ «поэтов и мыслителей». Позволим этой уверенности нескромно взять слово в стихах великого немецкого идеалиста:

«Мы греков зря воспели!
Они забьются в щели,
Раздастся коль германской музы глас.
Чем Опиц не Овидий?
А Флеминг – в лучшем виде
Гораций! Грейф – тот Сенека у нас».

Лейбниц.

37 [11]

Социализм – как додуманная до конца *тирания* самых мелких и глупых, поверхностных, завистливых и на три

---

1 немецкой глупостью (*лат.*)

четверти актеров – в самом деле есть конечный вывод современных идей и их латентного анархизма; однако в затхлом воздухе демократического благополучия теряет силу сама способность приходить к выводам, а тем более к *конечному выводу.* Там следуют чему-то, а не делают выводы из чего-то. Поэтому социализм в целом есть безнадежное, гиблое дело. И нет ничего веселее, чем наблюдать противоречие между ядовитыми и отчаянными лицами, которые сегодня принадлежат к социалистам, – об их убогих, ущербных чувствах свидетельствует даже их стиль! – и безобидным, овечьим счастьем их надежд и желаний. При этом во многих местах Европы они могут довести дело до путчей и нападений; грядущее столетие ждут основательные потрясения, и Парижская коммуна, которая и в Германии нашла своих адвокатов и сторонников (например в лице философского мастера гримасничанья и болотного тритона Е<вгения> Д<юринга> в Берлине), была, возможно, всего лишь легким несварением желудка в сравнении с тем, что придет потом. Тем не менее всегда будет слишком много собственников, и социализм не сможет означать нечто большее, чем приступ болезни: все эти собственники как один верят в то, что «надо что-нибудь иметь, если хочешь кем-то *быть*». Это самый древний и самый здоровый из всех инстинктов; я бы добавил к этому: «нужно хотеть больше, чем имеешь, чтобы *стать* более значительным человеком». Именно так гласит учение, которое прививает всему живому сама жизнь: мораль развития. Иметь и хотеть иметь больше, одним словом, расти – это и есть жизнь. В учении социализма таится плохо скрытая «воля к отрицанию жизни»; такое учение могут выдумывать только неудавшиеся люди или расы. Мне в самом деле хотелось бы, чтобы благодаря нескольким крупным опытам было доказано: в социалистическом обществе жизнь сама отрицает себя, сама обрубает свои корни. Земля достаточно велика, а человек все еще достаточно неисчерпаем, – поэтому практическая наука такого рода и demonstratio ad absurdum[1], даже если за это придется заплатить громадным количеством человеческих жиз-

---

1 демонстрация вплоть до абсурда (*лат.*)

ней, кажутся мне желательными. И все же социализм, как беспокойный червь под основанием скатывающегося в глупость общества, сможет быть полезным и благотворным: он задерживает наступление «мира на земле», замедляет процесс полного растворения демократического стадного животного в благодушии, заставляет европейцев сохранять присутствие духа, а точнее, хитрости и осторожности, не отрекаться полностью от мужских и воинственных добродетелей и сохранять остаток ума, ясности, сухости и холодности духа, – он до поры до времени предохраняет Европу от грозящего ей marasmus femininus[1].

37 [12]

Я считаю, что в главном художники более правы, чем все философы: они не теряли великий след, по которому идет жизнь, они любили вещи «этого мира», любили его чувства. Стремление лишить мир чувственности кажется мне недоразумением, или болезнью, или лечением, если это стремление не лицемерие и не самообман. Я желаю себе самому и всем тем, кто живет – кому *позволено* жить – без страха перед угрызениями пуританской совести, все большего одухотворения и разнообразия чувств; мы должны быть благодарны чувствам за их утонченность, полноту и силу и предлагать им взамен лучшее из духовного богатства, которое имеем. Какое нам дело до священнических и метафизических поношений чувств! Мы в этих поношениях больше не нуждаемся. Если человек, подобный Гёте, со все большим удовольствием и сердечностью привязывается к «вещам этого мира», это признак того, что он удался: таким образом он утверждает великое понимание человека, то, что человек, учась преображать самого себя, становится *преображателем бытия*. Что это ты говоришь? – возразят мне. Разве сегодня нет среди художников отъявленнейших пессимистов? Что ты, к примеру, думаешь о Рихарде Вагнере? Разве он не пессимист? – Я почесываю себя за ухом: <вы правы, я на мгновение кое о чем забыл>.

---

1 женского слабоумия (*лат.*)

37 [13]

Историки сегодня хотят слишком многого и все вместе грешат против хорошего вкуса: они вторгаются в души людей, к рангу и обществу которых не принадлежат. Что, например, может написать нервозный, вечно потеющий плебей Мишле о Наполеоне! Независимо от того, ненавидит он его или любит, он далек от него, ибо потеет. Что может сказать о Наполеоне посредственный и в дурном смысле слова элегантный Тьер! Этот человечек смешон, когда с видом мудрого судьи сравнивает великого мужа с Цезарем, Ганнибалом и Фридрихом. Куда выше я ценю того историка, который дает почувствовать, что в определенном месте почва для его ног слишком горяча или слишком священна, – но историк, который вовремя «снимает обувь» или, наоборот, *обувается* и уходит, сегодня, в век невинного бесстыдства, большая редкость. Немецкие ученые, в среде которых было изобретено «историческое» чувство (теперь в этом упражняются французы), все без исключения доказывают, что ведут свой род не от господствующей касты; как познающие, они назойливы и лишены чуткости и стыда.

37 [14]

Я называл тех, кто неосознанно работал, подготавливая меня. Но где должен был я с некоторой надеждой на успех искать философов моего склада, по крайней мере, *тех новых философов, в которых я нуждался*? Только там, где царит благородный образ мыслей, такой, который верит в рабство и во множество уровней подчинения как в предпосылку всякой высшей культуры; там, где господствует *созидающий* образ мыслей, который не ставит целью достижение спокойного счастья, «шаббата всех шаббатов», и даже в мире ценит средство для новых войн; образ мыслей, предписывающий будущему законы, которые во имя будущего жестоко, тиранически относятся ко всему современному; не ведающий сомнений, «неморальный» образ мыслей, который намерен взращивать в человеке как добрые, так и дурные свойства, ибо уверен в своей способности применить их к месту – к тому месту, в котором они оба будут нуждаться друг в друге. Но есть ли шансы у того,

кто ищет сегодня философов, найти искомое? Не случится ли так, что он напрасно будет искать днем и ночью, с самым лучшим фонарем Диогена в руке? У нашего века *превратные* инстинкты: он стремится прежде всего к удобствам; во-вторых, он желает публичности и того великого шума актеров, той великой шумихи, которая соответствует его ярмарочному вкусу; в-третьих, он хочет, чтобы каждый с глубочайшим верноподданничеством ползал на брюхе перед величайшей ложью, называемой «равенством людей», и ценил только те добродетели, которые *уравнивают, ставят в один ряд*. Но именно это стоит на пути появления философа, как я его понимаю, вопреки наивной вере в благотворность такого образа мыслей. В самом деле, сегодня весь мир причитает, как плохо жилось *раньше* философам, зажатым между кострами для еретиков, нечистой совестью и самонадеянной мудростью отцов церкви; однако истина в том, что именно так создавались *более благоприятные* условия для воспитания мощной, обширной, хитрой и отчаянно смелой духовности, нежели условия современной жизни. Сегодня для появления философа благоприятные условия создает другой дух – демагогический, лицедейский, свойственный бобрам и муравьям. Но тем хуже обстоит сегодня дело с высшими художниками: разве почти все они не гибнут от отсутствия внутренней дисциплины? Они больше не испытывают тиранического воздействия извне, посредством скрижалей абсолютных ценностей церкви или двора, и уже не учатся воспитывать в себе «внутреннего тирана», свою *волю*. То, что я сказал о художниках, в еще более высоком и роковом смысле относится к философам. Где сегодня *есть* свободные духом? – Но не будем говорить слишком громко! Одиночество сегодня полно тайн и больше, чем когда бы то ни было, одиночество – – – В самом деле, я тем временем понял, что свободный духом должен быть отшельником.

37 [15]

Другой демагогический талант нашего времени – Рихард Вагнер, но он принадлежит Германии. – В самом деле? Да будет позволено высказать противоположное мнение. Парижане могут сколь угодно противиться ему и

отвергать его – в конечном счете он принадлежит Парижу, во всяком случае, больше, чем любой другой столице Европы. Не спорю, что наиболее родственные ему типы французов сегодня и там стали редкими: я имею в виду ту молодую поросль романтизма тридцатых годов, среди которой он *хотел жить* в самую решающую пору своей жизни. Там он чувствовал себя более близким самому себе и в большей степени дома, чем в Германии, – со своей огромной жаждой эротических запахов и красок и новых, еще не испробованных проявлений возвышенного, со своим сумрачным, мучительным счастьем, которое приносило ему открытие уродливого и безобразного. Разве эти романтики искали чего-нибудь другого, разве не Рихарда Вагнера нашли и изобрели они? Разве не были все они людьми болезненно остроумными, насильственными, неуверенными в себе и страстно, вплоть до глаз и ушей подвластными литературе, чаще всего тоже пишущими, сочиняющими, художниками, выражающими себя любой ценой, – я не отношу к ним Делакруа, – посредниками и смесителями искусств и самих чувств, плебеи-выскочки, которые, подобно Бальзаку, в своем ненасытном стремлении к блеску и славе проявили неспособность к благородному темпу жизни и творчества – к lento? Надо все же признать, как *много* вагнеровского было в этом французском романтизме! Даже та истерически-эротическая черта, которую Вагнер особенно любил в женщине и насаждал в музыке, уютнее всего чувствовала себя именно в Париже: спросите-ка об этом врачей-психиатров; и нигде, кроме как в среде парижан, не оценили бы лучше гипнотизирующие приемы и наложения рук, посредством которых наш музыкальный маг и Калиостро принуждает своих бабенок к сладострастному лунатизму с открытыми глазами и закрытым разумом. Близость болезненных устремлений, страстность ставших неистовыми чувств, опасно обманчивых для взгляда своим угаром и пеленой сверхчувственного, – к чему еще можно отнести все это, как не к романтизму французской души? Здесь действует волшебство, которое неизбежно привлечет парижан на сторону Вагнера. – Но Вагнер должен быть всецело и собственно *немецким* художником, так заявляют сегодня

в Германии, таким почитают его в эпоху, которая снова возвышает хвастливый немецкий национализм. Такого «собственно немецкого» Вагнера *не существует*; я полагаю, что *это* выдумка мрачных немецких юношей и девушек, которые такого рода заявлениями хотят прославить самих себя. Возможно, в Вагнере и есть что-то немецкое, – но что именно? Быть может, лишь мера, но не качество его воли и способности? Может быть, то, что он делал все сильнее, богаче, смелее, тверже, чем любой из французов девятнадцатого века? Что он был строже к себе и большую часть свой жизни прожил на немецкий лад, *на свой страх и риск*, как непреклонный атеист, антиномист и иммора-лист? Что он сочинил образ *очень* свободного человека, Зигфрида, который и в самом деле мог быть слишком свободным, слишком жестоким, слишком веселым, слишком нехристианским для латинского вкуса? – Правда, он под конец расквитался за этот свой грех против французского романтизма: поздний Вагнер в преклонном возрасте своей карикатурой на Зигфрида, я хочу сказать, своим Парцифалем, угодил не только романтическому, но и римско-католическому вкусу, – а простился с жизнью и вовсе коленопреклоненным перед крестом, с красноречивой жаждой приобщения к «крови Спасителя». Простившись и с самим собой! Ибо у состарившихся романтиков стало дурным правилом в конце жизни «отрицать» себя, отрекаться от себя и тем самым *перечеркивать* свою жизнь! – В заключение стоит сказать: если поколение тридцатых годов по своей сути было наследником и еще в большей мере *жертвой* трагических потрясений наполеоновских войн – Бетховен предшествовал этому поколению в музыке, а Байрон в литературе, – позволительно ли будет считать, что у души Рихарда Вагнера схожее происхождение? Он родился в 1813 году.

37 [16]

Согласно моим наблюдениям, среди тех, кто теперь путешествует по миру, никто с охотой не выдает себя за француза, если сам таковым не является. Некоторым жителям северных стран, например шведам, нравится выдавать себя за англичан: англичанин горд. Немец поль-

зуется за границей растущим, в сравнении с прошлыми временами, удивлением и уважением, но радости не доставляет; пруссаков все еще принимают плохо, особенно в южных странах Европы, – не из-за их гордости, ее у них нет, а из-за их нескромности и дурных, грубых, нередко назойливых манер. Южный немец неотесан, мужиковат, благодушен и тем не менее не внушает доверия: в нем подозревают наличие знаменитых «двух душ в одной груди».

37 [17]

О женщинах невозможно думать достаточно возвышенно – но это не значит, что их следует воспринимать в ложном свете. Тут надо основательно быть настороже. Трудно поверить, что они сами были в состоянии просветить мужчин насчет «вечно женственного»: они, пожалуй, слишком близки к нему, и к тому же любое *просвещение* – по крайней мере, до сих пор – было делом и даром мужчин. Наконец, следует оставить за собой право усомниться в том, что женщины пишут о женщинах: не занимается ли женщина, когда пишет, совершенно непроизвольно тем же, чем занималась всегда, а именно своим вечно женственным делом, – «*прихорашиванием*»! Разве когда-нибудь за женщиной признавали *глубину*? А за женским сердцем – справедливость? Но если женщина судит «о женщине» без глубины и справедливости – какой в этом толк? Любовь и похвалы, даже если любят и хвалят самих себя, ни в коей мере не уменьшают опасности, что суждение окажется несправедливым и плоским. Даже если некоторые женщины имеют хорошие основания думать, что мужчины скупятся на похвалы и любовь по отношению к ним, мне по большому счету представляется, *что до сих пор «женщину» сильнее всего презирали женщины*, а отнюдь не мужчины.

37 [18]

Человек, стремящийся к великому, рассматривает каждого, кто встречается на его пути, как средство, или как помеху, или как временное ложе для отдыха. Свойственная ему благородная *доброта* по отношению к людям

невозможна, если он достиг своей вершины и воцарился там. Нетерпение и чувство, что он до поры до времени вынужден ломать комедию, лишает его всякого удовольствия от общения; этому роду людей хорошо знакомо одиночество, как и тот яд, который оно в себе скрывает.

38. Июнь–июль 1885

38 [1]

В той форме, в какой она приходит, мысль есть многозначительный знак, нуждающийся в истолковании, точнее, в произвольном сужении и ограничении, чтобы стать однозначным. Она возникает во мне – откуда? благодаря чему? – я не знаю. Она приходит независимо от моей воли, обычно окруженная и затемненная толчеей чувств, желаний, антипатий, других мыслей, нередко едва отличимых от «воления» или «чувствования». Мы вытаскиваем ее из этой толчеи, очищаем, ставим на ноги, смотрим, хорошо ли она стоит, хорошо ли ходит, все в поразительном темпе presto и в то же время без какого бы то ни было чувства торопливости; *кто* все это делает, я не знаю: я скорее зритель, нежели инициатор этого процесса. Потом мы судим о ней, спрашиваем: «что она значит? что могла бы означать? верна она или нет?» Мы призываем на помощь другие мысли, сравниваем ее с ними. Мышление, таким образом, представляется своего рода упражнением и актом установления справедливости, где есть судья, противная сторона и даже допрос свидетелей, к которому мне позволено слегка прислушиваться – правда, совсем чуть-чуть: многое, как мне кажется, от меня ускользает. – Что всякая мысль сначала приходит многозначной и размытой и кажется всего лишь поводом для попытки интерпретации или произвольного ее установления, что в любом мышлении принимает участие множество личностей, – все это совсем не легко наблюдать, ибо мы в сущности прошли другую школу и приучены во время мышления не думать о нем. Источник мысли остается скрытым, и велика вероятность того, что она всего лишь симптом намного более обширного состояния; в том, что приходит именно *она*, а не другая мысль, и что она приходит с большей или мень-

шей ясностью, временами уверенная и повелительная, временами слабая и нуждающаяся в поддержке, но в целом всегда возбуждающая, вопрошающая – ибо для сознания любая мысль служит стимулом, – во всем этом посредством знаков находит выражение нечто от нашего общего состояния. – Точно так же обстоит дело и с любым чувством; само по себе оно ничего не значит: когда оно приходит, мы сначала его интерпретируем, и часто интерпретируем весьма *странно*! Вспомним о почти «не осознаваемых» нами потребностях кишечника, о напряжении, связанном с давлением крови в нижней части живота, о болезненных состояниях nervus sympathicus[1] и о многом другом, что лишь слабым отзвуком проникает в наше сознание через sensorium commune[2]! – Только сведущий в анатомии человек догадывается при таком неопределенном чувстве неудовольствия об истинной причине и ее *местонахождении*; все другие люди, в целом почти все люди, всегда ищут при болях такого рода не физическое, а психическое или моральное объяснение и подводят под действительные расстройства тела *ложные обоснования*, когда пытаются найти причину своего плохого самочувствия в собственных неприятных ощущениях и опасениях. Под пыткой почти все признают себя виновными: при боли, физическая причина которой неизвестна, терзаемый ею человек до тех пор будет по-инквизиторски выспрашивать себя, пока не *сочтет виноватым* себя или других; так, например, поступал пуританин, когда по привычке объяснял свойственный неразумному образу жизни сплин моральными причинами, а именно угрызениями собственной совести. –

38 [2]

Логическое мышление, о котором твердит логика, мышление, при котором сама мысль полагается *причиной* новых мыслей, – это пример совершенной фикции: *мышления такого рода в действительности никогда не бывает*, оно применяется как формальная схема и фильтрующий аппарат, с помощью которого мы разжижаем и упрощаем истин-

---

1 симпатического нерва (*лат.*)

2 центральный орган чувств (*лат.*)

ный, до крайности сложный процесс мышления, чтобы сделать его воспринимаемым в знаках, заметным, поддающимся передаче. Следовательно, рассматривать духовное событие так, будто оно и в самом деле соответствует регулятивной схеме фиктивного мышления, есть фальсифицирующий трюк, с помощью которого становится возможным нечто вроде «познания» и «опыта». Опыт возможен только благодаря памяти; память возможна только благодаря сведению духовного события к знаку. «Познание» – это выражение новой вещи посредством знаков уже «известных», познанных вещей. – Сегодня, правда, несут вздор об *эмпирическом* происхождении логики, – но что не происходит в действительности, например логическое мышление, то не может быть и взято из нее; точно так же обстоит дело и с арифметическим правилом: еще не было случая, чтобы арифметическая формула совпадала с действительностью. Арифметические формулы также суть лишь регулятивные функции, посредством которых мы, с целью практического применения в соответствии с нашими мерками – и в меру нашей глупости, – упрощаем и объясняем истинные процессы.

38 [3]

– – – посредством мышления мы полагаем свое Я; однако до сих пор, вслед за народом, верили, что в «я думаю» заключено нечто непосредственное, определенное и что Я есть заданная *причина* мышления, по аналогии с которой мы понимаем все прочие причинные отношения. Какой бы привычной и незаменимой ни была сегодня эта фикция, *это* еще не аргумент против ее вымышленности: вера может служить условием жизни и *тем не менее быть ложной.*

38 [4]

«Истина» в системе моего мышления не обязательно означает противоположность заблуждения, но в самых принципиальных случаях только положение различных заблуждений по отношению друг к другу: одно может быть старше и глубже, чем другое, – вероятно, оно даже неискоренимо, поскольку органическое существо нашего вида

не смогло бы без него жить, в то время как другие заблуждения, не являясь условиями существования, не столь нас тиранят и, в противовес таким «тиранам», могут быть устранены и «опровергнуты». Если какое-то предположение нельзя опровергнуть, – разве от этого оно должно быть *истинным*? Вероятно, данный тезис возмутит логиков, которые свои собственные границы полагают границами вещей, – но этому оптимизму логиков я давно уже объявил войну.

38 [5]

Франция по-прежнему является центром самой одухотворенной и рафинированной культуры Европы, но эту «Францию вкуса» нужно уметь найти. Кто ей принадлежит, тот хорошо скрывается: на переднем плане маячит оглупленная и огрубленная Франция, которая недавно, во время похорон В. Г<юго>, устроила настоящую оргию дурного вкуса. Таких людей немного, к тому же они не очень прочно стоят на земле, они частью фаталисты, частью изнеженные (те, у кого есть основания скрываться) – и все они признают своими предшественниками и кумирами следующих представителей высшей духовности. В первую очередь это *Стендаль*, последнее великое явление французского духа: он нап<олеоновским> маршем прошел по своей неоткрытой Европе и в конце концов оказался в одиночестве – в ужасном одиночестве, ибо понадобилось два поколения, чтобы приблизиться к нему. Сегодня он, как уже сказано, командует, он главнокомандующий для избранных, и кто наделен тонкими и смелыми чувствами, кто любознателен до цинизма, логик почти что из отвращения, разгадывающий загадки и друг Сфинкса, тот, подобно всякому прирожденному европейцу, должен быть его последователем. Пускай он, следуя за ним, стыдливо *останавливается* перед тайнами великой страсти! Этим благородным *умением* молчать, *умением* остановиться Стендаль выгодно отличается, например, от Мишле и особенно от немецких ученых. – Его ученик – *Мериме*, благородный, замкнутый мастер, презирающий расплывчатые чувства, которые демократический век прославляет как «самые благородные»; он строг к себе и весьма требователен к своей собственной

художественной логике, он постоянно готов пожертвовать мелкими красотами и привлекательными моментами ради сильной воли к необходимому; это чистая, хотя и не богатая душа в лживом и грязном окружении, – к тому же он в достаточной мере пессимист, чтобы участвовать в комедии, не боясь, что его стошнит. – Другой ученик Стендаля – *Тэн*, первый среди живущих ныне историков Европы, решительный и смелый даже в своем отчаянии человек, который под фатальным гнетем знания сохранил в целости мужество и силу воли, мыслитель, который по глубине не уступает Кондильяку, а по ясности – Гегелю; более того, он умел *учить* и сохранит это умение на долгое время: французы следующего поколения имеют в нем своего духовного наставника. В первую очередь благодаря ему оказывается оттеснено на задний план влияние Ренана и Сент-Бёва, людей сомнительных и скептичных до мозга костей. Ренан, своего рода католический Шлейермахер, приторный, сластолюбивый, заимствующий ландшафты и религии; Сент-Бёв, несостоявшийся поэт, который увлекается обнюхиванием душ и всеми силами хочет скрыть, что не обладает прочной волей, не силен в философии и даже, что после всего сказанного не удивительно, лишен собственного *твердого* вкуса in artibus et litteris[1]. Более того, у него можно заметить намерение превратить этот свой недостаток в своего рода принцип и метод критического нейтралитета, – однако у него слишком часто прорывается досада на то, что к известным книгам и людям он в действительности подчас относился не нейтрально, а с воодушевлением; эти ужасные «petits faits»[2] он хотел бы вычеркнуть, вылгать из своей жизни, как и тот значительно более неприятный grand fait[3], что *все* великие французские знатоки людей – от Монтеня, Шаррона, Ларошфуко до Шамфора и Стендаля – обладали собственной волей и характером: ко всем им Сент-Бёв относится не без зависти, во всяком случае, без предпочтения и понимания. – Значительно более полезно, односторонне и в любом смысле существен-

---

1 в искусстве и литературе (*лат.*)

2 мелкие факты (*фр.*)

3 большой факт (*фр.*)

но влияние Флобера: благодаря силе характера, помогающего ему выносить даже одиночество и неуспех, – чрезвычайно редкий случай у французов, – он в данное время является законодателем в вопросах эстетики романа и стиля; звонкий и пестрый французский язык он поднял на высокий уровень. Правда, ему, как и Ренану с Сент-Бёвом, недостает философской дисциплины, равно как и знания научных процедур, – однако глубокая потребность в анализе и даже в учености вкупе с инстинктивным пессимизмом проявилась в нем, быть может, несколько необычным образом, но достаточно сильно, чтобы послужить примером для современных романистов Франции. В самом деле, нынешнее честолюбивое стремление новейшей школы продемонстрировать свои научные и пессимистические манеры восходит к Флоберу. – Что до ныне процветающей французской поэзии, то она, за исключением, пожалуй, Леконта де Лиля, находится под влиянием Генриха Гейне и Бодлера: как и в случае с Шопенгауэром, которого теперь больше любят и читают во Франции, чем в Германии, культ Гейне переместился в Париж. Что касается пессимиста Бодлера, то он относится к тем невероятным амфибиям, которые в той же мере принадлежат немцам, как и парижанам; в его поэзии есть нечто от того, что в Германии называют душой или «бесконечной мелодией», а иногда и «похмельным синдромом». В остальном Бодлер был человеком, вероятно, испорченного, но очень определенного и острого, уверенного в себе вкуса; им он тиранит тех, кто не уверен в себе сегодня. Если в свое время он был первым пророком и адвокатом Делакруа, то теперь его, вероятно, можно назвать первым «вагнерианцем» Парижа. В Бодлере много Вагнера.

38 [6]

Виктор Гюго, «гениальный осел» – по выражению Бодлера, – всегда имел *смелость* демонстрировать свой дурной вкус; сын наполеоновского генерала, он умел командовать. Его уши нуждались в своего рода военной риторике, он подражал в своих словах грохоту пушек и треску ракет; французский esprit проявляется у него в затемненном дымом и шумом виде, часто доводимом до явной и неприкры-

той глупости. Никогда еще ни один смертный не писал таких тупых, лопающихся антитез. С другой стороны, он позволял своим жаждущим живописности глазам главенствовать над духом: он полон живописных фантазий и часто просто-напросто лишь в точности описывает то, что *видит*, – что показывают ему его живописные галлюцинации. Он плебей, который умел подчинять сильным желаниям своих чувств, я имею в виду своим глазам и ушам, – свой дух. – Это, кстати, основная черта французского romantisme как плебейской реакции вкуса; тем самым он шел в противоположном направлении и желал обратного тому, чего требовали от себя художники благородной культуры, например Корнель. Они получали удовольствие и тешили честолюбие, когда стремились посредством понятий преодолеть силу своих, возможно, еще более развитых органов чувств и привести свою тонкую и светлую духовность к победе над грубыми притязаниями красок, звуков и образов; в этом они, как мне кажется, следовали за великими греками, хотя и не догадывались об этом. Целью их *творческих* устремлений и их триумфом было как раз то, что сегодня не доставляет удовлетворения нашему грубому и натуралистическому чувственному вкусу у греков и старых французов, – ибо они подавляли и побеждали именно «чувственность черни», ту самую, которой гордость наши поэтов, художников и музыкантов помогает стать искусством. С этой творческой волей Виктора Гюго согласуются и его политические и моральные воззрения: он плосок и демагогичен и пресмыкается перед великими словами и жестами; он льстит народу, обращаясь голосом евангелиста ко всем низким, угнетенным, неудавшимся, увечным и не имея ни малейшего представления о том, что такое дисциплина и честность духа, что такое интеллектуальная совесть; в целом это такой же инстинктивный актер, как почти все художники демократического движения. Его гений действует на толпу подобно алкогольному напитку, который одновременно опьяняет и оглупляет. – Такого же рода симпатиями и антипатиями и некоторыми схожими особенностями дарования отличается еще один защитник народа, историк Мишле, только вместо глаз живописца он обладает достойной удивления способностью воссозда-

вать в себе душевные состояния по образцу музыкантов; в туманной Г<ермании> его сегодня отнесли бы к людям *сострадания*. Однако это «сострадание» в любом случае несколько назойливо: в его общении с людьми, как и в его почитании людей прошлого, много нескромности, более того, мне иногда кажется, будто к своей чувственной работе он подходит с таким рвением, что вынужден снимать свой сюртук. Его глаза не смотрят в глубину: все легко «воодушевлявшиеся» умы были до сих пор поверхностными. Он, на мой вкус, слишком возбужден: справедливость ему так же недоступна, как и та благодать, которая своим единственным источником имеет высшее превосходство. На определенной высоте возбуждения им всякий раз овладевает припадок народного трибуна, он на собственном опыте знает, что такое хищные приступы ярости у черни. Отсутствие благородства в его нравственности в достаточной мере характеризует то обстоятельство, что ему одинаково чужды и Монтень, и Наполеон. Странно, что и он, трудолюбивый ученый строгих правил, отдал обильную дань движимому любопытством половому сладострастию своей расы, и чем старше он становился, тем сильнее было это любопытство. – Наконец, демократичным и, следовательно, актерским является талант Жорж Санд: ее красноречию присущи настолько дурные манеры, что ее стиль, пестрый, развязный, не знающий меры дамский стиль, через каждые полстраницы пронизывается ее чувствами, – в то время как она сама хочет, чтобы происходило нечто прямо противоположное. В самом деле, ее чувству слишком много доверяли, когда она использовала холодную расчетливость актера, умеющего беречь свои нервы и при этом пытающегося уверить весь мир в обратном. У нее большой дар повествователя, в этом ей не откажешь, но она его навсегда испортила своим азартным бабьим кокетством, рядясь исключительно в мужские роли, совсем не соответствующие ее росту: у ее ума были короткие ножки, поэтому ее книги принимались всерьез лишь короткое время и уже сегодня попали в разряд невольной комической литературы. И если, возможно, не только кокетство, но и ум побуждали ее всегда заниматься мужскими проблемами и драпироваться в мужские атри-

буты, включая брюки и сигары, то вопреки всему этому бросается в глаза очень женская проблема и несчастье ее жизни, а именно то, что ей нужно было слишком много мужчин и что и в этих претензиях ее чувства и ее дух не были едины. Что было ей делать, если мужчины, удовлетворявшие ее дух, всякий раз оказывались слишком болезненными, чтобы удовлетворить ее чувства? Отсюда вечная проблема любовников и одновременно вечные вынужденные попытки женщин стыдливо вводить в заблуждение других и делать вид, будто у них на первом месте стоят совершенно иные, значительно более общие, не личные проблемы. Например, проблема брака, – но какое дело ей было до брака!

38 [7]

Теперь повсюду стараются не замечать огромного влияния, оказанного Кантом в Европе, и благоразумно умалчивать о том, какую ценность он сам приписывал себе. Кант прежде всего гордился своей таблицей категорий; с этой таблицей в руках он говорил: «вот самое трудное из всего, что когда-либо *могло* быть предпринято для целей метафизики» (уразумейте-ка это «могло быть»!); он гордился тем, что открыл в человеке новую способность, способность к синтетическим суждениям a priori. Нас здесь не интересует, насколько он в этом обманул сам себя, но немецкая философия, вот уже сто лет оказывающая влияние и вызывающая восхищение в Европе, связана с этой гордостью и с соревнованием всей младшей братии, стремившейся открыть, по возможности, что-нибудь еще более заслуживающее гордости – и во всяком случае новые способности! До сих пор *славу* немецкой философии составляло то, что благодаря ей учились верить в своего рода «интуитивный и инстинктивный подход к истине», и даже Шопенгауэр, как бы ни злился он на Фихте, Гегеля и Шеллинга, стоял в принципе на тех же позициях, когда в давно известной способности, в воле, открывал новую способность – способность быть «вещью самой по себе». На деле это означало запускать руки в самую сердцевину «сути», не щадя при этом пальцев! Вот только плохо, что эта «суть» оказалась неприятной и, по причине обожжен-

ных пальцев, возникла необходимость в пессимизме и отрицании воли к жизни! Но судьба Шопенгауэра – всего лишь случайность, не повлиявшая на значение немецкой философии в целом, на ее высший «эффект»; в сущности, она означала во всей Европе *торжествующую* реакцию против рационализма Декарта и скепсиса англичан, в пользу «интуитивистов», «инстинктивистов» и всего «доброго, истинного и прекрасного». Полагали, что таким образом путь познания *становится короче*, что можно непосредственно проникать в суть «вещей», «сэкономив рабочее время», – и все то счастье, которое могли ощутить благородные бездельники, добродетельные особы, мечтатели, мистики, художники, на три четверти христиане, политические мракобесы и пауки, плетущие метафизические понятия, было отнесено на счет немцев. Добрая *слава* немцев была одним махом восстановлена в Европе – благодаря их философам! – Я надеюсь, еще не забылось, что у немцев в Европе была плохая репутация? Что в них находили сервильные и убогие качества, неспособность проявить «характер», знаменитую услужливость души? И вдруг стали говорить: «немцы глубоки, немцы добродетельны – почитайте-ка их философов»! В конечном счете это было скрытое, давно копившееся *благочестие* немцев, которое наконец прорвалось в их философии, правда, туманно и неопределенно, как все немецкое, то в пантеистическом чаду, как гнозис у Гегеля и Шеллинга, то в мистических, отрицающих мир формах, как у Шопенгауэра; главное, однако, в том, что это было христианское благочестие, а не языческое, к которому столь благоволил Гёте, а до него уже Спиноза.

38 [8]

Воля. – В каждом волении есть множество *чувств*: чувство состояния, от которого мы стремимся *избавиться*, чувство состояния, которого мы стремимся *достигнуть*, само чувство движения «туда и сюда», чувство длительности этого процесса и, наконец, сопутствующее мускульное чувство, возникающее в момент этого «мы хотим» благодаря некоторого рода привычке, подчас и без приведения в движение наших рук и ног. Однако ингредиентом воли является не только чувство, точнее, многие чувства, но,

во-вторых, и *мышление*: в каждом волевом акте есть командующая мысль, и не следует думать, что ее можно отделить от процесса воления и что тогда будто бы останется еще воля. В-третьих, воля есть не только комплекс чувств и мышления, но прежде всего еще и *аффект* – и к тому же аффект команды. Так называемая свобода воли есть, в сущности, чувство превосходства по отношению к тому, кто должен подчиниться: «я свободен, он обязан повиноваться» – это сознание кроется в каждом волении так же, как и то напряжение внимания, тот ясный взгляд, фиксирующий исключительно одно, та безусловная оценка положения «сейчас нужно это и ничто другое», та внутренняя уверенность, что повиновение будет достигнуто, – все это относится к состоянию повелевающего. Человек, который *волит*, приказывает чему-то в себе, что повинуется или о чем он думает как о повинующемся. Но обратим теперь внимание на самое существенное в «воле», этой столь многообразной вещи, для которой у народа есть только одно слово. Поскольку в данном случае мы являемся одновременно приказывающими и повинующимися и, как повинующимся, нам знакомы чувства сопротивления, напора, давления, *побуждения*, возникающие обыкновенно сразу же за актом воли, и поскольку мы привыкли не обращать внимания на эту двойственность, *обманчиво отвлекаться* от нее при помощи синтетического понятия *Я*, к волению сама собой пристегивается целая цепь ошибочных заключений и, следовательно, ложных оценок самой воли; таким образом, волящий совершенно искренне верит, что именно его воление выступает единственной и достаточной mobile[1] всего процесса. Поскольку в огромном большинстве случаев воление проявляется там, где можно ожидать и воздействия повеления, стало быть, повиновения, а значит, и действия, постольку видимая сторона дела, будто тут существует необходимость действия, претворилась в чувство, – словом, волящий с достаточной степенью уверенности полагает, что воля и действие каким-то образом составляют одно, приписывает самой воле еще и успешное исполнение воления и наслаждается

1 движущей силой (*лат.*)

при этом приростом того чувства мощи, которое несет с собою всяческая возможность повелевать. «Свобода воли» – вот слова для этого очень сложного состояния волящего, который повелевает и в то же время, как исполнитель, наслаждается торжеством превосходства над препятствиями, но при этом думает, будто это сама воля одолевает препятствия; к своему чувству удовольствия повелевающего он присоединяет еще и чувства удовольствия успешно действующего орудия – служебной воли и «подчиненной воли» [Unterwillens]. – Этот сложный клубок чувств, состояний и ложных предположений, который народ обозначает одним словом, как единую вещь, ибо он возникает внезапно, «вдруг» и относится к наиболее частым и, следовательно, наиболее «известным» переживаниям, и есть та *воля*, которую я здесь описал, – можно ли поверить, что она еще никогда не была описана? Что нелепый народный предрассудок никакая философия до сих пор еще не подвергла испытанию? Что по поводу «воления» у философов не было разногласий, ибо все верили, что тут не может быть разных мнений, что мы имеем дело с очевидностью, с фундаментальным фактом? И что все логики до сих пор учат триединству «мышления, чувств и воления», как будто «воление» не содержит в себе чувств и мышления? – После всего этого крупная ошибка Шопенгауэра, принимавшего волю за самую известную вещь на свете, даже за единственно известную вещь, не кажется такой уж безумной и произвольной: он лишь перенял чудовищный предрассудок всех прежних философов, народный предрассудок, и, как обычно поступают философы, *утрировал* его. –

38 [9]

Выдающимся умам грозит немалая опасность, заключающаяся в том, что однажды они учатся искать ужасных наслаждений в разрушении, в уничтожении, в медленном уничтожении, – когда им не дано заниматься созиданием, например вследствие отсутствия инструментов или по причине иных случайностей. В распоряжении таких умов не остается выбора, и, вероятно, именно то, что они до сих пор любили больше всего, им приходится с дьявольским наслаждением, медленно и утонченно <разрушать>.

38 [10]

Человек – существо, создающее формы и ритмы; ни в чем он так не натренирован и, кажется, ни от чего не получает *большего* удовольствия, как от *изобретения* образов. Стоит только понаблюдать за тем, чем занимается наш глаз, когда ничто не попадает в поле его зрения: он *создает* нечто, чтобы его видеть. Возможно, и наш слух в сходных случаях поступает точно так же: он *тренируется*. Без превращения мира в образы и ритмы для нас, вероятно, не существовало бы ничего «одинакового», то есть ничего возвращающегося, и, следовательно, не существовало бы возможности узнавания и усвоения, *питания*. Во всяком восприятии, то есть в первоначальном усвоении, существенным событием является действие, строже говоря, навязывание форм: о «впечатлениях» говорят лишь люди поверхностные. Человек при этом познает свою силу как сопротивляющуюся и еще в большей степени как утверждающую, – как силу, которая отвергает, отбирает, оформляет, включает в свои схемы. Есть нечто активное в том, что мы вообще принимаем какое-то раздражение, причем именно как *такое* раздражение. Этой активности свойственно не только создавать формы, ритмы и последовательности форм, но и оценивать созданное применительно к усвоению или отторжению. Так возникает наш мир, весь наш мир, и этому нам одним принадлежащему, нами созданному миру не соответствует никакая мнимая «собственная действительность», никакие «вещи сами по себе»: он сам есть наша единственная действительность, а наше «познание», если рассматривать его таким образом, оказывается лишь *средством питания*. Однако мы существа, которых трудно накормить, у нас везде есть враги, многое просто не переваривается, – поэтому человеческое познание *усовершенствовалось* и в конце концов столь возгордилось своей утонченностью, что и слышать не хочет, что оно не цель, а средство или даже инструмент желудка – если само не своего рода желудок! – –

38 [11]

Высший философский человек, окруженный одиночеством, не потому, что стремится к этому, а потому, что

он *есть* тот, кто не находит себе равных: каким опасностям и новым страданиям подвергается он именно сегодня, когда люди разучились верить в ранговый порядок и, как следствие, не способны чтить и понимать это одиночество! Когда-то мудрец благодаря своему отшельничеству в глазах толпы становился святым – теперь отшельник видит себя окруженным тучами сумрачных сомнений и подозрений. И не только со стороны завистливых и жалких: ему приходится ощущать непонимание, пренебрежение и поверхностность и во всякой благожелательности, которую ему оказывают; ему знакомо то коварство ограниченного сострадания, которое считает себя добрым и священным, к примеру, предлагая ему более удобные положения или приглашая в порядочное, надежное общество и таким образом пытаясь «спасти» его от самого себя; ему остается лишь удивляться этому неосознанному инстинкту разрушения, который все посредственные умы обращают против него, всецело веря при этом в свою правоту! Людям этого непонятного другим одиночества необходимо умело и решительно кутаться в одежды внешнего, пространственного одиночества: в этом их благоразумие. Сегодня требуются даже хитрость и маскировка, чтобы такой человек мог сохранить себя, удержаться *наверху*, посреди опасных, стремительных и влекущих вниз потоков времени. Всякую попытку продержаться *в* современности, *с* современностью, всякое сближение с сегодняшними людьми и целями он должен искупать, как свой собственный грех, – и ему остается только удивляться скрытой мудрости своей натуры, которая во время таких попыток с помощью болезни и несчастных случаев сразу же призывает его обратно к себе.

38 [12]

Знаете ли вы, что для меня «мир»? Показать ли его вам в моем зеркале? Этот мир – чудовищная сила без начала и конца, твердая и прочная, как железо, сила, которая не становится ни больше, ни меньше, не растрачивает, а только превращает себя, в целом оставаясь неизменной величиной, хозяйством без трат и расходов, но и без прибыли, без доходов; границами ей служит окружающее

«Ничто», она не расплывчата и растрачена, не растянута до бесконечности: эта вполне определенная сила занимает вполне определенное пространство, но не такое, в котором что-нибудь было бы «пустым», – скорее эта сила присутствует везде как игра сил и силовых волн, одновременно единство и «многое», в одном месте она накапливается, в другом убывает, это море бушующих сил и их потоков, вечно меняющееся, вечно возвращающееся, возвращающееся через огромное число лет приливом и отливом своих образов, перетекающее из самого простого в самое многообразное, из самого спокойного, застывшего, холодного – в самое раскаленное, дикое, противоречащее самому себе, а потом снова возвращающееся от полноты к простоте, от игры противоречий к наслаждению гармонией, утверждающее себя в этом подобии своих путей и лет, благословляющее себя как то, что должно вечно возвращаться, как становление, не ведающее насыщения, пресыщения, усталости, – хотите знать, как *называю* я этот свой *дионисийский* мир вечного самосотворения, вечного саморазрушения, этот таинственный мир двойного сладострастия, по ту сторону добра и зла, без цели, если только цель не заключена в счастье кольца, без воли, если только у кольца нет доброй воли к самому себе? Хотите знать *решение* всех загадок этого мира? Вам тоже нужен *свет*, вы, самые скрытые, самые сильные, самые бесстрашные, самые полночные? – *Этот мир есть воля к власти – и ничего кроме*! Вы и сами эта воля к власти – и ничего кроме этого!

38 [13]

Когда я был моложе, меня заботило, что же такое, собственно, философ, ибо, как мне казалось, я наблюдал у знаменитых философов прямо противоположные признаки. Наконец мне стало ясно, что есть две разновидности философов: одни стараются придерживаться какого-нибудь прежнего состава оценок и ценностей (логических или моральных), а другие сами являются законодателями оценок. Первые пытаются овладеть наличным миром или миром прошлого, резюмируя и сокращая его с помощью знаков. Эти исследователи вменяют себе в обязанность сделать обозримым, поддающимся осмыслению, доступ-

ным и сподручным все то, что происходило и ценилось до них, овладеть прошлым, сократить все протяженное, даже само время. Великая и удивительная задача. Но настоящие философы – *это повелители и законодатели*, они говорят: так *должно* быть! Они определяют цели и задачи человека, располагая при этом предварительными разработками философских работников, тех самых, что овладевали прошлым. Этот второй тип философов удается редко: поистине, их положение и ожидающие их опасности чудовищны. Как часто им приходилось намеренно завязывать глаза, чтобы не видеть той узкой полоски, которая отделяет их от падения в пропасть: так, Платон убеждал себя, что добро, которого он желал, есть не добро Платона, а добро само по себе, вечное сокровище, которое лишь встретил на своем пути человек по имени Платон! В намного более грубых формах эта же воля к слепоте управляет основателями религий: их «ты должен» звучит в их ушах вовсе не как «я хочу», они осмеливаются следовать за своей задачей только как за повелением бога, – только как «внушение свыше» их законодательство ценностей становится *посильной* ношей, под которой не сломается их совесть. Но когда эти два утешения – утешение Платона и утешение Магомета – рушатся, когда ни один мыслитель уже не может облегчить свою совесть гипотезой существования «бога» или «вечных ценностей», притязание законодателя новых ценностей возвышается до новой и еще не достигавшейся гибельности. Отныне те избранные, которые начинают подозревать о такой своей обязанности, станут испытывать желание попытаться «своевременно» избежать ее, как своей величайшей опасности, посредством какого-нибудь «прыжка в сторону», например, убеждая себя, что задача уже решена, или что она вообще неразрешима, или что их плечи не вынесут такой тяжести, или что они и так уже перегружены другими, более близкими задачами, или даже что эта новая далекая обязанность есть лишь соблазн и искушение, попытка отвлечь от всех обязанностей, болезнь, своего рода безумие. Иным и впрямь удается ее избежать: через всю историю тянется след этих избегающих и их нечистой совести. Однако чаще всего к таким осененным роком людям приходил избавительный

час, тот час осенней зрелости, когда они должны были делать даже то, чего не «хотели бы» делать, – и поступок, которого они прежде больше всего боялись, давался им легко и невольно, словно падающий с дерева плод, без произвола, почти как подарок. –

38 [14]

От всякого платоновского и лейбницевского образа мышления нас глубже всего отделяет следующее: мы не верим в вечные понятия, вечные ценности, вечные формы, вечные души, – и философия, в той мере, в какой она является наукой, а не законодательством, означает для нас только предельное расширение понятия «история». Из этимологии и истории языка мы берем все понятия как уже *установившиеся*, многие как еще только становящиеся, причем наиболее общие понятия, как *наиболее ложные*, должны быть и самыми старыми. «Бытие», «субстанция», «безусловное», «тождественность», «вещь» – мышление прежде всего и раньше всего изобрело эти схемы, которые на деле основательнее всего противоречили миру становления, но из-за тупости и однообразия первоначального, еще животного сознания с самого начала создавали *видимость* соответствия ему: казалось, любой «опыт» снова и снова подтверждает их и только их. Постепенно, с обострением чувств и внимания, с развитием и борьбой многообразных проявлений жизни, тождественность и подобие признавали все реже, в то время как для низших существ все казалось «вечно подобным», «одним», «постоянным», «безусловным», «лишенным свойств». Постепенно «внешний мир» становился многообразнее, но в течение очень долгого времени на земле вещь считалась тождественной и совпадающей с одним-единственным признаком, например с определенным цветом. Множественность признаков признавалась за отдельной вещью чрезвычайно медленно: из истории человеческого языка нам известно то сопротивление, которое оказывалось многообразию предикатов. Но дольше всего это недоразумение проявлялось в том, что знак предиката полагали тождественным самой вещи и что философы, которые как раз воссоздавали в себе наиболее древние инстинкты человечества, а с ними

и наиболее древние страхи и суеверия (например в отношении души) – применительно к ним можно говорить об атавизме par excellence, – узаконивали это недоразумение, когда учили, что именно знаки, то есть «идеи», являются чем-то поистине существующим, неизменным и общепринятым. Тогда как мышление, воспринимая какую-либо вещь, перебирает в поисках подобия целый ряд знаков, которые предлагает ему память; тогда как человек, устанавливая, постигая и *охватывая* вещь как нечто «знакомое» с помощью сходного знака, долгое время считал, что тем самым *понимает* ее. Установление, постижение и усвоение означало для него уже и познание, знание до конца; даже слова человеческого языка казались долгое время – а народу еще и сегодня кажутся – не знаками, а истиной в отношении обозначаемых ими вещей. Чем тоньше становились органы чувств и строже внимание, чем сильнее разнообразились задачи жизни, тем труднее становилось познание вещи, факта как чего-то окончательного, как «истины», – и, наконец, в точке, к которой оттеснило нас сегодня методическое недоверие, мы уже не позволяем себе говорить об «истинах» в безусловном смысле: мы отреклись как от веры в познаваемость вещей, так и от веры в познание. «Вещь» – всего лишь фикция, «вещь сама по себе» – фикция еще и противоречивая и недопустимая, однако и познание, как абсолютное, так и относительное, тоже всего лишь фикция! Тем самым отпадает необходимость устанавливать нечто, что «познает», субъект познания, какой-нибудь чистый «интеллект», «абсолютный дух», – эту мифологию, от которой не до конца отказался Кант, которую роковым образом подготовил для Европы Платон и которая из-за своей основной христианской догмы «бог есть дух» грозила смертью всем наукам тела и, следовательно, дальнейшему развитию последнего; отныне эта мифология изжила себя.

38 [15]

Я пережил странные вещи, касающиеся воздействия моих книг. Недавно пришло письмо от одного старого благородного голландца, который рассматривает «Человеческое, слишком человеческое» как своего самого вер-

ного спутника жизни. Должно быть, «Рождение трагедии» вызвало в Р<ихарде> В<агнере> состояние величайшего счастья, он был вне себя, и в «Сумерках богов» есть чудесные вещи, которые он создал в состоянии неожиданной и чрезвычайной надежды. (Тогда – – –

Мне хотелось бы знать, понял ли кто-нибудь эту книгу: ее фон – мое самое личное достояние. Против «Заратустры» направлены оценки нескольких тысячелетий; я абсолютно не верю в то, что кто-нибудь сегодня в состоянии полностью услышать ее тональность, – кроме того, понимание «Заратустры» предполагает такую филологическую и более чем филологическую работу, которая сегодня, из-за недостатка времени, никому не под силу.

Я сам весьма удовлетворен тем, что мой вкус в musicis и philosophicis, который в 1865 году (когда я был, вероятно, единственным немцем, который, подобно Ш<опенгауэру> и В<агнеру> и – – –) теперь признан немецким вкусом.

Выбор, который делают применительно к моим книгам, заставляет меня задуматься.

38 [16]

благонадежное использование «затычек» и богатство затраченного интеллекта ради того, чтобы придать слабости атрибуты силы, – вот что почти определяет характер вагнеровского стиля –

38 [17]

Извращенность взглядов Шопенг<ауэра> и мое «Рождение трагедии»!

38 [18]

«Он должен был действовать по-другому» – эта точка зрения на возникновение чувства справедливости нашла у Рэ неверное применение.

38 [19]

Первый признак философского размышления, который я, оглядываясь на свою жизнь, могу припомнить, я встречаю в небольшой записи, сделанной, когда мне шел тринадцатый год, и содержащей идею о происхождении

зла. Я предположил, что для бога о чем-то помыслить и что-то сотворить есть одно и то же. И сделал вывод: бог помыслил самого себя, когда создавал вторую ипостась божества. Но чтобы помыслить самого себя, ему пришлось помыслить свою противоположность. Дьявол, таким образом, был в моем представлении одного возраста с сыном божьим, у него был еще более ясный источник – и одинаковое *происхождение* с ним. Вопрос о том, может ли бог помыслить свою противоположность, я тогда обошел, заявив: он же всемогущ. И, во-вторых, *то, что* он это сделал, есть факт постольку, поскольку фактом является существование божественного существа; следовательно, он мог бы и – – –

38 [20]

Без страстного наслаждения приключениями познания человек недолго выдержал бы в этой полной опасностей сфере, и каждому, кто для подобных «излишеств» слишком труслив или стыдлив, по справедливости дозволено превратить это в добродетель или похвалу. Однако более сильным умам для познания необходимо быть не только людьми страсти, но и *хозяевами* своих страстей. Как Наполеон, который, к удивлению Талейрана, в определенный момент давал выход своему гневу, а потом, столь же внезапно, брал себя в руки и замолкал, так и всякий сильный духом человек должен поступать со своими дикими собаками: он должен, как бы сильна ни была в нем воля в истине – а это самая дикая из его собак, – в определенный момент *уметь* воплощать в себе и волю к неистинности, волю к неопределенности, волю к незнанию, но прежде всего волю к *глупости*.

38 [21]

Уменьшение привлекательности. – К симптомам всеобщего обезображивания, присущего веку, который все в большей степени делает чернь господами, в немалой мере относится растущая распущенность женщины и своего рода «возвращение к природе», то есть к черни, в том числе и в местах, где раньше придерживались благородных и строгих правил поведения, рассматривая их как приви-

легии, например при дворах. Мы с удивлением замечаем отсутствие утонченности даже в общении с самыми любезными женщинами, и мы помогаем себе – – –

38 [22]

Сад, в котором позолочены даже решетки, должен защищать себя не только от воров и бродяг: наибольшая опасность грозит ему со стороны назойливых поклонников, которые всюду хотят что-то отломить и с превеликим удовольствием унести с собой на память. – И неужели вы, праздношатающиеся в моих садах, не замечаете, что не можете оправдать себя даже рядом с моими травами и сорняками, которые говорят вам в лицо: прочь, вы, незваные гости, прочь – – –

39. Август–сентябрь 1885

39 [1]

Воля к власти.

Опыт
нового истолкования
всего происходящего.

Сочинение
Фридриха Ницше.

39 [2]

«мутный дух»

Как ребенок на чужом празднике: робко стоит он – никогда еще не слышал он этих колоколов, никогда еще не видел таких украшений и праздничных одеяний.

Не зеркало ли я, что тускнеет и слепнет, когда на него с шипением дует чужое дыхание?

К чему тебе соскребать пушок с таких вещей? –

Истины, не покрытые позолотой улыбки.

39 [3]

Заратустра 5 (юность как основной тон),
воинственный в высшей степени.
В старой *крепости* герольды бьют в барабаны.
(финал) ночью, как на мосту Риальто.
Праздник роз.

Заратустра – безбожный одиночка, первый отшельник, который не молился.

Достаточно ли вы сильны сейчас для моих истин?

Кто принадлежит мне? Что благородно?
«Такие ли вы?» (как рефрен), ранговый порядок, вы должны иметь в себе все, чтобы господствовать, но также и *среди* вас!
Рефрен: и если вы не можете сказать: «мы почитаем их, но мы высшего вида», – значит, вы не *моего вида.*

Праздник роз.
Ночью на мосту.

Заратустра счастлив, ибо борьба сословий *миновала* и, наконец, пришло время для рангового порядка индивидов.

Ненависть к демократической нивелирующей системе лишь на *переднем плане*; на самом деле он рад, что *дошло* до **этого**. Теперь он может решать свои задачи. –

Его учение было до сих пор адресовано только будущей касте правителей. Эти властители земли должны **заменить** *бога* и добиться глубокого и безусловного уважения к себе со стороны подвластных. Прежде всего: *их новая святость*, их *отказ от счастья и удовольствий.* Они позволяют претендовать на счастье тем, кто *ниже* их, но не *себе.* Они избавляют неудавшихся посредством учения о «скорой смерти», они предлагают религии и системы в зависимости от рангового порядка.

39 [4]

Зеркальное отражение духа, скрип шестеренок логического механизма, распутывание инстинктов.

Если предположить, что вы все свели к формулам, – что тогда? *Жить* ли нам с нечистой совестью?

Я поражаюсь великим *искажениям* и *толкованиям*: они возвышают нас над животным счастьем.

Завышенная оценка истинности в кругу стадных животных имеет свою хорошую сторону. Не позволять себя обманывать – и, следовательно, не обманывать самим.

Ниоткуда не следует, что правдивый сам по себе более ценен, чем лжец, – и если предположить, что жизнь основана на постоянном обмане, то послед<овательный> лжец при известных обстоятельствах может добиться высших почестей. Наивно полагать, что мы, говоря «неправ-

ду», наносим вред. Если ценность жизни заключается в заблуждениях, которым искренне верят, то вред заключается в «высказывании истины».

39 [5]

Отказаться от потусторонней жизни? – значит лишить жизнь сути.

39 [6]

Как лиана «матадор» преследует свою цель, причиняя ущерб тому, что должно служить ей опорой, так и рассудок причиняет ущерб филос<офу>. Что значит любая философия для жизни человека? Будь то возвышение чувства власти или средство маскировки невыносимого бытия? За сознанием скрываются и работают *инстинкты.*

39 [7]

Питание, собственность, продолжение рода, сладострастие (как наркоз), работа (преодоление эмоций).

Утонченный человек имеет высшую ценность, даже если он крайне нежен и хрупок, ибо таким образом выводится и сохраняется многими поколениями полнота крайне трудных и редких вещей.

Римляне как первобытные звери.

39 [8]

Обожествление дьявола – как состоялась эта небесная иллюзия? –

Вера в добро, справедливость и истину в основе своей имеет нечто возмутительное.

Маски дьявола.

39 [9]

Истолкования природы: мы вкладываем в нее себя.

– ужасный характер.

39 [10]

Заратустра 1. Основания дифференциации.

Любое «счастье» разрешено лишь как лечение или отдых. Против «счастливых», «добрых» и стадных животных.

Заратустра 2. «*Самопреодоление» человека.*

Самая великая борьба и самое продолжительное выращивание.

В качестве средства привлечь «искусителей».

Заратустра 3 О кольце.

девственный лес, все ужасающих размеров

39 [11]

Чтобы не высказывать чего-то противоположного сути мира, нужно придерживаться того, что каждое мгновение означает необходимый общий сдвиг всех изменений, – однако в качестве мыслящего, созидающего нужно сравнивать, следовательно, уметь быть *вне времени* по отношению к своим собственным внутренним состояниям.

39 [12]

Гл. Питание.
Зачатие.
Приспособление.
Наследование.
Разделение труда.
} Сведенное к воле к власти.

Гл. *Подчиненное положение* сознания относительно того, что собственно *движет* и *управляет.*

Гл. Переворачивание хронологического порядка, в том числе и в эмбриональном росте (органическое развитие идет обратно тому, как оно отложилось в памяти: самое древнее, как самое сильное, впереди). Как самые старые ошибки представляют собой хребет, на котором держится все остальное.

Гл. Развитие логического.

39 [13]

Свойства органического существа.

Развитие органического существа.

Союз органического и неорганического.

«Познание» относительно условий жизни. «Перспективистское».

«Законы природы» как установление отношений власти.

«Причина и следствие» как выражение необходимости и неотвратимости этого установления власти.

Свобода воли и власть.

Боль и удовольствие относительно воли к власти.

«Личность», «субъект» как обман. Управляемое общество. Путеводная нить тела.

Управление и повиновение как выражение воли к власти в органическом.

Возникновение логического. «Обоснование».

Против самоотражения. Матем<атика>.

Физический мир и мир душевный ложны, но являются длительными заблуждениями.

Художник и воля к власти. Впечатление от нейтралитета восхищает стадных животных. Палаццо Питти и Фидий. Искусство в зависимости от морали, для стада или для вожаков: – – –

опровержение бога; собственно, опровергнут лишь моральный бог.

Права и обязанности.

Наказания.

Исходная точка. Ирония по отношению к Декарту: если предположить, что в основе всех вещей есть нечто обманчивое, от которого мы и произошли, то какой смысл de omnibus dubitare[1]! Это может стать наилучшим средством для самообмана. И потом: возможно ли это?

«Воля к истине» как «я не хочу быть обманутым» *или* «я не хочу обманывать», *или* «я хочу убедить себя и стать твердым», как форма воли к власти.

«Воля к справедливости»
«Воля к прекрасному» } все это воля к власти.
«Воля к оказанию помощи»
не добро.

39 [14]

К предисловию.

Человеческое *понимание*, которое в конечном счете есть лишь толкование применительно к нам и нашим потребностям, связано с положением, занимаемым челове-

---

1 подвергать все сомнению (*лат.*)

ком в порядке всех существ. Примером может служить знание пальца о том, что делает с ним пианист. Он чувствует только механические процессы и логически комбинирует их. Среди людей низшие тоже используют свою силу, не догадываясь, чему она в общем и целом служит. Общая физическая каузальность поддается тысячам разнообразных *толкований*, в зависимости от того, как интерпретирует ее человек или другие существа. – Для грубого вида людей *человеческий* вид доброты, или справедливости, или мудрости *доказывается* природой. Отвергая теперь эту доказуемость, люди более тонкого духовного склада делают это в связи с ростом их понимания доброты, справедливости и мудрости. Атеизм есть следствие *возвышения человека*: в сущности он стал стыдливее, глубже и скромнее перед полнотой целого; он *лучше* понял свое место в ранговом порядке. Чем *шире* становится наше знание, тем сильнее ощущает себя человек в своем *уголке*. Самые бесстыдные и прочные положения веры, которые мы носим в себе, ведут свое происхождение от времени наибольшего невежества, например то, что наша *воля* есть *причина* и т.д. До чего же наивно вносим мы наши моральные оценки в вещи, когда, например, говорим о *законах природы*! Было бы полезно предпринять однажды попытку *совершенно иного* способа интерпретации: тогда благодаря острому противоречию станет ясно, каким совершенно неосознанным образом *господствует наш моральный канон* (предпочтение истины, закона, разума и т.д.) *во всей* нашей *так называемой науке*.

Выражаясь популярно: опровергнут бог, но не дьявол, и тем самым все божественные функции перешли в его ведение; противоположный вариант не прошел!

Он обманывает, он создает обманчивые интеллекты.

Он предпочитает разрушать.

Он развращает, побуждая лучших к высшему благородству.

В лесу: он заставляет поклоняться своей невинности.

В конце: почему мы ненавидим подобное существо?

39 [15]

К введению.

Не пессимизм (форма гедонизма) есть великая опасность, не соизмерение удовольствия и неудовольствия, не то, что человеческая жизнь несет с собой, вероятно, избыток неприятных чувств, – а *бессмысленность* всего происходящего! Моральное объяснение мира устарело вместе с объяснением религиозным; правда, они этого не знают, эти поверхностные! Они инстинктивно, по мере убывания своего благочестия, зубами держатся за моральные оценки. Атеист Шопенгауэр подверг проклятию того, кто разоблачает мир моральной значимости. В Англии пытаются сплотить мораль и физику, а господин фон Гартман соединяет мораль с неразумием бытия. Но самый большой страх вызывает то, что *мир не имеет больше смысла.*

Вместе с «богом» пала и прежняя мораль: они поддерживали друг друга.

Я же даю новое объяснение, «неморальное», применительно к которому наша прежняя мораль представляется лишь частным случаем. Говоря популярно: опровергнут бог, но не дьявол. –

39 [16]

С глупым и нескромным вопросом о том, преобладает ли в мире удовольствие или неудовольствие, мы оказываемся в центре философского дилетантства: подобные вопросы следует предоставить тоскующим поэтам и бабенкам. На ближайшей звезде может быть столько счастья и веселья, что этим можно было бы десять раз компенсировать «все горе человечества», – что мы знаем об этом! С другой стороны, мы тем не менее хотим быть наследниками христианского глубокомыслия и утонченности, когда не осуждаем страдание *само по себе*: кто больше не умеет использовать его в моральном смысле, ради «спасения души», тот должен хотя бы принять его в смысле эстетическом – как художник или наблюдающий за вещами. Мир без страдания неэстетичен в любом смысле – и удовольствие, возможно, всего лишь одна из его форм, его ритмическая организация!

Я хотел сказать: вероятно, страдание есть существенная черта всякого бытия.

39 [17]

Можно надеяться, что человек возвысится настолько, что все прежние высшие вещи, например прежняя вера в бога, покажутся ему ребячеством, и он *еще раз* поступит с ними так, как уже поступил со всеми мифами, а именно превратит <их в> рассказы для детей и в сказки.

39 [18]

NB. Достоверность тела есть основа, применительно к которой может *оцениваться любое мышление*. Предположив, что мы *выдумали* все вещи, которых не существует (как, например, полагает Тейхмюллер!), и т.д. Тело *все меньше* проявляет себя как видимость! Кто до сих пор имел *основания* считать тело *видимостью*? Законченный почитатель браминов.

39 [19]

Женщина.

Если женщина приходит к осознанию какого-нибудь своего дарования – сколько смешного самолюбования, сколько «дури» каждый раз при этом высвобождается!

39 [20]

Еврей.

– я отмечаю похвалой Зигфрида Липинера, польского еврея, который умеет изысканнейшим образом подражать самым разнообразным формам европейской лирики, создавая «почти подлинники», как выразился бы золотых дел мастер –

39 [21]

Гельвальд, «Естественная история человека».

Герман *Мюллер*
Бурмайстер } о растениях.

39 [22]

Заратустра 4.

Говорит своим: будьте настороже с тем, кто выступает *против* страдания, видимости, глупости

– он *принадлежит к народу*, даже будучи философом. Как лучше всего обращаться к массе? *Я этого не знаю*, это не входит в мои задачи. Мне кажется, требованиями строго придерживаться добродетелей жизнь массы будет весьма *затруднена*: в противном случае она станет ленивой и сластолюбивой, в том числе и в мышлении.

Низшим людям подходят обратные оценки: им необходимо прививать добродетели. Безоговорочные приказы, страшные принуждения отрывают их от легкой жизни.

значение религий

Заратустра как соблазнитель молодежи; месть отцов; он приказывает ей ждать.

Заратустра ходит по валам крепости; он слышит, как проповедуют абсолютный пессимизм. Город окружен кольцом. Он молчит.

40. Август–сентябрь 1885

40 [1]

Думая о высшем счастье, усталые, страдающие, запуганные имеют в виду мир, неподвижность, покой, нечто подобное глубокому сну. Многое из этого перешло в философию. Точно так же страх перед неопределенностью, многозначностью, способностью к превращениям возвеличил их противоположность: простое, остающееся равным себе, поддающееся расчету, определенное. – Существо другого вида возвеличило бы обратные состояния. Но когда я десять лет тому назад – – –

40 [2]

Воля к власти.

Опыт нового истолкования всего происходящего.

(Предисловие о грозящей «бессмысленности». Проблема пессимизма.)

Логика.
Физика.
Мораль.
Искусство.
Политика.

40 [3]

Для кого важно это объяснение. Новые «философы». Тут и там появляются те, кто схожим образом любит свою независимость, – но мы не жмемся друг к другу, мы не «тоскуем» друг по другу.

40 [4]

Мы *наследники* несовершенного, плохого, *самого длительного* способа наблюдать и делать выводы. Самые основные и глубже всего усвоенные нами понятия, будут, веро-

ятно, и самыми ложными – в той мере, в какой по ним можно жить! Однако можно задать и обратный вопрос: возможна ли была бы жизнь при более тонком наблюдении и более строгом и осторожном способе умозаключения? Даже сегодня практическую часть своей жизни мы проживаем в самом грубом смысле слова *на пробу*, наудачу: стоит только присмотреться к тому, что знает большинство людей о питании! Суждение, будто целесообразность средств в общей истории организмов выросла (как полагает Спенсер), по-английски поверхностно; в сравнении со сложностью наших целей глупость средств, по всей вероятности, *осталась прежней.*

40 [5]

Рост **притворства** в ранговом порядке существ (в неорганическом мире грубая сила против силы, в органическом *хитрость* и т.д.): высшие люди, например Цезарь, Наполеон (слова Стендаля о нем), и высшие расы (итальянцы и т.д.). Не следует ли предположить, что многообразнейшее лукавство составляет сущность высших созданий? Естественно, по необходимости будет нарастать и чувство истины (видеть, *что есть*), как средство для способности казаться. Актер. Дионис.

40 [6]

Сколь бедны и поныне философы, когда им не суфлирует язык и грамматика, в целом то, что есть в них от «народа»! В словах скрываются истины, по крайней мере, догадки об истинах, – в это они верили твердо и непоколебимо; отсюда упорство, с которым они цеплялись за «субъект», «тело», «душу», «дух». Сколько бед заключено в одном только мумифицированном заблуждении, скрывающемся в слове «абстракция»! Как будто благодаря пропуску, а не подчеркиванию, выделению и усилению возникает то, что этим обозначается! Подобно тому, как всякая картина, всякий образ возникает в нас и становится возможным благодаря огрублению!

40 [7]

Логическому умозаключению предшествовала такая же подготовка и такие же длительные упражнения в уравнивании, в желании приводить к общему знаменателю, в установлении идентичных случаев и в «счислении», как и возникновению арифметики. Суждение изначально означало не просто веру в «истинность того-то и того-то», а тезис «я хочу, чтобы именно то-то и то-то было истинным»! Инстинкт ассимиляции, та основная органическая функция, на которой держится всякий рост, приспосабливается и внутренне к тому, что усваивается из ближайшего окружения; воля к власти действует в этом включении нового в формы старого, уже пережитого, в память еще живого, а мы называем это – «пониманием»!

40 [8]

Понятие «индивид», «личность» содержит в себе великое облегчение для натуралистического мышления, которое уютнее всего чувствует себя в таблице умножения. В действительности же в нем кроются предрассудки: к сожалению, у нас нет слов для обозначения того, что действительно происходит на пути к индивиду, к «личности», а именно для обозначения ступеней интенсивности. Два получаются из одного, один получается из двух: это видно невооруженным глазом при оплодотворении и размножении низших организмов; математике постоянно противоречит то, что происходит в действительности, что *живет* вопреки ей [wider*lebt*], если будет позволено такое выражение. Однажды я употребил выражение «многие смертные души»; точно так же каждый несет в себе способности ко многим personae[1].

40 [9]

Есть схематические умы, которые какой-нибудь комплекс мыслей только тогда считают *истинным*, если он вписывается в уже существующие схемы или категориальные таблицы. Самообманам в этой области несть числа: сюда относятся почти все великие «системы». *Главное суеверие* в

---

1 личностям (*лат.*)

том, что истинному *бытию вещей* приписывают порядок, обозримость, систематичность, полагая, что беспорядок, хаос, все не поддающееся исчислению, напротив, проявляется в ложном или не полностью познанном мире, – короче говоря, что все это ошибочно; данное заблуждение вытекает из того факта, что правдивый, заслуживающий доверия человек как правило является человеком порядка и максим и в целом представляет собой нечто поддающееся исчислению, педантичное. Однако совершенно невозможно доказать, что сами вещи ведут себя по примеру образцового чиновника.

40 [10]

– Декарт для меня недостаточно радикален. Когда он требует надежности и заявляет: «я не хочу быть обманутым», – необходимо спросить: «А почему бы и *нет*?» Короче говоря, моральные предрассудки (или доводы полезности) в пользу надежности, против видимости и неопределенности. С этой точки зрения я рассматриваю философов, от Веданты до настоящего времени: к чему эта ненависть к неистинному, злому, болезненному и т.д.? – К предисловию. Сначала покончить с морал<ьными> оценками!

– «Категорическому императиву» нужен император!

40 [11]

Невинные дети те, кто верит в «субъект», предикат и объект, кто верит в грамматику и еще не слышал о нашем яблоке познания!

40 [12]

Тейхмюллер, с. 25: «если мы так называемые вещи полагаем существующими, мы должны заранее *знать*, какова природа (terminus medius[1]) сущего (terminus major[2]), чтобы признать или не признать это понятие за вещами». Мое возражение на это: «мы *полагаем*, будто можем знать».

«Логические законы» Шпир (I, с. 76) определяет так: «общие принципы утверждений о предметах, то есть вну-

---

1 средний термин (*лат.*)

2 большой термин (*лат.*)

тренняя необходимость полагать что-либо относительно предметов».

Мое основное положение: «безусловное» есть регулятивная фикция, которой нельзя приписывать реального существования; существование не относится к необходимым свойствам безусловного. Точно так же обстоит дело с «бытием» и «субстанцией» – вещами, которые *нельзя* извлечь из опыта, но которые в действительности посредством *ложного истолкования опыта из него извлекаются.*

Заключительная глава	Все прежние толкования имели определенный смысл для жизни – поддерживали ее, делали выносимой или же отчуждали, совершенствовали, отделяя от нее и обрекая на гибель болезненное. Мое новое толкование наделяет философов будущего, как властителей земли, необходимой беспристрастностью.

1. Не столько «опровергнуто», сколько несовместимо с тем, что мы теперь по преимуществу считаем и полагаем «истинным»; поэтому религиозное и моральное истолкование для нас невозможно.

40 [13]

Логика привязана к условию: *если есть идентичные случаи.* В действительности для логического мышления и умозаключения *необходимо,* чтобы *эти* условия принимались за уже выполненные. Это значит: воля к *логической истине* может осуществиться только тогда, когда будет предпринята принципиальная *фальсификация* всего происходящего. Отсюда следует господство инстинкта, способного на то и другое: сначала на фальсификацию, а потом на проведение в жизнь определенной точки зрения; логика *не* ведет свое происхождение из воли к истине.

40 [14]

Можно сказать, что сложность путей (например растения, чтобы прийти к оплодотворению) есть аргумент *против* намеренности: здесь мыслится рафинированный дух, который выбирает слишком длинные обходные пути, что в отношении пути умно, но в отношении выбора именно

этого *пути* глупо, – следовательно, это противоречивый тип духа. В противоположность такому воззрению я бы указал на наш человеческий опыт: мы должны использовать случайное и мешающее, включая его в каждый из наших проектов, чтобы все, что мы предпринимаем, носило совершенно одинаковый характер, характер духа, который осуществляет свой план вопреки многочисленным помехам, то есть идя многочисленными кривыми путями. Если мы представим себе это в громадных масштабах, то кажущая глупость мирового хода вещей с его расточительностью и напрасными жертвами может оказаться лишь взглядом из *угла*, наблюдением из перспективы маленьких существ, каковыми мы являемся. Имея в виду, что мы не знаем *целей*, критиковать средства относительно их разумности есть ребячество. Ясно только, что эти средства не «гуманны».

40 [15]

Суждение есть вера, что «это и это является таким-то». Следовательно, в суждении заключено признание, что мы встретились с идентичным случаем: оно предполагает сравнение с помощью памяти. Суждение *не* приводит к тому, что идентичный случай оказывается в наличии. Скорее оно лишь предполагает ощущение такого наличия, оно работает при условии, что идентичные случаи вообще возможны. Как назвать функцию, которая много *старше*, раньше начала работать, а кроме того уравнивает и уподобляет себе в принципе неравные случаи? Как назвать другую функцию, которая на основании первой и т.д.? «Что вызывает одинаковые ощущения, то одинаково» – но как назвать то, что делает ощущения одинаковыми, «воспринимает» их одинаково? – Не существовало бы никаких суждений, если бы внутри ощущений не практиковалось своего рода выравнивание; память возможна только при постоянном подчеркивании уже испытанного, пережитого – – – *Прежде чем* выносится суждение, *должен пройти процесс ассимиляции*: здесь тоже присутствует интеллектуальная деятельность, которая не попадает в сознание, подобно боли при ранении. Вероятно, всем органическим функциям соответствует внутренний процесс, то есть ассимиляция, исключение, рост и т.д.

Важно исходить из тела и использовать его как путеводную нить. Оно значительно более богатый феномен, допускающий более строгое наблюдение. Вера в тело устанавливается легче, чем вера в дух.

«В какую-то вещь можно сильно верить, но в этом нет критерия истинности». Но что такое истина? Возможно, своего рода вера, ставшая жизненным условием? Правда, тогда критерием могла бы быть прочность. Например применительно к каузальности.

40 [16]

Чем, в сущности, занимается вся новейшая философия? Она тайно или открыто совершает покушение на старое понятие души, то есть на основы христианства, на Я; она самым утонченным образом работает против христианства. Когда-то безоговорочно верили в грамматику и говорили: Я – это условие, «мыслю» – это предикат. Пытались с достойным удивления упорством выбраться из этой сети, проверяли, не верна ли противоположность этого тезиса: «мыслить» – условие, Я – обусловленное, синтез, результатом которого является мышление. Кант, в сущности, хотел доказать, что с точки зрения субъекта ни субъект, ни объект не доказуемы. Возникает возможность *кажущегося существования* «субъекта»: мысль, которая уже появлялась на земле, в философии Веданты. Чтобы получить новое, хотя и очень предварительное впечатление об этом, нужно прочитать <«Рождение трагедии»>.

40 [17]

Огрубление как основное средство выявления возвращения, демонстрации идентичных случаев; прежде чем «помыслить», нужно *сочинить*, способность оформлять предшествует способности «мыслить».

40 [18]

К морали. *Мы ведем себя в соответствии с ранговым порядком, к которому принадлежим*, пусть даже мы и не знаем его, а тем более не обладаем способностью продемонстрировать другим. Императив «веди себя соответственно ранговому порядку, к которому принадлежишь» бессмыслен, ибо

мы *должны были бы* знать 1) себя и 2) этот порядок, что в нашем случае не так, – и 3) поскольку излишне приказывать сделать что-либо, что происходит и без того. Ранговый порядок: не только применительно к нашим ближним, но и, при известных условиях, к потомкам, а также к обитателям других звезд: мы ведь не знаем, есть ли на них кто-нибудь, кто сравнивает нас с собой. Все императивное в морали обращается к *многообразию масок*, которые мы носим в себе, и требует, что бы демонстрировали ту, а не эту, то есть чтобы мы *изменили наш внешний вид*. «Улучшить» значит сделать видимым то, что нравится добрым людям, – и *не более* того!

40 [19]

Что касается потомков: нужно по-умному и вовремя решить: aut libri aut liberi[1].

40 [20]

Если не считать гувернанток, которые сегодня все еще верят в грамматику как в veritas aeterna[2] и, стало быть, в подлежащее, сказуемое и дополнение, никто уже не наивен настолько, чтобы, по примеру Декарта, в подлежащем «я» видеть условие «мыслю»; скорее, благодаря скептическому направлению новейшей философии, для нас стало более достоверным обратное допущение, а именно мышление как причина и условие «субъекта», равно как и «объекта», «субстанции» и «материи»; вероятно, это всего лишь обратная ошибка. Ясно одно: мы отказались от «души» и, следовательно, от «мировой души», от «вещей самих по себе» и от начала мира, от «первопричины». Мышление для нас средство не «познать» происходящее, а обозначить его, упорядочить, сделать удобным для употребления: так мы сегодня воспринимаем мышление; возможно, завтра мы будем воспринимать его по-иному. Мы уже не совсем понимаем, зачем нужно было «понимание», и еще меньше понимаем, как оно могло возникнуть, – и хотя мы постоянно попадаем в затруднительное положение и вынуждены призывать на помощь язык и привычки народного

---

1 или книги, или дети (*лат.*)

2 вечную истину (*лат.*)

разума, видимость того, что мы все время противоречим самим себе, еще не опровергает оправданности нашего сомнения. Относительно «непосредственной достоверности» нас тоже не так уж и легко удовлетворить: мы не считаем, что «реальность» и «видимость» противоречат друг другу, и говорим скорее о *степенях* бытия или, еще лучше, о степенях видимости, все еще подвергая сомнению эту «непосредственную достоверность», например то, что мы мыслим и что, следовательно, мышление есть реальность: мы сомневаемся в уровне этой реальности; как «мысли бога» мы, вероятно, и реальны, но мимолетны и мнимы, словно радуга. Если предположить, что вещам присуще нечто обманчивое, шутовское, ложное, то и самая добрая воля de omnibus dubitare[1], по примеру Картезия, не убережет нас от ловушек сущности вещей; именно это картезианское средство может стать главным трюком, с помощью которого нас можно основательно надувать и держать за дураков. Раз уж мы, по мнению Картезия, действительно обладаем реальностью, то должны были бы в качестве этой самой реальности принимать какое-то участие в обманчивом, ложном основании вещей и ее основной воле; короче говоря, «я не хочу быть обманутым» могло бы стать средством более глубокой, утонченной и основательной воли, которая желает прямо противоположного, а именно обмана самой себя.

In summa: сомнительно, что «субъект» может доказать себя самого; для этого он должен был бы иметь твердую точку вне себя, а *ее* нет!

40 [21]

Исходная точка *тела* и физиологии: почему? – Мы, как правители во главе общины, а не как «души» или «жизненные силы», получаем верное представление о типе нашего субъектного единства, равно как и о зависимости правителей от тех, кем они управляют, и от условий рангового порядка и разделения труда, создающих возможность существования как единицам, так и целому. Таким же образом мы получаем представление о том, что живые

---

1 сомневаться во всем (*лат.*)

единства постоянно возникают и умирают и что «субъект» не принадлежит вечности, в то время как борьба выражается также в повиновении и повелении, а определение текучей границы власти является составной частью жизни. Определенное *неведение* правителя об отдельных функциях и даже расстройствах всего организма относится к условиям, которые делают возможным управление. Короче говоря, мы умеем ценить и неведение, общий и грубый взгляд, упрощение и искажение, перспективизм. Но самое главное в том, что во властителе и его подданных мы видим *один и тот* же вид, ибо те и другие чувствуют, волят, мыслят, – и что всякий раз, когда мы видим или угадываем движение в теле, мы учимся судить о нем как о субъективной и невидимой составной части жизни. Движение – это символ для глаза; оно указывает на то, что нечто чувствуется, волится, мыслится. – Опасности непосредственного опроса субъекта о субъекте и любого самоотражения духа заключаются в том, что для его деятельности могла бы оказаться полезной и важной ложная самоинтерпретация. Поэтому мы опрашиваем тело и отвергаем свидетельства обостренных чувств; если хотите, мы смотрим за тем, не могут ли сами подданные вступить в контакт с нами.

40 [22]

NB. «Есть мышление, следовательно, есть и то, что мыслит» – к этому сводится аргументация Картезия; однако реальность мысли не такова, какую хотел иметь Картезий. Он хотел через «воображение» прийти к *субстанции*, которая мыслит и воображает себя.

40 [23]

Будем более осторожны, нежели Картезий, застрявший в ловушке слов. Cogito всего лишь слово, но оно многозначно; многие слова имеют несколько значений, а мы грубо реагируем на это, искренне полагая, что речь идет об одном. Знаменитое cogito означает: 1) нечто мыслится, 2) и я полагаю, что мыслю именно я, – 3) и даже если предположить, что второй пункт повисает в воздухе, так как зависит от веры, первый, «нечто мыслится», также содержит в себе веру – в то, что «мышление» есть деятельность,

к которой должен примысливаться субъект, по меньшей мере «нечто» [ein "es"], – и тогда ergo sum теряет всякий смысл! Но это вера в грамматику, здесь полагают «вещи» и их «деятельность», а мы далеки от непосредственной достоверности. Давайте отбросим это проблематичное «нечто», скажем cogitatur[1], как факт без примеси веры, – и ошибемся еще раз, ибо пассивная форма также содержит догматы веры, а не только «факты»; in summa, именно факт нельзя представлять в голом виде, а в формах cogito – cogitat[2] и cogitatur – кроются «вера» и «мнение»; кто поручится, что мы вместе с ergo не изымем из этой веры и мнения чего-то существенного и что в итоге не останется: во что-то верится, следовательно, во что-то верят – ложное умозаключение! В конечном счете следовало бы знать, что есть «быть», прежде чем выводить sum из cogito; также следовало бы знать, что значит «*знать*»: к логике – прежде всего к ergo! – идут от веры, а не только от представления факта! Возможна ли в знании «достоверность»? Не является ли непосредственная достоверность contradictio in adjecto[3]? Что такое познание по отношению к бытию? Для того, у кого на все эти вопросы есть готовые догматы, картезианская осторожность больше не имеет смысла: она приходит слишком поздно. Прежде чем решать вопрос о «бытии», необходимо решить вопрос о ценности логики.

40 [24]

Не следует приукрашивать и исправлять наивность Картезия, как это делает, например, Шпир.

«Сознание непосредственно осознает самое себя; существование мышления нельзя отрицать, нельзя сомневаться в нем, ибо уже это отрицание или сомнение сами являются состояниями мышления или сознания, их наличие доказывает то, что ими отрицается, следовательно, отрицание и сомнение лишены всякого смысла». Шпир 1, 26. «Нечто мыслится», ergo, существует нечто, а именно «мышление». Разве в этом заключался смысл высказыва-

1 мыслится (*лат.*)

2 мыслит (*лат.*)

3 внутреннее противоречие (*лат.*)

ния Картезия? Тейхмюллер, с. 5 и 40. «Нечто, что само непосредственно осознает себя» есть бессмыслица. Если предположить, что через нас думает бог и что наши мысли, если мы ощущаем себя их причиной, всего лишь видимость, то этим отрицается или подвергается сомнению не существование мыслей, а только ergo sum. В противном случае он должен был бы сказать: ergo *est*[1]. – Не существует непосредственных достоверностей: cogito, ergo sum предполагает знание о том, что значит «мыслить» и, во-вторых, что значит «быть»; следовательно, если верно est (sum), достоверность на основе двух верных суждений, к этому добавляется уверенность, что мы вообще имеем право на умозаключение, на ergo, то есть в любом случае не непосредственная д<остоверность>. В cogito содержится не только некий процесс, наличие которого просто признается, – это нелепость! – но и суждение, что это такой-то и такой-то процесс, и кто, например, не умеет делать различия между «мыслить», «чувствовать» и «хотеть», тот был бы просто не в состоянии его констатировать. А в sum или est все еще заключена понятийная *неточность*, из-за которой не поддается отрицанию даже fit, или «нечто становится». Вместо «нечто имеется, нечто существует, нечто есть» можно было бы поставить «нечто происходит».

40 [25]

Вера в непосредственную достоверность мышления есть еще одна вера, а не достоверность! Мы, современные люди, все являемся противниками Декарта и не принимаем его догматической легкости в вопросе о сомнении. «Сомневаться следует лучше, чем это делал Декарт!» Повсюду, где есть более глубокие люди, мы находим нечто обратное, движение, направленное против абсолютного авторитета бога по имени «разум». Фанатичные логики подводили нас к мысли, что мир есть обман и что только в мышлении проложен путь к «бытию», к «безусловному». Я, напротив, получаю удовольствие от мира, *если* он оказывается обманом; над разумом самых разумных всегда потешались в среде более совершенных л<юдей>.

---

1 следовательно, оно существует (*лат.*)

40 [26]

Кажущееся противопоставление двух черт, отличающих современных европейцев, – *индивидуализма* и *требования равных прав*: наконец-то я это понял. Точнее говоря, индивид представляет собой крайне ранимое тщеславие: осознавая, как легко его уязвить, оно требует, чтобы любой другой считался равным ему и чтобы он был лишь inter pares[1]. Это характеризует общественную расу, в которой дарования и силы действительно незначительно отличаются друг от друга. Гордость, нуждающаяся в одиночестве и немногих ценителях, совершенно не находит понимания; очень «большие» успехи достигаются лишь через посредство массы, более того, почти полностью отсутствует понимание, что массовый успех – это всегда очень *маленький* успех, ибо pulchrum est paucorum hominum[2]. – Все морали знать не хотят о «ранговом порядке» людей; преподаватели права ничего не знают об общественной совести. Индивидуальный принцип отвергает *по-настоящему великих* людей и стремится находить среди примерно равных самый совершенный глаз и способность наиболее быстро выявлять талант; а поскольку в подобных поздних цивилизованных культурах каждый обладает крупицей таланта и надеется получить свою долю почестей, то сегодня как никогда в ходу подчеркивание маленьких заслуг: это придает веку оттенок *безграничной справедливости*. Его несправедливость состоит в безграничной ярости, направленной *не* против тиранов и тех, кто льстит народу, в том числе и в искусстве, а против *благородных* л<юдей>, которые с презрением относятся к уделу многих. Требование равных прав (например права судить обо всем и каждом) *антиаристократично*. Также чужд ему и исчезнувший индивид, растворение в великом типе, нежелание быть личностью: именно в этом состояло отличие и рвение многих высших людей прошлого (в том числе величайших поэтов); «принадлежать городу», как в Греции; иезуиты, прусский офицерский корпус и чиновничество; или быть учениками и последователями великих мастеров:

---

1 среди равных (*лат.*)

2 прекрасное принадлежит немногим людям (*лат.*)

для этого нужны не свойственные обществу состояния и отсутствие *мелкого тщеславия.*

40 [27]

Подобно тому как математика и механика долгое время считались абсолютно достоверными науками и только теперь осторожно высказывается подозрение, что они являются не более чем прикладной логикой, покоящейся на определенном, требующем доказательства предположении, что существуют «идентичные случаи», – в то время как сама логика есть последовательный язык знаков на основе принятой предпосылки (что существуют идентичные случаи), – так и *слово* считалось когда-то познанием вещи; даже сейчас все еще продолжают безоговорочно верить в грамматические функции, которых нужно изо всех сил остерегаться. Возможно, тот же тип человека, который позже придумал философию Веданты, тысячелетиями раньше на основе несоверш<енных> языков придумал себе философский язык, служивший *не* языком знаков, как думали они сами, а языком познания мира. Но какое бы «это есть» до сих пор ни выдвигалось, более позднее и более утонченное время каждый раз обнаруживало, что речь идет всего лишь об «это значит». Даже сегодня большинство филос<офов> и не *подозревают* о подлинной критике понятий или (как я когда-то это назвал) о подлинной «истории возникновения мышления». Следовало бы раскрыть смысл *оценок* и заново определить ценность тех из них, которые расположены вокруг логики, например «определенное более ценно, нежели неопределенное», «мышление есть наша высшая функция»; это же касается и заложенного в логике оптимизма, торжествующего сознания в каждом умозаключении, императивности в суждении, невинной веры в постижимость понятия.

40 [28]

Должно быть, мышление возникло задолго до того, как появились глаза; следовательно, «линии и фигуры», не даны изначально, а мышление очень долгое время опиралось на осязание – но, *не* поддержанное глазом, оно учит нас не о фигурах, а о степени ощущаемого давления.

До того, как мир научились воспринимать в виде движущихся фигур, долгое время «его понимали» как изменчивое и разнообразное ощущение давления. Не вызывает сомнения, что мыслить можно в образах и звуках – но также и в осязательных ощущениях. Сравнение силы, направления и последовательности, воспоминание и т.д.

40 [29]

Память нужно научиться понимать по-другому: в ней кроется великое искушение воспринимать ее как «душу», которая вечно воспроизводит, распознает и т.д. Однако «в памяти» продолжает жить пережитое; оно «всплывает» не по моей воле, воля здесь ни при чем, как и при появлении любой мысли. Происходит нечто, что я осознаю, а потом всплывает нечто похожее – кто вызывает его? кто будит?

40 [30]

Большая опасность таится в предположении, что существует непосредственное познание (то есть вообще «познание» в строгом смысле слова!). Тейхм<юллер>, с. 35.

40 [31]

Оно должно быть чем-то, не субъектом, не объектом, не силой, не материей, не духом, не душой; но, скажут мне, не будет ли нечто подобное неотличимо от химеры? Я тоже так думаю: было бы плохо, не будь это так! Правда, оно должно быть до неотличимости похоже не только на химеру, но и на все другое, что существует и могло бы существовать! В нем должна присутствовать великая фамильная черта, благодаря которой все сущее признает свое *родство* с ним – –

40 [32]

Предположим, вы спросите: «Разве 50 000 лет тому назад дерево уже выглядело зеленым?» На это я бы ответил: «Может быть, еще не выглядело, может быть, тогда было лишь две главных противоположности valeurs[1], бо-

---

1 ценностей (*фр.*)

лее темная и более светлая масса, – и постепенно из них образовались краски.

40 [33]

До логики, которая всегда работает с уравнениями, вероятно, господствовало уподобление, ассимиляция; она продолжает господствовать и до сих пор, а логическое мышление есть неизменное средство ассимиляции, *желания* видеть идентичные случаи.

40 [34]

Наша «память», чем бы она ни была, может служить нам образцом для сравнения, позволяющим описать нечто более важное: в развитии каждого органического существа проявляется чудесная память о всей его предыстории, если органические существа имеют предысторию, – причем моделирующая память, которая имитирует прежде всего более ранние, давно усвоенные формы, а не недавно пережитые, и тем самым возвращается к прошлому не шаг за шагом, как можно было бы предположить, посредством regressus[1] от недавно пережитого к пережитому давным-давно, а *наоборот*, первым делом откладывая в сторону недавние, свежие впечатления. Здесь проявляется поразительный произвол: не помогает даже «душа», которую обычно призывают на помощь в затруднительных для философии случаях, – по крайней мере, индивидуальная душа; скорее тут может помочь континуум душ, который царит во всем процессе определенного органического ряда. И опять-таки, поскольку имитируется не все, а лишь основные формы, то в каждой памяти постоянно должны наличествовать квалифицирующее мышление, упрощение, редукция – короче говоря, нечто аналогичное тому, что мы, исходя из нашего сознания, называем «логикой». – Но как далеко может заходить эта имитация ранее пережитого? Без сомнения, вплоть до имитации хода чувств и мыслей. Но как мы относимся к «врожденным идеям», которые вложил сюда Локк? Наверняка в них на самом деле заключено много *больше*, чем только то, что они дают-

---

1 обратного движения (*лат.*)

ся нам от рождения, при условии, что в слове «врожденный» не подчеркивается акт рождения.

40 [35]

Всеобщая лживость людей относительно самих себя, моральное истолкование того, что они делают и хотят делать были бы достойны презрения, если бы в этом не было чего-то весьма забавного: спектакль столь интересен, что нуждается в зрителях! *Не* в богах, как их мыслил Эпикур! А в гомеровских богах: далеких от человека и близких ему, взирающих на него, как, например, Галиани наблюдал за своими кошками и обезьянами, – то есть в зрителях, чем-то родственных человеку, но принадлежащих к более высокому виду!

40 [36]

Математические физики не могут использовать для своей науки комочки-атомы, поэтому они сконструировали себе мир силовых точек, поддающийся исчислению. Грубо говоря, точно так же поступали люди и все органические существа, а именно до тех пор упорядочивали, домысливали и досочиняли свой мир, пока он не стал поддаваться «исчислению».

40 [37]

Разве не достаточно представить себе как «силу» некое единство, в котором воление, чувствование и мышление еще смешаны и не разделены? А органические существа как повод к разделению, когда все органические функции еще являются частью единства, проявляясь в саморегуляции, ассимиляции, питании, исключении, обмене веществ? В конце концов «реально» нам не дано ничего, кроме мышления, ощущений и инстинктов; разве не позволительно будет проверить, будет ли этой данности *достаточно* для конструирования мира? Я имею в виду не видимость, а мир, столь же реально существующий, как и наши воля, чувства и мышление, но в примитивной форме. Вопрос в конечном счете звучит так: признаем ли мы волю как нечто действительно *действующее*? Если мы это признаем, то она может действовать только на нечто принадле-

жащее к *ее роду*, а не на «материю». *Либо* нужно все воздействия принять за иллюзию (ибо мы сформировали свое представление о причине и следствии только по образцу нашей воли как причины!), и тогда ничто больше не постижимо, *либо* нужно попытаться помыслить все действия одинаковыми, то есть волевыми актами, следовательно, выдвинуть гипотезу о том, не являются ли все механические процессы, поскольку в них наличествует сила, тоже волевыми силами. –

«Смертные души» или невозможность переносить на эти вещи *числовые* соотношения. *Против* индивида. «Исчисление» есть всего лишь упрощение, как и любое понятие. Когда нечто мыслится чисто арифметически, *качество* никогда не принимается в расчет. Точно так же и в логике, где предпосылкой выступает *идентичность случаев*, то есть не принимается в расчет собственный спец<ифический> *характер* каждого процесса (*новое*, которое нельзя понять, исходя из условий его возникновения, – или которое включено в эти условия).

40 [38]

Важно правильно обозначить единство, которое включает в себя мышление, воление, чувствование и все аффекты; очевидно, что интеллект всего лишь *инструмент*, но в чьих руках? Явно в руках аффектов, а они суть множество, за которым не нужно усматривать какого-то единства: достаточно воспринимать его как правящую силу. – Как видно из морфологического развития, все органы образовались повсюду; этот факт в качестве сравнения наверняка можно использовать и в духовной сфере, и тогда все «новое» нужно будет воспринимать всегда только посредством выделения отдельной силы из синтетической силы.

Мышление есть действие, *разлагающее на части* то, что на самом деле едино. Повсюду возникает *видимость* существования исчисляемых множеств, в том числе и в мышлении. В действительности нет ничего, что можно было бы «прибавить» или «разделить», две половины вещи не равняются целому.

40 [39]

Физики теперь единого мнения со всеми метафизиками, что мы живем в мире обмана, и счастливы, что больше не нужно учитывать бога, вопрос о «достоверности» которого может навести на странные мысли. Перспективизм мира уходит настолько глубоко, насколько сегодня доходит наше «понимание» мира; я бы осмелился применить это понимание даже там, где человек по справедливости вообще может отвлечься от всякого понимания, – я имею в виду там, где метафизики <полагают> мнимое царство несомненного и понятного для самого себя, т.е. в мышлении. Что число есть форма перспективизма, такая же, как время и пространство, что в нашей груди живут не «одна душа» и не «две души», что «индивиды», как и материальные «атомы», могут сохраняться только для удобства и домашнего пользования мышления и превращаться в ничто (или в «формулу»), что ничто живое или мертвое нельзя складывать друг с другом, что оба понятия ложны, что имеются не три способности души, что «субъект» и «объект», «активное и пассивное», «причина и следствие», «средство и цель» суть всегда лишь перспективистские формы, – in summa, что душа, субстанция, число, время, пространство, причина, цель существуют и *погибают* вместе и что мы не настолько глупы, чтобы истину, в этом случае «неизвестное», ценить выше, чем видимость; если исходить из того, что мы приняли решение *жить*, нам не хочется быть недовольными этой видимостью вещей и настаивать лишь на том, чтобы никто не имел какой-нибудь задней мысли при представлении этой *перспективности*, что и в самом деле до сих пор встречалось почти у всех философов: у всех них были задние мысли и *свои* любимые «истины». – Правда, нам следует здесь поднять вопрос об «истинности»: если предположить, что наша жизнь лишь следствие заблуждения, тогда что есть «воля к истине»? Не должна ли она быть «волей к смерти»? – Не будет ли стремление к ней философов и людей науки симптомом вырождающейся, отмирающей жизни, своего рода пресыщением жизни самой жизнью? Quaeritur[1] – и тут действительно есть над чем задуматься.

---

1 вопрос задан (*лат.*)

40 [40]

Скепсис в отношении скептиков. – Какое счастье доставляет нежный пушок на вещах! Как светится жизнь благодаря прекрасным видимостям! До сих пор только великие заблуждения и толкования возвышали нас над счастьем животного – к человеческому счастью! И наоборот: что дали нам до сих пор скрип логического механизма, самоотражение духа, освобождение инстинктов? Предположим, вы все растворили в формулах, а вашу веру в уровнях вероятности, – но поскольку вы не можете жить в соответствии с ними, как? неужели вам следует жить с нечистой совестью? И если человек воспринимает веру в добро, справедливость и истинность как, в сущности, *возмутительную фальсификацию* – как прикажете ему чувствовать *себя*, если он все-таки частица, кусочек этого мира? Как нечто возмутительное, ложное: – – –

40 [41]

Нет непосредственных ощущений, Шпир, 2, с. 56,
непосредственного чувства боли,
нет непосредственных мыслей.

Если существует непосредственное знание, тогда нельзя было бы говорить о «релятивизме знания», как это делает Дж. Ст. Милль.

40 [42]

Гипотеза об *одном субъекте*, вероятно, не обязательна; быть может, даже позволяется допустить существование множества субъектов, взаимодействие и борьба которых лежит в основе нашего мышления и вообще нашего сознания? Существование своего рода *аристократии* «клеток», в которых заключено господство? Разумеется, клеток равных, которые привыкли вместе господствовать и умеют приказывать?

Мои гипотезы:

субъект как множество;

боль как свойство интеллекта, возникающее в зависимости от суждения, что нечто «вредно»: проекция;

действие всегда «неосознанно»: выявленная
и представленная причина проецируется,
хронологически *следуя* за ним;
удовольствие есть разновидность боли;
единственная имеющаяся *сила* того же рода,
что и воля: приказание другим субъектам, которые
после этого изменяются;
постоянная мимолетность и текучесть субъекта,
«смертная душа»;
число как перспективистская форма.

40 [43]

Внутри стада, внутри любой общности, то есть inter pares *завышенная оценка* истинности вполне имеет смысл. Не позволять себя обмануть – и, *следовательно*, как личная мораль, не обманывать самому! Взаимные обязанности среди равных! Опасность и осторожность требуют *остерегаться обмана извне*, а в качестве психологической предпосылки к этому – и *изнутри*. Недоверие как источник истинности.

40 [44]

Предположим, что мир ложен, что жизнь можно понять только на почве безумия, под прикрытием безумия, под руководством безумия, – что означает тогда «жить в соответствии с природой»? Быть может, это значит «*будь* обманщиком»? Да и как можно уберечься от обмана? Мы обманываемся относительно самих себя и непонятны самим себе; насколько же больше непонятны мы для «ближних»! Однако они не чувствуют себя обманутыми нами – и *на этом* покоится все наше общение с взаимными правами и обязанностями. – Согласен, я не *намереваюсь* никого обманывать! Но, если присмотреться, я даже не пытаюсь объяснить им, *что* они обманываются на мой счет. Я не препятствую их заблуждению, не борюсь с ним, я позволяю им заблуждаться – и тем самым *по своей воле* обманываю их. Однако точно так же я поступаю и в отношении себя самого: самопознание – чувство отнюдь не обязывающее; даже если я пытаюсь познать себя, то делаю это ввиду пользы или по причине утонченного любопытства,

а вовсе *не* из-за воли к истинности. – Сначала еще нужно доказать, что правдивый человек в домашнем хозяйстве человечества более полезен, чем лжец. Все действительно великие и могущественные до сих пор *были* обманщиками: этого требовали от них их задачи. Если предположить, что жизнь и движение вперед возможны только при условии последовательного и длительного обмана, то последовательный обманщик мог бы претендовать на высшие почести – как создающий условия для жизни и способствующий ее развитию. Только наивные верят, что мы «причиняем вред», когда не говорим правду: это своего рода лягушачья перспектива морали. Если жизнь и ее *ценность* покоятся на глубокой вере в заблуждения, то именно говорящий правду, жаждущий правды будет причинять вред (как рассеивающий иллюзии).

40 [45]

Философ будущего.
Мысли о воспитании и взращивании.

40 [46]

NB. Нами управляет наше прежнее и давнее предназначение, хотя мы еще и не способны разглядеть это: мы долгое время переживаем сплошные загадки. Отбор людей и вещей, выбор событий, отталкивание самого приятного нам, нередко наиболее почитаемого нами – все это пугает нас: нам кажется, что время от времени из нас, как при извержении вулкана, вырывается случай, некий произвол – однако это проявление высшего разума нашей будущей задачи. Если смотреть вперед, все происходящее с нами выглядит только как единение случайности и бессмыслицы; глядя назад, я, со своей стороны, не могу обнаружить в своей жизни ни того, ни другого.

40 [47]

Происхождение. Что благородно? Возникновение аристократии. Подражающие таланты, как Вольтер.

Великое отделение.

Семь одиночеств.

Воля к власти.

40 [48]

О ранговом порядке
Прелюдия к философии людей будущего.

Книга первая : воспитание и взращивание.
Книга вторая : великое отделение.
Книга третья : семь одиночеств.
Преодоление морали.
Книга четвертая : воля к власти.

40 [49]

Не будем доверять любой кажущейся «одновременности»! В нее вклиниваются отрезки времени, которые лишь при грубом измерении, например при измерении нашим человеческим масштабом, могут называться маленькими; в аномальных состояниях, например при курении гашиша или в минуты опасности для жизни, мы тоже получаем представление о том, что за секунду, которая прошла на наших карманных часах, можно передумать тысячи мыслей и испытать тысячи переживаний. Когда я открываю глаза, видимый мир встает передо мной, как кажется, сразу же; однако за это время произошло нечто громадное, множество событий: во-первых, во-вторых, в-третьих, – но тут должны сказать свое слово ф<изиоло>г<и>.

40 [50]

Под небезопасным заглавием «Воля к власти» должна заявить о себе новая философия, или, говоря яснее, *опыт нового истолкования всего происходящего*; правда, пока только предварительно и на пробу, только как подготовка и предварительный вопрос, как «прелюдия» к серьезному, для восприятия которого нужны посвященные, избранные слушатели, как, впрочем, для восприятия всего, что *публично* высказывает ф<илософ>, – это само собой разумеется или, по крайней мере, *должно* разуметься. Но сегодня из-за поверхностности и претенциозности духа нашего времени, которое верит в «равенство всех прав», дело дошло до того, что больше вообще не – – – Ибо каждый философ должен обладать добродетелью воспитателя: прежде чем внушать что-либо, он должен сперва научиться уговари-

вать. Каждый искуситель, прежде чем приводить доказательства, должен что-то подорвать и потрясти, а прежде чем приказывать и вести за собой – испытать, насколько далеко он способен зайти в искушении.

40 [51]

Понятия суть нечто живое, следовательно, они то растут, то исчезают; понятия тоже умирают жалкой смертью. Их можно сравнить с клетками, с ядром клетки и окружающим его телом, которое непрочно и – – –

40 [52]

Существуют роковые слова, которые, как кажется, выражают некое познание, но на деле познанию *препятствуют*; к ним относится слово «явления». Какой сумбур сеют эти «явления», видно из фраз, заимствованных мной у разных новейших философов.

Против слова «явления».

40 [53]

NB. *Видимость*, как я ее понимаю, есть единственная действительная реальность вещей, то, к чему присоединяются все наличные предикаты и что лучше всего обозначается этими предикатами, в том числе и с противоположным значением. Но слово это не выражает ничего, кроме своей *непригодности* для логических процедур и различений, следовательно, это *видимость* относительно «логической истины», которая сама возможна только в воображаемом мире. Таким образом, я не противопоставляю «видимость» «реальности», а наоборот, воспринимаю ее как реальность, противящуюся своему превращению в воображаемый «истинный мир». Подходящее название для этой реальности было бы «воля к власти»: оно обозначает ее внутреннюю сущность, а не непостижимую и текучую протеевскую природу.

40 [54]

Преднамеренность действий ничего не решает в морали (относится к близорукой *индивидуалистической* тенденции). «Цель» и «средство» относительно того, из чего

они вырастают, суть лишь симптомы, сами по себе многозначные и почти не поддающиеся постижению. Животное и растение демонстрируют свой моральный характер в зависимости от условий, в которые они поставлены. Решающий момент кроется за «преднамеренностью». Индивида никогда не следует изолировать: «Нужно говорить: вот растение с такой-то предысторией».

40 [55]

Закономерность природы есть ложное гуманистическое толкование. Речь идет об абсолютном установлении отношений власти, о полноценной жестокости, без смягчения, которое несут с собой в органической жизни предвидение будущего, осторожность, хитрость и благоразумие, короче говоря, дух. Правит абсолютная мгновенность воли к власти; в человеке (и уже в клетке) это установление есть процесс, который с ростом всех в нем участвующих постоянно смещается; это состязание, если понимать это слово столь расширительно и глубоко, чтобы отношение господина к подданному трактовалось как борьба, а отношение подданного к господину как сопротивление.

40 [56]

1. *О благородной и низкой морали.*

    Нравственность: необходимость сохранения какого-либо *типа* человека. Благородная мораль. Необходимость сохранения определенной меры человечности: низкая мораль.

2. *Преднамеренность действий.*

3. *Зло в добродетелях.*

4. *Дурные инстинкты* и их полезность.

40 [57]

NB! Разве нечто покоящееся действительно счастливее находящегося в движении? Разве неизменное действительно и по необходимости ценнее того, что меняется? И если кто-

то тысячу раз противоречит самому себе, проходит множество путей, носит множество масок и не находит в себе ни конца, ни последней линии горизонта – возможно ли, что такой человек меньше узнает об «истине», нежели добродетельный стоик, твердый, как столп, и, подобно столпу, навсегда поставивший себя на свое место? Однако подобные предрассудки сидят на пороге всех существовавших до сих пор философий, особенно мысль о том, что определенность лучше неопределенности и открытого моря и что видимость есть враг, с которым должен бороться философ.

40 [58]

Сегодня все еще не имеет почти никакого значения, знают ли о том, *чего* я тогда ждал от Рихарда Вагнера (хотя читатель моего «Рождения трагедии» не остался на сей счет в неведении) и что я, вследствие своей потребности, самым основательным образом доказал, как сильно ошибался в нем и в его способностях. Короче говоря, мое заблуждение – включая веру в общее и совместное предназначение – не обернулось бесчестием ни для него, ни для меня и при всех обстоятельствах было тогда для нас, одиноких совершенно по-разному, немалой усладой и благодеянием.

Наступил момент, когда я почувствовал, что жду от Рихарда Вагнера *слишком многого*, а чуть позднее – еще худший момент, когда он мою – – –

40 [59]

Заключение к *«Человек в общении»*
Предисловие и предварительный вопрос:
«кто такие свободные умы?»
<1.>

«Душа, в которой обитает мировая мудрость, должна своим здоровьем оздоровлять и тело»; так говорит Монтень, и я сегодня охотно соглашаюсь с этим, как человек, имеющий опыт в данной области. «Не может быть ничего более веселого и оживленного, я чуть было не сказал более занимательного, чем мир и его мудрость»: так говорю я вместе с Монтенем – но под какими бледными и жуткими личинами проходила тогда мимо меня мудрость! Я часто боялся ее и неохотно оставался с ней наедине – – – и от-

правлялся, одинокий и молчаливый, но с упрямой «волей к мудрости» и к югу, – в странствие. Тогда я называл себя «свободным умом» или «принцем Фогельфрай», и если бы меня спросили, где находится мой дом, я бы, вероятно, ответил: «вероятно, по ту сторону добра и зла, и нигде больше». Я твердо требовал от себя не иметь спутников, но однажды я все же забросил удочку в поисках других «свободных умов» – с помощью той самой книги, которую я назвал «книгой для свободных умов».

Правда, сегодня – чему только не научишься за десять лет! – я уже почти не помню, действительно ли этой своей книгой я искал себе спутников и «товарищей по странствиям». За это время я научился тому, что сегодня ценят лишь немногие, научился выносить одиночество, «понимать» одиночество, и сегодня я бы счел существенной чертой «свободного ума» именно то, что он предпочитает ходить в одиночку, летать в одиночку и даже, если у него больные ноги, в одиночку *ползать*. Если одиночество не лечит, оно убивает – это верно; одиночество – нехорошее и опасное искусство врачевания. Однако верно и то, что *если* оно лечит, то делает здоровее и увереннее в себе, нежели человек может чувствовать себя в обществе, а дерево – в своем лесу. Одиночество основательнее любой болезни испытывает человека, проверяя, рожден и предопределен ли он для *жизни* – или для смерти, как подавляющее большинство. Короче говоря, только благодаря одиночеству я научился додумывать до конца близкие друг другу понятия «свободный ум» и «здоровье».

2.

Мы, «свободные умы», живем одиноко, тут и там разбросаны по земле – и в этом нельзя ничего изменить; нас мало – и это справедливо. Мы гордимся, когда думаем, что наш вид – это *редкий* и *необычный* вид, мы не жмемся друг к другу и, вероятно, даже не «тоскуем» друг по другу. Правда, когда мы иногда встречаемся, как сегодня, случается праздник! Когда мы употребляем слово «счастье» в смысле *нашей* философии, мы думаем не о том, о чем мечтают уставшие, испуганные и страдающие философы, то есть в первую очередь о внешнем и внутреннем мире, без-

болезненности, неподвижности, безмятежности, о «шаббате шаббатов», о том, что по своей ценности приближается к глубокому сну. *Наш* мир, опасный мир – это скорее все неопределенное, меняющееся, способное к превращениям, многозначное, а не простое, остающееся равным самому себе, исчисляемое, прочное, чему философы, как наследники стадных инстинктов и оценок, до сих пор воздавали высшие почести. Известные и употребляемые во многих странах духа и т.д.

3.

Описал ли я вас? Или всего лишь по-новому *умалчал* о вас? Этого я не знаю – но вы говорите, что в любом случае боитесь, как бы я с этим названием не допустил промашки? Что выражение «свободный ум» преждевременно? Что оно вводит в заблуждение? Что, исходя из этого названия, нас будут путать? – Но, между нами, почему бы нам, друзья мои, *не* вводить в заблуждение? Какая беда в том, что нас будут путать? И наконец, не будет ли еще хуже, если – – – ?

Что ж, я вас понимаю: вы хотите иметь другое, новое имя! «Из гордости», говорите вы мне: лучший аргумент, позволяющий делать любую глупость. Итак, я начинаю с начала: откройте ваши уши для моих новостей!

Но здесь вы прерываете меня, о свободные умы. Довольно! Довольно! Я слышу, как вы кричите и смеетесь: нам это больше не выдержать! Смеетесь над этим ужасным шутом! Над этим добродетельным предателем и клеветником! Ты хочешь перед всем миром испортить нашу добрую репутацию? Навязать нам прозвище, которое глубоко проникнет в нас? Умолкни, нарушитель покоя нашей совести! И к чему среди бела дня эти мрачные рожи, эти гортанные звуки, эта черная, как вороново крыло, музыка? Если ты изрекаешь истины, под которые не пускаются в *пляс* ноги, то эти истины не для *нас*. Ecce nostrum veritatis sigillum[1]! А здесь зеленая лужайка и мягкая почва; так не лучше ли нам избавиться от твоих причуд и устроить славный денек после твоей ночи! Но кто-то должен нам сыграть! Прого-

---

1 Вот наш признак истины (*лат.*)

ним прочь грозовые облака! Пора, наконец, вновь встать над этой землей радуге, пестрому, прекрасному мосту лжи, по которому могут пройти только очень свободные, очень воздушные и веселые умы! И напоследок, а также в первую очередь: нет ли у тебя *молока* для питья? Ты сам пробудил в нас жажду по своему молоку!»

– Так вот чего хотите вы от меня, друзья мои. Видите, вон там скачут мои стада, мои нежные, солнечные, безветренные агнцы и козлища; а вот стоит целое ведро молока, приготовленное для вас, – ведро, полное только что выдоенных истин, еще достаточно теплых, чтобы согреть вас. Incipit[1]: «Человеческое, слишком человеческое. Доброе молоко для свободных умов». Хотите испить его?

Как прекрасно помолчать друг с другом – – –

40 [60]

Пессимизм художников. – Существуют совершенно разные типы художников. Если Рихард Вагнер пессимист, то к этому его побуждает отвращение, червь многократного презрения к самому себе, потребность в дурмане, включая свое собственное искусство, чтобы вообще выносить жизнь, а после опьянения – снова чувство омерзения и ко всему прочему сознание актерства, гнет несвободы, от которого страдает всякий, кто вынужден маскироваться, так как не выносит себя нагим; с другой стороны, ненасытная жажда похвалы и шума, ибо такого рода комедианты черпают веру в себя только извне и только на мгновения: они просто не в состоянии отказаться от похвал и шума! Но какой прок даже от самых упоительных мгновений vanitatum vanitas[2], какой прок от всего этого фимиама и самообожествления! Тут же его снова гложет прежняя тоска! И поверх всех эти голосов страсти или маскирующейся под страсть невоздержанности снова и снова звучит слабый и неуверенный внутренний голос, осуждающий голос. Такие художники невольно и неизбежно прославляют своим искусством свое не-Я и все, что резко контрастирует с ними. В случае с Вагнером это все необузданные добродетели, например

---

1 Ни́чал (*лат.*)

2 суеты сует (*лат.*)

безусловная верность, или безусловное целомудрие, или детская простота, или аскетическое самопожертвование; мы вправе до известной степени с подозрением относиться к характеру такого художника, который всегда прославляет только необузданные добродетели, ибо тем самым он желает уйти от себя и отрицает себя самого! Но удовольствуемся и этим! В конце концов, при всей своей воле к отрицанию мира такой художник хвалит и прославляет нечто такое, что *в этом мифе вполне возможно: искусство может быть только утверждением мира и ничем иным*! – И ваше возражение, друзья мои, вовсе не было возражением.

Итак, мой друг: по его суждению, даже если с ним не соглашаешься, заметно, что он очень любил Вагнера, ибо враг никогда не воспринимает свой предмет столь глубоко. Нет сомнения в том, что, страдая из-за Вагнера, он страдает и вместе с Вагнером.

40 [61]

К плану.

Наш интеллект, наша воля, наши ощущения зависят от наших *ценностных оценок*: они соответствуют нашим инстинктам и условиям их существования. Наши инстинкты сводимы к *воле к власти*.

Воля к власти есть последний факт, к которому мы приходим.

{ Наш интеллект есть инструмент
Наша воля
Наши чувства неудовольствия { уже зависят от ценностных оценок
Наши ощущения }

40 [62]

Приукрашивающая историография *Ранке*, его пронырливость, проявляющаяся везде, где нужно представить ужасную бессмыслицу случая тем, чем она и была; его вера в своего рода имманентный божий перст, который время от времени что-то сдвигает и поправляет в часовом механизме: этот сверхбоязливый человек уже не осмеливается видеть в боге ни часовой механизм, ни его причину.

40 [63]

Предисловие к «Смешанным мнениям и изречениям».

Какой тип людей может получать удовольствие от подобных заметок? – Да будет мне позволено набросать образ такого человека – здесь, на страницах «Предисловия». Я меньше всего хочу сразу же требовать для него названия, единственного слова, хотя оно, вероятно, и существует; быть может, тот, кто увидит нарисованную мной картину, найдет его, это «подходящее слово».

Этот тип людей защищает художников и философов, но не смешивает себя с ними. Он празден и знает толк в otium[1].

40 [64]

Я долгое время всеми силами старался увидеть в Р. В<агнере> своего рода Кал<иостро> – да простят мне эту небезопасную мысль, продиктованную, по крайней мере, не ненавистью и антипатией, а впечатлением волшебства, которое этот несравненный человек производил и на меня. К этому можно добавить, что, по моим наблюдениям, все без исключения настоящие «гении», поистине принадлежащие к высшему рангу, *не* производят такого «волшебного» впечатления, так что одной «гениальности» мне для объяснения этого таинственного воздействия показалось недостаточно.

40 [65]

Предисловие

У кого душа полна возвышенных и придирчивых желаний, тому во все времена будет грозить большая опасность – но сегодня эта опасность велика чрезвычайно. Брошенный в шумное, вульгарное столетие, с которым он не любит есть «из одной миски», он легко может погибнуть от голода и жажды, а если все же «угостится», то и от отвращения. Такому человеку в нужное время должны прийти на помощь несколько удач, компенсирующих тот ущерб, который был ему причинен в голодной, тоскливой и одинокой юности, – например, если для него отыщется суровая профессия,

---

1 досуге (*лат.*)

служа которой он на время будет отрешаться от себя и своей болезни и целиком будет жить согласно требованиям отважной духовности. Или же если он прислушается к ф<илософу>, который отвлечет его от всего своевременного и угодного эпохе, уведя и вернув его к «более долговечным» целям, чем те, что предлагает современность, но при этом чрезмерным отрицанием не отобьет у ученика чувства благоговения к ней. Или он подружится с хорошей музыкой, а еще лучше и с хорошими музыкантами: великое утешение (ибо все хорошие музыканты тоже отшельники, живущие «вне времени») и отличное противоядие для слишком воинственного и гневного сердца, жаждущего обрушиться на нынешних людей и нынешние вещи.

Довольно поздно – мне уже было больше двадцати лет – я понял, чего мне, в сущности, так недоставало: справедливости. «Что есть справедливость? Возможна ли она? И если невозможна, как тогда вынести эту жизнь?» – вот вопросы, которые не давали мне покоя. Меня глубоко пугало, что я, исследуя себя самого, везде находил только страсти, только угловые перспективы, уверенность только в том, у чего нет предпосылок для справедливости. Но где же скрывалось благоразумие – я имею в виду благоразумие, продиктованное всеохватывающим пониманием? Я признавал в себе только *мужество* и определенную *твердость* – результат долго тренируемого самообладания. Поистине, нужно было иметь мужество и твердость духа, чтобы признаться себе в столь многом, да еще с большим опозданием. Я находил все лучшие причины для того, чтобы не доверять собственным похвалам и упрекам; я смеялся над присвоенным мною званием судьи, более того, я с чувством стыда *отказал* себе в праве говорить Да или Нет; в то же время во мне проснулось неожиданное и сильное любопытство к неизведанному миру – короче говоря, я решил пройти новую, трудную и долгую школу как можно дальше от того угла, в котором я находился. Я надеялся, что справедливость вновь встретится мне в пути. Так началось для меня время *странствий*.

Что же произошло тогда со мной? Я не понимал себя, но побуждение было подобно приказу. Похоже, нами распоряжается наше далекое первичное предопределение;

долгое время мы переживаем лишь загадки. Выбор событий, вмешательство в них, внезапно возникающее желание, отказ от самого приятного, а нередко и от самого почитаемого – такого рода вещи пугают нас: нам кажется, будто из нас время от времени вырывается нечто произвольное, своенравное, безумное, вулканическое. Но это в нас говорит лишь высший разум и предосторожность нашей будущей задачи. Быть может, длинное предложение моей жизни желает, чтобы его читали *в обратном направлении?* – с беспокойством спрашивал я себя. Читая слева направо, я, вне всякого сомнения, прочитывал тогда лишь «слова, лишенные смысла».

В те годы я желал только одного – великого и все возрастающего *отторжения*, преднамеренного удаления на чужбину, «отчуждения», охлаждения, отрезвления. Я подвергал проверке все, к чему до тех пор был привязан сердцем, переворачивал лучшие, самые любимые вещи и всматривался в их изнанку, поступал со всем вопреки тому, в чем так наловчилось человеческое искусство клеветы и поношений. Тогда я бродил вокруг многого, что до тех пор было мне чуждым, с бережным, даже нежным любопытством, я учился с большей справедливостью относиться к нашему времени и всему «современному». В целом это была, наверное, зловещая и недобрая игра: она часто доводила меня до болезни. (Такое отторжение приходит внезапно, как землетрясение; юная душа должна увидеть, что с ней происходит. В то же время это и болезнь, способная уничтожить человека: это первый выброс силы и воли к *самоопределению*; много болезненнее первые удивительные и бурные попытки духа собственными силами исправить мир.) Однако мое решение не изменилось; даже будучи больным, я тем не менее делал хорошую миру при своей «игре» и сердито отвергал любое заключение, в котором *могли бы* участвовать болезнь, или одиночество, или усталость от странствий. «Вперед, – говорил я себе, – завтра ты будешь здоров, а на сегодня достаточно притвориться здоровым». Тогда я стал господином над всем «пессимистическим» во мне; моим лекарством была сама *воля* к здоровью, спектакль здоровья. Что я тогда понимал под «здоровьем» и что *хотел* понимать, вполне понятным и

предательским образом выражают вот эти фразы (с. 37 первого издания): «душа закаленная, не порывистая и, в сущности, веселая, характер, при котором не нужно все время быть начеку, избегая козней и внезапных аффектов, и который никогда не проявляется в ворчании и озлобленности, этих известных тягостных качествах старых собак и людей, долгое время живших на цепи; – и в качестве наиболее желательного состояния ему должно хватать упомянутого вольного и бесстрашного парения над людьми, нравами, законами и традиционными оценками вещей». В действительности это своеобразная свобода и возможность обзора, как у птиц, своего рода одновременное любопытство и презрение, – чувство, знакомое каждому, кто бесстрастно обозревает необъятное множество вещей. – «Свободный ум» – это холодное слово в любом состоянии доставляет удовольствие, почти согревает; человек стал противоположностью тех, кто озабочен вещами, не имеющими к ним отношения; свободного ума касаются только те вещи, которыми он больше не «озабочен».

Неважно, тверд ли орешек, который нужно раскусить: высший, исключительный человек *должен*, даже если – – –

Моим личным итогом всего этого было тогда («Человеческое, слишком человеческое», с. 31) логическое отрицание мира, как я его тогда назвал: суждение, что мир, *который вообще имеет к нам хоть какое-либо отношение*, ложен. «Не мир как вещь сама по себе – этот мир пуст, лишен смысла и достоин гомерического хохота! – а мир как *заблуждение* чрезвычайно значителен, глубок и удивителен, он несет в себе одновременно счастье и несчастье», заявил я тогда. – «Преодоление метафизики», «дело высшего напряжения человеческого рассудка» (с. 23) казалось мне достигнутым; одновременно я поставил перед собой задачу *сохранить* за этой *преодоленной* метафизикой, поскольку от нее исходила «величайшая поддержка человечеству», великий, заслуживающий благодарности смысл.

Но в глубине таилась воля к более обширному любопытству, даже к неслыханному опыту: внутри меня зародилась мысль, нельзя ли подвергнуть переоценке все ценности, а мне на ум все время приходил вопрос: что вообще означают все человеческие оценки? Что они говорят об

условиях жизни, твоей жизни, человеческой жизни и в конечном счете жизни вообще? –

40 [66]

Набросок к предисловию (2): Кто не пережил ничего подобного, тому здесь нечего делать. Книга подготовки. Нужно написать предисловие, которое бы отпугивало, а не приглашало к чтению.

«Наше высшее познание должно и обязано и т.д.

Чтобы избежать путаницы, я добавил многое ради объяснения *состояния*, в котором я тогда – – –

Это необходимое для некоторых людей переходное состояние. Многое я мог бы сегодня сказать *понятнее.*

Отрицательное отношение к «вольнодумцам».

Против scabies anarchistica[1]. Это книга, благодаря которой натуры, предназначенные господствовать, при известных обстоятельствах придут к ужасным решениям, к мыслям о *дисциплине* по отношению к самим себе, о своего рода превосходстве, о доступности подхода ко многим образам мысли (гибкость) и о том неслыханном здоровье, которое ради высшей цели не желает испытывать нужды даже в болезни.

Та дисциплина и то самообладание духа, которые являются одновременно гибкостью сердца и искусством маскировки; та внутренняя широта и баловство, которые позволяют пройти путь ко многим противоречащим друг другу образам мыслей, не подвергаясь опасности заблудиться или влюбиться в них, то неслыханное здоровье, которое не желает испытывать нужды в болезни, это переизбыток пластичных, имитирующих и восстанавливающих сил – – –

40 [67]

Только тогда у меня открылись глаза на историю: Ранке. Невежество в естественных науках и в искусстве врачевания превращает наших историков в скромных адвокатов фактов – как будто из них может «исходить» нечто хорошее, по крайней мере, маленький «перст божий».

---

1 анархистского зуда (*лат.*)

40 [68]

№ 1 «Чел., слишком чел.»: *Сфинкс.* –
Конец раздела I: новый Эдип.

40 [69]

Наш ум вкупе с «чувствами» и ощущениями – это инструмент, который служит многоголовому и многообразному господину; этот господин – наши оценки. Но в наших оценках угадывается нечто, имеющее отношение к нашим *условиям жизни* (в самой незначительной мере к условиям жизни личности, потом вида «человек», но наиболее значительно и обширно – к условиям, в которых вообще возможна *жизнь*).

40 [70]

«Немецкое».

Вопросы и тире.

Немецкий пессимизм
Немецкий романтизм
Новое открытие греков.
Немецкий анархизм.
Опасности еврейской души.
Литераторы.
Женщины.
Отшельники.
Демагоги в искусстве.
Немецкий стиль.
Немецкая музыка. Юг, Восток (два юга: Венеция и Прованс).
«Просвещение» и современные идеи.
Культура наставников.
Вагнерианство.
Европеец.
Немецкий дух.
Еврей.
Voilà un homme[1].
«Глубина».
Христианский европеец.

---

1 Се человек (*лат.*)

41. Август–сентябрь 1885

41 [1]

Зильс-Мария, конец августа 1885 г.

Фридрих Ницше, собрание сочинений.

Первенцы: Рождение трагедии.
Несвоевременные размышления.
Речь о Гомере.

Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов.
«Между нами». Смешанные мнения и изречения.
Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках.
Gai saber. Прелюдия к философии будущего.
Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого.
Полдень и вечность. Завещание прорицателя.

«Exultabit Solitudo et florebit quasi lilium»[1]

Исайя.

41 [2]

Новое несвоевременное размышление.

1.

В юные годы мы чтим и презираем до безумия и отдаем свои самые нежные и высокие чувства объяснению людей и вещей, которые к нам не относятся, так же как и мы не относимся к ним. Сама *юность* есть нечто искажающее и вводящее в обман. Кажется, будто гнев и ярость, присущие юности, вообще не могут утихомириться до тех пор, пока не «исказят» людей и вещи до такой степени, что смогут использовать их для разрядки своих аффектов. Позже, становясь сильнее, глубже и «правдивее», мы пугаемся, когда узнаем, как мало мы тогда понимали, принося жертвы

---

1 «Возрадуется страна необитаемая и расцветет как лилия» (*лат.*)

на этот алтарь. Мы злимся, что не видели в своих кумирах всего этого тщеславия, хвастовства, неискренности, прикрашивания, актерства, негодуем на свое самоослепление, словно то была нечестная слепота. В этом переходном состоянии мы мстим самим себе недоверием; мы настороженно относимся к своим «восторженным чувствам», и даже «чистая совесть» кажется нам некоей опасностью, самозаволакиванием и усталостью внутренней честности. Но проходит очередной десяток лет, и мы понимаем, что и во всем этом – еще была *юность*.

2.

То, что я писал когда-то, в свои «юные годы», о Шопенгауэре и Рихарде Вагнере, и не столько писал, сколько *рисовал* – быть может, в слишком смелых, сверх-мужественных, сверх-юношеских al fresco[1], – мне меньше всего хочется проверять сегодня в деталях на «истинность» и «ложность». Но даже если я тогда заблуждался, моя ошибка не принесет бесчестия ни вышеназванным, ни мне! В *таком* заблуждении что-то *есть*; кое-что *есть* и в том, что привело именно *меня* к этому заблуждению. Во всяком случае, когда я решил писать «философа», «художника», а заодно и свой собственный «категорический императив», неоценимым благодеянием для меня было то, что я накладывал свои мазки не на несуществующие полотна, а на уже прочерченные фигуры. Сам того не зная, я говорил только для себя и, в сущности, только о себе. Однако все, что я тогда пережил, было типично для людей определенного склада, помочь которым выразить себя – – – И кто читает те сочинения с юной и пламенной душой, тот, вероятно, догадается о трудных обетах, которыми я тогда связал себя ради своей жизни – благодаря которым я решился жить *своей* жизнью; и пусть он станет одним из немногих, кто *сможет* решиться на такую жизнь и такие обеты!

3.

Было время, когда я начал тайком смеяться над Рихардом Вагнером, – в ту пору, когда он приноровился к своей последней роли и стал выступать перед своими дорогими немцами с ужимками чудотворца, провозвестника спасе-

---

1 фресках (*ит.*)

ния, пророка, даже философа. И так как тогда я еще не перестал любить его, мой собственный смех терзал мое сердце: так бывает с каждым, кто обретает независимость от своего учителя и находит, наконец, свой собственный путь. В это время возникла нижеследующая темпераментная статья, из которой некоторые молодые немцы, как мне кажется, еще и сегодня могут извлечь для себя пользу; сам же я, в соответствии с моим нынешним настроением, хотел бы высказать все то же самое спокойнее, сердечнее и бережнее. Между тем я слишком много узнал о болезненной и страшной трагедии, скрывающейся за жизнью такого человека, каким был Рихард Вагнер.

4.

Вне всякого сомнения, Рихард Вагнер дал немцам и т.д.

5.

Но Рихард Вагнер как музыкант? – «Рихард Вагнер и несть ему конца»: таков сегодняшний лозунг.

Но у нас, друзей музыки, уже кончается терпение. Мы так долго делали хорошую мину при плохой игре вагнерианства и с помощью всех добродетелей и эстетик уговаривали себя и внушали себе в течение долгого дождливого дня: «как прекрасна и плохая погода! Сколько прелести скрыто в складках непогоды! Как тонко понимает дождь свою «бесконечную мелодию»! Как несравненно сверкает молния посреди этой долгой серой тоски! А гром: как прекрасен хроматизм грома!» Но наконец-то, наконец нам захотелось вновь увидеть над собой и прояснившееся небо и по крайней мере пережить *прекрасный вечер*, который мы заслужили, после такого добродетельного, но и такого недоброго дня! – В самом деле? Вечер? В самом деле уже «наступает вечер»? И наше лучшее искусство, музыка, клонится к закату? Друзья мои, перед вами тот, кто не верит этому! До вечера еще далеко! И Вагнер не день и не вечер нашего искусства, а всего лишь опасный инцидент, исключение и знак вопроса, *поставленный нашей совестью*! Мы своевременно научились говорить Нет! Каждый порядочный и глубокий музыкант говорит сегодня Нет Вагнеру и самому себе, если он «вагнеризирует», – особенно если он прошел основательную школу Вагнера, учился у Вагнера.

6.

Тем хуже, правда, обстоит дело с менее одаренными, а также с жадными до денег и славы музыкантами: именно для них в способе Вагнера сочинять музыку скрыто множество изысканных искушений. С помощью вагнеровских средств и приемов *легко* сочинять музыку, и это, учитывая демагогическое стремление нынешних художников возбуждать «массы», может быть доходнее, то есть «действеннее», «грандиознее», «убедительнее», «увлекательнее» и как там еще звучат любимые предательские слова театральной черни и дилетантских мечтателей. Но что, в конце концов, значит в вопросах искусства шум и воодушевление «масс»! У *хорошей* музыки никогда не бывает «публики», она не «публична» и никогда не может быть публичной, она принадлежит самым изысканным, она, образно говоря, может быть только «*камерной*». «Массы» лучше всего воспринимают того, кто умеет им льстить; они по-своему благодарны всем демагогическим талантам и, как умеют, воздают им должное. (Как «массы» умеют *благодарить*, с каким «умом» и «вкусом», наглядно продемонстрировала смерть Виктора Гюго. Было ли за все столетия существования Франции напечатано и сказано столько унижающей ее достоинство бессмыслицы, как во время этого события? Но и во время похорон Рихарда Вагнера лесть благодарения вознеслась до «благочестивого» пожелания: «избавление избавителю!» –)

NB. Нет сомнения в том, что искусство В<агнера> сегодня воздействует на массы; разве то, что оно в состоянии это делать, не характеризует самое это искусство? Трех вещей никогда не понимали «массы»: благородства, логики и красоты; pulchrum est paucorum hominum[1], не говоря уже о еще лучшей вещи, о *великом стиле*, о котором даже самые высокоодаренные музыканты новейшего времени до сих пор не могут говорить Да или Нет: у них еще нет на это права, они далеки от него и стыдятся его, и этот стыд был их высочайшей высотой. Дальше всех от великого стиля Вагнер: необузданное и героически-хвастливое начало его художественных средств прямо-таки *противо-*

---

1 прекрасное принадлежит немногим людям (*лат.*)

речит высокому стилю, как и нежно-соблазнительное, многообразно-привлекательное, беспокойное, неопределенное, захватывающее, мимолетное, тайно-экзальтированное, весь этот «сверхчувственный» маскарад больных чувств, все то, что можно назвать типично «вагнеровским». И все же, вопреки полнейшей неспособности к нему, Вагнер *поглядывает* в сторону великого стиля, это он-то, не обладавший способностью даже к обычной, правильной, настоящей *логике*! Он достаточно хорошо знал это, он вовремя это понял, но тут же с несомненной ловкостью актера, свойственной его искусству, начал толковать свои недостатки как преимущества. В нелогичном, полулогичном заключено много соблазна – это Вагнер основательно угадал, – особенно для немцев, которые неясность принимают за «глубину». Ему не дана была мужественность и строгость логического развития – и он обратился к «более действенному» искусству! «Музыка, – учил он, – всегда лишь средство, целью является драма». Драма? Нет, поза! *Так* понимал это Вагнер применительно к себе самому. Прежде всего захватывающая поза! Нечто способное потрясти и вселить ужас! Какое ему дело до «достаточного основания»! Своеобразная многозначительность, даже в ритмической фразировке, относится к его самым любимым художественным приемам, нечто вроде опьянения и лунатизма, прием, который уже не знает, что значить «следовать», и высвобождает волю к слепому послушанию и уступчивости.

Стоит только взглянуть на наших *женщин*, когда они «вагнеризированы»: какая «несвобода воли»! Какой фатализм в потухшем взгляде! Какая покорность и податливость! Быть может, они даже догадываются, что в этом состоянии «подвешенной» воли наделены *большими* чарами и *большей* привлекательностью для иных мужчин? *Еще* один повод для преклонения перед их Калиостро и чудодеем! У настоящих «менад» поклонения Вагнеру можно даже без сомнения говорить об истерии и болезни: что-то не так с их половой жизнью; или они бездетны, или, в лучшем случае, им недостает мужчин.

7.

Что касается *юношей*, преклоняющихся перед Вагнером, то они, как правило, не очень музыкальны. (Один из

лучших как-то даже чистосердечно признался мне: «Я *совсем* не разбираюсь в музыке, но в Вагнере соединилось все доброе, что есть сегодня: он антисемит, вегетарианец и ненавидит вивисекцию»). Вагнеровские юноши, в некотором отношении юноши очень приятные и благородные, почитают в Вагнере примерно то же, что почитали страстные ученики Виктора Гюго в 1828 году в своем кумире: прежде всего мастера великих слов и жестов, сторонника восторженных чувств и всех возвышенных инстинктов, а также смелого новатора и разрушителя цепей в борьбе и столкновениях с более старой, строгой и, вероятно, более ограниченной школой искусства, открывателя новых подходов, новых взглядов, новых далей, новых глубин и высот; наконец, но не в последнюю очередь, немецкая молодежь почитает в Вагнере повелительный тон, способность громко командовать, увлекаться только самим собой, ссылаться только на себя самого, упрямо говорить Да только себе самому – и всегда во имя «избранного народа», во имя немцев! – короче говоря, она почитает в нем народного трибуна и демагога. Эти восторженные юноши еще не видят, сколько дурного, даже отвратительного вкуса в этой вагнеровской «самоинсценировке»: юность *имеет* право на дурной вкус, это *ее* право. Но если возникнет желание понять, *куда* может завести невинность и бездумная готовность юношества следовать за старым неутомимым крысоловом, то следовало бы присмотреться к тому литературному болоту, из которого состарившийся мастер любил петь со своими «учениками» (подходит ли здесь слово «петь»?): я имею в виду пользующиеся дурной славой «Байройтские листки». Это и в самом деле *болото*: претенциозность, германофильство и ужасная, хаотическая путаница понятий, приправленная невыносимой приторностью «сладчайшего» сострадания, к тому же наметившаяся склонность к зеленым овощам и целенаправленная елейность и сентиментальность по отношению к животным, *соседствующие* с неприкрытой, настоящей, основательной ненавистью к науке и вообще с поношениями и издевательством над всем, что стоит и стояло на пути Вагнера, – о, как мешали его влиянию *более благородная* натура Мендельсона, *более чистая* натура Шумана! – и при

этом хитрое высматривание новых групп поддержки, «предупредительность» по отношению к сильным партиям, например, совершенно нечистоплотное заигрывание с *христианскими* символами – Вагнер, прежний атеист, антиномист и имморалист, елейно воззвал к «крови Спасителя»! – в целом же это наглость старого, испорченного чрезмерным поклонением верховного жреца, который в форме откровений оглашает свои смутные чувства, касающиеся всех мыслимых, для него абсолютно недоступных и запретных сфер мышления; и все это на немецком, на таком неясном и утрированном болотном немецком, до которого не опускались даже самые враждебные этому языку ученики Гегеля!

8.

Может быть, только сейчас стало ясно, *куда* относится Вагнер: *не* к великому ряду настоящих, истинных людей высшего ранга, *не* к этому олимпийскому «двору всех дворов». Скорее Вагнеру подобает совсем иной ранг и совсем иная честь – отнюдь не малая и не низкая: Вагнер – один их тех трех актерствующих гениев искусства, от которых *толпа* в этом столетии – а это и есть «столетие толпы»! – едва ли не впервые *узнала* о таком понятии, как «художник»; я имею в виду трех удивительных и опасных людей, Паганини, Листа и Вагнера, которые, находясь где-то в середине между «богом» и «обезьяной», были столь же предназначены для «подражания», как и для изобретения, для созидания в рамках *самого искусства* подражания, и которые инстинктивно угадали, что нужно изобретательно и широко использовать в целях исполнения, выразительности, воздействия, очарования и обольщения. В роли демонических посредников и исполнителей они стали – и *остаются* сегодня – виртуозами среди художников интерпретации вообще: всякий, кто вращался в этих кругах, учился у них, так что очаг и особенно происхождение «культа Вагнера» следует искать в среде актеров и исполнителей музыки любого сорта. Если отвлечься от этих кругов, которые имеют право на свою веру и свои суеверия, и обратиться к феномену этих трех гениев актерства и их самому сокровенному и самому общему значению, у меня всякий раз неизбежно возникает один и тот же вопрос: не является

ли то, что нашло в этих троих мнимое новое выражение, всего лишь старым и вечным «Калиостро», только в новом облачении, на новой сцене, «переведенным на язык музыки», на язык религии в полном соответствии со вкусами нового столетия – как уже было сказано, столетия *толпы*? Иными словами, уже не в облике соблазнителя аристократической и усталой культуры, как Калиостро, а в облике *демагогического* Калиостро? – И наша музыка, с помощью которой здесь «очаровывают», – что, скажите на милость, значит наша н<емецкая> м<узыка>?

9.

Этот *поздний* Вагнер, в сущности разбитый и преодоленный художник, тем не менее не сумевший отказаться от великого актерства, этот Вагнер, который в конечном счете даже говорил о «восторгах», которые он научился извлекать из протестантской тайной вечери, и в то же самое время своей музыкой к «Парцифалю» протягивал руку всему собственно *римскому*, этот везде предлагающий свои услуги льстец всякого немецкого тщеславия, немецкой неясности и претенциозности, этот *поздний* Вагнер считается последней и наивысшей вершиной нашей музыки и выражением наконец-то достигнутого синтеза «немецкой души», *истинным* немцем? – Летом 1876 года я отрекся от *этой* веры, и с тех пор началось то движение немецкой совести, которое сегодня все более серьезно, все более ясно заявляет о себе, – и *отступление* вагнерианства!

41 [3]

Есть лишь родовая аристократия, лишь аристократия крови. (Я говорю здесь не о словечке «фон» и не о календаре издательства Гота: вставка для ослов.) Когда говорят об «аристократах духа», чаще всего хотят что-нибудь скрыть; это, как известно, любимое слово честолюбивых евреев. Сам по себе дух не облагораживает: сначала нужно что-то, *что придает благородство духу*. – Что же нужно для этого? Благородство происхождения.

41 [4]

Немецкая философия в целом – Лейбниц, Кант, Гегель, Шопенгауэр, если называть только великих, – есть

основательнейший из существовавших до сих пор видов *романтизма* и ностальгии: тоска по лучшему, что было когда-то. Нигде больше не чувствуешь себя уютно и в конечном счете стремишься назад, ибо там можно было чувствовать себя как дома, а именно – к греческому миру! Но именно на пути в этот мир сломаны все мосты – *за исключением* радуг понятий! Они ведут ко всем родинам и «отечествам», в которых обитали греческие души! Правда, нужно быть очень тонким, очень легким, очень нежным, чтобы пройти по этому мосту! Зато какое счастье заключено в этой воле к духовности, почти к призрачности! Как далеко уходишь тогда от «давления и толчков», от механистических глупостей естественных наук, от ярмарочного шума «современных идей»! Мы хотим *назад*, через отцов церкви к грекам, с севера на юг, от формул к формам; мы наслаждаемся закатом античности, христианством, как средством получить доступ к ней, как существенной частью самого древнего мира, как сверкающей мозаикой античных понятий и античных оценок. Арабески, вычурность, рококо схоластических абстракций – это все еще лучше, то есть тоньше и изысканнее, нежели мужицкая, плебейская реальность европейского севера: это все еще протест высшей духовности против крестьянской войны и восстания черни, которая подчинила себе духовные вкусы на севере Европы и имела своим вожаком великого «бездуховного человека» – Лютера. – С этой точки зрения немецкая философия есть часть Контрреформации, даже Возрождения, по крайней мере воли к Возрождению, воли к *продолжению* открытия античности, откапывания античной философии, прежде всего досократиков – самого засыпанного из всех греческих храмов! Быть может, через несколько столетий станут говорить, что истинное достоинство всей немецкой философии заключается в постепенном возвращении античной почвы и что любая претензия на «оригинальность» звучит мелочно и смешно в сравнении с высшим притязанием немцев на восстановление казавшихся разрушенными связей с греками, с высшим до настоящего времени типом «человека». Сегодня мы снова приближаемся к тем основополагающим формам толкования мира, которые изобрел греческий дух в лице

Анаксимандра, Гераклита, Парменида, Эмпедокла, Демокрита и Анаксагора: мы с каждым днем становимся *все более греками*, сначала, как и полагается, в понятиях и оценках, как своего рода грецизирующие призраки, – но есть надежда, что со временем мы сблизимся с ними и в нашем *теле*! В этом заключается (и заключалась всегда) моя надежда на немецкий характер!

41 [5]

Стоит только раскрыть книгу, написанную женщиной, – и сразу вздыхаешь: «еще одна несостоявшаяся кухарка!»

41 [6]

К наивысшим и августейшим человеческим радостям, в которых бытие празднует свое собственное просветление, приходят, как и следует ожидать, только самые избранные, наиболее удавшиеся – но и они только тогда, когда они сами и их предки проживут долгую подготовительную жизнь на пути к этой цели, даже не зная о ней. Тогда в таком человеке уживаются переливающееся через край богатство многообразных сил с проворной силой «свободной воли» и распоряжения властью; тогда духу уютно в чувстве, а чувству – в духе, а все, что происходит в сфере духа, необходимым образом вызывает в сфере чувства тонкое и чрезвычайное счастье и игру сил. И наоборот! – вспомним о происходящих при удобном случае переходах от одного к другому у Хафиза; предчувствия этого процесса есть даже у Гёте, хотя и в ослабленном виде. Можно предположить, что у таких совершенных и удавшихся людей даже самые чувственные естественные отправления просветляются аллегорией опьянения высшей духовности; они ощущают в себе своего рода *обожествление тела* и максимально удалены от философии аскетов, утверждавшей, что «бог есть дух». При этом выясняется, что аскет – это «неудавшийся человек», который считает *добрым* и называет «богом» лишь нечто в себе, а именно то, что судит и осуждает. С высоты радости, когда человек чувствует себя всецело обожествленной формой и самооправданием природы, вплоть до радостей здоровых кре-

стьян и здоровых полулюдей, полузверей – всю эту длинную, огромную, светлую и красочную лестницу *счастья* грек, не без благодарного ужаса человека, посвященного в тайну, не без великой осторожности и благочестивого умолчания, называл именем бога Диониса. – Что *знают* новейшие люди, дети хрупких, страдающих разнообразными недугами, странных матерей, о *размере* греческого счастья, – что могут они знать об этом! Откуда рабы «современных идей» возьмут право на дионисийские празднества!

41 [7]

Когда «расцветали» греческое тело и греческая душа, причем отнюдь не в состоянии болезненной экзальтации и сумасбродства, тогда и возник таинственный символ высшего на земле утверждения мира и объяснения бытия. Был задан *масштаб*, рядом с которым все, что впоследствии вырастало, оказывалось слишком коротким, слишком бедным, слишком узким. Стоит только произнести слово «Дионис» перед лицом лучших новейших имен и вещей, например перед Гёте, или Бетховеном, или Шекспиром, или Рафаэлем, – и мы сразу почувствуем, что лучшие наши вещи и мгновения *приговорены*. Дионис – это *судья*! – Вы меня поняли? Нет сомнения в том, что греки, опираясь на свой дионисийский опыт, пытались объяснить последние тайны «судьбы души» и все то, что они знали о воспитании и объяснении, прежде всего о незыблемом ранговом порядке и ценностном неравенстве людей; в этом заключается великая глубина греков и великое молчание относительно них: мы до тех пор *не узнаем греков*, пока будет засыпан тайный подземный ход, ведущий к ним. Назойливые глаза ученых никогда и ничего не увидят в этих вещах, сколько бы учености они ни использовали на службе своих раскопок. Даже благородное рвение таких друзей древности, как Гёте и Винкельман, именно здесь несет в себе нечто недопустимое, нескромное. Ждать и готовиться; дождаться, когда забьют новые ключи; в одиночестве готовиться к чужим лицам и чужим голосам; все сильнее очищать душу от ярмарочной пыли и шума этого столетия; преодолевать все христианское с помощью сверххристианского, а не просто отмахиваться от него, ибо христианское учение

было направлено против учения дионисийского; заново открывать в себе *Юг* и простирать над собой светлое, блестящее, таинственное южное небо; заново обретать южное здоровье и скрытую мощь души; шаг за шагом становиться всеохватнее, наднациональнее, все более европейцами, сверхевропейцами и людьми Востока и, наконец, все *более* становиться *греками*, ибо греческое начало было первой великой связью и синтезом всего восточного и тем самым *началом* европейской души, открытием *нашего «нового мира»*. Кто живет, руководствуясь этими императивами, – кто знает, что встретится *ему* однажды? Быть может, именно – *новый день*!

41 [8]

В юные годы я объявил войну состоянию немецкого образования и смело сражался с ним; поступать по-другому нельзя. Нужно гнать прочь женщин, и не только их, но и бабенок мужского пола, а также неженок! *Они* ничего не смыслят в войне и до полусмерти причитают над каждой пролитой каплей крови. Меня упрекают в том, что я якобы «погубил» старого Давида Штрауса. Должно быть, на моей совести будут и другие человеческие жизни, – но того требуют война и победа. Если какая-то вещь созрела для смерти, какой смысл искусственно поддерживать в ней жизнь, беречь и пеленать ее? В состоянии немецкого образования ничто не заслуживает бережного отношения: оно «созрело».

41 [9]

Предисловие.

У кого душа полна возвышенных и придирчивых желаний и кто редко находит *свой* стол накрытым, а *свою* еду приготовленной, тому сегодня грозит немалая опасность. Брошенный в шумное, вульгарное столетие, с которым он не любит есть «из одной миски», он легко может погибнуть от голода и жажды, а если все же «угостится», то и *от отвращения*. В этом была опасность моей юности, моей голодной, тоскливой и одинокой юности; опасность достигла высшей точки, когда я однажды понял, *что* за блюда мне подсовывали и *к чему* влекли меня неистовый голод

и жажда моей души. Это было летом 1876 года. Пылая гневом от отвращения, я тогда опрокидывал все столы, за которыми до того сидел, и дал себе обет лучше питаться случайно и плохо, травой и ботвой, в пути, как животное, лучше не жить совсем, чем разделять свои трапезы с «народом актеров» и « виртуозными наездниками духа» – такие суровые выражения употреблял я тогда, – ибо мне казалось, что я попал в среду сплошных Калиостро и неискренних людей, и я злился и неистовствовал из-за того, что любил там, где должен был ненавидеть.

Когда я, наконец, стал спокойнее, хотя и вовсе не справедливее и примирительнее, я постепенно и воспитанно отделился от моего прежнего «общества» и отправился странствовать – больной, болевший долгие годы. Великое, все возраставшее отторжение – ибо люди философского склада охотно переводят единичное во всеобщее, – преднамеренное «отчуждение» было в то время моей единственной утехой: я испытывал все, к чему до того был привязан сердцем, переворачивал лучшие, самые почитаемые мной вещи и самых почитаемых мной людей и вглядывался в их изнанку, я поступал со всем вопреки тому, в чем так наловчилось человеческое искусство клеветы и поношений. Это была недобрая игра: она нередко доводила меня до болезни – но я не изменил своего решения. Я сам «разбил свое почитающее сердце» и разглядывал его осколки и их обратную сторону – не без большого и нового для меня удовольствия и любопытства: мы жестоки в той же мере, в какой способны на любовь. Наконец, шаг за шагом, я подошел к последнему требованию своей внутренней жестокости: стал делать хорошую мину при своей недоброй игре, высмеивал любой «пессимизм» в себе и гневно отвергал любое заключение, в котором *могли бы* участвовать болезнь и одиночество. «Вперед, – говорил я себе, – когда-нибудь ты будешь здоров, а на сегодня достаточно *притвориться* здоровым! Воля к здоровью и есть самое лучшее лечебное средство!»

После этого я впервые открыл глаза – и тотчас увидел многие вещи и многие краски вещей, каких никогда не увидят пугливые бездельники и озабоченные умы, постоянно сидящие дома. Это была своеобразная свобода и

возможность обзора, как у птиц, своего рода смесь любопытства и презрения, знакомая каждому, кто бесстрастно обозревает необъятное множество вещей, – наконец, это было обретенное мной новое состояние, которое я мог долго выдерживать. «Свободный ум» и ничего более – так я чувствовал, так называл себя тогда; я действительно стал противоположностью тех, кто озабочен вещами, не имеющим к ним отношения: *меня* касались только те вещи, которые меня больше не «заботили».

Это были годы *выздоровления*, разнообразные годы, полные пестрых и болезненно-чарующих событий, о которых здоровые, неуклюжие духом могут догадываться столь же мало, как и недужные, приговоренные, предназначенные не для жизни, а для смерти. Тогда я еще не нашел «себя», но я храбро шел по пути к «себе» и проверял тысячи встречавшихся на моем пути вещей и людей – относятся ли они ко «мне» или хотя бы что-нибудь знают обо «мне». Какие сюрпризы поджидали меня! В какую дрожь меня бросало! Какие уютные уголки счастья попадались! Какой покой под солнцем! Какая нежность! Но снова и снова твердый внутренний голос приказывал: «Прочь отсюда! Вперед, странник! Тебя ждут еще много морей и стран; кто знает, *что* еще встретится на твоем пути?»

Должен признаться с благодарностью: когда я начал изучать правило «человек», мне стали попадаться странные и небезопасные, а иногда даже *очень* свободные умы, и в первую очередь не кто иной, как сам бог Дионис – тот самый, которому в юные годы я принес благоговейную и невинную жертву. Быть может, у меня еще будет достаточно досуга и покоя, чтобы поведать своим друзьям все, что я узнал о философии бога Диониса, – поведать вполголоса, как и полагается, ибо речь пойдет о вещах таинственных и подчас страшных. Но в том, что Дионис философ и что, следовательно, *боги* тоже *философствуют*, мне в любом случае видится важное и заслуживающее подробнейшего рассказа обстоятельство, против которого можно привести только одно возражение: оно стало известно не вовремя, так как сегодня неохотно верят в богов. Быть может, в откровенности своего повествования я вынужден буду пойти немного дальше, чем будет приятно для слуха

моих друзей. Несомненно, однако, что вышеназванный бог в наших с ним диалогах заходил еще дальше и всегда был на шаг впереди меня: он *любит* забегать вперед! Я бы, будь мне позволено, по принятому среди людей обычаю наделил его красивыми, льстивыми именами, говорящими о его великолепии и добродетельности, воздал большую хвалу его мужеству исследователя и первооткрывателя, его искренности, правдивости и любви к мудрости. Но такому богу, как Дионис, ни к чему весь этот пышный хлам. «Лучше оставь его себе, – сказал бы он мне, – а также тем, кто равен тебе, и всем, кто в этом нуждается! *У меня нет оснований прикрывать свою наготу*».

Как видно, этому божеству и этой философии недостает стыдливости. Уже во время нашей первой беседы он сказал мне: «В известных обстоятельствах я люблю человека, – при этом он намекал на Ариадну, – это приятный изобретательный зверь, которому нет равных на земле, он находит выход из любого лабиринта. Я часто думаю о том, как помочь ему на этом пути и сделать еще сильнее, злее и глубже, чем он есть». – «Сильнее, злее и глубже?» – испугался я. – «Да, – повторил он, – сильнее, злее и глубже – а также прекраснее», – и улыбнулся, будто изрек очаровательную любезность. Отсюда видно, что божеству этому недостает не только стыдливости и что вообще есть веские основания полагать: в некотором отношении всем богам не мешало бы кое-чему поучиться у нас, людей. Мы *человечнее*.

Тем самым мы прибыли туда, куда и шли, – к концу. Ибо сказанного выше более чем достаточно, чтобы понять, что значит «Человеческое, слишком человеческое». И почему это «книга *свободных* умов».

2.

Я уже дал понять, что значат в этом заглавии слова «Человеческое, слишком человеческое», – по крайней мере для людей с тонким слухом. Но кого же я тогда имел в виду под «свободными умами», которых хотел поймать на крючок своей книги? Кажется, я желал для себя – общества?

41 [10]

– – – Поэтому я не устаю благодарить судьбу за три счастливых случая, которые в нужный момент компенсировали ущерб, причиненный мне моей ненасытной, тоскующей и одинокой юностью. Первым было то, что я в юные годы нашел почтенное и ученое занятие, позволившее мне чувствовать себя как дома вблизи греков, – да простится мне это нескромное, но вполне понятное выражение. Отодвинутый таким образом в сторону от современной жизни и занятый интереснейшим делом, я с трудом заставлял себя сильно злиться на то, что происходило вокруг. Вдобавок я был предан одному философу, который умел мужественно противоречить всему современному, не искореняя чрезмерным отрицанием само чувство благоговения у своего ученика. Наконец, я с малых лет увлекся хорошей музыкой и всегда дружил с хорошими музыкантами; все это вместе привело к тому, что у меня было мало оснований заботиться о современных людях: ведь все хорошие музыканты отшельники, они живут вне времени.

Мне было уже больше двадцати лет, когда я понял, что мне недостает знания людей. Разве может стать знатоком людей тот, чьи мысли не заняты всерьез ни почестями, ни должностями, ни деньгами, ни женщинами и кто большую часть дня проводит наедине с собой? Здесь можно было бы найти не один повод для насмешки, если хорошему вкусу не противоречило бы то обстоятельство, что автор книги использует предисловие для насмешек над самим собой. Одним словом, у меня было достаточно оснований, и оснований все более веских, не доверять ни своим похвалам, ни своим порицаниям. Одновременно во мне пробудилось сильное и внезапное любопытство к людям: короче говоря, я решил пройти суровую и долгую школу.

41 [11]

«Мышление» в примитивном (дооргаиическом) состоянии – это *выявление форм*, как в кристалле. – *Главное* в *нашем* мышлении – уложить новый материал в старые схемы (= прокрустово ложе). *Уравнивание* нового.

41 [12]
Конец I.

Я вижу, как появляются новые философы. Насколько я знаю вас, друзья мои, свободные умы, и среди вас летают эти «появляющиеся», прекрасные, гордые птицы! – я – – –

41 [13]

– – – Что же касается упомянутого императива немецкого инстинкта, который гласит: «Не нужно *больше* новых евреев! Запереть двери с востока!» – то по зрелом размышлении немецкие евреи сами должны прийти к подобному «урегулированию границ»; их задача врастания в немецкий характер и достижения в большей мере немецкого типа выражения и мимики, а в конце концов и «души» – ибо *таково* направление движения, извне внутрь, от «видимости» к «бытию», – не должна без конца откладываться из-за ужасного, достойного презрения безобразия новых иммигрантов – польских и русских, венгерских и галицийских евреев. *Вот* та точка, с которой евреи должны сами начать действовать, то есть «ставить себе границы», – единственная и последняя точка, где выгода для евреев и выгода для немцев могут еще уравняться и стать общей выгодой; разумеется, уже время, самое время для этого!

41 [14]

До сих пор еще не было немецкой культуры. Это утверждение не опровергается возражением, что в Германии были великие отшельники, например Гёте: у них была собственная культура. Но именно вокруг них, словно вокруг могучих, упрямых и одиноких утесов, располагалась всегда остальная немецкая жизнь, *им противоречившая*, напоминавшая мягкую, болотистую, непрочную почву, на которой производил «впечатление» и создавал «формы» каждый шаг заграницы; «немецкое образование» не имело своего характера, отличалось почти безграничной уступчивостью.

41 [15]

– я засмеял до смерти убогую, претенциозную и затхлую книжонку, в которую без памяти влюбилось «немец-

кое образование», – что ж, на земле можно найти для своего смеха и *более опасное* применение! Быть может, при этом я нечаянно «погубил» одного старика, достопочтенного Давида Штрауса, virum optime meritum[1]? Мне дают это понять. Но того требуют война и победа, и я с чистой совестью готов «иметь на своей совести» и другие человеческие жизни! Только не жизни женщин, женоподобных жалобщиков-мужчин и неженок! *Они* ничего не понимают в военном деле и до полусмерти причитают по поводу «отсутствия бережного отношения». Чтобы положить начало чему-то другому, нужно покончить с этим; я все же надеюсь, что здесь меня – поймут? Однако в «немецком образовании» ничто не заслуживает бережного отношения: нужно покончить с ним – иначе не начнется ничто другое.

41 [16]

Немцы глубоки.
христианский европеец.
немецкий дух
тот благонадежный энтузиаст
Демагоги в искусстве.
Об отступлении вагнерианства.
Как мало немецкий стиль – – –
евреи
Ранке, приукрашивающий адвокат фактов.

---

1 чрезвычайно достойного мужа (*лат.*)

42. Август–сентябрь 1885

42 [1]

Зеркало.

Возможность для европейцев увидеть собственное отражение.

Скрытый анархизм.
Виды и причины клеветы на мир.
III. Немцы. Мысли о воспитании и взращивании.
Тайные основания логики.
Затруднение физиков.
II. Кто такие «свободные духом»?
Демагоги в искусстве.
Вечно женственное.
Мораль в Европе.
Воспитание *воли.*
О ранговом порядке.
Христос и Дионис.
Историк.
I. Философы будущего.
Уменьшение веселья.
Об одиночестве.
Юг и Восток. Слово к музыкантам.
Толкование мира, не объяснение мира.
(Литература и культура актеров.)
«Поздний Вагнер». –

По сути *королевская* профессия философа (по выражению англосакса Алкуина): prava corrigere et recta corroborare et sancta sublimare[1].

Опыт критики современной души.

42 [2]

Атеизм и его причины.

---

1 Исправлять кривое, укреплять прямое и возвышать священное (*лат.*)

Скрытый анархизм.
Национализм и мировая экономика.
О ранговом порядке и равенстве.
Моральный скепсис.
Клевета на мир и уменьшение веселья.
Север, Юг.
Музыка.
Философы.
Историки.
Демагоги в искусстве.
Женщина.
Воспитание воли.
Питание. Чтение и литературная пресса.

42 [3]

Человеческое, слишком человеческое I. *Metaphysica*

Если бы у мира была цель, он должен был бы ее уже достичь

Путеводная нить тела

Кто занимался историей какой-нибудь одной науки

Что мы переживаем во сне

Что нас – – от образа мыслей Платона и Лейбница

Человек – существо, создающее формы и ритмы

Мысль в той форме, в какой она приходит

«Каковы синтетические суждения a priori»

Что меня глубже всего отделяет от метафизиков

Истина: это означает внутри – – –

Логическое мышление, о котором говорит логика

Есть истины, которые лучше всего посредственными головами – – –

Заключение: в каком странном *упрощении*!

Новый Эдип.

Видимость, как я ее понимаю.

Человеческое, слишком человеческое II. Раздел **Moralia**.

«Наши высшие воззрения должны – и обязаны – как глупости, даже как преступления – – –»

«Поскольку во все времена, пока существуют люди, и стада – – –»

«Морали – главное средство»
«Нас оскорбляет, если кто-то – – –»
«Старая теологическая проблема веры и знания»
«Общность. – Слова суть звуковые знаки для понятий»
«Нет ничего более убогого, чем моралистическая литература и т.д.»
«Разность людей проявляется не только в разности скрижалей их благ»
«Мораль в принципе враждебно относится к науке»

Человеческое, слишком человеческое. *Religiosa.*
«Человеческая душа и ее границы»
«Философы становятся и по отношению к религиям – – –»
«В еврейском Ветхом Завете»
«Англичане, мрачные, чувственные»
Заключение. «К высшим и сиятельнейшим друзьям людей»

Человеческое, слишком человеческое 4. *Искусство.*
В целом я признаю за художниками больше прав: пессимизм.
Заключение: против Р. Вагнера. *Об отступлении вагнерианства.* –
Как мало общего у немецкого стиля со звучанием

Человеческое, слишком человеческое 5. *Высшая культура.*
Немецкая культура как романтизм
Немцев называют глубокими.
Вагнер и Париж
Еще и сегодня самая утонченная культура – – –
Виктор Гюго: *«Демагоги в культуре»*
Влияние Канта в Европе
Если предположить, что философ – это духовный воспитатель – – –
Об убеждении и справедливости (предпоследнее)

Человек в общении.
Если философы среди homines – – –

Человеческое, слишком человеческое. *Женщина* и ребенок.

Великая чувственность

О женщинах невозможно думать достаточно возвышенно – – –

Уменьшение *привлекательности.* –

Человеческое, слишком человеческое. *Государство.*

Социализм – это до конца – – –

Обо всех этих национальных войнах, новых империях – – –

Есть аристократия крови – – –

Тот благонадежный энтузиаст – – –

Немцы, чьих германских предков – – –

Немецкие евреи. – Добрые европейцы.

Немцы еще ничем не были, ибо они чем-то становятся.

Человеческое, слишком человеческое. Человек наедине с *самим собой.*

Опасность у неординарных умов.

Человек, стремящийся к великому.

Что многие говорят о вещах, в отношении которых – – –

Отшельник, человек высшего философского склада.

I. *После этого: «вольнодумцы»*

Третье с конца: II. «Свободный духом» и одиночество.

III.2. (*В конце.*) *Сильный* духом.

IV. Заключение: В Генуе. О друзья мои, понимаете ли вы это «вопреки»? – – –

42 [4]

1. *Познающий*
2. *По ту сторону добра и зла*
3. *Новые басни о боге*
4. *Мужчина и женщина*
5. *Друг, враг* и одиночество

42 [5]

Один или вдвоем – 6, 13, 14, 24, 36, 48

Жертва – 19, 18
Презрение к женщине – 20, 16, 17, 23, 37
Не слишком много слов – 22, 15
Ребенок, мужчина, женщина – 28
Созидающие – 29, 30
Против самопознания – 38, 45
Чтобы быть любимым – 46
Намерения – 57
Стадо – 62
Брак – 60, 53, 18, 17
Дьявол, бог – 47
Время и будущее – 76, 102

42 [6]

С. 1. Не существует общего блага: это слово противоречит себе самому, ибо что может быть общим, то всегда будет обладать низкой ценностью, т. е. не будет благом.

1. Догматики. Платон и «чистый дух».
Замечательное напряжение, созданное догматиками.
2. Скептики.
Приказывающие редки. В конечном счете в философии правят посредственности!
Где еще есть воля?
3. Критики:
Относится ли немецкая философия к критическому или скептическому направлению? Кант. Нет, это противоположное направление, в сущности теологическое.
«Без страстного удовлетворения».
4. Англичане и философия, абсолютно непригодная для моралистической «охоты».
Французы. Рихард Вагнер.
5. Стадная мораль.
Христианство, умаляющее Ветхий Завет.
Социализм. Вольнодумцы. «Просвещение».
6. Философ как испытатель новых возможностей.
Значение неморального для воспитания.
его жестокость
его одиночество
Тейхм<юллер>

7. Мои предшественники.
О моих «Несвоевременных размышлениях».
слово о пессимизме.
слово о художниках: дионисийское.
Оформление души Европы.
Значение греков, их открытия.
исторический смысл
8. Дионисийское.

42 [7]

– Мои фантазии как две капли воды похожи – – –
– Выглядели ли деревья зелеными уже 50 тысяч лет тому назад?
– Логике хронологически предшествовало установление *идентичных случаев*, ассимиляция.
– Память в органической последовательности.
– «врожденные идеи»
– От лицемерия можно было бы избавиться, если бы не было так весело за ним наблюдать. Боги не как у Эпикура, а как у Гомера – или как у Галиани.
– Математики, которые ждут, когда им станет полезен атом! Однако, в грубой форме, л<юди> всегда так поступали. Что значит действительность, если ее нельзя применить в нашем домашнем хозяйстве!

42 [8]

Да, философия пра́ва! Это наука, которая, как и все моральные науки, еще лежит в пеленках!

Люди, например мнящие себя свободными юристы, все еще не понимают древнейший и наиболее ценный *смысл* наказания – и вообще не знают о нем; пока правовая наука не встанет на новую почву сопоставления историй и народов, все останется на уровне бесполезной борьбы в принципе ложных абстракций, которые сегодня выдают себя за «философию права» и все без исключения выводятся из современного ч<еловека>. Однако современный ч<еловек> – это столь запутанный клубок, в том числе и применительно к его правовым оценкам, что допускает самые разные *толкования*.

43. Осень 1885

43 [1]

Набросок.

Первая проблема: как глубоко проникает в вещи *«воля к истине»*? Если измерить всю ценность незнания в составе средств сохранения жизни, равно как и ценность упрощений вообще и ценность регулятивных фикций, например фикции логической, – если принять в расчет в первую очередь ценность толкований, а также почему не «это есть», а «это означает» – – –

то напрашивается вывод: «воля к истине» развивается, подчиняясь «воле к власти», точнее, ее задача состоит в том, чтобы содействовать победе и длительному существованию определенного вида лжи и взять в качестве основы для сохранения определенного вида жизни взаимозависимую целокупность фальсификаций.

Проблема: как глубоко входит в сущность вещей *воля к добру*. Повсюду, у растений и животных, мы видим нечто противоположное: равнодушие, или суровость, или жестокость. «Справедливость», «наказание». Развитие жестокости.

Решение. Сочувствие свойственно только социальным образованиям (к ним относится человеческое тело, чьи живые отдельные части совместно чувствуют друг друга), как следствие того, что большее целое *хочет сохранить* себя относительно другого целого, а так как в целокупном мировом хозяйстве нет возможности для гибели и утрат, то доброта была бы в нем *излишним* принципом.

Проблема: как глубоко проникает в суть вещей разум. После критики цели и средств (не фактическое соотношение, а всегда только примысливаемое), характер расточительства, безумия <в> общем хозяйстве нормальное явление. «Интеллект» представляется особой формой неразумия, почти злой карикатурой на него.

Проблема: как далеко заходит «воля к прекрасному». Безудержное развитие форм: самыми красивыми становятся только самые сильные; в качестве победивших они остаются и радуются своему типу, размножение. (Вера Платона в то, что сама философия есть вид утонченного полового и плодотворного влечения.)

Следовательно, вещи, которые до сих пор ценились превыше всего как «истинное», «доброе», «разумное», «прекрасное», оказываются лишь отдельными проявлениями *противоположных* сил – я указываю пальцем на чудовищную *фальсификацию перспектив*, благодаря которой вид «человек» утверждает себя. Условием жизни этого вида является получение удовольствия от самого себя (человек радуется средствам своего самосохранения, а к ним относится то, что человек не хочет обманываться, что люди взаимно помогают друг другу и готовы понимать друг друга и что в целом удавшиеся типы умеют жить за счет неудавшихся). Во всем этом выражается воля к власти, с ее несомненным стремлением прибегать к средствам обмáна; можно представить себе *злорадное удовольствие*, которое бог испытывает при виде любующегося собой человека.

Итак: воля к власти.

Вывод: если это представление для нас *неприемлемо*, почему мы с ним соглашаемся? Подавайте-ка нам прекрасный обман! Будем обманщиками и приукрашателями человечества! *Кем*, собственно, и является *философ*.

43 [2]

Ложное понимание логики: она ничего не объясняет, напротив

Ложное понимание исторического развития: последовательность есть описание.

Поверхностность нашего чувства причинности.

«Познание» – насколько оно невозможно в мире становления?

Вместе с органическим миром дана сфера перспектив.

Познаваемость мира – нескромность со стороны человека.

Растворение инстинктов – превращение в формулы и в людей формул. Против натурализма и механистично-

сти. «Исчисляемость» мира, желательна ли она? Тогда и творческий акт был бы «исчисляемым»?

Механика *своего рода идеал*, как регулятивный метод – но не более того.

Насмешка над идеалистами, которые надеются найти *«истину»* там, где сами чувствуют себя «хорошо» или «возвышенно». Классический пример: Ренан, цитируемый Бурже.

Отрицание пустого пространства и сведение механики к тирании глаза и осязания.

Отрицание actio in distans[1]. *Против* давления и толчка.

Образ мира как причина его кругового процесса. *Не* шар!

Сила непрерывна.

Против Лапласа-Канта.

Борьба атомов как индивидов, однако при известной разности сил из двух атомов получается один и из двух индивидов – один. И наоборот: из одного получаются два, если внутреннее состояние приводит к разъединению силового центра. – *Итак, против* абсолютных понятий «атом» и «индивид»!

Атом борется за свое состояние, а другие атомы нападают на него, чтобы увеличить свою силу.

Понимать *оба* процесса – растворение и уплотнение – *как проявления* воли к власти. Вплоть до мельчайших своих фрагментов он стремится к уплотнению. Но чтобы в каком-нибудь месте *уплотниться*, он *вынужден* в другом месте становиться более разреженным и т.д.

Мироздание и атом отличаются лишь по размерам, но управляются *одинаковыми законами*.

43 [3]

Немцы, чьих германских предков никакой Тацит не хвалил за ум или хотя бы за умение получать удовольствие от духовной сферы, например от argute loqui[2], ко всему прочему еще и много сделали для того, чтобы в течение столетий изображать из себя дураков, а недобрый бог, господствовавший над ними и враждебный всему немецкому,

---

1 воздействия на расстоянии (*лат.*)

2 красноречия (*лат.*)

– быть может, из страха перед их предопределенным атеизмом и сумерками богов? – наделил их склонностями, из-за которых народ закрывал двери перед духом; этот бог повелел немцам потеть в чересчур жарких постелях, сидеть в душных и тесных комнатах, предпочитать трудно перевариваемые блюда, например клецки и жирные каши, но прежде всего пить до упаду, так что в представлении соседей идти спать и быть навеселе применительно к немцам долгое время означало одно и то же. Иногда даже приходила в голову мысль, что если и возникнет какой-то «*немецкий* дух», то только благодаря разнемечиванию, я хочу сказать, смешению с иностранной кровью. Кто подсчитает, сколько сделали для одухотворения Германии славяне, кельты или евреи! Но куда важнее было кровосмешение внутри народа, когда в одного и того же ч<еловека> вкладывались разные инстинкты, а в одну грудь «не две, а целых двадцать душ», та чудовищная порча расы, которой не найти равных в Европе и которая сделала из немцев все понимающий, все чувствующий, ассимилирующий самого себя народ середины, народ-посредник, ферментную расу, для которой «нет ничего невозможного». Стоит присмотреться к истории немецкой души, и станет понятно, <как> эти неуравновешенные, разнородные, многогранные немцы превратились во внешне слабых, сервильных, ленивых, неумелых л<юдей>, внутренне же в арену духовных искушений и схваток, как, наконец, из их среды вышел бунтарский дух крестьянства и проповедничества (лучший пример тому Лютер, развязавший духовную войну крестьян против «высших людей» Возрождения), как этот крестьянский проповеднический дух позднее обернулся воинственным, язвительным и колким духом бюргеров и критиков (лучший пример тому – Лессинг, возглавивший «гражданскую войну», борьбу немецкого буржуа против аристократического духа французской культуры: Лессинг против Корнеля, Лессинг – защитник Дидро), пока, наконец, наш последний, двойственный тип развившегося духа не выдвинул Гёте и Гегеля, этого всеохватного боа-констриктора, «дух сам по себе» и его ферментную натуру, космо- и теополитическую общедоступность немца, превосходство его абстракций, ловкую

гибкость его переимчивой историзации, его последнюю и самую благородную черту, которая мандаринское превосходство и «потусторонность» – – –

– вся Европа от восхищения упала на колени –

– правда, он же породил и полнейшее отсутствие границ, чувства меры в греческом смысле, «стиля» в любом смысле, отсутствие собственного *содержания* – я имею в виду установление и *создание новых ценностей.*

Во всяком случае, в сравнении с этой последней великой европейской достопримечательностью, с «немецким духом», с превеликой важностью воспринимаемая сегодня «немецкая империя» не может быть предметом серьезного интереса, по крайней мере, в глазах философа. Какой смысл в этой новой империи, если она возводится не на фундаменте новой идеи или хотя бы новой глупости? Это все та же *старая* глупость: равные политические права, народное представительство, парламентаризм, газеты как основа государства – по-прежнему доводящая до идиотизма европейская болезнь бесконечной политизации, распространившаяся на *еще один* великий народ; что нового может узнать здесь ф<илософ> – или хотя бы что может он здесь презирать! –

44. Осень 1885

44 [1]

Главы.

О толковании.

О ранговом порядке.

Пути к священному.

Вечное возвращение. Суеверие критических философов.

Критика Паскаля: у него уже было христиански-*моралистическое толкование* природы человека, и он полагал, что постиг «суть дела». Как и Сент-Бёв.

44 [2]

Со времени Паскаля ничего не произошло, немецкие философы не идут с ним ни в какое сравнение.

44 [3]

У немцев нет прозы, которая бы звенела и подпрыгивала.

44 [4]

Классическая проза французов 1648 года: *что* должно накопиться.

44 [5]

Отсутствие морал<ьной> дисциплины; л<юдям> было позволено расти, как им вздумается. Возможно, л<юди> из Пор-Руаяля были подобны *искусственным* садам.

Отсутствует *авторитет*.

Отсутствует умеренность внутри спокойных горизонтов; бесконечность превратили в своего рода опьянение.

Отсутствует *тонкость* в суждениях.

Царит хаос противоречивых ценностных оценок.

44 [6]

Что такое борьба христиан «против природы»? Не позволим обмануть себя ее словами и толкованиями! Это природа против чего-то, что есть природа. У многих страх, у некоторых отвращение, у иных – своеобразная духовность, любовь к идеалу без плоти и желания, у высших – любовь к «уходу природы»: они хотят поступать в соответствии со своим идеалом. Понятно, что смирение вместо чувства собственного достоинства, пугливая предусмотрительность по отношению к желаниям, отказ от привычных обязанностей (благодаря чему тоже создается чувство принадлежности к высшему рангу), возбуждение беспрестанной борьбы за необычайные вещи, привычка к излияниям чувств – все это вместе и создает тип, в котором преобладает *раздражительность* хиреющего тела, но нервозность и то, чем она внушена, получают иную *интерпретацию*. *Вкус* натур такого типа сводится: 1) к изощренному, 2) к витиевато-иносказательному, 3) к крайним проявлениям чувств. – Естественные наклонности *все же* удовлетворяются, но в форме новой интерпретации, например как «оправдание перед богом», «чувство избавления в милости» (так интерпретируется любое неотвратимо *приятное чувство*!), как гордыня, сладострастие и т.д. – Проблема общего характера: что станет с человеком, который чернит и практически отрицает и губит в себе естественное начало? На деле христианин представляет собой *утрированную* форму самообладания: чтобы усмирить свои желания, он должен, как ему кажется, уничтожить или распять их. –

Эпикурейский и стоический тип христианина: к первому относится Франциск Сальский, ко второму Паскаль.

Победа Эпикура – но именно этот тип человека плохо понимают и *должны* плохо понимать. Стоический тип (крайне нуждающийся в борьбе и, *следовательно*, чрезмерно переоценивающий значение того, кто борется) постоянно клевещет на «Эпикура»!

44 [7]

Греко-римская античность нуждалась в тиранической и утрированной морали, направленной против природы; немцы тоже, но в другом смысле.

Нашему нынешнему типу человека *недостает*, по существу, воспитания и строгой дисциплины; возникающая при этом опасность невелика, так как этот тип человека слабее прежних и, с другой стороны, так как его сковывают и держат в узде непреднамеренные воспитатели (такие, как прилежание, тщеславное стремление к успеху, бюргерская добропорядочность). Но *как* нужно было удерживать вместе людей эпохи Паскаля!

Христианство *излишне* там, где нет больше *нужды* в крайних средствах! Там все становится ложным, и каждое слово, любая христианская перспектива оборачиваются тартюфством и краснобайством.

44 [8]

Новая Япония.

Я с превеликим тайным злорадством прочитал, что один анархист под понятием «свободное общество» – – –

«Свободное общество»: все его черты как гротескное украшение мелкого вида стадных животных посредством слов и красок.

«Справедливость» и мораль равных прав – тартюфство моральных предикатов.

«Пресса», ее идеализация.

«упразднение рабочего»

«Доарийская раса прокладывает себе путь» – и вообще самые древние формы общества.

закат женщины

Евреи как господствующая раса.

Благородная и низкая культура.

Ученый переоценивает: торжествующая, более любвеобильная и властная полнота сердца.

– как я наблюдал за всем этим, быть может, без любви, но и без насмешки и, что удивительно после всего сказанного, – с любопытством ребенка, стоящего перед чрезвычайно пестрой и изысканной панорамой. – – –

44 [9]

Стоит задуматься над тем, как страдания теснят ч<еловека> к самому себе, причиняя ущерб, делая его ум-

нее, но наверняка в той же мере и хуже (ограниченнее, мелочнее, завистливее, черствее – – –).

Ибо число их всегда невелико, в то время как другие страдающие не имеют ничего, что в *такой же* степени могло бы излечить их от дурных последствий многочисленных страданий и – – –

45. Осень 1885

45 [1]

Воспитание сердца

45 [2]

Песни и мысли
принца Фогельфрай.

Сочинение
Фридриха Ницше

45 [3]

Посвящение и заключительная часть

45 [4]

Песни и мысли
принца Фогельфрай.

Сочинение
Фридриха Ницше

45 [5]

Беда настигнет беглеца всегда –
Печалью ли от оскудевших рук
Иль грустью обреченного дарить.

И вот беда настигла беглеца,
Когда он щедро и самозабвенно
Раздаривал жемчужины свои

Что побежденного гнетет к земле,
Любую гордость обращая в слезы? –
Ужасная картина:

Бросал свои жемчужины в песок ты,
И море жадно поглощало их!
Вот расточительному благодарность

45 [6]

Как избежать саморазрушения. Гарпии. Освобождение. К истории «свободного духом». Описание свободных духом.

2) веселость, 3) маски, 4) благородство

женский вопрос
пессимизм художников

45 [7]

Уж гаснет день, тускнеют свет и счастье,
И полдень далеко.
Дождусь ли? Всходят звезды и луна,
Приносит ветер зрелость: не дождусь
И упаду, как зрелый плод, под ветром

Примечания

Список сокращений

Произведения:

БОУ – «О будущем наших образовательных учреждений».
ВН – «Веселая наука».
ВН-п– «Веселая наука» (приложение).
ГМ – «К генеалогии морали».
ДД – «Дионисовы дифирамбы».
ДШ – «Давид Штраус в роли исповедника и писателя».
ЕН – «Ecce homo».
НВ – «Ницше contra Вагнер».
ПСДЗ – «По ту сторону добра и зла».
РВБ – «Рихард Вагнер в Байройте».
РТ – «Рождение трагедии».
СВ – «Случай “Вагнер”».
СИ – «Сумерки идолов».
ТГЗ – «Так говорил Заратустра».
ЧСЧ – «Человеческое, слишком человеческое».
ЧСЧ (СМИ) – приложение к ЧСЧ «Смешанные мнения и изречения».
ШВ – «Шопенгауэр как воспитатель».

Издания:

GA – Großoktav-Ausgabe (Nietzsche F. Werke. 19 Bde. u. 1 Registerband. Leipzig: C.G. Naumann / A.Kröner, 1894–1926).

KSA – Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. De Gruyter, 1999.

НП – Ф. Ницше. Письма. М.: «Культурная революция», 2007.

ПСС – Ф. Ницше. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М.: «Культурная революция», 2005 –.

Специальные обозначения, используемые в комментарии:

КН – книги из библиотеки Ницше.

Vs (Vorstufe) – предварительная стадия: заметки, использованные в чистовой рукописи.

25. Весна 1884

Тетрадь W I 1

25[1] Ср. 25[2.6.227.323]; 26[243.259.293.298.325.465]; 27[58. 80.82].

25[2] Ср. письмо Ницше к Генриху Кезелицу от 22 марта 1884 г.

25[3] Ср. *ТГЗ* IV *Беседа с королями*; 29[1]; 31[44.61].

25[4] Ср. *ТГЗ* IV *Песнь уныния*; 31[31]; 28[14].

Сага об Олафе Харальдсоне. – Олаф II Харальдсон (около 995–1030) – норвежский король с 1015 г. (или 1016 г.). Будучи предводителем дружины викингов, он нападал на побережья Швеции, Дании и Нидерландов. Зимой 1013–1014 гг. принял христианство в Руане. Вернувшись в Норвегию, захватил престол. Завершил распространение христианства в стране. В 1030 г. был убит. После смерти стал почитаться как покровитель Норвегии.

25[5] Ср. *ТГЗ* IV *Тень*; 29[1]; 31[44]; 32[8].

25[6] См. прим. к 25[1].

25[7] *«Dans le véritable ... corps».* – Ср. *ПСДЗ* 142. Источник неизвестен.

25[9] Во второе, расширенное издание «Воли к власти» (1911 г.) была включена только половина данного афоризма (под номером 57).

25[11] *fait-alisme.* – Слово, придуманное Ницше наподобие другим «измам» и близкое по написанию и звучанию франц. слову fatalisme («фатализм»). Ср. письмо Ницше к Генриху Кезелицу от 22 марта 1884 г.

25[14] Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 9; 29[1]; 32[8].

25[16] Ср. 29[1]; 31[48]; 32[8].

25[18] *to «break out».* – Ср. *ТГЗ* IV *Тень*; 29[1]; 31[44]; 32[8].

25[25] *Мишле,* Жюль (1798–1874) – французский историк романтического направления. Главные сочинения: «История Франции» и «История Французской революции».

«admirable ... forts». – Источник неизвестен.

«Gênes ... audace!» – Источник неизвестен.

25[26] В этот период Ницше читал переписку Оноре де Бальзака (Honoré de Balzac. Correspondance 1819–1850. Œuvres complètes XXIV. Paris 1876). Здесь Ницше цитирует

письмо Бальзака к мадам Ганской от 20 янв. 1838 г. (с. 276сл.).

25[27] См. письмо Бальзака к мадам Ганской, октябрь 1836 г. (Correspondance, с. 241). Ср. прим. к 25[26].

25[28] *Il jettera ... nouvelles.* – Цитата из письма Бальзака к Лоре Сюрвиль, август 1832 г. (Correspondance, с. 127сл.). Ср. прим. к 25[26].

25[29] См. письмо Бальзака к Р. Коломбу от 30 янв. 1846 г. (Correspondance, с. 491сл.). Ср. прим. к 25[26].
madame Honesta. – Мадам Онеста – персонаж басни Лафонтена «Бельфегор» (Belphégor).

25[30] См. письмо Бальзака к мадам Ганской от 4 марта 1844 г. (Correspondance, с. 400). Ср. прим. к 25[26].

25[31] *«Vous avez ... de l'Italie».* – Цитата из письма Бальзака к Стендалю от 6 апреля 1839 г. (Correspondance, с. 329 сл.). Ср. прим. к 25[26].

25[32] *Прочитать роман Кюстина «Этель».* – Кюстин, Астольф де (1790–1857) – французский литератор, монархист.
à la Chamfort ... coupé. – Цитата из письма Бальзака к Астольфу де Кюстину от 10 февраля 1839 г. и из письма к мадам Ганской от 18 июня 1838 г. (Correspondance, с. 321сл., 303). Ср. прим. к 25[26].
Де *Шамфор*, Себастьен-Рош Николя (1741–1794) – французский писатель, в течение многих лет записывавший свои остроты, афоризмы и анекдоты, часть из которых была издана после его смерти под названием «Максимы и мысли. Характеры и анекдоты» (Maximes et pensées. Caractères et anecdotes).
Ривароль, Антуан (1753–1801) – французский писатель-публицист.

25[34] *«mes deux ... aimé».* – Цитата из писем Бальзака к Зульме Карро от 1 июня 1832 г. и к Лоре Сюрвиль от 1821 г. (Correspondance, с. 109, 35). Ср. прим. к 25[26].

25[37] *Борджа* (Борджиа), Чезаре (около 1475–1507) – правитель Романьи с 1499 г. С помощью своего отца (папы Римского Александра VI) создал в Средней Италии обширное государство, в котором пользовался абсолютной властью. Славился своей необыкновенной физической силой.

25[41] *я нашел у де Кюстина, в mémoires et voyages.* – Ницше ссылается на двухтомный труд Астольфа де Кюстина «Воспоминания и путешествия» (Mémoires et voyages, ou lettres écrites à diverses époques, pendant des courses en Suisse, en Calabre, en Angleterre, et en Écosse. Paris 1830). Далее – Кюстин.
je n'aspire ... sérieuses. – Цитата из первого тома Кюстина.
25[42] Кюстин, т. 1, стр.156; ср. прим. к 25[41].
25[43] Кюстин, т. 1, с. 169сл.; ср. прим. к 25[41].
25[44] Кюстин, т. 1, с. 181; ср. прим. к 25[41].
25[45] Кюстин, т. 1, с. 187; ср. прим. к 25[41].
«un crime ... vaniteuse». – Кюстин, т. 1, с. 187; ср. прим. к 25[41].
25[46] Кюстин, т. 1, с. 223; ср. прим. к 25[41].
25[47] Кюстин, т. 1, с. 225; ср. прим. к 25[41].
25[48] Кюстин, т. 1, с. 248; ср. прим. к 25[41].
25[49] Кюстин, т. 1, с. 273; ср. прим. к 25[41].
25[50] Кюстин, т. 1, с. 332сл.; ср. прим. к 25[41].
25[51] Кюстин, т. 2, с. 163; ср. прим. к 25[41].
Но католицизм ... церкви! – Комментарий Ницше.
25[52] Кюстин, т. 2, с. 256сл., с. 260сл.; ср. прим. к 25[41].
25[53] Кюстин, т. 2, с. 276; ср. прим. к 25[41].
25[54] Кюстин, т. 2, с. 292; ср. прим. к 25[41].
25[55] Кюстин, т. 2, с. 380; ср. прим. к 25[41].
25[57] Кюстин, т. 2, с. 291; ср. прим. к 25[41].
25[58] Кюстин, т. 2, с. 272; ср. прим. к 25[41].
25[59] *актерам, подобным Кину.* – Кин, Эдмунд (1787–1833) – английский актер, прославившийся благодаря исполнению шекспировских ролей.
un chant ... tragiques. – Кюстин, т. 2, с. 251сл.; ср. прим. к 25[41].
25[60] Кюстин, т. 2, с. 252; ср. прим. к 25[41].
25[61] Кюстин, т. 2, с. 418; ср. прим. к 25[41].
25[62] Кюстин, т. 2, с. 442сл.; ср. прим. к 25[41].
25[63] Кюстин, т. 2, с. 448сл.; ср. прим. к 25[41].
25[64] Кюстин, т. 2, с. 464; ср. прим. к 25[41].
25[65] Кюстин, т. 2, с. 464; ср. прим. к 25[41].
25[66] Кюстин, т. 2, с. 466; ср. прим. к 25[41].
25[67] Кюстин, т. 2, с. 467; ср. прим. к 25[41].

presumption. – Правильно – présompion (самодовольство (*фр.*)).

25[68] Кюстин, т. 2, с. 467; ср. прим. к 25[41].

25[69] Кюстин, т. 2, с. 474; ср. прим. к 25[41].

25[72] Источник неизвестен.

25[75] Источник неизвестен.

25[76] Источник неизвестен.

25[77] Источник неизвестен.

25[78] Источник неизвестен.

25[79] Источник неизвестен.

25[80] Источник неизвестен.

25[81] Источник неизвестен.

25[82] Источник неизвестен.

25[83] Источник неизвестен.

25[84] Цитата из сочинения Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (Die Welt als Wille und Vorstellung).

25[90] Источник неизвестен.

25[91] Источник неизвестен. Ср. *ТГЗ* IV *Приветствие.*

25[92] Источник неизвестен. Ср. *ТГЗ* IV *Песнь уныния.*

25[98] Источник неизвестен.

25[101] *«Самый безобразный ... тем лучше.* – Ср. *ТГЗ* IV *Самый безобразный человек*

25[108] Источник неизвестен.

25[109] Источник неизвестен.

25[110] Источник неизвестен.

25[112] *характеристику у Гонкуров в «Рене Мопрене».* – «Рене Мопрен» (1864) – роман братьев Гонкур.

25[115] Ср. *ЕН Случай «Вагнер»* 2.

Мартелл, Карл (ок. 688–741) – фактический правитель Франкского государства (с 715) при последних Меровингах, майордом из рода Каролингов. В 732 г. в битве при Пуатье разгромил арабов, остановив их продвижение в Западную Европу.

25[117] *хороший инстинкт ... палаццо Питти.* – См. книгу Якоба Буркхардта (1818–1897), швейцарского историка и философа культуры: «Цицерон. Введение в созерцание произведений искусства Италии» (Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuß der Kunstwerke Italiens. Leipzig 1865, 175, KH).

палаццо Питти. – Флорентийский палаццо, построенный по заказу банкира Луки Питти, а позднее служивший резиденцией герцогам Медичи. В 1919 году открыт для публичного доступа. На сегодняшний день является одной из самых больших художественных галерей Флоренции.

подобно Фидию. – Фидий (ок. 490–ок. 430 до н.э.) – знаменитый др.-греч. скульптор, главный советник и помощник Перикла при реконструкции Акрополя в Афинах.

Флобер (письма). – Ницше ссылается на книгу: Gustave Flaubert. Lettres à George Sand. Précédées d'une étude par Guy de Maupassant. Paris 1884, KH.

25[123] Ср. *ПСДЗ* 224.

25[124] Мари де Рабютен-Шанталь, баронесса де *Севинье* (1626–1696) – франц. писательница. В своих письмах к дочери она рассказывала о салонной жизни Парижа и Версаля, о театральных и литературных новинках.

25[126] *Тэн о Бальзаке.* – Ницше ссылается на книгу Тэна «Новые эссе о критике и истории» (Nouveaux essais de critique et d'histoire).

25[137] *В «Феаге» Платона сказано.* – В диалоге «Феаг» (125e–126a) сказано следующее: «Думаю, я мог бы пожелать стать тираном, и лучше всего над всеми людьми, а если это невозможно, то над их большинством. Да ведь, пожалуй и ты (Сократ. – А.К.), и все остальные хотели бы этого, а еще более – стать богами...»

25[138] Источник неизвестен.

25[139] Источник неизвестен.

Раскин (Рескин), Джон (1819–1900) – английский писатель, теоретик искусства. Идеолог прерафаэлитов.

25[141] *Делакруа ... во всем этом.* – Цитата из романа братьев Гонкур «Манетт Саломон» (1867), гл. XXXV.

25[142] См. «Манетт Саломон», гл. XXXV.

25[143] См. «Манетт Саломон», гл. XXXVI и LXV.

25[144] См. «Манетт Саломон», гл. III.

25[145] См. «Манетт Саломон», LXXXIII.

25[148] *Чередование ... тысячелетнее царство.* – Цитата из книги Э. Ренана «История происхождения христианства. Том 1. Жизнь Иисуса» (Histoire des origines du Christia-

nisme I, La vie de Jésus. Paris 1863, 47; Н. пользуется другим изданием). Ср. *ТГЗ* IV *Жертва медовая.*

25[149] См. Ренан, с. 51–53.

25[150] Указанный евангельский стих, дословно гласящий: «Горе вам, смеющиеся ныне!» – цитируется Э. Ренаном на с. 179; см. прим. к 25[148]. Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 16.

25[151] См. Ренан, с. 180. Источником для Ренана, в свою очередь, являются «Строматы» Климента Александрийского (I, 28). Ср. также 31[50], 32[10]. Ницше планировал использовать данный фрагмент для *ТГЗ* IV *Добровольный нищий.*

25[152] Ср. 25[177].

25[154] Ницше ссылается на высказывание Стендаля в книге «Рим, Неаполь и Флоренция» (Rome, Naples et Florence. Paris 1854, 30, KH): «La beauté n'est jamais, ce me semble, qu'une promesse de bonheur» (Прекрасное, как мне кажется, всегда есть лишь обещание счастья (*фр.*)).

25[156] Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 16.

25[164] *человек насилия.* – Ср. 25[117] и прим.

25[167] *Персонажи Фуцидида ... Фукидида.* – Ницше обыгрывает разницу в лат. (Thucydides) и греч. (*Θουκυδίδης*) написании имени др.-греч. прозаика и историка Фукидида (ок. 460 – ок. 400 до н. э.), автора незаконченного труда «История», повествующего о Пелопонесской войне между Афинами и Спартой (431–404 до н.э.).

25[169] Фраза, произнесенная Жюльеном Сорелем в романе Стендаля «Красное и черное». Ср. письмо Ницше к Генриху Кезелицу от 19 декабря 1886 г.

25[177] Ср. 25[152].

25[178] *Потом рабы и м<иссис> Стоу.* – Ницше имеет в виду роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома» (1852).
Сравнение ... Людовика XIV. – Эпоха правления Людовика XIV – вершина французского абсолютизма (легенда приписывает Людовику XIV изречение: «Государство – это я»).

25[183] *В «Стелло» ... признание.* – «Стелло» (1832) – исторический роман французского писателя Альфреда де Виньи (1797–1863).

25[184] Ср. *ПСДЗ* 256.
25[187] *Et puis ... présente.* – Цитата из книги графа Эммануэля Огюстена де Лас Каза (1766–1842), французского писателя и камергера Наполеона, «Мемориал Святой Елены» (E. Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. Tome III. Paris 1823, 102сл.).
25[188] См. Mémorial de Sainte-Hélène, IV, 160.
25[189] *il se disait ... morale.* – См. Mémorial de Sainte-Hélène, IV, 165.
25[190] См. Mémorial de Sainte-Hélène, III, 240.
25[191] См. Mémorial de Sainte-Hélène, III, 104.
25[193] *Кетхен из Гейльбронна.* – Драма Генриха фон Клейста (1777–1811), впервые поставленная в 1810 г.
25[194] *Дориа*, Андреа (1466–1560) – генуэзский генерал, с 1528 г. фактический правитель Генуэзской республики. Источник неизвестен.
25[196] *«калеки наизнанку».* – Ср. *ТГЗ* II *Об избавлении.*
25[197] *Ферней Вольтера.* – Ферней или Ферне – имение Вольтера на границе Франции и Швейцарии. Вольтера часто называли «фернейским патриархом».
Казерта. – Итальянский город в Кампании с барочным палаццо Реале, построенным архитектором Л. Ванвителли в 1752–1754 гг. и называемым «итальянским Версалем».
Кларенс Руссо. – Кларенс или Кларен – селение в Швейцарии (кантон Во), место действия романа Жан Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).
25[198] Ср. *ТГЗ* IV *Тень*; 32[8].
25[204] Источник неизвестен.
25[205] *les Gaulois ... vanité.* – Источник неизвестен.
25[206] Источник неизвестен.
25[211] *Беньян* (Баньян), Джон (1628–1688) – английский писатель-моралист и пуританин.
25[212] Источник неизвестен.
25[220] Ср. характеристику сестры Элизабет Ферстер-Ницше в письме Ницше к Мальвиде фон Мейзенбург от начала мая 1884 г. (НП, с. 223).
25[227] См. прим. к 25[1].
25[237] Набросок к новому произведению о Заратустре, которое должно было следовать за *ТГЗ* III; ср. 25[246.247.

260.306.415.523]; 26[222]; 27[71]. О названии нового произведения см. 25[323].

25[238] *«Философия будущего»*. – Часто встречающееся название или подзаголовок; ср. 25[490.500]; 26[426]; 34[1]; 35[84]; 36[1]; 36[6]; 40[45]; 40[48]; 41[1].

25[246] См. прим. к 25[237]; ср. *ТГЗ* IV *Беседа с королями.*

25[247] См. прим. к 25[237]. Некоторые темы фрагмента были использованы Ницше в *ТГЗ* IV.

«Где ... сострадательны?» – Ср. *ТГЗ* II *О сострадательных*; см. также эпиграф *ТГЗ* IV.

25[248] Ср. 25[251].

25[249] См. прим. к 25[237].

25[250] *Лео Гфрёрер*. – Имеется в виду Август Фридрих Гфрёрер (1803–1861), немецкий историк.

25[251] Ср. 25[248].

25[252] Ср. 31[61]; *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 5.

25[257] Ср. *ПСДЗ Предисловие.*

25[259] Ср. 25[217]. Некоторые темы были использованы Ницше в *ГМ.*

У Рэ... люди. – О полемике Ницше с Паулем Рэ см. прим. к ПСС 10, 7[17].

25[260] См. прим. к 25[237].

25[262] Ср. *ТГЗ* IV *В отставке.*

25[265] См. прим. к 25[252].

25[268] Ср. 25[271.272]; *ТГЗ* IV *Беседа с королями.*

Нибур, Бертольд Георг (1776–1831) – немецкий историк античности.

25[270] *мечтательности Конта.* – Огюст Конт (1798–1857) – французский философ, один из основоположников позитивизма. Социологическая система Конта проникнута духом религиозности и мистицизма.

25[271] Ср. 25[268].

25[272] Ср. 25[268]; 26[457].

25[276] Отсылки к БОУ, РВБ и ШВ.

25[282] *Липинер*, Зигфрид (1856–1911) – австрийский поэт.

25[284] Источник неизвестен.

25[286] Ср. *СИ Набеги несвоевременного* 51; *ЕН Предисловие* 4. См. также письма Ницше, датированные весной 1884 г. (отправленные после окончания *ТГЗ* III).

25[290] Ср. 25[305.322.331].

25[296] Ср. 26[293.298]; 27[79.80]; 29[40].

25[303] Ср. *ПСДЗ* 11; ср. также письмо Ницше к Генриху Кезелицу от 7 марта 1887 г.

отдающая Тюбингенской школой. – Имеется в виду основанная Ф.Х. Бауром евангелическая школа экзегетики, находившаяся под влиянием идей Гегеля.

25[304] Источник неизвестен; ср. *ТГЗ* IV *Тень*; *ГМ* III 24; 32[8].

25[305] См. прим. к 25[237].

25[306] См. прим. к 25[237].

25[307] *Цёльнер,* Иоганн Карл Фридрих (1834–1882) – немецкий астроном и физик.

25[318] Ницше ссылается на книгу немецкого философа и публициста Фридриха Альберта Ланге (1828–1875) «История материализма» (Geschichte des Materialismus. Iserlohn 1882; в библиотеке Ницше сохранилось издание 1887 г.). См.: J. Salaquarda, "Nietzsche und Lange". Nietzsche-Studien 7 (1978), 236–253.

25[322] См. прим. к 25[237].

25[323] См. прим. к 25[1] и 25[237].

25[331] См. прим. к 25[237].

25[337] *философскую болтовню ... жены Джона Стюарта Милля.* – Милль, Джон Стюарт (1806–1873) – английский философ и экономист, теоретик радикального либерализма.

25[338] Вероятно, Ницше имеет в виду сцену суда Пилата над Иисусом, когда ответом на слова Иисуса: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине» – стал скептический вопрос Пилата: «Что есть истина?» (Ин. 18:37.38). Ср. *ТГЗ* IV *Самый безобразный человек* и прим. в ПСС 4.

25[339] *Приап ... пугало для птиц.* – Приап – в античной мифологии божество производительных сил природы (изначально собственно фаллос).

25[340] *как правы и ассасины.* – Ассасины (от араб. хашишин, буквально – потребители гашиша) – тайная сектантская организация, образовавшаяся в Иране в конце 11 в. Руководящая верхушка ассасинов (крупные феодалы) практиковала как средство политической борьбы убийство своих противников. См. также *ГМ* III 24.

25[344] *Нерон и Каракалла.* – Нерон (37–68) – римский император с 54 г., из династии Юлиев-Клавдиев. Каракалла (186–217) – римский император с 211 г.

25[347] *Грациан* (Грасиан), Бальтасар (1601–1658) – испанский иезуит и философ.

25[352] См. прим. к 25[237].

25[366] *Гельвеций,* Клод Адриан (1715–1771) – французский философ-материалист.

25[372] *cogito, ergo sum.* – Положение, исходя из которого французский философ и математик Рене Декарт (1596–1650) пытался построить систему философии, свободную от элементов веры и основанную всецело на деятельности разума.

25[376] Ср. 25[401].

25[392] *«Все есть дух» ... «Все есть число».* – В GA повторяющиеся предложения были заменены издателями, так что текст принял следующий вид: *Все есть дух / Все мыслит* и *Все есть число / Все считает.*

25[401] Ср. 25[376].

25[403] *Глупость Геккеля.* – Геккель, Эрнст (1834–1919) – немецкий биолог-эволюционист, представитель естественнонаучного материализма.

25[412] *элеаты.* – Представители др.-греч. философской Элейской школы (конец 6 – 5 вв. до н. э.). Общим для элеатов было убеждение в том, что чувства дают нам не достоверные знания, а только противоречивые мнения.

25[415] См. прим. к 25[237].

25[417] Источник неизвестен.

25[418] Источник неизвестен.

Дюси, Жан Франсуа (1733–1816) – французский поэт и драматург, автор религиозных стихов.

25[422] Ср. *ПСДЗ* 233.

Мадам Ролан как глупая «гражданка». – Ролан де ля Платьер, Жанна Мари (1745–1793) – французская женщина-философ.

25[424] См. прим. к 25[318].

25[441] *с. 261.* – Нумерация по изданию Фрауэнштедта (Gesamtwerke. 6 Bde. Leipzig 1873–74, KH).

25[442] *1, с. 265.* – См. прим. к 25[441].

25[453] Ср. 25[237]; 25[323]; 26[220.221] и прим. к этим фрагментам.
25[454] *«Человек ... до́лжно преодолеть».* – Ср. *ТГЗ* I *Предисловие* 3.
25[456] Ср. 25[237] и прим.
25[458] Ср. 25[237] и прим.
25[472] Ср. *ГМ* I 5.
25[473] Ср. Гёте, «Максимы и рефлексии», 328.
25[474] Возможно, комментарий Ницше к Гёте. Ср. «Максимы и рефлексии», 313.
25[475] Ср. Гёте, «Максимы и рефлексии», 332.
25[476] Ср. Гёте, «Максимы и рефлексии», 340; *ПСДЗ* 244.
25[477] Ср. Гёте, «Максимы и рефлексии», 316.
25[478] Ср. Гёте, «Максимы и рефлексии», 316.
25[479] *virum .. potest.* – Цитата из труда древнеримского историка Веллея Патеркула (первая пол. 1 в.) «Historia Romana» (пер. А.И. Немировского). Ср. Гёте, «Максимы и рефлексии», 228.
25[480] Ср. Гёте «Максимы и рефлексии», 186.
25[481] Ср. Гёте «Афоризмы в прозе», 210.
25[482] Ср. Гёте «Афоризмы в прозе», 158.
25[490] Ср. 25[451.500.504], а также 25[489].
25[493] Ср. 25[237] и прим.
25[497] *будто он ... и другого.* – Ницше имеет в виду Рихарда Вагнера.
25[500] Ср. 25[490] и прим.; см. также прим. к 25[238].
Amor fati. – См. *ВН* 276; *ЕН Почему я так мудр* 10; *ЕН Случай «Вагнер»* 4; *НВ Эпилог* 1
25[504] Ср. 25[490].
25[505] *«Все ... дозволено!»* – Ср. 25[304] и прим.
25[511] Ницше имеет в виду сочинение римского философа-стоика и императора (с 161 г.) Марка Аврелия (121–180) «К самому себе» (в русском переводе – «Наедине с собой»), содержащего рассуждения по вопросам мироустройства и этики. Ср. ПСС 12, 7[12].
25[515] *в плавание по открытому морю.* – Ср. *ВН-п К новым морям.*
25[518] *Секки,* Анжело (1818–1878) – итальянский иезуит и астроном. Источник неизвестен.
25[518] *Мопертюи,* Пьер Луи Моро (1698–1759) – французский математик и астроном.
25[519] Источник неизвестен.

25[520] Вероятно, критика в адрес Э. фон Гартмана. Ср. 25[517].
25[523] Ср. 25[237] и прим.
25[525] Ср. 26[390]; 38[19]; *ГМ Предисловие* 3; ПСС 8, 28[7].
25[526] Ср. 34[247].

26. Лето–осень 1884

Тетрадь W I 2

26[2] Ср. 34[29].
26[4] *Лагард.* – Ницше ссылается на книгу немецкого востоковеда и философа культуры Пауля Антуана де Лагарда (1827–1891) «Немецкие сочинения» (Deutsche Schriften. Göttingen, 1878–1881).
26[6] Ср.28[53].
для него … невозможного! – См. Лк. 1:37.
26[7] *«он посылает дождь на праведных и неправедных».* – См. Мф. 5:45.
26[8] Ср. 25[303]; 26[445]; 26[412].
26[11] Ср. 25[217.259].
26[22] Отсылка к *РВБ.*
26[25] Ср. 25[304.505].
26[31] Ср. 26[377]; 35[49]; 41[2].
26[32] *Мойра.* – Греч. *μοῖρα* букв. означает «часть», «доля», в т.ч. «участь», ожидающая человека. Отсюда имя богинь судьбы (Мойр).
26[47] Ср. 25[490.500].
26[48] Ср. 26[47].
26[64] *Анаксимандр* (610 – 547/540 до н. э.) – др.-греч. философ и астроном, ученик Фалеса Милетского, принадлежащий к натурфилософской школе.
Анаксагор (ок. 500–428 до н. э.) – др.-греч. философ и ученый, основатель афинской школы философии, разработавший концепцию ума (*νοῦς*) как мирового начала.
26[67] *Гераклит.* – См. фрагм. 114, 28, 94, 80, 1, 2 и 23 (по изд. Дильса-Кранца).
26[75] К 26[47.48].
26[78] Цитата по изданию Фрауэнштедта (1873–1874), КН. См. прим. к 25[441].

26[84] Все цитаты, в т.ч. из Канта, даются по изд. Фрауэндштедта. См. прим. к 25[441] и 26[78].

26[85] См. прим. к 26[84].
сентиментальности Коцебу. – Ср. 26[96].
Коцебу, Август Фридрих Фердинанд (1761–1819) – немецкий писатель и драматург, выступал против Гёте и Шиллера, просветителей и французской революции. Был убит студентом Карлом Людвигом Зандом.

26[96] Ср. 26[85].

26[99] Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 5.

26[122] Источник неизвестен.

26[123] Ср. у Аристотеля в «Никомаховой этике» (1177а, 1–5): «Отдых, таким образом, – не цель, потому что он существует ради деятельности. [...] И мы утверждаем, что усердие и добропорядочность лучше потех с развлечениями и что деятельность лучшей части души или лучшего человека всегда более добропорядочная и усердная» (пер. Н.В. Брагинской).

26[128] Ср. 26[131].

26[131] Ср. 26[128].

26[139] *По ту ... зла.* – С 1883 г. и до момента публикации *ПСДЗ* это заглавие часто встречается в записях Ницше. Ср. 26[241.297.325].

26[140] Ср. 26[139].

26[153] Ср. 26[47.48.160].

26[155] Ср. 25[6].

26[173] «Где ... мои?» – Ср. *ПСДЗ Заключительная песнь.*

26[179] *как Манфред.* – Имеется в виду герой Байрона. Ср. *ЕН Почему я так мудр* 4.

26[193] См. книгу историка философии и индолога Пауля Дейссена (1845–1919) «Система Веданты» (Das System des Vedânta. Leipzig 1883, 239, КН).

26[194] См. прим. к 26[193]; Das System des Vedânta, 303.

26[198] См. прим. к 26[193]; Das System des Vedânta, 434f.

26[199] См. прим. к 26[193]; Das System des Vedânta, 444.

26[201] См. прим. к 26[193]; Das System des Vedânta, 448.

26[202] См. прим. к 7[17] в ПСС 10.

26[218] См. прим. к 7[17] в ПСС 10.

26[219] Ср. 25[237] и прим.

26[220] Ср. 25[237] и прим.

Будда, с. 44; 46. – Ницше ссылается на книгу немецкого ученого-индолога Германа Ольденберга (1854–1920) «Будда, его жизнь, учение и община» (Buddha. Sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde. Berlin 1881, KH).

26[221] См. прим. к 26[220].

26[222] Ср. 25[237] и прим.

26[223] Ср. 25[237] и прим.

26[225] Ср. *ГМ* III 24.

26[233] *у Дюринга.* – См. автобиографию Е. Дюринга «Дело, жизнь и враги» (Sache, Leben und Feinde. Karlsruhe/Leipzig 1882, KH).

26[235] Ср. *ВН*-п.

26[237] Ср. письмо Ницше к Генриху фон Штейну от 18 сентября 1884 г.

26[239] Ср. 26[241].

26[241] Ср. 26[239].

26[242] *Галиани ... животное.* – См. «Письма к мадам д'Эпине». Ср. прим. к 9[107] в ПСС 12.

26[243] Ср. 25[1] и прим.

26[244] См. прим. к 26[243].

26[245] Ср. *ПСДЗ* 266 и прим.; источник неизвестен.

26[253] Цитата из второй части «Фауста» Гёте. Эта же цитата использована Ницше в *ПСДЗ* 286 и в *СИ Набеги несвоевременного* 46.

26[255] Ницше имеет в виду многотомный труд немецкого историка Иоганна Янссена (1829–1891) «История немецкого народа с конца средневековья» (Geschichte des Deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg, 1878/88). Ср. письмо Ницше к Генриху Кезелицу от 5 октября 1879 г. (НП, с. 156). Ср. также *ГМ* III 19. О Д.Ф. Штраусе см. *ДШ.*

26[256] Ср. 25[1] и прим.

26[258] Предисловие к задуманному Ницше сочинению о вечном возвращении. Ср. 25[1] и прим.

26[259] Ср. 25[1] и прим. *Попытка переоценки всех ценностей* позднее становится подзаголовком сочинения *Воля к власти,* задуманного, но так и не написанного Ницше.

26[269] Ср. 25[237] и прим.

26[270] Ср. 26[318]. Ницше будет неоднократно обращаться к теме высшего человека вплоть до окончания работы над *ТГЗ* IV.

26[273–277] Эти тесно связанные друг с другом фрагменты, посвященные воле к власти, не были включены в компиляцию «Воля к власти», подготовленную Элизабет Фёрстер-Ницше и Генрихом Кезелицем.

26[283] Ср. 26[284]; 25[1] и прим.

26[284] Ср. 26[283] и прим.

26[289] См. прим. к 25[237]; некоторые из перечисленных в этом фрагменте образов встречаются в *ТГЗ* IV.

26[291] См. Монтень, «Опыты», кн. 1, гл. XXIII.

26[292] Ср. 26[297.298].

26[293] Ср. 25[296] и прим.

26[295] Ср. 26[296]; 26[302].

26[296] Ср. 26[295].

26[297] Ср. 26[139] и прим.; 26[292].

26[298] Ср. 26[293.296]; 25[1] и прим.

26[299] Ср. 38[22]; ПСС 12, 2[2].

26[302] Ср. *ПСДЗ* 12; 26[410.432]; ПСС 9, 15[21].

Боскович, Руджер Иосип (1711–1787) – хорватский физик, математик и астроном, создатель оригинальной атомистической теории.

26[304] «*Мемориал Св. Елены*». – См. прим. к 25[188].

26[306] Ср. 26[51]; 35[46].

26 [314] Ср. 34[8].

Буратти, Пьетро (1772–1832) – итальянский сатирический поэт, писавший почти исключительно на венецианском диалекте и поэтому малоизвестный. Ницше, вероятно, имеет в виду статью Стендаля «Лорд Байрон в Италии», где, помимо прочего, есть и такие строки: «Он (Байрон – *А.К.*) имел счастье наблюдать, какое глубокое, искреннее и непрерывное восхищение возбуждали в венецианском хорошем обществе стихи г-на Буратти. С этих пор легкая ирония “Дон Жуана” сменила горькие сарказмы “Чайльд Гарольда”; перемена в характере благородного поэта была менее заметна, но столь же реальна» (пер. Б. Г. Реизова).

26[315] *в «Путешествии по Франции» Стендаля.* – Ницше имеет в виду «Записки туриста» (Mémoires d'un touriste. Paris 1877, KH).
26[318] Ср. *ТГЗ* IV; 26[270] и прим.
26[320] Ср. 34[155]; 35[9]; к «добрым европейцам» принадлежит и «тень» в *ТГЗ* IV.
26[324] Ср. *ТГЗ* IV *Беседа с королями.*
26[325] Ср. 26[139] и прим.; ср. также 25[1] и прим.
26[337] Ср. *ПСДЗ* 147.
Buona ... bastone. – Источник неизвестен.
26[338] *hinc mihi ... praesto est.* – Цитата из сборника латинских писем Петрарки «К друзьям» (Rerum familiarium).
26[350] Перикл. – См. Фукидид, «История», II, 41; ту же цитату см. в *ГМ* I 11. Ср. *ЧСЧ* 474; ПСС 8, 3[41] и 5[200].
26[366] Ср. 25[237] и прим.; *ТГЗ* IV *Приветствие.*
26[367] Ср. 25[237] и прим. Ницше имеет в виду статую Мемнона в египетских Фивах, которая издавала на рассвете звук, похожий на человеческий голос и воспринимавшийся как приветствие Мемнона своей матери Эос. См. Тацит, «Анналы», II, 61.
26[375] Ср. 26[412.461]; 34[37.79.82.116.185]; 38[7]; ПСДЗ 11.
26[376] Ницше имеет в виду идею о вечном возвращении.
26[377] Ср. 26[31] и прим.
Он прошел ... через Волчье ущелье, Эврианту ... «эмансипацию плоти» и тоску по Парижу. – Волчье ущелье – место действия оперы Карла Марии фон Вебера (1786–1826) «Вольный стрелок» (1821), которая, наряду с его же оперой «Эврианта» (1823), оказала сильное влияние на творчество Вагнера (в том числе на его «Тангейзера» и «Лоэнгрина»). «Эмансипация плоти» – одно из положений учения симонистов, постоянно пропагандировавшееся Генрихом Гейне, в 1831 г. покинувшим Германию и обосновавшимся в Париже.
26[382] *За обедом ... о Дюринге.* – Ницше, по всей видимости, имеет в виду беседу с Генрихом фон Штейном, гостившим у него с 26 по 28 августа 1884 г.
26[383] Заметки Ницше, относящиеся к беседе с Генрихом фон Штейном. См. прим. к 26[382].
26[390] Ср. 25[525]; 38[19]; ПСС 8, 28[7]; *ГМ Предисловие* 3.
26[394] *Знаете ли Вы.* – См. прим. к 26[382.383].

Рихард Вагнер ... «Байройтских листках». – Ницше имеет в виду нападки на него со стороны вагнеровских кругов в связи с публикацией *ЧСЧ*, начавшиеся с резко неприязненной статьи Вагнера «Публика и популярность», помещенной в августовской тетради «Байройтских листков» за 1878 год.
Стендаль. – См. прим. к 26[396].
Не надо ... на горах. – Ср. *ТГЗ* III *Возвращение.*

26[395] *Быть хорошим ... от германства.* – См. *ЧСЧ (СМИ)* 323.

26[396] См. прим. к 26[315]. Ср. 26[394]; 35[34].

26[397] См. прим. к 26[315].
trahit sua quemque voluptas. – Цитата из «Буколик» Вергилия (II, 63–64).

26[399] Ср. 43[3].
согласно Земперу. – Земпер, Готфрид (1803–1879) – немецкий архитектор и теоретик искусства, друг Рихарда Вагнера.

26[401] Ср. ПСС 12, 10[78].

26[402] Ср. 25[272]; 26[457].

26[403] Ср. 38[6].

26[404] Ср. 38[5].

26[405] Ср. ПСС 13, 23[1].

26[406] Ср. 26[408].

26[407] Ср. 34[201.207].

26[408] Ср. 26[406].

26[410] О Босковиче см. прим. к 26[302].

26[412] Ср. прим. к 26[375].
niaiserie allemande. – Ср. 26[420].
Фихте ... отцами церкви. – Ср. 25[303]; 26[8]; 26[445]; *ПСДЗ* 11.

26[415] Источник неизвестен.

26[416] *Тейхмюллера.* – Ницше читал книгу Тейхмюллера «Действительный и кажущийся мир» (Die wirkliche und die scheinbare Welt (1882)).

26[417] О Галиани см. прим. к 36[49].

26[418] Ницше ссылается на «Письма к незнакомке» Проспера Мериме (Lettres à une inconnue. Tome II. Paris 1874, 137).

26[419] «Письма к незнакомке», II, с. 21.

Паста (Негри), Джудитта (1798–1865) – итальянская певица (сопрано).
26[420] Lettres à une inconnue, I, 332. Ср. 26[412].
26[421] Lettres à une inconnue, I, 317.
26[422] Lettres à une inconnue, I, 167.
26[423] Lettres à une inconnue, I, 79.
26[426] Ср. 25[238].
26[427] Ср. ПСС 12, 10[69].
Петроний Арбитр (ок. 14–66) – римский писатель, автор произведения «Сатирикон», в повествовательной манере которого сочетается изящество словесного выражения с ясным, прозрачным построением фразы.
свиньи св. Антония. – Св. Антоний или Антоний Великий (ок. 251–356) – основатель христианского монашества, отшельник, один из 14 самых почитаемых святых в западной церкви. Символами его являются крест св. Антония и свинья (вероятно потому, что монахи ордена св. Антония, созданного во второй половине 11 в. во Франции с целью ухода за больными, получали за оказанную ими помощь право бесплатного выпаса своих свиней).
26[432–33] Ср. 26[302]; *ПСДЗ* 12.
26[435] *Дудан,* Хименес (1800–1872) – французский писатель. Ницше приводит цитату из его книги «Мысли и фрагменты» (Pensées et fragments. Paris 1881, 33, KH).
26[436–39] См. прим. к 26[435].
26[440] *Тюренн,* Анри де Ла Тур д'Овернь (1611–1675) – французский полководец, маршал.
«Carcasse ... mène». – Ср. эпиграф к пятой книге *ВН.* Источник неизвестен.
26[441] См. прим. к 26[435].
26[443] Цитата из сборника писем Хименеса Дудана (Mélanges et lettres. Paris 1878, II, 586, KH).
26[444] Mélanges et lettres, II, 487.
26[445] Ср. 26[8].
26[446] Mélanges et lettres, II, 458f.; ср. 38[5].
26[447] Mélanges et lettres, II, 417.
29[454] Ср. 34[45]; 38[6]. Источник неизвестен.
26[455] Источник неизвестен.
26[457] Ср. 25[272]; 26[402].

26[458] *И над Тэном в роли М. Грэндоржа.* – «Парижские нравы. Жизнь и размышления Фредерика Томаса Грэндоржа» (Notes sur Paris. Vie et opinions de M. Frédérike-Thomas Graindorge (1867)) – сатирическая повесть французского философа и писателя Ипполита Адольфа Тэна (1828–1893).
26[461] Ср. прим. к 26[375].
26[464] Ср. прим. к 26[375].
26[465] Ср. 25[1] и прим.
26[466] Ср. *ПСДЗ* 8 и прим.
26[467] Ср. 26[139] и прим.
26[468] Ср. заглавие девятого раздела *ПСДЗ*.

27. Лето–осень 1884

Тетрадь Z II 5

27[23] Ср. 25[237] и прим.
27[58] Ср. 25[1] и прим.
27[67] План связан с 27[58].
27[71] Ср. 25[237] и прим.
27[75] Ср. 26[233] и прим.
27[79] Ср. 25[296] и прим.
Тэн, «Англ. Лит-ра», 3, с. 42. – H. Taine, Geschichte der englischen Literatur. 3 Bde. Leipzig 1878–80, KH.
27[80] Ср. 25[1] и прим.
27[82] См. прим. к 27[80].

28. Осень 1884

Стихотворения и фрагменты стихотворений. Тетради Z II 5b; Z II 7a; Z II 6a

Во время работы над *ТГЗ* II и *ТГЗ* III (с лета 1883 по начало 1884 г.) Ницше записывает в черновых тетрадях большое количество стихотворений и стихотворных фрагментов. Некоторые из них были использованы в *ТГЗ* II и III, бóльшую же часть Ницше переписал

в более поздние тетради. Осенью 1884 Ницше обдумывал возможность публикации своих стихотворений и собирался искать издателя, однако вскоре отказался от этих планов, занявшись написанием *ТГЗ* IV. В тетрадях Z II 5, Z II 6, Z II 7 можно встретить названия будущего стихотворного сборника, перечни стихов, планы и различные варианты стихотворений, стихотворные фрагменты, эпиграммы.

Отказавшись от идеи отдельного издания своих стихов, Ницше использовал накопленный осенью 1884 г. материал в *ТГЗ* IV (1885), *ПСДЗ* (1886), *ЧСЧ* I (1886) и *ВН*-п (1887). Свидетельством того, что Ницше все же рассматривал возможность издания чисто поэтического сборника, служит черновик его письма (в тетради Z II 7, 92) Юлиусу Роденбергу, редактору «Немецкого обозрения»: *Я даже не знаю, публиковало ли вообще когда-нибудь Ваше "Обозрение" стихи. Но настоящий случай – чтобы* [я] *Фридрих Ницше сам предлагал какому-либо журналу издать что-то из своих сочинений – настолько идет вразрез со всеми моими правилами, что и Вы можете сделать здесь исключение – исключение, которое, по моему твердому убеждению, пойдет на пользу Вашему журналу* [*о котором мои друзья отзываются как о лучшем на сегодняшний день немецком журнале*]. *Глубокоуважаемый господин, прошу Вас* [*если Вы желаете доставить мне удовольствие*] *дать свое великодушное «да!», вместе с Вашим предложением относительно гонорара. Мой адрес:* – – – Отослал ли Ницше это письмо Роденбергу, до сих пор не известно.

28[1] *Вечно мужское / Влечет нас к нему.* – Ср. *ВН*-п *К Гёте.* Ср. также с заключительными строками «Фауста» Гёте: «Здесь – заповеданность / Истины всей. / Вечная женственность / Тянет нас к ней» (пер. Б. Пастернака). При переводе стихотворения пришлось пожертвовать присутствующей в оригинале рифмой ради точности передачи смысла и аллюзии на канонический перевод «Фауста».

28[2] Ср. письмо Ницше к Резе фон Ширнхофер, датированное концом ноября 1884 г.

28[3] Vs к *ТГЗ* IV *Песнь уныния.* Использован пер. Я. Голосовкера.
28[4] Ср. *ДД Среди дочерей пустыни* и *ТГЗ* IV *Среди дочерей пустыни* 2.
28[7] Ницше намекает на Рихарда Вагнера; ср. *ПСДЗ* 256; 28[48].
28[9] Ср. *ТГЗ* IV *Чародей* 1.
28[10] Частично опубликовано в GA VIII, 371; 454. Возможно, посвящено Г. Кезелицу.
28[12] Ср. 28[9]; 28[34]; 28[27]; 28[3].
28[14] Ср. *ТГЗ* IV *Песнь уныния.*
28[15] Ср. 28[25].
28[18] Ср. ПСС 13, 20[240].
28[20] Ср. *ТГЗ* IV *Песнь уныния* и *О высшем человеке* 5.
28[21] Ср. *ТГЗ* IV *Песнь уныния.*
28[22] Ср. *ТГЗ* IV *Тень.*
28[23] Изначальное название – *Время*; ср. *ТГЗ* IV *Чародей* 1; *Тень*; *О высшем человеке* 9.
28[25] Ср. 28[15].
28[26.28] Наброски, позднее использованные в *ПСДЗ Заключительная песнь.*
28[29] Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 17.
28[30] О пещере Заратустры.
28[31] Ср. *ПСДЗ Заключительная песнь.*
28[32] Ср. *ПСДЗ* 228; *ТГЗ Жертва медовая*; 28[7]; 28[48]. *Calina.* – Испанское слово, обозначающее дымку, марь, в частности, пылевую дымку – природное явление, часто встречающееся в южных районах Испании.
28[33] Ср. 28[32] и прим.
28[34] Ср. ПСС 13, 20[94].
28[36] Ср. *ТГЗ* IV *Жертва медовая.*
28[38] Ср. *ТГЗ* IV *Чародей* 1.
28[40] Ср. *ТГЗ* IV *Чародей* 1.
28[42] Более ранние варианты заглавия: *Vanitas Vanitatum* (Z II 5); *Тост глупца, Скромность глупца, Тост* (Z II 6).
28[45] Ср. *ПСДЗ* 228. Более ранние варианты заглавия: *“Majestas Genii”* и *Анти-Дарвин.*
28[46] Ср. *ПСДЗ* 228.
28[48] Ср. *ПСДЗ* 256; 28[7].

28[49] *amor dei.* – Ницше имеет в виду понятие философской системы Бенедикта Спинозы amor dei intellectualis («познавательная любовь к Богу»).

28[52] Более ранние варианты заглавия: *Бард говорит* и *Йорик среди немцев.*

28[53] Ср. 26[6].

28[58] Стихотворение написано Ницше в июле 1876 г. по случаю помолвки Эрвина Роде (1845–1898) филолога-классика и друга Ницше. Ср. письмо Ницше к Роде от 18 июля 1876 г. (НП, с. 123) и ПСС 8, 17[31].

28[59–60] Стихотворения написаны летом 1877 г. в Розенлауибаде. Ср. ПСС 8, 22[93–94].

28[61] Ср. ПСС 10, 1[105].

28[62] Сюда же относится 28[67]. Более ранние варианты заглавия: *Среди врагов* и *К моим врагам.*

28[63] Стихотворение написано летом 1882 г. Ср. *ВН*-п; ПСС 10, 1[15.101]; ПСС 10 3[1] (эпиграф) и 3[4].

28[64] Более ранние варианты заглавия: *Отшельникам, Из снежной пустыни, Немецкой поздней осенью, Непрерывное сострадание.*

28[66] Это стихотворение, по всей видимости, задумывалось как продолжение другого, ставшего «жалобой» чародея в *ТГЗ* IV *Чародей.*

28[67] Ср. 28[62].

29. Осень 1884 – начало 1885

Записная книжка N VI 9

29[1] Собрание афоризмов и притч; ср. 31[44.45.48.49.50], 32[8.9.10]; Ницше использовал их в *ТГЗ* IV, в главах: *Тень, Песнь уныния, О высшем человеке, Приветствие, Пиявка, Жертва медовая.*

29[2] *Пауль,* Герман (1846–1921) – немецкий ученый-языковед. Ницше ссылается здесь на его книгу «Принципы истории языка» (Prinzipien der Sprachgeschichte (1880)).

29[4] *Штейн.* – См. прим. к 26[382].

Энгадину ... Заратустрой. – Энгадин – местность в Швейцарии, в Ретийских Альпах, в которой находится гор-

ный курорт Зильс-Мария, где Ницше проводил каждое лето с 1881 по 1888 г. Здесь в 1881 г. его озаряет идея «вечного возвращения», о которой он делает первые наброски.

29[5] Ср. 26[270].

29[8] *Оставаться … невыносимо.* – Ницше имеет в виду идею «вечного возвращения».
кто страдает … себя самого. – Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 6.

29[9] Ср. 31[50]. Относится к плану, предшествующему написанию *ТГЗ* IV.

29[10] Относится к плану, предшествующему написанию *ТГЗ* IV.

29[11] Ср. 31[50]; использовано Ницше в *ТГЗ* IV в главах: *Крик о помощи, Приветствие, О высшем человеке, В полдень, Жертва медовая.*

29[12] План к произведению о Заратустре.

29[13] К плану произведения о Заратустре.
даю крылья ослу. – См. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 20.
безоблачное молчание. – См. *ТГЗ* IV *Жертва медовая.*

29[14] К плану произведения о Заратустре. Здесь встречаются некоторые образы, использованные Ницше в *ТГЗ* IV.

29[15] К плану произведения о Заратустре.

29[16] Использовано Ницше в *ТГЗ* IV *Беседа с королями.*

29[19] См. прим. к 29[15].

29[21] См. прим. к 29[15].

29[22–24] Ср. 29[14] и прим.

29[26.27] Ср. 29[14] и прим.

29[30] Ср. 29[14] и прим. Ср. также 29[23].

29[31] Ср. 29[14] и прим. Ср. также 31[4]; 31[10].

29[32] Ср. 29[14] и прим. Ср. также 29[23]; 29[30].

29[33] Набросок к продолжению четвертой части, сделанный до завершения *ТГЗ* IV.

29[38] Ср. 31[44]; 32[8]; ПСС 13, 20[139].

29[39] Ср. 29[14] и прим.

29[40] Ср. 27[79]; 26[293].

29[41] Ср. *РВБ* 11 и прим.

29[43] Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 6.

29[44] Ср. 29[43]; 31[41]; 31[61].

29[45] Ср. *ТГЗ* IV *Приветствие.*

29[46] К *ТГЗ* IV *Чародей.*
29[47] Ср. 31[30].
29[48] Ср. *ТГЗ* IV *Знамение.*
29[49] Ср. 29[46] и прим.
29[51] Ср. *ТГЗ* IV *В отставке, Праздник осла, Добровольный нищий, Пиявка.*
29[53] Ср. ПСС 13, 20[102].
29[55] Ср. ПСС 13, 20[157].
29[56] Ср. 31[36]. К главе *О высшем человеке* в *ТГЗ* IV.
То, что живет ... обживется. – Ср. ПСС 13, 20[138].
29[57] Ср. *ТГЗ* IV *Тень.*
29[58] Ср. 29[51].
29[59] *Стихоплетам ... занятие.* – Ср. ПСС 13, 20[155].
29[60] Ср. *ТГЗ* IV *Крик о помощи, Знамение.* Ср. также 32[14].
29[61] Ср. *ТГЗ* IV *Песнь скитальца в ночи.*
29[62] Ср. 29[1]; 31[45]. Ср. также *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 2.
29[63] Набросок, предшествующий написанию *ТГЗ* IV.
29[64] Ср. *ТГЗ* IV *Жертва медовая; Беседа с королями;* 31[35].
Тебе связали ... кошка! – Ср. ПСС 13, 20[99].
29[66] Первую часть этого плана см. в 31[30]. Ср. 29[47].
29[67] *Нонн Панополитанский.* – Греч. поэт 5 в. н. э., автор поэмы «Деяния Диониса».

Летурно, physiologie des passions. – Ницше ссылается на книгу французского антрополога Шарля Летурно (1831–1902) «Физиология чувств» (Paris 1868, KH).

Амьель, journal intime. – Ницше ссылается на «Фрагменты личного дневника» (Fragments d'un Journal intime) швейцарского философа и писателя Анри Фредерика Амьеля (1821–1881), опубликованные в 2 тт. в 1883–1884 гг. Ср. ПСС 12, 10[121].

Guyau, esquisse d'une morale. – Ницше имеет в виду книгу французского философа-позитивиста Жана Мари Гюйо (1854–1888) «Очерк морали без обязательства и без санкции» (Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction. Paris: F. Alcan, 1885, KH).

Вельхаузен, Очерки. – Ницше имеет в виду книгу немецкого теолога и ориенталиста Юлиуса Вельхаузена (1844–1918) «Очерки и наброски» (Skizzen und Vorarbeiten, Bd. I. Abris der Geschichte Israels und Judas. Lieder der

Hudailiten. Berlin 1884, KH; Ницше купил эту книгу 28 октября 1884 г.).
Адольф Шёлль, Гёте. – Ницше ссылается на книгу немецкого мифолога и историка литературы Густава Адольфа Шёлля (1805–1883) «Гёте в основных чертах его жизни и деятельности» (Goethe in Hauptzügen seines Lebens und Wirkens. Berlin 1882, KH).
Он же. Избранные ... литературе. – См.: Gesammelte Aufsätze zur Klassischen Literatur alter und neuer Zeit. Berlin 1884, KH.

30. Осень 1884 – начало 1885

Тетради Z II 5, 83; Z II 7b; Z II 6b

30[1] *чествуют как «великого реалиста».* – Имеется в виду Отто фон Бисмарк.
30[2] Вероятно, набросок к плану произведения о Заратустре; ср. 31[30].
30[3] Ср. *ТГЗ* IV *Тень.*
30[4] Окончательный перечень образов к *ТГЗ* IV.
30[7] Ср. *ТГЗ* IV *Вечерняя трапеза, Приветствие.*
30[8] Ср. *ТГЗ* IV *Чародей.*
30[9] Ср. *ТГЗ* IV *В полдень.*
Мертвый ... восставать! – Ср. ПСС 13, 20[33].
О счастье ... словно мяч. – Ср. 31[39] и *ПСДЗ* 90.
Радостный ... смертью. – Ср. *ДД Солнце садится.* Ср. также 31[38].
Не замер ... тишина. – Ср. 31[36].
Золотая ... добра. – Ср. 31[51].
30[10] Ср. *ПСДЗ* 11.
30[11] Ср. 34[194]; 34[213].
30[12] Заметка, относящаяся к ТГЗ IV *О высшем человеке.*
30[13] Ср. 34[4]; 34[17].
И Рихард Вагнер ... инстинкта. – Ницше имеет в виду «Открытое письмо» Вагнера, опубликованное в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» 23 июня 1872 г.

31. Зима 1884–1885

Тетрадь Z II 8

31[2] Набросок плана к *ТГЗ* IV.
31[3] Ср. 29[66] (к возможному продолжению ТГЗ); 31[19.27].
31[4] Ср. 31[10]; 31[30]; 29[31].
31[5] К образу чародея (поэта) в ТГЗ IV.
31[6] Не использовано в *ТГЗ* IV.
31[7] Не использовано в *ТГЗ* IV.
31[8] Ср. *ТГЗ* IV *Крик о помощи*; 31[9].
31[9] Ср. 31[8]; 29[14].
31[10] Набросок к *ТГЗ* IV: перечисление персонажей. Ср. *ТГЗ* IV *Тень, Пиявка, Добровольный нищий.* Ср. также 31[4], 29[31].
31[11] *Замерзающий.* – Ср. 31[4].
31[12] Набросок финала *ТГЗ* IV.
уже ... любишь! – Ср. *ТГЗ* IV *Тень.*
31[13] Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 14.
31[14] Ср. *ТГЗ* IV *Знамение, Приветствие*; 31[21.22].
31[15–16] Наброски, относящиеся к 31[11].
31[17] Окончание *ТГЗ* IV в соответствии с планом 31[11].
31[19] Ср. 31[3]; 31[27].
31[20] Ср. *ТГЗ* IV *Знамение*; 31[21].
31[22] Ср. 31[16].
31[24] Ср. 31[33.36].
31[25] К главе *Тень* в *ТГЗ* IV.
31[26] К главе *О высшем человеке* в *ТГЗ* IV.
31[27] Ср. 31[3.19].
31[30] Ср. 29[66].
31[31] Ср. *ТГЗ* IV *Песнь уныния.*
31[32] Ср. «жалобу» чародея в *ТГЗ* IV *Чародей* 1.
31[33] Собрание афоризмов и изречений. Ср. 29[11]; 31[24]. Использованы Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке, Беседа с королями, Добровольный нищий, Чародей, Пробуждение, В полдень.*
31[34] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Крик о помощи, О высшем человеке, Приветствие, Жертва медовая.* Ср. 32[9]; ПСС 13, 20[135]; 31[62]; 32[10]; ПСС 13, 20[98].

31[35] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Беседа с королями, О высшем человеке, Жертва медовая*. Ср. *ПСДЗ* 132; 29[56]; 32[7]; 32[10]; ПСС 13, 20[2]; 29[64]; ПСС 13, 20[99]; 31[36]; *ПСДЗ* 99.

31[36] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *В полдень, О высшем человеке* 3, *Самый безобразный человек, Беседа с королями* 1. Ср. 29[56]; 31[24]; 31[33]; 31[35]; 30[9]; 32[9]; *ПСДЗ* 99; ПСС 13, 20[108].

31[37] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке, Добровольный нищий*. Ср. *ДД Среди хищных птиц*; ПСС 13, 20[11]; *ДД О бедности богатейшего*; ПСС 13, 20[138]; 31[38]; ПСС 13, 20[15].

31[38] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Тень, О высшем человеке, Добровольный нищий*. Ср. 32[8]; 31[37]; ПСС 13, 20[15]; 30[9]; *ДД Солнце садится*; ПСС 13, 20[20]; 32[10]; ПСС 13, 20[26]; *ПСДЗ* 129; 31[46].

31[39] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Чародей, Тень, В полдень*. Ср. 32[8]; ПСС 13, 20[31]; 30[9]; 32[9]; ПСС 13, 20[33]; *ПСДЗ* 90; 30[9]; 31[61]; *ДД Слава и вечность*; ПСС 13, 20[104]; *ДД Меж коршунов*; ПСС 13, 20[33].

31[40] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Тень, Добровольный нищий, Вечерняя трапеза*. Ср. ПСС 13, 20[35]; 31[61]; *ДД Слава и вечность*.

31[41] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Тень*. Ср. 31[61]; ПСС 13, 20[37]; 32[9]; ПСС 13, 20[95]; 31[61]; ПСС 13, 20[38]; 32[8]; 31[61]; 32[9]; 3, 20[137].

31[42] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке*. Ср. 31[61]; 32[8]; 32[10]; ПСС 13, 20[101]; *ДД Слава и вечность*.

Эм<ерсон>, 283. – Ницше ссылается на немецкий перевод Р.У. Эмерсона (Versuche. Hannover, 1858, KH). О роли книги Эмерсона для работы Ницше над *ТГЗ* см. вступление к комментарию в ПСС 4.

Ибо когда ... лавочника. – Ср. 32[10]; ПСС 13, 20[42]. В оригинале: «Denn wenn das Geld in den Kasten springt, springt des Krämers Seele mit». Ницше перефразирует

крылатое выражение времен Реформации: «Sobald das Geld im Kasten klingt, Die Seele aus dem Fegefeuer springt» («Коль звенит монета в мошне, не гореть душе в чистилищном огне»: Ганс Сакс о Иоганне Теделе (1465–1519), католическом теологе и рьяном проповеднике отпущения грехов за деньги).

31[43] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке, Самый безобразный человек, Жертва медовая, В полдень*. Ср. 29[59]; ПСС 13, 20[153]; *ТГЗ* III *О старых и новых скрижалях* 4; ПСС 13, 20[45]; 31[61]; 32[8].

31[44] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Тень, О высшем человеке*. Ср. 29[1] и прим.; 32[10]; ПСС 13, 20[78]; 31[61]; 29[38]; 32[8]; ПСС 13, 20[139].

31[45] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Тень*. Ср. 29[1] и прим.; 31[47].

31[46] Ср. *ПСДЗ* 129; 31[38].

31[47] К главе *Чародей* в *ТГЗ* IV; ср. 31[45].

31[48] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Тень, Приветствие*. Ср. 29[1] и прим.

31[49] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *Пиявка, Тень*. Ср. 29[1] и прим.

31[50] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке, Тень, В полдень*. Ср. 29[1] и прим.; 29[9].

31[51] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке, Тень, Песнь уныния* 3, *Жертва медовая*. Ср. 32[8]; 32[9]; ПСС 13, 20[92]; 30[9]; ПСС 13, 20[93].

Был человек ... «Я есмъ истина». – См. прим. к 25[338].

31[52] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке, Праздник осла*. Ср. *ПСДЗ* 65.174.63; *СИ Чем обделены немцы*; 32[9].

31[53] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке*. Ср. *ПСДЗ* 68.69.

31[54] Собрание афоризмов и изречений, использованных Ницше в *ТГЗ* IV *О высшем человеке, Приветствие, Жертва медовая*. Ср. 31[55]; 31[62]; *ПСДЗ* 101.

31[55] Материал к главе *Приветствие* в *ТГЗ* IV. Ср. 31[54]; 31[62].

31[56] Материал к главе *Беседа с королями* в *ТГЗ* IV.

31[57] Набросок к первоначальному варианту окончания *ТГЗ* IV.

31[58] Ср. *ТГЗ* IV *Приветствие.*

31[59] Ср. 31[61]; 31[64].

31[60] Ср. 31[61]; ПСС 13, 20[97].

31[61] Материал к *ТГЗ* IV *Беседа с королями*, также использованный в главах *О высшем человеке* и *Добровольный нищий.* Ср. 31[41]; ПСС 13, 20[38]; 31[40]; ПСС 13, 20[36]; *ДД Слава и вечность*; 31[59.64.60.39.34.35]; 32[8.10]; 31[42]; ПСС 13, 20[101]; 31[43.44]; 29[1]

31[62] Вариант главы *Приветствие* в *ТГЗ* IV. Ср. 31[54.55].

31[63] Ср. 30[7]; 31[65].

31[64] Вариант финала *ТГЗ* IV, частично использованный Ницше в главе *О высшем человеке.* Ср. также 31[59.61]; 33[2].

31[65] Ср. 30[7]; 31[63].

31[67] *Итак ... в эту пещеру.* – Продолжением может служить эпиграф ко второму изданию *ВН*:
«Мой собственный дом – мое пристрастье,
Никому и ни в чем я не подражал,
И – мне все еще смешон каждый Мастер,
Кто сам себя не осмеял»
Над моей входной дверью
(*пер. К. А. Свасьяна*).

31[68] Материал к главе *Беседа с королями* в *ТГЗ* IV.

31[69] Материал к главе *Приветствие* в *ТГЗ* IV.

31[70] Перечень персонажей *ТГЗ* IV. Ср. 29[24]; 29[39]; 30[4]; 31[10].

32. Зима 1884–1885

Тетрадь Z II 9

32[2] Ср. *ТГЗ* IV *Приветствие.*

32[3] Ср. 30[7]; 31[63]; 31[65].

32[4] Материал к главе *Самый безобразный человек* в *ТГЗ* IV, использованный также в главе *О высшем человеке.*

32[5] *Чернь ... ковчега.* – Ср. *ТГЗ* IV *Беседа с королями* 1.
А эти ... от блудницы. – Ср. *ТГЗ* IV *Добровольный нищий.*

32[6] Материал к главе *Чародей* в *ТГЗ* IV.

32[7] Набросок финала *ТГЗ* IV; ср. 31[5].

32[8] Собрание афоризмов и изречений к главе *Тень* в *ТГЗ* IV. Часть из них использована в главе *О высшем человеке.* Ср. 31[48.49.50.51]; 29[1] и прим.; 29[56]; 31[37]; ПСС 13, 20[138]; 31[39]; ПСС 13, 20[31]; 31[41.61.42]; 32[10]; ПСС 13, 20[101]; 31[43]; 28[23]; 31[44]; 29[38]; ПСС 13, 20[139]; *ПСДЗ* 65.101.

32[9] Материал, лишь частично использованный в главе *Пиявка* в *ТГЗ* IV. Ср. главы *О высшем человеке* и *Праздник осла,* а также фрагменты 31[53]; 31[51]; 31[50]; 31[48]; 31[43]; 31[41]; 30[9]; 31[39]; 31[36]; 31[34]; 29[1] и прим. Ср. также *ПСДЗ* 101.170.69.68.63 и ПСС 13, 20[92.93].

32[10] Собрание афоризмов и изречений для *ТГЗ* IV *Добровольный нищий,* частично использованных в главе *Пиявка.* Ср. 31[34]; 31[35]; 31[36]; 31[38]; 31[40]; 31[42]; 31[44]; 31[45]; 31[50]; 29[1]; 29[64]. Ср. также ПСС 13, 20[98], 20[100], 20[42] и *ПСДЗ* 99.174.
Мой дорогой ... мухи. – Ср. 31[61]; 31[42]; ПСС 13, 20[101].

32[11] Материал к *ТГЗ* IV *О высшем человеке.*
Вас ... кого выдавливают. – Ср. 31[40]; ПСС 13, 20[35].

32[12] Ср. 29[53]; ПСС 13, 20[102].

32[13] Ср. *ТГЗ* IV *Песнь скитальца в ночи, О высшем человеке.*

32[14] Ср. *ТГЗ* IV *Знамение,* 29[60].

32[15] Вариант главы *Знамение* в *ТГЗ* IV.

32[16] Набросок к *ТГЗ* IV.

32[17–20] Материалы для последующей переработки *ЧСЧ* летом 1885 г.

32[21] Заметка, относящаяся к окончанию *ТГЗ* IV.

32[22] План «Воли к власти»; записан Ницше в начале 1888 г. Ср. 34[19]; ПСС 13, 13[5].

33. Зима 1884–1885

Тетрадь Z II 10

33[1] Материал к *ТГЗ* IV *Приветствие.*

33[2] Вариант финала *ТГЗ* IV; ср. 32[14].

34. Апрель–июнь 1885

Записная книжка N VII 1

34[1] Ср. 34[213]; 35[84]; 36[6].

34[3] Ср. 41[2]; 41[9].

34[4] Данный фрагмент тематически связан с *РТ*.
Винкельман, Иоганн Иоахим (1717–1768) – немецкий историк античного искусства, автор «Истории искусства древности» (Geschichte der Kunst des Altertums. Dresden, 1764).

34[7] *Д'Эпине*, Луиза Флоранс Петронилль де ла Лиф (1726–1783) – французская писательница и хозяйка литературного салона, покровительница Ж.-Ж. Руссо и энциклопедистов. О Галиани см. прим. к 36[49].

34[8] О влиянии Буратти на творчество Байрона см. прим. к 26[314].
Кардуччи, Джозуэ (1835–1907) – знаменитый итальянский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1906).

34[9] Ср. 34[1].

34[19] Ср. 32[12]; ПСС 13, 13[5].

34[23] Роман «Саламбо» и философская драма «Искушения св. Антония» принадлежат перу Гюстава Флобера.

34[27] Ср. 26[467].

34[33] Ср. 34[201]; 34[207].

34[38] *«они не ведают, что творят»*. – Слова, произнесенные Иисусом на кресте и обращенные к Богу-Отцу (Лк. 23:34).

34[39] *Бентам*, Иеремия (1748–1832) – английский философ, юрист и социолог, родоначальник утилитаризма. Этика Бентама, изложенная в двухтомном сочинении «Деонтология, или наука о Морали» (Deontology, or The Science of Morality (1834)), утверждает руководящим принципом поведения принцип полезности.
Гельвеций, Клод Адриан (1715–1771) – французский литератор и философ-материалист, доказывавший опытное происхождение нравственных представлений, их обусловленность интересами индивида.

34[44] Ницше ссылается на книгу Лефевра Сент-Огана «Очерк французского влияния» (Essai sur l'influence française. Paris 1885, KH). Высказывание Гёте о Дидро см. в «Поэзия и правда», III, 11.
по словам Галиани. – См. Essai sur l'influence française, 194.

34[45] Ср. 38[6]. Суждение Бодлера о Гюго см. у Сент-Бева: Les Cahiers suivis de quelques pages de litterature antique. Paris 1876, 36, KH.

34[62] Ср. *ПСДЗ* 11; 38[7].

34[67] Ср. *ПСДЗ* 208.

34[68] Ср. 37[14].

34[70] *выражаясь словами Канта.* – См. «Критика чистого разума», III, 105, 496 (нумерация по немецкому академическому изданию).

34[78] Ср. 34[145].

34[79] Ср. *ПСДЗ* 11; 38[7].

34[80] *nihil humani.* – Вероятно, Ницше имеет в виду латинское крылатое выражение «Homo sum: humani nihil a me alienum puto» («Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». См. Теренций, «Наказывающий сам себя», 75–77).

34[82] Ср. *ПСДЗ* 11; 38[7].
молодые теологи тюбингенской школы. – См. прим. к 25[303].

34[86] Ср. *ПСДЗ* 268.

34[95] Ср. ПСС 13, 15[34].

34[97] Ср. *ПСДЗ* 244.
Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) – король Германии и император Священной Римской империи с 1212 г. Король Сицилии. Превратил Сицилийское королевство в централизованное государство.
Удивление ... поэта. – Ср. *ПСДЗ* 209.
Немец ... другая. – См. прим. к 37[16].

34[99] Ницше ссылается на книгу Ланге «История материализма и критическая оценка его значения» (Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung (1866)). Ср. прим. к 25[318].

34[102] Ср. *ПСДЗ* 28.247. О Петронии см прим. к 26[427].

34[103] Ср. 35[80]; 36[55]. К наброскам задуманного Ницше сочинения относятся фрагменты 34[104.105.106.114.115.138.145.154.157.221.227.228].

34[104] *супруга профессора Готшеда.* – Ницше имеет в виду жену теоретика литературы Иоганна Кристофа Готшеда (1700–1766), писательницу Луизу Адельгунду Викторию Готшед (Кульмус, 1713–1762), активно участвовавшую в предпринятой Готшедом реформе немецкой литературы и театра.

34[106] Ср. 34[102]; 34[97].

34[111] Ср. 36[45].

34[114] Vs к *ПСДЗ* 244.

34[126] Ср. письмо Генриха фон Клейста к Вильгельмине и Ульрике от 22–23 марта 1801 г. Ницше цитирует это письмо в *ШВ* 3.

34[129] Ср. 34[188].

34[141] *валяется в ногах ... confessiones.* – Ницше имеет в виду автобиографичекую книгу Блаженного Августина «Confessiones» (букв.: «Признания»; в русском переводе – «Исповедь»).

34[144] Материал к новой книге о Заратустре. Ср. 35[71–75].

34[145] Ср. 34[78]; 35[39–41]; 35[71–75]; 34[191].

34[146] Ср. *ПСДЗ* 44 и прим.

34[147] Ср. *ПСДЗ* 45.

34[154] Ср. ПСС 13, 11[296], 18[3].

он крайне тонко ... «немецкого» осла. – Ницше имеет в виду резко отрицательное отношение Гейне к немецкой романтической школе, одним из символов которой стал «голубой цветок», являвшийся в грезах герою романа Новалиса (Фридриха фон Гарденберга, 1772–1801) «Генрих фон Офтердинген» и означавший возможность обретения всех тайн бытия. Язвительную оценку творчества Новалиса Гейне см. в его сочинении «Романтическая школа», кн. 2, гл. IV.

«немецкого» осла. – Немецкий осел – частый сатирический образ в поэзии Гейне, олицетворяющий недалекое и чванливое немецкое «бюргерство», стремящееся к созданию «державы ослов». См., например, в стихотворении «Ослы-избиратели»: «Я не из римлян, не славянин, осел я немецкий, природный...» (пер. И. Миримского).

34[155] Ср. 34[159.160].

34[156] Данный фрагмент связан с 34[155].

34[157] Ср. *ПСДЗ* 209.
34[159] Ср. 34[155].
34[165] Ср. 35[78]; 42[1].
34[166] *увертюра «Кориолан».* – Увертюра Бетховена, посвященная легенде о римском патриции и полководце 5 в. до н. э. Кориолане, перешедшем на сторону врагов Рима – вольсков.

Его первый толкователь – Бодлер. – Бодлер в своей работе «Салон 1846 года», в разделе, посвященном Делакруа, сравнивает его творчество с музыкой Карла Вебера: «Возвышенная и одухотворенная печаль тихим светом сияет даже в самом колорите; он широк, прост и гармоничен, как у всех великих колористов, но в то же время меланхоличен и глубок, словно музыка Вебера». См. также статью Бодлера о Делакруа во «Всемирной выставке 1855 года» и его стихотворение «Маяки».

34[168] *Liberum «nego».* – По образцу лат. выражения liberum veto – «свободное запрещаю», «свободное вето».
34[176] *растение «человек».* – См. прим. к 34[146].
34[181] Ср. *ПСДЗ* 295; ПСС 12, 4[4].
34[182] Ср. 34[181]; 34[213].
34[185] Ср. *ПСДЗ* 11; 34[79].
34[188] Ср. 34[129].
34[191] Ср. 34[188]; 34[129].
34[192] Данный фрагмент связан с 34[191].
34[194] *Сочинение Феликса Фаллакса.* – Лат. «felix fallax» означает букв. – «ложный счастливый». Ср. в «Исповеди» Блаженного Августина: «...ut tu dulcescas mihi, dulcedo non fallax, dulcedo felix et secura, et colligens me a dispersione, in qua frustatim discissus sum, dum ab uno te aversus in multa evanui» («Обрадуй меня Господи, Радость неложная, Радость счастья и безмятежности, собери меня в рассеянии и раздробленности своей отвратившегося от Тебя, Единого, и потерявшегося во Многом». – Книга II, гл. 1, пер. Н.Е. Сергеенко). Ср. также 34[141].
34[196] *satis ... nullus.* – См. прим. к 37[2].
34[199] Данный фрагмент связан с 34[145].
34[201] Ср. 34[33]; 34[191]; 34[207].
34[202] Данный фрагмент связан с 34[201]. Ср. 35[72].

34[204] *Лучшими нигилистами ... были элеаты.* – Об элеатах см. прим. к 25[412].
34[205] Ср. 35[49].
работа о Рихарде Вагнере. – Имеется в виду *РВБ.*
34[206] Ср. 34[212]; 34[209].
34[207] Ср. 34[33]; 34[201].
34[209] Ср. 34[206]; 34[212].
34[212] *великое ... столетии.* – Ср. 34[206]; 34[209].
34[213] Ср. 34[1.182]; 35[84]; 36[1.6]; 34[194]; 30[11]; 34[202.201].
34[221] Ср. *ПСДЗ* 209; 35[43].
34[224] *включая тех ... байройтского мастера.* – Имеется в виду Рихард Вагнер.
34[232] Ср. 34[181]; *ПСДЗ* 295.
34[239] Ср. *ПСДЗ* 228.
34[243] *causae finales ... causae efficientes.* – См. прим. к 36[28].
34[245] *«Преступники ... к Тарпейской скале».* – Согласно легенде, Тарпея, дочь Спурия, которому во время войны Ромула с сабинянами была поручена оборона римской цитадели в Капитолии, соблазненная или подкупленная царем сабинян Титом Тацием, отворила врагам ворота крепости. По одной из версий, Ромул приказал ее сбросить со скалы, получившей название Тарпейской. С этой скалы потом сбрасывали виновных в наиболее тяжких преступлениях.
34[248] Ср. 34[182].
34[254] Фрагмент о Рихарде Вагнере.
34[256] Ницше о *РТ, НР, ЧСЧ* и *ТГЗ.*
34[258] Ср. 34[256].

35. Май–июль 1885

Тетрадь W I 3a

35[2] Ср. *ПСДЗ* 224.
35[13] Ницше имеет в виду легенду о том, как влюбившийся в дочь финикийского царя Агенора Европу Зевс похитил ее, приняв вид быка.
35[14] Ср. 35[8.9].
35[24] Ср. *ПСДЗ* 205.

35[26] Ср. 34[182]; 24[248].

35[29] *Эпохисты, эфектики.* – Имеются в виду скептики, последователи философа Пиррона. Употребленные Ницше слова «Ephektiker» и «Epochisten» являются кальками с греческих *ἐφεκτικοί* («воздерживающиеся») и *ἐποχή* («воздержание от суждения»).

35[34] *Э. фон Г<артман> ... на 871 страницу.* – Ницше имеет в виду работу Эдуарда фон Гартмана «Феноменология нравственного сознания» (Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins. Prolegomena zu jeder zukünftigen Ethik. Berlin 1879, KH).

книга ... Пауля Рэ. – Имеется в виду «О происхождении моральных чувств» (Über den Ursprung der moralischen Empfindungen. Chemnitz 1877, KH). О Рэ см. прим. к ПСС 10, 7[17].

скорбно-душевную ... француза. – Т.е. книгу Ж.М. Гюйо «Очерк морали без обязательства и без санкции». См. прим. к 29[67].

Рольф ... 1881. – Rolph, William, H. Biologische Probleme, zugleich als Versuch zur Entwicklung einer rationellen Ethik. Leipzig 1881, KH.

35[35] Ср. *ПСДЗ Предисловие*, 38[3].

35[38] Ср. 38[5].

35[39] Ср. 34[145]; 34[191].

35[40] Ср. 34[145].

35[41] Ср. 34[145].

35[42] *все моря ... побед.* – Цитата из «Истории» Фукидида (II, 41, 4).

35[43] Ср. 34[221].

35[46] *Paete, non dolet!* – Плиний Младший («Письма», III, 16) приводит эти «бессмертные, внушенные свыше» слова Аррии, жены Авла Кекина Пэта, одного из участников заговора против императора Клавдия (42 г.). После раскрытия заговора возглавлявший его Скрибониан был казнен, и та же участь угрожала Пэту. Тогда Аррия стала для мужа «и утешением, и примером в смерти», первой пронзив себе грудь кинжалом.

35[48] Ср. 41[2].

35[49] Ср. 34[205]; 41[2].

in partibus infidelium. – Это выражение в средние века добавлялось к титулу епископа, назначаемого на должность в нехристианскую страну.

35[56] Ницше ссылается на книгу немецкого философа А. Шпира (1837–1890) «Мышление и действительность» (Denken und Wirklichkeit. 2 Bde. Leipzig 1877, KH).

35[61] См. прим. к 35[56].

35[68] Зачеркнут рукой Ницше.

35[71] Ср. 35[73].

35[72] Ср. 34[202].

35[73] Ср. 35[71]; 39[3]; 34[144.145].

35[74–75] Ср. 34[144.145]; 39[3].

35[76] Данный фрагмент записан Ницше 22 июля 1885 г. Ср. письмо Ницше к Генриху Кезелицу от 23 июля 1885 г.

35[77] Ср. 35[78].

35[78] Ср. 35[77]; 34[165]; 42[1].

35[80] Ср. 34[103]; 36[55].

35[84] Ср. 34[1]; 34[213]; 36[1].
К мистралю. – Ср. *ВН*-п.
Среди друзей. – Ср. заключительное стихотворение в *ЧСЧ* I.

36. Июнь–июль 1885

Тетрадь W I 4

36[1] Ср. 34[1]; 36[6]; 34[213]; 35[84].

36[6] Ср. 34[1]; 34[213]; 35[84]; 36[1].

36[8–9] Данные фрагменты рубрицированы Ницше в рамках переработки материала ЧСЧ летом 1885 г.

36[10] Летом 1883 г. Ницше вынашивал планы написания произведения под названием *Невинность становления.*

36[12–13] См. прим. к 36[8–9].

36[14] О Вагнере см. также 41[2].

36[15] *«deus sive natura».* – Формула, выражающая отождествление природы с божеством – одно из положений рационалистической философии Спинозы.

36[25] *post hoc ... propter hoc.* – Ницше имеет в виду логическое выражение «post hoc non propter hoc» («после этого,

но не вследствие этого»), означающее, что временная последовательность событий не является свидетельством их причинной зависимости.

36[32] *таинственнее Картезия.* – Картезий – латинизированное имя Рене Декарта.

Юм, Дэвид (1711–1776) – английский философ, один из главных представителей английского эмпиризма.

36[33] Ср. 36[38–53]; 36[55].

36[36] *в философии Веданты.* – Веданта – наиболее известная и влиятельная система др.-инд. религиозно-философской мысли, философская основа индуизма.

36[37] К переработке *ЧСЧ.*

36[43] *если верить Феогниду.* – Феогнид из Мегар – др.-греч. поэт-лирик 6 в. до н. э., представитель родовой аристократии. Под его именем сохранился сборник элегий, в основном наставительного характера.

36[45] Ср. 34[111].

36[49] *Галиани,* Фердинандо (1728–1787) – итальянский экономист и писатель, чья концепция экономического развития Франции того времени вызвала бурную негативную реакцию французских экономистов-физиократов. Отдавая должное блестящему стилю, тонкой и остроумной полемике в произведениях Галиани, Вольтер сравнивал его с Мольером.

36[55] Ср. 34[103]; 35[80]; 36[38–53]; 40[70].

37. Июнь–июль 1885

Тетрадь W I 4

37[1] Ницше о планируемой переработке *ЧСЧ.*

37[2] Ср. 26[467].

Мне ... nullus. – Здесь Ницше персонифицирует лат. слово satis («довольно»), имея при этом в виду приписываемое Гераклиту изречение, цитируемое Луцием Аннеем Сенекой в «Нравственных письмах к Луцилию» (Ad Lucilium epistulae morales, VII, 11): «И тот, кто на вопрос, зачем он с таким усердием занимается искусством, которое дойдет лишь до немногих, отвечал: “До-

вольно с меня и немногих, довольно с меня и одного, довольно с меня и ни одного", – сказал тоже очень хорошо...» (*пер. С.А. Ошерова*).

37[10] *Гёте.* – См. «Максимы и рефлексии», 340; ср. *ПСДЗ* 244.

37[13] *Что, например, может ... Тьер!* – О Мишле см. прим. к 25[25]. Тьер, Адольф (1797–1877) – французский государственный деятель, историк, автор «Истории Французской революции».

37[14] Ср. 34[68].

37[15] Ср. 41[2].
к lento? – Ленто (итал. букв. – «медленно») – темп в музыке, несколько более скорый, чем ларго.

37[16] *в нем ... «двух душ в одной груди».* – Ницше имеет в виду слова Фауста в одноименной трагедии Гёте (I, 1112):
«Ты верен весь одной струне
И не задет другим недугом,
Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом» (*Пер. Б. Пастернака*).

38. Июнь–июль 1885

Папки Mp XVI 1a; Mp XVI 2a; Mp XV 2b

38[1] *в ... темпе presto.* – Престо (*итал. букв.* – «быстро») – очень быстрый темп в музыке.

38[3] Ср. 35[35].

38[5] Ср. 35[38], 35[33].

38[6] Ср. 34[45] и прим.

38[7] Ср. *ПСДЗ* 11; 34[185]; 34[79]; 34[62]; 34[82].

38[8] Ср. *ПСДЗ* 19.

38[15] *одного ... голландца.* – См. письмо Фредерика Виллема ван Эдена-старшего к Ницше от 20 февраля 1885 г.

38[18] *эта точка зрения ... неверное применение.* – См. прим. к ПСС 10, 7[17].

38[19] Ср. *ГМ Предисловие* 3; ПСС 8, 28[7].

39. Август–сентябрь 1885

Записная книжка N VII 2a. Тетрадь Z I 2b

39[1] Первый план «Воли к власти»; ср. 40[2] и фрагменты 39[12–15].
39[3] Ср. 34[144.145]; 35[71–75]; 39[10]; 39[22].
(финал) ... на мосту Риальто. – Мост Риальто – знаменитый мост над венецианским Гранд-каналом.
39[10] Ср. 39[3] и прим.
39[12–13] См. прим. к 39[1].
39[13] *de omnibus dubitare.* – Имеется в виду «de omnibus dubitandum» («подвергать все сомнению»), принцип философии Декарта.
39[14–15] См. прим. к 39[1].
39[22] Ср. 39[10].

40. Август–сентябрь 1885

Тетрадь W I 7a

40[2] Ср. 39[1]; сюда также относятся фрагменты 40[3.50.61]; 43[1.2]; 44[1].
40[5] *высшие люди ... (слова Стендаля о нем).* – Ницше имеет в виду восторженный отзыв Стендаля о Наполеоне, с которого начинается его книга «Воспоминания о Наполеоне» (1836–37): «Я испытываю нечто вроде благоговения, начиная писать первую фразу истории Наполеона. Речь идет о самом великом человеке, которого мир знал после Цезаря».
40[10] *от Веданты до настоящего времени.* – См. прим. к 36[36].
40[12] *Тейхмюллер, с. 25.* – См. прим. к 26[416] и прим. к ПСС 10, 7[153].
terminus medius. – Термин силлогизма, который является общим для обеих посылок.
terminus major. – Термин силлогизма, обозначающий сказуемое заключения.
Шпир (I, с. 76). – См. прим. к 35[56].
40[20] *по примеру Картезия.* – См. прим. к 39[13].

40[24] О Тейхмюллере см. прим. к 40[12]; о Шпире см. прим. к 35[56].

40[25] *«Сомневаться ... Декарт!»* – См. прим. к 39[13].

40[30] О Тейхмюллере см. прим. к 40[12].

40[41] О Шпире см. прим. к 35[56]. О Дж. Ст. Милле см. прим. к 25[337].

40[45] Ср. 40[48].

40[48] Ср. 40[45].

40[53] *текучую протеевскую природу.* – Протей – в греческой мифологии морское божество, обладавшее способностью принимать облик различных существ.

40[59] Материал для переработки *ЧСЧ* летом 1885 г. Ср. ПСС 12, 4[9].

Тогда я ... «принцем Фогельфрай». – Нем. слово «vogelfrei» имеет значение «вне закона», «отверженный». У Ницше есть стихотворение с таким названием, помещенное в одноименный сборник.

Как прекрасно ... с другом. – Ср. заключительное стихотворение в *ЧСЧ* I.

40[63] Материалы к переработке *ЧСЧ* летом 1885.

40[64] Ср. 41[2].

40[65] Ср. 41[9].

с. 37 первого издания. – См. *ЧСЧ* 34 (ПСС 2, 49).

с. 31. – См. *ЧСЧ* 29 (ПСС 2, 44). Текст в кавычках представляет собой не цитату, а вольное изложение фрагмента.

с. 23. – См. *ЧСЧ* 20 (ПСС 2, 37).

40[66–68] Материалы к переработке *ЧСЧ* летом 1885.

40[70] Ср. 34[103]; 35[80]; 36[38–53]; 36[55]; 41[16].

41. Август–сентябрь 1885

Тетрадь W I 5

41[1] *«Exultabit ... lilium».* – Ис. 35:1.

41 [2] Ср. 40[64]; 37[15]; 36[14]; 35[48]; 35[49]; *ПСДЗ* 31.

«вагнефизированы». – Ницше употребляет изобретенное им слово-гибрид «wagnetisiert», образованное от «Wagner» и «magnetisiert» («магнетизированный»).

У настоящих «менад» поклонения Вагнеру. – Менады (букв. «безумствующие»), или вакханки, – в греческой мифологии постоянные спутницы Диониса, участвовавшие в оргиях в его честь. В состоянии исступления менады могли растерзать дикое животное и даже человека.

41[3] *и не о готском календаре.* – Ницше имеет в виду «Генеалогический справочник», издававшийся в г. Гота в издательстве Й. Пертеса.

41[6] *вспомним ... у Хафиза.* – Хафиз Шамседдин (ок. 1325–1389 или 1390) – персидский поэт, мастер жанра газели.

41[8] Ср. 41[15]. Ницше ссылается на *ДШ.*

41[9] Материалы к переработке *ЧСЧ* летом 1885 г. Ср. 40[65].

41[10] Вариант 41[9]. Ср. 40[65].

41[13] Ср. *ПСДЗ* 251.

41[15] Ср. 41[8] и прим.

41[16] Ср. 40[70].

42. Август–сентябрь 1885

Папка Mp XVII 2a

42[1] Ср. 34[165]; 35[78].

по выражению англосакса Алкуина. – Алкуин, или Флакк Альбин (ок. 735–804), англосаксонский богослов, философ и поэт, советник Карла Великого.

42[3–7] Материалы к переработке *ЧСЧ* летом 1885 г.

43. Осень 1885

Тетрадь Z I 2c

43[1] См. прим. к 40[2].

43[2] См. прим. к 40[2].

Бурже, Поль Шарль Жозеф (1852–1935) – французский писатель, автор романа «Ученик» (Le Disciple (1889)), в котором он отвергал гуманность разума, противопоставляя ему религиозную мораль.

44. Осень 1885

Папка Mp XVII 2b

44[1] См. прим. к 40[2].
44[5] *л<юди> из Пор-Руаяля ... садам.* – Пор-Руаяль – женский монастырь около Парижа, в 17 в. центр французской литературной жизни, философской мысли, янсенизма. С Пор-Руаялем были связаны Б. Паскаль, Ж. Расин, Р. Декарт.
44[6] *Франциск Сальский* (1567–1622) – французский теолог, автор «Трактата о Божественной любви» (1616), основатель ордена салезианок.
44[8] *панорамой.* – В оригинале – «Guckkasten». Речь идет о ящике, в который помещались цветные картинки. Специальная линза, через которую зритель смотрел внутрь ящика, создавала эффект объемного изображения. Данное устройство получило большое распространение и стало излюбленным аттракционом на европейских ярмарках со второй половины 18 в.
44[9] Данный фрагмент записан Ницше в феврале 1886 г.

45. Осень 1885

Тетрадь W I 6b

45[2] Ср. *ВН*-п; 45[4].
45[3] Ср. ПСС 12, 3[3].
45[4] Ср. ВН-п; 45[2].

Фридрих Ницше
Полное собрание сочинений
Том 11

Редактор
И.А. Эбаноидзе
Оформление и верстка
И.Э. Бернштейн
Корректор
А.Б. Клюева

Подписано в печать 20.02.2012.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура NewBaskervilleC. Печать офсетная.
Печ. л. 21,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 1177.

Издательство «Культурная Революция»
Адрес: Москва, ул. Новосущёвская, д. 19б
Телефон (499)973 1662, e-mail editor@kultrev.ru

При участии ООО «ЭМПРЕЗА»

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати – ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru; e-mail: order@gipp.kirov.ru